1917 1918

С. МАРКОВЪ

ПОКИНУТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

ЦАРСКОЕ-СЕЛО-ТОБОЛЬСКЪ-ЕКАТЕРИНБУРГЪ

ВѢНА
1928

ТИПОГРАФІЯ МЕХИТАРИСТОВЪ ВЪ ВѢНѢ, VII., MECHITHARISTENGASSE 4

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ II.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица
АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА.

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/pokinutaiatsarsk008800

С. МАРКОВЪ

ПОКИНУТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

1917—1918

ЦАРСКОЕ-СЕЛО – ТОБОЛЬСКЪ – ЕКАТЕРИНБУРГЪ

ВѢНА 1928

Als Manuskript gedruckt.
Die gesamten Rechte für alle Sprachen vorbehalten.
Copyright 1928 by Amalthea-Verlag, Vienna, Austria.
Фотографіи работы E. M. Andersen, Wiborg, Finnland (ehem. A. Rentz & Schrader, St. Petersburg) и M. Windischberger, Wien, XVIII., Währingerstraße 101.

Свѣтлой памяти незабвенного
Шефа родного полка,
Царицѣ-Страдалицѣ
Ея
„Маленькій" Маркавъ

Приношу свою глубочайшую, искреннюю и сердечную благодарность Аннѣ Александровнѣ Танѣевой (Вырубовой), давшей мнѣ возможность исполнить мой священный долгъ передъ Ихъ Величествами.

Никогда я не забуду широкой отзывчивости и вниманія баронессы Вѣры Германовны Кишъ, графа А. Ніари-Норманъ, маіора французской службы А. Эріо, графа И. Замойскаго и г-на З. Клауберъ, помогшимъ мнѣ въ предварительныхъ работахъ по подготовкѣ моего труда къ печати.

Свѣтлѣйшему князю Ярославу Тунъ-Гогенштейнъ и графу Эрнсту Тунъ, безъ широкой помощи которыхъ моему труду не суждено было бы увидѣть свѣтъ — отъ глубины души русское спасибо!

Авторъ.

Cap d'Ail.
1-го апрѣля н. с. 1928 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сегодня, наконецъ, я рѣшилъ разобраться въ своихъ тетрадяхъ, отдѣльныхъ листкахъ и запискахъ. Часть ихъ написана мною еще въ Россіи, часть заграницей. Изъ этихъ всѣхъ разрозненныхъ страницъ, листовъ, и обрывковъ я хочу составить одно цѣлое, могущее дать представленіе читателю о переживаніяхъ русскаго офицера, волею судьбы бывшаго свидѣтелемъ многихъ трагическихъ моментовъ въ исторіи его Родины за эти кошмарныя шесть лѣтъ.

Тяжела эта задача! Извѣстно, что воспоминанія вообще отличаются субъективностью и пристрастностью изложенія. Весьма вѣроятно, не избѣгну и я этихъ ошибокъ на задуманныхъ мною страницахъ изъ моей жизни. Я преслѣдую одну цѣль: — Исключительную правдивость въ изложеніи пережитаго и видѣннаго мною за эти безпредѣльно тяжелые года. По понятнымъ причинамъ мнѣ пришлось нѣкоторыя фамиліи измѣнить, другія обозначить начальными буквами, но это не повредитъ цѣльности моихъ воспоминаній. Въ дни безпримѣрнаго и гнуснѣйшаго произвола, царящаго надъ моей несчастной Родиной, подъ лозунгомъ „свободы, равенства и братства“, это необходимая и понятная предосторожность!

Съ сердечной болью обращая взоры къ пережитому, недавно минувшему, съ трепетнымъ благоговѣніемъ вспоминая о встрѣчахъ своихъ съ моимъ горячо любимымъ Шефомъ, **Ея Величествомъ Государыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной** и Ея Царственной Семьей, я приступаю къ своему труду.

Авторъ.

17-го февраля 1923-го года.

Полковая пѣснь

Крымскаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка, посвященная своему Державному Шефу и написанная въ походѣ прапорщикомъ В. Шене и вольноопредѣляющимся С. Марковымъ.

1914—1915
Декабрь—Январь.

Лихое племя Чингизъ-Хана,
Пришельцы дальней стороны,
Завѣтамъ чести и Корана
Мы до сихъ поръ еще вѣрны.

Мы помнимъ всѣ, не забывая,
Какъ нашихъ славныхъ куйдышей [1],
Великихъ правнуковъ Сарая,
На Русь привелъ Шагинъ-Гирей.

Въ союзѣ тѣсномъ наша сила;
И вотъ, какъ въ прежніе вѣка,
Насъ Валидэ [2] опять сроднила
Подъ стягомъ Крымскаго полка.

Когда при заревѣ разсвѣта,
Къ труду готовясь въ ранній часъ,
Зоветъ татаринъ Магомета,
Творя свой утренній Намазъ,

Онъ говоритъ въ молитвѣ жгучей:
— Гдѣ ни была бы Ты — вездѣ
Тебя хранитъ Пророкъ могучій,
Господь съ Тобою, Валидэ! —

Когда у насъ подъ небомъ Крыма,
Гдѣ горизонтъ зеркальныхъ водъ
Съ лазурной далью слитъ незримо,
„Штандартъ“ у мола пристаетъ,

---

[1] „Куйдышъ“ — по татарски — землякъ, товарищъ.

[2] „Валидэ“ — по татарски, мать народа. Такъ называли крымскіе татары Государыню.

Тогда на радость саклямъ знойнымъ
Навстрѣчу Ялтинской волнѣ
Татары грянутъ хоромъ стройнымъ
— Селямъ алейкумъ, Эйменэ!! [1] —

Когда дорóгой у откоса
Унылый слышенъ скрипъ можаръ,
Идущихъ въ зелени Фороса
Изъ Симеиза и Байдаръ.

И тамъ, гдѣ вѣютъ дружно вѣтры,
Гдѣ всюду выросъ дикій злакъ,
Уходитъ въ облако Ай-Петри
И рвется къ небу Чатыръ-Дагъ.

И, разбѣгаясь, ярко краски
Скользятъ отъ моря къ склонамъ горъ
И льется гдѣ-то, точно въ сказкѣ,
Крикливыхъ чаекъ разговоръ.

Когда на берегъ полусонный
Лѣниво смотритъ лунный взоръ
И свѣтитъ въ даль неугомонной
Своей лампадой Ай-Тодоръ.

И въ душной нѣгѣ аромата,
Гдѣ розы пышно разцвѣли,
При свѣтѣ розовомъ заката
Дюльберъ виднѣется вдали.

Когда уснетъ Алупка въ лѣни
Въ цвѣтахъ глициніи густой
И спитъ на мраморной ступени
У моря левъ сторожевой.

И не играютъ зыби даже
На морѣ Черномъ, безъ конца —
Тогда не дремлетъ только стража
У Ливадійскаго дворца!

Такъ время шло: и мирно рѣчи
Въ кругу веселыхъ куйдышей,
Не превѣщая близость сѣчи,
Лились у дружескихъ огней.

---

[1] „Селямъ алейкумъ, Эйменэ“ — здравствуй, Дорогая!

Хвалясь безъ удержу тогда-то,
Народъ, пытающій судьбу,
Стальными звуками набата
Россію вызвалъ на борьбу.

И въ путь далекій собираясь
Отъ жуткихъ высей Крымскихъ скалъ,
Мы говорили, разставаясь:
„Сулухненхалъ! Сулухненхалъ!“ [1]

Забиты двери въ минаретѣ
И онъ затихъ теперь одинъ,
За нашимъ строемъ изъ мечети
Ушли мулла и муэдзинъ.

Любимцы славы, удалые
На бой расходятся полки.
Впередъ! Наѣздники Батыя,
Издавна мѣткіе стрѣлки!

Впередъ! Нашъ полкъ за Русь Святую,
Впередъ! За Батюшку Царя,
Впередъ! За Валидэ родную,
Молитву Господу творя!!

Стучатъ лихихъ коней подковы,
Трубитъ атаку Ибрагимъ —
Мы до послѣдняго готовы
Костьми полечь... но побѣдимъ!!!

---

[1] „Сулухненхалъ“ — Прощайте!

ЧАСТЬ I[aa].

ГЛАВА I.

Озаглавивъ настоящія мои Записки „Покинутая Царская Семья", Царское Село-Тобольскъ-Екатеринбургъ 1917—1918 г., я хочу сказать предварительно нѣсколько словъ о своемъ прошломъ и подѣлиться съ читателями моими воспоминаніями о Царской Семьѣ до войны, вплоть до революціи.

Родился я, благодаря службѣ моего отца въ Крыму, въ Ялтѣ, съ которой ничто до той поры насъ не связывало, такъ какъ мой дѣдъ и отецъ были помѣщиками Тамбовской, Саратовской и Костромской губерній.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего рожденія мой отецъ былъ переведенъ на службу въ Одессу. Казалось, что роль Ялты въ моей жизни кончилась, но судьба рѣшила иначе. Наша южная жемчужина сыграла въ моей жизни едва ли не первенствующее значеніе, явившись не только мѣстомъ моего рожденія, но и мѣстомъ, гдѣ мнѣ было дано великое счастіе ближе узнать, полюбить и оцѣнить моего Державнаго Повелителя, моего будущаго Царственнаго Шефа и всю Ихъ Августѣйшую Семью.

Дѣдъ мой, дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Владиміровичъ Марковъ, окончившій въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, вышедшій на службу въ л.-гв. Измайловскій полкъ, участвовалъ въ Венгерской и Севастопольской кампаніяхъ, закончилъ военную службу адъютантомъ командира Гвардейскаго Корпуса. Перейдя на службу по гражданскому вѣдомству, онъ былъ впослѣдствіи главнымъ помощникомъ графа С. Ю. Витте въ его извѣстной реформѣ казенной продажи питей въ Россіи. Вѣрно и преданно прослуживъ четыремъ Императорамъ, сдѣлавъ блестящую гражданскую карьеру, исключительно благодаря своимъ выдающимся способностямъ, онъ умеръ Членомъ Государственнаго Совѣта въ 1907 году, 80-ти лѣтъ отъ роду, всего на годъ съ небольшимъ пережив вѣрную спутницу своей жизни, мою бабушку, дочь Министра Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго въ царствованіи Императоровъ Николая I и Александра II.

Отецъ мой воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ и, послѣ отбыванія воинской повинности, служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, а потомъ

перешелъ на службу по Министерству Финансовъ, а въ началѣ мировой войны былъ назначенъ въ распоряженіе Главнаго Начальника Одесскаго Военнаго Округа и Одесскаго Генералъ-Губернатора, генерала отъ инфантеріи Эбѣлова.

Дѣтство мое не долго протекало въ нормальныхъ условіяхъ. Русско-японская война и послѣдовавшая за ней революція дали сильный толчекъ моему умственному развитію, а послѣдовавшія въ моей семьѣ измѣненія, нарушившія старый семейный укладъ, способствовали тому, что я уже къ 10 годамъ мыслилъ совсѣмъ не по дѣтски, почему и не имѣлъ друзей однолѣтокъ, предпочиталъ чтеніе книгъ и одиночество общенію съ ними, что также имѣло свои результаты, сдѣлавъ меня очень рано совершенно самостоятельнымъ, выработавъ во мнѣ извѣстные принципы и взгляды, которые и сдѣлались для меня основой на всю мою жизнь. Начало революціи 1905-го года мнѣ пришлось пережить въ Одессѣ, гдѣ въ то время служилъ мой отецъ. Мы жили въ одномъ домѣ съ командиромъ 16-го Стрѣлковаго Его Величества, въ то время, Императора Александра III полка, полковникомъ Иваномъ Антоновичемъ Думбадзе, будущей всероссійской знаменитости, о которомъ ходило и ходитъ столько легендъ и совершенно неправдоподобныхъ исторій и на личности котораго мнѣ придется еще остановиться.

Въ это время произошло знакомство нашихъ семей, сыгравшее впослѣдствіи значительную роль въ моей жизни. Во время русско-японской войны вся 4-ая Стрѣлковая, т. н. „Желѣзная“ бригада, въ составъ которой входилъ и 16-тый Стр. полкъ, была отправлена на фронтъ. Въ Одессу для ея проводовъ пріѣзжалъ Государь, котораго я видѣлъ тогда впервые. — Понятно, что мнѣ трудно теперь вспомнить и описать эти свои первыя впечатлѣнія о Государѣ. Помню я только, какое необычайное оживленіе царило у насъ въ квартирѣ, и какъ мой отецъ показывалъ мнѣ кусочекъ шелковаго носоваго платка Государя, который Онъ разорвалъ и далъ на память офицерамъ. Кусочекъ этотъ, полученный имъ отъ И. А. Думбадзе, отецъ бережно, какъ реликвію, спряталъ и хранилъ у себя. Я помню, что и я былъ проникнутъ отцовской радостью и всегда съ глубокимъ благоговѣніемъ осматривалъ этотъ обрывокъ шелка. Вѣдь это былъ кусокъ платка Государя!... А это такъ много говорило моему сердцу!

Въ понятіяхъ истиннаго, не ханжескаго православія, искренней любви къ своей Родинѣ и обожаніи своего Царя воспитывался я. Меня никто не насиловалъ ходить въ церковь въ положенные дни и, поэтому, я сознательно лю-

билъ всю красоту и величіе нашей церковной службы и съ глубокимъ вниманіемъ прислушивался къ прелести церковныхъ напѣвовъ.

Съ большимъ нетерпѣніемъ я ждалъ своей первой исповѣди и, когда дожилъ до этого дня и отходилъ отъ аналоя въ маленькой домашней церкви Митавскаго замка, таинственно полуосвѣщенной колеблющимся свѣтомъ немногихъ свѣчъ, я почувствовалъ, что нынѣ я вступаю въ новую жизнь и за каждый свой поступокъ и шагъ отнынѣ отвѣтственъ передъ Богомъ! Теперь эта церковь, какъ и все въ Россіи, подверглась кощунственному осквернѣнію со стороны большевиковъ, которые, занявъ Митаву послѣ Германской окупаціи Курляндіи, вынули изъ склепа покоившійся тамъ прахъ Герцога Бирона, его жены и другихъ Курляндскихъ Герцоговъ, надругавшись надъ ихъ останками. Тѣло набальзамированнаго Герцога Бирона, прекрасно сохранившееся, они привязали за ноги къ автомобилю и въ такомъ видѣ волочили его по улицамъ Митавы, пока оно не разсыпалось въ прахъ...

Россію, какъ таковую, ея бытъ и исторію научился я любить и понимать по множеству книгъ, которыми меня задаривали мои близкіе. Чтить и любить своего Царя и Его Семью учился я по всему укладу жизни моей семьи, въ которой объ Ихъ Имени упоминалось всегда съ благоговѣніемъ. Учился также и по мночисленнымъ портретамъ своихъ предковъ, жизнью которыхъ я всегда интересовался и изъ которыхъ многіе отдали свою жизнь за священный завѣтъ: За Вѣру, Царя и Отечество! И часто, часто, когда я спрашивалъ свою бабушку о томъ или другомъ портретѣ, или старинной фото-гравюрѣ, я слышалъ отвѣтъ:

— Ему голову оторвало ядромъ при взятіи Карса, когда онъ шелъ во главѣ своей штурмовой колонны!

— Убитъ въ Отечественную Войну!

— Другіе до конца своихъ дней вѣрно служили своимъ Государямъ.

— Вотъ этотъ былъ гофмаршаломъ Императора Павла и сопровождалъ Его, когда тотъ былъ еще Наслѣдникомъ, заграницу. У насъ сохранилось до 15 писемъ, написанныхъ имъ изъ Италіи и имѣющихъ историческій интересъ.

— А этотъ служилъ матушкѣ Екатеринѣ!

Слушалъ я, внимая каждому слову моей хорошей, старой бабушки...

И былъ я глубоко счастливъ узнать, когда немного выросъ и ближе ознакомился съ подробностями царствованія Императора Павла I, что мои предки не участвовали въ кошмарномъ убійствѣ Его...

ГЛАВА II.

Послѣ ухода И. А. Думбадзе со своимъ полкомъ на войну, вся его семья осталась на попеченіи моихъ родителей, такъ какъ жена его была тяжко больна. И. А. Думбадзе, до брака съ моей матерью, былъ женатъ два раза, первымъ бракомъ на свѣтлѣйшей княжнѣ Гуріели, прямомъ потомкѣ владѣтельныхъ Князей Гуріи. Отъ этого брака у него было два сына и двѣ дочери. Одна изъ дочерей, Ольга, вышла, впослѣдствіи, замужъ за грузинскаго помѣщика, князя Магалова, съ которымъ вскорѣ развелась, и вторично вышла замужъ за внука А. С. Суворина, издателя газеты „Новое Время", Б. А. Коломнина. Вторая, Нина, во время міровой, войны вышла замужъ за поручика л.-гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка, Константина Николаевича Кологривова, одного, къ сожалѣнію, изъ немногихъ офицеровъ русской арміи, не бросившаго въ первые дни революціи 1917 года Семьи Своего Государя въ Царскомъ Селѣ и исполнившаго свой долгъ до конца.

Старшій сынъ, Александръ, служилъ въ моемъ полку и трагически погибъ въ январѣ 1918 года въ Севастополѣ въ неравномъ бою противъ бунтовавшихъ матросовъ Черноморскаго флота, коими онъ былъ взятъ въ плѣнъ и живьемъ брошенъ въ топку крейсера „Алмазъ", гдѣ и сгорѣлъ въ страшныхъ мученіяхъ. Младшій сынъ, Антонъ, еще до войны бросилъ службу въ артиллеріи и сдѣлался военнымъ летчикомъ.

Рано овдовѣвъ, И. А. Думбадзе вторично женился на дочери героя покоренія Кавказа генерала Петрова, Софіи Викторовнѣ. Эта милая, скромная женщина, любящая жена и мать, подаривъ своему мужу трехъ сыновей, скончалась на рукахъ моихъ родителей вскорѣ послѣ отъѣзда мужа на войну. Мой отецъ принялъ живѣйшее участіе въ перевозѣ осиротѣлой семьи къ брату И. А. Думбадзе, Николаю Антоновичу, командовавшему въ Севастополѣ Брестскимъ полкомъ.

Въ это время въ Одессѣ уже происходили безпорядки, кончившіеся еврейскими погромами, когда нѣкоторые евреи ради своего спасенія выставляли въ окнахъ своихъ домовъ и квартиръ православныя иконы, дабы такимъ путемъ избѣжать кровавой расправы. Закончилось все обстрѣломъ Одессы съ взбунтовавшагося броненосца „Князь Потемкинъ-Таврическій".

Мой отецъ, гдѣ только можно и какъ только могъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркивалъ свое возмущеніе и свое непримиримое отношеніе къ начавшимся революціоннымъ выступленіямъ и, поэтому, получалъ къ ужасу

моей матери массу угрожающихъ писемъ, въ которыхъ анонимные авторы обѣщали „его уничтожить вмѣстѣ со всѣмъ его отродьемъ".

Отчетливо врѣзался мнѣ въ память слѣдующій случай. Какъ то разъ, послѣ обѣда, мои родители взяли меня гулять, и мы спокойно шли по Дерибассовской улицѣ. Въ это время со стороны Екатерининской улицы показалась довольно большая манифестація съ красными флагами. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту картину, такъ какъ въ своей короткой жизни и видѣлъ только одну манифестацію при началѣ русско-японской войны, но та несла національные флаги и портреты Государя и Государыни.

Здѣсь было что то иное...

Вскорѣ толпа поровнялась съ нами. Прохожіе почему то снимали шапки и шляпы. Въ этотъ моментъ къ намъ почти вплотную подбѣжалъ какой-то студентъ и крикнулъ моему отцу:

— Товарищъ, шляпу долой! —

Тутъ я помню только, что мой отецъ въ отвѣтъ взмахнулъ палкой, чтобы ударить студента, но тотъ бросился въ сторону, а я былъ подхваченъ матерью. Черезъ минуту мы съ ней оказались на боковой улицѣ, гдѣ насъ догналъ отецъ, котораго боялись тронуть; все для него обошлось благополучно, но моя мать отъ испуга едва не потеряла сознанія. Тогда, впервые, я услышалъ это слово „товарищъ", врѣзашееся въ моемъ дѣтскомъ мозгу каленымъ желѣзомъ, и увидѣлъ красныя тряпки надъ толпой.

Я не могъ безъ омерзенія вспомнить объ этой встрѣчѣ и прекрасно понялъ чувства моего отца, когда онъ замахнулся палкой на субъекта, приглашавшаго его обнажить голову передъ эмблемой революціи!

Черезъ 12 лѣтъ мнѣ пришлось вновь увидѣтъ подобную картину на Невскомъ въ Петербургѣ, но, къ сожалѣнію, она была не концомъ, а началомъ „великой, безкровной революціи".

Послѣ обстрѣла Одессы мой отецъ былъ вызванъ въ Министерство и мы переѣхали въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда умерла моя бабушка, и ея смерть была для меня первымъ сознательнымъ горемъ. Переживанія въ Одессѣ невольно заставили меня прислушиваться къ разговорамъ взрослыхъ и, мало по малу, невольно я сталъ отдавать себѣ отчетъ въ происходящихъ событіяхъ.

Въ Петербургѣ мой отецъ получилъ назначеніе въ Митаву, куда мы и переѣхали, и тутъ нашу семью постигло новое несчастіе — моя мать заболѣла началомъ туберкулеза. Моему отцу пришлось перевезти ее на югъ въ Ялту, ко-

торая такимъ образомъ снова вошла въ мой жизненный путь. Ввиду отъѣзда матери мой отецъ пригласилъ для меня воспитательницей нѣкую Евгенію Карловну Х, дочь чиновника, обрусѣлаго нѣмца, и представительницы старой дворянской семьи, немолодую, незамужнюю особу, прекрасно образованную. Она привязалась и полюбила меня, какъ только можетъ мать любить своего сына, и, дѣйствительно, послѣ выхода замужъ моей матери за И. А. Думбадзе, она мнѣ ее вполнѣ замѣнила. Такимъ образомъ я имѣлъ счастіе имѣть сразу двухъ матерей, потому что послѣ развода и замужества моей матери, въ смыслѣ моей близости къ ней, почти ничто не измѣнилось. Ей же я обязанъ той святой любовью къ Царской Семьѣ, которую она мнѣ привила, будучи сама вѣрной и осмысленной подданной своего Государя. Учился я у нея долгое время дома, лишь сдавая ежегодно экзамены экстерномъ. Много лѣтъ прожила Евгенія Карловна въ нашемъ домѣ, и память о ней никогда не изгладится изъ моего сердца. Уже въ эмиграціи, послѣ многихъ лѣтъ скитаній, я случайно узналъ, что ей удалось бѣжать своевременно отъ большевиковъ и поселиться въ Финляндіи.

Прибалтійскій край, когда мы туда пріѣхали, былъ далеко не усмиренъ. Онъ весь клокоталъ и волновался. То и дѣло слышалъ я о разгромахъ имѣній, о кровавыхъ расправахъ населенія съ попадавшими въ ихъ руки чинами полиціи и солдатами. Изъ оконъ занимаемаго нами дома я видѣлъ революціонеровъ, которыхъ вели на разстрѣлъ, и долженъ признаться, что, зная всѣ ужасы, которые они творили, какъ жгли живьемъ попадавшихъ въ ихъ руки, какъ выкалывали глаза, отрывали языки и, вообще, всячески издѣвались надъ своими жертвами, ни малѣйшей жалости я къ нимъ не чувствовалъ.

Особенно вспоминается мнѣ разговоръ моего отца съ однимъ своимъ либеральнымъ знакомымъ, присходившій въ его кабинетѣ. Я, видимо, вошелъ къ концу разговора и услышалъ слѣдующее:

— Вы говорите, Владиміръ Сергѣевичъ, вы отстали отъ жизни. Вотъ увидите, что вашъ сынъ, когда выростетъ, будетъ думать совсѣмъ иначе!

— Вы полагаете? А я увѣренъ, что нѣтъ, а если это, паче чаянія, и случится, такъ въ тотъ день, когда я объ этомъ узнаю, не смотря на всю мою любовь къ сыну, я повѣшу его собственными руками. Понялъ-ли ты, Сережа? Обращаясь ко мнѣ, онъ тутъ же мнѣ разъяснилъ вкратцѣ, что вопросъ идетъ о преданности Царю.

Я прекрасно понялъ, что сказалъ мнѣ отецъ. Я часто вспоминаю этотъ разговоръ и вспоминаю суровость обычно столь безконечно добраго выраженія лица моего отца и его

голосъ. Моему отцу не пришлось и никогда не придется бояться за меня.

Лѣтомъ въ 1906-омъ году я поѣхалъ съ отцомъ и воспитательницей въ Ялту навѣстить свою мать, которая, къ счастію, окрѣпла и поправилась. По пріѣздѣ въ Ялту она поселилась въ гостинницѣ, но тамъ прожила не долго, такъ какъ въ Ялту пріѣхалъ съ семьей И. А. Думбадзе съ I-ымъ батальономъ 16-го стр. полка, только что вернувшійся изъ Манджуріи и получившій назначеніе въ Ялту главноначальствующимъ ея и ея уѣзда для подавленія въ Ялтѣ безпорядковъ.

Узнавъ, что моя мать въ Ялтѣ, Думбадзе, со свойственнымъ всѣмъ кавказцамъ гостепріимствомъ, переселилъ мою мать къ себѣ на квартиру въ Ливадію и окружилъ ее всяческимъ вниманіемъ, уходомъ и своими заботами о ней, желая отблагодарить ее за все, что она сдѣлала для его семьи.

Въ это время маленькій курортный городокъ Ялта сдѣлался центромъ революціонной пропаганды для юга Россіи. Она была переполнена (больные не могли найти себѣ мѣста) революціонной молодежью и всякимъ подозрительнымъ сбродомъ, свившемъ себѣ прочное гнѣздо въ этомъ чудномъ уголкѣ, любимѣйшей лѣтней резиденціи Государя. Дѣйствительно, вкусъ у этой публики былъ не дурнымъ, и она занималась пріятными прогулками въ горы, гдѣ предавалась откровеннѣйшему разврату, а, возвращаясь въ городъ, занималась изготовленіемъ бомбъ для проэктированныхъ покушеній и безконечнымъ митингованіемъ на улицахъ города. Мѣстное населеніе было совершенно терроризовано, а немногіе больные, вмѣсто предполагаемаго отдыха, нашли въ Ялтѣ огнедышащій вулканъ.

Порядокъ въ городѣ пытался поддерживать корнетъ Крымскаго Коннаго дивизіона М., который совершенно безкровно нагайками разгонялъ демонстрантовъ, а когда послѣдніе изобрѣли способъ митинговать въ морѣ на рыбачьихъ лодкахъ, гдѣ они думали быть внѣ досягаемости рѣшительнаго корнета, онъ придумалъ другой способъ доставленія имъ непріятностей.

Въ то время, когда г. г. революціонеры садились на лодки, онъ подъѣзжалъ къ толпѣ и командовалъ взводу:

— Винтовки!

Затѣмъ приказывалъ трубачу играть аппель, являющійся однимъ изъ самихъ высокихъ кавалерійскихъ сигналовъ. Революціонные герои при этомъ сигналѣ бросались въ воду, ища въ ней спасенія, оттуда ихъ за кудри вытягивали ихъ товарищи, сидѣвшіе въ лодкахъ.

На одной изъ манефестацій дѣло обошлось не безъ

курьеза. Въ Ялту пріѣхала какая то знаменитость, еврейка изъ Одессы, и послѣ митинга въ городскомъ саду ея почитатели посадили на стулъ и въ упоеніи стали таскать по городу, горланя революціонныя пѣсни. Послѣ нѣсколькихъ часовъ гулянія „предметъ не выдержалъ" и съ нимъ случилось весьма понятное несчастіе . . .

Въ такомъ положеніи засталъ Ялту И. А. Думбадзе. Его мѣропріятіями Ялта обязана тому, что черезъ три мѣсяца безъ пролитія единой капли крови жизнь въ ней наладилась, появились пріѣзжіе и покой болѣе не нарушался. Достигъ такихъ успѣховъ И. А. Думбадзе весьма просто. Посмотрѣвъ въ корень вещей, онъ сразу убѣдился, что зло кроется въ революціонной еврейской молодежи, потянувшей за собой космополитическую русскую интелигенцію. Въ теченіи мѣсяца примѣненіемъ простыхъ административныхъ мѣръ все пришлое еврейское населеніе Ялты было выселено за предѣлы Главноначальствованія безъ права на обратный пріѣздъ. Кромѣ того, Ялта была объявлена за чертой осѣдлости. Русскіе единомышленники евреевъ были подвергнуты той же участи. Я думаю, что, взглянувъ на то, что теперь дѣлается въ Россіи и кѣмъ она подъ видомъ управленія разоряется, соотечественники высланныхъ своевременно ялтинскихъ товарищей простятъ моему покойному отчиму его прегрѣшенія передъ ними и отдадутъ ему должное за его прозорливость.

Кромѣ высылки, для успокоенія города И. А. примѣнялъ совсѣмъ невинную мѣру. Каждый день по улицамъ города, твердо отбивая ногу и заливаясь пѣснями, въ снѣжнобѣлыхъ рубахахъ, молодцевато, проходила рота стрѣлковъ съ пулеметной командой, и, кому нужно было, тотъ могъ убѣдиться, что есть еще бравые и вѣрные солдаты у Русскаго Царя. Вотъ и весь несложный способъ умиротворенія Ялты. А сколько въ свое время грязи, клеветы и глупости вылила на этого человѣка наша лѣвая пресса, подголосокъ еврействующей русской интелигенціи! Гдѣ эти моря крови и океаны слезъ? Кто жилъ въ то время въ Ялтѣ, можетъ полностью подтвердить мною написанное и удостовѣрить, что „кровожадный звѣрь" Думбадзе, если что и сдѣлалъ, то только далъ десяткамъ тысячъ больныхъ возможность лечиться. Если же среди этихъ десятковъ тысячъ больныхъ не было евреевъ, то пускай они за это поблагодарятъ не въ мѣру ретивыхъ сородичей.

По пріѣздѣ нашемъ въ Ялту, мы всѣ поселились на старой дачѣ, находившейся недалеко отъ дворца Эмира Бухарскаго. Въ январѣ 1907-го года моя мать ѣздила навѣстить отца въ Митаву, куда тотъ вернулся, оставивъ меня и мою воспитательницу въ Ялтѣ. Въ это время старшій сынъ

Ялта.

Ялта.

Парадъ въ Ливадіи въ 1913 году. Государь Императоръ обходитъ фронтъ Сводnаго Полка. Впереди Свиты, справа налѣво: Св. Е. В. генералъ-маіоръ Думбадзе, Флагъ-Капитанъ Ниловъ, Св. Е. В. генералъ-маіоръ Княжевичъ и Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

И. А. отъ второго брака, Гриша, бывшій годомъ старше меня, занимался вмѣстѣ со мной у моей воспитательницы. Онъ каждый день пріѣзжалъ къ намъ въ экипажѣ изъ Ливадіи. Иногда отецъ его заѣзжалъ за нимъ, возвращаясь изъ своего Управленія. Въ одинъ январьскій солнечный теплый день И. А. со своимъ адъютантомъ шт.-кап. Сапсай заѣхалъ за сыномъ и очень удивился, узнавъ, что тотъ уже уѣхалъ, не дождавшись отца.

Посидѣвъ немного у насъ, И. А. попрощался и уѣхалъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ мы услышали страшный взрывъ. Я въ первый моментъ не сообразилъ, въ чемъ дѣло, но услышалъ голосъ моей воспитательницы:

— Въ И. А. бросили бомбу!

Она съ этими словами выбѣжала изъ дачи. Я бросился за нею. Со всѣхъ дачъ бѣжали люди къ мѣсту взрыва. Добѣжавъ до угла нашей улицы и Николаевскаго шоссе, я увидѣлъ картину, которая никогда не изгладится изъ моей памяти: И. А. стоялъ блѣдный, какъ полотно, въ разорванномъ пальто и фуражкѣ и отдавалъ какія то распоряженія двумъ солдатамъ ординарцамъ, которые въ числѣ 7-ми человѣкъ всегда сопровождали верхомъ его экипажъ, по оказанію помощи несчастному кучеру, лежавшему въ лужѣ крови среди осколковъ стекла, разбитыхъ фонарей и обломковъ экипажа. Стоны раненаго разносились далеко кругомъ. По лицу И. А. струйками текла кровь, и оно было сильно обожжено.

Въ моментъ, когда мы подбѣжали къ углу, на дачѣ раздался выстрѣлъ, и я увидѣлъ въ раскрытую парадную дверь ея, какъ одинъ изъ ординарцевъ за ноги тащилъ бившегося головой по лѣстницѣ какого то штатскаго субъекта. Какъ сейчасъ, помню грозный окрикъ И. А.:

— Что ты дѣлаешь, такой-сякой, на руки взять его!

Это былъ бомбометатель, котораго убилъ изъ револьвера ординарецъ, когда тотъ пытался убѣжать изъ дачи.

Моя воспитательница бросилась къ И. А., чтобы помочь ему, но онъ просилъ оставить его и только увести меня на нашу дачу. Дальнѣйшаго я не видѣлъ, но вотъ что произошло: Рота, стоявшая въ Ливадіи, узнавъ о покушеніи на обожаемаго ими, какъ родного отца, командира, не ожидая приказанія, разобрала винтовки, а солдаты, находившіеся случайно внѣ казармы, захватили кто что (кто лопаты, вилы топоры, ломы и пр.) бѣгомъ, безъ офицеровъ, помчались къ мѣсту происшествія. Офицеры съ трудомъ догнали ихъ.

Когда совершенно озвѣрѣлая солдатская масса добѣжала до своего командира и увидѣла его стоящимъ окро-

вавленнымъ посреди улицы, она хотѣла въ изступленіи разгромить весь районъ.

И. А. ничего другого не оставалось дѣлать, такъ какъ удержать солдатъ онъ не видѣлъ возможности, какъ распорядиться очистить дачу отъ жителей и разрѣшить солдатамъ сжечь домъ, что и было исполнено. Вотъ объясненіе этого приказа Думбадзе, который истолковывался вкривь и вкось, какъ проявленіе варварства.

Полуразбитый экипажъ съ оставшимся сидѣть въ немъ тогда тяжело раненымъ капитаномъ Сапсай лошади понесли, и онъ былъ задержанъ лишь въ воротахъ Ливадіи.

Результатомъ этого покушенія была почти полная глухота И. А. на оба уха, тяжелая контузія всего тѣла и многочисленныя раненія. Глухота со временемъ почти исчезла, а контузія вызвала тяжелую сердечную болѣзнь, отъ которой И. А. и скончался 1-го октября 1916 года. Штабсъ капитанъ Сапсай почти совсѣмъ оправился, а кучеръ отдѣлался потерей праваго глаза. Ординарцы были легко ранены.

Мой сводный братъ, Гриша, чудомъ спасся отъ вѣрной смерти, такъ какъ бомба попала прямо въ банкетку экипажа, его обычное мѣсто.

Этотъ случай далъ мнѣ ясное представленіе о томъ, какими способами пользуются тѣ, которые позволяютъ себѣ называться борцами за свободу. Въ этотъ день мои политическіе взгляды вполнѣ установились.

Весною 1908 мать моя вышла замужъ за Думбадзе. Я въ это время жилъ у отца въ Одессѣ, куда послѣдній былъ снова переведенъ. Какъ я уже писалъ, новый бракъ моей матери совсѣмъ не отразился на мнѣ. У отца я жилъ зимою, а лѣто проводилъ въ Ливадіи у матери, и, вопреки условностямъ, мой отецъ, моя мать и Думбадзе, несмотря на разводъ, остались въ прекрасныхъ отношеніяхъ. Мой отецъ часто гостилъ въ домѣ Думбадзе, а мать съ мужемъ во время пріѣздовъ въ Одессу постоянно бывали у отца.

Не безынтересенъ одинъ эпизодъ, происшедшій съ моимъ отчимомъ лѣтомъ 1907 года, когда онъ по совѣту врачей поѣхалъ для леченія въ Киссингенъ. Отправился онъ туда со своимъ вѣстовымъ подъ фамиліей полковника Иванова, дабы быть въ безопасности отъ посягательствъ со стороны русскихъ революціонеровъ, проживавшихъ заграницей, а также, чтобы не быть предметомъ „смотринъ“ для русской колоніи Киссингена. Поселился онъ тамъ въ одномъ изъ хорошихъ отелей. Киссингенъ издавна славился обиліемъ пріѣзжавшихъ туда богатыхъ русскихъ евреевъ.

„Полковникъ Ивановъ" оказался очень симпатичнымъ человѣкомъ, большимъ весельчакомъ и пріятнымъ собесѣдникомъ и еврейское населеніе Киссингена принимало его съ распростертыми объятіями. Чего только полковникъ Ивановъ не наслушался о звѣрствахъ Думбадзе и о кровавомъ Думбадзе и. т. д....

Полковникъ Ивановъ въ отвѣтъ говорилъ имъ, что онъ знаетъ Ялту немного и даже знакомъ съ этимъ „ужаснымъ негодяемъ" Думбадзе, и, по правдѣ, о его звѣрствахъ не слыхалъ ничего. Что Думбадзе евреевъ высылалъ, это вѣрно, но за дѣло. Но знакомые полковника Иванова увѣряли его, что онъ не правъ и что, еслибы онъ былъ на мѣстѣ „кошмарнаго Думбадзе", то они увѣрены, ничего подобнаго въ Ялтѣ не творилось бы. Такъ прожилъ полковникъ Ивановъ въ Киссингенѣ мѣсяца два, пріобрѣтя много добрыхъ пріятелей евреевъ. Когда онъ уѣзжалъ, то милаго, хорошаго полковника на вокзалѣ собрались провожать почти всѣ его знакомые, даже съ цвѣтами и конфектами на дорогу. Произошло трогательное прощаніе.

Поѣздъ медленно тронулся. Толпа знакомыхъ шла рядомъ съ вагономъ и обмѣнивалась послѣдними привѣтствіями съ новымъ другомъ, стоявшимъ у открытаго окна. Въ этотъ моментъ случилось нѣчто, совсѣмъ неожиданное. Полковникъ что то бросилъ въ толпу. Бѣлыя бумажки разсыпались по перрону. Они оказались визитными карточками и на нихъ значилось:

— Иванъ Антоновичъ Думбадзе. Генералъ-маіоръ. Главноначальствующій города Ялты и ея уѣзда. — Когда И. А. разсказывалъ намъ объ этомъ забавномъ случаѣ, онъ говорилъ, что впечатлѣніе, полученное отъ этой его шутки напоминало конецъ „Ревизора".

Это была нѣмая сцена, но не на сценѣ, а въ жизни...

Знакомые полковника Иванова по Киссингену, впослѣдствіи, писали генералу Думбадзе прошенія, хлопоча о въѣздѣ въ Ялту для кого либо изъ своихъ родственниковъ или знакомыхъ, и бумаги подписывали такъ: извѣстный Вамъ по Киссингену и. т. д.

ГЛАВА III.

Когда я съ воспитательницей въ апрѣлѣ 1909 года пріѣхалъ на лѣто къ матери въ Ялту, я нашелъ Думбадзе въ радостномъ, приподнятомъ настроеніи.

Было получено извѣстіе, что этимъ лѣтомъ Ихъ Величества съ Семьей послѣ семилѣтняго отсутствія намѣ-

рены поселиться на лѣто въ Ливадіи, гдѣ шла большая подготовка къ пріему Высокихъ гостей.

Яркое лѣтнее солнце купало лучи свои въ синемъ, казалось, уснувшемъ морѣ. Только изрѣдка легкій бризъ шевелилъ зеркальную гладь бирюзовыхъ волнъ. Быстрыя волны, набѣгая одна на другую, съ тихимъ шумомъ разбивались о набережную.

Тихо покачиваясь, стояли на рейдѣ изящные свѣтло-зеленые миноносцы, разцвѣченные флагами. Бѣлыя фигурки матросовъ бѣгали по палубѣ, лихорадочно натирая до умопомрачительнаго блеска послѣднія мѣдныя части.

Набережная и весь прибрежный районъ были запружены безконечной толпой народа. Бѣлые туалеты дамъ смѣшивались со скромными нарядами мѣстныхъ обывательницъ, элегантные штатскіе терялись въ толпѣ татаръ въ ихъ золотомъ расшитыхъ національныхъ костюмахъ. Всеобщее вниманіе привлекали татарки, закрытыя вуалями, въ маленькихъ шапочкахъ, красныя фески турокъ яркими пятнами алѣли на фонѣ пестрой толпы, которая шумѣла и волновалась.

По набережной то и дѣло проносились автомобили и вереницами ѣхали безчисленные ландо, фаэтоны и экипажи. На молу зеленой полоской виднѣлись войска. Золотые орлы на Царской бесѣдкѣ ярко блестѣли подъ лучами южнаго солнца.

— Идетъ! Идетъ! пронеслось въ толпѣ.

И глаза всѣхъ устремились въ безбрежную голубую даль. На высотѣ Ай-Тодорскаго маяка появился дымъ, и въ морѣ можно было различить Императорскую яхту „Штандартъ“ и за ней въ кильватерной колоннѣ два крейсера.

Толпа замерла. Сотни биноклей были направлены навстрѣчу тихо идущей эскадрѣ.

Я со своей воспитательницей стоялъ возлѣ самой бесѣдки на молу. Мое сердце учащенно билось отъ радости и волненія.

— Сейчасъ, сейчасъ я увижу Государя, Государыню и всѣхъ, всѣхъ!

Это было для меня несказанной радостью. Въ бесѣдкѣ произошло движеніе. Всѣ становились по мѣстамъ. Нарядная группа дамъ слѣва, а представители власти, города, губерніи и различныхъ учрежденій справа.

На лицахъ всѣхъ замѣтно было волненіе. Я смотрѣлъ на свою мать. Она стояла съ букетомъ дивныхъ чайныхъ розъ среди собравшихся дамъ. Легкій румянецъ залилъ ея щеки. Она была совершенно спокойна, но въ ея чудныхъ глазахъ проскальзывало внутреннее невольное волненіе.

И. А. Думбадзе въ походной парадной формѣ отдавалъ послѣднія распоряженія.

Напряженно смотрю на этого коренастаго старика съ пронзительными карими глазами, орлинымъ взглядомъ оглядывавшего роту почетнаго караула, съ иголочки одѣтой, въ струнку подтянутой и по ниткѣ выровненной.

Красавецъ „Штандартъ" медленно подходилъ къ молу. Все затихло въ напряженномъ ожиданіи. Съ молніеносной быстротой былъ спущенъ покрытый красной дорожкой трапъ.

Начальствующія лица поднялись на верхъ съ рапортами.

Но вотъ, вотъ...

Государь въ бѣломъ морскомъ кителѣ, за нимъ Государыня въ бѣломъ платьѣ, Наслѣдникъ въ матросскомъ костюмѣ и Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія медленно сходятъ съ трапа. За Ними слѣдуютъ лица свиты.

— Смир-р-р-но!

— Слушай, на караулъ!

Слышится команда, щелкнули винтовки. Музыка заиграла: Боже, Царя Храни!

Громовое ура раздалось по молу и волнами стало передаваться по всей набережной.

Чарующая улыбка играла на лицѣ Государя. Его глаза были полны величественной красотой и безконечной добротой.

Я впился глазами въ Государя. Я видѣлъ, какъ моя мать, низко склонившись въ глубокомъ поклонѣ передъ Государыней, передала Ей букетъ.

— Здорово, Виленцы!!

Слышится тихій, спокойный голосъ Государя.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество! несется въ отвѣтъ.

Раскаты громоподобнаго ура заглушаютъ все.

Подъ звуки церемоніальнаго марша рота молодцевато проходитъ передъ Государемъ. Ихъ Величества садятся въ экипажъ, который медленно трогается въ городъ. За нимъ слѣдуетъ экипажъ Великихъ Княженъ и экипажи свиты.

Кортежъ открываютъ, очищая дорогу, нѣсколько конныхъ татаръ въ расшитыхъ золотомъ курткахъ на великолѣпныхъ коняхъ, за ними въ фаэтонѣ, стоя во весъ ростъ, ѣдетъ Иванъ Антоновичъ. Въ глазахъ его блестятъ слезы неизъяснимаго счастія.

Толпа вплотную идетъ съ Царскими экипажами. Нигдѣ на пути всего слѣдованія не видно ни одного городового, ни одного полицейскаго чина. Здѣсь этого не нужно. Государь у себя дома.

Путь слѣдованія кортежа засыпается цвѣтами. Величественное пѣніе нашего родного гимна тысячной толпой сливается въ одинъ гулъ съ перезвономъ колоколовъ церквей. На всѣхъ лицахъ написано невыразимое счастіе. А кортежъ все удаляется.

И вскорѣ на высокомъ флагъ-штокѣ въ Ливадіи взвился огромный Императорскій желтый Штандартъ съ чернымъ орломъ посрединѣ. Ихъ Величества въѣхали въ свое имѣніе...

Такъ въ 1909-омъ году Ялта встрѣчала своего Державнаго Повелителя и своего любимаго Царя!

Я помню, какъ мой покойный отчимъ, весь сіяя отъ счастія, разказывалъ намъ въ кругу семьи о томъ, какъ были довольны Ихъ Величества устроенной Имъ встрѣчею. Для него лично пребываніе Царской Семьи въ Крыму было тяжелымъ нравственнымъ мученіемъ. Онъ страшно нервничалъ, безпрестанно безпокоясь о безопасности Ихъ Величествъ, терялъ аппетитъ и скверно спалъ по ночамъ. Въ его кабинетѣ, кромѣ городского, появились еще два телефона: одинъ, связывавшій его съ дворцовымъ комендантомъ ген.-маіоромъ Свиты Его Величества Дедюлинымъ, моимъ дальнимъ родственникомъ, приходившемся моему дѣду племянникомъ, благороднѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человѣкомъ, искренно преданнымъ Ихъ Величествамъ, а другой, съ исправникомъ М. И. Гвоздевичемъ, талантливѣйшимъ человѣкомъ, сдѣлавшимъ блестящую карьеру изъ простыхъ урядниковъ, и бывшимъ правой рукой И. А., являясь въ сущности главнымъ центромъ охраны Ихъ Величествъ.

Въ этомъ году Царская Семья жила въ послѣдній разъ въ такъ называемомъ старомъ дворцѣ, небольшой двухъ-этажной деревянной постройкѣ, совершенно устарѣвшей и безстильной, выкрашенной въ коричнево-красный цвѣтъ.

Дворецъ имѣлъ плоскую крышу, обнесенную баллюстрадой, а верхній этажъ большіе балконы, поддерживаемые колоннами, дѣлавшими комнаты нижняго этажа абсолютно недоступными для солнечнаго свѣта и бывшими, благодаря этому, очень сырыми. Обстановка дворца была болѣе, чѣмъ скромная, а бѣлая столовая напоминала скорѣе оранжерею.

Но все же дворецъ былъ по своему красивъ, особенно, благодаря многолѣтней глициніи, густо разросшейся по стѣнамъ и окутавшей его нѣжно зеленой листвой. Во время ея цвѣтенія дворецъ былъ очарователенъ. Еще издали привлекалъ онъ вниманіе разнообразіемъ оттѣнковъ и цвѣтовъ отъ нѣжно лиловаго до темно васильковаго.

Свита жила въ нѣсколькихъ также мало удобныхъ, старыхъ домахъ. Освѣщеніе въ Ливадіи въ это время было керосиновое, дворецъ же освѣщался старинными масляными лампами.

Но отсутствіе элементарныхъ удобствъ нисколько не повліяло на Ихъ Величествъ, и Они были счастливы представившейся Имъ, какъ Имъ казалось, почти неограниченной свободѣ. Цѣлые дни Они проводили на воздухѣ, гуляя по обширному вѣковому Ливадійскому парку, а иногда и внѣ его, дѣлая прогулки по окрестнымъ горамъ. Государь много ѣздилъ верхомъ. Какъ часто приходилось мнѣ видѣть Его совершенно одного, прогуливающагося съ палочкой въ рукахъ въ виноградникахъ не подалеку отъ нашего дома!

Когда мы, дѣти, играя около дома, видѣли издалека бѣлое пятнышко на фонѣ сине-зеленой листвы высокаго виноградника, распланированнаго въ идеальномъ шахматномъ порядкѣ, мы съ криками: Государь! какъ бѣшенные бѣжали къ Нему, желая хоть на минутку увидѣть своего любимаго Царя.

Государыню часто можно было видѣть въ городѣ съ Великими Княжнами и съ А. А. Вырубовой, ея бывшей фрейлиной, съ которой Императрица была очень дружна, разъѣзжавшихъ въ простомъ, скромномъ экипажѣ за различными покупками по магазинамъ. Присматриваясь къ жизни Царской Семьи во время Ихъ перваго, а въ особенности во время послѣдующихъ пріѣздовъ, я все больше привязывался къ Ней, поражаясь исключительной скромностью Ихъ семейнаго быта.

Образъ жизни Императорской Семьи могъ бы служить идеальнымъ примѣромъ не только нашей аристократіи, но и семьямъ средняго достатка, зачастую жившимъ не по средствамъ. Въ Ливадіи жизнь Ихъ Величествъ напоминала жизнь простыхъ русскихъ помѣщиковъ, влюбленныхъ въ природу, въ ширь безконечныхъ полей и прохладную тѣнь вѣковыхъ лѣсовъ.

Въ Царскомъ Селѣ Ихъ образъ жизни, несмотря на величественность окружавшей обстановки, былъ скромнѣе жизни многихъ командировъ гвардейскихъ полковъ. Обладая огромными средствами, Царская Семья проживала такія деньги, которыя даже для кн. Юсуповыхъ, которые жили гораздо шире и болѣе открыто, чѣмъ Семья русскаго Императора, были небольшими. Эта скромность и замкнутость жизни Ихъ Величествъ имѣла и свои невыгодныя послѣдствія. Русскій народъ не оцѣнилъ ея. Государь, имѣвшій всѣ данныя быть популярнѣйшимъ монархомъ въ Россіи, таковымъ никогда не былъ, такъ какъ народъ Его мало

видѣлъ, а когда и видѣлъ, то, большей частью, бывалъ пораженъ скромной внѣшностью Государя, иногда даже терявшаго на раззолоченномъ фонѣ ярко красочной свиты, окружавшей Его. Даже настоящая внѣшность Государя была мало извѣстна народу, такъ какъ всѣ тѣ доступные ему Царскіе портреты-олеографіи были первыхъ дней Его царствованія и съ годами совершенно не измѣнялись, а исполненіе таковыхъ было настолько плохо и аляповато, что благороднѣйшія и привлекающія къ себѣ черты Государя искажались на нихъ до неузнаваемости. Портреты Государыни были и того хуже, портретовъ Великихъ Княженъ почти не существовало, а, когда родился Наслѣдникъ, то я отлично помню, что, не смотря на то, что прошли года, въ народѣ былъ распространенъ портретъ Государыни, державшей на рукахъ годовалаго Наслѣдника, хотя въ это время послѣдній былъ уже большимъ и рѣзвымъ мальчикомъ. Не удивителенъ ли поэтому доподлинно мнѣ извѣстный фактъ, когда двое крестьянъ, пріѣхавшіе изъ деревни и увидѣвшіе впервые Государя, заспорили между собой, кто Государь, тотъ ли скромный офицеръ съ орденомъ на груди или рядомъ съ нимъ стоявшій свитскій генералъ въ парадной формѣ, при лентѣ и съ грудью, увѣшанной орденами.

Надо сознаться, что мы не умѣли, а, быть можетъ, не хотѣли популяризовать въ народной массѣ своего Царя, въ то время, какъ въ сосѣдней Германіи чуть ли не каждую недѣлю въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, прекрасно исполненныхъ по послѣднему слову техники и стоющихъ пфенинги, выпускались портреты Императора Вильгельма во всѣ моменты его жизни, начиная съ дворца и кончая охотой и посѣщеніемъ фабрикъ и заводовъ.

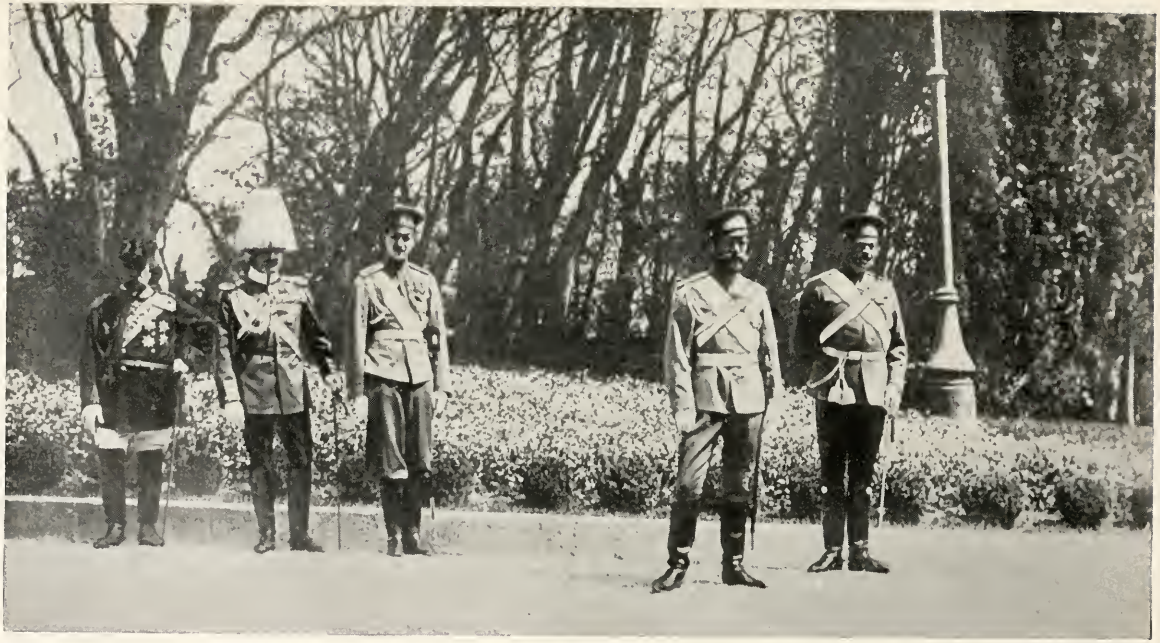
ГЛАВА IV.

Среди самой Царской фамиліи замкнутость жизни Ихъ Величествъ производила отрицательное впечатлѣніе, такъ какъ они были обижены, что установившійся при прежнихъ Императорахъ сборъ членовъ Императорской фамиліи по извѣстнымъ днямъ за семейными обѣдами у Государя въ началѣ царствованія мало соблюдался, а потомъ и совсѣмъ прекратился. Свита, по крови и плоти принадлежавшая въ своемъ большинствѣ къ высшему рускому обществу, тоже была удручена такой семейной идилліей Монарховъ, а общество прямо таки негодовало на это, какъ мѣшавшее ему общенію съ Царской Семьей, при наличіи котораго оно могло разсчитывать на тѣ или иныя милости стола.

Виной этого былъ Государь, какъ глава Семьи.

Ливадія. Старый Дворецъ.

Ливадія. Новый Дворецъ.



Государь Императоръ и Августѣйшій Братъ Ея Величества Великій Герцогъ Эрнстъ-Людвигъ Гессенскій (въ формѣ Своего полка). Слѣва отъ Его Величества дежурный флигель-адъютантъ Его Высочество Князь Игорь Константиновичъ.

Онъ безумно любилъ Императрицу, по натурѣ очень застѣнчивую и скромную женщину, любящую жену и мать, какъ сначала, такъ и въ продолженіи всего царствованія безпредѣльно любившую своего мужа и свою семью. Она отдавала всѣ свои силы на воспитаніе дѣтей и была счастлива тихой жизнью въ тѣсномъ семейномъ кругу, а Государь не хотѣлъ нарушать Ея счастья. Въ Государѣ она встрѣтила полную гармонію со своими мыслями, чувствами и желаніями. Но злые люди, гнусная людская молва, паутина сплетенъ избрали эту кристально чистую женщину предметомъ своихъ безпочвенныхъ нападковъ.

Я не выражусь сильно и буду правъ, если опредѣлю Государыню Александру Федоровну, какъ самую несчастную и самую непонятую не только у насъ въ Россіи, но и заграницей женщину. То, что Ей пришлось перенести и перестрадать, является величайшей трагедіей, которая когда либо падала не только на женщину, но и вообще на человѣка за время его земнаго существованія.

Съ чего началась жизнь Государыни при пріѣздѣ Ея невѣстой будущаго русскаго Царя въ Россіи? Задавали ли многіе себѣ этотъ вопросъ? Къ сожалѣнію, многія лица, я не говорю даже о нашей развинченной, морально испорченной и физически ослабленной интелигенціи, въ своемъ обликѣ потерявшей все русское и увлекавшейся западными соціалистическими бреднями, но даже наше общество, считавшее себя „солью земли", якобы обиженные Государемъ, въ ослѣпленіи своемъ бросали грязнѣйшія обвиненія по адресу Государыни.

Двадцати двухъ лѣтней, очаровательной Принцессѣ Алисѣ Гессенской, по пріѣздѣ своемъ въ Россію, пришлось пережить совмѣстно со своимъ будущимъ Царственнымъ Супругомъ Его большое горе, незамѣнимую утрату любимаго отца, одного изъ великихъ русскихъ Императоровъ. Потомъ послѣдовала Ходынка съ ея тысячей невинныхъ жертвъ и на крови ихъ прошелъ величайшій день въ жизни каждаго Монарха, знаменующій начало царствованія, день священнаго Коронованія и міропомазанія... Затѣмъ послѣдовало долгое десятилѣтнее ожиданіе рожденія Наслѣдника, омраченное войнами, китайскимъ возстаніемъ и несчастной русско-японской войной.

Будучи лютеранкой по рожденію, Государыня, не смотря на то, что приняла православіе уже въ зрѣлые годы, пріяла его завѣты со всѣмъ пыломъ молодой, религіозной души. Безъ малѣйшаго ханжества, нигдѣ публично не подчеркивая своей искренней любви къ обрядности и сущности новаго для Нея пониманія ученія Христа, Она вся отдалась ему, увлекшись скрытымъ духовнымъ содержаніемъ

нашей религіи. Она сдѣлалась, дѣйствительно, православной и по духу и по мысли, не въ примѣръ намъ многимъ, видящимъ истинное православіе въ чисто механической установкѣ свѣчъ передъ Святыми Угодниками и хожденію въ церковь въ положенные дни. Государь, тоже глубоко религіозный человѣкъ, вполнѣ раздѣлялъ влеченіе Своей молодой Супруги. Съ годами, полными горя и неудачъ, мистицизмъ Государыни развился еще сильнѣе. Мистицизмъ Государыни былъ чисто религіознаго характера, ничего общаго не имѣющаго съ спиритизмомъ, которымъ во всѣхъ видахъ увлекалось петербургское общество. Къ числу поклонниковъ такого мистицизма принадлежали нѣкоторые члены Императорской Фамиліи, въ средѣ которыхъ появился нѣкій докторъ Филиппъ, бывшій не то хорошимъ медіумомъ, не то обладавшимъ даромъ гипноза, а бывшій, по моему, просто, ловкимъ шарлатаномъ. Скажу только, что, появившись въ средѣ старшихъ Великихъ Князей, въ серьезности и въ жизненой опытности которыхъ молодымъ Ихъ Величествамъ не приходилось сомнѣваться, Филиппъ проникъ и въ Императорскій Дворецъ, гдѣ какъ будто производилъ своими предсказаніями и оригинальностью толкованія нѣкоторыхъ вопросовъ извѣстное впечатлѣніе и на Ихъ Величествъ.

Увлекались одно время Ихъ Величества и знаменитымъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ, что было совершенно не удивительнымъ, такъ какъ отецъ Іоаннъ пользовался огромной извѣстностью и популярностью не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. Онъ былъ не заурядный человѣкъ, искренній молитвенникъ передъ Господомъ, обладавшій исключительной силой воли, умѣніемъ подчинить массы своему вліянію, и молитвы котораго, дѣйствительно, во многихъ случаяхъ были цѣлебны для больныхъ, къ нему обращавшихся. Это было установлено съ совершеннымъ безпристрастіемъ оффиціально. Рожденіе Наслѣдника Государынѣ не принесло желаннаго покоя и счастія. На пятомъ году жизни у Него обнаружились признаки гемофиліи (кровъ не свертывается и потому малѣйшее пораненіе грозитъ кровоизліяніемъ) или, такъ называемой, Гессенской болѣзни, получившей таковое наименованіе, потому что ею наслѣдственно страдаетъ мужское потомство Великаго Герцогскаго Гессенскаго Дома, при чемъ болѣзнь эта передается отъ матери, не зависимо отъ отца и только мужскому потомству, никогда не распространяясь на женское, и такимъ образомъ только мать является, косвенно, какъ бы виновницей болѣзни своего сына.

Этой же болѣзнью, напримѣръ, боленъ старшій сынъ сестры Государыни, Принцессы Ирены Прусской, которая

замужемъ за братомъ Императора Вильгельма, принцемъ Генрихомъ Прусскимъ, Принцъ Вольдемаръ Прусскій, у котораго изъ-за этой болѣзни одна нога короче другой.

Я думаю, что не только всякая мать, но и, вообще, всякій здравомыслящій человѣкъ пойметъ, что пережила Государыня, когда заболѣлъ этой болѣзнью Ея единственный сынъ. Поймутъ Ея муки и терзанія. И не удивительно, что въ этотъ періодъ тоски и отчаянія Государыни и всей Царской Семьи вблизи Ея появился новый человѣкъ, за котораго несчастная Государыня ухватилась, какъ утопающій хватается за соломинку.

Этотъ новый человѣкъ былъ Распутинъ. Мнѣ придется остановиться на этой личности, по винѣ насъ самихъ сдѣлавшейся всемірной извѣстностью, и, какъ ни хотятъ насъ увѣрить, что онъ былъ роковымъ для Россіи, но, по моему глубокому убѣжденію, не было бы Распутина, то „таковой" былъ бы все равно созданъ изъ другой личности, а того, что стряслось надъ нашей несчастной Родиной, все равно нельзя было бы предовратить, какъ нельзя объять необъятнаго...

Я долженъ оговориться и подчеркнуть, что все, что я пишу о Распутинѣ, мною не вычитано изъ газетъ и журналовъ, а является лишь частью того, что я лично видѣлъ и слышалъ отъ лицъ, безусловно заслуживающихъ довѣрія, или близко знавшихъ Распутина, или имѣвшихъ къ нему какое либо касательство.

Будучи воспитанъ въ семьѣ, опредѣленно враждебно настроеной къ нему, я полагаю, что все, что я пишу о Распутинѣ, настолько безпристрастно, насколько человѣку, вообще, можетъ быть доступно безпристрастіе. Какъ раньше Филиппъ, Распутинъ появился въ Петербургѣ въ гостиныхъ Великихъ Князей, увлекавшихся сперва французскимъ „провидцемъ", а потомъ Распутинымъ и сразу сдѣлавшихъ его чрезвычайно популярнымъ. Первыми обратили вниманіе на простого, но не заурядnаго сибирскаго мужика, совершившаго паломничество въ Іерусалимъ, епископы Феофанъ и Гермогенъ, которые были поражены обширнымъ кругозоромъ и необыкновенной остротой ума этого типичнаго русскаго странника, которыхъ такъ много ходитъ на Руси. Особенно ихъ поразило паломничество Григорія Распутина пѣшкомъ въ веригахъ изъ Сибири. Я не отрицаю, что возможно, что Распутинъ, благодаря своей проницательности, увидѣвъ, что имъ заинтересованы столъ популярныя личности и высокообразованные іерархи Русской церкви, совершилъ это подвижничество и самоистязаніе для поднятія еще большаго интереса къ своей личности, но все же этотъ странникъ выдѣлялся

изъ ряда другихъ и славился на всю свою округу, какъ врачеватель отъ болѣзней и ясновидящій.

Дѣйствительно, несмотря на совершенно неблагодарную внѣшность простого сибирскаго мужика, въ выраженіи его глубоко сидящихъ синихъ глазъ виднѣлось что то необъяснимое, властное и одухотворенное. Въ этомъ я самъ убѣдился лично, когда случайно и только на нѣсколько короткихъ минутъ встрѣтился съ Распутинымъ на улицѣ.

Я долженъ удостовѣрить, что обще сложившееся убѣжденіе, что фамилія Распутинъ является прозвищемъ его со стороны его односельчанъ за его, якобы, распутную жизнь, не имѣетъ подъ собою никакой почвы, такъ какъ я самъ на мѣстѣ его родины могъ убѣдиться, что и предки Распутина, сибирскіе переселенцы чуть не со временъ Екатерины, носили эту фамилію, такъ какъ обосновались на перекресткѣ, то есть на распутьѣ двухъ большихъ трактовъ. Въ равной мѣрѣ и приписываемое Распутину конокрадство является вымысломъ. Семья Распутиныхъ была всегда и давно зажиточной.

Рекомендованный епископами Феофаномъ и Гермогеномъ, Распутинъ появился на Великокняжескомъ горизонтѣ. Повторяю, что въ Россіи имѣлись лица, которыя стремились оклеветать Ихъ Величествъ еще до появленія Распутина, которымъ только воспользовались въ своихъ цѣляхъ, и давно распускали гнусные слухи о какихъ то „особыхъ" взаимоотношеніяхъ Государыни то съ генераломъ Орловымъ, умершимъ отъ чахотки въ Каирѣ, то съ флигель-адъютантомъ Н. П. Саблинымъ или, наконецъ, о какихъ то „таинственныхъ вліяніяхъ" нѣкого психо-графолога Моргенстіерна, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

Съ момента появленія Распутина травля Государыни и всей Царской Семьи была поднята особенно сильно. Особенно было на руку клеветникамъ, что посѣщенія Распутинымъ Дворца обставлялись таинственностью, и они ткали на этой канвѣ самыя чудовищные и нелѣпые слухи и сплетни. Мнѣ первое время также было непонятно это обстоятельство, но, впослѣдствіи, все стало яснымъ. Ихъ Величества, сознавая, что могутъ пойти тѣ или другіе слухи о Распутинѣ, и, поэтому не желая, чтобы кто либо вмѣшивался въ Ихъ личную жизнь, не хотѣли афишировать посѣщенія Распутинымъ Дворца, но это вызвало какъ разъ обратное дѣйствіе.

Вопреки установившемуся убѣжденію, что Распутинъ считалъ и выдавалъ себя въ глазахъ Царской Семьи за святого, долженъ засвидѣтельствовать, что Распутинъ всегда негодовалъ, когда кто нибудь называлъ его святымъ,

говоря, что такой человѣкъ, какъ онъ, святымъ быть не можетъ, и что Государь даровалъ ему право лишь молить его прощенія грѣховъ и помощи такимъ же грѣшнымъ людямъ, какимъ является и онъ самъ.

Отъ предложеннаго ему священническаго сана онъ категорически отказался, заявивъ, что онъ священникомъ быть не можетъ, и что онъ просто напросто „Божій человѣкъ", который призванъ для того, чтобы напоминать о присутствіи Бога и необходимости молиться Ему. Пріими Распутинъ священство и появляйся легально во Дворецъ, мнѣ кажется, большая половина сплетенъ о немъ въ связи съ Царской Семьей отпала бы сама собой. Я не хочу настаивать на томъ, помогали ли несчастному Наслѣднику при его страданіяхъ молитвы Распутина. Улучшенія въ его болѣзни можно объяснить гипнотической помощью Распутина или же, наконецъ, эти улучшенія въ его здоровіи происходили нормально, случайно совпадая съ появленіями Распутина. Какъ бы тамъ ни было, но сами факты улучшенія здоровья или выздоровленія остаются несомнѣнными. Никто иной, какъ Распутинъ, за нѣсколько лѣтъ до революціи сказалъ, что съ его, Распутина, смертью, на Руси случатся великія волненія, все будетъ залито кровью и Наслѣдникъ заболѣетъ. Кто жъ, какъ не онъ, въ свое время предсказалъ неудачный исходъ войны, будучи противъ нея?

По поводу первыхъ двухъ моихъ замѣчаній, помогали ли Наслѣднику молитвы или гипнозъ Распутина, скажу слѣдующее: совершенно несомнѣнно, что Распутинъ обладалъ громадной гипнотической силой и, когда мнѣ приходилось спорить объ этомъ съ извѣстными мнѣ поклонниками и поклонницами Распутина, чего я изъ чувства корректности старался избѣгать, мнѣ неизмѣнно отвѣчали:

— То, что вы называете гипнозомъ, это не гипнозъ, это особенная Богомъ данная сила, могущая быть только у искренняго молитвенника и поборника православія... Григорій Ефимовичъ врачуетъ глубиной и проникновенностью своей молитвы!

На этомъ мой споры естественно прерывались. Одно было только для меня яснымъ, что будь Распутинъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, а, предположимъ, профессоромъ медицины какого либо университета, то онъ такъ легко къ Царской Семьѣ не попалъ бы и такого впечатлѣнія не произвелъ бы. Это можетъ показаться страннымъ, но это такъ, и вотъ почему: Сколько настоящихъ русскихъ семействъ вѣрило и вѣритъ въ силу молитвъ различныхъ юродивыхъ и по міру ходящихъ странниковъ, относясь критически къ врачебнымъ способностямъ извѣстныхъ врачей, лечившихъ силой внушенія и зачастую очень успѣшно.

Чѣмъ же Семья Русскаго Царя не была русской семьей? Или Ей не дано право быть таковой?

Совершенно естественно, что, если бы подобное встрѣчалось въ семьѣ какого либо даже очень высокопоставленнаго лица, принимавшаго у себя странниковъ, оно было бы не на виду и этимъ никто бы не интересовался. Положеніе Царской Семьи было совершенно иное, жизнь Ея протекала у всѣхъ на глазахъ и Ее хотѣли опорочить и опорочили.

Распутину также приписывали участіе въ дѣлахъ управленія Россіей вліянію его въ этомъ направленіи на Государя. Словомъ, силились изобразить его человѣкомъ государственнаго ума, котораго у него на самомъ дѣлѣ никогда не было. Распутинъ былъ лишь безсознательной пѣшкой въ рукахъ тѣхъ, кто сразу учелъ всю выгоду использованія для себя положенія Распутина. Изъ Распутина сдѣлали ходатая по дѣламъ у Ихъ Величествъ и болѣе умные и пронырливые царедворцы и сильные міра сего, умѣло играя его же именемъ „на пониженіе" тѣхъ, передъ которыми они раболѣпствовали. Результаты этой двойной игры скоро сказались и несчастная Россія дождалась „великой, безкровной".

Можно съ положительностью установить, что не министры были маріонетками Распутина, а, напротивъ, онъ самъ былъ таковой въ ихъ рукахъ. Безграмотныя записки Распутина: милой, дорогой сдѣлай, или: „дорогой устрой" стали общеизвѣтными, ими возмущались, но ими пользовались... Напрасно думаютъ, что виною гибели Россіи было моральное разложеніе святой и чистой Царской Семьи, принимавшей у себя простого мужика, Распутина, и видѣвшей въ немъ спасеніе и избавленіе отъ мученій Ихъ горячо любимаго маленькаго Страдальца. Нѣтъ! Тысячу разъ нѣтъ... Государь или Его Семья въ гибели нашей несчастной родины не повинны! Виноваты въ этомъ мы всѣ, принадлежавшіе къ русскому обществу и воображавшіе, что мы „соль земли русской", и ничего для русскаго народа не сдѣлавшіе. Виновата наша интеллигенція, оторванная отъ народа и растлившая его, а больше всего виноваты опять таки мы, такъ какъ мы въ нашу среду принимали этого сибирскаго мужика, не вѣря въ его святость, не ища въ немъ спасенія отъ болѣзней, а пользуясь имъ лишь въ корыстныхъ цѣляхъ, выклянчивая у него его безграмотныя записки... Поздно опомнился кн. Юсуповъ, въ свое время дневавшій и ночевавшій у Распутина! Не къ чему было играть на трескучемъ патріотизмѣ монархисту Пуришкевичу и пачкать свои руки въ гнусномъ дѣлѣ предательскаго убійства. Выстрѣломъ кн. Юсупова Россія была ввергнута въ пропасть, и лужа крови въ особнякѣ на Мойкѣ

обратилась въ океанъ, затопившій нашу Родину. Мнѣ не хочется марать страницъ своихъ воспоминаній подробностями этого убійства. Желающіе могутъ ознакомиться съ ними изъ первоисточниковъ, прочтя возмутительныя, циничныя изліянія Пуришкевича и воспоминанія кн. Юсупова.

Если же и оправдывать такой способъ удаленія Распутина, то развѣ можно было его убивать въ моментъ войны, въ моментъ величайшаго напряженія народныхъ силъ? А если рѣшится его убить, то развѣ такимъ низкимъ способомъ, какимъ убили его эти господа, предательски, въ спину? Такими методами пользуются лишь уголовные, профессіональные убійцы. Шарлота Кордэ такъ не убивала. Объ этомъ слѣдовало бы подумать сіятельнымъ убійцамъ, такъ какъ даже убійство подъ-часъ можетъ быть красивымъ!

Еще менѣе достоенъ поступокъ кн. Юсупова, письменно клявшагося въ письмѣ къ Государынѣ „именемъ князей Юсуповыхъ“, что не только онъ не убивалъ, но что и вообще у него въ домѣ въ памятную ночь на 17-ое декабря 1916-го года никакого убійства не было...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Россія, дожившая до такихъ князей и до такихъ понятій о княжескомъ словѣ, дожила и до Троцкаго съ Ленинымъ съ циничнымъ отрицаніемъ старыхъ договоровъ и обязательствъ. Бѣдный Государь! Несчастная Россія!

Мы не были достойны такого благороднаго, мягкаго и добраго Монарха. Не надо забывать, что если Россія когда и была велика и могуча, то это въ царствованіе Императора Александра III, мощной рукой державшаго всю страну въ трепетѣ и повиновеніи, и во время Великаго Петра, расправлявшагося своей дубинкой со своими придворными и сотрудниками.

Къ сожалѣнію, у Государя не было мощной руки своего Родителя и онъ не унаслѣдовалъ дубинки своего великаго предка и, будучи безконечно добрымъ человѣкомъ, еще по наблюденію моего дѣда, говорившемъ объ этомъ отцу, Государь зачастую принималъ разнородныя рѣшенія, не желая огорчать своихъ докладчиковъ своимъ отказомъ по поводу тѣхъ или другихъ ихъ соображеній.

Волею судебъ этому искреннему стороннику мира пришлось пережить три войны. И если можно въ чемъ либо винить Государя и если, вообще, возможно такое обвиненіе, то только въ твердомъ соблюденіи разъ даннаго слова даже въ такой моментъ, когда это соблюденіе было, быть можетъ, не къ выгодѣ управляемой Имъ страны.

Кромѣ этого Государь былъ слишкомъ большимъ семьяниномъ, бережно охранявшимъ свой семейный покой, забывая, что бремя Монарха зачастую не вяжется съ семейнымъ счастіемъ и даже подчасъ идетъ противъ него, совершенно забывая, что у Монарха не можетъ быть той семейной жизни, о которой привыкъ мечтать Государь. Но развѣ за это имѣетъ кто либо право винить Его?

ГЛАВА V.

Въ 1909 году моя мать впервые удостоилась быть представленной Государынѣ . . . и первое впечатлѣніе о Ней у нея сложилось отрицательное. Я прекрасно помню, какъ моя мать, разстроенная, вернулась изъ Дворца, разсказывая, что Императрица приняла очень холодно, сказавши ей всего лишь нѣсколько словъ. По первому впечатлѣнію моей матери Государыня была горда и неприступна.

Но вскорѣ это первое впечатлѣніе разсѣялось. Послѣ слѣдующихъ пріемовъ во дворцѣ, мать моя совершенно и разъ навсегда измѣнила свое мнѣніе о Государынѣ, которую она стала прямо таки боготворить. Оказалось, что Государыня очень застѣнчива по натурѣ, въ особенности, съ неизвѣстными Ей лицами, чему тоже способствовала Ея боязнь за свое неполное знаніе русскаго языка. Государынѣ всегда казалось, что она не достаточно хорошо говоритъ по русски, что Ее страшно нервировало и смущало. Это было съ Ея стороны ошибка.

Я долженъ засвидѣтельствовать, какъ человѣкъ, много разъ говорившій съ Государыней и даже по долгу, что Государыня для иностранки прекрасно говорила по русски, очень бѣгло, не задумываясь надъ словами, только иногда неправильно составляя фразы и съ небольшимъ акцентомъ и не нѣмецкимъ, а англійскимъ. При второмъ или третьемъ пріемѣ, моя мать поняла причину казавшейся холодности Государыни, взяла инициативу разговора на себя, къ большому облегченію Государыни, которая и бесѣдовала впослѣдствіи съ моей матерью вполнѣ непринужденно.

Въ своемъ обращеніи съ окружающими Государыня также, какъ и Государь, были необычайно просты. Эта чарующая простота и чисто русское радушіе на пріемахъ располагали къ Нимъ всѣхъ тѣхъ, кто удостаивался приглашеній. Государыня безконечно цѣнила всѣхъ лицъ, которыя шли къ Ней съ открытой душой, понимали Ея переживанія и сочувствовали Ея горестямъ.

Но такихъ людей было мало. Въ припадкѣ какого то умственнаго маразма, большинство считало своимъ дол-

Высочайшій Смотръ въ Ливадіи. Въ центрѣ Государь Императоръ и генералъ-маіоръ Думбадзе (верхомъ). Слѣва въ пѣшемъ строю Пограничная Стража. На валу эскадронъ Крымскаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка.

Парадъ въ Высочайшемъ присутствіи передъ Новымъ Дворцомъ въ Ливадіи.
Генералъ-маіоръ Думбадзе. Государь Императоръ.

гомъ клеветать на эту святую женщину, не давая себѣ труда понять Ее и обвиняя Ее въ ледяной холодности и заносчивой гордости. Ошибочно думать, что Ихъ Величества относились враждебно или отрицательно ко всѣмъ тѣмъ, кто позволялъ себѣ неодобрительно отзываться о Распутинѣ.

Примѣромъ такого непримиримаго противника Распутина являлся мой отчимъ, ген. Думбадзе, приказавшій въ 24 часа выслать изъ Ялты пріѣхавшаго туда Распутина. Несмотря на вмѣшательство дворцоваго коменданта, Распутинъ былъ посаженъ въ автомобиль и ровно черезъ 24 часа покинулъ предѣлы не только Ялты, но и ея уѣзда. Если Распутинъ и бывалъ впослѣдствіи рѣдко въ Ялтѣ, по нѣсколько дней, то только благодаря своему поклоннику, исправнику Гвоздевичу, обставлявшему его пріѣздъ строжайшей тайной отъ моего отчима. Ихъ Величества объ этомъ знали, и Государь даже освѣдомился объ этомъ у него самого, на что получилъ отвѣтъ, что онъ не считаетъ возможнымъ допустить Распутина въ Ялту по своимъ личнымъ соображеніямъ охраны, а также и просто потому, что онъ его не любитъ.

Несмотря на это, Ихъ Величества продолжали любить моего отчима, и онъ съ Ихъ стороны къ зависти свиты и негодованію нѣкоторыхъ придворныхъ, поклонниковъ Распутина, пользовался всегда Ихъ неизмѣннымъ расположеніемъ. Не терпѣли только Ихъ Величества тѣхъ людей, которыя занимались грязными доносами на Распутина, зачастую весьма слабо мотивированными, чувствуя, что травля его касается и Ихъ самихъ, и вѣря, что чистый человѣкъ грязью запачканъ быть не можетъ.

Вначалѣ мой отчимъ не допускалъ въ Ялту и Моргенстіерна, петербургскаго графолога, имѣвшаго доступъ во Дворецъ, изъ-за его еврейскаго происхожденія. Но за него по телефону энергично вступился Министръ Двора, и мой отчимъ долженъ былъ смѣнить гнѣвъ на милость и разрѣшить ему мѣсячное пребываніе въ Ялтѣ и даже принялъ его у себя.

Моргенстіернъ оказался очень интереснымъ человѣкомъ, великолѣпно опредѣлявшимъ характеръ по почеркамъ. Я былъ лично знакомъ съ нимъ и помню слѣдующій случай. Какъ то пріѣхалъ онъ къ намъ во время пятичасоваго чая, заставъ у насъ гостившаго брата И. А., Николая Антоновича Думбадзе. Онъ собирался куда то ѣхать, но съ приходомъ Моргенстіерна задержался еще на балконѣ, гдѣ мы всѣ сидѣли. Завязался оживленный разговоръ на тему о графологіи, гипнозѣ и отгадываніи чужихъ мыслей. Моргенстіернъ предложилъ собравшимся сдѣлать опытъ, а имен-

но, въ его отсутствіи, что нибудь сдѣлать. Я помню, что вышелъ съ нимъ изъ дому на плацъ и, когда насъ позвали и мы вернулись, не успѣлъ онъ войти на балконъ, какъ сказалъ:

— Дорогіе братья перемѣнились фуражками.

Всѣ ахнули. Какъ могъ Моргенстіернъ угадать, мнѣ это и по сей часъ не понятно, такъ какъ фуражки были у братьевъ совершенно одинаковыми и размѣръ головы одинъ и тотъ же.

Никакой роли при дворѣ Моргенстіернъ не игралъ. Ихъ Величества интересовались имъ только потому, что имъ были собраны тысячи автографовъ всѣхъ извѣстныхъ коронованныхъ и некоронованныхъ лицъ того времени, при чемъ онъ о своихъ изслѣдованіяхъ издалъ прекрасную книгу, научно обоснованную и снабженную факсимиле, которую и подарилъ на память моему отчиму.

Одной изъ драмъ въ жизни Государя было Ему навязанное традиціей, освященное вѣками, унаслѣдованное Имъ самодержавіе, охранять основы котораго онъ клятвенно обѣщался въ день священнаго Коронованія. Совершенно не будучи по натурѣ Самодержавнымъ Монархомъ, въ силу данной клятвы Государь всю свою жизнь пытался охранять врученныя Ему Господомъ права, не считалъ возможнымъ дать Россіи полную конституцію, видя въ этомъ актѣ нарушеніе торжественно даннаго на крестѣ и Евангеліи слова.

17-го января 1895-го года, то есть черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія на Престолъ, Государь въ краткой рѣчи къ собравшимся въ Зимнемъ Дворцѣ представителямъ дворянства, земствъ и городовъ изложилъ основы Своего будущаго правленія. Онъ сказалъ:

— Я радъ видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время раздавались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи земства въ дѣлахъ внутренняго управленія Государствомъ. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ свои силы благу народному, буду охранять начала Самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный, покойный Родитель!

Не думалъ тогда молодой Государь, искренно дѣлясь своими мыслями съ, казалось, вѣрнѣйшими и лучшими своими подданными, что съ пѣной у рта разнесутъ по всей Россіи молву, что Государь обѣщалъ въ корнѣ задушить всякое проявленіе прогрессивнаго характера, вступивъ на путь черной реакціи...

Либеральное общество заволновалось, интеллигенція, мнившая себя почему то государственно-образованной, вознегодовала, и травля противъ молодого Царя, какъ поборника „лютаго Самодержавія“, началась и уже больше никогда не прекращалась.

Безсмысленные мечтатели не простили Государю Его словъ и черезъ двадцать два года воплотили свой мечтанія въ жизнь. Теперь же результаты этихъ осуществившихся мечтаній ясно показываютъ, чья политика была лучше: осмысленнаго ли „лютаго“ Самодержца или „безсмысленныхъ“ псевдо-патріотовъ, въ лицѣ представителей земства, городовъ и части дворянства.

Правъ былъ французскій соціалистъ Альбертъ Тома, пріѣхавшій въ Россію послѣ революціи 1917-го года, чтобы воочію убѣдиться „въ красотѣ и величіи“ а, главное, „въ пользѣ для русскаго народа случившагося переворота“, когда, осмотрѣвшись и уѣзжая, сказалъ:

— Великимъ человѣкомъ былъ вашъ бывшій Царь!

И когда его спросили: Почему? онъ отвѣтилъ:

— Удивительно, какъ онъ такой сволочью (канай) могъ управлять двадцать два года!

Намекая на ту бемозглую массу, которая въ лицѣ совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ пыталась, вопреки здравому разсудку, забрать управленіе величайшимъ Государствомъ въ мірѣ въ свои руки...

Удивительно, лестная для насъ рекомендація! Наши „товарищи“ могутъ торжествовать.

Кѣмъ по отношенію къ Россіи считалъ себя Государь, ярко показываетъ, быть можетъ, на первый взглядъ и мало значущій фактъ: Во время всеобщей переписи въ январѣ 1897 года Государь потребовалъ опросный листъ и лично заполнилъ его.

На вопросъ „чѣмъ занимаетесь?“ Государь отвѣтилъ: „Хозяинъ земли русской“ а на вопросъ: какого сословія? „Первый дворянинъ.“

Изъ за того, что Государь пытался охранять основы Самодержавія, совершенно не слѣдуетъ, что Онъ не считался съ необходимостью для Россіи конституціонныхъ реформъ. Государь не считалъ для себя возможнымъ дать Россіи конституцію, какъ я уже писалъ, какъ въ силу присяги на вѣрность самодержавію, такъ и подъ вліяніемъ революціоннаго насилія, и подчинился таковому въ памятные дни марта 1917-го года лишь потому, что Россія изнемогала въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ. Онъ всѣми силами старался предотвратить междоусобную борьбу, въ которой Онъ справедливо видѣлъ крушеніе не только Имперіи, но и

всей Россіи. Ю. А. Денъ, жена офицера Гвардейскаго Экипажа, командира крейсера „Варягъ", капитана 1-го ранга К. Е. Денъ, одна изъ наиболѣе близкихъ друзей Государыни, передавала мнѣ, что лично слышала изъ устъ Государя еще до революціи, какъ Онъ въ кругу своей Семьи развивалъ свои предположенія на будущее время. Онъ говорилъ, что двадцатилѣтнее царствованіе и глубокія переживанія за время войны настолько утомили Его, что единственнымъ Его желаніемъ является довести Россію до побѣдоноснаго окончанія войны и почетнаго, славнаго мира, послѣ чего Онъ предполагалъ удовлетворить насущныя народныя нужды путемъ земельнаго вознагражденія всѣхъ участниковъ войны, начиная съ инвалидовъ и георгіевскихъ кавалеровъ, провести въ жизнь земельную реформу Столыпина (переходъ отъ общиннаго землевладѣнія на отрубныя хозяйства), создать особую комиссію по разработкѣ широкой конституціи, принимая во вниманіе всѣ особенности русскаго уклада и быта и, въ день совершеннолѣтія Наслѣдника, отречься отъ престола въ Его пользу съ тѣмъ, чтобы начало Его царствованія ознаменовалось дарованіемъ этой реформы, дабы Онъ въ день своего Коронованія былъ первымъ русскимъ Царемъ, присягнувшимъ на вѣрность конституціи.

Государь считалъ, что народныя массы, оздоровленныя побѣдоносной войной, проникнутыя упоеніемъ побѣды и искреннимъ патріотизмомъ, лучше, чѣмъ когда либо, воспримутъ дарованныя имъ права, и конституціонная Россія сдѣлается еще болѣе могучей, чѣмъ подъ скипетромъ Самодержавныхъ Монарховъ.

Государь былъ увѣренъ, что война окончится въ 1917 году полной побѣдой Россіи и союзниковъ, въ годъ, когда Наслѣднику исполнится двѣнадцать лѣтъ, а къ Его 18-ти годамъ, то есть, къ 1922-му году, Онъ предполагалъ, что всѣ эти подготовительныя работы по реформамъ будутъ закончены, и Онъ сможетъ передать бремя власти Своему сыну.

Иногда Государь высказывалъ желаніе отречься отъ Престола сразу же послѣ войны, передавъ власть Наслѣднику при регентствѣ Своего брата.

Несомѣнно, что Государь въ своей безграничной любви къ Россіи готовъ былъ для ея счастія, пользы и величія принести любыя жертвы, и во всѣхъ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ руководствовался исключительно желаніемъ помочь и быть полезнымъ своей странѣ и управляемому Имъ народу.

Само собой, что Государь, какъ и всякій здравомыслящій человѣкъ, считалъ невозможнымъ проводить во время

войны какія либо реформы, считая это гибельнымъ для Россіи.

Когда же грянула революція, Государь доказалъ, что Онъ въ сущности Самодержцемъ не былъ, поддался оказанному на Него давленію и отрекся отъ Престола, вмѣсто того, чтобы приказать повѣсить на первой перекладинѣ всѣхъ этихъ Гучковыхъ, Шульгиныхъ, Рузскихъ и направиться во главѣ вѣрныхъ войскъ въ Петербургъ, гдѣ, дѣйствительно, желѣзной, самодержавной рукой возстановить порядокъ и на дѣлѣ доказать, что Онъ, дѣйствительно, Самодержавный Монархъ, что Тронъ Его не поколебимъ, и что наиболѣе высокое мѣсто, на которое могутъ претендовать всѣ эти Родзянки, Милюковы, Керенскіе и компанія тоже находится на другой не очень высокой перекладинѣ.

Для меня ясно, что, будь Государь въ Царскомъ Селѣ эти дни вблизи Семьи и Государыни, Онъ, вѣроятно, поступилъ бы иначе, такъ какъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ, вынудившихъ Его отреченіе, была безусловно боязнь за безопасность Семьи, находившейся въ Царскомъ и которая несомнѣнно подверглась бы опасности въ случаѣ агрессивныхъ дѣйствій съ Его стороны.

И Государь былъ правъ въ своихъ опасеніяхъ. Никто изъ офицеровъ, находившихся въ большомъ количествѣ на излѣченіи въ Царскосельскихъ лазаретахъ и пальцемъ не пошевелилъ для защиты Семьи своего Императора въ трагическіе дни конца февраля и начала марта 1917-го года и, казалось, вѣрнѣйшія части войскъ первыми измѣнили Ей.

Въ августѣ 1917-го года во французской газетѣ „Антантъ", издававшейся въ Петербургѣ, былъ помѣщенъ фельетонъ, въ которомъ авторъ поражался возмутительнымъ равнодушіемъ къ судьбѣ своего Монарха и Его Семьи, находившейся въ заточеніи, со стороны русскаго офицерства, придворныхъ круговъ и дворянства, безъ обиняковъ называя ихъ, то есть насъ всѣхъ, измѣнниками, приводя весьма поучительный примѣръ изъ французской революціи, когда за Королемъ Франціи и Его женой шли на эшафотъ съ послѣднимъ предсмертнымъ возгласомъ: Да здравствуетъ Король! его министры, свита и даже прислуга.

А во время переворота въ 1792-омъ году при защитѣ Тюльерійскаго дворца отъ мятежниковъ, наемная Швейцарская гвардія во славу Короля Франціи и Его Семьи до послѣдняго сложила свои головы...

ГЛАВА VI.

Во время пріѣзда Царской Семьи въ 1909-омъ году я впервые увидѣлъ въ гостиной моей матери А. А. Вырубову, личнаго друга Государыни. Насколько я помню, она по первому же взгляду произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе своей подкупающей ласковостью и добротой. Она очень мило отнеслась къ намъ, дѣтямъ, и мы всегда были рады ея пріѣзду.

Внѣшне она была очень красивой женщиной, невысокаго роста, золотистой блондинкой съ великолѣпнымъ цвѣтомъ лица и поразительно красивыми васильковыми синими глазами, сразу располагавшими къ себѣ. Кромѣ того, я познакомился тогда же съ покойнымъ Столыпинымъ и его семьей, министромъ юстиціи Щегловитовымъ, народнаго просвѣщенія Шварцемъ, со всѣми членами свиты и двора и др. лицами, бывавшими по воскресеніямъ на пріемныхъ дняхъ у моей матери, у насъ въ домѣ.

Само собой, вспоминая объ этихъ людяхъ, тогдашней моей молодости, я не могъ сохранить о нихъ какихъ либо воспоминаній политическаго характера, но знакомство съ этими людьми и невольное прислушиваніе къ ихъ разговорамъ дали сильный толчекъ моему міросозерцанію, и къ 12—13-ти годамъ моей жизни во время послѣдующихъ пріѣздовъ Государя въ Ливадію я уже почти ясно учитывалъ тѣ или иныя политическія событія, положенія и комбинаціи.

Во врема перваго пріѣзда Государя въ Ливадію Государь, желая лично на себѣ попробовать тяжесть солдатскаго снаряженія, два раза по нѣсколько часовъ ходилъ въ солдатской формѣ при полномъ ранцѣ и винтовкѣ, какъ и по Ливадіи, такъ и внѣ ея, по окрестнымъ горамъ. Одинъ разъ въ формѣ стрѣлка 16-го стр. Имп. Александра III полка, а другой въ формѣ солдата 52-го Виленскаго Е. И. В. Вел. Князя Кирилла Владиміровича полка.

Оба раза Онъ никѣмъ узнанъ не былъ, а встрѣтившій Его по дорогѣ офицеръ небрежно отдалъ честь солдату, отбивавшему шагъ съ поворотомъ головы при встрѣчѣ съ нимъ, о чемъ Государь, смѣясь, разсказывалъ моему отчиму.

Результатомъ пробы Государемъ снаряженія было его видоизмѣненіе. Лопатка, висѣвшая на лѣвомъ боку и мѣшавшая при перебѣжкѣ (въ чемъ Государь Самъ убѣдился) была пригнана иначе и неудобный вещевой мѣшокъ былъ, начиная съ гвардіи, замѣненъ болѣе практичнымъ ранцемъ.

Въ связи съ этими прогулками Государя въ Ялтѣ, а потомъ и по всей Россіи получилъ распространеніе слѣду-

ющій анекдотъ. Встрѣчаются два еврея и одинъ говоритъ другому:

— Абрамовичъ, вы слышали, какой у насъ Государь храбрый?

— А, что? Нѣтъ, не слышалъ.

— Государь два часа одинъ, совсѣмъ одинъ, понимаете, въ солдатской формѣ ходилъ!

— Ну!... Это и все? Какая же тутъ храбрость? Попробовалъ-бы Онъ одѣть нашъ еврейскій лапсердакъ и пройти мимо дома генерала Думбадзе! Вотъ тогда я сказалъ-бы, что Онъ таки-да храбрый!

Генералъ Дедюлинъ разсказалъ Государю этотъ анекдотъ, Его Величество, расхохотавшись до слезъ, отвѣтилъ:

— Ну, на это я, пожалуй, не рѣшился-бы! Передайте объ этомъ Ивану Антоновичу...

О моемъ отчимѣ существуетъ и другой анекдотъ.

Въ Ялтѣ протекаетъ небольшая горная рѣченка Учанъ-Су, во время жары совершенно высыхающая, но очень полноводная и бурная во время весенняго таянія снѣговъ на горахъ.

Вотъ въ эту рѣчку попалъ случайно еврей и сталъ тонуть. Теченіемъ его несло къ морю. Черезъ Учанъ-Су въ городъ перекинуто три моста. На одномъ изъ нихъ стоялъ городовой, на другомъ исправникъ Гвоздевичъ, и, наконецъ, на третьемъ, у самаго моря самъ Думбадзе. Городовой не обратилъ никакого вниманія на крики о помощи несчастнаго еврея. Гвоздевичъ, увидя его, буркнулъ:

— Туда тебѣ и дорога!

Наконецъ, утопавшаго еврея стало подносить къ мѣсту, гдѣ стоялъ Думбадзе.

— Ваше Превосходительство, спасите! Ваше Превосходительство, помогите! кричалъ еврей.

Но Думбадзе оставался глухимъ. Вдругъ послышался изъ воды дикій вопль:

— Долой самодержавіе! вопилъ терявшій силы еврей.

— Что? Да, какъ ты смѣешь негодяй! крикнулъ Думбадзе и приказалъ городовому вытащить еврея изъ воды. Уловка послѣдняго удалась и онъ былъ спасенъ.

Этотъ анекдотъ одно время былъ въ большомъ ходу въ Ялтѣ и имѣлъ большой успѣхъ.

Безмятежное, тихое пребываніе Ихъ Величествъ въ Ялтѣ омрачилось осложненіями въ болѣзни Наслѣдника, такъ какъ Онъ осенью сильно занемогъ и только очень медленно сталъ поправляться.

ГЛАВА VII.

Вторично Ихъ Величества пріѣхали въ Ливадію въ 1911-омъ году и поселились уже съ полными удобствами въ только что отстроенномъ новомъ Дворцѣ.

Архитекторъ Красновъ, извѣстный строитель принадлежащаго В. К. Петру Николаевичу дворца въ имѣніи Дюльберъ около Алупки, могущаго считаться образцомъ изящества линій и формъ, а также поразительно точной передачей мавританскаго стиля, побилъ, кажется, всѣ русскіе рекорды въ области строительства, построивъ новый дворецъ въ Ливадіи, гофмаршальскій домъ и огромное свитское зданіе съ цѣлымъ городкомъ службъ и электрической станціей, оборудованной по послѣднему слову техники и все это въ короткій срокъ полутора года!

Дворецъ построенъ изъ крымскаго бѣлаго камня, известняка, добываемаго гдѣ то около Судака, въ идеально выдержаномъ стилѣ поздняго итальянскаго ренессанса, на мѣстѣ стараго дворца, и своимъ короткимъ фасадомъ съ двумя башнями выходилъ къ морю, а уличнымъ съ прелестными галлереями нижняго этажа выходилъ на площадку съ цвѣточными клумбами. Дворецъ былъ расположенъ на обрывѣ и подъ нимъ растилался плантажъ изъ 2000 кустовыхъ и штамбовыхъ розъ. Старая глициніи мѣстами была пощажена и очень скоро она стала покрывать стѣны новаго дворца вмѣстѣ съ ползучими розами. Въ періодъ цвѣтенія розъ дворецъ былъ красивъ до волшебства. Внутреннее расположеніе комнатъ было строго выдержано по плану, лично составленному Ихъ Величествами. Дворецъ, какъ и вся Ливадія, были залиты моремъ электрическаго свѣта.

Ихъ Величества на этотъ разъ пріѣхали съ большимъ штатомъ, какъ свиты, такъ и прислуги, и съ большимъ количествомъ автомобилей, для которыхъ былъ построенъ особый гаражъ.

Государь, какъ и вся Царская Семья, очень любили прогулки на автомобилѣ, и часто Они разъѣзжали по окрестностямъ Ялты, при чемъ Государь, въ особенности, когда бывалъ одинъ, несмотря на горныя дороги, требовалъ отъ своего шофера, француза Кегрессъ, дѣйствительно правившаго идеально машиной, самой быстрой ѣзды, которую Онъ обожалъ. Эта быстрая ѣзда очень волновала моего отчима, и онъ, отдалъ въ газетѣ строгій приказъ, карающій суровыми наказаніями и штрафами лицъ и шоферовъ, ѣздившихъ съ непозволительной быстротой. При докладѣ у Государя, онъ напомнилъ Его Величеству объ этомъ приказѣ, и полушутя, полусерьезно сказалъ, что онъ будетъ

Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ сходятъ съ Имп. Яхты „Штандартъ“ на молъ. Ялта 1912 годъ.

Романовскія торжества въ Москвѣ въ 1913 году.
Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Парадъ въ Ливадіи въ 1913 году. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Думбадзе рапортуетъ Государю Императору. Справа отъ Его Величества Флагъ-Капитанъ Нилов, слѣва Св. Е. В. генералъ-маіоръ Княжевичъ.

вынужденъ оштрафовать, какъ шофера Кегресса, такъ и владѣльца машины, ѣздившаго вдобавокъ безъ номера, за нарушеніе обязательнаго постановленія.

Государь разсмѣялся и просилъ отчима не безпокоиться за Него, сказавъ, что постарается исполнить приказаніе строгаго Главноначальствующаго. Но страсть къ быстрой ѣздѣ взяли верхъ, и Государь продолжалъ бѣшеннымъ ходомъ ѣздить на своемъ любимомъ открытомъ Делонэ-Бельвиль.

Одновременно съ постройкой дворца былъ перестроенъ и домъ, гдѣ жила моя мать, находившійся при въѣздѣ въ Ливадію въ расположеніи казармы I-ой роты 52-го Виленскаго полка, постоянно квартировавшей въ Ялтѣ, и выходившій на ротный плацъ. Домъ былъ полутора-этажный, былъ построенъ у обрыва, лицомъ къ морю. Этой перестройкой домъ предназначался для ротнаго командира и былъ очень тѣсенъ для такой большой семьи, какъ моего отчима, но послѣдній не терпѣлъ никакой пышности, не требовалъ красоты обстановки, довольствовался спартанской простотой одной комнаты въ казармѣ, гдѣ и жилъ до свадьбы съ моей матерью и только ради нея согласился переѣхать въ новое помѣщеніе. Подъ ея же вліяніемъ онъ согласился и на надстройку одного этажа. Въ обоихъ этажахъ были огромныя открытыя террасы, обвитыя глициніями. Видъ съ нихъ открывался на всю Ялту и былъ поразительно красивъ, въ особенности вечеромъ, когда Ялта блистала тысячами мерцавшихъ огоньковъ, отражая ихъ въ глубинѣ зеркально тихаго залива, по которому ярко скользилъ красной полоской то тухнувшій, то снова загоравшійся свѣтъ маяка на конечности мола. Но все же отъ перестройки домъ моей матери не сдѣлался ни дворцомъ, ни даже хорошей виллой, а былъ, какъ снаружи, такъ и внутри, болѣе чѣмъ скромнымъ и вполнѣ гармонировалъ съ укладомъ жизни семьи моего отчима.

ГЛАВА VIII.

Во время пребыванія моего у матери и пріѣздовъ Царской Семьи, я впервые близко столкнулся съ Крымскимъ Ея Величества полкомъ, какъ съ офицерами, приходившими съ эскадронами на охрану Ливадіи, такъ и съ солдатами, такъ какъ послѣ ухода батальона 16-го стр. полка въ Одессу на мѣсто постоянной стоянки, конный конвой моего отчима былъ замѣненъ всадниками Крымскаго полка.

Я почти все время ѣздилъ верхомъ въ сопровожденіи одного изъ ординарцевъ, татаръ и, вообще, къ гнѣву ма-

тери, что называется, пропадалъ въ расположеніи ординарческихъ казармъ, а главнымъ образомъ конюшенъ. Благодаря близости нашего дома отъ казармъ, я, невольно, ознакомился во всѣхъ мелочахъ, какъ съ бытомъ, такъ и съ жизнью русскаго солдата, съ нимъ самимъ, съ его мыслями, стремленіями и желаніями. Эти знанія очень пригодились мнѣ впослѣдствіи во время моей послѣдующей службы въ этомъ полку.

Въ 1912-омъ году въ моей жизни произошло большое событіе. Я поступилъ въ 4-ый классъ Одесскаго кадетскаго корпуса, а до того держалъ ежегодно экстерномъ экзамены сначала при митавской, а потомъ при ялтинской гимназіяхъ. Поступая въ корпусъ, я не имѣлъ намѣренія въ будущемъ служить въ кавалеріи, несмотря на то, что ѣздилъ хорошо верхомъ и любилъ лошадей. Моимъ страстнымъ, но не сбывшимся желаніемъ была служба во флотѣ. Я намѣревался, по переходѣ въ пятый классъ, перевестись въ морской корпусъ. Но моя мать категорически воспротивилась этому, и я, перейдя въ слѣдующій классъ, перевелся въ Николаевскій Кадетскій Корпусъ въ Петербургѣ, куда долженъ былъ быть переведеннымъ мой отецъ. Теперь я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ двухъ годахъ корпусной жизни, но тогда, несмотря на всю привлекательность для меня ношенія военной формы, благодаря своему свободному домашнему воспитанію, чувствовалъ гнетъ корпуснаго режима, и первые дни моего пребыванія въ немъ были для меня очень тяжелыми.

Проводя лѣтнія каникулы у матери, я видѣлъ Наслѣдника, рѣзвящагося въ Ливадіи со своими Сестрами въ паркѣ и во время прогулокъ со своимъ гувернеромъ Жильяромъ. Наслѣдникъ былъ не по годамъ развитымъ мальчикомъ, очень серьезнымъ и вдумчивымъ, и болѣзнь съ ея неимовѣрными страданіями наложила на Него свой отпечатокъ. Будучи очень живымъ и экспансивымъ по натурѣ, Онъ никакъ не могъ примириться съ необходимостью беречь себя, и во время игръ часто падалъ и ушибался, и каждый разъ эти ничтожныя для другихъ дѣтей удары и синяки вызывали у Него сильнѣйшіе приступы болѣзни.

Занимался Онъ охотно, и науки давались ему легко, но языковъ Онъ не любилъ, хотя и училъ и зналъ французскій, а потомъ и англійскій языки. Нѣмецкій Ему не преподавали. Замѣтивъ манеру свиты и вообще Двора говорить между собою по французски, а въ послѣднее время по англійски, ставшимъ моднымъ языкомъ, Наслѣдникъ какъ-то сказалъ:

— Когда я буду царемъ, то при моемъ Дворѣ будутъ говорить только по русски.

Вообще, Наслѣдникъ еще въ отроческіе годы уже сознавалъ свое положеніе, и я помню, какъ мой отчимъ, вернувшись послѣ завтрака во Дворцѣ, разсказывалъ, что, когда всѣ вышли изъ-за стола на внутренній министерскій дворикъ Дворца, гдѣ Государь обыкновенно курилъ и разговаривалъ съ приглашенными, Наслѣдникъ задержался въ столовой и, сидя за столомъ, что-то усиленно измѣрялъ на немъ спичкой. Въ этотъ моментъ къ нему подошелъ генералъ Сухомлиновъ и поздоровался съ нимъ. Въ отвѣтъ на его: Здравія желаю, Ваше Императорское Высочество, онъ услышалъ озабоченное: здравствуйте, и Наслѣдникъ, не обращая на него вниманія, продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Тогда генералъ полушутя, полу-обижено, замѣтилъ:

— Не хорошо, Ваше Императорское Высочество, меня старика такъ обижать!

Тогда Наслѣдникъ всталъ, протянулъ руку генералу и послѣ вторичнаго:

— Здравствуйте, нахмуренно прибавилъ:

— Но въ слѣдующій разъ, когда я занятъ, прошу мнѣ не мѣшать!

Обладая отзывчивой душой и поразительно добрымъ сердцемъ, Наслѣдникъ былъ чрезвычайно чутокъ къ чужому горю. Какъ то бѣгая около дворца, Онъ замѣтилъ дневальнаго, который украдкой плакалъ на посту и не затилъ, какъ къ нему подошелъ Наслѣдникъ. Вытянувшись, какъ каменное изваяніе, бѣдняга совершенно растерялся, когда Наслѣдникъ сталъ разспрашивать его о причинахъ его горя. Солдатъ сначала мялся, но потомъ услышалъ:

— Я тебѣ приказываю сказать, почему ты плакалъ!

Онъ объяснилъ Наслѣднику, что получилъ изъ дому письмо, въ которомъ сообщалось, что у его родителей пала послѣдняя корова. Тогда Наслѣдникъ приказалъ ему вызвать дежурнаго.

На свистъ дневальнаго послѣдній прибѣжалъ, какъ одурѣлый, думая, что случилось несчастіе, и окончательно растерялся, когда увидѣлъ Наслѣдника.

По приказанію послѣдняго онъ замѣнилъ постъ и Наслѣдникъ, буквально, за рукавъ привелъ ошалѣвшаго отъ неожиданности солдата во дворецъ, прямо къ Государынѣ, тоже въ первый моментъ не понявшей, въ чемъ дѣло. Наслѣдникъ еще издалека, увидя Государыню, закричалъ Ей:

— Мама, мама, я привелъ тебѣ бѣднаго солдатика! У него дома послѣдняя коровка умерла и ему надо помочь!

Когда все выяснилось, солдату, не помнившему себя отъ счастія, было выдано по приказанію Государя, насколько мнѣ помнится, 300 рублей для пересылки родителямъ.

На новый 1913-ый годъ мой отчимъ былъ осчастливенъ Государемъ зачисленіемъ въ Его свиту и, въ качествѣ дежурнаго генералъ маіора, онъ принималъ участіе въ юбилейныхъ торжествахъ въ память трехсотлѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Моя мама сопровождала его въ поѣздкѣ въ Петербургъ и Москву, гдѣ онъ дежурилъ при Государѣ.

ГЛАВА IX.

Весною 1914-аго года Ихъ Величества въ послѣдній разъ на короткое время пріѣзжали въ Ливадію, гдѣ пробыли Пасхальные праздники и снова уѣхали въ Царское Село. Отчетливо помню тотъ дивный тихій, іюньскій вечеръ, когда, сидя на балконѣ дома моей матери со своимъ своднымъ братомъ, Гришей, въ ожиданіи къ ужину моего отчима и матери, бывшихъ въ городѣ, обсуждалъ съ нимъ проектъ верховой поѣздки на слѣдующій день. Я, какъ всегда, вскрывалъ только что принесенный вѣстовымъ пакетъ со свѣжими агентскими телеграммами, получаемыми прямо съ телеграфа въ подлинныхъ лентахъ, наклеенныхъ на бланки. Одна изъ телеграммъ гласила:

Сараево 15. 28. 6. 14.

Сегодня около полудня тремя выстрѣлами изъ револьвера убиты Наслѣдникъ Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ и Его Супруга Герцогиня Гогенбергъ, проѣзжавшіе по улицѣ въ экипажѣ. Убійца, сербъ, арестованъ на мѣстѣ преступленія...

Пріѣхавшій домой Иванъ Антоновичъ былъ очень взволнованъ этой телеграммой. Онъ возмущался этимъ преступленіемъ и, какъ сейчасъ помню, прибавилъ:

— Это убійство повлечетъ за собой большія политическія осложненія для Россіи.

Приблизительно въ то же время въ Тюмени было произведено покушеніе на Распутина на мѣстномъ вокзалѣ въ то время, какъ онъ собирался сѣсть въ вагонъ, поклонницей Илліодора, нѣкой Гусевой, подосланной послѣднимъ изъ-за личныхъ счетовъ, бывшихъ между ними. Гусева нанесла Распутину тяжелое раненіе, распоровъ ему ножемъ животъ, что, какъ мнѣ впослѣдствіи передавали, было безусловно смертельнымъ, но онъ какимъ то чудомъ пережилъ и совершенно поправился.

Такимъ образомъ Распутинъ въ дни объявленія войны былъ вдали отъ Царской Семьи, но, предчувствуя возможность таковой, былъ противникомъ ея, предсказывая

окружающимъ, что, въ случаѣ, если война произойдетъ, это будетъ величайшимъ несчастіемъ для Россіи. Россія будетъ залита моремъ крови и что, вообще, война грозитъ очень печальными послѣдствіями не только Россіи, но и династіи.

Тремя телеграммами и письмами онъ пытался воздѣйствовать на Государя въ сторону недопущенія Послѣднимъ войны. Въ бытность мою въ Тюмени въ 1918-омъ году зять Распутина, Б. Н. Соловьевъ, показывалъ мнѣ это письмо къ Государю въ подлинникѣ, такъ какъ Государыня передала до этого Соловьеву на храненіе рядъ писемъ Распутина и другіе документы.

Вотъ текстъ этого безусловно историческаго письма. Привожу его съ соблюденіемъ орфографіи:

Милой друг есче раз скажу грозна туча нат Рассеей беда горя много темно и просвету нету. Слес то море и меры нет а крови? Что скажу Слов нету неописуемый ужасъ. Знаю все от Тебя войны хотят и верныя не зная что ради гибели. Тяжко Божье наказаніе когда умъ отымет тут начало конца. Ты Царь отец народа не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ вот германію победят а Рассея? Подумать так воистину не было горше страдалицы вся тонет въ крови велика погибель бес конца печаль.

Григорій.

Еще за недѣлю до объявленія войны я видѣлъ по настроенію отчима, получившаго какія-то важныя извѣстія, что война неизбѣжна и, въ случаѣ объявленія таковой, твердо рѣшилъ итти добровольцемъ.

Чѣмъ я руководствовался, рѣшаясь на этотъ шагъ, какія были у меня мысли, какія желанія? Отвѣчу коротко. Въ апрѣлѣ 1914-го года мнѣ исполнилось 16 лѣтъ и, несмотря на такой юный возрастъ, я чувствовалъ себя достаточно крѣпкимъ физически, чтобы вынести всѣ тяготы походной солдатской жизни, а поэтому считалъ своимъ долгомъ принять активное участіе въ борьбѣ съ врагомъ, полагая, что если Господу Богу будетъ угодно сохранить мою жизнь, то для окончанія наукъ времени еще хватитъ. Сколько-же сможетъ продлиться война? По тогдашнему общему мнѣнію военныя дѣйствія продолжатся не дольше полугода и жизнь снова потечетъ нормальнымъ порядкомъ.

Война! Какое жуткое, страшное, а для насъ военныхъ красивое слово! Съ нимъ мы вступали въ новую жизнь, имѣя неограниченныя возможности не на словахъ, а на дѣлѣ доказать свою преданность любимому Государю и родной землѣ, пожертвовавъ ради нихъ тѣмъ, что является самымъ дорогимъ для каждаго человѣка — своей жизнью!

Въ іюлѣ пришла телеграмма о досрочномъ производствѣ въ офицеры Государемъ въ Царскомъ Селѣ выпуска юнкеровъ Петербургскихъ Военныхъ Училищъ. Политическій горизонтъ былъ окутанъ тучами, въ воздухѣ пахло грозой и, наконецъ, грянулъ громъ! 19-го іюля вечеромъ было получено извѣстіе о томъ, что Германія объявила намъ войну. Величайшая міровая трагедія началась. За день до объявленія нами всеобщей мобилизаціи я выѣхалъ на пароходѣ изъ Ялты въ Одессу и въ день ея объявленія былъ уже у отца.

Одесса волновалась, шумѣла, какъ встревоженный муравейникъ. Улицы были полны народа, оживленно коментировавшаго на всѣ лады оффиціальное сообщеніе. Многотысячная людская масса сплошной стѣной запрудила Дерибассовскую и прилегающія къ ней улицы.

Могучіе раскаты ура и громовое пѣніе гимна сплошнымъ стономъ стояли надъ взбаламученнымъ городомъ.

— Германія объявила намъ войну! слышались возгласы отовсюду.

— Долой нѣмцевъ! Всѣ на фронтъ! За Царя-Батюшку, за Русь Православную!

Вотъ на углу Дерибассовской и Екатерининской публика подхватила молодого только что произведеннаго офицера и стала его качать.

— У-р-р-а-а-а! Не выдадимъ васъ! Всѣ пойдемъ, какъ одинъ, на войну за вами! хрипло кричить возлѣ меня какой то штатскій, рабочій по виду.

— Кадетъ, а кадетъ, вы читали? обращается ко мнѣ неизвѣстная дама и суетъ въ руки листъ экстренной телеграммы — и я читаю:

— Съ спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила наша Великая Матушка Русь извѣстіе объ объявленіи войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія мы доведемъ войну, какова она бы ни была, до конца. Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей.

Съ этими словами Государь обратился къ народу, собравшемуся на площади противъ Зимняго Дворца.

Толпа разступается, всѣ обнажаютъ головы. Могучіе звуки гимна полились изъ тысячи устъ...

По Дерибассовской улицѣ идетъ огромная манифестація и несетъ впереди портретъ Государя, Государыни и Наслѣдника.

Надъ толпой рѣютъ національные флаги.

— Всѣ на фронтъ! Умремъ за Россію! несется отовсюду.

Такъ Одесса встрѣтила объявленіе войны.

ГЛАВА X.

Взрывъ небывалаго національнаго подъема, искренее желаніе всѣхъ безъ различія круговъ общества принять посильное участіе въ войнѣ широкой волной прокатился по всей необъятной странѣ, отъ края до края, отъ моря до моря... Мобилизація шла въ необычайномъ порядкѣ, призывные являлись массами, зачастую до срока, случаевъ уклоненія почти не было.

Высочайшимъ указомъ продажа казеннаго вина, водочныхъ издѣлій и пива была запрещена на все время войны. Однимъ росчеркомъ пера Государь, „отрезвилъ" Россію, такъ же, какъ 18 лѣтъ передъ этимъ самодержавной волей и властью Государь ввелъ въ Россіи казенную продажу питей, разработанную и проведенную въ жизнь гр. Витте въ тѣсномъ сотрудничествѣ съ моимъ дѣдомъ.

По опредѣленію одного француза экономиста, посланнаго президентомъ Феликсомъ Форомъ къ гр. Витте для ознакомленія съ проведенной реформой, послѣдняя съ государственной точки зрѣнія превосходна и должна дать самые благіе результаты. На для того, чтобы ввести такую реформу во Франціи, необходимо предаварительно одно важное условіе, а именно, чтобы та страна, въ которой она вводится, имѣла неограниченнаго Монарха, а во Франціи, увы, играютъ громадную роль при выборахъ кабатчики, борьба съ которыми была непосильна.

Къ сожалѣнію, запрещеніе продажи питей имѣло и серьезные отрицателные послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что запрещеніе продажи водки нанесло почти непоправимую брешь въ государственномъ бюджетѣ, оно повлекло за собой развитіе тайной торговли виномъ, которая приняла огромные размѣры, и при которой всякая шушера набивала себѣ карманы, обирая обывателя. Крестьянство же рѣшило пополнить пробѣлъ водки гонкой спирта изъ пшеницы, ржи, кукурузы и пр. предметовъ насущной необходимости, и, благодаря примитивности куренія спирта, уничтожало громадные запасы нужнаго для войны продовольствія, что, конечно, пагубно отразилось какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу.

Въ первый же день пріѣзда въ Одессу я сказалъ отцу о своемъ желаніи, во что бы то ни стало, итти на войну. Мой отецъ совершенно спокойно выслушалъ меня и отвѣтилъ:

— Я понимаю твои мысли и чувства. Какъ честный человѣкъ и патріотъ, искренно любящій своего Царя и Родину, несмотря на всю тяжесть разставанія съ тобой, я долженъ привѣтствовать это твое желаніе. Но такъ какъ

это вопросъ чрезвычайно серьезный и, быть можетъ, рѣшающій въ твоей жизни, я тебѣ даю 24 часа на размышленіе. Ты взвѣсь все за и противъ твоего желанія, проникнись сознаніемъ важности предпринимаемаго шага и тогда сообщи мнѣ свой отвѣтъ!

Вполнѣ понятно, я отъ своего желанія не отступилъ, и мой отецъ послалъ телеграмму директору Николаевскаго Корпуса, съ просьбой разрѣшить мнѣ итти на войну.

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта, но онъ долго не приходилъ. Телеграфъ былъ перегруженъ военными телеграммами, и когда онъ, наконецъ, пришелъ, я былъ въ отчаяніи. Отвѣтная телеграмма лаконически гласила:

Не разрѣшаю ген. маіоръ Квадри. Не знаю, чѣмъ руководился директоръ Корпуса.

Тогда мой отецъ послалъ телеграмму Военному Министру ген. Сухомлинову и около половины августа пришелъ отвѣтъ: разрѣшаю вашему сыну отправиться на войну, при условіи взятіи его изъ корпуса на свое попеченіе. Генералъ Сухомлиновъ.

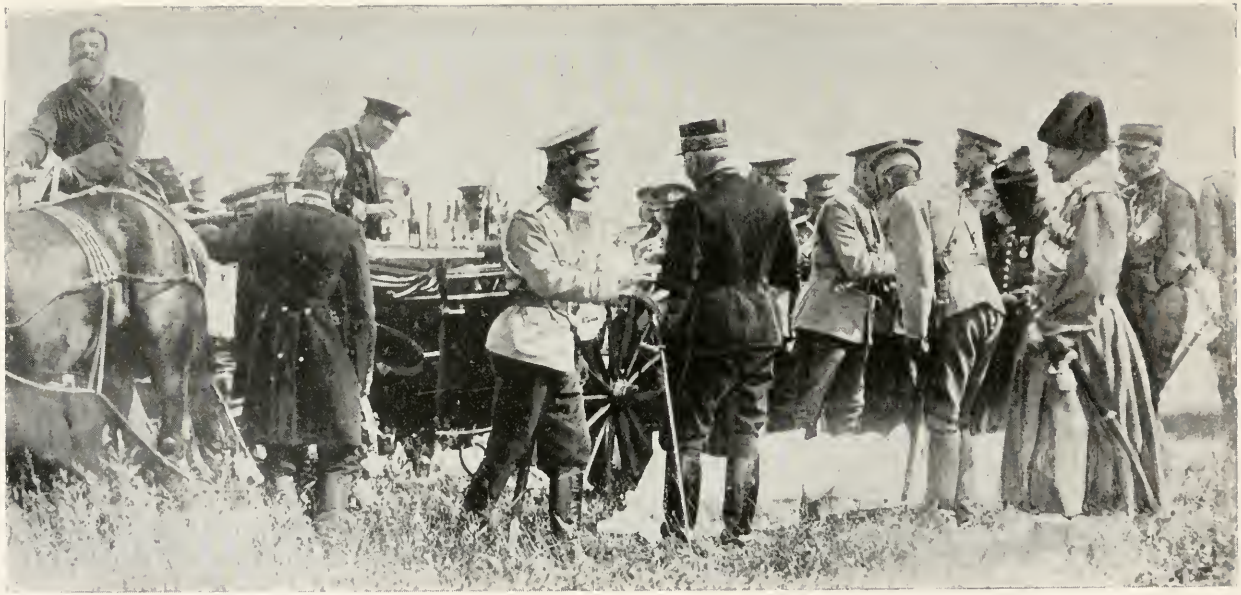
Я ликовалъ. День полученія этой телеграммы былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ дней моей жизни. Немедленно мой отецъ послалъ телеграмму ген. Квадри, съ просьбой уволить меня изъ корпуса по выдачѣ аттестата объ окончаніи 5-ти классовъ такового, и телеграмму командиру Крымскаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка, полковнику Дробязгину, съ просьбой принять меня охотникомъ для совмѣстной службы со сводным братомъ шт.-р. Думбадзе. Вскорѣ былъ полученъ отъ него благопріятный отвѣтъ.

Сборы мои были не долги, и послѣ молебна въ родномъ мнѣ Одесскомъ Корпусѣ, на которомъ, кромѣ директора г.-м. Радкевича, инспектора г.-м. Кошлича, ротнаго командира полковника Цытовича, присутствовало также мое бывшее отдѣленіе съ моимъ воспитателемъ капитаномъ Жуковымъ во главѣ. От. Петровскій въ прочувствованномъ словѣ благословилъ меня отъ имени корпуса иконкой Іоанна Воина, которая давалась обыкновенно кадетамъ, кончившимъ корпусъ. Я съ нею никогда не разставался, она охраняла меня во всѣ послѣдующіе тяжелые и трагическіе для меня дни и въ настоящее время находится при мнѣ.

Съ легкимъ, радостнымъ сердцемъ я шелъ на войну и радость моя омрачалась только сознаніемъ тѣхъ переживаній, которыя долженъ былъ испытывать мой отецъ при отправленіи своего единственнаго сына въ походъ.

Отъ матери я скрылъ свой уходъ на войну. Она узнала о немъ только тогда, когда я уже былъ на фронтѣ, и прислала мнѣ свое письменное благословеніе. Ея иконка Ко-

Е. И. В. Государь Императоръ, Е. И. В. Великая Княжна Ольга Николаевна (слѣва) и Е. И. В. Великая Княжна Татьяна Николаевна (справа) на смотру Своихъ полковъ въ Царскомъ Селѣ.



Императорскіе Маневры въ 1913 году.
Государь Императоръ въ разговорѣ съ генераломъ Жоффръ.

зельщанской Божьей Матери, которой она, какъ будто предчувствуя, благословила меня при моемъ отъѣздѣ изъ Ялты въ Одессу, тоже какимъ то чудомъ сохранилась у меня до сего дня. Одинъ разъ я считалъ ее пропавшей, но она все же вернулась ко мнѣ.

Я прибылъ въ полкъ 29-го августа въ г. Бѣльцы, Бессарабской губерніи, гдѣ онъ временно находился на охранѣ Румынской границы, и былъ зачисленъ въ 5-ый эскадронъ въ тотъ взводъ, которымъ командовалъ мой сводный братъ. Въ сентябрѣ полкъ прибылъ въ Гродно и вступилъ въ составъ 1-ой отд. гвардейской бригады, которой командовалъ Св. Его Велич. ген. маіоръ Скоропадскій, далекій, какъ и мы всѣ, отъ мысли, что онъ будетъ „гетманомъ всея Украины". Въ составъ бригады входили Кавалергардскій и л.-гв. Конный полкъ, нашъ полкъ, пулеметная команда Кирасиръ Его Величества и батарея л.-гв. Конной артиллеріи. Въ составѣ бригады полку пришлось принять участіе въ бояхъ въ знаменитыхъ Августовскихъ лѣсахъ и при вторичномъ наступленіи нашемъ на Восточную Пруссію.

Въ одномъ изъ первыхъ большихъ боевъ около Сувалокъ 17-аго сентября я былъ раненъ въ руку осколкомъ бризантнаго снаряда, но, не перевязываясь, остался въ строю до конца боя, продолжавшагося около пяти часовъ. Въ этомъ бою съ арьергардомъ отступавшаго германскаго корпуса, ошибочно принятаго нами за уходившій обозъ, бригада попала подъ сильнѣйшій сосредоточенный огонь нѣмецкой тяжелой артиллеріи и, послѣ неравнаго спѣшеннаго боя, отошла въ лѣсъ. Въ лѣсу я отправился съ однимъ всадникомъ искать дорогу для одной изъ отошедшихъ партій, оставшейся въ одиночествѣ съ тяжело раненымъ поручикомъ моего полка В., заблудился и послѣ двухъ сутокъ странствованія по дремучему августовскому лѣсу, въ полномъ невѣденіи, гдѣ свои, гдѣ противникъ, безъ карты, я нашелъ, въ концѣ концовъ свой полкъ въ Августовѣ.

Рана моя стала гноиться и меня эвакуировали въ Ригу, гдѣ я сначала лежалъ въ чудномъ лазаретѣ при городской больницѣ, потомъ мѣсяцъ провелъ, долечиваясь, въ имѣніи Зегевольдъ моихъ друзей дѣтства кн. Кропоткиныхъ, послѣ чего вернулся на фронтъ. Изъ Зегевольда я ѣздилъ на три дня въ Петербургъ навѣстить своихъ родственниковъ.

ГЛАВА XI.

Въ Петербургѣ за время войны я былъ впервые. Странное и скверное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня.

Пройдя вечеромъ на Невскій, залитый моремъ свѣта, я увидѣлъ его еще болѣе оживленнымъ, чѣмъ въ мирное время. Шикарные туалеты дамъ, послѣднія модели изъ Парижа, соболя, котиковыя манто, крупнѣйшіе брилліанты, переливавшіеся всѣми цвѣтами радуги изъ подъ шляпъ прелестныхъ обладательницъ смѣшивались съ сѣро-зеленой военной толпой, запрудившей Невскій на всемъ его протяженіи. Штатскихъ почти не было видно. Казалось, что весь Петербургъ, или по новому наименованію Петроградъ, мобилизованъ до послѣдняго жителя и готовъ ежесекундно выйти на фронтъ, чтобы сложить головы на полѣ брани. Но пристальнѣе всматриваясь въ сновавшую мимо меня военную толпу, я былъ пораженъ сравнительно малому количеству въ ней офицерства. Все остальное „защитное", проносившееся мимо меня, звеня шпорами, сверкая золотыми и серебряными погонами, напоминаго не военныхъ, а ряженыхъ масленичной недѣли.

Наличность солдатскихъ шинелей, погонъ, шашекъ, шпоръ съ малиновымъ звономъ отнюдь не придавали ей военнаго вида. Это были штатскіе въ военной формѣ. Форма всей этой молодежи съ ихъ невѣдомыми для меня отличіями, въ видѣ красныхъ крестовъ, топоровъ, лопатъ, якорей и еще, Богъ его вѣдаетъ чего, на погонахъ были совершенно новы и не понятны!

— Это что еще за герои? спросилъ я моего спутника по прогулкѣ по Невскому.

— Что? Да развѣ вы не знаете? Это земгусары и гидроуланы . . .

Я ахнулъ: „Какъ, говорю, да вы бредите, повторите еще разъ", и мой спутникъ мнѣ объяснилъ, что все это уполномоченные, особоуполномоченные, начальники и служащіе въ общественныхъ организаціяхъ, работающихъ на оборону, какъ то Земскаго союза или „Земсоюза" или „союза Городовъ", что вмѣстѣ и называется „Земгоръ", формирующій санитарные отряды, поѣзда, бани, отряды гидротехниковъ по выкачиванію воды изъ окоповъ и. т. п. и которыхъ досужіе Петербуржцы прозвали „гидроуланами" и „земгусарами" за ихъ любовъ поддѣлываться подъ „кавалеристовъ" Словомъ, это были всѣ тѣ, которые, нарядившись въ балаганную военную форму, на законномъ основаніи уклонились въ тылу отъ службы на фронтѣ, а въ послѣдствіи сдѣлались главными агитаторами и растлителями нашей могучей арміи, изнемогавшей въ тяжелой борьбѣ. Къ нимъ при-

соединились махровымъ цвѣткомъ распустившіеся „земсоюзы", „земгоры" и другія организаціи, сокращеніями испакостившія русскій языкъ и уготовавшія путь будущимъ „совдепамъ", „совнаркомамъ", „комбедамъ", „профсоюзамъ" и прочей дряни...

Было противно и больно наблюдать все это. Около зданія городской Думы стояла толпа народа и слышались какіе то крики. Я захотѣлъ посмотрѣть въ чемъ дѣло, но мой спутникъ заупрямился.

— Не стоитъ, надоѣло! Это одинъ изъ очередныхъ сборовъ.

Но я все же потащилъ его къ толпѣ. Глазамъ моимъ представилась удивительная картина. На тротуарѣ было устроено подобіе павильона, сс громадной надписью: „Артистъ-солдату" и изъ него слышался дикій вопль. Кто то дрожащимъ, какъ будто предсмертнымъ голосомъ кричалъ:

— Х-х-хоо-ло-дно въ о-о-копахъ! ухъ, какъ холодно, жертвуйте, граждане, жертвуйте! Хо-о-олодно въ о-к-опахъ!

Оказывается, производился сборъ артистами въ пользу нашего брата.

Впечатлѣніе получалось отвратительное. Гнусавый голосъ какого то шута производилъ впечатлѣніе полнаго нашего провала на фронтѣ; впечатлѣніе сбора на нищую, босую и оборванную армію, потерпѣвшую непоправимое пораженіе, и создавалъ унылое настроеніе толпы, вносившей пятаки и гривенники.

Говорятъ, что эти же артисты устраивали какіе то летучіе концерты, но я ихъ не слышалъ. Много проще и разумнѣе было бы поднять настроеніе толпы хорошимъ боевымъ маршемъ оркрестра и сказать:

— Православные! Вы только что слышали лихой маршъ, но помните, что тамъ, на фронтѣ, защищая нашу родину, въ холодъ и стужу идутъ въ атаку наши отцы, мужья, сыновья и братья! Такъ неужели мы не поможемъ имъ?

А вмѣсто этого по Невскому, кто то дико вопилъ: „хо-о-о-лодно въ о-о-копахъ! Ухъ, какъ х-о-о-олодно!"

Таково было положеніе и настроеніе толпы на Невскомъ. А театры, какъ я убѣдился, дѣлали битковые сборы, рестораны процвѣтали и вино въ нихъ, несмотря на запрещеніе, лилось рѣкой.

И всюду, вездѣ и во всемъ все напоминало пиръ во время чумы! Настроеніе того общества, въ которомъ я вращался, да и вообще всего Петербургскаго общества съ низу до верху, за рѣдкимъ исключеніемъ, было далеко не боевое.

То, чего я наслушался въ Петербургѣ въ нѣсколькихъ гостиныхъ, гдѣ я бывалъ, все было по старому. Отсутствіе нѣкоторыхъ завсегдатаевъ, уѣхавшихъ на фронтъ, мало замѣчалось, французская рѣчь попрежнему перемѣшивалась съ англійской, но по нѣкоторымъ русскимъ фразамъ все же можно было иногда вспомнить, что находишься въ Россіи. Различныя „тантъ Зизи и кузина Мини" съ весьма серьезными лицами обсуждали внѣшнюю и внутреннюю политику Россіи, критиковали положеніе на фронтѣ. Все это было настолько отвратительно и глупо, что я болѣе трехъ дней въ Петербургѣ не выдержалъ и, окончательно сбитый съ толку, больной душевно и нравственно, уѣхалъ въ Зегевольдъ, а оттуда на фронтъ.

Распутинъ! Это имя было самымъ моднымъ и самымъ боевымъ на свѣтскомъ и политическомъ горизонтахъ Петербурга. Чего только я не наслушался о Распутинѣ за эти дни, начиная съ категорическихъ увѣреній, что Государыня сдѣлала Распутина „придворнымъ лампадникомъ", создавъ эту новую „должность", дабы дать ему возможность переселиться во дворецъ.

Положимъ, какъ по секрету сообщали нѣкоторые, это совершенно излишне, такъ какъ Распутинъ и безъ того днюетъ и ночуетъ во дворцѣ!

— А Вырубова? Бѣдная Анна Александровна, она окончательно тронулась, сойдясь съ этимъ мужикомъ! можно было слышать въ салонахъ, гдѣ я помню, кто то замѣтилъ:

— Государыня — игрушка въ рукахъ Вырубовой, а Государь нуль по сравненію съ Распутинымъ. Можно Россію поздравить съ Императоромъ Григоріемъ I-ымъ и Императрицей Анной!

И гнусныя сплетни вѣнчались слухами „о регулярномъ спаиваніи Государыней Государя при участіи Распутина"...

Я не собираюсь на страницахъ моихъ воспоминаній разбивать по пунктамъ всѣ эти обвиненія и клевету на несчастныхъ Вѣнценосцевъ, мерзость всѣхъ этихъ сплетенъ и ихъ абсолютная вздорность и такъ ясна читателю изъ ранѣе мною написаннаго. Я вспомнилъ объ этой гнусной лжи и провокаціи, свившей прочное гнѣздо въ русскомъ обществѣ задолго до революціи, только для того, чтобы показать до какого моральнаго и нравственнаго упадка дошло въ тѣ годы наше общество.

ГЛАВА XII.

Въ январѣ 1915-аго года отецъ обратился къ Государынѣ съ просьбой устроить мнѣ поступленіе въ одно изъ Военныхъ Училищъ, несмотря на неокончаніе мной Корпуса, каковая и была Ею уважена. Высочайшимъ приказомъ, въ изъятіе изъ закона мнѣ разрѣшалось поступить въ любое изъ военныхъ Училищъ по собственному выбору.

Я избралъ Елисаветградское Кавалерійское Училище, ближайшее къ Одессѣ, въ которое и поступилъ 1-аго іюня 1915-го года, а 1-го февраля 1916-года окончилъ его и былъ произведенъ въ прапорщики по армейской кавалеріи съ зачисленіемъ на службу въ 5-ый гусарскій Александрійскій Ея Величества полкъ, такъ какъ свободныхъ вакансій въ Крымскомъ Конномъ полку не было.

Въ январѣ 1915-го года я былъ глубоко осчастливленъ полученіемъ первой боевой награды, Георгіевскаго креста 4-ой степени за бой 17-го сентября 1914-го года. Въ это время заболѣлъ мой отчимъ. Съ нимъ случился сильнѣйшій сердечный припадокъ, міокардитъ сердца, явившійся слѣдствіемъ контузій, полученныхъ при взрывѣ бомбы, брошенной въ него въ 1907-омъ году. Онъ въ сущности никогда окончательно не поправился и сгоралъ, какъ свѣча, на рукахъ моей матери, обезумѣвшей отъ горя и совершенно посѣдѣвшей за годъ мученія ея любимаго мужа.

Несчастный И. А. Думбадзе скончался въ сильныхъ страданіяхъ 1-аго октября 1916-аго года. Моя мать была совершенно убита этой потерей.

Ихъ Величества также сожалѣли о смерти этого истиннѣйшаго и благороднѣйшаго, беззавѣтно Имъ преданнаго человѣка, и моя мать получила отъ Государыни слѣдующую телеграмму:

Съ глубокимъ прискорбіемъ узнали о постигшемъ Васъ горѣ. Пошли Вамъ Господь силъ и крѣпости нести Вашъ тяжелый крестъ.

Александра.

7-го февраля 1916-аго года послѣ производства я удостоился представленія своей Державной покровительницѣ и своему любимому Шефу. Я былъ принятъ Государыней въ Александровскомъ Дворцѣ, куда съ вокзала былъ доставленъ въ придворной каретѣ, въ Ея прелестномъ будуарѣ, находившемся въ нижнемъ этажѣ перваго подъѣзда дворца.

Я, какъ сейчасъ, вижу передъ собой стройную, царственную фигуру Государыни въ нѣжно лиловомъ, отдѣлан-

номъ кружевами съ едва замѣтной серебристой вышивкой, платьѣ, съ короткимъ треномъ, милостиво съ чарующей улыбкой протягивающей мнѣ руку въ отвѣтъ на мой рапортъ и принесенную благодарность за Ея милости ко мнѣ.

Аудіенція длились болѣе 15-ти минутъ. Государыня подробно разспрашивала о моей службѣ въ полку, о пребываніи въ Училищѣ, о здоровьи моего отчима, въ теплыхъ словахъ выражала соболѣзнованія моей матери по поводу ея страданій за любимаго мужа.

Прощаясь со мной, Государыня благословили меня иконкой Св. Георгія Побѣдоносца, я сталъ на одно колѣно и Государыня, перекрестивъ меня, собственноручно одѣла мнѣ ее на шею.

Вторично мнѣ пришлось представляться Государынѣ въ іюнѣ того-же года по случаю перевода меня въ родной мнѣ Крымскій Конный Ея Величества полкъ, послѣдовавшаго также по приказанію Ея Величества. Государыня меня приняла въ томъ же будуарѣ, но уже въ платьѣ сестры милосердія, поразительно шедшаго къ Ней. Бѣлая косынка мягко очерчивала Ея красивое одухотворенное лицо. На этотъ разъ Государыня почти все время аудіенціи разспрашивала меня о ходѣ болѣзни моего отчима, и въ Ея чудныхъ глазахъ я прочелъ искреннюю скорбь и сожалѣніе, когда я сказалъ Ей, что считаю положеніе моего отчима почти безнадежнымъ. Когда Государыня отпускала меня, Она сказала:

— Я буду молиться за Ивана Антоновича, быть можетъ, мои молитвы облегчатъ его страданія. Пожалуйста, передайте вашей матушкѣ мой сердечный привѣтъ и скажите ей, что я часто ее вспоминаю и искренно ее сожалѣю.

Я былъ глубоко растроганъ такой отзывчивостью и добротой Государыни.

Снова въ Царскомъ Селѣ мнѣ пришлось быть въ концѣ августа того же года, когда я пріѣхалъ для леченія полученной контузіи головы, и былъ помѣщенъ, за отсутствіемъ свободныхъ мѣстъ въ собственныхъ Ея Величества лазаретахъ, въ лазаретъ Е. Ф. Ліанозовой, устроенный ею на своей чудной дачѣ, на Павловскомъ шоссе не только по послѣднему слову гигіены, но прямо таки роскошно. Старшей сестрой лазарета была М. Г. Ливенъ, сестра мужа Е. Ф., очень милая, не молодая уже женщина, а младшей Клавдія Михайловна Битнеръ.

Лазаретъ былъ разсчитанъ на 16 человѣкъ. Компанія офицеровъ собралась очень симпатичная, кромѣ нѣкоего прапорщика Комарова, хама по виду и по манерамъ, по профессіи сельскаго учителя, поразившаго меня странностью взглядовъ, легкостью своихъ сужденій о Царской Семьѣ. Мнѣ, по неопытности, было сразу невдомекъ, въ

чемъ тутъ дѣло, и только послѣ революціи я узналъ, что онъ былъ эсъ-эръ чистѣйшей воды.

Среди офицеровъ былъ также капитанъ л.-гв. Волынскаго полка Е. С. Кобылинскій, впослѣдствіи сдѣлавшійся революціоннымъ комендантомъ Александровскаго дворца и сопровождавшій Ихъ Величества въ Тобольскъ.

Онъ былъ очень милымъ человѣкомъ, тихимъ, спокойнымъ и очень уравновѣшеннымъ, опредѣленно питавшимъ нѣжныя чувства къ К. М. Битнеръ, отвѣчавшей ему взаимностью, въ чемъ мнѣ пришлось случайно убѣдиться.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда съ моимъ вѣрнымъ и любимымъ денщикомъ Халилемъ, нашъ лазаретъ посѣтила его хозяйка Е. Ф. Ліанозова. Какой рѣдкой доброты и сердечности была эта полная женщина, золотистая блондинка, съ громадными глазами цвѣта морской волны, имѣвшими какую то особенную притягательную силу, и подкупавшая всѣхъ своей ласковостью.

На содержаніе лазарета она тратила по тѣмъ временамъ бѣшенныя деньги. Мы спали чуть ли не на голландскомъ полотнѣ и покрывались дорогими одѣялами верблюжьей шерсти, щеголяли по лазарету въ сафьяновыхъ туфляхъ и мягкихъ, теплыхъ халатахъ отъ Друса (англійскій магазинъ). Кухня лазарета по своей изысканности могла конкурировать съ рестораномъ Кюба...

Кромѣ того, Е. Ф. содержала на свои средства половину одного изъ отрядовъ Кауфманской общины и посылала въ различныя части подарки на десятки тысячъ рублей. Е. Ф. принимала насъ, офицеровъ, когда мы ѣздили въ Петербургъ, на своей роскошной квартирѣ на Сергіевской, гдѣ насъ закармливали свѣжей икрой, сигами и великолѣпными тонкими ужинами.

Многіе офицеры, не привыкшіе къ такой обстановкѣ и ѣдѣ, въ лазаретѣ просто терялись и не знали, что имъ дѣлать, но зато были и такіе, которые доходили въ своихъ претензіяхъ до такого безобразія и распущенности, что даже по ночамъ требовали себѣ шоколаду, а одинъ изъ нихъ при мнѣ потребовалъ какихъ то особенныхъ конфектъ, которыя, я ужъ и самъ не знаю какъ, были доставлены служителемъ, бѣгавшимъ въ городъ...

Вообще, г. г. офицеры во всѣхъ лазаретахъ Царскаго Села были обставлены болѣе, чѣмъ прекрасно. Такъ напримѣръ, для поѣздокъ къ врачамъ спеціалистамъ конюшенное вѣдомство отпускало имъ придворные экипажи и въ нихъ часто можно было видѣть фигуры, мало внушающія довѣрія, вродѣ Комарова, развалившіяся въ небрежныхъ позахъ въ ландо съ кучеромъ и выѣзднымъ въ придворныхъ ливреяхъ. Словомъ, офицеры, какъ и солдаты, лежавшіе въ

Царскомъ Селѣ были обставлены такъ, что, кажется, имъ только птичьяго молока не хватало.

Государыня и Великія Княжны посѣщали всѣ лазареты, безъ исключенія, тяжело раненые удостаивались особаго вниманія. Нѣкоторымъ въ лазаретѣ посылались цвѣты, и Государыня лично справлялась по телефону о здоровьи по нѣсколько разъ въ день.

Лично же Государыня и Великія Княжны Ольга и Татьяна работали въ качествѣ простыхъ сестеръ въ лазаретѣ большаго Дворца, а также и въ Собственномъ Ихъ Величествъ лазаретѣ No. 4-ый, присутствуя и помогая при самыхъ тяжелыхъ операціяхъ.

Я пробылъ въ лазаретѣ до 20-аго ноября, послѣ чего уѣхалъ въ Ялту для подкрѣпленія расшатаннаго здоровья съ назначеніемъ въ Здравницу Ея Величества въ Массандрѣ.

Сентябрь мѣсяцъ я пролежалъ въ кровати, а въ октябрѣ съѣздилъ въ Петербургъ, гдѣ могъ убѣдиться, что настроеніе столицы, которую я два года не видѣлъ, еще болѣе ухудшилось. Петербургъ напоминалъ нервымъ, бѣшеннымъ темпомъ жизни желтый домъ, а мятущіяся по улицамъ толпы народа походили то на тихо, то на буйно помѣшанныхъ. Общество окончательно развинтилось, языки распустились и травля Государыни достигла своего апогея. Въ лучшемъ случаѣ, Она была явной „германофилкой, склонявшей Государя къ заключенію сепаратнаго мира", — въ худшемъ, германской „шпіонкой".

Пока эти разговоры велись по гостинымъ и салонамъ, это было возмутительно, но все же это было еще съ полъ бѣды, но 1-аго ноября тѣ же обвиненія противъ Государыни были брошены уже открыто, съ Думской трибуны, во всеуслышаніе!

Въ этомъ день я былъ въ Думѣ впервые. Когда я шелъ туда, думалъ, что увижу собраніе избранниковъ русскаго народа, въ моментъ безмѣрнаго напряженія своихъ народныхъ силъ страны слившихся въ единомъ патріотическомъ порывѣ, забывшихъ партійность и бывшіе раздоры и воодушевленныхъ только мыслью поддержать свою страну и Царя въ тяжелую годину величайшихъ испытаній, ниспосланныхъ нашей Родинѣ!

Но я только разочаровался. Сердце восторженно билось, когда послѣ прочтенія Указа Государя объ открытіи сессіи, Родзянко провозгласилъ ура обожаемому Монарху! Залъ дрожалъ отъ восторженныхъ криковъ. Первую половину засѣданія велъ Родзянко.

Послѣ перерыва, товарищъ предсѣдателя Варунъ-Секретъ объявилъ, что Родзянко внезапно занемогъ, и онъ занялъ его мѣсто.

„Собственный Подъѣздъ“ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ. Смѣна караула.

Александровскій дворецъ. Главный фасадъ.

Засѣданіе возобновилось. На трибунѣ появился лысый старичекъ со внѣшностью профессора провинціальнаго университета въ очкахъ и потертомъ пиджачкѣ. На хорахъ лѣвой половины зала прошелъ сдержанный одобрительный шопотъ. Возлѣ меня кто то спросилъ:

— Кто это?

— Да это Милюковъ! отвѣтили ему.

Милюковъ, не спѣша, спокойно и увѣренно вынулъ изъ объемистаго кармана пачку бумагъ и громкимъ, внятнымъ голосомъ началъ свою рѣчь. Съ каждымъ его словомъ во мнѣ поднималась буря негодованія.

Я не зналъ, что мнѣ дѣлать... Хотѣлось плакать, кричать, но приходилось сдерживаться и только безпомощно сжимать кулаки...

Варунъ-Секретъ невозмутимо сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, почти не прерывая оратора, далъ ему возможность свободно закончить свою возмутительную рѣчь.

Милюковъ сходилъ съ трибуны подъ громъ рукоплесканій лѣвой части зала и хоровъ.

Было очевиднымъ, что и болѣзнь почтеннаго Родзянко и безмолвіе Варунъ-Секрета, все это было заранѣе предусмотрѣно и планомѣрно приводилось въ исполненіе.

На слѣдующій день газеты вышли съ огромными бѣлыми дорожками: цензура рѣчи Милюкова не пропустила. Но цѣль была достигнута, дѣло было сдѣлано... Яблоко раздора было брошено въ широкія массы русскаго народа..

Съ тяжелымъ сердцемъ въ ужасномъ настроеніи я покидалъ Думу, рѣшивъ, что въ этомъ проклятомъ учрежденіи ноги моей больше не будетъ.

Вернувшись въ Ялту въ концѣ ноября, я было снова помѣстился въ Здравницѣ Ея Величества, но мнѣ скоро пришлось ее покинуть, такъ какъ я заболѣлъ натуральной оспой и переѣхалъ къ матери, продолжавшей жить въ Ливадіи.

Весь декабрь и начало января болѣзнь приковала меня къ постели.

По газетамъ, въ большомъ количествѣ получаемыхъ моей матерью, я узнавалъ о все ухудшавшемся политическомъ положеніи.

18-аго декабря, вечеромъ, изъ свѣжихъ агентскихъ телеграммъ я узналъ о роковомъ выстрѣлѣ въ Юсуповскомъ особнякѣ...

Въ концѣ января, немного оправившись, я вернулся въ Царское Село, гдѣ мнѣ предстояло докончить леченіе контуженнаго уха и глазъ.

Въ этотъ пріѣздъ я былъ помѣщенъ въ лазаретъ No. 12 г-на Вольтерсъ, на Новой улицѣ въ Царскомъ. Воль-

терсъ оказался очень милымъ человѣкомъ, бельгійскимъ подданнымъ, женатымъ на русской и имѣвшимъ коммерческія дѣла въ Петербургѣ. Въ одной изъ комнатъ своей дачи онъ устроилъ палату для четырехъ выздоравливающихъ офицеровъ. Проще говоря, четыре офицера всегда имѣли возможность гостить у милой семьи Вольтерсъ, какъ хорошіе, добрые его знакомые.

Политическое положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ. Хотя я далъ себѣ слово больше въ Думу не ходить, но все же не выдержалъ и, поддавшись уговариванію моего хорошего знакомаго чл. Думы князя Ш., совѣтовавшаго мнѣ пойти послушать Пуришкевича, сдѣлавшегося изъ популярнаго монархическаго дѣятеля знаменитымъ убійцей, пошелъ туда.

15-аго февраля, въ день открытія Думы, рано утромъ съ тяжелымъ предчувствіемъ вышелъ я изъ лазарета и пошелъ на вокзалъ.

Около Царскосельскаго вокзала я увидѣлъ большой нарядъ конной полиціи. Около Думы встрѣтилось еще нѣсколько конныхъ патрулей. Князь Ш. говорилъ мнѣ, что рабочіе хотятъ пройти къ Думѣ и предъявить ей какія то требованія, но что, конечно, всѣ мѣры приняты для недопущенія какихъ бы то ни было демонстрацій. И на самомъ дѣлѣ, кромѣ этихъ нарядовъ полиціи, ничто не измѣнилось въ обычной будничной жизни Петербурга.

Когда я поднялся на хоры, они были уже переполнены. Настроеніе у всѣхъ было напряженное, приподнятое, но не думаю, что отъ радостнаго чувства, а скорѣе обратное, вѣдь сегодня должна была продолжаться травля правительства, начатая еще съ историческаго засѣданія 1-аго ноября!

Послѣ полуторачасовой рѣчи Министра Земледѣлія Ритиха, кстати выступавшаго впервые, но, не смотря на то, замѣчательно тонко и мѣтко полемизирующаго со своими противниками слѣва, на трибунѣ появился Керенскій, горе родины [1], съ минуту метался по трибунѣ, размахивалъ руками и что то истерически выкрикивалъ. Благодаря отсутствію многихъ зубовъ, онъ ежеминутно оплевывалъ стенографистокъ, сидѣвшихъ подъ трибуной. Тѣ, видимо, въ демократическомъ умиленіи принимали это за весенній дождь. Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ и нахальныхъ фразъ по адресу правительства, онъ былъ лишенъ слова и, подъ невѣроятный шумъ и стукъ по пюпитрамъ справа и жидкіе аплодисменты слѣва, покинулъ трибуну.

---

[1] Какъ удачно окрестилъ его, къ сожалѣнію, неизвѣстный мнѣ вольноопредѣляющійся, крикнувшій ему эти слова на Московскомъ Совѣщаніи 6-аго августа 1917-аго года.

Нынѣ вспоминается мнѣ одинъ случай изъ жизни этого господина. Какъ то разъ во время его рѣчи, когда онъ въ патетическомъ изступленіи изрыгалъ фонтанъ своей бѣшенной слюны, кто то изъ зала ему крикнулъ:

— Керенскій! Я жертвую пять рублей на покупку зонтика стенографисткамъ, а то вы ихъ заплюете!

Эта реплика произвела на него впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Характерный фактъ приводитъ Н. Карабчевскій, товарищъ Керенскаго по адвокатурѣ [1].

Однажды во время маслянницы Керенскій явился на квартиру одного изъ членовъ Думы, гдѣ собрались гости, въ облаченіи древняго римлянина временъ республики съ мечемъ въ рукахъ. Всѣ нашли, что въ шлемѣ, изъ подъ котораго торчали его характерно растопыренныя уши, и съ мечемъ въ рукахъ, на своихъ тонкихъ ногахъ, онъ весьма удачно выразилъ „стойкую храбрость русскаго революціонера".

Эти слова прекрасно характеризуютъ этого болтуна и все то стихійное и безсмысленное движеніе, которое онъ возглавлялъ.

Послѣ рѣчи Керенскаго мѣсто на трибунѣ занялъ Пуришкевичъ.

Что говорилъ Пуришкевичъ?

Теперь мнѣ трудно вспомнить и передать его рѣчь. Одно могу сказать, что ею, на мой взглядъ, онъ еще больше принесъ вреда своей Родинѣ, чѣмъ Милюковъ 1-аго ноября. Изъ устъ этого глашатая русскаго монархизма срывались слова объ участіи въ управленіи страной „темныхъ силъ", объ измѣнѣ правительства русскому дѣлу, перемѣшанныя съ намеками на вредную роль Государыни въ дѣлѣ управленія страной! Я былъ совершенно потрясенъ и уничтоженъ...

Давно ли этотъ депутатъ появлялся въ Думѣ съ красной гвоздикой, продѣтой въ пуговичную петлю панталонъ, давно-ли изъ устъ его неслась весьма не парламентская брань по адресу Милюкова и его приспыхъ?...

Въ моей головѣ никакъ не укладывалась эта перемѣна мыслей, взглядовъ и дѣйствій.

Такъ вѣрноподданный Пуришкевичъ и кадетъ Милюковъ духовно протянули другъ другу руку и оказались въ опозиціи къ Его Величеству!...

Бѣдная, несчастная Россія!!

---

[1] Н. Карабчевскій „Что мои глаза видѣли", часть 2-ая стр. 161—162.

ЧАСТЬ II[ая].

Императоръ Николай II.

„Какъ женщина, ему вы измѣнили,
И какъ рабы, вы предали его . . .“

Въ тѣ дни, когда мы низко такъ упали,
Вездѣ мнѣ грезился священный образъ Твой,
Съ очами, полными загадочной печали,
Съ лицомъ, исполненнымъ небесной добротой.

Тебя жалѣть я не могу, не смѣю —
Ты для меня, попрежнему, великъ!
Я предъ Тобой, моимъ Царемъ, благоговѣю,
И стыдно мнѣ смотрѣть на Твой любимый ликъ.

Слѣпой народъ, обманутый лжецами,
За доброту души Твоей святой,
Тебя клеймилъ позорными словами
И казни требовалъ — надъ кѣмъ же . . надъ Тобой!

Не такъ ли палъ и Царь коварной Іудеи,
Мессія истины, народная мечта . . .
И Бога своего презрѣнные евреи
Распяли на доскѣ позорнаго креста! . . .

И Царь былъ осужденъ на пытки рабской казни,
Надъ Божествомъ глумился весь народъ,
И люди-изверги убили безъ боязни
Того, Кто создалъ міръ, моря и небосводъ.

Но, побѣдивъ въ аду нѣмыя силы гроба,
Возсталъ Христосъ и всѣмъ явился вновь!
Побѣждена безпомощная злоба,
И козни зла разсѣяла любовь . . .

Я вѣрю въ часъ священнаго возмездья:
Клятвопреступники, васъ кара неба ждетъ!
Васъ уличатъ въ предательствѣ созвѣздья,
Надъ вами солнце правды не взойдетъ!

И камни возопятъ отъ вашего злодѣйства,
Васъ грозно обличитъ правдивая судьба:
За низость вашихъ чувствъ, за подлость фарисейства,
За клеветы возставшаго раба . . .

Еще недавно такъ предъ Нимъ склоняли выи,
Клялися вы Его до гроба защищать,
И за Царя, Вождя, Хозяина Россіи,
Вы обѣщали жизнь безропотно отдать.

И гдѣ же, гдѣ слова, гдѣ праздные обѣты,
Гдѣ клятвы вѣрности, присущія войскамъ?
Гдѣ вашихъ праотцевъ священные завѣты!
Обманутый, Онъ твердо вѣрилъ вамъ...

Онъ, вашъ исконный Царь, прямой и благородный,
Въ своей душѣ Онъ могъ ли помышлять,
Что вы готовитесь измѣной всенародной
Россіи честь навѣки запятнать!

Предатели, рожденные рабами!
Свобода лживая не дастъ покоя вамъ:
Зальете вы страну кровавыми ручьями,
И зарево огня пройдетъ по деревнямъ.

Пройдутъ вѣка, но подлости народной
Съ страницъ Исторіи не вычеркнутъ года.
Отказъ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вамъ будетъ навсегда!...

С. Бехтѣевъ.

Изъ книги Ѳ. Винберга „Крестный путь“.

ГЛАВА I.

Черезъ нѣсколько дней послѣ знаменитаго думскаго засѣданія я навѣстилъ въ Царскомъ свою сводную сестру, Нину Кологривову. Недалеко отъ казармъ 4-го Стр. Императорской Фамиліи полка, гдѣ она жила, я встрѣтилъ ея мужа, прикомандированнаго къ Собственному Его Величества Сводному полку, несшему охрану Александровскаго дворца.

Костя, мужъ Нины, возвращался съ дежурства во дворцѣ. Онъ былъ весь подъ впечатлѣніемъ встрѣчи съ Государемъ во время обхода постовъ въ паркѣ.

— Я совершенно неожиданно столкнулся съ Государемъ, когда Онъ съ Великой Княжной Татіаной Николаевной выходилъ изъ одной боковой аллеи, — сказалъ онъ мнѣ и глаза его сіяли счастіемъ.

— Государь и Великая Княжна улыбнулись, видя мою растерянность, и Государь спросилъ меня:

— Вы провѣрили посты? если да, то я пойду домой, вы тоже?

— Мы вмѣстѣ дошли до дворца, причемъ всю дорогу Государь разспрашивалъ меня про полкъ, разсказалъ мнѣ послѣднія полковыя новости съ фронта... Ты не можешь себѣ представить, Сережа, насколько простъ Государь въ обращеніи съ нами!!

Дома, послѣ обѣда, около камина, въ которомъ весело потрескивали дрова, я разсказалъ Нинѣ и Костѣ свои переживанія послѣднихъ дней. Кологривовъ сидѣлъ въ креслѣ, подперевъ голову руками.

— Только чудо можетъ спасти насъ отъ революціи! — прервалъ онъ мой разсказъ о думскомъ засѣданіи, чествующемъ Пуришкевича.

— Чья-то невидимая рука гонитъ насъ на край пропасти! Ты только послушай, что дѣлается у насъ въ гарнизонѣ! Вопреки всѣмъ приказамъ, наши запасныя части комплектованы не крестьянами, а фабричнымъ людомъ и поддонками большихъ городовъ... Офицерскій составъ — прикомандированные къ полку г. г. изъ народныхъ учителей, почтовыхъ чиновниковъ и другихъ „сознательныхъ“ интеллигентовъ, которые командуютъ ротами а то и баталіонами. Посмотри на солдатъ — развѣ это Гвардія? Гвардіи больше нѣтъ! Она легла костьми на поляхъ Восточной Пруссіи,

Польши и Галиціи... Теперешній гвардейскій солдатъ это ряженый съ манерами фабричнаго рабочаго съ Выборгской стороны! Не такъ давно Арцыбушевъ [1], обходя караулы, зашелъ въ караульное помѣщеніе тракторныхъ батарей [2] и нашелъ караулъ спящимъ. Самъ понимаешь, что произошло...

Онъ растолкалъ спящихъ, а когда выходилъ изъ помѣщенія, то въ него швырнули камнемъ.

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, до того все это было кошмарно, дико и ново для меня.

Ты удивленъ, потрясенъ, дорогой мой! Да, все это ужасно, но это пустяки. Мѣсяцевъ шесть тому назадъ прихожу я въ нашу полковую канцелярію. Не успѣлъ я войти въ комнату, какъ въ нее влетѣлъ сверхсрочный унтеръ-офицеръ, котораго я давно зналъ. Трясущійся, блѣдный, какъ полотно, онъ спросилъ, гдѣ командиръ полка? Полковника Колотинскаго [3] не было. Я попытался узнать о причинѣ его волненія, но онъ отказался мнѣ что либо сказать и только причитывалъ:

— Ужъ прямо таки и сказать не могу, Ваше Вскблагородіе... Десять годовъ служу, а такого со мной еще не бывало... Ужасти! одно слово!!

Вскорѣ пришелъ Колотинскій. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вызвалъ меня и передалъ сущность доклада унтерофицера. Оказалось, что послѣдній, проходя мимо столовой въ офицерскомъ собраніи, былъ позванъ туда нѣсколькими прикомандированными къ полку прапорщиками, спросившими его:

— Бьютъ ли офицеры въ полку солдатъ?

Получивъ отъ изумленнаго такимъ вопросомъ унтеръ-офицера категорическій отвѣтъ: никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, у насъ въ полку этого не бываетъ! одинъ изъ прапорщиковъ замѣтилъ:

— Ну, а если кто и попробуетъ, то гони ему, братецъ, штыкъ въ пузо!

Отъ такого совѣта старый служака обомлѣлъ окончательно и стремглавъ бросился доложить объ этомъ командиру. Понятно, что прапорщикъ этотъ былъ немедленно вызванъ въ канцелярію. Онъ былъ нещадно изруганъ Колотинскимъ и съ мѣста отправленъ въ Петербургъ, на главную Гауптвахту.

Естественно, что ему грозилъ военный судъ со всѣми послѣдствіями, ввиду военнаго времени!

---

[1] Штабсъ-капитанъ 4-го Стр. полка.

[2] Тракторныя 12-ти дюймовыя батереи были расположены въ Царскомъ Селѣ, гдѣ онѣ формировались.

[3] Гв. полковникъ Колотинскій командовалъ Запаснымъ Полкомъ 1-го Стр. Имп. Фамиліи полка въ Царскомъ Селѣ.

Костя, тяжело вздохнувъ, прибавилъ:

— Вотъ тебѣ два примѣра изъ жизни запасныхъ частей гвардіи, расположенныхъ здѣсь въ Царскомъ... Мы же держемся бодро, дисциплина у насъ отличная... Солдаты — молодецъ къ молодцу, но теперь къ намъ чувствуется какое то недовѣріе... Больно говорить объ этомъ!

У меня невольно сорвалось:

— Какъ недовѣріе... Этого быть не можетъ! Неужели Ихъ Величества вамъ не довѣряютъ?...

— Къ сожалѣнію, это такъ... Послѣ смерти Распутина Императрица сдѣлалась очень замкнутой и молчаливой, и какъ будто какой то холодокъ прошелъ между Ней и нами, офицерами Своднаго полка. Теперь все идутъ разговоры о приходѣ въ Царское Село намъ на помощь баталіона Гвардейскаго Экипажа... До сего дня мы ни въ чьей помощи не нуждались. Все шло и идетъ отлично. Службу мы несемъ образцово. Извѣстіе о приходѣ Гв. Экипажа, если хочешь, оскорбило насъ, а недавно пріѣхавшій изъ ставки генералъ Гроттенъ, вновь назначенный помощникомъ Воейкова[1], успокоенія въ дворцовую жизнь не внесъ ни своимъ „фронтовымъ“ видомъ, въ папахѣ и полушубкѣ, поминутно провѣряя посты, ни пытаясь экзаменовать насъ, офицеровъ въ знаніи нашихъ обязанностей во время дежурства во Дворцѣ! Его „защитный“ видъ совсѣмъ не гармонируетъ съ дворцовой обстановкой... Вѣдь мы дежурили въ кителяхъ при одной шашкѣ и даже револьверъ беремъ просто въ карманъ... А тутъ ходитъ какая то фигура чуть ли не въ боевой амуниціи... Недавно мы просили командира объяснить причину такой перемѣны отношенія къ намъ. Ресинъ[2] собралъ насъ въ собраніи и въ краткой рѣчи, со слезами на глазахъ, сказалъ намъ:

— Да, господа, намъ не вѣрятъ... Гвардейскій экипажъ придетъ въ Царское помогать намъ нести караульную службу.

На нашъ вопросъ, что же намъ дѣлать, Ресинъ отвѣтилъ:

— Намъ на дѣлѣ остается доказать преданность Ихъ Величествамъ.

Мы просили командира передать Его Величеству наши самыя вѣрноподданническія чувства и съ тяжелымъ сердцемъ разошлись изъ собранія.

Мы еще долго просидѣли съ Кологривовымъ у камина, обсуждая назрѣвавшія событія, всѣми ощущаемую, нерв-

---

[1] Св. Его Вел. г. м. Воейковъ былъ дворцовымъ комендантомъ и находился въ Ставкѣ съ Государемъ.

[2] Г.-м. Св. Е. В. Ресинъ былъ командиромъ Своднаго Полка.

ность, а, главымъ образомъ, начавшіеся безпорядки на заводахъ, работающихъ на оборону.

Морально угнетенный и разбитый физически, я вернулся къ себѣ въ лазаретъ, гдѣ узналъ, что меня неоднократно вызывалъ по телефону мой однополчанинъ, корнетъ Ш., просившій немедленно пріѣхать къ нему, по срочному дѣлу, въ Петербургъ. Я съ первымъ же отходящимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Царскаго.

То, что сообщилъ мнѣ мой однополчанинъ, было настолько чудовищно, настолько невѣроятно и подло, что я нѣсколько минутъ совершенно ошеломленный просидѣлъ въ креслѣ, не будучи въ состояніи произнести ни звука...

Ш. утромъ узналъ отъ одного своего пріятеля, служившаго въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, лица заслуживающаго полнаго довѣрія, что на Государыню Императрицу Александру Феодоровну въ концѣ февраля или началѣ марта готовится покушеніе. Лицу, согласившемуся исполнить этотъ адскій замыселъ, обѣщалась крупная награда.

Бѣдный Ш. былъ страшно взволнованъ и нервно ходилъ по кабинету. Что дѣлать? Какъ быть? Эти вопросы огненными буквами стояли передъ нами. Послѣ долгихъ переговоровъ мы рѣшили просить аудіенціи у Ея Величества, такъ какъ оба собирались ѣхать на фронтъ, и доложить Императрицѣ все, что намъ было извѣстно. Это рѣшеніе немного успокоило насъ.

Когда я вернулся къ себѣ въ лазаретъ, меня схватила лихорадка. Нѣсколько часовъ я пластомъ пролежалъ въ кровати. Провелъ я почти безсонную ночь и только утромъ, послѣ горячей молитвы, забылся въ полуснѣ, полномъ кошмаровъ.

Событія въ Петербургѣ назрѣвали и предупредили наше рѣшеніе. Начиная съ 2 февраля, я почти каждый день бывалъ въ Петербургѣ. Тревожное настроеніе чувствовалось въ, казалось, праздной толпѣ, наполнявшей Невскій. Всякіе слухи о томъ, что городъ останется безъ хлѣба, таинственныя розсказни о какихъ то необыкновенныхъ приготовленіяхъ полиціи, о движеніи на Петербургъ войскъ, снятыхъ съ фронта, росли и ширились, будоража жизнь петербургскаго обывателя.

25-го февраля я, не найдя на вокзалѣ ни одного извозчика, отправился пѣшкомъ по Загородному на Невскій. Повсюду встрѣчались наряды полиціи и войскъ.

Около Владимірскаго собора довольно большая толпа народа что то жарко обсуждала. На Владимірской улицѣ я увидѣлъ необычно большое скопленіе публики, она все прибывала со стороны Невскаго и вскорѣ вся улица была

запружена толпой. Я съ трудомъ протискался дальше. Дойдя до угла Владимірской и Невскаго я увидѣлъ поразительную для меня, конечно, въ тѣ дни картину:

Невскій, въ сторону Адмиралтейства, былъ почти очищенъ отъ публики. По улицѣ галопомъ, развернутымъ строемъ, проносились казаки 1-го Донского Его Величества полка и взводы конной полиціи. Немногіе прохожіе, задержавшіеся въ этой части Невскаго, пугливо жались къ стѣнамъ домовъ. Со стороны же Николаевскаго вокзала медленно двигалась сплошной стѣной толпа, на мой взглядъ достигавшая до тысячи человѣкъ. Вдругъ надъ ней заколыхались красныя тряпки, надѣтыя на палки. Въ заднихъ рядахъ послышалосъ нестройное пѣніе Марсельезы. Вотъ она совсѣмъ близко отъ меня... Въ невольномъ бѣшенствѣ, я сдѣлалъ къ ней нѣсколько шаговъ. Въ этотъ моментъ изъ ея переднихъ рядовъ выскочилъ какой то мальчишка, лѣтъ семнадцати, опредѣленно семитскаго типа, въ формѣ коммерческаго училища съ крикомъ: Товарищи! Долой войну!

Меня взорвало. Я выхватилъ изъ кармана своего полушубка маузеръ и, направивъ его на него, не своимъ голосомъ крикнулъ:

— Я тебѣ... такую долой войну покажу, что ты своихъ не узнаешь! Жидовская морда!

Я соверхенно озвѣрѣлъ въ этотъ моментъ. Револьверъ мой зловѣще щелкнулъ, но выстрѣла не послѣдовало. Съ горяча я забылъ его передернуть, а въ стволѣ не было девятаго патрона.

Съ пронзительнымъ воплемъ комерсантикъ схватился за голову руками и въ ужасѣ шарахнулся на Владимірскую. Въ насѣдавшей толпѣ послышались угрожающіе крики:

— Офицеръ! Стрѣлять хочетъ. Бей его!

— Ну, кончено! подумалъ я и судорожно сжалъ въ рукѣ револьверъ.

Меня спасъ взводъ казаковъ, налетѣвшихъ въ это мгновеніе на толпу, она дрогнула и бросилась въ разсыпную.

Быстрыми шагами пошелъ я по Невскому къ Гостиному Двору и почти по безлюднымъ улицамъ добрался до знакомыхъ.

27-го февраля я опять пріѣхалъ въ Петербургъ. Положеніе значительно ухудшилось и стало крайне обостреннымъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ воинскія части и полиція примѣняли оружіе противъ демонстрантовъ. Фабрики и заводы бастовали. Началось броженіе въ частяхъ гарнизона, а нѣкоторыя части, напримѣръ Волынцы, хотя и не цѣликомъ, перешли на сторону возставшихъ.

ГЛАВА II.

По городу ходили толпы разнообразнаго люда. Слышались возгласы: Хлѣба! Давайте намъ хлѣба!

Но въ этихъ словахъ чувствовалось, что это умѣло подстроенная комедія, такъ какъ уменьшеніе выдачи хлѣба на $^1/_4$ фунта не знаменовало собой голода.

Я пріѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ штабсъ-ротмистромъ л.-гв. Кирасирскаго Его Вел. полка Карангозовымъ и мы вмѣстѣ стали пѣшкомъ пробираться къ центру города. Со вчерашняго дня картина на Невскомъ не перемѣнилась, и вдоль Невскаго попрежнему ходили усиленные наряды полиціи. Около Гостинаго Двора мальчишка-газетчикъ продавалъ какія то газеты.

Онѣ на расхватъ разбирались публикой. Когда мы проходили мимо, то услышали голосъ неунывающаго петербуржца:

— Эй, мальченка! дай-ка газетку! Страсть, какъ хочется узнать, что дѣлается на Выборгскомъ фронтѣ!

Со стороны Литейнаго моста слышалась довольно частая ружейная перестрѣлка и изрѣдка четкое токаніе пулемета.

Около публичной библіотеки мы поравнялись съ ротой зап. бат. л.-гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка съ пулеметами подъ командой нашего общаго знакомаго, поручика Р. На наши вопросы, куда онъ ведетъ ее, онъ взволновано отвѣтилъ, что къ Литейному мосту, гдѣ за баррикадами засѣли возставшіе.

На многихъ домахъ и столбахъ было расклеено объявленіе, въ которомъ рабочіе предупреждались, что, если они до 28-го февраля не прекратятъ забастовки, то они всѣ будутъ призваны въ войска, а главари будутъ преданы суду. Но было слишкомъ поздно. Приказъ этотъ никѣмъ не былъ исполненъ. Мятежники чувствовали себя много сильнѣе, чѣмъ растерявшіяся власти.

Въ „Асторіи“, куда мы, въ концѣ концовъ добрались, все было по старому. „Файфъ-о-клокъ“ былъ въ полномъ разгарѣ и холлъ былъ переполненъ обычной публикой. Только повсюду слышались оживленные разговоры о текущихъ событіяхъ.

За однимъ изъ столиковъ мы увидѣли мою сводную сестру Ольгу Ивановну Коломнину, моего однополчанина шт.-рот. Губарева, штабсъ-ротмистра л.-гв. Коннаго полка князя Накашидзе и еще нѣсколько офицеровъ. Мы сѣли вмѣстѣ пить чай. Въ это время со стороны Вознесенскаго проспекта послышалась военная музыка и вскорѣ мимо нашихъ оконъ въ стройномъ порядкѣ прошла рота Гвардей-

скаго Экипажа со знаменемъ во главѣ. Это была послѣдняя воинская часть старой славной русской Императорской арміи, которую я видѣлъ въ такомъ привычномъ для меня, да и для всѣхъ насъ, порядкѣ...

Наше настроеніе какъ то невольно приподнялось, и мы всей компаніей вышли на Морскую и пошли вслѣдъ за уходившей ротой. Какъ намъ сказали по дорогѣ, она шла къ Зимнему Дворцу на присоединеніе къ оставшимся вѣрнымъ присягѣ войскамъ, которыя собрались во дворцѣ изъ различныхъ частей петербургскаго гарнизона. И дѣйствительно, около главнаго подъѣзда Дворца стояла развернутая во фронтъ рота Преображенскаго полка съ хоромъ музыки, которая при приближеніи частей брала „на караулъ" и хоръ музыки игралъ соотвѣтствующіе полковые марши. Слышались крики „ура".

Моя сестра осталась съ нѣсколькими офицерами около арки главнаго Штаба, а я съ штабсъ-ротмистрами Губаревымъ, Карангозовымъ и княземъ Накашидзе прошли дальше.

Рота Гвардейскаго Экипажа, привѣтствуемая громкимъ ура, скрылась во дворѣ дворца. Около Эрмитажа собралась небольшая группа зѣвакъ, смотрѣвшая на происходившее. Одна изъ бывшихъ въ этой группѣ женщинъ, типичная курсистка, стала задавать полковнику Аргутинскому-Долгорукову, распоряжавшемуся приходившими войсками, наглые вопросы.

— Правда ли, что вся власть перешла въ руки Государственной Думы и что Царь отрекся отъ престола. А вы тутъ, господинъ офицеръ, солдатъ собираете, чтобы рабочій народъ разстрѣливать.

При этомъ ея маленькіе глазки, глубоко посаженные, подъ узкимъ лбомъ типичной кретинки, дышали злобнымъ огнемъ, а на бѣлесо-синихъ, узкихъ губахъ играла торжествующая усмѣшка.

Полковникъ Аргутинскій-Долгоруковъ спокойно объяснилъ этой особѣ, что все это ложь и что сюда собираются тѣ войска, которые вѣрны своему Императору, и не потому, что они собираются кого либо разстрѣливать, а потому, что ихъ самихъ собираются разстрѣливать.

Въ это время съ крыши главнаго Штаба и изъ подъ арки раздались отдѣльные выстрѣлы, направленные на насъ, а потомъ стрѣльба начками, а также, какъ мнѣ помнится, стрѣльба пулеметная по войскамъ, стоявшимъ у подъѣзда Дворца.

Толпа бросилась въ разсыпную, а мы поспѣшили за Преображенцами, которымъ было приказано войти во дворъ. Площадь мгновенно опустѣла. Несмотря на сильный огонь, открытый по насъ, къ великому счастью, никто ра-

ненъ или убитъ не былъ, хотя пули щелкали по мостовой, какъ разсыпанный горохъ.

Дворъ Зимняго Дворца былъ переполненъ солдатами Преображенскаго, Павловскаго и др. полковъ. Огромныя ворота закрылись за нами. Вышедшій изъ зданія генералъ Занкевичъ обратился къ солдатамъ съ рѣчью. Онъ поздоровался съ солдатами.

Дружное: Здравія желаемъ, Ваше П-ство, далекимъ эхомъ откликнулось повсюду. Прерывающимся голосомъ онъ со слезами на глазахъ началъ свою рѣчь... Привожу его слова, понятно, по памяти.

— Павловцы! Я обращаюсь къ вамъ, какъ старый вашъ командиръ, съ которымъ вы не разъ бывали въ бояхъ и сраженіяхъ! Братцы, что вы дѣлаете? Вы Царя — Батюшку предаете и нашу Матушку Россію врагамъ на растерзаніе отдаете! Помните, что всѣ эти безпорядки выгодны только врагамъ нашимъ, нѣмцамъ, которые съ радостью теперь видятъ, что въ Россіи братъ возсталъ на брата... Братцы, опомнитесь, послушайте своего стараго боевого товарища!

Онъ еще говорилъ въ томъ же духѣ съ рыданіями въ голосѣ и слезы лились по его загорѣлому лицу. Видно было, что человѣкъ переживаетъ глубокую сердечную драму, но солдаты слабо реагировали на его слова и, когда онъ кончилъ, то только нѣсколько десятковъ голосовъ нестройно отвѣтили:

— Постараемся, Ваше-Ство!

Мы, стоя недалеко отъ генерала, съ глубокой грустью и скорбью наблюдали эту тяжелую картину, картину развала нѣкогда могучей арміи, картину разрыва солдатъ со своими боевыми офицерами... Видя такое плачевное состояніе духа собравшихся войскъ, мы поняли, что полезны имъ быть не можемъ, и вышли со двора, направившись вдоль рѣшетки Зимяго Дворца. Какіе то штатскіе, стоявшіе возлѣ зданія главнаго Штаба и замѣтившіе насъ, открыли по насъ огонь изъ револьверовъ. Пули довольно густо защелкали по оградѣ. Пришлось устроить импровизованную перебѣжку, и мы дошли, вѣрнѣе, перебѣжали къ Исаакіевскому собору. Князь Н. отправился домой, а я съ остальными обратно въ „Асторію“, куда и дошли безъ особыхъ приключеній. Всюду слышалась ружейная и пулеметная стрѣльба. Небо было освѣщено заревомъ пожара. Горѣло зданіе Судебныхъ Установленій около Литейнаго моста и рядъ полицейскихъ участковъ, подожженныхъ возставшими. Со стороны Маріинскаго театра вырывались столбы дыма и языки пламени. Горѣлъ Литовскій замокъ...

Его Императорское Величество Государь Императоръ
НИКОЛАЙ II.

ГЛАВА III.

Въ насъ, молодыхъ офицерахъ, было сильно понятіе о воинскомъ чинопочитаніи и дисциплинѣ, привитой намъ съ дѣтства. Въ эти трагическіе для Россіи дни, мы искали старшаго руководителя, мы ждали приказаній начальства, т. е. мы ждали того, къ чему привыкли и чему были обучены.

Къ величайшему горю и сожалѣнію, старшіе воинскіе чины, бывшіе въ Петербургѣ въ то время, какъ-то Военный Министръ, Начальникъ Петербургскаго военнаго округа и др., до того потеряли голову, что буквально почти безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія власть была вырвана изъ ихъ рукъ и все перевернулось вверхъ дномъ.

Развитіе Петербургскихъ безпрядковъ и, вообще, возможность переворота въ тѣ дни я исключительно приписываю слабости и безволію старшихъ военноначальниковъ, такъ какъ, если отбросить весь Петербургскій гарнизонъ, молніеносно разложившійся и на который нельзя было разсчитывать, въ Петербургѣ былъ рядъ военныхъ Училищъ, начиная съ Пажескаго Е. В. Корпуса, Николаевскаго Кавалерійскаго Училища и др. пѣхотныхъ и артиллеріскихъ Училищъ, а также спеціальныхъ офицерскихъ школъ, которыя при умѣлой, энергичной организаціи, представили бы такую мощную силу, что никакому гарнизону, а тѣмъ болѣе Петербургскому, состоящему изъ полуобученныхъ солдатъ запасныхъ Гвардейскихъ полковъ, не удалось бы справиться съ этой дѣйствительно боеспособной силой.

На вѣрность присягѣ и на стойкость офицеровъ и юнкеровъ того времени можно было положиться съ закрытыми глазами, а единичные случаи измѣны тѣхъ и другихъ могли бы быть пресѣчены въ корнѣ и въ счетъ итти не могли. Солдатская же масса гарнизона не только не была подготовлена къ организованному бою, но военно-моральный и качественный ея составъ былъ ниже всякой критики. Это были не чудо-богатыри Гвардейцы, герои тяжелыхъ боевъ 1914 г. сложившіе свои головы на поляхъ Галиціи и подъ Варшавой и взятые отъ сохи изъ здоровыхъ крестьянскихъ нѣдръ русскаго народа, а фабрично городская масса, въ которой, если и было что военное, то только форма, и та, отвратительно, по штатски, носимая.

Эти мои слова подтверждаются тѣмъ, что это сѣрое стадо тотчасъ же послѣ паденія Императорской власти, каковое было для насъ также неожиданно, какъ и для всѣхъ, объявила себя славнымъ Петербургскимъ революціоннымъ гарнизономъ, прокричало на всю Россію о своемъ революціонномъ геройствѣ, но... на фронтъ итти отказалось...

Съ тѣхъ поръ я сталъ различать два вида геройства. Одно настоящее по 1-ое марта 1917 г., другое какое то особенное, революціонное, послѣ 1-го марта 1917 г. Положимъ, въ Россіи послѣ переворота, все сдѣлалось „да и по". Одинъ мой знакомый въ разговорѣ со мной замѣтилъ на мое утвержденіе, что такой то очень порядочный человѣкъ.

— Вы уклоняетесь отъ истины: былъ очень порядочнымъ человѣкомъ до 1-го марта 1917 г.

То же можно сказать и о нашихъ петербургскихъ старшихъ Военачальникахъ. Они были очень храбры и ретивы въ рѣчахъ и работѣ до 28-го февраля 1917 г., но когда громъ грянулъ, они, вѣроятно, перекрестились и сдали Петербургъ возставшимъ. На военно-учебныя заведенія и не подумали опереться, часть была разогнана мятежниками, какъ напримѣръ, Пажескій Корпусъ, гдѣ маленькіе пажи подверглись избіенію и принуждены были совмѣстно со старшими пажами разсыпаться по городу. Николаевское Кавалерійское Училище пыталось сопротивляться, при чемъ былъ звѣрски убитъ командиръ эскадрона. Послѣ неудачнаго сопротивленія, юнкерамъ пришлось также скрыться у родныхъ и по частнымъ квартирамъ. Между прочимъ, произошелъ слѣдующій случай, ярко характеризующій, насколько планомѣрно было подготовлено возстаніе въ Петербургѣ.

На Лермонтовскомъ проспектѣ, гдѣ находится Училище, въ другомъ концѣ улицы была расположена, насколько мнѣ помнится, какая то артиллерійская часть. Кто то все время сообщалъ по телефону въ Училище, которое находилось въ полной боевой готовности и, разумѣется, въ нетерпѣніи доказать на дѣлѣ свою преданность Царю и Родинѣ, что въ случаѣ его выступленія оно встрѣтитъ сопротивленіе со стороны сосѣдей артиллеристовъ, якобы перешедшихъ уже на сторону возставшихъ. Артиллерійская же часть, также прекрасно настроенная все время, получала предупрежденія, что въ случаѣ выступленія въ пользу вѣрныхъ войскъ, ей придется столкнуться съ Училищемъ...

Такъ положено было начало провокаціи, принявшей потомъ Всероссійскій масштабъ! Павловское Училище держалось вплоть до опубликованія Министромъ акта объ отреченіи Государя, чтеніе котораго было встрѣчено рыданіями юнкеровъ.

Михайловское Артиллерійское Училище 28-го февраля присоединилось къ Временному Правительству, и, какъ это видно изъ моихъ дальнѣйшихъ записокъ, мнѣ пришлось встрѣтиться съ его представителями въ „Асторіи".

И такъ въ Петербургѣ въ тѣ дни господствовало полное бездѣйствіе власти и, когда послѣ революціи Ке-

ренскимъ была создана знаменитая комиссія Муравьева для выясненія дѣятельности властей стараго режима, мнѣ передавали, что большинство ея членовъ, ознакомившись съ документами и др. матеріалами, отобранными у Военнаго Министра Бѣляева, Министра Вн. Дѣлъ Протопопова и другихъ, никакой вины за ними найти не могли, тогда какъ, не случись переворота, ихъ слѣдовало бы на основаніи дѣйствовавшихъ въ то время законовъ отдать подъ судъ за халатность при исполненіи служебныхъ обязанностей и за ихъ пресловутое бездѣйствіе.

ГЛАВА IV.

Въ „Асторіи" настроеніе публики замѣтно ухудшилось, вестибюль былъ переполненъ взволнованными обитателями гостинницы. Въ отдѣльныхъ группахъ горячо обсуждали нароставшія событія. Въ ресторанѣ я засталъ еще одного своего однополчанина, корнета барона Ганна. Часовъ около 8-ми вечера мы узнали, что Дума, несмотря на Высочайшій Указъ о роспускѣ, постановила не расходиться...

И такъ свершилось... Предательская забастовка рабочихъ на заводахъ, работавшихъ на оборону, измѣнической солдатскій бунтъ получили возглавленіе мудрыхъ народныхъ избранниковъ въ лицѣ Камергера Двора Родзянко, профессора Милюкова, присяжнаго повѣреннаго Керенскаго, Гучкова и ихъ присныхъ...

Вѣрноподданный Его Величества, Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко протянулъ свою барскую руку шайкѣ взбунтовавшейся черни!

Немного спустя по гостинницѣ разнесся паническій слухъ, что толпа, громившая сосѣдній полицейскій участокъ, намѣревается и насъ не оставить безъ своего вниманія...

Это извѣстіе произвело эффектъ разорвавшейся бомбы. Волненіе женской половины населенія „Асторіи" достигло своего апогея. Кое-гдѣ слышался истерическій плачъ, какія то дамы бѣгали изъ ресторана въ холлъ и обратно, кого-то ища и безпричинно волнуясь, лифтъ находился въ безпрестанномъ движеніи, на главной лѣстницѣ отъ стремившихся вверхъ и внизъ и сбитыхъ съ толку обитателей образовались людскіе заторы, а въ вестибюлѣ происходила невѣроятная толчея и давка.

Крики и шумъ сдѣлались еще болѣе нестерпимыми къ полуночи. Администрація гостинницы распорядилась потушить бо́льшую половину освѣщенія, но это успокоенія не внесло, а напротивъ, таинственный полумракъ подѣйствовалъ еще болѣе возбуждающе...

И среди этого хаоса вдругъ раздался призывъ одного изъ старшихъ военныхъ чиновъ, бывшихъ въ „Асторіи“. Молніеносно разнесся среди насъ, офицеровъ, приказъ генералъ-лейтенанта Володченко собраться въ банкетномъ залѣ для обсужденія положенія и черезъ нѣсколько минутъ тамъ собрались всѣ находившіеся въ отелѣ офицеры. Генералъ Володченко обратился къ намъ съ красивой зажигательной рѣчью на тему о томъ, что солдаты и рабочіе обезоруживаютъ на улицахъ офицеровъ, но что русскому офицеру не пристало безъ боя отдавать свое оружіе всякой сволочи, а потому онъ предлагаетъ организовать оборону „Асторіи“ и вызываетъ добровольцевъ, которые пожелаютъ остаться въ вестибюлѣ и попробуютъ вступить въ переговоры съ толпой, если таковая подойдетъ къ „Асторіи“.

— И такъ, господа офицеры, кто же остается внизу? — закончилъ генералъ свое обращеніе къ намъ.

— Располагайте мною, ваше превосходительство, немедленно отвѣтилъ я.

Генералъ горячо потрясъ мою руку, хотя я въ тотъ моментъ въ этомъ моемъ порывѣ принести пользу въ создавшемся положеніи ровно ничего особеннаго не видѣлъ и считалъ свой шагъ само собой понятнымъ.

Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ, что ко мнѣ присоединилось всего пять офицеровъ, а именно: мои однополчане штабсъ-ротмистръ Губаревъ, корнетъ баронъ Ганнъ, капитанъ 1-го ранга Китицынъ, генеральнаго штаба полковникъ Тилли и еще одинъ корнетъ, фамилію котораго, къ большому сожалѣнію, забылъ... Остальные господа офицеры, числомъ болѣе 150, мрачно молчали... Нашелся и такой типъ въ формѣ полковника генеральнаго штаба, который сталъ доказывать, что намъ наше оружіе надо безотговорочно сдать!

— Помилуйте, господа, развѣ мы въ средніе вѣка живемъ? Оружіе надо сдать! Мы не можемъ итти противъ народной воли! Это преступленіе проливать народную кровь.

Такъ пытался при общемъ смущеніи убѣждать насъ этотъ субъектъ... Я едва не набросился на него съ кулаками, но во время былъ кѣмъ то удержанъ. Онъ оказался не одинъ, его поддержали еще 1—2 офицера, но, получивъ отъ всѣхъ насъ болѣе чѣмъ рѣзкій отпоръ, эта компанія поспѣшила скрыться изъ зала [1].

---

[1] Въ ноябрѣ 1918 г., когда я былъ личнымъ ординарцемъ генерала отъ кавалеріи графа Келлера въ Кіевѣ, я еще разъ встрѣтился съ тѣмъ полковникомъ. Онъ былъ у насъ въ Штабѣ, но уже въ украинской формѣ. Къ сожалѣнію, я не сразу опознался его, онъ, видимо, узнавъ меня, поспѣшилъ скрыться, а я потомъ нигдѣ не могъ разыскать его, о чемъ очень жалѣлъ.

Полковникъ Тилли и капитанъ Китицынъ очень энергично принялись за дѣло, и при нашей помощи вскорѣ вестибюль былъ очищенъ отъ публики.

Положеніе иностранныхъ офицеровъ, въ большомъ количествѣ проживающихъ въ „Асторіи“, было воистину трагикомическое.

Англичане группами по 3—4 человѣка, съ трубками въ зубахъ, съ физіогномiями, выражавшими полнѣйшее равнодушіе и безразличіе ко всему происходившему, невозмутимо разгуливали по своимъ этажамъ.

Французы и бельгійцы, напротивъ, суетливо бѣгали другъ къ другу въ комнаты, что-то уносили и приносили и поминутно обращались къ намъ съ вопросами:

Что же имъ дѣлать?

Французская рѣчь слышалась во всѣхъ закоулкахъ отеля. Великолѣпно держали себя нѣсколько человѣкъ японскихъ офицеровъ; они съ большимъ любопытствомъ въ продолженіи получаса наблюдали за дикой бѣготней по холлу, ресторану и корридорамъ гостинницы какъ публики, такъ и ихъ союзныхъ товарищей и, наконецъ, обмѣнявшись на своемъ гортанномъ языкѣ нѣсколькими фразами, любезно поклонились намъ, и одинъ изъ нихъ, въ формѣ маіора, видимо старшій въ чинѣ, старательно выговаривая слова, по русски сказалъ намъ:

— С-по-к-о-й-ной н-о-ч-и!

Послѣ этого они еще разъ поклонились и, какъ ни въ чемъ не бывало, отправились въ свои комнаты.

Исполнивши первую часть своей задачи, мы рѣшили детально обсудить весь планъ обороны. Полковникъ Тилли послалъ меня за генераломъ Володченко. Я обошелъ весь нижній этажъ, поднимался на лифтѣ во всѣ этажи, но... генералъ былъ не уловимъ. Наконецъ, одинъ изъ мальчишекъ посыльныхъ сообщилъ мнѣ, что генералъ уже болѣе получаса покинулъ отель черезъ черный ходъ!

Это было до того неожиданно, что, когда я передалъ объ этомъ моимъ компаньонамъ, они буквально остолбенѣли отъ такой генеральской доблести и не могли и слова произнести.

Однако, раздумывать было нѣкогда, въ командованіе вступили полковникъ Тилли и капитанъ Китицынъ. Во время обсужденія создавшагося положенія и нашихъ дальнѣйшихъ мѣропріятій, къ намъ пришло еще нѣсколько офицеровъ изъ числа тѣхъ, которые, хотя и поддерживали идею обороны „Асторіи“, но представляли свои доводы о томъ, что оборонять гостинницу не возможно, не подвергнувъ огромному риску женщинъ и дѣтей, а также и совершенно ни къ чему не причастныхъ иностранныхъ офицеровъ. Понятно,

если толпа съ нашими доводами не согласится и не оставитъ насъ въ покоѣ, а мы окажемъ ей сопротивленіе, защищая нашу офицерскую честь, мы всѣ падемъ въ неравной борьбѣ, и разъяренная чернь вымѣститъ свою злобу на ни въ чемъ не повинныхъ людяхъ.

Съ этими вѣсскими доводами намъ пришлось, скрѣпя сердце, согласиться. Рѣшено было, что мы, охрана, останемся внизу и, въ случаѣ подхода толпы, попытаемся вступить съ ней въ переговоры, а при намѣреніи ея начать противъ насъ агрессивныя дѣйствія, используемъ весь даръ нашего краснорѣчія, дабы усовѣстить ее, а тамъ будь что будетъ!...

Такимъ образомъ мы остались на весь нижній этажъ одни. Я сѣлъ въ кресло противъ большого зеркальнаго окна, выходившаго на Маріинскую площадь. Передо мной на стройномъ пьедесталѣ вырисовывалась филигранная фигура бронзоваго всадника, облитая лучами взошедшей луны. Вокругъ памятника мѣрно ходилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, запорошенный снѣгомъ дворцовый гренадеръ.

Площадь была совершенно пустынна. Только изрѣдка быстрыми шагами проносился черезъ нее запоздалый обыватель. Слышалась отдаленная ружейная и пулеметная перестрѣлка, которая эхомъ проносилась по улицамъ. Небосклонъ былъ залитъ кровавымъ пламенемъ все еще горѣвшаго Литовскаго замка.

Нѣсколько минутъ я просидѣлъ безъ мыслей, потомъ мой мозгъ сталъ лихорадочно работать. Рѣзкой, ноющей болью почувствовалъ я свою отдаленность отъ Царскаго Села.

Что съ Ея Величествомъ? Каково Ея положеніе?

Эта мысль совершенно захватила меня. Назадъ! Я долженъ вернуться въ Царское! Это желаніе отчетливо окрѣпло во мнѣ.

Мои размышленія были прерваны какимъ то дикимъ ревомъ, смѣшаннымъ съ нестройнымъ пѣніемъ, доносившимся снаружи. Вскорѣ выяснилось, въ чемъ дѣло. По Вознесенскому проспекту шла разношерстная, полупьяная толпа, горланившая какія то пѣсни. Она медленно продвигалась къ площади. Я вышелъ на подъѣздъ. Вотъ она уже совсѣмъ близко отъ Маріинскаго Дворца... Послышался звонъ разбиваемаго стекла, затрещала выломанная огромная входная дверь и передніе ряды ворвались въ вестибюль дворца. Я вошелъ снова въ гостинницу. Полковникъ Тилли и капитанъ Китицынъ рѣшили пойти къ толпѣ, чтобы переговорить съ ея вожаками о томъ, что они намѣрены дѣлать: разгромить ли только дворецъ или перенести свое благосклонное вниманіе также и на наше мѣстопребываніе.

Они сняли свое Георгіевское оружіе и вышли на площадь. Я пошелъ съ ними для связи, остановился около памятника и сталъ наблюдать. Они спокойно шли ко дворцу.

Вдругъ изъ толпы отдѣлилось человѣкъ 10—15 матросовъ, которые, развернувшись фронтомъ къ идущимъ, легли на землю и приготовились . . .

Зловѣще щелкнули затворы винтовокъ . . . Но ожидаемаго залпа почему-то не послѣдовало, и Тилли съ Китицынымъ благополучно дошли до подъѣзда дворца и скрылись въ немъ.

Прошло томительно долго четверть часа . . . Наконецъ, они снова появились на площали и мы вернулись въ гостинницу.

Тилли и Китицынъ разсказали намъ, что, войдя въ вестибюль дворца, они увидѣли толпу матросовъ и солдатъ, рывшихся въ грудахъ служебныхъ бумагъ и документовъ, вываленныхъ изъ взломанныхъ столовъ и шкаповъ. Къ нимъ подошелъ какой то штатскій, который безъ объясненія причинъ приставилъ къ нимъ двухъ матросовъ съ винтовками и отправилъ ихъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ они пробыли минутъ пять. За это время матросы разсказали имъ, что они съ товарищами ищутъ здѣсь Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова, который будто бы скрывается.

Китицынъ замѣтилъ имъ, что странно, что они ищутъ министра въ ящикахъ письменныхъ столовъ и среди служебныхъ бумагъ, на что ему вихрастый новобранецъ матросъ безапеляціонно замѣтилъ:

— Теперича леворюція и завсегда такъ бываетъ!

Въ это время появился тотъ же штатскій, повидимому, главарь этой шайки, который, узнавъ, по какому поводу пришли наши делегаты, съ пафосомъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь и заявилъ, что онъ старый, идейный революціонеръ и не допуститъ никакого насилія надъ женщинами и дѣтьми. Получивъ завѣреніе со стороны Тилли и Китицына, что въ „Асторіи“ ни на крышѣ, ни подъ крышей никакихъ пулеметовъ не имѣется и городовыхъ мы не скрываемъ, сей революціонный герой предупредительно любезно снялъ картузъ и патетически, какъ артистъ на сценѣ, объявилъ Тилли и Китицына свободными, прибавивъ на прощаніе:

— Свободные граждане погромами не занимаются, и обитатели гостинницы могутъ спать спокойно!!

Мы стали наблюдать за толпой. Она еще съ полчаса постояла около дворца, потомъ медленно повернулась и скрылась на Вознесенскомъ проспектѣ. Повидимому, поиски Протопова оказались тщетными.

Около двухъ часовъ ночи я снова вышелъ на площадь. У памятника гренадера уже не было. Старикъ, види-

мо, рѣшилъ, что покой бронзоваго всадника нарушенъ не будетъ, и удалился восвояси.

Между памятникомъ и дворцомъ, изъ наваленной бумаги, вытащенной изъ послѣдняго, нѣсколько штатскихъ и солдатъ сдѣлали костеръ и, какъ ни въ чемъ не бывало, грѣлись у огня...

На прилегающихъ улицахъ слышались одиночные выстрѣлы, чьи-то душу раздирающіе крики и стоны. Это, повидимому, озвѣрѣлые мятежники расправлялись съ городовыми и вообще съ полиціей, попадавшей въ ихъ руки...

Вернувшись обратно, я засталъ въ вестибюлѣ барона Ганна, который пришелъ замѣнить меня. Усталый и разбитый пошелъ я отдохнуть въ номеръ въ своему новому знакомому, корабельному инженеру поручику К., любезно пригласившему меня на эту ночь къ себѣ.

Такъ начался, по выраженію Пушкина, русскій бунтъ безсмысленный и жестокій, неизвѣстно почему впослѣдствіи названный великой, безкровной революціей!...

ГЛАВА V.

Проснулся я довольно неожиданно: меня изо всѣхъ силъ расталкивалъ мой полуодѣтый сожитель.

— Вставайте! Вставайте! Матросы заняли гостинницу!!

Я быстро вскочилъ. Поручику долго не пришлось объяснять мнѣ, въ чемъ дѣло.

— Это начало и конецъ! пронеслось у меня въ головѣ. Въ корридорѣ слышались дикіе крики и какой-то грохотъ. Я подошелъ къ двери, и въ этотъ моментъ кто-то застучалъ къ намъ въ дверь чѣмъ-то тяжелымъ.

— Кто тамъ ломится? Подождите! Не пожаръ! — нарочно преувеличенно спокойно отвѣтилъ я на продолжавшійся бѣшенный стукъ.

Пришлось открыть дверь. Въ комнату ворвался молодой матросъ съ карабиномъ въ рукахъ и заоралъ:

— Ваше Благородіе! Давайте оружіе!

Онъ какъ то сразу умолкъ и смутился. Повидимому, это занятіе было ему еще очень мало знакомо и ему было какъ то не по себѣ.

— Ты, братецъ мой, не волнуйся, толкомъ разскажи, въ чемъ дѣло и что тебѣ отъ насъ надо? — обратился къ нему поручикъ К.

— Такъ что, значитъ, приказано отъ офицеровъ оружіе отбирать!

— Кто приказалъ? спросилъ я.

— А у насъ старшой есть . . . Студентъ, такъ онъ и приказалъ!!

Мы до того были ошеломлены этимъ отвѣтомъ, что нѣсколько мгновеній молчали.

— Дожили, дорогой мой! . . . и К. посмотрѣлъ на меня и грустно усмѣхнулся.

Едва сдерживая рыданія, передалъ онъ матросу свой кортикъ и маленькій браунингъ. У меня-же мелькнула блестящая мысль. Я вошелъ въ ванную комнату и перекосилъ девятый патронъ въ магазинѣ своего Маузера, такъ что казалось, что испорчена подача патроновъ вообще, и въ такомъ видѣ вынесъ его матросу, предупредивъ, что револьверъ испорченъ.

Моя хитрость удалась на славу, матросъ, повертѣвъ револьверъ въ рукахъ, отдалъ мнѣ его обратно, заявивъ:

— Поломаннаго оружія намъ не надо, все равно отъ него никакого толка нѣтъ!

Такимъ же образомъ удалось мнѣ отстоять и шашку, у которой, на мое счастье, былъ надломанъ эфесъ.

Послѣ нашихъ разспросовъ выяснилось, что нашъ посѣтитель былъ матросомъ 2-го Балтійскаго Экипажа. Экипажъ присоединился къ возставшимъ послѣ трехъчасоваго боя съ взбунтовавшимися солдатами л.-гв. Кексгольмскаго полка, обстрѣливавшаго зданіе Экипажа изъ пулеметовъ. Во время перестрѣлки былъ убитъ командиръ экипажа, капитанъ 1-го ранга Гирсъ, но его никто замѣнить не сумѣлъ, а смерть командира такъ повліяла на матросовъ, что они перешли безъ офицеровъ, которымъ пришлось скрыться, на сторону Кексгольмцевъ. Въ „Асторію“ они пришли по приказанію вновь образованнаго Комитета Государственной Думы, который, по выраженію матроса, „имѣетъ теперь полную власть и правитъ замѣсто Царя. для охраны гостинницы отъ вольной толпы, которая шибко громитъ гостинницу“. Разсказавъ намъ все это, онъ куда то исчезъ.

Но не успѣли мы опомниться оть перваго вторженія, какъ въ нашу комнату пожаловалъ новый гость. На этотъ разъ уже безъ всякаго стука вломился полупьяный, разухабистаго вида солдатъ, обвѣшанный пулеметными лентами. Узнавъ, что у насъ оружіе уже отобрано, онъ изъ комнаты не ушелъ, а, видимо, желая хвастнуть своимъ новымъ положеніемъ, сталъ пьянымъ голосомъ разсказывать.

— Теперь наша взяла! Государя долой и увсѣхъ до-о-олой! . . . Таперича мы заведемъ новые порядки!!! Старый режимъ продавалъ насъ нѣмцамъ, мы по свободѣ, значитъ, во-о-о, какъ нѣмцамъ морду набьемъ!!

Онъ для пущей убѣдительности громко икнулъ, по-

трясъ своей винтовкой, и, потерявъ равновѣсіе, съ размаху ударился о косякъ двери.

Непечатно выругавшись, онъ на прощаніе представился намъ, заявивъ, что онъ не кто нибудь, а экадронный фельдшеръ л.-гв. Коннаго полка, и прибавилъ:

— Теперь мы всѣ здорово вооружены и никого не боимся... Я только разрывными пулями стрѣляю! и нетвердыми шагами вышелъ изъ комнаты, оставивъ насъ однихъ.

Для того чтобы выяснить создавшееся положеніе, я рѣшилъ пойти на развѣдку. Выйдя изъ номера, я пошелъ по направленію къ главной лѣстницѣ. Почти всѣ номера были открыты и въ нихъ царилъ полнѣйшій разгромъ. Изъ вестибюля доносились дикіе крики, звонъ разбиваемаго стекла, трескъ ломаемаго дерева и частая стрѣльба.

Какіе то негодяи забавлялись стрѣльбой въ пролеты лѣстницы и въ лифтовые люки. Я попытался спуститься по лѣстницѣ, но это едва не стоило мнѣ жизни... Нѣсколько пуль врѣзалось въ шагѣ отъ меня въ перила лѣстницы. Пришлось повернуть и уйти въ корридоръ. На встрѣчу мнѣ бѣжала молодая еще женщина съ ребенкомъ въ рукахъ. Она истерично рыдала и вскрикивала:

— Они его увели! Куда?!! Зачѣмъ? Что онъ имъ сдѣлалъ?!!

Я попытался ее успокоить и по ея безсвязному разсказу понялъ, что толпа, ворвавшись въ гостинницу, безъ всякаго предупрежденія, около 8-ми часовъ утра, вытащила силой изъ номеровъ почти всѣхъ офицеровъ одѣтыхъ и полуодѣтыхъ и повела всѣхъ якобы въ Думу. Зачѣмъ и почему, никто не зналъ... Проведя немного успокоившуюся даму до ея номера, я стремглавъ побѣжалъ искать капитана Китицына, жившаго въ нашемъ этажѣ, но, къ большему моему горю, въ номерѣ его не засталъ, а комнату нашелъ въ ужасномъ видѣ: всѣ чемоданы были раскрыты, вещи изъ нихъ въ безпорядкѣ разбросаны по комнатѣ, а изъ ванной комнаты доносился крѣпчайшій запахъ французскихъ духовъ.

Когда я вошелъ туда, моимъ глазамъ представилась удивительная картина: стоялъ какой то солдатъ съ оборванными погонами, безъ пояса и усиленно поливалъ себя различными духами и туалетной водой. На мое появленіе онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, и какъ разъ въ этотъ моментъ выливалъ на себя бутылку зубного эликсира... Мнѣ сдѣлалось до тошноты противно при видѣ подобнаго безобразія, и я вышелъ поспѣшно изъ номера.

Я чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ что либо сдѣлать! Поручикъ К., когда я вернулся, накинулся на

меня съ разспросами. Неопредѣленность нашего положенія сильно тяготила насъ. Намъ было ясно, что только чудомъ намъ удалось избѣжать прогулки въ Думу... Насъ попросту забыли, такъ какъ нашъ номеръ находился далеко отъ главной лѣстницы, въ поперечномъ корридорѣ. Въ то же время намъ не была ясна причина такого стремленія всѣхъ и вся доставлять въ Думу.

Только впослѣдствіи я узналъ дѣйствительное положеніе Думы въ эти дни. Она сдѣлалась не только руководящимъ центромъ мятежнаго Петербурга, но и какимъ-то новоявленнымъ Олимпомъ, къ которому всѣ стремились въ порывѣ массоваго психоза, начиная отъ такихъ высокихъ особъ, какъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, который привелъ туда съ красными флагами Гвардейскій Экипажъ и который обратился къ Родзянко, вышедшему встрѣчать эту единственную въ своемъ родѣ воинскую часть, пришедшую въ Думу съ такимъ сіятельнымъ командиромъ и его дѣятельнымъ помощникомъ капитаномъ I-го ранга Лялинымъ, съ слѣдующей рѣчью:

— Ваше Высокопревосходительство! Я и Гвардейскій Экипажъ присоединяемся къ Государственной Думѣ!

Это была воистину трогательная картина: присоединеніе Великаго Князя къ войскамъ, бунтовавшимъ противъ его Державнаго Повелителя и Двоюроднаго Брата!...

По случаю столь высокознаменательнаго событія и капитанъ Лялинъ счелъ своимъ долгомъ подтвердить вѣрность Гв. Экипажа начавшемуся военному бунту:

— Товарищи! Мы сегодня переживаемъ великій и радостный день! Россія стала свободной! Матросы! я хочу вамъ напомнить, что 85 лѣтъ тому назадъ ваши офицеры первыми пытались свергнуть ненавистное иго Самодержавія! Они выступили на Сенатской площади противъ тираніи... Они первыми начали дѣло освобожденія Россіи! Теперь вы, товарищи, подали намъ, офицерамъ свою руку, и мы пошли за вами, свято вѣря въ нашу правоту въ дѣлѣ освобожденія Россіи отъ вѣкового ига [1]!

Не правда ли, не дурной образчикъ краснорѣчія стараго гвардейскаго офицера?...

Кромѣ того, зданіе Думы и прилегающій районъ были запружены безчисленными толпами рабочихъ, штатскихъ, зѣвакъ, домашней прислугой, представителей петербургскаго дна, „ждавшими присоединиться къ Думѣ“. Сливки русской интеллигенціи въ лицѣ студентовъ и

---

[1] Рѣчь Лялина была напечатана въ газетѣ „Русское Слово“ отъ 3-го или 4-го марта 1917 г. Я воспроизвожу ее на память, но за смыслъ ручаюсь.

курсистокъ изображали собой стражу революціоннаго порядка, безпомощно стараясь разобраться въ царившемъ бедламѣ... Дума сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ припрятанной муки и другихъ предметовъ продовольствія, а также и цѣлаго ассортимента публичныхъ женщинъ, которыхъ кто-то удосужился съ собой притащить... Очевидцы передавали мнѣ, что картину, творившуюся въ Думѣ въ тѣ дни, ни описать, ни передать словами было не возможно. Это было не законодательное учрежденіе, а просто крытый толкучій рынокъ въ соединеніи съ публичнымъ домомъ послѣдняго разряда!

ГЛАВА VI.

Къ намъ въ комнату больше вторженій не было. Мы съ К. рѣшили переждать въ вестибюлѣ стрѣльбу, которая стала постепенно стихать. Насъ очень безпокоила судьба Китицына, Тилли и другихъ нашихъ друзей и знакомыхъ, о мѣстопребываніи которыхъ мы не имѣли никакого представленія.

Часовъ около 11-ти утра мы спустились во второй этажъ. Къ большому моему счастью, я нашелъ Ольгу К., мою сводную сестру у себя въ номерѣ. У нея собрались, кажется, всѣ, кто чудомъ, какъ и мы, остались въ „Асторіи“, въ томъ числѣ л.-гв. 4-го Стрѣлковаго Императорской Фамиліи полка полковникъ, баронъ Притвицъ, генералъ, фамиліи котораго не помню, нѣсколько дамъ и человѣкъ 6—7 офицеровъ. Черезъ нѣкоторое время пришелъ корнетъ П. съ большимъ шрамомъ и синякомъ на правой щекѣ. Оказалось, что его ударилъ прикладомъ какой то солдатъ за то, что онъ пытался помочь знакомому генералу-инвалиду, на котораго съ оскорбленіями набросилась толпа, когда послѣдній выходилъ на улицу.

Настроеніе у всѣхъ было подавленное и угнетенное. Мнѣ было жалко смотрѣть на Притвица, до того онъ осунулся за это трагическое утро. Георгіевское оружіе у него было отобрано. Онъ мрачно сидѣлъ въ углу на креслѣ и украдкой вытиралъ набѣгавшія слезы.

О хлѣбѣ насущномъ позаботился гражданинъ-матросъ, получившій синенькую на чай и приволокшій изъ разгромленнаго погреба фунта три-четыре зернистой икры, наваленной прямо на чайный подносъ, и нѣсколько банокъ консервовъ. Матросъ этотъ, слонявшійся безъ дѣла по корридору, оказался недурнымъ малымъ и очень быстро освоился со своей неожиданной ролью посыльнаго при господахъ.

Послѣ столь оригинальнаго завтрака всѣ немного повеселѣли и дамы наши, хоть немного, пришли въ себя отъ пережитаго волненія.

Я рѣшилъ спуститься внизъ, чтобы посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Въ первомъ этажѣ меня поймалъ французскій офицеръ и, волнуясь, заявилъ, что я долженъ оградить его отъ солдатъ, грабящихъ его номеръ. Я бросился съ нимъ въ его комнату. Въ ней два солдата преспокойно вынимали изъ шкапа, что имъ подъ руку попадало, третій финскимъ ножемъ взрѣзывалъ большой кожаный чемоданъ. Въ негодованіи я крикнулъ:

— Братцы, что вы дѣлаете? Вѣдь здѣсь французскій офицеръ живетъ!

— Ну и шта? Разъ офицеръ, такъ его и туда!

Эта непечатная ругань была мнѣ отвѣтомъ. Самообладаніе покинуло меня и, развернувшись, что было мочи, я не ударилъ, нѣтъ, а именно, двинулъ ближе стоящаго солдата по уху... Все это могло окончиться, какъ для меня, такъ и для француза печально. Но участь сраженія была рѣшена неожиданнымъ появленіемъ здороваго боцмана и вѣстового лейтенанта. Солдаты, увидѣвъ подоспѣвшую подмогу, какъ ошпаренные, выскочили изъ комнаты, напутствываемые здоровенными тумаками молодчины боцмана.

Провожаемый безконечными благодарностями лейтенанта, я спустился въ вестибюль.

Глазамъ моимъ представилась чарующая картина, плодъ творчества освобожденнаго отъ 300-лѣтнаго произвола народа...

Всѣ окна и витрины были разбиты вдребезги, въ щепы была разнесена огромная входная дверь-вертушка, бюро швейцара разбито, не осталось ни одного цѣлаго стола, стула, кресла и, вообще, какой нибудь мебели, въ изобиліи наполнявшей ранѣе элегантный вестибюль и холлъ. Даже трубы парового отопленія были вырваны изъ своихъ гнѣздъ, часть мраморной облицовки стѣнъ была сорвана и разбита на куски... Всѣ внутреннія двери были сорваны съ петель и представляли собой обломки. Даже большинство люстръ было уничтожено стрѣльбой въ потолокъ, и стеклянная пыль отъ нихъ буквально покрывала заваленный обломками полъ, покрытый и безъ того на цѣлую четверть грудами зеркальнаго стекла, щепками, обрывками матеріи, кожей клубныхъ креселъ, отъ которыхъ виднѣлись только одни голые остовы. Куски мрамора со стѣнъ и изъ пола, который тоже во многихъ мѣстахъ былъ разбитъ ломами, валялись вокругъ.

Сосѣдніе залы были также обращены въ груды развалинъ. Пьяная толпа полуоборванныхъ штатскихъ, ка-

кихъ-то бабъ и солдатъ всѣхъ полковъ слонялась по нижнему этажу и доламывала послѣднее, что случайно осталось еще въ цѣлости... Слышалась площадная брань, смѣшанная съ криками, вродѣ:

— Довольно сучьи дѣти на своихъ ж..... посидѣли, теперь и наша пора гулять пришла! и. т. д. въ томъ же духѣ.

Матросы стояли около дверей и оконъ и пытались не впускать никого съ улицы, но изъ этого ничего не выходило.

Я прошелъ въ ресторанъ. Тамъ картина была еще плачевнѣе. Громадный буфетъ былъ поваленъ на полъ и разбитъ топорами! Отъ столовъ и стульевъ и помину не было, только мелкія щепки покрывали полъ въ перемѣшку съ кусками краснаго ковра, покрывавшаго залъ ресторана. Инструменты балалаечнаго оркестра не избѣгли общей участи: отъ нихъ осталось одно воспоминаніе въ видѣ грифовъ, да и то сломанныхъ на двѣ, три части. Посуда была вся переколочена.

При моемъ появленіи толпа доканчивала металлическій сервизъ... Каждая ложка, каждая вилка, соусникъ и прочее ломалось и коверкалось поштучно! Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, до того все видѣнное мною было кошмарно, дико и нелѣпо!

Двери въ кухню и въ погребъ были выломаны. Оттуда поминутно вылѣзалъ мертвецки пьяный разнообразный сбродъ. Нѣсколько человѣкъ уже валялось на полу въ безчувственномъ состояніи.

Любопытство одолѣло меня и я съ трудомъ пробрался въ погребъ. Онъ былъ по-щиколотку залитъ виномъ, водкой, шампанскимъ и различными соусами. Это была какая то клейкая коричнево-бурая жижа.

У виннаго отдѣленія толпилась кучка людей. Въ самомъ же отдѣленіи нѣсколько солдатъ съ видомъ знатоковъ-дегустаторовъ отбивали объ столъ горлышки бутылокъ. Бѣлое и красное столовое вино, какъ непріемлемое, пренебрежительно бросалось на землю, коньякъ и водки отдавались толпѣ и тутъ же выпивались. Болѣе разсчетливые лазали по продуктному отдѣлу и набивали себѣ карманы омарами, ананасами, сырами, пате де фуа гра и другими деликатесами. Громадная жестянка съ зернистой икрой была вывалена прямо на столъ и нѣсколько солдатъ суповыми разливными ложками уписывали ее за обѣ щеки.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ переходовъ я наткнулся на полутрупы, опившіеся и валявшіеся въ этой грязной бурдѣ.

Вдоволь насладившись этой единственной въ своемъ родѣ картиной, я снова выбрался въ ресторанъ.

Въ залѣ я засталъ поручика К. съ нѣсколькими боцманами (въ томъ числѣ и съ тѣмъ, который вызволилъ меня у француза) и унтеръ-офицерами, весьма энергично занимавшагося наведеніемъ хоть какого нибудь порядка въ вестибюлѣ. Я присоединился къ нему и приказалъ немедленно завалить входъ въ подвалъ остатками буфетной стойки, оставивъ въ преисподней видѣнныхъ мною гурмановъ...

Потомъ мы попытались выгнать всю лишнюю публику на улицу, но это удавалось плохо, матросы уже вышли изъ повиновенія и халатно относились къ дѣлу.

Въ это время раздался звонъ шпоръ и въ вестибюль вошла справа по два въ большемъ порядкѣ батарея Михайловскаго Артиллерійскаго Училища. На всѣхъ офицерахъ и юнкерахъ красовались огромные красные банты!...

Оказалось, что Училище успѣло уже сходить на поклонъ къ товарищу Родзянко и тамъ исполнилось красной благодати! Батарея тоже пришла на водвореніе порядка въ „Асторіи".

Батарейный командиръ, видя наши тщетныя попытки сдержать натиски толпы на гостинницу, при помощи своихъ юнкеровъ въ пять минутъ очистилъ весь нижній этажъ отъ толкавшагося въ немъ сброда. Онъ попросилъ К. и меня, какъ знающихъ планъ отеля, взять на себя обыскъ и очистку второго и третьяго этажей, такъ что я, получивъ подъ команду 15 юнкеровъ, сдѣлался чѣмъ то, въ родѣ коменданта 3-го этажа.

Вскорѣ мнѣ удалось навести относительный порядокъ: солдатъ и нѣсколько штатскихъ, продолжавшихъ слоняться по номерамъ и корридорамъ, я приказалъ безъ всякихъ разговоровъ выбросить на лѣстницу, откуда ихъ передали въ работу второму этажу и. т. д., до самаго низа...

Часовъ около семи вечера по гостинницѣ съ быстротой молніи разнесся слухъ, что кто то откуда то собирается обстрѣливать „Асторію" изъ артиллерійскихъ орудій.

Слухъ этотъ былъ явно паническимъ и не провѣреннымъ. Говорили, что взбунтовался какой-то крейсеръ на Невѣ.

Училищное начальство немедленно собрало юнкеровъ, и вскорѣ батарея покинула гостинницу, оставивъ насъ на произволъ судьбы... Мы же, оставшіеся, рѣшили, что и намъ нечего дѣлать въ этомъ уютномъ уголкѣ.

ГЛАВА VII.

Всѣ рѣшили куда либо пробиваться: кто къ родственникамъ, кто къ знакомымъ, моя же дорога была ясна:

— Въ Царское! Къ моей Государынѣ!

Послѣ всего пережитаго, Ея положеніе представлялось мнѣ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, но я гналъ прочь эти мысли. Мнѣ чудились офицерскіе отряды, ставшіе на защиту дворца съ его Царственными Обитателями, полные жертвеннаго подвига, и моимъ долгомъ было, какъ можно скорѣе, присоединиться къ нимъ . . .

Съ этими мыслями я покинулъ „Асторію“. Я былъ не одинъ, а имѣлъ двухъ попутчиковъ, рѣшившихъ, какъ и я, пробиваться въ Царское. Это были: одна дама, хорошая знакомая Ольги и штабсъ-капитанъ Е. Этого своего похода на Царскосельскій вокзалъ я никогда не забуду! До Гороховой мы дошли благополучно. Мимо насъ проносились безчисленные грузовики, а также и роскошные частные автомобили, наполненные солдатами и рабочимъ людомъ до отказа. Эти пьяныя ватаги были сплошь вооружены и обвѣшаны пулеметными лентами, что, видимо, являлось новой, революціонной формой. Надъ автомобилями рѣяли огромные красные флаги, сами они были заклеены плакатами, широко вѣщавшими новыя чаянія псевдо-русскаго народа, вродѣ:

— Долой самодержавіе! Да здравствуетъ временное правительство! И попроще:

— Да здравствуетъ свобода!

Одинъ изъ нихъ привлекъ наше особое вниманіе, на немъ значилось:

— Да здравствуетъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ!

Это было коротко, но для насъ во всякомъ случаѣ не ясно . . . Не думали мы въ тотъ моментъ, что этому гнусному учрежденію судьбой было предназначено сыграть такую роль въ исторіи нашей Родины.

На Гороховой шла отчаянная стрѣльба и по ней съ зловѣщимъ ревомъ то и дѣло проносились санитарные автомобили. Пули барабанной дробью щелкали по фасадамъ домовъ. Пришлось устроить формальную перебѣжку изъ подворотни въ подворотню . . . Пулеметными очередями полосами сбивало штукатурку съ домовъ и насъ обдавало ѣдкой известковой пылью.

Я никогда еще не чувствовалъ себя столь безпомощно и глупо, какъ въ эти часы, хотя на войнѣ бывалъ и не подъ такимъ огнемъ! Наша спутница показала рѣдкое мужество, и мы медленно, но все же не мѣняя направленія, продви-

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна и Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Николаевна. Настоящій портретъ съ собственноручной надписью Ея Величества полученъ авторомъ въ апрѣлѣ 1920 г.

гались впередъ. На углу Гороховой и Загороднаго проспекта догорало зданіе полицейскаго участка. Почернѣвшія стѣны грустно смотрѣли на насъ и какъ будто спрашивали:

— Чѣмъ-же мы виноваты?

На вокзалѣ публики почти совсѣмъ не было. Огромный мраморный бюстъ Императора Николая I былъ завѣшанъ красной тряпкой! Вокзалъ тоже присоединился къ революціи...

Къ нашему великому счастью, мы попали какъ разъ къ отходу послѣдняго поѣзда! Это было намъ наградой за этотъ тяжелый, трагическій день. Мнѣ даже не повѣрилось, когда паровозъ, тяжело вздохнувъ, сталъ удалять насъ отъ петербургскаго кошмара...

Въ лазаретѣ меня встрѣтили, какъ безъ вѣсти пропавшаго. Я еле успѣвалъ отвѣчать на градъ сыпавшихся на меня вопросовъ.

Въ короткихъ словахъ я описалъ свои переживанія. Сильный звонокъ и стукъ въ дверь прервали мой разсказъ.

Мы всѣ бросились въ переднюю. Когда открыли дверь, въ переднюю не вошелъ, а ворвался капитанъ л.-гв. Петроградскаго полка Сергѣй Гавриловичъ Лучаниновъ въ сопровожденіи поручика его же полка, георгіевскаго кавалера и шести прапорщиковъ.

Изможденное, исхудалое лицо Лучанинова было бѣлѣе снѣга, глаза его горѣли страннымъ огнемъ. И все же это измученное, усталое лицо выражало непреклонную волю и рѣшимость.

Отрывистыми, нервными фразами онъ разсказалъ намъ о своемъ походѣ по колѣни въ снѣгу на станцію Средняя, послѣ трехдневныхъ боевъ въ Петербургѣ съ мятежниками, куда онъ привелъ до 400 нижнихъ чиновъ, оставшихся вѣрными присягѣ, и пришедшихъ вмѣстѣ офицеровъ. Солдаты съ однимъ офицеромъ остались на станціи, а онъ со своими спутниками черезъ поля, утопая въ снѣгу, еле добрался до Царскаго Села, чтобы выяснить положеніе. Онъ желалъ присоединить свой отрядъ къ частямъ, охранявшимъ Александровскій дворецъ для защиты Ея Величества и Ея Августѣйшей Семьи.

Появленіе его въ Царскомъ Селѣ было замѣчено, и за нимъ была устроена слѣжка. Тогда онъ рѣшилъ зайти къ намъ въ лазаретъ, гдѣ онъ лежалъ раньше, разсчитывая у насъ временно размѣстить своихъ офицеровъ подъ видомъ раненыхъ.

Къ сожалѣнію, у насъ не было ни одного свободнаго мѣста, и Лучаниновъ такъ же стремительно, какъ появился, исчезъ со своими спутниками. Онъ собирался проникнуть

во дворецъ и вступить въ связь со Сводным полкомъ, стоявшимъ на охранѣ дворца.

Какъ впослѣдствіи я узналъ, Сводный полкъ Лучанинова не принялъ... Такъ закончилась единственная попытка оказать со стороны вооруженную помощь Семьѣ своего Императора, находившейся въ критическомъ положеніи...

ГЛАВА VIII.

Несмотря на то, что окружающіе всячески успокаивали меня, завѣряя, что во дворцѣ все благополучно, сердце мое отъ тревоги разрывалось на части, и я рѣшилъ, во что бы то ни стало, устроить себѣ пропускъ во дворецъ, чтобы по мѣрѣ силъ и возможности быть полезнымъ Ея Величеству въ эти трагическіе часы.

Я сталъ звонить по телефону на квартиру къ полковнику Вильчковскому, намѣреваясь просить его о пропускѣ, но мнѣ отвѣтилъ чей то перепуганный голосъ:

— П-о-о-лковника нѣтъ д-о-о-ма!

Я думаю, это была отговорка... Но дѣлать было нечего! Съ огромнымъ трудомъ мнѣ удалось дозвониться до его помощника, полковника Цырга. Каково же было мое горе и отчаяніе, когда я въ отвѣтъ на мою просьбу и мольбы устроить мнѣ пропускъ, такъ какъ по понятнымъ причинамъ не считаю долѣе возможнымъ оставаться въ лазаретѣ, получилъ въ трубку сухой отвѣтъ:

— Очень сожалѣю, корнетъ, но при создавшемся положеніи ничѣмъ помочь не могу!

Невыразимое бѣшенство охватило меня! Тутъ не могло быть вопроса о довѣріи или недовѣріи ко мнѣ, такъ какъ оба эти штабъ-офицера отлично знали, кто я и что я, и мнѣ и по сей часъ не понятно, чѣмъ руководствовались эти люди, препятствуя офицеру исполнить его священный долгъ!...

Приходилось ждать до утра. Ночь показалась мнѣ безконечно длинной. Безъ сна, наединѣ со своими тяжелыми думами, провелъ я ее. Рано утромъ я вышелъ изъ лазарета и быстрыми шагами направился къ Екатерининскому дворцу. Свѣжій, морозный воздухъ нѣсколько успокоилъ меня. На одной изъ улицъ толпа, при дѣятельномъ участіи солдатъ, громила угловой винный погребъ Шитта. Изъ толпы неслась циничная брань, покрываемая торжествующими криками:

— У-р-р-р-ааа! Наша взяла! Попили нашей кровушки!

Дойдя до зданія, гдѣ раньше помѣщался Лицей, я свернулъ направо и пошелъ вдоль ограды парка Алексан-

дровскаго дворца. За оградой стояли двойные посты часовыхъ, кое гдѣ виднѣлись пулеметы, было видно, что все готово къ оборонѣ. Около главныхъ воротъ я увидѣлъ въ полной боевой аммуниціи полковника Герарди. Онъ узналъ меня. Отвѣчая на градъ моихъ вопросовъ, онъ разсказалъ мнѣ о трехъ послѣднихъ дняхъ жизни въ Александровскомъ дворцѣ. Это были дни, полные тревоги и волненій. Лично онъ четвертую ночь не спалъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны Ольга и Татіана Николаевны больны корью и находятся сейчасъ въ очень серіозномъ положеніи. Государыня безотлучно находится при больныхъ. О Государѣ извѣстно лишь то, что Онъ выѣхалъ изъ Ставки и находится по дорогѣ въ Царское Село. Отношеніе взбунтовавшихся и совершенно разложившихся запасныхъ баталіоновъ и тракторныхъ батарей ко дворцу отвратительно и можно съ минуты на минуту ожидать всяческихъ эксцесовъ. Сводный полкъ настроенъ отлично, чего нельзя сказать о пришедшемъ на дняхъ на усиленіе охраны Гвардейскомъ Экипажѣ...

— Что насъ ожидаетъ, одному лишь Господу извѣстно!

Закончилъ Герарди, тяжело вздохнувъ. Его вызвали во дворецъ и онъ, не прощаясь со мной, быстро пошелъ къ первому подъѣзду. Я въ тяжеломъ раздуміи остался его ожидать.

Между первымъ и вторымъ подъѣздомъ я замѣтилъ противо-аэропланное орудіе на автомобильной установкѣ, направленное на городъ. Около него копошились солдаты.

Герарди я не дождался и вернулся въ лазаретъ. Но не долго я просидѣлъ дома. Меня снова потянуло ко дворцу. Я рѣшилъ добиться свиданія съ Костей Кологривовымъ, бывшемъ на охранѣ дворца, и былъ увѣренъ, что онъ устроитъ мнѣ пропускъ.

Вотъ и Главныя ворота. Я на минуту остановился. Въ это время со стороны казармъ Конвоя Его Величества появился какой-то всадникъ на взмыленной лошади, который что-то дико кричалъ и размахивалъ обнаженной шашкой. Вскорѣ я услышалъ его пьяный голосъ болѣе отчетливо:

— Кто изъ ахвицеровъ до восьми часовъ вечера завтрашняго дня не явится въ Государственную Думу, тотъ будетъ лишенъ ахвицерскаго званія! — оралъ во всю глотку этотъ своеобразный революціонный герольдъ.

Я остановилъ его. Это былъ молодой казакъ л.-гв. Сводно-казачьего полка. Заставивъ его повторить все сначала, я спросилъ, для чего онъ обнажилъ шашку, на что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— А мнѣ въ Думѣ студентъ такъ приказалъ!

— А ты, дуракъ, лучше спрячь ее! спокойнымъ то-

номъ посовѣтовалъ я ему, что онъ, къ моему удивленію, немедленно и исполнилъ.

Я отпустилъ его, и долго еще его пьяный голосъ разносился по пустыннымъ улицамъ.

Это необычайное приказаніе взорвало меня, и я, не помня себя, прошелъ прямо черезъ ворота дворца, никѣмъ не остановленный, и подошелъ къ офицеру, стоявшему около нихъ.

Я принялъ его за полковника, но, присмотрѣвшись, сообразилъ, что это былъ офицеръ Гвардейскаго Экипажа въ сухопутной, походной формѣ. Представившись ему, я попросилъ его разъяснить мнѣ сей странный, даже болѣе чѣмъ наглый приказъ, прибавивъ, что служу Государю Императору, и только Онъ одинъ можетъ лишить меня офицерскаго званія, отъ Него же полученнаго, но не какой нибудь Родзянко, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла!

Капитанъ съ чувствомъ потрясъ мнѣ руку, вполнѣ согласившись со мной. Лично ему ничего не было извѣстно о такомъ приказѣ.

Въ этотъ моментъ раскрылась парадная дверь. Изъ нея вышелъ камеръ-лакей, который обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ея Величество приказала узнать вашу фамилію...

Я назвалъ себя.

— Вы, Ваше Высокоблагородіе, Крымскаго коннаго полка?

Я отвѣтилъ утвердительно.

Онъ исчезъ. Я до того смутился, что не могъ и слова сказать. Капитанъ былъ пораженъ не менѣе меня. Наконецъ, я сообразилъ, что меня должно быть замѣтили изъ окна.

Вышедшій снова изъ дворца камеръ-лакей обратился ко мнѣ:

— Ея Величество желаетъ васъ видѣть...

Глубокое, радостное волненіе охватило меня. Камеръ-лакей провелъ меня въ знакомый корридоръ перваго подъѣзда, подвелъ къ узкой винтовой лѣстницѣ, ведшей наверхъ и прибавилъ:

— Вы поднимитесь наверхъ, войдите въ дверь на лѣво и въ этой комнатѣ васъ ждетъ Ея Величество.

Я сталъ подниматься по лѣстницѣ. Вотъ и полураскрытая дверь. Я открылъ ее и вошелъ въ комнату.

Въ этотъ моментъ Ея Величество входила въ нее съ другой стороны.

Государыня была въ бѣломъ больничномъ халатѣ. Лицо Ея было мертвенно-блѣднымъ, словно выточенымъ

изъ мрамора. Глубоко впавшіе глаза улыбались хорошей, доброй улыбкой.

Я сдѣлалъ два шага впередъ и отрапортовалъ:

— Ваше Императорское Величество! Крымскаго Коннаго Вашего Величества полка корнетъ Марковъ является по Вашему приказанію!

Императрица милостиво протянула мнѣ Свою руку, подвела къ стулу и сказала мнѣ Своимъ мягкимъ, проникающимъ въ глубину души голосомъ: — Садитесь.

Я постараюсь привести на память главныя детали этого моего разговора съ Государыней.

— Вы давно вернулись въ Царское?

— Скоро мѣсяцъ, Ваше Величество!

— Неправда-ли, вы были въ Ялтѣ и лежали у меня въ здравницѣ?

— Такъ точно, Ваше Величество! Сначала я лежалъ въ здравницѣ, но послѣ того, какъ я заболѣлъ оспой, меня перевезли на квартиру моей матери въ Ливадію.

— Какъ? Вы были больны оспой? Навѣрное, вѣтренной?

— Никакъ нѣтъ, натуральной!

— Боже, какъ это ужасно! вы, навѣрное, бѣдный, очень страдали! ну, а теперь, какъ вы себя чувствуете? совершенно ли оправились отъ этой тяжелой и непріятной болѣзни?

— Покорно благодарю, Ваше Величество, теперь здоровье мое почти окончательно возстановилось.

— Какъ мы всѣ жалѣемъ вашу матушку!... Она, бѣдненькая, вѣрно ужасно груститъ и тоскуетъ!... Смерть Ивана Антоновича и для насъ была неожиданнымъ и большимъ ударомъ. Онъ былъ такой хорошій, милый и преданный намъ человѣкъ... Мы всѣ его очень цѣнили и любили!...

Послѣ паузы Государыня еще разъ прибавила:

— Бѣдная, бѣдная ваша матушка!

Я былъ до слезъ растроганъ добротой и сердечностью Ея Величества, но ничего не нашелся отвѣтить и смогъ только въ волненіи пробормотать нѣсколько благодарственныхъ словъ.

Нѣсколько мгновеній царило молчаніе.

— Ваше Величество, я только вчера вечеромъ вернулся изъ Петрограда, гдѣ пробылъ два дня. Вашему Величеству не угодно ли будетъ узнать о происходящихъ тамъ событіяхъ?

— Да! да! конечно, очень все это интересно.

Я началъ было свой разсказъ, но Государыня быстро прервала меня и, вставая, сказала:

— Это намъ всѣмъ будетъ интересно узнать!... Вы знакомы съ М-амъ Денъ? — Фамилія эта была мнѣ очень знакома, но сразу я ее вспомнить не могъ.

Ея Величество добавила:

— Она племянница генерала Янова[1]. Вы должны ее знать по Ливадіи.

Съ этими словами Она пошла въ сосѣднюю комнату. Я послѣдовалъ за Ней. Одновременно съ нами туда вошли Великія Княжны Марія и Анастасія Николаевны въ сопровожденіи высокой, стройной дамы, брюнетки, всѣ трое въ бѣлыхъ халатахъ.

Ея Величество обратилась къ вошедшимъ:

— Вы не знакомы? Это маленькій Марковъ моего полка. И, обернувшись ко мнѣ, прибавила:

— Марія!... Анастасія!... М-мъ Денъ...

Сѣвъ на диванъ, Она указала мнѣ на кресло по лѣвую руку отъ Себя, рядомъ съ Ней сѣла Великая Княжна Марія, напротивъ меня на креслѣ Великая Княжна Анастасія, по правую руку отъ Нея г-жа Денъ.

— Марковъ только вчера, какъ вернулся изъ Петрограда и разскажетъ намъ послѣднія новости!... Представьте себѣ, онъ, бѣдный, въ Ялтѣ болѣлъ натуральной оспой! Неправда ли, какъ это ужасно! Хорошо, что слѣдовъ не осталось!...

Я былъ совершенно смущенъ такимъ вниманіемъ.

Я началъ свой разсказъ. Ея Величество и Ихъ Высочества часто прерывали меня замѣчаніями. Они ужасались до какой низости, подлости и хамства могъ дойти Ихъ, Ими такъ любимый русскій народъ. Я чувствовалъ, что мой разсказъ — ножъ острый для этихъ чуткихъ, добрыхъ и благородныхъ Царственныхъ Душъ... По всему видно было, что Ея Величество была лучшаго мнѣнія о народѣ, который таилъ въ себѣ такіе низменные инстинкты. Былъ моментъ, когда мнѣ стоило нечеловѣческихъ усилій, чтобы удержать рыданія. Я спросилъ Ея Величество, гдѣ находится Государь.

Государыня мнѣ отвѣтила, что въ данный моментъ Ей совершенно не извѣстно Его мѣстопребываніе. Великая Княжна Марія дрогнувшимъ голосомъ прибавила: — Да... Мы... Мы не знаемъ, гдѣ папа!...

Въ Ея чудныхъ глазахъ блестѣли слезы. Этотъ моментъ былъ настолько трагиченъ, что я едва сдержался отъ слезъ. Но поразительное хладнокровіе Государыни придало мнѣ силъ. Лицо Императрицы выражало тихую

---

[1] Генералъ Петръ Николаевичъ Яновъ былъ управляющимъ Собственнымъ Его Величества имѣніемъ „Ливадія“ около Ялты.

глубокую скорбь, но ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на Ея лицѣ, когда Она произнесла такую тяжелую для Нея, какъ любящей жены и матери, фразу:

— Мы не знаемъ, что съ Его Величествомъ и гдѣ Онъ...

Никто не можетъ себѣ представить этого неземного величія, той истинно царственной мощи и невыразимой красоты, коими въ эти минуты была обвѣяна эта Женщина-Страдалица!...

Въ отвѣтъ на мои сожалѣнія, что моего полка въ эти дни въ Царскомъ не было, Государыня отвѣтила мнѣ:

— Да, я очень сожалѣю объ этомъ! Мой [1] Командиръ [2] былъ правъ, когда, будучи у меня, просилъ вызвать полкъ, но теперь ужъ слишкомъ поздно!

При этомъ Она едва замѣтно покачала головой и посмотрѣла на меня Своими грустными, полными муки глазами. Заканчивая свой разказъ, я добавилъ по поводу краснаго цвѣта, ставшаго столь моднымъ въ столицѣ, что и я дожилъ до одной красной нашивки, но та была утверждена Государемъ Императоромъ [3]!

Послѣ болѣе получасовой аудіенціи Ея Величество встала и, поблагодаривъ, протянула мнѣ руку. Попрощавшись съ присутствующими, я вышелъ изъ комнаты. Ея Величество прошла впередъ и довела меня до двери, черезъ

---

[1] Государыня при упоминаніи въ разговорѣ со мной о полкѣ всегда говорила: „мой полкъ", „мой командиръ" или „нашъ полкъ".

[2] Мой командиръ полка, полковникъ Александръ Петровичъ Ревишинъ, былъ женатъ на родственницѣ генерала Алексѣева и потому былъ больше, чѣмъ другіе, въ „курсѣ штабныхъ тайнъ". Подъ новый 1917 годъ онъ, поздравляя офицеровъ, въ сильной, зажигательной рѣчи указалъ на опасность, грозившую Царской Семьѣ отъ могущихъ возникнуть безпорядковъ. Руководящей нитью его рѣчи была мысль, что полку мѣсто не на фронтѣ, а около любимаго Шефа. Эта мысль была восторженно принята присутствовавшими. Въ началѣ февраля полковникъ Ревишинъ представлялся Государынѣ. Императрица высокомилостиво приняла его. Во время аудіенціи онъ изложилъ Ея Величеству свои опасенія и передалъ Ей горячее желаніе полка прибыть въ Царское Село. На это Государыня отвѣтила: — Я сама знаю, полковникъ, когда для этого наступитъ время!

Какъ мнѣ впослѣдствіи объяснили, такое отношеніе Ея Величества и къ этому и другимъ предупрежденіямъ о возникающей опасности безпорядковъ, объясняется тѣмъ, что генералъ-адъютантъ Гурко поддерживалъ въ Ней увѣренность, что никакихъ безпорядковъ быть не можетъ, и что все это вздорные слухи... Своимъ извѣстнымъ письмомъ къ Государю, написанномъ уже послѣ отреченія, генералъ Гурко, видимо, хотѣлъ загладить свои вольныя и невольныя ошибки передъ своимъ Державнымъ Вождемъ.

[3] На лѣвомъ рукавѣ обозначались раненія. Раненія, полученныя въ солдатскомъ званіи обозначались красной тесьмой длиной въ одинъ вершокъ, офицерскомъ званіи — золотой и серебряной тесьмой (по цвѣту прибора) той же ширины.

которую я пришелъ. На прощаніе Она еще разъ протянула мнѣ Свою руку и, видя мое замѣшательство, прибавила:

— Еще разъ сердечно благодарю васъ за интересный разсказъ! Я увѣрена, что съ пріѣздомъ Его Величества все измѣнится! И все это во время войны... Не падайте духомъ! До свиданія!

Только тогда, когда я очутился на улицѣ, я получилъ возможность сообразить о томъ, что произошло со мной за эти часы...

Царственное спокойствіе Государыни передалось и мнѣ! Въ эти минуты я былъ готовъ упрекать себя въ малодушіи и даже въ трусости. Я чувствовалъ себя пигмеемъ, полнѣйшимъ ничтожествомъ, и мнѣ было даже стыдно, что я хотѣлъ попытаться быть полезнымъ тамъ, во дворцѣ, откуда до меня все еще доносился спокойный, твердый и царственный голосъ:

— Не падайте духомъ!... Господь не безъ милости...

И когда я вернулся въ лазаретъ, всѣ мои сожители и милѣйшій Вольтерсъ показались мнѣ маленькими, а страхи ихъ передъ случившимся и передъ наростающими событіями мелкими и шкурными страхами...

Къ сожалѣнію, я ошибался! События развертывались съ кинематографической быстротой, и были столь неожиданны и грандіозны, что было трудно разобраться въ создавшемся хаосѣ... Немногіе часы сна, вѣрнѣе забытья, не освѣжили меня. Съ каждой минутой я все больше и больше убѣждался, что положеніе Царской Семьи ухудшается и что надежды Государыни на пріѣздъ Государя не оправдываются... О Его мѣстопребываніи ходили самые невѣроятные слухи, но точно никто ничего не зналъ и сказать не могъ; всѣ питались слухами, другъ друга опровергавшими, нелѣпыми и паническими.

Разнесшееся съ быстротой молніи извѣстіе о назначеніи генералъ-адъютанта Иванова диктаторомъ для усмиренія безпорядковъ и о его движеніи съ Георгіевскимъ батальономъ изъ Ставки въ Царское Село немного приподняло настроеніе, но полученное утромъ свѣдѣніе, что его части задержаны по дорогѣ, подлило только масла въ огонь... Мятежный Петербургъ поднялъ голову... Это неудачное начинаніе показало полное безсиліе и растерянность властей, сдавшихъ безъ боя всѣ свои позиціи.

ГЛАВА IX.

Утромъ 2-го марта къ намъ въ лазаретъ позвонили по телефону и вызвали меня на освидѣтельствованіе въ сосѣдній лазаретъ.

Я былъ крайне удивленъ такому приглашенію. Когда я одѣлся и вышелъ на взбаламученныя улицы Царскаго съ ватагами пьяныхъ солдатъ, съ вереницами грузовиковъ, наполненныхъ тѣмъ же сбродомъ, съ толпами сѣрыхъ шинелей, громящими послѣдніе винные погреба, я невольно подумалъ:

— Вотъ такъ молодцы доктора, въ такіе дни продолжаютъ нести свою отвѣтственную службу!

Когда же я вошелъ комнату, гдѣ засѣдала врачебная комиссія, то сердце мое упало: я увидѣлъ не героевъ долга, не вѣрноподданныхъ Его Величества, до послѣдняго часа несшихъ свои служебныя обязаности, а жалкихъ людей, съ молніеносной быстротой отряхшихъ прахъ отъ своихъ ногъ и бросившихъ камень во все, чему они въ продолженіи многихъ лѣтъ поклонялись и служили!...

Лейбъ-медикъ Его Величества Герасимовичъ и его почтенный коллега, молодой еще врачъ, сидѣли за столомъ, первый безъ вензелей Государя, а второй безъ вензелей Государыни. Они уже успѣли ихъ спороть съ погонъ... Это было въ 12 часовъ утра 2-го марта, когда объ отреченіи Его Величества никто не помышлялъ...

Болѣе, чѣмъ сухо, поздоровался я съ этими господами. Третьимъ членомъ комиссіи былъ старикъ, генералъ Бушенъ, полнѣйшій рамоли, который, не глядя, за штабсъ-офицера для порученій подписывалъ исторіи болѣзней и акты освидѣтельствованія, бывшіе для него китайской грамотой.

Послѣ соблюденія формальностей, записи моей фамиліи, чина и. т. д., Герасимовичъ обратился ко мнѣ:

— Итакъ, корнетъ, изъ вашего рапорта я усматриваю, что вы выразили желаніе ѣхать на фронтъ?

— И представиться Ея Величеству! добавилъ я.

— Это къ дѣлу не относится и меня не касается.

— Васъ, быть можетъ, нѣтъ, но меня очень!

— Мы идемъ навстрѣчу вашему желанію и завтра же вы получите предписаніе! подчеркнуто рѣзко возразилъ Герасимовичъ.

— Но на фронтъ я все же не поѣду...

— Ка-а-акъ?... Это почему?...

— Здоровье мнѣ не позволяетъ, а потомъ... я просто не желаю!

— Развѣ ваше здоровье ухудшилось?

— Нѣтъ оно сейчасъ также скверно, какъ тогда, когда я подалъ рапортъ!

— Но, вѣдь, вы всего двѣ недѣли тому назадъ выражали желаніе ѣхать на фронтъ!

Раздраженный Герасимовичъ не унимался. Молодой врачъ съ любопытствомъ слушалъ нашу дискуссію. Бушенъ, приложивъ руку къ уху, смотрѣлъ на меня изумленными глазами. Я не выдержалъ:

— Двѣ недѣли тому назадъ я желалъ ѣхать на фронтъ, а теперь не желаю! Откровенно заявляю, что въ такой арміи я не могу служить и поэтому прошу еще разъ освидѣтельствовать меня на предметъ увольненія въ отставку...

Бушенъ какъ то сразу нахохлился и зашамкалъ:

— Вы, вы слишкомъ молоды, корнетъ, чтобы такъ разсуждать... Мы еще покажемъ!

— Показать, то мы покажемъ, ваше превосходительство, но что мы покажемъ, это неизвѣстно...

Генералъ что-то хотѣлъ сказать, но осѣкся и только нервно задергалъ плечами...

Мое ухо было въ такомъ состояніи, что только по собственному желанію я могъ ѣхать на фронтъ.

Взбѣшенный Герасимовичъ осмотрѣлъ меня, конечно, съ большимъ неудольствіемъ, долженъ былъ признать меня негоднымъ къ строевой службѣ и причислилъ къ 3-ей категоріи I-го разряда раненыхъ [1].

Болѣе, чѣмъ холодно, попрощавшись съ присутствовавшими, я вернулся къ себѣ въ лазаретъ. Чувствовалъ я себя отвратительно, возобновились ноющія ушныя боли и минутами я впадалъ въ какое-то необъяснимое деревянно-тупое оцѣпѣненіе... Я буквально скверно соображалъ о томъ, что творится вокругъ.

Пріѣхавшій изъ Петербурга, милѣйшій нашъ сожитель, прапорщикъ Л. привезъ съ собой послѣднія извѣстія о положеніи въ столицѣ. Вакханалія продолжалась и даже усилилась... Вся власть, по крайней мѣрѣ номинально, находилась въ рукахъ Временнаго Комитета Государственной Думы, въ безчисленномъ количествѣ издававшаго возванія и громоподобные приказы, въ большинствѣ случаевъ не исполнявшихся. Л. привезъ съ собою новую газету „Извѣстія", выходившую, какъ освѣдомительный листокъ новой власти. Въ ней напечатаны рѣчи, которыя произносились

---

[1] Эта категорія даетъ право на строевую службу въ обстановкѣ мирнаго времени, т. е. на службу въ запасномъ полку. 23-го іюня, т. е. на 4 мѣсяца позже врачебная комиссія въ Одессѣ вторично освидѣтельствовала меня и признала къ военной службѣ совершенно негоднымъ. Упоминаю объ этомъ, какъ иллюстрацію отношенія Герасимовича.

различными ораторами приходившимъ войскамъ и рабочимъ, съ увѣреніями о конечной побѣдѣ (надъ чѣмъ?) во славу новой свободной Россіи... Параллельно съ Комитетомъ Думы образовался совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, о существованіи котораго я знялъ уже по пресловутому плакату, видѣнному мною 28-го вечеромъ на Гороховой. Функціи этого замѣчательнаго учрежденія были мало понятны, но уже чувствовалось сквозь строки, что оно себя считаетъ чѣмъ то, вродѣ стража „революціонныхъ завоеваній".

Л. тоже передавалъ, что по Петербургу въ огромномъ количествѣ расклеивается приказъ No. I по войскамъ петербургскаго гарнизона, подписанный какими-то Соколовымъ и Стекловымъ отъ имени военной секціи совѣта р. и с. депутатовъ, въ которомъ намѣчаются новые права солдата: отмѣняется титулованіе офицеровъ, отданіе чести, становиться во фронтъ генераламъ, словомъ, однимъ росчеркомъ пера разрушаются коренные устои Устава гарнизонной службы, являвшагося до сего времени фундаментомъ того величественнаго зданія, какимъ была Россійская Императорская Армія... Приказъ этотъ пользуется огромнымъ успѣхомъ, существованіе петербургскаго гарнизона, какъ дисциплинированной воинской организаціи, можно считать съ этого момента законченной и эта, за нѣсколько дней до того, стройная воинская масса обратилась въ безмозглое, разъяренное стадо, вожакомъ котораго сдѣлался никто иной, какъ тотъ же „просвѣщенный государственный дѣятель", Александръ Ивановичъ Гучковъ... Словомъ, все шло, какъ по писанному, вѣковые устои Россійской Имперіи, символъ ея державной мощи и единства разбирались по камешкамъ шайкой, распоряжавшейся судьбами Россіи изъ заплеванныхъ и обмызганныхъ покоевъ Таврическаго Дворца...

Такъ шли часы... Наступилъ вечеръ, затѣмъ пришла томительно-мучительная ночь...

День 3-яго марта я никогда не забуду! По Царскому носились безконечные слухи, паническіе и тяжелые... Все спряталось по домамъ. Магазины были закрыты. По пустыннымъ улицамъ слонялись все тѣ же оборванные, пьяные и безчинствующіе солдаты.

Съ быстротой молніи разнеслась вѣсть о томъ, что тяжелыя тракторныя батареи, расквартированныя въ Царскомъ, собираются обстрѣливать беззащитный дворецъ! Я не могъ себѣ представить, чтобы этому кошмару и этой гнусности, можетъ быть, суждено сбыться!...

Подъ вечеръ того же дня позвонила ко мнѣ по телефону моя сводная сестра Нина и съ рыданіями въ голосѣ

сообщила, что она только что получила извѣстіе, что Государь отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича...

Чаша моего терпѣнія переполнилась, нервы отказались служить и горячія слезы, полныя горечи и обиды, душили меня въ продолженіи долгой и мучительной ночи... Послѣдняя надежда, что все измѣнится, пропала!

Мнѣ было ясно, что Родина наша, подхваченная неудержимой лавиной, катится въ пропасть.

Я пройду во дворецъ и останусь при Ея Величествѣ... Будь, что будетъ! На все воля Божья!

Такъ рѣшилъ я въ эту памятную для меня ночь.

Около 10-ти часовъ утра 4-го марта я вышелъ изъ лазарета. Недалеко отъ него, на свое счастіе, я встрѣтилъ извощика.

— Къ конвойнымъ казармамъ! Да поживѣе! — крикнулъ я ему, на ходу вскакивая въ сани.

Онъ стегнулъ свою маленькую, коренастую шведку и сани, легко скользя, понеслись по улицѣ. Навстрѣчу попадались партіи вооруженныхъ солдатъ, распоясанныхъ, грязныхъ, зачастую полупьяныхъ, едва державшихся на ногахъ. Солдаты весьма недружелюбно поглядывали какъ на меня, такъ и на моего браваго возницу. Такъ какъ неоднократно уже бывали случаи срыванія Шефскихъ вензелей съ офицеровъ, появлявшихся на улицѣ, то приходилось быть бдительнымъ. Невольно рука сжимала въ карманѣ Маузеръ при приближеніи этихъ солдатскихъ шаекъ. Уличная картина не измѣнилась. Повсюду слышалась оживленная стрѣльба. Это товарищи палили въ воздухъ, выражая этимъ свою безпредѣльную радость по поводу совершившагося „освобожденія".

Совсѣмъ не далеко отъ казармъ мой возница замедлилъ ходъ. Это едва не стоило мнѣ жизни. Съ нами поравнялась группа солдатъ, изъ которой по моему адресу раздавались угрожающіе крики:

— А-а-а-а! Съ Царскими вензелями, такой сякой! Мы тебѣ покажемъ вензеля! Товарищъ, стой!

Мой возница не растерялся и его лошадка въ мигъ отнесла насъ на нѣсколько десятковъ саженей отъ солдатъ, бросившихся на насъ.

Я выхватилъ револьверъ, намѣреваясь дорого продать свою жизнь. Мой извощикъ, видя, что и ему самому не сдобровать, на полномъ ходу свернулъ въ боковую улицу въ тотъ моментъ, когда нѣсколько солдатъ пустили намъ пять или шесть пуль въ догонку...

Я не выдержалъ и два раза выстрѣлилъ изъ револьвера... И безъ того ошалѣвшая лошадка, испугавшись щел-

канія моего Маузера, понеслась въ карьеръ, и не успѣлъ я опомниться, какъ на послѣднемъ поворотѣ къ казармамъ, былъ выброшенъ сильнымъ толчкомъ изъ саней...

Оказалось, что мы съ разгона налетѣли на тротуарную обочину. Я счастливо отдѣлался нѣсколькими ссадинами на лицѣ и правой рукѣ и, отряхнувшись отъ снѣга, помогъ своему возницѣ, на смерть перепуганному, поставить санки на мѣсто и черезъ двѣ, три минуты мы подъѣхали къ конвойнымъ казармамъ. Солдаты насъ не преслѣдовали, видимо, боясь близости дворцовой охраны. Щедро разсчитавшись съ молодцомъ извощикомъ, я прошелъ къ Главнымъ Воротамъ дворца.

Дежурный около телефона, находившагося въ будкѣ, бравый на видъ унтеръ-офицеръ, въ отвѣтъ на мое желаніе видѣть по личному дѣлу г-жу Денъ, находящуюся во дворцѣ, весьма почтительно отвѣтилъ, что для этого мнѣ надлежитъ обратиться на пропускной пунктъ, помѣщающійся въ кухонномъ подъѣздѣ, шагахъ въ трехстахъ отъ Главнаго подъѣзда. Пройдя мимо парныхъ часовыхъ, лихо отдавшихъ мнѣ честь, я очутился въ пропускномъ пунктѣ. При моемъ появленіи, сидѣвшій за столомъ дежурный подпрапорщикъ вскочилъ съ мѣста и, въ отвѣтъ на свое привѣтствіе, я услышалъ старое, знакомое:

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

Передавъ ему свою визитную карточку, я попросилъ передать ее г-жѣ Денъ съ просьбой принять меня.

Минутъ черезъ десять посыльный вернулся и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы спустились въ огромный подвалъ и пошли по безконечнымъ корридорамъ. Какъ подвалъ, такъ и корридоры были полны солдатъ Сводnаго полка, которые частью сидѣли, частью спали на соломѣ, обильно покрывавшей полъ. Это былъ гарнизонъ дворца.

Наконецъ, мы поднялись наверхъ, и я очутился въ передней четвертаго подъѣзда. Камеръ-лакей помогъ мнѣ раздѣться и проводилъ меня въ одну изъ гостиныхъ.

Я остался наединѣ со своими мыслями. Господь помогъ мнѣ исполнить мое завѣтное желаніе... Почти радостное чувство, несмотря на весь трагизмъ положенія, охватило меня. Я нервно прохаживался по комнатѣ. Нѣсколько минутъ моего одиночества промелькнули для меня, какъ мигъ. Дверь раскрылась и въ гостиную вошла г-жа Денъ.

— Сударыня, простите меня, что безпокою васъ въ такой тяжелый моментъ, но я больше не считаю для себя возможнымъ оставаться въ лазаретѣ. Въ эти минуты мое мѣсто здѣсь, подлѣ Ея Величества! Съ насъ солдаты сры-

ваютъ вензеля!... Они мнѣ дороже жизни и я сниму ихъ только по приказанію Ея Величества! Я готовъ остаться здѣсь послѣднимъ слугой!... Дайте мнѣ возможность исполнить свой долгъ... Моя послѣдняя надежда на васъ... Умоляю, доложите о моемъ приходѣ Ея Величеству!...

Г-жа Денъ сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ, протянула объ руки и зарыдала...

Мы сѣли на маленькій кожаный диванчикъ около дверей и слезы долго душили насъ. Отрывистыми фразами г-жа Денъ благодарила меня за мой приходъ и обѣщала доложить о моемъ желаніи Ея Величеству. Немного успокоившись, она вышла изъ гостиной и я остался опять одинъ.

Сильное впечатлѣніе произвела на меня эта женщина... Усталые, грустные глаза горѣли рѣшимостью отдать все для счастья беззавѣтно ею любимой Государыни и Царской Семьи... Мертвенная блѣдность лица рѣзко оттѣнялась изсиня черными волосами. Бѣлый халатъ дополнялъ эту стройную, высокую фигуру, подчеркивая безысходную скорбь и тоску, которой вѣяло отъ нея. Г-жа Денъ добровольно осталась во дворцѣ и помогала Ея Величеству въ уходѣ за больными Дѣтьми. Великія Княжны Марія и Анастасія тоже заболѣли корью. Дворецъ обратился въ лазаретъ. А вокругъ ходили пьяныя ватаги солдатъ, готовыхъ на всякую подлость...

Около часу дня въ гостиную вошелъ небольшого роста старикъ, въ которомъ я узналъ Александра Сергѣевича Танѣева [1], отца Анны Александровны Вырубовой. Онъ до трогательности сердечно отнесся ко мнѣ, провелъ въ сосѣднюю комнату и представилъ меня своей женѣ. Мы вмѣстѣ позавтракали и много говорили о создавшемся положеніи.

Во время завтрака я узналъ, что въ двухъ комнатахъ отъ насъ лежитъ тяжко больная корью Анна Александровна. На страницахъ своихъ воспоминаній, я впослѣдствіи еще коснусь этой женщины, вѣрнаго друга Государыни, безгранично Ея любившей и не оставлявшей въ трагическіе дни изгнанія своего Царственнаго Друга въ Сибири безъ посильной помощи какъ Ее, такъ и Ея Августѣйшую Семью.

Послѣ завтрака къ намъ пришелъ генералъ-адъютантъ графъ Бенкендорфъ. Я ему представился. Освѣдомившись, изъ какихъ я Марковыхъ, онъ замѣтилъ:

— Вашъ дѣдъ поступилъ бы, какъ и вы!... Я лично хорошо зналъ его. Онъ былъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ,

---

[1] А. С. Танѣевъ, управляющій Собственной Его Величества Канцеляріей.

способнѣйшимъ администраторомъ и вѣрнымъ слугой своего Государя... Отъ его внука ничего иного и ожидать нельзя!

Немного подумавъ, онъ прибавилъ:

— Кто бы могъ подумать, что такихъ, какъ вы, найдутся всего единицы! — Около трехъ часовъ заходила на минутку г-жа Денъ. Она передала мнѣ искреннюю и сердечную благодарность Ея Величества за мой приходъ и сказала, что Государыня пожелала, чтобы я остался въ Зимнемъ дворцѣ при Сводномъ полку. Объ этомъ со мной долженъ лично переговорить командиръ полка, генералъ-маіоръ Ресинъ.

Время шло, но генерала все не было. Юлія Александровна заходила еще нѣсколько разъ и была этому крайне удивлена. Въ шесть часовъ вечера былъ поданъ обѣдъ.

Александръ Сергѣевичъ съ женой покинули дворецъ, и я обѣдалъ съ двумя сестрами милосердія, ухаживавшими за Анной Александровной.

Неопредѣленность положенія стала меня волновать. Въ восьмомъ часу я попросилъ камеръ-лакея сходить къ Юліи Александровнѣ и передать ей, что я прошу ее, если возможно, притти ко мнѣ на нѣсколько минутъ.

Вскорѣ лакей вернулся:

— Ея Величество желаетъ васъ видѣть. Пожалуйте за мной.

Мы прошли черезъ безчисленное количество залъ и гостиныхъ. Повсюду благоухали живые цвѣты. На постахъ стояли еще солдаты Своднаго полка. Дойдя до перваго подъѣзда, мы поднялись наверхъ и очутились въ длинномъ бѣлоснѣжномъ корридорѣ. Это была, такъ называемая „дѣтская“ половина дворца. Камеръ-лакей провелъ меня въ небольшую комнату, въ концѣ корридора на лѣво. Комната, куда я вошелъ, была, повидимому, одной изъ тѣхъ, гдѣ занимался и игралъ Наслѣдникъ. Она была раздѣлена бѣлыми, деревянными перегородками на три части. Въ маленькой передней стояли игрушки, по лѣвую руку была дверь, которая вела въ небольшое помѣщеніе, гдѣ стояла большая кукольная мебель, нѣчто вродѣ гостиной въ миніатюрѣ. На двери висѣла бумажка, на которой было написано:

— Входъ безъ разрѣшенія Ольги и Татьяны воспрещается.

Въ большей половинѣ комнаты стоялъ столъ, на которомъ лежали французскіе и англійскіе журналы, акварельныя краски и ножницы. Повидимому, Наслѣдникъ раскрашивалъ и вырѣзывалъ изъ нихъ картинки. На стѣнѣ висѣло аккуратно написанное расписаніе уроковъ. Въ пер-

вой строчкѣ перечислялись всѣ имена: Ольга, Татьяна, Марія, Анастасія и Алексѣй, а ниже для каждаго имени было составлено расписаніе. Большой бѣлый столъ, шкафъ и стулья завершали скромную обстановку этой комнаты.

Мой бѣглый осмотръ прервалъ приходъ Государыни. Ея Величество милостиво протянула мнѣ руку и поздоровалась со мной съ чисто материнской нѣжностью. Слова приготовленнаго мною рапорта застыли у меня на губахъ.

— Здраствуйте, милый маленькій Марковъ! послышались мнѣ первыя слова Государыни.

Я машинально опустился на колѣно и благоговѣйно поцѣловалъ протянутую руку. Движеніемъ руки Императрица подняла меня. Она была все въ томъ же бѣломъ халатѣ, Ея чудные глаза еще болѣе впали отъ безсонныхъ ночей и тревогъ и выражали невыносимыя муки изстрадавшагося сердца. Какой неземной красотой и величіемъ вѣяло отъ этой высокой царственной фигуры!...

— Сердечно тронута и благодарна вамъ за вашъ смѣлый и благородный поступокъ. Очень благодарна вамъ за то, что вы пришли ко мнѣ и не оставили меня въ этотъ тяжелый, ужасный день! Этого вашего шага я никогда не забуду... Господь намъ поможетъ, быть можетъ, наступятъ лучшія времена... сегодняшняго дня я никогда не забуду, вы можете всегда ко мнѣ обращаться и я сдѣлаю для васъ все возможное!... Я очень хотѣла, чтобы вы остались при мнѣ, но это, къ большому сожалѣнію, не возможно. Солдаты избрали себѣ новаго командира, вмѣсто генерала Ресина, полковника Лазарева и неизвѣстно, какъ они къ вамъ отнесутся. Мнѣ это очень тяжело вамъ говорить... Я знаю и понимаю, какъ это для васъ тяжко, но... но теперь многое не отъ насъ зависитъ... Теперь время настало такое тяжелое...

Грустная и едва замѣтная усмѣшка скользнула по Ея губамъ.

— Вензеля же Мои я васъ прошу снять, потому что мнѣ больно будетъ, если ихъ сорветъ у васъ какой нибудь пьяный солдатъ на улицѣ! Я вѣрю, что вы будете продолжать носить ихъ въ своемъ сердцѣ! Передайте полку и всѣмъ офицерамъ это мое желаніе, а также мою искреннюю благодарность за вѣрную службу!... Скажите имъ, что ихъ старый шефъ шлетъ имъ свой сердечный привѣтъ!... А вы не волнуйтесь и не безпокойтесь... Господь не безъ милости! Богъ дастъ, все еще будетъ хорошо! Помните, что мы не можемъ отвѣчать за завтрашній день, и что не все еще потеряно!...

Я еле стоялъ на ногахъ, во мнѣ все клокотало и глаза застилались, какъ туманомъ. Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ,

Е. И. В. Великая Княжна Ольга Николаевна и
Е. И. В. Великая Княжна Татьяна Николаевна.

я потеряю сознаніе... Ея Величество положила мнѣ на лѣвое плечо Свою руку и нѣсколько разъ Своимъ мягкимъ, западающимъ въ душу голосомъ произнесла:

— Не волнуйтесь... Не надо волноваться... Господь не безъ милости!...

— А гдѣ же Его Величество и что съ Нимъ? хрипло вырвалось у меня сквозь душившія меня рыданія.

— Его Величество пріѣдетъ скоро сюда... Они Его не пропускаютъ... Боятся, что вмѣстѣ мы будемъ сильнѣе!... Мнѣ такъ тяжело за Него. Намъ такъ нужно было бы быть теперь вмѣстѣ... Еще разъ спасибо вамъ сердечное за все! Всего хорошаго и не забывайте своего стараго Шефа!...

Я снова всталъ на колѣно и порывисто поцѣловалъ протянутую мнѣ руку. Когда я вставалъ, Государыня осѣнила меня широкимъ, русскимъ крестомъ. Она собралась выйти, но остановилась.

— У васъ есть бумаги отъ новыхъ властей? — задала Она мнѣ вопросъ.

— Никакъ нѣтъ, Ваше Величество!

— Завтра же я прошу васъ ихъ достать! Я васъ предполагаю послать съ письмомъ къ Его Величеству, если Онъ не пріѣдетъ! Передамъ его вамъ черезъ полковника Вильчковскаго... или... или... нѣтъ... вы знакомы съ Маргаритой Сергѣевной Хитрово [1]?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Такъ черезъ нее мы будемъ поддерживать связь! Государыня еще разъ протянула мнѣ свою руку и прибавила:

— Такъ будьте же готовы къ отъѣзду... Они не пропускаютъ Его Величество, и я не знаю, что будетъ дальше... Я надѣюсь на васъ, храни васъ Богъ... Всего хорошаго!...

Государыня вышла изъ комнаты. Нѣсколько мгновеній я остался стоять, точно вкопанный, словно электрическій токъ приковалъ меня къ полу. Какъ сквозь сонъ припоминаю, что лакей провелъ меня обратно.

Въ передней я одѣлся и по подземнымъ переходамъ прошелъ на улицу.

Въ странномъ нервномъ полуснѣ я дошелъ до лазарета и только тамъ пришелъ немного въ себя. Одному Господу извѣстно, что я пережилъ въ этотъ вечеръ!... И снова слезы незаслуженной обиды нахлынули на меня, когда я снималъ вензеля съ погонъ своего полушубка...

---

[1] М. С. Хитрово была фрейлиной Ея Величества.

Съ ними ушло все старое, все, что создало могучую, цвѣтущую Россію!... Теперь начиналась подъ краснымъ заревомъ пожаровъ и на крови безвѣстныхъ мучениковъ за Вѣру, Царя и Отечество, отъ руки крамольниковъ животъ свой положившихъ, новая жизнь!...

ГЛАВА X.

Утромъ 5-го марта я отправился исполнять приказаніе Ея Величества. Новая комендатура помѣщалась въ зданіи Царскосельской Ратуши. Бѣдная Ратуша, въ былые времена принимавшая у себя Высокихъ Гостей, чего она натерпѣлась въ эти дни...

У входа въ нее стоялъ вихрастый солдатъ оъ разстегнутой шинели. Онъ курилъ цыгарку и злобно сплевывалъ на мраморный полъ, сплошь заваленный окурками. Винтовка стояла въ углу, шагахъ въ трехъ отъ него.

Это былъ часовой! Когда я вошелъ въ вестибюль, съ площадки раздался голосъ:

— Эй, Петро, ты постороннихъ-то не пущай!

Петро и глазомъ не моргнулъ, безнадежно махнулъ рукой и буркнулъ:

— Ишь, какъ прутъ... Сволочи!

Въ залѣ засѣданій, въ которомъ громадный портретъ Государя былъ перевернутъ лицомъ къ стѣнѣ, а корона на золотой рамѣ завернута красной тряпкой, за столомъ президіума сидѣло „милое“ общество: „Самъ“ комендантъ, полковникъ Болдескулъ, два полупочтенныхъ прапорщика и три солдата. На всѣхъ были красные банты. Комендантъ что-то говорилъ своимъ коллегамъ, а одинъ изъ солдатъ, стуча кулакомъ по столу, захлебываясь отъ восторга, кричалъ:

— Правильно, товарищъ!

Это засѣдалъ „гарнизонный комитетъ“.

Комната, гдѣ выдавали удостовѣренія, была полна офицерами. Процедура полученія этихъ достопромѣчательныхъ бумагъ была крайне проста: на литографированномъ бланкѣ писаремъ на машинкѣ пропечатывалась фамилія коменданта, который на подписаніе такихъ „пустяковыхъ“ удостовѣреній, вслѣдствіе срочной и неотложной работы, не имѣлъ времени. Какой-то прапорщикъ не подписывалъ, а „подмахивалъ“, не читая, эту бумажку за адъютанта, а счастливый обладатель новаго документа шелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ лично ставилъ печать, валявшуюся на грудѣ бумагъ, вываленныхъ изъ взломаннаго шкапа. За неимѣніемъ новой, революціонной, ставилась печать Царско-

сельскаго бургомистра! Вотъ текстъ этого историческаго документа. Привожу его, какъ въ своемъ родѣ уникъ, потомству въ назиданіе и примѣръ.

УДОСТОВѢРЕНІЕ No 62.

Предъявитель сего, Крымскаго Коннаго полка корнетъ М., присоединился къ Временному Правительству и находится въ распоряженіи Начальника Царскосельскаго гарнизона, что подписью и приложенемъ казенной печати удостовѣряется.

Дома я своей рукой прибавилъ: и имѣетъ право на проѣздъ въ Петроградъ и обратно.

Печать. Начальникъ Царскосельскаго гарнизона
полковникъ (пропечатано на машинкѣ)
Болдескулъ.

За адъютанта
прапорщикъ!?!

Какъ мнѣ жаль старую, почтенную печать Царскосельской Ратуши. Думала ли она, что ей придется увѣковѣчиваться на этихъ гнусныхъ бумажкахъ?...

Получивъ удостовѣреніе, я почти бѣгомъ выскочилъ изъ этого зданія. „Демократическая атмосфера“ окончательно убивала меня. На лѣстницѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ мальчишекъ, гимназистовъ, юнцовъ въ формѣ бойскаутовъ, таскавшихъ кипами „Извѣстія“. Это были добровольцы, распространяшіе эту рвань по городу.

Итакъ приказаніе Ея Величества было исполнено: „корнетъ М. присоединился къ Временному Правительству“. Какая иронія...

Тогда, въ тѣ минуты, когда я получалъ это удостовѣреніе, мнѣ было какъ то не по себѣ, но впослѣдствіи я понялъ и оцѣнилъ важность и необходимость этихъ „документовъ“, ни къ чему ровно не обязывающихъ. Изъ комендатуры старикъ извощикъ повезъ меня рысцой въ Собственный Ихъ Величества Лазаретъ No II, гдѣ я хотѣлъ повидаться съ Маргаритой Сергѣевной Хитрово.

Улицы были почти пустынны. Вдалекѣ слышались одиночные выстрѣлы. Группы солдатъ безцѣльно слонялись по улицамъ. Было видно много пьяныхъ. Нѣсколько погребовъ Шитта было разгромлено въ дребезги и около нихъ стояли очереди солдатъ и какихъ-то штатскихъ оборванцевъ, выкрадывавшихъ послѣднія бутылки вина. То и дѣло проносились автомобили съ красными флагами, на-

битые товарищами, дико горланившими пьяныя пѣсни. Вотъ и лазаретъ.

Я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ черезъ садъ къ давно знакомому мнѣ зданію. Въ гостиной я остановился, пораженный представившейся моимъ глазамъ картиной: комната была полна офицерами, частью одѣтыми въ форму, частью въ халатахъ. Стоялъ невообразимый шумъ и крики. Слышались возмущенные голоса:

— Зачѣмъ убирать портреты! Никому нѣтъ дѣла, что виситъ въ нашихъ комнатахъ... Это чортъ знаетъ, что такое! Мы не позволимъ снимать портреты и группы, незачѣмъ трогать!

Я протискался ближе къ серединѣ и увидѣлъ странную фигуру съ коротко остриженными волосами, въ юбкѣ почти да колѣнъ и въ замшевомъ френчѣ съ открытымъ воротникомъ. Фигура размахивала руками и громкимъ голосомъ говорила:

— Нѣтъ, ихъ необходимо снять! Вѣдь я отъ совѣта получила категорическое приказаніе. Я не желаю за васъ отвѣчать и не могу разрѣшить оставить группы.

Я понялъ, въ чемъ дѣло. Вопросъ шелъ о снятіи Царскихъ портретовъ. Офицеры были противъ, а фигура все же настаивала на своемъ. Противно было смотрѣть на эту мужчиноподобную женщину. Одинъ изъ офицеровъ взволнованно обратился ко мнѣ:

— Нѣтъ, вы подумайте... Вѣдь это же безобразіе... Съ какихъ это поръ она такъ полѣвѣла?

Я освѣдомился, не депутатка ли это изъ гарнизоннаго комитета, и почему то мнѣ вспомнилась картина „засѣданія“ въ Ратушѣ. Въ ушахъ еще стоялъ пронзительный крикъ:

— Пр-а-а-авильно, товарищъ.

Эта женщина такъ и напрашивалась въ эту компанію.

Офицеръ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня:

— Уто вы? Это нашъ хирургъ, княжна Гедройцъ!

Я до того опѣшилъ, что не нашелся, что отвѣтить на это, и, совершенно уничтоженный, вышелъ изъ комнаты.

Въ корридорѣ я встрѣтился съ Маргаритой Сергѣевной Хитрово.

— Маргарита Сергѣевна! Развѣ это возможно допуститъ? вырвалось у меня, и я показалъ рукой въ гостиную.

— Это позоръ! Это ужасъ!

На глазахъ Маргариты Сергѣевны стояли слезы. Бѣдная, до чего она осунулась и похудѣла за эти немногіе дни.

— Идемте отсюда скорѣе, я ѣду въ Петроградъ. Тутъ такъ тяжело и больно!

Я понялъ М. С. и не сталъ ее задерживать. Она пошла одѣваться, а я вышелъ въ переднюю. Вскорѣ она вышла и мы поѣхали на вокзалъ. М. С. уже догадалась о цѣли моего прихода. Она вечеромъ была во Дворцѣ и Государыня ей разсказала о моемъ посѣщеніи и передала ей свое желаніе.

Маленькій вокзалъ былъ полонъ солдатъ, которые запрудили платформу, болтаясь по ней безъ дѣла, щелкая сѣмячки и загаживая перронъ окурками. Мы съ трудомъ сѣли въ поѣздъ. Тяжелыя думы охватили насъ обоихъ и мы почти молча доѣхали до Петербурга. Я помогъ М. С. найти извощика и она поѣхала по своимъ дѣламъ. Мы условились, что, въ случаѣ надобности, мы встрѣтимся на квартирѣ моей сводной сестры, Нины Ивановны Кологривовой.

Я поѣхалъ на Сергіевскую, гдѣ жилъ мой пріятель, баронъ Георгій Николаевичъ фонъ-деръ Ховенъ. Съ нимъ мнѣ хотѣлось повидаться и поговорить о текущихъ событіяхъ, и о томъ, что можно, или вѣрнѣе, что нужно предпринять для организаціи лицъ, оставшихся вѣрными Ихъ Величествамъ въ эти трагическіе дни.

Улицы, по которымъ я ѣхалъ, были завѣшаны красными тряпками. Угрюмо и печально вырисовывались зданія участка противъ вокзала. Это былъ черный, обгорѣвшій остовъ громаднаго дома, погибшаго во славу революціи... По тротуарамъ валомъ валили солдаты грязные, разстегнутые, громко крича и ругаясь. Публика боязливо жалась къ стѣнамъ домовъ. Владимірская площадь напоминала площадь уѣзднаго города въ базарные дни. Она была запружена разношерстнымъ людомъ. На тумбѣ стоялъ какой то подозрительный субъектъ и хриплымъ голосомъ держалъ рѣчь собравшейся вокругъ него толпѣ.

Возгласы: правильно! оглашали воздухъ.

Солдатъ, стоявшій неподалеку отъ тумбы, здоровенный веснушчатый дѣтина съ оборванными погонами безсмысленно оралъ:

— Мы должны! Да, мы должны!

Въ чемъ дѣло и что были „должны“ эти люди, я такъ и не разобралъ.

На углахъ улицъ стояли гимназисты и реалисты съ бѣлыми повязками на лѣвыхъ рукавахъ съ красными буквами „Г. М.“, это значило „городская милиція“. Они важно расхаживали по улицѣ, видимо, съ трудомъ таская на ремнѣ берданки, зачастую бывшія длиннѣе ихъ обладателей.

Наконецъ, извощикъ остановился и, по случаю „дней упоенія свободой“, содралъ съ меня синенькую, вмѣсто полутора рубля, которые я платилъ еще недѣлю тому назадъ.

Баронъ былъ дома. Онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и мрачно дымилъ папиросой. Я ему подробно разсказалъ про всѣ свои перепитіи послѣднихъ дней. Баронъ, женатый на дочери члена Думы князя Ш., благодаря близости къ политическимъ кругамъ, былъ въ курсѣ общественной и политической жизни и, несмотря на свои сравнительно молодые годы, былъ человѣкомъ весьма положительнымъ, серіознымъ и всесторонне образованнымъ.

Онъ внимательно выслушалъ меня.

Я просилъ его информировать меня о создавшемся положеніи послѣднихъ дней.

Баронъ мрачно смотрѣлъ на вещи: новая власть, несмотря на столь легко одержанный успѣхъ, потеряла темпъ, образовался Совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ мѣста заявившій, что онъ является органомъ контроля надъ дѣйствіями правительства. Получалось, что власть, якобы облеченная народнымъ довѣріемъ, таковымъ уже не пользуется. Поэтому настроеніе въ новыхъ верхнихъ сферахъ было совершенно растеряннымъ.

Власть Вр. Комитета Государственной Думы вообще, и военной коммиссіи во главѣ съ Гучковымъ и полковникомъ Энгельгардомъ въ частности, была фикціей. Они совершенно выпустили изъ рукъ управленіе Петербургскимъ гарнизономъ, и оно, какъ то незамѣтно, перешло въ вѣдѣніе „военной секціи совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ", обильно расклеивавшей по городу приказы, отмѣнявшіе все, что на военной службѣ вообще можно было отмѣнить, устанавливающіе новыя права солдата-гражданина и сводящіе къ нулю положеніе офицеровъ.

Приказъ этотъ по существу былъ сумасшедшимъ бредомъ, а въ обстановкѣ военнаго времени онъ являлся предательствомъ и измѣной. Благодаря его демагогичности, онъ, какъ молнія, разошелся по казармамъ и сразу обратилъ огромный гарнизонъ въ стадо животныхъ.

Изъ Кронштадта вчера вечеромъ были получены кошмарныя извѣстія о массовомъ убійствѣ офицеровъ на эскадрѣ и въ Кронштадтскомъ порту. По слухамъ, были убиты начальникъ порта, адмиралъ Виренъ, адмиралъ Небольсинъ и болѣе ста пятидесяти офицеровъ были замучены и сброшены въ прорубь. Утромъ было получено извѣстіе объ убійствѣ Командующаго флотомъ, адмирала Непенина. Сообщеніе съ Кронштадтомъ было почти прекращено.

Нѣсколько человѣкъ, вырвавшихся оттуда, передавали уму непостижимыя подробности совершившихся злодѣяній. Особенно жестокія убійства были на второй бригадѣ

линейныхъ кораблей, гдѣ на судахъ происходила форменная бойня офицеровъ.

Офицерство Петрограда было терроризовано и пряталось по домамъ. Главное, оно было не организовано. Въ первые дни не нашлось человѣка, который объединилъ бы вокругъ себя офицеровъ, поэтому былъ упущенъ цѣлый рядъ благопріятныхъ моментовъ, когда можно было легко и въ корнѣ подавить начавшійся мятежъ. Напримѣръ, броневой дивизіонъ былъ отданъ въ руки взбунтовавшихся въ то время, когда его можно было удержать въ офицерскихъ рукахъ. Понятно, что можно было совершить, имѣя такое оружіе въ своемъ распоряженіи ...

Взвѣсивъ создавшееся положеніе, мы съ барономъ пришли къ убѣжденію, что въ данный моментъ можно думать только о томъ, какъ составить кругъ лицъ, безусловно преданныхъ Ихъ Величествамъ, и выжидать дальнѣйшаго развитія событій. Хотя и было всенародно объявлено, что съ паденіемъ стараго режима всѣ люди равны и свободны и никому нѣтъ дѣла до того, кто къ какой партіи принадлежитъ и кто какъ думаетъ, жизнь показала иное, и поэтому было необходимо быть сугубо осторожнымъ при созданіи нашей организаціи, каковая должна была быть тайной и основаной на чисто масонскихъ принципахъ съ примѣненіемъ іезуитскихъ методовъ работы и борьбы ...

Но мы рѣшили ничего не предпринимать безъ согласія на это Ея Величества, и поэтому я немедленно же написалъ письмо Ю. А. Денъ съ просьбой, передать его на благоусмотрѣніе Ея Величества. Въ этотъ вечеръ я не вернулся въ Царское, а остался ночевать у барона, тѣмъ болѣе, что наша бесѣда затянулась почти до самаго утра.

„Ея Величество и Ихъ Высочества находятся въ опасности“, писалъ я на другой день у себя въ лазаретѣ Юліи Александровнѣ. „То, что мнѣ пришлось пережить за эти послѣдніе дни, и то, что мнѣ пришлось видѣть своими глазами, слишкомъ краснорѣчиво говоритъ, къ чему мы идемъ и чего мы можемъ ожидать. Я только что вернулся изъ Петрограда. Настроеніе тамъ отвратительное. Въ городѣ царитъ полнѣйшій произволъ. Все находится въ состояніи полной сумятицы и неразберихи. Глубокоуважаемая Юлія Александровна, вникните въ мое письмо, поймите чувства, кои обуреваютъ мною въ эту минуту. Есть еще люди, преданные Ихъ Величествамъ. Мы хотимъ собраться, сорганизоваться и стать посильно на стражѣ Ихъ Величествъ. Мы отдаемъ наши жизни Имъ на служеніе. Въ этомъ нашъ долгъ, въ этомъ наша жизнь. По всему видно, что Ихъ Величествамъ нельзя будетъ оставаться въ Россіи. Имъ грозитъ слишкомъ большая опасность. Если эти негодяи не

выпустятъ Ихъ, мы найдемъ способы освободить Ихъ Величества изъ этого подлаго плѣна. Мы готовы на все.

Умоляю васъ довести до свѣдѣнія Ея Величества это письмо. Мы сдѣлаемъ такъ, какъ Ея Величеству угодно будетъ. Лично моя жизнь кончена. Я готовъ бросить своихъ родителей, свой домъ и единственнымъ счастіемъ для меня на этомъ свѣтѣ будетъ непосредственная служба Ихъ Величествамъ.

Прошу Васъ, умоляю Васъ, передайте Государынѣ, что, если Она покинетъ Россію, я готовъ послѣдовать за Ней въ качествѣ послѣдняго слуги! Это единственное, къ чему я могу сейчасъ стремиться!

Я надѣюсь, Вы поймете меня и простите за смѣлость обращенія! У меня сердце разрывается на части при мысли о томъ, что я не съ Вами, что мнѣ пришлось третьяго дня покинуть дворецъ...

На все воля Божья!

Я еле владѣю собой, чувствую себя совершенно разбитымъ морально и физически. Я никогда не забуду Вашего отношенія и участія, которое Вы проявили ко мнѣ. Передайте Ея Величеству мои чувства безграничной любви и преданности до конца дней своихъ.

Пошли Господь силъ и крѣпости въ эти безмѣрно тяжелые и кошмарные дни. Да сохранитъ Васъ Господь Всемогущій милостивой десницей Своей."

Я дописалъ письмо, потушилъ лампу на письменномъ столѣ и сѣлъ въ глубокое кожаное кресло передъ окномъ.

Городъ тонулъ въ прозрачныхъ лучахъ луннаго свѣта. Жизнь замерла. Только немногіе испуганные обитатели быстро спѣшили по пустыннымъ улицамъ домой. Изрѣдка, оглашая воздухъ пронзительнымъ ревомъ, проносились автомобили, нарушая дремоту спящаго въ тяжеломъ снѣ города... Я сталъ забываться въ полуснѣ.

— Артеминъ! Держи ее, шкуру проклятую! Ишь, буржуйка стоеросая! Съ нашимъ братомъ якшаться не хотитъ! услышалъ я пьяный голосъ съ улицы.

Я очнулся и взглянулъ въ окно. Напротивъ нашего нома на тротуарѣ сидѣлъ мертвецки пьяный солдатъ. Его сотоварищъ въ подобномъ же состояніи безпомощно обнималъ фонарный столбъ. Вдали по улицѣ виднѣлась бѣгущая женская фигура, которую, видимо, преслѣдовали эти герои... Солдатъ, державшійся за столбъ, вмѣсто отвѣта прохрипѣлъ могучимъ басомъ:

— Поглядь, Никола, якъ вона зашпариваетъ!... Не желитъ, значитъ, понимать, что теперича свобода!

Очарованіе ночи прошло... Это была жуткая, мрачная дѣйствительность. Я отошелъ отъ окна.

ГЛАВА XI.

Совершенно не чувствуя усталости, послѣ безсонной ночи, я вышелъ на улицу.

Первое дыханіе наступающей весны чувствовалось въ воздухѣ. Мелодично журчала вода, темными струями катясь по канавкамъ, и тихимъ шелестомъ, шурша по крышамъ, падалъ на землю талый снѣгъ. Онъ рыхлѣлъ и топорщился подъ солнечными лучами, которые лились съ блѣднаго сѣвернаго неба.

Природа просыпалась. Неугомонные воробьи бойко чирикали, перелетая стайками, и ожесточенно барахтались въ кучахъ талаго снѣга. Въ этотъ тихій, ясный день не хотѣлось вѣрить, что въ этомъ мірѣ, столь лучезарно освѣщенномъ лучами полуденнаго солнца, властно и неумолимо ломавшаго оковы зимы, творилось столько мерзости, низости и безобразія...

Творилось неслыханное насиліе надъ волей ста пятидесятимилліоннаго народа, и величайшая въ мірѣ страна отдавалась на потопъ и разрушеніе...

Надо было быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не видѣть и не слышать того, что дѣлалось вокругъ насъ. Надо было быть преступнымъ оптимистомъ, чтобы самому мыслить и внушать эту мысль окружающимъ, что совершившійся переворотъ въ разгаръ міровой войны, въ моментъ безпримѣрнаго напряженія моральныхъ, физическихъ и экономическихъ силъ страны, можетъ дать Россіи счастіе и какую-то мифическую свободу, которая выведетъ ее черезъ обломки трона къ побѣдной войнѣ на путь широкой культурной и національной самостоятельности!

Надо было быть или накрахмаленнымъ англоманомъ и кабинетнымъ ученымъ, или просто продажнымъ субъектомъ, дабы допустить возможность, что самый маленькій дворцовый переворотъ не отозвется безумными судорогами по всему государственному организму, находящемуся въ лихорадочномъ жару и болѣвшему тяжкой болѣзнью-войной!

Скажу даже, войной не популярной, потому что дѣйствительно сильный взрывъ національнаго подъема три года тому назадъ былъ несомнѣнно искуственно вызванъ умѣлыми нашими политиками, псевдо-патріотами, при помощи иностраннаго капитала и услужливой ему прессы. Взрывъ трескучаго патріотизма весьма скоро потухъ, пошли сѣрыя будни, а сдѣлавшееся синонимомъ положеніе на Западномъ фронтѣ: „На рѣкѣ Энъ безъ перемѣнъ“, отнюдь не способствовало поднятію настроенія у насъ въ арміи.

Понятно, что на знаменитыхъ въ Петербургѣ пан-

славянскихъ обѣдахъ, вдали отъ фронта, можно было легко, а главное, безопасно „водружать крестъ на св. Софію“ и проливать не кровь, а въ лучшемъ случаѣ красное вино на скатерти за нашихъ братьевъ сербовъ. Только нашъ неудачный министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ въ тиши своего кабинета, видя, какъ рухнули вѣковые устои Россійскаго Государства, какъ Россійскій побѣдоносный орелъ обратился въ общипанную ворону о двухъ головахъ, а Армія обратилась въ дикое безмозглое стадо, могъ лепетать о полной побѣдѣ, о войнѣ въ единеніи съ доблестными союзниками до побѣднаго конца...

Въ свое время величайшій русскій патріотъ П. А. Столыпинъ, обратившись въ сторону Милюкова и его присныхъ, нынѣ доскакавшихъ до министерскихъ креселъ, сказалъ:

— Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія!

Это были пророческія слова!

А другой, нѣкій русскій человѣкъ, приблизительно въ то же время, патетически съ думской трибуны бросилъ:

— Власть исполнительная да подчинится власти законодательной!

Либеральной прессой Столыпинъ былъ за свои смѣлыя слова заклейменъ прозвищами чернаго реакціонера и всероссійскаго погромщика. Набокова же въ хвалебныхъ одахъ вознесли на демократическія небеса, сдѣлали кумиромъ свихнувшейся русской интеллигенціи, дружно поддержанной ихъ лопоухими товарищами...

Прошло десять лѣтъ...

Чаянія Милюкова претворились въ жизнь: Россія дожила до великихъ потрясеній... Императорская Россія пала... Мы имѣемъ отвѣтственное правительство... Мы самая свободная страна! Мы ведемъ всѣхъ на путь небывалаго прогресса!... Мы жаждемъ мира, но... будемъ вести войну до побѣднаго конца! Мы противъ анексій, но... Босфоръ долженъ быть нашъ! Мы не хотимъ требовать контрибуцій, но... нѣмцы все равно должны заплатить за военные убытки! Мы пережили самый безкровный переворотъ, но... мы вырѣзали, утопили и искромсали въ куски сотни морскихъ офицеровъ въ Кронштадтѣ и сотни городовыхъ въ Петербургѣ... Наконецъ, мы имѣемъ счастіе имѣть „совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ“, который въ срочномъ порядкѣ и съ легкимъ сердцемъ (что по-русски проще называется: дать по шеямъ!) привелъ власть исполнительную въ лицѣ „блестящаго“ кабинета министровъ во главѣ съ княземъ Львовымъ къ нулю и объявилъ себя, не больше не меньше, какъ властью законодательной!...

Нынѣшніе вершители судебъ, якобы представители

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія.

русскаго народа, люди науки и творческой мысли, уютно усѣлись подъ грязнымъ сапогомъ разгулявшагося фабричнаго оборванца и солдата дезертира.

Моимъ мыслямъ неожиданно былъ положенъ конецъ.

— А правильно Федюхинъ говорилъ... Денщиковъ отъ офицеровъ отобрать надоть... Пущай сами сапоги чистятъ... Не сахарные, не расклеятся!

Мимо меня прошло два солдата въ стрѣлковой формѣ, видимо хотѣвшихъ задѣть меня этимъ замѣчаніемъ. Придержавшись мудрой пословицы, собака лаетъ, вѣтеръ носитъ, я сдѣлалъ видъ, что это меня не касается, и прошелъ дальше.

Передо мной всталъ, какъ живой, мой вѣрный Халиль, мой хорошій, старый денщикъ, всадникъ Сеитъ Халиль Сеитъ Асанъ. Добрый, честный съ открытой душой солдатъ татаринъ былъ очень привязанъ ко мнѣ. Назвалъ его „старымъ", хотя Халилю было всего 36 лѣтъ, но онъ былъ въ два раза старше меня! Это былъ образецъ старослужащаго солдата, исправнаго и до методичности аккуратнаго. Онъ былъ типичный представитель Келлеровской школы славныхъ временъ, когда мой полкъ былъ еще скромнымъ Крымскимъ Коннымъ Дивизіономъ, твердо и стойко подавившимъ Севастопольскій мятежъ 1905 года.

— Неужели и Халиль сдѣлался такимъ же, какъ и эти два хулигана въ солдатской формѣ? промелькнуло въ моей головѣ.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Этого быть не можетъ!

И съ этой твердой увѣренностью я зашелъ на телеграфъ и отправилъ ему домой слѣдующую телеграмму:

— Халиль, оставайся Алуштѣ, жди моихъ приказаній корнетъ Марковъ.

Онъ въ эти злосчастные дни былъ дома, куда я его отправилъ, уѣзжая изъ Ялты въ Царское Село, и я не ошибся въ немъ. Черезъ два дня получился отъ него телеграфный отвѣтъ: слушаюсь, остаюсь Алуштѣ Халиль.

Я былъ до глубины души растроганъ такою вѣрностью, такимъ безукоризненнымъ сознаніемъ воинскаго долга и дисциплины, и съ этого момента онъ для меня пересталъ быть денщикомъ и сдѣлался моимъ искреннимъ и праннымъ другомъ...

Изъ телеграфа я отправился къ Нинѣ [1]. Вотъ и казармы 4-го полка. Я быстро поднялся по лѣстницѣ и черезъ минуту сидѣлъ у нея въ гостиной. У нея я засталъ Маргариту Сергѣвну Хитрово. Она тихимъ прерывающимся голосомъ разсказывала намъ о событіяхъ послѣднихъ дней во двор-

[1] Кологривова.

цѣ. Нина поминутно плакала навзрыдъ. Я тоже съ трудомъ сдерживалъ слезы. Кости [1] не было дома, онъ былъ дежурнымъ во дворцѣ.

Отъ Маргариты Сергѣевны мы узнали, что съ сегодняшняго дня доступъ во дворецъ закрытъ; пріѣздъ Государя ожидался къ вечеру и замѣна Своднаго полка новой революціонной охраной произойдетъ до Его пріѣзда.

Какъ громомъ, поразило меня это извѣстіе! Мы были отрѣзаны отъ Ихъ Величествъ!

Въ глубокомъ горѣ сидѣлъ я около ярко пылающаго камина. Крестный путь несчастной Царской Семьи начался! Будущее представлялось мнѣ совершенно безысходнымъ. Въ этотъ моментъ только одна увѣренность, что есть еще преданные Ихъ Величествамъ люди, что не всѣ окажутся мерзавцами и клятвопреступниками, что эти люди сплотятся и обезпечатъ тѣмъ или инымъ способомъ неприкосновенность Царской Семьи, немного успокаивала меня.

Передать мое письмо Ю. А. Денъ Маргарита Сергѣевна больше не могла. Я вынулъ изъ бумажника мелко исписанные листки бумаги и черезъ секунду синеватое пламя вспыхнуло въ каминѣ... Такъ сгорѣли мечты мои минувшей ночи, но зато окрѣпло желаніе отдать свою жизнь дорогимъ, горячо любимымъ Ихъ Величествамъ!...

ГЛАВА XII.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я сжегъ свое письмо къ Императрицѣ, я по телефону узналъ, что Костя К. вернулся изъ Дворца домой.

Я уже зналъ, что Государь 9-го марта передъ обѣдомъ вернулся въ Царское Село и со станціи Александровка прямо проѣхалъ во Дворецъ, въ которомъ была охрана уже отъ 1-го Запасного Стрѣлковаго полка, смѣнившаго по приказанію генерала Корнилова Сводный полкъ.

Костю я нашелъ въ ужасномъ настроеніи. Постарѣвшій за это время на добрыя десять лѣтъ, похудѣвшій, изможденный сидѣлъ онъ передъ тѣмъ же каминомъ, передъ которымъ мы, какихъ нибудь три недѣли тому назадъ, обсуждали нароставшія событія, полные надеждъ на лучшее будущее... Теперь же событія завершились! Первый актъ трагедіи Императорской Семьи кончился... Государь со Своей Семьей сдѣлался узникомъ въ своемъ любимомъ Дворцѣ! Я засыпалъ К. вопросами.

---

[1] Кологривовъ.

— Ты просишь меня разсказать, какъ все „это“ произошло? Трудно мнѣ послѣ всего пережитаго собраться съ мыслями, и ты ужъ не осуди, если разсказъ мой будетъ не особенно складенъ! Уже 24-го или 25-го февраля командиръ просилъ насъ не покидать Царскаго, а оставаться дома или находиться въ расположеніи полка. Изъ Петербурга извѣстія приходили все болѣе и болѣе тревожныя ... 28-го мы, какъ ни въ чемъ не бывало, ужинали въ полковомъ собраніи, какъ насъ, по тревогѣ, вызвали ко Дворцу. Тревога прошла блестяще и батальонъ бѣгомъ, въ половину меньше назначеннаго срока, былъ уже во дворцѣ. Семь ротъ мирнаго состава [1], въ среднемъ по 110—120 человѣкъ, согласно инструкціи, заняли свои мѣста вокругъ дворца, имѣя около двухъ сотенъ Конвоя въ резервѣ. Ворота закрыли, и моя рота стала непосредственно за Главными Воротами. Такъ при двадцатиградусномъ морозѣ мы простояли до утра! Никто не жаловался. Всѣ знали свой долгъ. Было неизмѣримо тяжело и грустно. Этой ночи я никогда не забуду! Всѣ угрюмо молчали и ждали ... а чего ждали, никто не зналъ; одно было ясно, что вокругъ насъ происходило что то небывалое, безпримѣрное ...

Рано утромъ 1-го марта Государыня вышла къ намъ въ сопровожденіи Великой Княжны Маріи Николаевны.

— Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество! было нашимъ отвѣтомъ на Ея привѣтствіе.

Государыня спокойно обошла всѣ роты, разговаривала съ солдатами и здоровалась съ офицерами. Она поразила всѣхъ насъ Своимъ хладнокровіемъ и, дѣйствительно, царственнымъ величіемъ. Блѣдная, какъ полотно, съ впавшими отъ безсонныхъ ночей глазами, Она тихимъ, спокойнымъ голосомъ говорила съ нами, совершенно не обращая вниманія на безпорядочную стрѣльбу, доносившуюся изъ города и смѣшивавшуюся съ дикими криками и пьяными воплями солдатскихъ толпъ, бродившихъ по сосѣднимъ улицамъ.

Государыня, поздоровавшись со мной, сказала:

— Вы знаете, Кологривовъ, что я получила печальное извѣстіе о смерти барона Розеншильдъ-Паулинъ [2] ... Онъ, бѣдный, погибъ въ одномъ изъ послѣднихъ боевъ ... Мнѣ очень жаль его ... Онъ былъ такой милый!

Я былъ опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Розеншильдъ былъ моимъ другомъ. Онъ пошелъ снова на фронтъ, не-

---

[1] 8-ая рота баталіона была въ Петербургѣ на охранѣ Зимняго Дворца.

[2] Баронъ Розеншильдъ-Паулинъ былъ офицеромъ л.-гв. Преображенскаго полка.

смотря на то, что былъ признанъ инвалидомъ, потерявъ руку въ началѣ войны. Я и стоявшіе около меня были поражены такой выдержкѣ, такому невѣроятному спокойствію Государыни!

Въ такія минуты Она еще помнила о постороннихъ вещахъ, объ офицерахъ на фронтѣ, вспомнила о бѣдномъ Розеншильдѣ...

По личному приказанію Государыни шесть ротъ были сняты съ караула и оставлена только дежурная часть. Остальные же солдаты были уведены въ обширные подвалы дворца. Императрица пожалѣла солдатъ, стоявшихъ всю ночь на морозѣ! Добрая, хорошая Государыня! Она и сейчасъ не подозрѣваетъ, что этимъ Своимъ желаніемъ, желаніемъ размѣстить солдатъ у Себя въ домѣ, Она выдала ихъ преступной агитаціи со стороны Ея же придворной челяди!

Кологривовъ, видя мое изумленіе, замѣтилъ:

— Что, невѣроятно?... Не правда-ли?!... Но это такъ! Какіе-то посудники, конюхи и другой низшій персоналъ дворца къ вечеру того же дня были замѣчены офицерами въ расположеніи солдатъ, при чемъ были услышаны разговоры, вродѣ:

— Ну, и чего вы тутъ, какъ собаки, на соломѣ валяетесь?!... Тоже охота ночами на морозѣ стоять! и. т. д.

Было приказано подобныхъ типовъ арестовывать, но дѣло было уже сдѣлано и ядовитое сѣмя пропаганды брошено въ солдатскую массу, сбитую съ толка всѣмъ происходившимъ!

Единственнымъ свѣтлымъ лучемъ былъ приходъ къ намъ гвардіи капитана Лучанинова съ нѣсколькими офицерами. Мы съ радостью ихъ приняли во дворецъ. Солдатъ же, которыхъ они привели съ собой, командиръ нашъ побоялся ввести во дворецъ, сомнѣваясь въ твердости ихъ настроенія. Они были размѣщены въ казармахъ 4-го Стрѣлковаго полка и вскорѣ не избѣгли общей участи: они были очень быстро деморализованы окружавшими ихъ товарищами.

Днемъ 1-го марта пріѣзжалъ во дворецъ Великій Князь Павелъ Александровичъ. Взволнованный, онъ быстро поднялся по ступенькамъ Собственнаго подъѣзда, гдѣ стояло нѣсколько офицеровъ Своднаго полка и Конвоя и въ отвѣтъ на наши вопросы, каково положеніе, что дѣлается Петроградѣ, онъ отвѣтилъ:

— Господа! Одна послѣдняя надежда на васъ!...

Тогда только мы поняли весь трагизмъ положенія!... Послѣдняя надежда на насъ!

— Понимаешь ли ты, что это значило?!...

Я отлично понялъ Костю. Это значило умереть у ногъ Императрицы...

Съ той же мыслью я самъ пробивался во дворецъ въ памятное для меня утро 4-го марта. Я посмотрѣлъ на Кологривова. Глаза его были полны слезъ...

— Мы должны были умереть, защищая дворецъ отъ толпы!... продолжалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. Да! это мы бы и сдѣлали, всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты! Въ этомъ я глубоко убѣжденъ! Сдѣлали бы такъ, какъ сдѣлала Швейцарская гвардія... Но намъ Императрица не позволила сложить наши головы у Своихъ ногъ... Я тебѣ еще разскажу объ этомъ... А пока, что еще сказать тебѣ?... Объ измѣнѣ Гвардейскаго Экипажа?... Это извѣстіе едва не убило несчастную Императрицу и безъ того больную сердцемъ, измученную переживаніями послѣднихъ дней!...

Баталіонъ Гвардейскаго экипажа подъ командой капитана перваго ранга Мясоѣдова-Иванова за нѣсколько дней до революціи дѣйствительно пришелъ въ Царское и былъ расквартированъ въ Екатерининскомъ дворцѣ. Охраны онъ не несъ.

Утромъ 2-го марта къ намъ, въ дежурную комнату, гдѣ находились почти всѣ свободные отъ наряда офицеры своднаго полка, какъ бѣшенный ворвался одинъ изъ офицеровъ Гвардейскаго Экипажа и блѣдный, какъ полотно, крикнулъ:

— Все кончено!... Матросы бросили дворецъ!...

Мы, буквально, остолбенѣли отъ неожиданности... Придя немного въ себя, онъ разсказалъ намъ, что едва спасся изъ Екатерининскаго дворца отъ собственныхъ матросовъ, которые хотѣли взять его съ собой. Онъ бѣгомъ, съ разгону, перепрыгнулъ саженную ограду и укрылся отъ нихъ въ расположеніи Александровскаго дворца... Выяснилось, что рано утромъ матросы рѣшили бросить Царское и, во что бы то ни стало, проѣхать въ Петербургъ въ Думу на соединеніе со своими товарищами, бывшими ужъ тамъ.

Офицеровъ же они хотѣли силой взять съ собой. Видимо, у нихъ была связь въ Петербургѣ съ баталіономъ, совершившимъ походъ въ Думу подъ начальствомъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича.

Бросивъ на произволъ судьбы знамя, а по дорогѣ на вокзалъ и свои пулеметы, матросы дикой ватагой устремились въ Петербургъ. Измѣна Гвардейскаго Экипажа произвела на насъ впечатлѣніе разорвавшейся бомбы! Капитанъ Мясоѣдовъ-Ивановъ былъ внѣ себя. Печальную миссію доложить о случившемся Ея Величеству взялъ на себя нашего полка полковникъ Лазаревъ, такъ какъ Мясоѣдовъ-

Ивановъ былъ настолько убитъ измѣной ввѣренной ему части, что едва могъ говорить.

Полковникъ Лазаревъ съ рыданіями голосѣ разсказывалъ намъ о своей ауденціи у Ея Величества:

— Государыня приняла меня въ красной гостиной, милостиво поздоровалась и спросила о цѣли моего прихода.

— Ваше Величество, я пришелъ къ Вамъ, къ великому сожалѣнію и горю, съ очень печальнымъ извѣстіемъ!

Мнѣ было трудно говорить и я на секунду запнулся. Государыня посмотрѣла на меня Своими добрыми глазами и спросила:

— Въ чемъ же дѣло?!

— Ваше Величество! Гвардейскій Экипажъ безъ офицеровъ только что бросилъ Екатерининскій дворецъ и ушелъ въ Петроградъ!!!...

Императрица вздрогнула, судорожно схватилась за близъ стоявшій стулъ и мертвенная блѣдность покрыла Ея лицо. Глаза Ея расширились и дрогнувшимъ, хриплымъ голосомъ Она спросила меня:

— Что же теперь будетъ?!... Кто же остался?!!!...

— Всегда вѣрный своему долгу, Престолу и Родинѣ Сводный Вашъ полкъ! отвѣтилъ я.

— Ахъ!... Если бъ Я это знала раньше!... — отвѣтила Государыня и отпустила меня.

— Вѣдь подумай, Сережа, какой это ужасъ!... Какой позоръ!... Костя отъ волненія не могъ говорить и мы нѣсколько минутъ молчали.

— Государыня за этотъ день замѣтно посѣдѣла, прервалъ молчаніе Кологривовъ, а за измѣной Гвардейскаго Экипажа несчастную Царицу ожидалъ другой ударъ!... Въ этотъ же день, послѣ обѣда, генералъ Гроттенъ взялъ меня съ собой къ новому, революціонному коменданту Царскаго, къ которому онъ рѣшилъ поѣхать для выясненія создавшагося положенія.

Новое комендантское управленіе помѣщалось въ Ратушѣ. Мы поѣхали въ автомобилѣ, и я провелъ генерала до комнаты, гдѣ помѣщался комендантъ. Во что обратилась Ратуша въ эти дни, ты и самъ видѣлъ... Гроттенъ оставался у коменданта нѣсколько минутъ и вышелъ изъ кабинета въ сопровожденіи двухъ растерзаннаго вида солдатъ. Я бросился къ нему со словами:

— Ваше Превосходительство, куда вы?!...

Гроттенъ смогъ только отвѣтить:

— Не надо!... Оставьте!... Все равно!... и безнадежно махнулъ рукой.

Я инстинктивно безъ стука ворвался прямо въ кабинетъ къ коменданту и увидѣлъ..., голосъ у Кости задро-

жалъ и онъ на минуту запнулся... Увидѣлъ за столомъ, заваленномъ бумагами, моего однополчанина Императорскаго Стрѣлка полковника фонъ Вейса!... Онъ былъ первымъ революціоннымъ комендантомъ Царскаго. Отъ волненія я едва могъ произнести:

— Господинъ полковникъ! Что съ генераломъ?... Что прикажете доложить Ея Величеству!... —

Вейсъ совершенно спокойно посмотрѣлъ на меня и я услышалъ безразличный, спокойный отвѣтъ:

— Передайте Государынѣ, что я арестовалъ генерала Гроттена! —

— И больше ничего?!... —

— И больше ничего! — послышался мнѣ тотъ же спокойный отвѣтъ.

Я машинально повернулся на каблукахъ и, какъ въ полуснѣ, вышелъ изъ проклятой комнаты...

Мнѣ самому теперь не понятно, какъ я смогъ уйти изъ Ратуши, не раздѣливъ участи Гроттена.

На Ея Величество арестъ Гроттена призвелъ ужасное впечатлѣніе!... Это былъ первый сигналъ къ началу того, что случилось недѣлей позже, когда насъ смѣнили, а Царская Семья оказалась арестованной! —

Вспоминается мнѣ, что мы, нѣсколько офицеровъ, стояли въ вестибюлѣ Собственнаго Подъѣзда и шопотомъ разговаривали... Одѣты мы были не такъ, какъ привыкли видѣть насъ эти стѣны. Въ полной боевой аммуниціи, въ солдатскихъ шинеляхъ, револьверы въ кобурахъ... Открывается дверь на собственную половину... Входитъ Великая Княжна Марія Николаевна, глаза заплаканы... милое... дорогое личико... Я подхожу къ Ней и стараюсь успокоить Ее.

Марія Николаевна оживляется, разспрашиваетъ о томъ, что дѣлается въ Петербургѣ и, видимо, успокоенная, убѣгаетъ... Бѣдныя, несчастныя Дѣти... Великія Княжны Марія и Анастасія до послѣдней возможности оставались около Матери и только сильнѣйшій жаръ заставилъ Ихъ лечь въ кровать!

Государыня осталась одна со Своими несчастными Страдальцами... Болѣзнь Ихъ Высочествъ дѣйствовала на насъ угнетающе и безусловно вносила въ наши ряды замѣшательство... Дворецъ обратился въ лазаретъ!...

Объ отреченіи Государя, какъ это ни странно, мы впервые узнали отъ одного скорохода и старослужащаго лакея послѣ обѣда 3-го марта. Онъ шопотомъ сообщилъ намъ эту ужасную новость... Не хотѣлось вѣрить, что это такъ, но вечеромъ Государыня вызвала генерала Ресина и оффиціально сообщила ему объ отреченіи Государя Импе-

ратора въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича...

Командиръ собралъ насъ и, едва сдерживая рыданія, приказалъ намъ передать объ этомъ солдатамъ... Я спустился въ подвалъ и, какъ могъ, сообщилъ имъ объ этомъ актѣ Государя Императора... Солдаты угрюмо молчали... Нѣкоторые изъ нихъ плакали навзрыдъ... Я, какъ сейчасъ это помню, не успѣлъ еще докончить фразу о томъ, что Государь Императоръ отрекся отъ Всероссійскаго Престола, какъ изъ фронта выскочилъ одинъ изъ молодыхъ солдатъ и остановился передо мной:

— Ваше Всеблагородіе! А что же теперь будетъ?!... — пролепетали его побѣлѣвшіе губы...

Я отвѣтилъ, что Государь отрекся въ пользу Брата Своего, Великаго Князя Михаила Александровича, и что Онъ теперь будетъ царствовать.

— Ну! Слава Богу! — вырвалось облегченно у солдатика, и онъ перекрестился... За нимъ послѣдовали и остальные.

На слѣдующій день мы узнали, что и Михаилъ Александровичъ отрекся, и что нами правитъ Дума, а нѣсколько дней спустя мнѣ пришлось увидѣть воочію и представителей этой новой власти... Около полуночи, войдя въ вестибюль Собственнаго Подъѣзда, я въ немъ столкнулся съ неизвѣстнымъ мнѣ генераломъ съ краснымъ бантомъ на груди, въ сопровожденіи какихъ то штатскихъ, тоже пышно разукрашенныхъ красными тряпками.

Я услышалъ, какъ генералъ громкимъ голосомъ выразилъ желаніе видѣть „бывшую Царицу“... Онъ почему-то обратился ко мнѣ... Этого своего разговора я никогда не забуду... Я отвѣтилъ генералу:

— Ея Величество почиваетъ и Ихъ Высочества тяжело больны! —

На это генералъ рѣзко мнѣ отвѣтилъ:

— Передайте Ей, что теперь не время спать! —

Я съ огромнымъ трудомъ сдержался, чтобы не осадить зарвавшагося генерала, но, пересиливъ себя, также рѣзко отвѣтилъ:

— Ваше Превосходительство! А вы кто такой?!... —

Генералъ съ явнымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня и раздраженно бросилъ:

— Я генералъ Корниловъ! —

— Мнѣ лично о вашемъ пріѣздѣ ничего не извѣстно! Обратитесь къ дежурному офицеру! —

Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ мнѣ сказали, одинъ изъ штатскихъ, державшійся наиболѣе развязно, былъ Гучковъ, нашъ теперешній, съ позволенія сказать, военный министръ.

Черезъ скорохода Государыня приказала сказать пріѣхавшимъ, что приметъ ихъ въ такъ называемой „липовой гостиной".

Я пошелъ вслѣдъ за ними. Въ моментъ, когда Корниловъ съ Гучковымъ вошли въ гостиную, изъ противуположной двери вошла въ нее Государыня. Она была въ пенюарѣ. Въ эти безумно тяжелыя минуты Она не потеряла Своего Царственнаго достоинства, Она осталась тѣмъ, чѣмъ была всю жизнь! Настоящей Русской Царицей! Твердыми шагами Она подошла къ Корнилову и, не подавая руки, спросила:

— Что вамъ отъ меня нужно, генералъ? —

Мнѣ было больно и противно смотрѣть на этихъ жалкихъ себялюбцевъ и измѣнниковъ...

Корниловъ инстинктивно, подъ пристальнымъ взглядомъ Императрицы, вытянулся въ струнку, и до меня донеслись слова, произнесенныя хриплымъ, прерывающимся голосомъ:

— Мнѣ очень тяжело и непріятно Вамъ докладывать... Вамъ неизвѣстно, что происходитъ въ Петроградѣ... Для Вашей же безопасности я долженъ Васъ... — тутъ онъ запнулся, будто ему не хватило воздуху.

Государыня прервала его и Ея спокойный, твердый голосъ металлически рѣзко разнесся по гостиной:

— Мнѣ все очень хорошо извѣстно! Вы пріѣхали Меня арестовать?! —

Корниловъ еще болѣе растерялся и могъ только произнести:

— Такъ точно! —

— Больше ничего?! — спросила Царица.

— Ничего! — пробормоталъ Корниловъ.

Государыня еще разъ пристально посмотрѣла на него и, не подавая руки, медленно повернулась и той-же твердой, величественной, царственной походкой удалилась на Свою половину... —

Кологривовъ смолкъ.

Бѣдная, бѣдная Государыня! Образъ Ея, какъ живой, стоялъ передъ моими глазами... Высокая, стройная фигура вся въ бѣломъ, казалось, протягивала мнѣ Свои руки...

— Вы не волнуйтесь, не безпокойтесь... Помните, что мы не можемъ отвѣчать за завтрашній день!... — слышались мнѣ послѣднія слова Императрицы...

— Ну, а теперь осталось не много разсказывать! — продолжалъ Костя. Послѣ посѣщенія насъ Корниловымъ пошли разговоры о томъ, что насъ снимутъ съ охраны и замѣнятъ новыми „вѣрными революціи" войсками...

Цѣлый день передъ Первымъ Подъѣздомъ толкались

какіе-то делегаты то изъ Петербурга, то изъ Царскаго и вели переговоры съ полковникомъ Лазаревымъ, который принялъ полкъ послѣ генерала Ресина.

Мы ихъ во внутрь дворца не пускали. Числа 7-го марта я сидѣлъ въ дежурной комнатѣ, какъ въ это время вошелъ въ нее прикомандированный къ 4-ому Стрѣлковому полку прапорщикъ Гольмъ, котораго я зналъ раньше по полку. Вмѣсто привѣтствія я услышалъ развязно-дружеское:

— А-а-а! Кологривовъ, и вы тутъ? Что это вы здѣсь дѣлаете?! —

Нервы отказались служить, и меня прорвало: Я вскочилъ, точно ужаленный, и дико крикнулъ:

— Какъ вы смѣете!... Я знаю, что здѣсь дѣлаю!... А тебѣ здѣсь не мѣсто!... Вонъ отсюда, такой-сякой! — Онъ, какъ ошпаренный выскочилъ изъ дежурной, а меня присутствовавшіе остановили отъ дальнѣйшаго преслѣдованія этого субъекта.

Оказалось, что Гольмъ пріѣхалъ по приказанію прапорщика Аксюты, новаго командира 1-го полка, для ознакомленія съ расположеніемъ охраны, т. к. 1-ый полкъ долженъ былъ смѣнить насъ.

Настроеніе у всѣхъ насъ было подавленное, но мы все же надѣялись, что намъ разрѣшатъ остаться во дворцѣ до пріѣзда Государя, ожидавшагося съ часу на часъ, и мы хотѣли встрѣтить Его, какъ встарь, съ почетнымъ карауломъ, съ подобающими почестями... Мы надѣялись, что быть можетъ эта торжественная встрѣча отрезвитъ солдатъ и можно будетъ что либо на „ура“ сдѣлать... Но товарищи пронюхали, видимо, про этотъ нашъ планъ, и за 4 часа до пріѣзда Государя насъ смѣнили части 1-го полка.

Когда пришли эти революціонные стражники, чтобы замѣнить насъ, „почетную охрану дворца“, баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, отказался впустить ихъ за рѣшетку дворца и, вмѣсто отвѣта, выкатилъ пулеметы... Еще минута и было бы жарко. Но Царица попросила къ Себѣ полковника Лазарева. Она не приказывала, Она просила, какъ мать, подумать о больныхъ Дѣтяхъ... Просила преклониться передъ судьбой...

— Не повторяйте кошмара французской революціи, защищая мраморную лѣстницу дворца!... —

Это были Ея подлинныя слова... Государыня не хотѣла, чтобы изъ-за Нея проливалась кровь Ея вѣрныхъ людей!... Пришлось преклониться передъ послѣднимъ приказомъ-желаніемъ несчастной Императрицы!...

Какъ сквозь туманъ, вспоминаю я о послѣдней своей аудіенціи у Государыни! Она благословила меня маленькимъ образкомъ, который былъ у Нея, сказавъ, что никогда не

забудетъ моей вѣрной службы... Конечно, я плакалъ и по лицу Государыни струились слезы...

Въ полномъ порядкѣ баталіонъ былъ выведенъ изъ дворца, было вынесено изъ кабинета Государя наше полковое знамя. Большинство изъ насъ плакало въ эти минуты прощанія съ роднымъ намъ дворцомъ и Его Царственными Обитателями!...

Когда мы уходили, въ паркѣ раздались выстрѣлы. Баталіонъ былъ страшно этимъ возбужденъ. Оказалось, что солдаты 1-го полка, пришедшіе намъ на смѣну, начали разстрѣливать черныхъ лебедей, плававшихъ въ пруду въ паркѣ, а также и мирно пасшихся газелей и козъ...

Это была первая кровь, пролитая въ расположеніи дворца... Кровь любимыхъ животныхъ... Когда доложили объ этомъ Императрицѣ, у Ней вырвалось:

— Начинается! —

Вотъ тебѣ, Сережа, безсвязный разсказъ о томъ, что мнѣ пришлось пережить за послѣднее время.

Императрица права: — началось! — но что?!... и гдѣ же конецъ?

Кологривовъ, тяжело вздохнувъ, вопросительно посмотрѣлъ на меня, но что могъ я ему отвѣтить?!...

ГЛАВА XIII.

Дни шли за днями. Петербургъ жилъ той же лихорадочной жизнью. Безконечно ходили по улицамъ процессіи съ красными флагами и плакатами, которые выражали то или иное настроеніе толпы. Надписи, зачастую безграмотныя, были до скуки стереотипны, пережевываніе тѣхъ же, набившихъ оскомину, словъ: — свобода, долой самодержавіе, всѣ на фронтъ, на защиту революціи отъ всѣхъ и отъ вся. Слово „поддержка“ употреблялось въ зависимости отъ поддерживаемаго объекта, какимъ являлось то Временное Правительство, то совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. На площадяхъ шли безконечные митинги, безголосые и охрипшіе ораторы или, какъ ихъ называли, „ораторы“ воодушевляли толпу и на ратные подвиги во славу революціи и на требованіе повышенія выдачи хлѣба и о 8 часомъ рабочемъ днѣ; но что хуже всего было, на окраинахъ шла медленная, но вѣрная пропаганда для разложенія арміи, направленная противъ приказа воевать съ отказомъ итти на фронтъ и т. п. Казармы обратились въ ночлежки послѣдняго разряда, да и то безъ хорошаго надсмотра. Ворота казармъ были открыты для всѣхъ безъ исключенія и, зачастую, они обращались въ притоны разгульнаго

пьянства и самаго низкаго и грубаго разврата. Всякое понятіе о дисциплинѣ было солдатами утрачено, особенно пѣхотными запасными гв. полками, которые, гордо отмѣнивъ наименованіе „лейбъ", стали называться просто гвардіи такой то полкъ.

Немного лучше держалась кавалерія.

Техническія части, авто-роты и пр. обратились въ форменную орду. „Товарищи шоферы" имѣли какой то дико-фантастическій видъ въ ихъ ими самими изобрѣтенной формѣ: кожаная куртка на распашку и невѣроятныя фуражки-нашлепки съ огромными козырьками, вродѣ утинаго носа.

Кронштатскіе матросы, „краса и гордость русской революціи", ходили въ самыхъ откровенныхъ декольте, обнажавшихъ далеко не всегда опрятныя груди, въ шапкахъ съ непомѣрно длинными лентами, и въ брюкахъ „клёшъ" умопомрачительной ширины!

Однимъ словомъ, Петроградскій гарнизонъ являлъ собой картину какого-то маскарада. На Невскомъ валомъ валили товарищи, полупьяные, распоясанные, грязные и лохматые; отвратительно и мерзко ругаясь, они заполняли кафэ, рестораны, кинематографы и театры. Немилосердно гоняли несчастныхъ извощиковъ, спасавшихся отъ нихъ въ паническомъ ужасѣ насколько позволяли силы ихъ заморенныхъ лошаденокъ. Трамваи были биткомъ набиты этой сѣрой массой шинелей, испускавшей весьма и весьма неаппетитный ароматъ...

Все, конечно, дѣлалось на даровщинку: въ кафэ не платили, въ ресторанахъ тоже, извощиковъ выматывали даромъ, а о трамваяхъ и не говорить не приходится... Все это дѣлалось подъ моднымъ лозунгомъ:

„Попили нашей кровушки, довольно буржуевъ катать, теперь и нашего брата повези, и мы на фронтѣ страдали, а они" и. т. д. до безконечности.

Словомъ, это были упоенія свободой. Обыватель боязливо жался къ стѣнамъ домовъ и торопливо скрывался въ подворотнѣ, дабы не столкнуться съ ватагами этого военнаго сброда. Офицеры ходили сумрачно и озабочено и старались не видѣть того, что дѣлается вокругъ. Они были безсильны. Многіе изъ нихъ надѣли штатское платье.

Улицы, никѣмъ не убираемыя, представляли собой очаги заразы. Дома до перваго этажа заклеены аршинными плакатами всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ разнообразнѣйшаго содержанія: тутъ и пламенные революціонные призывы по различнымъ поводамъ, приказы и объявленія новыхъ вершителей судебъ и... заманчивыя объявленія о вновь открытыхъ ночныхъ кабакахъ и широковѣщательныхъ средствъ

спеціальнаго леченія по усовершенствованной гигіенѣ. Петербургъ былъ обуреваемъ какой-то плакатно-афишной болѣзнью!

Чтобы дополнить внѣшній видъ революціонной столицы, надо упомянуть о безчисленномъ количествѣ красныхъ флаговъ, болтавшихся почти вездѣ на всѣхъ домахъ. Флаги эти послѣ нѣсколькихъ дождливо-снѣжныхъ дней, обратились въ отвратительныя красно-бураго цвѣта тряпки, которыя прекрасно гармонировали съ общей мерзостью, творившейся на улицахъ, и были очень къ лицу нарождающейся свободѣ, которую воспѣвали на всякіе лады безчисленныя, словно грибы на навозѣ выросшія, газеты демократическаго направленія.

Въ новыхъ демократическихъ сферахъ царилъ полный сумбуръ и полная неразбериха.

Главнымъ Начальникомъ петербургскаго округа былъ назначенъ небезызвѣстный ген. Корниловъ. Лично для меня это назначеніе не представлялось чѣмъ либо неожиданнымъ и было вполнѣ понятно. Еще задолго до революціи, послѣ того, какъ имя Корнилова стало извѣстнымъ по его побѣгу изъ австрійскаго плѣна, мой покойный отчимъ и другіе, говоря о Корниловѣ, отзывались о немъ, какъ о безупречно честномъ человѣкѣ, который всюду, гдѣ только могъ, подчеркивалъ свое крестьянское происхожденіе, а въ своихъ политическихъ сужденіяхъ былъ не только либераленъ, но даже краснымъ и, якобы, своихъ республиканскихъ убѣжденій и не скрывалъ. Послѣ побѣга изъ плѣна и возвращенія въ Россію онъ былъ назначенъ командиромъ 25-го армейскаго корпуса, (до плѣненія онъ былъ начальникомъ дивизіи) на какой должности его и застала революція. Свѣдующіе люди мнѣ говорили, что этимъ своимъ назначеніемъ Корниловъ былъ обиженъ, такъ какъ ему лично корпуснаго командира было мало. Объ этомъ обстоятельствѣ осторожно прошлась наша пресса:

— Вотъ де, народнаго героя обидѣли!

Словомъ, Корниловъ счелъ себя обиженнымъ и въ первую голову, конечно, на Государя... Теперь его честолюбіе было удовлетворено!

Однимъ изъ первыхъ шаговъ Корнилова было награжденіе унт.-оф. Волынскаго полка Кирпичникова Георгіевскимъ крестомъ во время парада, на которомъ кое какъ маршировали насилу собранныя войска Петербургскаго гарнизона съ послѣдовавшимъ за нимъ митингомъ съ красными тряпками и прочими революціонными аксесуарами... Какъ самъ Корниловъ, такъ и его свита были украшены огромными красными бантами.

За что же былъ награжденъ Кирпичниковъ?

У меня съ трудомъ подымается рука, чтобы написать эти слова:

— За убійство своего командира!

Этотъ мерзавецъ взбунтовалъ баталіонъ, убилъ собственнаго баталіоннаго командира и черезъ его трупъ вывелъ окончательно деморализованное этимъ поступкомъ солдатское стадо на улицу и присоединился къ бастовавшимъ и безчинствующимъ рабочимъ! И за этотъ „подвигъ", за это преступленіе ген. Корниловъ украсилъ грудь этого жалкаго ублюдка Георгіевскимъ крестомъ, то есть орденомъ чести и храбрости, орденомъ, который украшалъ въ свое время Суворова, Кутузова, Скобелева и другихъ подлинныхъ Россійскихъ героевъ и полководцевъ!

Такъ началъ свою дѣятельность новый командующій войсками, а Гучковъ, на посту военнаго министра, сталъ заниматься реформами по демократизаціи арміи. Была создана особая комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Поливанова. Комиссія эта должна была выработать новыя права нижнихъ чиновъ и установить новыя взаимоотношенія между подчиненными и начальниками.

А пока за истекшія двѣ недѣли управленія воен. министерствомъ Гучковымъ, а петроградскимъ округомъ Корниловымъ, Петербургскій гарнизонъ разложился до того, что не могло быть и рѣчи о возможности отправить на фронтъ маршевыя пополненія и дѣло кончилось тѣмъ, что военному начальству пришлось оффиціальнымъ приказомъ по округу объявить, что части Петербургскаго гарнизона на фронтъ выведены не будутъ, а останутся въ Петербургѣ для защиты завоеваній революціи!!!

Въ обстановкѣ военнаго времени этотъ приказъ Корнилова безподобенъ! Фронтъ потерялъ свое первенствующее значеніе... На первомъ планѣ стояли „завоеванія революціи".

Дума въ эти дни представляла собой не то сумасшедшій домъ, не то хаотическій лагерь Мамаевыхъ ордъ. Въ ея зданіи наши либералы, достигшіе власти въ лицѣ Временнаго Комитета Госуд. Думы, судорожно цѣплялись за нее, а она, эта долгожданная власть, которую крѣпко держали въ рукахъ поколѣнія Русскихъ Царей и Императоровъ въ продолженіи тысячелѣтія славной исторіи Земли Русской, какъ призрачная фея, выпорхнула изъ ихъ нечистоплотныхъ рукъ и неожиданно оказалась въ грязныхъ, вонючихъ лапахъ Петербургскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, денно и нощно засѣдавшихъ и выносившихъ громоподобныя резолюціи въ защиту завоеваній свободы и изрыгавшихъ проклятія только что свергнутой „тираніи".

Новоявленный министръ Иностранныхъ дѣлъ Милю-

ковъ, атракціонный номеръ Россійскаго либерализма съ крѣпкимъ запахомъ англійскихъ духовъ, возсѣдалъ довольный на министерскомъ креслѣ и черезъ безчисленныхъ корреспондентовъ и интервьюеровъ вѣщалъ всему міру, что Россія будетъ воевать въ полномъ единеніи съ доблестными союзниками до побѣднаго конца, что о сепаратномъ мирѣ не можетъ быть и рѣчи и что Россія должна водрузить крестъ на св. Софіи и получить Дарданеллы.

Не знаю, какъ сопоставляли эти рѣчи маститаго профессора въ блестящемъ кабинетѣ съ фактами грабежа иностранныхъ офицеровъ въ „Асторіи“ солдатами русской арміи, которая якобы будетъ воевать до побѣднаго конца и водрузитъ крестъ на св. Софію, г. г. иностранные корреспонденты, вѣроятно думавшіе, что Россія страна сказочныхъ чудесъ и противорѣчій.

Что же могли думать эти, сбитые съ толку послѣдними событіями въ Петербургѣ, иностранцы, читая истерическія рѣчи другого субъекта, Министра Юстиціи или Генералъ-прокурора, какъ онъ самъ себя величалъ, „товарища Керенскаго“ въ мночисленныхъ собраніяхъ совѣта солд. и раб. депутатовъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ, принимая резолюціи о мирѣ безъ аннексій и контрибуцій . . . ?

На одномъ пароходѣ, шедшемъ изъ Норвегіи въ Англію, гдѣ среди пассажировъ находилось также нѣсколько русскихъ, было на слѣдующій день послѣ отреченія Государя получено радіо, возвѣщавшее о томъ, что Россія освободилась отъ трехсотлѣтняго ярма самодержавія. Присутствовавшіе англичане, французы и др. иностранцы рѣшили привѣтствовать русскихъ пассажировъ со столь знаменательнымъ въ жизни ихъ Родины событіемъ: За обѣдомъ, въ каютъ кампаніи былъ поднятъ тостъ за процвѣтаніе новой, свободной Россіи, покрытый дружными возгласами „хипъ, хипъ, ура!“ подъ величественные звуки „Боже, Царя Храни“, который игралъ одинъ изъ англичанъ на роялѣ . . .

Такъ поняли иностранцы актъ русскаго бунта, переданнаго имъ по радіо. Не лучше оріентировались они и на мѣстѣ.

Проѣзжая какъ-то на извощикѣ мимо Марсова поля, я увидѣлъ толпу рабочихъ, усиленно копавшихъ что-то посрединѣ площади. На мой вопросъ, что они тамъ дѣлаютъ, извощикъ мнѣ съ грустной усмѣшкой отвѣтилъ:

— Господь ихъ знаетъ, Ваше Благородіе . . . Въ народѣ сказываютъ, что могилы копаютъ . . . Я изумился.

— Такъ что, значитъ, жертвовъ революціи погребать въ красныхъ гробахъ будутъ, а такъ какъ, откуда же ихъ взять, то замѣсто ихъ, чтобы гробы полные были, изъ Обуховки самоубивецъ положатъ да и городовыхъ, тѣхъ,

что на постахъ побили тоже ... Худо это, баринъ ... И безъ священниковъ, значитъ, сказываютъ, хоронить то будутъ ...

Изъ газетъ я узналъ, что извощикъ мой былъ правъ, и на 23 марта назначены были торжественныя гражданскія похороны жертвъ революціи на Марсовомъ полѣ.

Я отправился къ своему однополчанику, штабсъ-ротмистру Губареву, уѣзжавшему въ полкъ, и разсказалъ ему о переживаніяхъ своихъ 4-го марта и о приказаніи Ея Величества. Въ рапортѣ на имя командира полка я передалъ полку привѣтъ Державнаго Шефа, благодарность за вѣрную службу и приказаніе добровольно снять Шефскіе, драгоцѣнные и святые для насъ вензеля ...

Цѣлый вечеръ я провелъ у Губарева въ бесѣдѣ и воспоминаніяхъ о минувшихъ дняхъ. На слѣдующій день я встрѣтилъ его поѣздъ въ Царскомъ, гдѣ пожелалъ ему счастливаго пути и передалъ письма своимъ товарищамъ, переживавшимъ эти трагическіе дни на позиціяхъ.

Въ Царскомъ все было внѣшне спокойно.

Доступъ во Дворецъ былъ абсолютно закрытъ и можно было переписываться съ Ихъ Величествами исключительно черезъ коменданта, на каковую должность былъ назначенъ Гучковымъ бывшій лейбъ-уланъ П. Коцебу. Не знаю, чѣмъ руководствовались при этомъ назначеніи, но выборъ былъ, повидимому, удаченъ. Мнѣ говорили, что Коцебу держалъ себя въ высшей степени тактично, ни на секунду не сбиваясь на хамско-освободительный тонъ и дѣлалъ все возможное, чтобы хоть чѣмъ нибудь скрасить жизнь Царственныхъ Узниковъ.

20-го марта я получилъ отъ Начальника Эвакуаціоннаго пункта предписаніе съ приказаніемъ явиться въ управленіе за документами, что немедленно и сдѣлалъ. Въ управленіи я получилъ предписаніе отправиться къ мѣсту новаго служенія, а именно въ 8-ой Запас. Кавал. Полкъ, квартировавшій въ г. Новогеоргіевскѣ, Херсонской губерніи. Сборы мои были не долги, и я выѣхалъ 23-го марта.

ГЛАВА XIV.

Поѣздъ тронулся. На платформѣ изящнаго Царскосельскаго вокзала раздавались дикіе крики и вопли.

— Товарищи! Пустите! Пустите! Христа ради!

Я съ трудомъ высунулся въ окно и глазамъ моимъ открылась незабываемая картина:

Два солдата съ винтовками за плечами въ разстегнутыхъ шинеляхъ и фуражкахъ на затылкѣ держали какую

то женщину, которая стремилась прыгнуть въ одинъ изъ вагоновъ медленно отходившаго поѣзда.

— Куда прешь, стерва! Грубо крикнулъ ей одинъ изъ солдатъ и рѣзко отбросилъ несчастную въ сторону. Трескъ и звонъ разбитаго стекла заглушилъ мольбы несчастной женщины. Въ разбитую раму высунулась смѣющаяся матросская рожа въ шапкѣ на бекрень.

— Ничаво, товарищъ, таперича свобода! крикнулъ кто-то.

— Петька, ты Степкѣ безпримѣнно разскажи, какъ мы свободу завоевали и леворюцію устроили! —

Слышались пожеланія.

— Гражданинъ, а гражданинъ, васъ не затруднитъ мое письмо на стаціи Дно бросить?

Какой то юркій студентикъ изъ нашихъ совалъ письмо солдату, многозначительно ковырявшему указательнымъ польцемъ въ носу.

— Пшелъ къ . . .!

Раздалась непечатная ругань, а ручка свободнаго гражданина замѣнила ему платокъ.

— Что значитъ, пошелъ! Фи, какая некультурность!

— Лишнее не разговаривай, жидюга паршивая . . . а то выскокну и ребра поломаю!

Поѣздъ прибавилъ ходу и мѣрно застучалъ. Вотъ и Царское Село. Золотые кресты на синихъ маковкахъ Феодоровскаго собора подъ лучами блѣднаго заходившаго сѣвернаго солнца переливались всѣми цвѣтами радуги.

Сердце мое болѣзненно сжалось, тяжелый вздохъ вырвался изъ груди и, снявъ фуражку, я перекрестился.

— Боже Великій, Милосердный, сохрани и спаси моихъ дорогихъ Ихъ Величествъ! — съ трудомъ сдержавъ навернувшіяся на глаза слезы, прошепталъ я. Чей то хриплый голосъ бросилъ:

— И-и-и-шь, ты!

Въ углу раздался злобный смѣшокъ.

Корридоръ вагона былъ заполненъ котомками, узлами, сундуками и вещевыми мѣшками. На нихъ сидѣли и лежали вплотную другъ къ другу солдаты всѣхъ полковъ Петербургскаго гарнизона. Нѣсколько человѣкъ спали, растянувшись прямо на полу, частная публика безропотно жалась по стѣнкамъ и ютилась въ углахъ купэ, имѣя плацъ-карты, и которымъ безбилетные товарищи милостиво предоставляли это право! Слышался грубый смѣхъ, грязныя остроты и циничная брань.

Двѣ молоденькія женщины скромно, но со вкусомъ одѣтыя, стояли въ корридорѣ и, видимо, съ ужасомъ наблюдали эту демократическую картинку. Одна другой вполь-

голоса что то говорила по французски. До меня долетали отдѣльныя фразы:

— Ты не можешь себѣ представить, милочка, какой это былъ ужасъ. Подходитъ по мнѣ такой грязный, въ папахѣ, схватилъ за руку и говоритъ: Идемъ.

Я невольно спросила — куда?

А въ трахтиръ! и прибавилъ: полно дурака валять, чего ломаешься, дура.

— Ты, ты, понимаешь, онъ мнѣ сказалъ — дура. Мужикъ, хамъ и онъ смѣлъ! Молодая женщина всхлипнула. Подруга ея хрипло прошептала:

— Боже, какй ужасъ!

Я не выдержалъ и протискался къ себѣ въ купэ. Въ маленькомъ купэ I-аго класса, что называется, яблоку упасть было негдѣ, воздухъ былъ такой, что хоть топоръ вѣшай. На нижнемъ диванѣ сидѣли пять фельдшерскихъ учениковъ Балтійскаго экипажа. Въ углу, прикурнувъ къ столику, дремалъ какой то бородатый субъектъ въ папахѣ, благоухавшій смазными сапогами и еще какой-то острой вонью.

На верхней полкѣ лежалъ мой компаньонъ по несчастію, грузный военный врачъ, который тяжело дышалъ и поминутно вынималъ носовой платокъ и обмахивалъ имъ вокругъ себя. Рядомъ съ нимъ лежалъ мой походный чемоданъ-вьюкъ, указывая, что второе мѣсто занято. Я съ трудомъ взгромоздился наверхъ, нечаянно наступивъ на плечо одному изъ фельдшерскихъ учениковъ. Онъ съ галантной любезностью отвѣтилъ мнѣ: — пардонъ.

Хотя воздухъ былъ дѣйствительно невыносимымъ, но все же я лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, что по нынѣшнимъ временамъ считалось уже роскошью. Пріятно ощущать плацъ-карту въ боковомъ карманѣ и чувствовать, что за свои деньги ѣдешь со всѣми удобствами и всевозможнымъ комфортомъ.

Товарищъ съ бородой проснулся, громко выругался по неизвѣстному поводу, высморкался примитивнымъ способомъ, снялъ сапоги, размоталъ портянки и повѣсилъ ихъ на два крючка, гдѣ висѣли наши пальто.

Докторъ не выдержалъ.

— Послушайте, вы, развѣ вамъ не видно, что эти крючки заняты. Тамъ висятъ наши пальто.

— Ничаво! Нехай себѣ висятъ! возразила фигура.

Это и меня взорвало.

— Послушайте, любезный, говорятъ же вамъ, что эти крючки заняты, значитъ, заняты... Или вы русскаго языка не понимаете!

— Чаво тамъ... Конечное дѣло, понимаю... Опять же...

— Гражданинъ, а гражданинъ! раздался голосъ одного изъ фельдшеровъ учениковъ. — Будьте интеллигентнымъ и уступите господину доктору, повѣсьте ваши онучи на другое мѣсто.

Бородачъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ, снялъ портянки съ крючковъ и разложилъ ихъ на столѣ, съ котораго матросы только что сняли ѣду.

Мнѣ сдѣлалось тошно, я повернулся лицомъ къ стѣнѣ и попробовалъ задремать. Сквозь полусонъ, подъ мѣрный гулъ поѣзда слышалъ я безконечный разговоръ внизу на тему о томъ, какъ Ванька, унтеръ-офицеръ, удачно „шпилилъ“ за адмиральской нянькой, Фенькой.

ГЛАВА XV.

Станція Жлобинъ. Повсюду красные флаги. Огромный плакатъ рябитъ въ глазахъ своею надписью: — Долой самодержавіе! Да здравствуетъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ.

Станція, пути, перронъ, все биткомъ набито солдатами, грязными, оборванными и нахальными.

Приходящіе поѣзда штурмомъ берутся товарищами, которымъ каждая минута дорога...

Звонъ и трескъ выбиваемыхъ стеколъ, безконечная брань и разухабистыя, похабныя пѣсни — сплошнымъ гуломъ стоитъ въ весеннемъ воздухѣ.

Жандармовъ нѣтъ, но вмѣсто нихъ по перрону бѣгаютъ какія то фигуры съ винтовками за плечами и бѣлыми повязками на лѣвыхъ рукавахъ. Это новые блюстители порядка — желѣзнодорожные милиціонеры. Одинъ изъ нихъ въ солдатской шинели, но въ фуражкѣ коммерческаго училища, съ типичнымъ носомъ и отвислыми ушами, лѣтъ 17-ти, уговариваетъ гражданъ солдатъ разойтись, такъ какъ они мѣшаютъ свободному проходу въ станціонное помѣщеніе.

— Товарищи, товарищи, не нарушайте правильнаго теченія интеллигентной жизни!

Товарищи громко смѣются, а одинъ изъ нихъ, сплюнувъ, изрыгаетъ:

— А ты самъ кто такой, сучій сынъ? —

Сучій сынъ въ ужасѣ бросается въ сторону.

Около будки для продажи съѣстныхъ припасовъ для воинскихъ чиновъ образовался митингъ. На ящикахъ стоитъ группа солдатъ съ красными повязками. Одинъ изъ нихъ, молодой парень, безъ фуражки, потный, красный, съ растегнутымъ воротникомъ, хриплымъ голосомъ кричитъ:

— Товар-р-р-ищи! Ефто провокація! Не намъ нужно

ѣхать... Не нашему эшалону, а ихнему. Я правильно говорю, това-а-р-р-ищи!

Крики „правильно“ съ одной строны и „долой“ съ другой вырываются изъ сотни глотокъ.

— Митька! Гони его въ шею, чего онъ разоряется!

Ораторъ за полы шинели стягивается съ ящиковъ, и новый товарищъ начинаетъ:

— Свободные граждане, совѣтъ постановилъ вамъ ѣхать первыми! —

— Да-а-а-лой! —

— Что, долой? Вѣдъ это не онъ, а совѣтъ!

— А ты не разговаривай!

— Пра-а-а-вильно!

— Знаемъ мы его, онъ провокаторъ, въ денщикахъ служилъ.

— Да-а-а-лой!

— Товарищи, совѣтъ солдатскихъ...

— Гони его въ шею! Вотъ Хаменко скажетъ.

Делегатъ въ изнеможеніи машетъ рукой и спрыгиваетъ съ ящиковъ, а Хаменко вѣщаетъ:

— Долой совѣтъ, онъ продался ахвицерамъ. Перевыборы надоть. Надо голосованіе и чтобы усе равное было! Тайнаго намъ не надо... Попили нашей кровушки! Правильно, товарищи?...

— Пр-а-а-вильно... Усехъ долой!

Я смотрѣлъ совершенно ошеломленный на эту картину.

— Что это здѣсь дѣлается? — спросилъ я проходившаго мимо старика желѣзнодорожника.

— Это маршевыя роты спорятъ, кому на фронтъ раньше ѣхать надо.

Онъ безнадежно махнулъ рукой и медленно побрелъ.

Вскорѣ нашъ поѣздъ черепашьимъ шагомъ, буквально пробиваясь сквозь человѣческую толпу, двинулся дальше.

Почти на всѣхъ станціяхъ однообразная картина. Всюду митинги, митинги и митинги. Промелькнулъ Бахмачъ и вотъ черезъ пять минутъ я въ Кременчугѣ, первомъ этапѣ моего путешествія.

На полуразбитомъ фаэтонѣ жидъ-извощикъ дотрясъ меня до небольшого дома, на которомъ гордо красовалась вывѣска: „Гостинница Россія“. Я былъ почти счастливъ, когда перешагнулъ двери этой прокопченной, грязной, еврейской гостинницы. Я безумно усталъ отъ переживаній послѣднихъ сутокъ. Промучившись всю ночь въ кровати съ невѣроятнымъ матрацомъ, и подвергшись ожесточеннымъ атакамъ „тяжелой и легкой кавалеріи“, я утромъ съ головной болью, съ трудомъ одѣвшись, отправился на пароходъ.

ГЛАВА XVI.

Тихо шумя колесами, пароходъ медленно отходилъ отъ пристани. Это былъ Ноевъ ковчегъ, или вѣрнѣе старая калоша, по недоразумѣнію плававшая по вольной и безбрежной глади Днѣпровскихъ водъ, освободившихся отъ льда.

Нѣсколько вольноопредѣляющихся Ахтырцевъ и Вознесенцевъ лихо щелкнули шпорами и прекрасно отдали честь при моемъ появленіи. Это была первая свѣтлая картина за эти хамскія три недѣли. Но каково же было мое удивленіе и радость, когда я вошелъ въ помѣщеніе, носившее громкое названіе каюты I-аго класса и увидѣлъ трехъ солдатъ, Лубенцевъ, вскочившихъ и по старому привѣтствовавшихъ меня. Безконечно пріятно было видѣть въ эти дни рядовыхъ, представителей родного мнѣ оружія, свято хранившихъ традиціи и завѣты своихъ полковъ.

Публика въ каютъ-кампаніи не отличалась разнообразіемъ. Нѣсколько еврейчиковъ, два три почтово-телеграфныхъ чиновника, какая то непомѣрно толстая женщина къ тому же въ положеніи, поминутно жаловавшаяся на духоту въ каютѣ; эту компанію довершалъ военный чиновникъ въ фуражкѣ съ офицерской кокардой, что было, конечно, внѣ всякихъ правилъ.

— Я примостился на диванѣ и сталъ просматривать газеты. Заголовки газетъ громко вѣщали: Война до побѣднаго конца! Всѣ до фронтъ на защиту завоеванной свободы!

Но были и попроще: Да здравствуетъ временное правительство! Да здравствуетъ совѣтъ С. и Р. депутатовъ! Содержаніе ихъ было безконечно унылымъ и нуднымъ. Безъ конца и края стереотипныя рѣчи Керенскаго, смѣшиваясь съ потугами Гучкова уговоритъ гражданъ-солдатъ итти на фронтъ, съ завѣреніями о благѣ совершившагося переворота для русской арміи, омрачались какими то неподобающими резолюціями, выносимыми разными фронтовыми, армейскими и пр. (имя имъ легіонъ) совѣтами. Не поддающаяся никакой передачѣ ругань по адресу стараго режима и его дѣятелей, къ которымъ причислялся чуть ли не Іоаннъ Кронштадтскій. Безсовѣстная, мерзѣйшая клевета на Государя и на Государыню наполняла цѣлые столбцы даже въ нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе, серіозныхъ газетахъ. Словомъ, ложь всюду, вездѣ и на каждомъ шагу.

Просмотрѣвъ газеты, я вышелъ на палубу освѣжиться.

Начинался разливъ. Быстрыя волны красавца Днѣпра окрасились въ коричнево-бурый цвѣтъ и, тихимъ шумомъ накатываясь одна на другую, затопляли островки и низины. Кое гдѣ зеленѣла молодая травка, въ прогалинахъ серебрился пухлый, весенній снѣгъ. Вотъ большое село. Бѣлыя ма-

занки съ соломенными крышами въ безпорядкѣ ютились на крутомъ берегу. Выглянувшее солнышко теплыми лучами играло на куполахъ сельской церкви.

Кто-то на палубѣ сказалъ: Вотъ и Табурище! Такъ вотъ оно знаменитое Табурище, о которомъ я въ полку такъ много слышалъ отъ своихъ пріятелей. Въ этомъ селѣ стояли наши два маршевыхъ эскадрона.

Около маленькой пристани пароходъ остановился. На берегу я увидѣлъ нѣсколько своихъ „куйдышей“[1], оживленно разговаривающихъ съ деревенскими дивчатами въ свиткахъ и платочкахъ. Я почувствовавалъ къ этимъ смуглымъ, загорѣлымъ солдатамъ, несмотря на всю мою непріязнь послѣ революціи къ сѣрой шинели, почти нѣжное увство. Все же это были мои родные Крымцы . . .

Я подозвалъ одного изъ нихъ и поздоровался. Лицо солдата расплылось въ радостную улыбку при видѣ своего офицера, и онъ на всю пристань гаркнулъ:

— Здравіамъ желаіамъ Ваши Благородіе!

Онъ мнѣ сообщилъ, что въ Табурищѣ стоялъ пятый и шестой маршевый эскадроны и что у нихъ, слава Аллаху, все благоподучно.

Пароходъ снова заработалъ колесами и снова вокругъ насъ запѣнилась вода, разбуженнаго казалось, отъ тихой дремоты, Днѣпра.

Вдали показались ряды маленькихъ домиковъ и нѣсколько фабричныхъ трубъ. Это былъ Новогеоргіевскъ Херсонскій — цѣль моего путешествія. На лѣвомъ берегу виднѣлась насыпь, видимо, недоконченной желѣзной дороги. Мнѣ сказали, что это вѣтка отъ станціи Бурты около Кременчуга въ этотъ заштатный городокъ. Война помѣшала открытъ движеніе, такъ какъ положенныя уже рельсы были сняты для военныхъ надобностей. Вотъ и зданіе вокзала изъ краснаго кирпича съ заколоченными досками окнами.

Скоро пароходъ, пройдя по ряду каналовъ, вѣрнѣе рукавовъ, вѣроятно высыхающихъ лѣтомъ, остановился около пристани-баржи.

Съ трудомъ найдя себѣ экипажъ, по сравненію съ которымъ Кременчугскій фаэтонъ казался щегольскимъ, запряженный парой клячъ и съ кривымъ къ тому же на одинъ глазъ возницей, я затрясся по проселочной дорогѣ. Черезъ полчаса мы остановились около двухэтажнаго дома съ вывѣской: „Номера для пріѣзжающихъ“. Поднявшись по крутой лѣстницѣ наверхъ, я былъ встрѣченъ простоволосой еврейкой съ кучей ребятъ. Одинъ номеръ былъ свободенъ и

---

[1] Куйдышъ по татарски-землякъ, товарищъ.

Въ формѣ одного изъ своихъ полковъ.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ
Въ романовскомъ полушубкѣ.

Въ боярскомъ костюмѣ.

былъ, къ моему удивленію, сравнительно чистъ и вообще сносенъ для житья.

Умывшись, я надѣлъ „полную боевую“ и отправился въ полковую канцелярію явиться командиру полка по случаю пріѣзда. Пока я добрался до канцеляріи, я убѣдился, что проживъ въ этомъ городѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, нельзя не сдѣлаться либо картежникомъ, либо алкоголикомъ... Всѣ городскія развлеченія зиждились, повидимому, на одномъ кинематографѣ и то очень сомнительнаго свойства.

По немощеннымъ улицамъ носились столбы пыли, гуляли домашнія животныя, какъ то свиньи, куры, коровы, гуси и пр. Маленькіе домишки-мазанки были почти сплошь крыты соломой. На улицахъ встрѣчалось множество солдатъ, къ удивленію моему, отдававшихъ преисправно честь. Канцелярія помѣщалась въ длинномъ, одноэтажномъ домѣ съ террасой, на которой сидѣло и стояло нѣсколько офицеровъ. Вѣстовые съ лошадьми мирно сидѣли на заваленкѣ и лущили сѣмячки.

Поздоровавшись съ офицерами, я хотѣлъ пройти въ канцелярію, но меня обступили со всѣхъ сторонъ и засыпали вопросами:

— Вы изъ Петрограда?... Ну, что тамъ?... Какъ прошла революція?... Правда, что въ Кронштадтѣ 3000 офицеровъ убили?... Мы ничего не знаемъ! Командира еще нѣтъ! успѣете явиться!

Я не зналъ, кому отвѣчать. Въ краткихъ словахъ я обрисовалъ положеніе въ Петербургѣ. Въ это время пришелъ командующій полкомъ, полковникъ П. Я сдалъ бумаги и явился своему новому начальству, которое меня долго не задерживало, т. к. у двери его кабинета ждали аудіенціи группа какихъ то солдатъ.

Въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ я отправился въ Собраніе.

ГЛАВА XVII.

Домъ Собранія, насколько я успѣлъ осмотрѣться, былъ, повидимому, однимъ изъ лучшихъ въ городѣ. Это былъ одноэтажный барскій домъ, выкрашенный въ желтую краску. Когда мы пришли, было уже около семи часовъ вечера, и офицеровъ собралось, въ ожиданіи ужина, довольно много.

Сейчасъ же нашлись знакомые и старые пріятели. Меня обступили со всѣхъ сторонъ и вскорѣ въ читальнѣ Собранія, что называется, негдѣ было яблоку упасть. Волей, неволей мнѣ пришлось превратиться въ импровизированнаго оратора и прочесть цѣлый рефератъ о всемъ, пережитомъ въ Петербургѣ.

Говорилъ я, видимо, складно, чувствуя себя въ родной средѣ, въ выраженіяхъ не стѣснялся, коротко и ясно и возможно безпристрастно излагая событія. Когда я кончилъ, то удостоился крѣпкихъ рукопожатій и шумныхъ выраженій благодарности.

За ужиномъ меня посвятили въ переживанія полка за это время. Извѣстіе о переворотѣ прошло довольно спокойно, благодаря отдаленности отъ центра, отсутствію мѣстной печати и тому, что всѣ свѣдѣнія доходили съ большимъ запозданіемъ; жили больше слухами, но все же при полку существовалъ свой совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, во главѣ котораго стоялъ татаринъ Бекировъ, чѣмъ я долженъ былъ бы несказанно гордиться, т. к. онъ былъ мой однополчанинъ. Выборъ Бекирова на сей „высокій“ постъ былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что на весь 12.000-ый составъ полка приходилось лишь 1000 татаръ, и тѣмъ не менѣе, мѣсто представителя досталось едва грамотному татарину...

Какъ мнѣ передавали, Бекировъ по профессіи былъ Ялтинскимъ проводникомъ, никогда на фронтѣ не былъ, а служилъ вѣстовымъ при полковой канцеляріи, считался никчемнымъ солдатишкой, но, попавъ сразу въ вершители судебъ многихъ тысячъ себѣ подобныхъ, одѣлся съ иголочки въ собственное обмундированіе, на указательный палецъ напялилъ золотой перстень съ брилліантомъ, карата въ четыре и... завелъ себѣ содержанку изъ мѣстныхъ львицъ.

Совѣтъ сначаго довольно робко, но въ послѣдніе дни все рѣшительнѣе сталъ вмѣшиваться въ распоряженія командира полка, видимо, чувствуя, что почва у нихъ подъ ногами крѣпнетъ, благодаря тому, что старшее полковое начальство, въ особенности кадровое, стало себя держать, начиная съ командира полка, по отношенію къ совѣту съ излишней предупредительностью и даже просто съ заискиваніемъ.

Что же касается настроенія офицерства, какъ мнѣ сообщилъ мой собесѣникъ, ротмистръ Бухаринъ, то оно въ массѣ было подавленное и явно недоброжелательно относилось ко всему происходящему, но, къ глубокому сожалѣнію, даже и въ этой средѣ и среди молодежи нашлись такіе субъекты, которые пошли въ новую Каноссу и поспѣшили поклониться новому хозяину въ лицѣ Совѣта солдатскихъ депутатовъ.

Вечеромъ, побывавъ въ общественномъ собраніи, единственномъ клубѣ этого городка, гдѣ въ большомъ сравнительно залѣ, прокопченномъ отъ дыма, я увидѣлъ, какъ за нѣсколькими столиками играло въ карты нѣсколько

штабъ-офицеровъ и городская „аристократія“ въ лицѣ начальника почтовой конторы, мирового судьи, земскаго врача и нѣсколькихъ болѣе или менѣе именитыхъ горожанъ.

Въ сосѣдней комнатѣ стоялъ столъ, на которомъ лежали клочья нѣкогда зеленаго сукна. На этомъ жалкомъ подобіи билліарда катали шары два молодыхъ корнета и двѣ сильно подкрашенныя особы. Одна изъ нихъ была въ красной юбкѣ и красныхъ ночныхъ туфляхъ, довольно миловидная еврейка съ большимъ чувственнымъ ртомъ и черными съ поволокой глазами. Корнеты весьма недвусмысленно шутили къ вящему удовольствію своихъ партнершъ. Ротмистръ Бухаринъ, толкнувъ меня въ бокъ, многозначительно шепнулъ:

— Обратите вниманіе: это наши дамы ... на безрыбіи и ракъ рыба.

Оставивъ корнетовъ продолжать прерванный флиртъ, мы пошли въ буфетъ, гдѣ за бутылкой сквернаго вина провели вечеръ.

ГЛАВА XVIII.

Утромъ я прочелъ въ приказѣ: Въ 5 часовъ дня въ помѣщеніи офицерскаго собранія штабсъ-ротмистръ Алексѣевскій прочтетъ докладъ на тему: „Что такое демократическая республика?“

На лекцію собралось порядочное количество офицеровъ. Содержаніе доклада было возмутительно. Изъ устъ лектора, небольшого роста человѣка съ рачьими усами, плѣшивой головой и черными, безпокойно бѣгающими глазками, съ ужимками митинговаго оратора, неслись проклятія „сгнившему царизму“ и восторженныя хвалы „исполинународу, сбросившему трехсотлѣтнее ярмо самодержавія“.

Одинъ изъ моихъ сосѣдей сообщилъ мнѣ біографію сего замѣчательнаго господина.

Въ 1905/1906 поступилъ въ Н-ское Кавалерійское Училище караимъ Коганъ. Учившись прекрасно 2 года, наканунѣ производства, онъ оказался евреемъ изъ Бердичева. Случился невѣроятный скандалъ! Въ это время черезъ Н-скъ проѣзжалъ Государь Императоръ и юнкеръ Коганъ подалъ на Высочайшее Имя прошеніе и Государю благоугодно было, принимая во вниманіе отличные успѣхи юнкера Когана, согласиться на переходъ его въ православіе и на перемѣну фамиліи Когана на Алексѣевскій, въ честь Наслѣдника Цесаревича.

Прошло 10 лѣтъ, и вотъ шт.-ротм. Алексѣевскій, обласканный въ свое время Императоромъ и всѣмъ Ему обязанный, сдѣлался первымъ членомъ Совѣта солдатскихъ

депутатовъ, предавая проклятіямъ „кровавую тиранію“ и выливая ушаты грязи на своего Благодѣтеля-Монарха. И этотъ господинъ въ сегодняшней лекціи рѣшилъ напитать офицеровъ республиканской белибердой, восхваляя неисчислимыя блага республиканскаго режима.

Но вышло противное. Аудиторія весьма недружелюбно встрѣтила лекторскіе вопли и дѣлала громкія, рѣзкія и опредѣленныя замѣчанія, ничего хорошаго не предвѣщающія оратору. Къ серединѣ лекціи не оказалось и половины ранѣе присутствовавшихъ. Всѣ понемногу стали расходиться. Я тоже собрался уходить:

— Ваше Вскоблагородіе! Васъ предсѣдатель совѣта солдатскихъ депутатовъ желаетъ видѣть! раздался за мной голосъ браваго вѣстового.

Я вышелъ въ переднюю. Передо мной стоялъ опрятно одѣтый татаринъ съ типичнымъ лицомъ Ялтинскаго проводника съ бриллiантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ правой руки.

— Здравствуйте, что вамъ угодно?

— Здравія желаю, господинъ корнетъ! — господинъ предсѣдатель попытался протянуть мнѣ руку.

Я пристально посмотрѣлъ на него и спокойно положилъ свою руку въ карманъ. Рука его повисла въ воздухѣ и, какъ то стыдливо, исчезла. Онъ смутился.

— Видите ли, собственно говоря, извиняюсь, что васъ безпокою, но намъ очень интересно было бы узнать, что дѣлается въ Петербургѣ.

— Понимаю... Но кому это, намъ?

— Мнѣ и моимъ товарищамъ делегатамъ!

— Прекрасно, приходите черезъ часъ ко мнѣ въ гостинницу и я вамъ подробно разскажу, что мнѣ пришлось пережить въ эти незабываемые дни! А пока, честь имѣю кланяться.

Бекировъ разсыпался въ благодарностяхъ, но я прервалъ его:

— И такъ черезъ часъ, — повернулся и пошелъ обратно въ собраніе.

Черезъ часъ я былъ дома и ожидалъ „почетныхъ“ гостей. Вскорѣ они появились. Кромѣ Бекирова пришли еще два солдата и, къ моему удивленію и изумленію, особа женскаго пола въ яркокрасной кофтѣ, въ которой я опозналъ еврейку, игравшую ночью на билліардѣ въ общественномъ собраніи и такъ блестяще аттестованную ротмистромъ Бухаринымъ. Я любезно освѣдомился у мадемуазелъ Канель (такова была фамилія у этой особы) о цѣли ея прихода.

— Я представительница совѣта рабочихъ депутатовъ, — съ достоинствомъ отвѣтила мнѣ она.

Пригласивъ жестомъ своихъ посѣтителей сѣсть, я совершенно честно и правдиво описалъ всѣ мои переживанія за послѣднія три недѣли. Конечно, выпустивъ все, что касалось Царскаго Села, я, какъ мнѣ повелѣла совѣсть, въ яркихъ словахъ далъ понять делегатамъ, что все случившееся есть величайшее несчастіе для нашей Родины и что при создавшемся положеніи мы войну безусловно проиграемъ, такъ какъ дисциплина въ арміи въ корнѣ подорвана и возстановить ее только можетъ диктатура, учрежденная на все время войны. Не преминулъ я вскользь пройтись по части евреевъ, принявшихъ столь дѣятельное участіе въ переворотѣ. Товарищъ Канель кусала губы, когда я говорилъ о ея соотечественникахъ, и, наконецъ, вскочивъ со стула, заявила:

— Тутъ вы затрагиваете спеціальные вопросы, меня не интересующіе, — и, удостоивъ меня небрежнымъ кивкомъ головы, вышла изъ комнаты.

У меня стало легче на душѣ и я продолжалъ разсказывать дальше. Часа два продолжалось наше собесѣдованіе, пока я совсѣмъ не охрипъ, и, извинившись передъ моими слушателями, надѣлъ фуражку и вышелъ съ ними на улицу.

Бекировъ, какъ и въ первый разъ, разсыпался въ благодарностяхъ и его спутники не отставали отъ него.

— Единственной властью пока является Временное Правительство и его слѣдуетъ поддерживать, такъ какъ иначе къ той анархіи, каковая грозитъ намъ, мы придемъ съ молніеносной быстротой. Благодарить меня не за что. Я былъ очень радъ дать вамъ интересующія васъ свѣдѣнія. Да, потомъ и время теперь такое: — сначала благодарятъ а потомъ арестовываютъ... Вѣдъ вы же не можете гарантировать мнѣ того, что меня не арестуютъ? — Товарищи были окончательно убиты моимъ заключительнымъ словомъ.

— Нѣтъ... что... вы... помилуйте...! бормотали они.

— Итакъ, помните все то, что я сказалъ вамъ, и да не дастъ Господь, чтобы всѣ мои предположенія оправдались! Спокойной ночи.

На этомъ я разстался съ делегатами и вернулся въ собраніе, чтобы убить какъ нибудь остатокъ вечера. Не успѣлъ я войти въ карточную комнату, какъ ко мнѣ подошелъ маленькій, коренастый полковникъ Б. 12-го Стародубовскаго полка и проговорилъ:

— Корнетъ! Немедленно отправляйтесь домой! Командиръ полка приказалъ Васъ арестовать!

— Вѣрнѣе, Совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, господинъ полковникъ, — отвѣтилъ я ему.

Полковникъ только безнадежно махнулъ рукой.

По темнымъ улицамъ я быстро дошелъ до своей гостинницы. Заперевъ дверь на ключъ, я зажегъ свѣчу и при свѣтѣ мерцающаго огарка убѣдился, что мои четыре автоматическихъ пистолета находятся въ полной боевой готовности подъ моей подушкой на кровати, а пятый, какъ всегда, въ карманѣ.

Подъ окнами раздался глухой шумъ толпы. Въ темнотѣ, при свѣтѣ тускло мерцавшаго фонаря, у входа въ гостинницу я различилъ толпу солдатъ. Среди сѣрыхъ шинелей терлись какіе-то штатскіе. Слышались крики:

— Чего тамъ копаются! Давайте его, контръ-революціонера! Провокатель! Всѣ они такіе, попили нашей кровушки!

Деревянная лѣстница застонала и затрещала подъ напоромъ хлынувшей на нее толпы.

— Назадъ! Я здѣсь начальникъ.

Въ отвѣтъ раздались угрожающіе возгласы. Въ дверь кто то громко постучалъ.

Преувеличенно спокойно я сказалъ:

— Чего тамъ ломитесь, сейчасъ, — и я открылъ дверь.

Въ комнату вошелъ въ шинели, при полной боевой аммуниціи, дежурный по полку корнетъ Р. Онъ взялъ подъ козырекъ:

— По приказанію временно командующаго полкомъ вы арестованы!

— Пре-к-р-асно, отвѣтилъ я и тихо добавилъ: я уже знаю за что.

Корнетъ Р. повернулся и вышелъ въ корридоръ. Я всталъ въ дверяхъ и твердо рѣшилъ никого больше въ комнату не впускать.

— Такъ вы знаете, за что вы арестованы? раздался голосъ въ полумракѣ корридора и я узналъ въ говорившемъ одного изъ солдатъ, бывшихъ у меня передъ ужиномъ.

— Нѣтъ, не знаю, — громко и рѣзко отвѣтилъ я.

— Какъ не знаете? Вы только что сказали...

— А я вамъ повторяю, что не знаю. Быть можетъ, за то, что я призывалъ васъ поддерживать Временное Правительство?

Это мое спокойное и проническое замѣчаніе заставило его растеряться. Около моей двери появился какой то солдатъ съ винтовкой, нѣсколько другихъ просунулись въ корридоръ.

— Спокойной ночи, господа! — Я хлопнулъ дверью и дважды щелкнулъ ключемъ.

На лѣстницѣ слышались возгласы:

— Одного часового мало! Нужно около оконъ поставить. Насъ при старомъ режимѣ въ карцерахъ давили, а тутъ домашній арестъ!

— Я самъ знаю, что мнѣ нужно дѣлать! Вонъ отсюда! — распоряжался корнетъ Р.

Постепенно толпа стала расходиться и все стихло, только по корридору раздавались мѣрные шаги часового.

Проснулся я около 10 часовъ утра. Умывшись и одѣвшись, я вышелъ въ корридоръ. Къ моему удивленію и удовольствію, часовой оказался моимъ однополчаниномъ. По его смущенному лицу я понялъ, что онъ и не подозрѣвалъ, что окарауливаетъ своего офицера. А когда я объяснилъ ему, что причиной моего ареста является Бекировъ, онъ совсѣмъ растерялся; я же былъ очень доволенъ, что смогъ немного поагитировать среди своихъ татаръ. Товарищи, повидимому, поняли свою ошибку и смѣна караула пришла уже русская и мнѣ было непонятно, какимъ образомъ они смогли измѣнить нарядъ. Но и новый часовой оказался недурнымъ и услужливымъ солдатомъ. Онъ, по моему приказанію, притащилъ мнѣ отъ хозяйки самоваръ и, ничтоже не сумняшеся, оставилъ на время свою винтовку въ углу моей комнаты.

Около 11 раздался стукъ въ дверь и въ щель просунулась голова Бекирова, съ пріятной улыбочкой сообщившаго мнѣ, что скоро меня поведутъ на допросъ.

Я поблагодарилъ его за любезное сообщеніе и напомнилъ, что всѣ мои предположенія оправдались, такъ какъ я уже арестованъ. Онъ ничего не отвѣтилъ и исчезъ. Около часу дня ко мнѣ пришелъ новый дежурный офицеръ, корнетъ В-скій, сообщившій, что мой допросъ будетъ происходить въ помѣщеніи Волостной Управы.

Съ нимъ я вышелъ на улицу, и мы направились къ маленькому, находившемуся шагахъ въ трехстахъ отъ моей гостинницы, дому съ краснымъ флагомъ на воротахъ. Пройдя черезъ маленькія сѣни, я очутился въ комнатѣ, гдѣ долженъ былъ произойти мой допросъ.

Въ комнатѣ компанія собралась пестрая. Въ лѣвомъ углу, рядомъ со столомъ, за которымъ сидѣлъ военный докторъ, котораго я видѣлъ играющимъ въ карты въ Общ. Собраніи, сидѣли, развалившись и раскуривая цыгарки, три солдата изъ совѣта, изъ коихъ двое были у меня наканунѣ съ Бекировымъ. За столомъ военнаго доктора, который, видимо, былъ предсѣдателемъ столь своеобразнаго судилища, сидѣла какая то мужеподобная женщина съ университетскимъ значкомъ, приколотымъ къ защитной кофтѣ военнаго покроя.

По лѣвую руку доктора сидѣлъ сѣдобородый старикъ

въ судейской тужуркѣ, какъ потомъ я узналъ, мѣстный мировой судья. Въ правомъ углу комнаты сидѣли 12-го Др. Стародубовскаго полка полковникъ Б. и 12-го Ул. Бѣлгородскаго полка полковникъ К. Около стѣнъ жались какіе то штатскіе и нѣсколько солдатъ, повидимому, просто любопытные.

Почтительно поздоровавшись съ обоими полковниками и мировымъ судьей, я на ходу сунулъ руку доктору и его дамѣ, а въ сторону делегатовъ бросилъ небрежное:

— Здрасте!

Спосивъ у полковника Б. разрѣшенія сѣсть, я сѣлъ на стулъ противъ доктора, но сейчасъ же всталъ и, въ упоръ посмотрѣвъ на делегатовъ, пускавшихъ дымъ кольцами по направленію къ сидѣвшимъ полковникамъ, демонстративно аффектировано спросилъ у полковника Б. разрѣшенія курить и снова сѣлъ на свое мѣсто.

— Что вамъ угодно отъ меня? громко и отчетливо обратился я къ доктору.

Онъ немного замялся.

— Видите ли... собственно говоря... намъ интересно узнать о томъ, что вы разсказывали о событіяхъ въ Петроградѣ въ собраніи.

Я хотѣлъ было отвѣтить ему, что его, собственно говоря, мои разговоры въ собраніи не касаются, такъ какъ офицерское собраніе это „святая святыхъ“ офицерства, но, не желая съ мѣста вступать въ пререканія, отвѣтилъ:

— Сдѣлайте ваше одолженіе, я изъ моихъ разсказовъ секрета не дѣлаю.

— Сначала нужно записать фамилію, мѣсто и годъ рожденія и, вообще, все прочее? обратился докторъ къ мировому судьѣ.

Послѣднему, видно, было какъ то не ловко и не по себѣ, и онъ только молча кивнулъ головой.

Я съ перваго взгляда убѣдился, что гг. судьи кустарнаго производства и поэтому, чтобы избѣжать излишнихъ вопросовъ, рѣшилъ взять иниціативу въ свои руки и началъ свой разсказъ.

Г-жа Павловская (такова была фамилія дамы, сидѣвшей по лѣвую руку отъ меня) бывшая по профессіи, какъ я впослѣдствіи узналъ, народной учительницей, во время моего разсказа все о чемъ то справлялась въ своей записной книжкѣ, лежавшей на столѣ. Она поминутно перебивала меня и задавала самые разнообразные вопросы.

Я разговаривалъ съ нею пренебрежительнымъ тономъ, черезъ плечо, заставляя ее повторять свои вопросы по нѣсколько разъ, что ее крайне нервировало. Въ выраженіяхъ я не стѣснялся и безпощадно ругалъ товарищей-солдатъ и

товарищей-матросовъ, однихъ за разгромъ и ограбленіе „Асторіи“ и за варварскую расправу съ полиціей, другихъ за Кронштадтскія звѣрства. Докторъ молчалъ, делегаты злобно исподлобья смотрѣли на меня. Наконецъ, Павловская не выдержала:

— Вы сгущаете краски, я не могу себѣ представить, чтобы свободный народъ дошелъ до такого безобразія...

Меня прорвало:

— Сударыня, я весьма жалѣю, что васъ не было со мной въ „Асторіи“ и что вамъ не пришлось въ полуголомъ видѣ проѣхаться въ Думу съ проститутками. Кромѣ того, я пораженъ, какъ вамъ, сорокалѣтней женщинѣ, окончившей пять университетовъ, не стыдно задавать такіе нелѣпые вопросы, какіе вы все время задаете мнѣ, восемнадцатилѣтнему корнету, окончившему всего лишь Военное Училище. Я бы постыдился на вашемъ мѣстѣ.

Павловская покраснѣла, ей было не больше 26—28 милѣтъ, а мое замѣчаніе о ея сорокалѣтнемъ возрастѣ сразило ее.

Полковники и мировой судья едва сдерживались, чтобы не расхохотаться.

Вскорѣ П. встала и, извинившись, покинула залъ засѣданія.

Я думалъ, что мнѣ станетъ легче, но не тутъ то было. Делегаты, разозленные на меня, подвергли мою персону совмѣстно съ докторомъ перекрестному допросу, все время силясь доказать, что я оскорбилъ священныхъ революціонныхъ героевъ.

Но это имъ не удалось. Пытались доказать, что я агитировалъ противъ законной власти въ лицѣ Временнаго Правительства, но изъ этого ничего не вышло. Допросъ продолжался добрыхъ четыре часа. Наконецъ, одинъ изъ делегатовъ, справившись въ своей записной книжкѣ, изрекъ:

— Вы сказали, господинъ корнетъ, что достаточно одной или двухъ кавалерійскихъ дивизій, чтобы успокоить всю эту сволочь!

Я не потерялся. — Да, но я сказалъ: для того, чтобы успокоить всю ту сволочь, которая громила „Асторію“, грабила иностранныхъ офицеровъ, издѣвалась надъ женщинами, дѣлала самочинные обыски и искала пулеметы въ ночныхъ столикахъ, вотъ для этой сволочи достаточно было кавалерійской дивизіи.

Эффектъ заданнаго вопроса сразу пропалъ, делегаты притихли, докторъ что то злобно буркнулъ себѣ подъ носъ.

Наконецъ, полковникъ Б., видя, что я начинаю сдавать и буквально еле сижу отъ усталости, прервалъ мои объясненія и предложилъ доктору кончить допросъ, съ

чѣмъ послѣдній согласился, и меня вскорѣ отпустили домой, но въ сопровожденіи дежурнаго офицера.

Такъ громко началась моя служба, вѣрнѣе, мое пребываніе въ запасномъ полку. Подчеркиваю пребываніе, такъ какъ результатомъ моего допроса и суда, на которомъ обсуждался вопросъ, какимъ образомъ обезвредить меня, было компромисное предложеніе полковниковъ Б. и С. временно меня никуда не назначать противъ предложенія товарищей делегатовъ, желавшихъ отправить меня или въ военную тюрьму въ Кіевъ, или на гауптвахту въ Харьковъ, или же, наконецъ, были и такіе голоса, которые требовали моего отправленія въ Петроградъ въ Государственную Думу.

Засѣданіе суда продолжалось почти всю ночь и нашимъ штабъ-офицерамъ удалось отстоять меня. Было принято постановленіе, по которому предлагалось командиру полка сдѣлать мнѣ внушеніе за грубость выраженій, допущенную мною по адресу совершившейся великой революціи и ея героевъ, а временно никуда не назначать, такъ какъ я могу оказать растлѣвающее вліяніе на своихъ подчиненныхъ. Вслѣдствіе этихъ долгихъ дебатовъ мнѣ пришлось просидѣть подъ арестомъ лишнихъ 20 часовъ, послѣ чего я былъ выпущенъ, и мое освобожденіе было радостно встрѣчено почти всѣмъ офицерствомъ полка.

Я говорю почти, такъ какъ оказалось, что шт.-р. Алексѣевскій-Коганъ въ полку имѣетъ единомышленника въ лицѣ поручика 12-го Стародубовскаго полка Иванова. Этотъ субъектъ съ момента революціи втерся въ Совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, играя на дешевой популярности, и, что хуже всего, былъ доносчикомъ и освѣдомителемъ Совѣта о томъ, что творится въ офицерскомъ собраніи, о настроеніи офицерства и о разговорахъ, происходившихъ между ними.

Къ стыду насъ, русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ 8-омъ запасномъ полку, и нашихъ штабъ-офицеровъ, которымъ надлежало такъ или иначе прекратить возмутительную дѣятельность этого негодяя, раскрылъ его подлую роль прикомандированный къ полку прапорщикъ Кедржинскій, полякъ по происхожденію, уже пожилой человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и въ свое время имѣвшій много общаго съ военной службой.

На одномъ изъ офицерскихъ собраній онъ въ краткой, но весьма выразительной рѣчи безъ всякихъ стѣсненій, не считаясь съ присутствіемъ Иванова, во всеуслышаніе заявилъ, что такимъ офицерамъ, какъ поручикъ Ивановъ, не пристало носить офицерскій мундиръ и что мы, офицеры, должны ему сказать:

— Вонъ изъ офицерскаго собранія!

Кедржинскій былъ бурно привѣтствованъ собравшимися офицерами, Ивановъ пытался что-то сказать, но ему не дали говорить, и онъ покинулъ собраніе.

Въ концѣ засѣданія къ зданію полка подошла довольно большая толпа солдатъ. Оказалось, что Ивановъ успѣлъ наябедничать въ Совѣтѣ, и солдаты пришли требовать объясненія у Керджинскаго. Въ открытыя окна къ намъ доносился глухой ропотъ толпы и отдѣльные крики:

— Давайте сюда прапорщика Кедржинскаго и провокателя корнета Маркова второго!

Это звучное прибавленіе къ моей фамиліи появилось въ полку послѣ того, какъ въ одномъ приказѣ, гдѣ упоминалось обо мнѣ, писарь напечаталъ „корнетъ Марковъ второй", хотя я былъ въ полку единственнымъ, носившимъ эту фамилію. Повидимому, кто-то изъ писарей желалъ меня спровоцировать въ глазахъ безмозглой солдатской массы и этой прибавкой къ моей фамиліи установить мое родство съ членомъ Думы Н. Е. Марковымъ 2-ымъ. Попытка на первый взглядъ идіотская, но имѣвшая кое какіе результаты. По этому поводу мною былъ поданъ соотвѣтствующій рапортъ командиру полка и въ приказѣ появилось слѣдующее:

— Корнета Маркова, ошибочно упомянутаго въ приказѣ отъ..., какъ корнета Маркова 2-го, впредь называть Марковымъ. Основаніе рапорта и. т. д.

Кедржинскій и я, сопровождаемые офицерами, вышли на широкое крыльцо собранія. Толпа шумѣла и волновалась, слышались даже угрожающіе возгласы.

Кедржинскій попросилъ слова и, когда толпа немного успокоилась, съ огромнымъ подъемомъ сказалъ блестящую, понятную для солдатъ рѣчь. сравнивъ типовъ, подобныхъ Иванову, и ихъ дѣйствія съ накипью, которая образуется при варкѣ борща и которую хорошій кошеваръ ложкой снимаетъ и выбрасываетъ въ помойное ведро. Онъ просилъ собравшихся солдатъ отвѣтить, что сдѣлали бы они со своимъ сотоварищемъ, который доносилъ бы на нихъ намъ, офицерамъ? Отвѣта не было. Его далъ Кедржинскій.

— Если бы вы, братцы, имѣли право, вы бы такого солдата выкинули изъ своей среды.

Громовые крики: — Правильно! вырвались изъ сотни грудей, и демонстрація противъ насъ кончилась овaціями по адресу не растерявшагося Кедржинскаго.

Ивановъ пытался вызвать Кедржинскаго на дуэль, отъ этомъ писались протоколы, но все кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отъ Совѣта солд. депутатовъ командировку въ Петроградъ для оріентировки Совѣта о положеніи дѣлъ и для выраженія привѣтствія отъ 8-го Зап. Кав. полка Гос.

Думѣ по поводу совершившейся великой революціи, и уѣхалъ, избавивъ насъ такимъ образомъ отъ своего гнуснаго присутствія. Впослѣдствіи, какъ мнѣ передавали, онъ въ полкъ обратно не вернулся, а устроился не то адъютантомъ, не то ординарцемъ къ подобному, какъ онъ самъ, негодяю растлителю арміи, военному министру и главковерху Керенскому.

Огромное большинство офицерства было враждебно настроено ко всему совершившемуся и явно монархическое. Печальнымъ явленіемъ въ нашей средѣ было то, что нѣсколько штабъ-офицеровъ кадра запаснаго полка и два—три человѣка изъ дѣйствующихъ полковъ, которые въ душѣ сочувствовали намъ, но внѣшне вели себя возмутительно. Они заискивали у солдатъ и афишировали красными бантами свою вящую революціонность, даже эфесы шашекъ съ вензелями Государя обматывали красными тряпками.

На меня лично эти господа смотрѣли, какъ на зачумленнаго. Я же ко всему тому, что творилось вокругъ меня, относился безучастно и безразлично, твердо рѣшивъ при первомъ удобномъ случаѣ уѣхать изъ полка и покинуть военную службу, такъ какъ продолженіе таковой при создавшихся условіяхъ считалъ для себя совершенно непріемлемымъ и безсмысленнымъ, ибо ясно сознавалъ съ самаго начала „великой безкровной“, что войну мы проиграли. Продолжать же игру въ солдатики въ угоду и на пользу новоявленнымъ вершителямъ судебъ просто не желалъ.

Не получая никакого назначенія, я имѣлъ массу свободнаго времени и наблюдалъ жизнь полка. Гостинницу я покинулъ и нанялъ себѣ маленькую комнату около базарной площади, недалеко отъ собранія.

Пріѣхалъ изъ Крыма мой любимый денщикъ Халиль. Моя встрѣча съ нимъ была очень сердечна. Какъ часто теперь, на чужбинѣ, я вспоминаю этого образцоваго солдата, оставшагося вѣрнымъ завѣтамъ, вложеннымъ его доблестнымъ Н-комъ, нынѣ покойнымъ ген. отъ кав. графомъ Келлеромъ.

Привязанный ко мнѣ, какъ родной, въ дни моего одиночества въ Новогеоргіевскѣ, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ, погруженный въ невеселыя и тяжелыя думы, онъ прекрасно понималъ мои душевныя переживанія и былъ моимъ единственнымъ утѣшителемъ. Халиль плакалъ, какъ ребенокъ, когда я разсказывалъ ему о Царскомъ Селѣ. Огромныхъ трудовъ мнѣ стоило удержать его отъ расправы съ Бекировымъ, виновникомъ моего ареста. Но онъ обѣщалъ мнѣ, что рано или поздно онъ съ нимъ раздѣлается

и отомститъ за меня. Впослѣдствіи онъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Какъ то разъ утромъ Халиль, принеся мнѣ обычное кофе, остановился передъ моей кроватью. Онъ былъ мраченъ и чѣмъ то возбужденъ. Я спросилъ его, что случилось.

— Я, Ваше Высоблаг., думалъ... много думалъ.

— О чемъ же ты думалъ? — спросилъ я его.

— Я думалъ, какъ бы было хорошо, если бы Валидэ [1] была бы теперь нашей Царицей; Царя теперь не хотятъ, такъ пускай Валидэ будетъ Царицей. Вѣдь это можно сдѣлать, Ваше Высокоблагородіе, и татары въ этомъ помогутъ.

Я былъ до глубины души тронутъ такимъ міровоззрѣніемъ моего любимца и постарался растолковать ему какъ все случившееся, такъ и создавшееся положеніе, подчеркнувъ, что теперь не время объ этомъ думать, а надо всѣ силы свои напрячь къ тому, чтобы какъ Валидэ, такъ и всю Ея Семью вырвать изъ заключенія и дать Ей тихую и спокойную жизнь.

Халиль очень внимательно выслушалъ мои объясненія и, когда я окончилъ, заявилъ мнѣ:

— Я все понялъ... Я буду думать!

Черезъ нѣсколько дней онъ конфиденціально сообщилъ мнѣ, что онъ говорилъ со своимъ двоюроднымъ братомъ, пріѣжавшимъ изъ Табурища, гдѣ стояли наши маршевые эскадроны, и съ тремя своими пріятелями еще по службѣ въ дивизіонѣ, и они всѣ согласились пойти за мной на помощь Валидэ.

Я горячо поблагодарилъ его за его вѣрность нашему любимому Шефу и просилъ передать его друзьямъ, что, когда нужно будетъ, я непремѣнно воспользуюсь ихъ услугами въ святомъ для насъ всѣхъ дѣлѣ.

Въ началѣ апрѣля я получилъ изъ полка извѣстіе, доставившее мнѣ много радости и глубокое нравственное удовлетвореніе. Мнѣ сообщали, что шт.-р. Губаревъ, которому я передалъ въ Петербургѣ рапортъ к-ру полка объ аудіенціи у Ея Величества четвертаго марта, въ двадцатыхъ числахъ марта прибылъ въ полкъ и передалъ его по назначенію. Результатомъ моего рапорта былъ приказъ по полку, въ которомъ сообщалось, что корнетъ Марковъ имѣлъ счастіе 4-аго марта представляться нашему горячо любимому Державному Шефу и. т. д., передалъ благодарность Ея Величества полку за вѣрную службу, Ея прощальный привѣтъ и приказаніе снять Шефскіе вензеля. На основаніи этого командиръ полка, доводя объ этой послѣд-

---

[1] Валидэ (мать народа), такъ называли всадники Кр. Кон. Ея Вел. полка своего Шефа, Государыню Императрицу Александру Феодоровну.

ней священной волѣ Ея Величества, приказалъ снять вензеля, которые полкъ до этого дня продолжалъ носить.

Насколько я знаю, нашъ Кр. полкъ былъ единственнымъ во всей Императорской арміи, снявшій вензеля по личному приказанію Шефа, и я былъ счастливъ, что помогъ родному полку облегчить этотъ тяжелый для него шагъ разставанія съ отличіями, которыми мы всѣ такъ гордились и такъ высоко чтили.

ГЛАВА XIX.

Бывшее въ началѣ апрѣля наводненіе, благодаря небывалому разливу Днѣпра, по грандіозности напоминало, какъ передавали, наводненіе, бывшее 65 лѣтъ тому назадъ; залита была вся низкая часть города, причинены были большіе убытки, но случайно все обошлось безъ человѣческихъ жертвъ.

Былъ затопленъ и мой домъ, что заставило меня переѣхать на новую квартиру. Квартира была прекрасная, она состояла изъ двухъ комнатъ, гостиной и спальни и находилась на Романовской улицѣ, главной улицѣ города, получившей, какъ полагается, новое наименованіе улицы „Свободы“.

Поселился я совмѣстно съ корнетомъ Г., отличнымъ малымъ, большимъ весельчакомъ и балагуромъ, весьма рѣшительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, что особенно было важно для меня, полнымъ моимъ единомышленникомъ. Квартира наша вскорѣ въ шутку стала называться „клубомъ темныхъ силъ“.

Дѣйствительно, у насъ собирались всѣ офицеры, ярко и безстрашно выражавшіе свое негодованіе по поводу совершившагося переворота. Во второй половинѣ апрѣля я узналъ отъ полкового адъютанта, что предполагается отправка 350 лошадей въ Севастополь для артиллеріи 2-ой морской пѣхотной дивизіи съ проводниками татарами изъ нашихъ маршевыхъ эскадроновъ. Я просилъ его устроить мнѣ эту командировку. Командиръ полка согласился и я, принявъ лошадей, походнымъ порядкомъ въ одно прекрасное утро вывелъ команду изъ Новогеоргіевска на станцію Павлышъ, гдѣ должна была произойти посадка.

Еще въ Новогеоргіевскѣ я назначилъ исп. об. вахмистра одного стараго татарина старш. унтеръ-офицера, привлекшаго мое вниманіе своей георгіевской медалью. Мой выборъ оказался болѣе, чѣмъ удачнымъ и не только потому, что онъ оказался очень расторопнымъ и удачнымъ помощникомъ, но потому, что медаль была имъ получена не

за боевые подвиги во время войны, а еще въ 1905 году, когда онъ въ Ялтѣ съ двумя товарищами арестовалъ 12 или 13 террористовъ на конспиративной квартирѣ въ моментъ, когда тѣ изготовляли бомбы. Изъ этого можно заключить, какихъ взглядовъ былъ этотъ старикъ татаринъ.

Еще по дорогѣ въ Павлышъ я на одномъ изъ привaловъ построилъ команду и сказалъ ей краткую прочувствованную рѣчь на тему о томъ, что я очень счастливъ командовать родными мнѣ Крымцами, но я вижу у нѣкоторыхъ солдатъ нѣкоторыя недопустимыя отступленія отъ формы, вродѣ неимовѣрно широкихъ лампасъ казачьяго образца, вмѣсто тесьмы въ палецъ ширины, положенной намъ по формѣ, затѣмъ съ прискорбью вижу на нѣкоторыхъ полковые знаки съ обломанными коронами, обратившими могучаго русскаго орла въ дрянную, общипанную ворону, а потому приказываю лампасы немедленно спороть, а знаки снять.

Приказаніе свое я нарочно обусловилъ согласіемъ команды на это мое требованіе и поэтому скомандовалъ:

— Не согласныхъ со мной прошу выйти впередъ!

Не согласныхъ не оказалось. По строю я видѣлъ, что заколебалось только нѣсколько человѣкъ и это все были молодые татары, новобранцы. Послѣ этого лампасы были немедленно спороты, а знаки сняты, и мы тронулись дальше. Долженъ сознаться, что я игралъ на психологію, такъ какъ если бы скомандовалъ обратное, т. е. „согласные со мной выйди впередъ“, то пожалуй проигралъ бы, но надо иногда прибѣгать и къ такимъ уловкамъ.

Дорога отъ Павлыша до Севастополя, вѣрнѣе до станціи „Мекензіевы горы“ прошла совершенно гладко. На станціяхъ по утрамъ, когда я выходилъ здороваться съ выстроенной командой, послѣдняя неизмѣнно отвѣчала мнѣ:

— Здравія желаемъ, Ваше Благородіе!

Жалкіе отвѣты немногихъ молодыхъ татаръ, отвѣчавшихъ „господинъ корнетъ“, тонули въ общемъ отвѣтѣ. Вечеромъ во время зари и переклички толпившіеся солдаты, ѣхавшіе съ фронта, какъ они говорили, на побывку, а въ большинствѣ случаевъ просто дезертиры, смотрѣли на меня и на мою команду, какъ на дикихъ звѣрей.

Сдавъ лошадей пріемщикамъ Артиллерійскаго Дивизіона Морской Дивизіи, я по настроенію моихъ людей увидѣлъ, что если не дамъ имъ отпуска для свиданія съ родными, то все равно я свою команду растеряю. Поэтому я и отпустилъ ихъ всѣхъ на три дня.

Офицеры артиллеристы, наблюдавшіе, какъ я выдавалъ удостовѣренія и увольнялъ солдатъ, смѣялись надо мною и говорили, что я легковѣренъ и что мои солдаты,

добравшись до родныхъ мѣстъ, не вернутся обратно. Но я былъ что увѣренъ, что не ошибаюсь въ своихъ всадникахъ и, дѣйствительно, мои ожиданія были даже превозойдены.

Севастополь произвелъ на меня тяжелое, удручающее впечатлѣніе.

Жизнь въ городѣ текла повышенно нервно и не увѣрено. Морскіе офицеры ходили, какъ въ воду опущенные, безъ погонъ, которые имъ пришлось снять по приказу командующаго флотомъ, адмирала Колчапа, старавшагося избѣгать эксцесовъ. Въ первые дни, когда моряки сняли погоны, и всему гарнизону пришлось ихъ снять, такъ какъ это потребовали морскія команды. Когда же вышелъ приказъ объ измѣненіи только морской формы, то приказомъ комендата крѣпости сухопутнымъ чинамъ было приказано снова надѣть погоны, что и было исполнено. Но мнѣ пришлось еще встрѣтить, правда, не много малодушныхъ сухопутныхъ офицеровъ, щеголявшихъ своимъ безпогоньемъ.

Въ дни, когда я былъ въ Севастополѣ, пришло извѣстіе объ отставкѣ военнаго министра Гучкова и о занятіи этого поста присяжнымъ повѣреннымъ Керенскимъ. Хотя и почтенный Александръ Ивановичъ весьма мало подходилъ къ роли военнаго министра, но онъ все же охотился на львовъ гдѣ-то въ Трансвалѣ и, какъ говорили, принималъ участіе въ англо-бурской войнѣ, но что могъ сдѣлать на этомъ посту человѣкъ совершенно штатскій, этотъ безталанный и крикливый соціалистическій недоносокъ. Понятно, единственное, что онъ могъ сдѣлать и сдѣлалъ, это развалить окончательно армію.

Въ день своего отъѣзда изъ Севастополя я могъ насладиться картиной похоронъ жертвъ „царской тираніи“. Я говорю о похоронахъ тѣхъ субъектовъ, которыхъ тащили теперь въ красныхъ гробахъ и которые въ 1905 году были разстрѣляны по приговору военно-полевого суда за мятежъ, учиненный ими въ черноморскомъ флотѣ. Ихъ несли для погребенія на прелестномъ Приморскомъ бульварѣ. Толпа дико орала марсельезу. Надъ нею сотнями рѣяли красныя тряпки и колыхались огромные плакаты со сногсшибательными надписями. Мнѣ было противно и тошно смотрѣть на этотъ пошлый фарсъ, громко именовавшійся: „похороны революціонныхъ героевъ“, и съ чувствомъ глубокого облегченія я вздохнулъ, когда въ назначенный день и часъ, къ удивленію артиллерійскихъ офицеровъ, на дворѣ артилл. казармъ производилъ перекличку вернувшимся изъ отпуска солдатами моей команды. Изъ 120 человѣкъ вернулось около 80 человѣкъ. Я торжествовалъ. По дорогѣ

Наслѣдникъ Цесаревичъ на прогулкѣ въ Царскомъ Селѣ.

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Раконджи съ осликомъ, подареннымъ Ему Итальянскимъ Королемъ.

нагнало меня еще 10 человѣкъ, такъ что въ общемъ я привелъ съ собою обратно въ полкъ около ста человѣкъ. Полковникъ Поповъ былъ пораженъ этимъ обстоятельствомъ еще болѣе, чѣмъ артиллерійскіе офицеры въ Севастополѣ. Я былъ доволенъ своей поѣздкой, такъ какъ смогъ убѣдиться, что есть еще солдаты, съ которыми можно жить и на которыхъ можно положиться. Къ сожалѣнію, будущее показало, что таковыми оказались въ огромномъ большинствѣ инородцы.

По пріѣздѣ въ полкъ я еще нѣкоторое время оставался безъ дѣла, но въ началѣ мая все же получилъ назначеніе младшимъ офицеромъ въ девятый маршевой эскадронъ 12-го Ахтырскаго Е. И. В. В. К. Ольги Александровны полка, командиромъ котораго былъ шт.-р. Селецкій, очень симпатичный человѣкъ, прекрасный строевикъ и боевой офицеръ. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ отпускъ, и я былъ назначенъ временно командующимъ эскадрономъ.

Я попробовалъ производить занятія и, убѣдившись, что изъ этого все равно толку не выйдетъ, т. к. на занятія являлось не болѣе 20 процентовъ наличнаго состава эскадрона, я, дабы не позорить себя въ глазахъ солдатъ и не подчеркивать своего безсилія, предоставилъ командованіе эскадрономъ своему старослужилому вахмистру, такъ какъ младшаго офицера у меня не было, и просилъ его, по возможности, подерживатъ порядокъ, а меня, безъ крайней нужды, не безпокоить.

Въ день, когда была получена телеграмма, въ которой сообщалось, что прословутая „декларація правъ солдата“, состряпанная въ Петербургѣ, приказомъ Керенскаго вводится въ дѣйствіе во всей арміи, со мной произошелъ скандалъ, о которомъ и понынѣ, вѣроятно, вспоминаютъ офицеры, бывшіе въ то время въ 8 зап. кавал. полку.

По этой декларації отмѣнялось обязательное отданіе чести, и солдаты, въ отвѣтъ на привѣтствіе офицеровъ, должны были отвѣчать не „здравія желаемъ и т. д.“, а просто „здравствуйте“, короче говоря, убивалось послѣднее, чѣмъ могла еще держаться армія и отмѣнялось все, что служитъ въ любой арміи основой ея существованія.

Это извѣстіе произвело у насъ въ собраніи впечатлѣніе разорвавшейся бомбы. Этотъ актъ единодушно разсматривался всѣми нами, какъ окончательный подрывъ нашего авторитета въ глазахъ солдатъ и считался гибельнымъ для существованія самой арміи.

Моимъ личнымъ мнѣніемъ было, что такому насилію, пагубному для родины, мы, офицеры, не должны подчиняться, а также не должны признаніемъ этого пагубнаго приказа санкціонировать его передъ лицомъ всей Европы.

Мы должны всѣ, какъ одинъ человѣкъ, на фронтѣ и въ тылу подать въ отставку и предоставить „товарищамъ-солдатамъ“ самимъ расхлебывать заваренную ими кашу.

Мое заявленіе вызвало бурныя пренія. Не дождавшись ихъ окончанія, я съ нѣсколькими пріятелями, взволнованный и разстроенный, ушелъ къ себѣ домой. Дома наши споры продолжались. Одинъ изъ присутствующихъ отстаивалъ свою точку зрѣнія, что мы, офицеры, все же должны постараться удержать солдатъ въ своихъ рукахъ, не должны падать духомъ и. т. д.

Я не выдержалъ и, какъ сейчасъ помню, крикнулъ:

— Что ты за чепуху говоришь! Какіе мы теперь офицеры, разъ мы допустили, чтобы съ насъ содрали Императорскіе вензеля и, примирясь съ этимъ, сами дали солдатамъ право плевать на насъ... Я презираю теперь эти ободранные погоны!

Съ этими словами я и сорвалъ съ себя погоны и выбросилъ ихъ на улицу въ открытое окно. Моимъ друзьямъ съ трудомъ удалось меня успокоить.

Хотя о моемъ поступкѣ и дошло до свѣдѣнія командира полка, но начальство оставило меня въ покоѣ, зная, что меня никакими мѣрами не обуздаешь и что я всегда останусь при своемъ мнѣніи.

ГЛАВА XX.

Въ концѣ мая, сидя въ собраніи за обѣдомъ, я былъ огорошенъ слѣдующей фразой, обращенной ко мнѣ молодымъ прапорщикомъ.

— Господинъ корнетъ, я забылъ вамъ передать привѣтъ отъ Юліи Александровны!

Я сразу не понялъ, о комъ идетъ рѣчь и переспросилъ его.

— Ну да, отъ Ю. А. Денъ.

— Какъ! Гдѣ она? Вы ее видѣли?

Оказалось, что мой собесѣдникъ былъ въ Кременчугѣ и заѣзжалъ въ гости къ матери Ю. А., у которой было имѣніе подъ городомъ, о чемъ я и не подозрѣвалъ Онъ разсказывалъ ей о нашей жизни въ Новогеоргіевскѣ и о существованіи нѣкоего корнета М., по пріѣздѣ сразу попавшаго подъ арестъ и судъ, срывавшаго съ себя погоны и. т. д. Услышавъ мою фамилію, она попросила его передать мнѣ, что только что вернулась изъ Петербурга, гдѣ видѣла дочь, отъ которой много слышала обо мнѣ, и просила меня, при возможности, заѣхать къ ней въ имѣніе.

На слѣдующій день я верхомъ съ Халилемъ отправился въ Бѣлецковку, находившуюся въ верстахъ 25-ти отъ

Новогеоргіевска. Отъ прапорщика я узналъ, что мать г-жи Денъ, Екатерина Леонидовна, урожденная Хорватъ, послѣ развода съ отцомъ Ю. А., генераломъ Смульскимъ, вышла замужъ за офицера зап. кавал. полка ротм. Велецкаго, убитаго въ 15-омъ году на фронтѣ. Поэтому она всегда принимала у себя офицеровъ зап. полка и живо интересовалась полковой жизнью.

Когда я пріѣхалъ въ Бѣлецковку, то былъ встрѣченъ тамъ, какъ старый знакомый и родной человѣкъ, какъ Е. Л., такъ и ея матерью, старушкой Маріей Карловной Хорватъ, урож. баронессой Пилларъ фонъ Пильхау. Отъ Е. А. я узналъ подробности ея пребыванія въ Петербургѣ и ея свиданія съ Ю. А., ея дочерью.

Оказывается, Ю. А. пробыла во дворцѣ арестованной съ Импер. Семьей до 20 марта, когда ее совмѣстно съ А. А. Вырубовой, только что оправившейся отъ болѣзни, вывезли изъ Царскаго Села и перевезли въ Петербургъ въ зданіе министерства юстиціи, гдѣ ихъ обѣихъ продержали въ сырой нетопленной комнатѣ три дня, послѣ чего Ю. А. выпустили на свободу, а несчастную А. А. перевезли въ Петропавловскую крѣпость. Ю. А. разсказывала своей матери о моемъ приходъ во дворецъ 1-аго и 4-аго марта, о томъ, что Государыня часто вспоминала „маленькаго М.“, какъ Она меня всегда называла, и о томъ какъ Она была растрогана моимъ приходомъ. Е. Л. сообщила мнѣ, что Ихъ Величества продолжають находиться подъ строжайшей охраной въ Александровскомъ Дворцѣ, и что послѣ замѣны перваго коменданта Коцебу, весьма лойялно относившагося къ Царственнымъ Узникамъ, полковникомъ Коровиченко, личнымъ другомъ Керенскаго, человѣкомъ грубымъ и невоспитаннымъ, положеніе Имп. Семьи значительно ухудшилось.

Я передалъ Е. Л., что положеніе Имп. Семьи меня очень безпокоитъ и что я считаю положеніе Ихъ въ Царскомъ Селѣ далеко не безопаснымъ; и, если Вр. Правительство добровольно не выпуститъ Ихъ заграницу, то необходимо вырвать Ихъ вооруженной силой!

Я посвятилъ Е. Л. въ мои планы, разсказавъ ей, что мнѣ удалось соорганизовать, подъ видомъ безшабашной компаніи, проводящей весело время за бутылкой вина, человѣкъ 12 офицеровъ, готовыхъ, когда угодно, отдать свою жизнь ради пользы и счастья Ихъ Величествъ. „Клубъ темныхъ силъ“ не даромъ носилъ свое названіе...

Послѣ поѣздки въ Бѣлецковку, обсудивъ создавшееся положеніе, я пришелъ къ заключенію, что мнѣ дальше въ зап. полку оставаться не къ чему и что надо, какъ можно скорѣе, проѣхать въ Петербургъ для свиданія съ Ю. А. и для выясненія дѣйствительнаго положенія Ихъ Величествъ.

Я рѣшилъ взять отпускъ и поѣхать въ Одессу, чтобы попытаться окончательно развязаться съ военной службой и быть свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Полковникъ Поповъ съ радостью далъ мнѣ трехнедѣльный отпускъ, видимо, обрадовавшись случаю, какъ нибудь избавиться отъ офицера, причинявшаго ему излишнія хлопоты.

1-аго іюня я распростился со своими товарищами и выѣхалъ въ Бѣлецковку, гдѣ намѣревался провести одинъ день. Передъ отъѣздомъ мы со своими единомышленниками детально обсудили предположенный нами планъ спасенія Ихъ Вел., сговорившись объ условномъ шифрѣ и о другихъ необходимыхъ подробностяхъ. Воспоминаніе объ этой группѣ молодежи, беззавѣтно преданной своему Государю и Его Семьѣ, является для меня и понынѣ единственно свѣтлымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ моего пребыванія въ Новогеоргіевскѣ.

Пріѣхавъ въ Одессу, я не засталъ отца дома. Онъ находился въ офицерскомъ лазаретѣ на Хаджибеевскомъ лиманѣ, гдѣ лечился послѣ раненія и контузіи, полученныхъ имъ на фронтѣ. Послѣ революціи ему не посчастливилось и пришлось буквально бѣжать съ фронта въ половинѣ мая 1917 г. въ Минскъ, а оттуда въ Одессу. Съ большимъ интересомъ выслушалъ онъ мои разсказы о пережитыхъ дняхъ въ Петроградѣ, Царскомъ Селѣ и Новогеоргіевскѣ и вполнѣ одобрилъ мое желаніе бросить военную службу.

Одесса сдѣлалась столицей революціонного юга. Повсюду болтались красныя тряпки. Домъ градоначальника былъ занятъ мѣстнымъ Совдепомъ и какой то особой могущественной организаціей подъ названіемъ Румчеродъ, состоявшей изъ делегатовъ съ Румынскаго фронта, Черноморскаго флота, и Одесскаго Совдепа. Словомъ, Румчеродъ былъ всесиленъ, а главный начальникъ одесскаго военнаго округа оставался лишь фикціей, такъ какъ всѣ дѣйствія его штаба контролировались двумя матросами, прикомандированными отъ Румчерода, въ чемъ я лично убѣдился, когда посѣтилъ по дѣламъ штабъ округа.

Вмѣсто бравыхъ городовыхъ на улицахъ преважно расхаживали горбоносые юнцы-ученики среднихъ учебныхъ заведеній съ берданками за плечами. Жизнь въ городѣ била ключемъ. Толпы народа „митинговали повсюду и по всякому поводу. Слова „товарищъ“ и „гражданинъ“ сдѣлались модными и боевыми. Вездѣ только и слышалось:

— Извиняюсь, гражданинъ. Здравствуйте, товарищъ!

Дерибассовская улица и бульвары были запружены солдатами и матросами, подъ ручку гулявшими со своими лущившими сѣмячки дамами. Циничныя остроты и грубая брань висѣли въ воздухѣ.

Революція коснулась и служащихъ въ извѣстнѣйшихъ кафэ Одессы Робина и Фанкони. Лакей огрызались, если ихъ звали по старому „человѣкъ“. На моихъ глазахъ у Фанкони произошелъ слѣдующій анекдотическій случай. Пришедшему выпить стаканъ кофе старенькому отставному генералу лакей также грубо отвѣтилъ, что онъ ему больше не „человѣкъ“, а гражданинъ. Генералъ не сказалъ ни слова и сталъ молча пить принесенный кофе.

— Гражданинъ, а я бы хотѣлъ получить еще одно пирожное, — обратился генералъ къ лакею, сдѣлавшему ему ранѣе замѣчаніе.

Пирожное было принесено, за нимъ послѣдовало второе, третье, стаканъ воды, еще кофе, еще стаканъ воды и, наконецъ, коробка спичекъ. Словомъ, гражданину пришлось облуживать генерала по крайней мѣрѣ разъ десять. Наконецъ, генералъ сталъ расплачиваться и, расплатившись, всталъ и протянулъ руку оторопѣвшему лакею.

— Такъ какъ вы теперь гражданинъ, то полагаю, что на чай вамъ не удобно брать, и я не рѣшаюсь предложить вамъ его, а поэтому сердечно благодарю васъ за ваши услуги!

Присутствовавшіе едва не умерли со смѣху при видѣ этой сценки.

Впослѣдствіи, вопросъ о чаевыхъ былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что въ замѣнъ ихъ было сдѣлано процентное начисленіе къ счету въ пользу прислуги, которой, какъ гласили развѣшанные плакаты, категорически запрещалось брать на чай. Но плакаты оставались плакатами и все пошло по старому, съ той лишь разницей, что кромѣ процентовъ прислуга брала преисправно и унижающія ее якобы чаевыя.

Черезъ нѣсколько дней послѣ своего пріѣзда въ Одессу, я подалъ коменданту рапортъ о болѣзни, съ просьбой освидѣтельствовать состояніе моего здоровья на предметъ увольненія въ отставку. Просьба моя была уважена, и я получилъ предписаніе лечь въ военный госпиталь на испытаніе, что я, благодаря знакомству, и сдѣлалъ лишь фиктивно, т. е. былъ принятъ въ госпиталь, но продолжалъ жить дома, являясь лишь къ различнымъ докторамъ по ихъ спеціальностямъ, дававшимъ обо мнѣ свои заключенія. Медицинскій осмотръ комиссіей былъ назначенъ на 23 іюня, и я ждалъ этого дня съ трепетомъ, такъ какъ отъ ея постановленія зависѣли всецѣло мои дальнѣйшіе планы.

Во время моего пребыванія въ Одессѣ, послѣдняя удостоилась высокаго посѣщенія! Въ городъ пріѣхалъ на гастроли самъ Керенскій. Экспансивныя одесситки и одесситы восторжено привѣтствовали своего новаго кумира. Въ

англійскомъ френчѣ и шоферскихъ крагахъ онъ былъ засыпанъ красными розами, а самъ едва не растерзанъ на части ошалѣлыми поклонницами въ припадкѣ революціоннаго восторга! Его чуть не закачали до смерти и таскали по улицамъ на рукахъ. Многотысячная толпа запрудила прилегающія къ гост. „Пассажъ“ улицы и требовала выхода Керенскаго на балконъ. Онъ вышелъ съ огромнымъ букетомъ красныхъ розъ въ рукахъ и въ поднесенной ему его почитательницами красной лентѣ черезъ плечо, на которой крупными буквами значилось: Военный Министръ. Картина, какъ мнѣ передавали очевидцы, была по истинѣ потрясающая, но потрясающая своей пошлостью и непроходимой глупостью; все это было бы смѣшно, еслибъ не было такъ больно и обидно. Боже! до какого умственнаго затменія мы дошли уже въ то время и нѣтъ границъ удивленію, что находились еще люди, которые вѣрили, что революціонная армія, уговариваемая этимъ, съ позволеніемъ сказать, министромъ и упоенная завоеванной свободой, пойдетъ въ бой на защиту чести и величія Россіи. Сознаюсь, что сердце мое сжалось отъ боли, когда я 19-аго іюня прочелъ въ газетахъ огромные столбцы, напечатанные жирнымъ шрифтомъ, о начавшемся подъ Станиславомъ наступленіи, въ первый моментъ очень удачно для насъ развернувшемся. Въ яркихъ краскахъ съ явнымъ преувеличиваніемъ и, захлебываясь отъ восторга, описывалось революціонное геройство наступавшихъ съ развернутыми красными знаменами войскъ.

Я не вѣрилъ этому. Не можетъ красная тряпка воодушевить войска на ратные подвиги, и я оказался правъ. Успѣхи первыхъ двухъ дней замѣнились отвратительнымъ погромомъ надъ мирнымъ населеніемъ, устроенымъ нашими революціонными солдатами въ ихъ паническомъ отступленіи при первой же серьезной нѣмецкой контръ-атакѣ.

Наступленіе, которое должно было поднять боеспособность фронта, имѣло какъ разъ обратное дѣйствіе. Оно еще болѣе деморализовало солдатскую массу. Развитіе германскаго контръ-наступленія съ трудомъ удалось ликвидировать брошенной въ прорывъ кавалеріей, которая въ то время являлась наиболѣе дисциплинированной частью арміи, въ томъ числѣ и моему полку, понесшему въ этомъ дѣлѣ большія потери.

Было ясно, что спасти фронтъ можно только диктаторскими мѣрами, иначе онъ грозилъ рухнуть и въ очень непродолжительное время. Это было видно и по дѣйствіямъ противника, даже не пытавшагося жертвовать своими солдатами для какихъ либо военныхъ операцій. Ему было ясно, что рано или поздно, съ минимальными потерями онъ до-

стигнетъ желательныхъ ему результатовъ, и, оставивъ противъ насъ весьма слабый заслонъ, онъ сталъ перебрасывать отдохнувшія и окрѣпшія части на свой западный фронтъ, о чемъ съ большимъ унынiемъ сообщалось во французскихъ газетахъ.

Посѣявшій вѣтеръ-пожнетъ и бурю, гласитъ старая мудрая поговорка. Наступило 23 іюня. Комиссія единогласно признала меня къ военной службѣ негоднымъ. Постановленіе это не нуждалось, какъ ранѣе, въ утвержденіи Главнаго Военно-Санитарнаго Инспектора, и до полученія акта объ отставкѣ комендантъ разрѣшилъ мнѣ трехнедѣльный отпускъ. Получитъ нужные документы мнѣ удалось только въ концѣ іюня и перваго іюля я курьерскимъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Одессы въ Петербургъ, куда и пріѣхалъ третьяго іюля, и въ тотъ же день отправился къ Ю. А. Денъ.

Къ сожалѣнію, не засталъ ее дома и узналъ отъ прислуги, что она находится на дачѣ въ Келломякахъ, около Терріокъ, куда она переѣхала съ сыномъ на лѣто. По словамъ прислуги, Ю. А. должна была пріѣхать по дѣламъ въ Петербургъ 4 іюля, и я рѣшилъ подождать ее.

Первый день своего пребыванія въ Петербургѣ я провелъ дома, слушая разсказы моихъ знакомыхъ, у которыхъ я остановился, о петербургской жизни за послѣднее время. Особенно заинтересовали меня разсказы о все усиливающемся большевицкомъ настроеніи въ рабочей средѣ Петербурга и Кронштадта, который, какъ и почти весь составъ флота, явно симпатизируетъ новымъ кумирамъ, въ лицѣ Ленина-Ульянова, Троцкаго-Бронштейна и другихъ субъектовъ, старыхъ политическихъ эмигрантовъ, въѣздъ которымъ Вр. Правительство разрѣшило, не учтя того, что германское правительство, предоставило имъ возможность проѣхать изъ Швейцаріи черезъ Германію!...

Газеты сообщали, что путь свой по Германіи они совершили въ запломбированномъ вагонѣ. Какъ бы то ни было, но этотъ своеобразный и доселѣ нигдѣ не виданный транзитъ подданныхъ враждебнаго государства черезъ страну своихъ враговъ, немедленно принесъ свои плоды. Эта группа мерзавцевъ, какъ и слѣдовало ожидать, начала вести измѣнническую пропаганду, направленную къ окончательному развалу арміи и требовала немедленнаго прекращенія войны, справедливо вызывая со всѣхъ сторонъ возмущеніе и взрывъ негодованія.

О пріѣздѣ этихъ гостей и о начатой ими пропагандѣ я вкратцѣ читалъ еще въ южныхъ газетахъ, но все услышанное мною въ Петербургѣ превозошло всѣ ожиданія. Оффиціально называя себя Исполнительнымъ Комитетомъ Р. С. Д. Р. партіи большевиковъ, эта группа, при поддержкѣ

петербургскихъ единомышленниковъ, прочно заняла домъ, ранѣе принадлежащій извѣстной балеринѣ Кшесинской, который сталъ ихъ цитаделью и центромъ пропаганды. Вокругъ денно и нощно происходятъ митинги, и съ балкона Ленинъ и Троцкій поучаютъ собравшихся и открыто призываютъ къ углубленію завоеванной революціи путемъ насильственнаго сверженія буржуазнаго Вр. Правительства, продавшагося Антантѣ и напрасно проливающаго крестьянскую и рабочую кровь во славу міроваго капитализма.

Лозунги бросаются собравшейся толпѣ краткіе, ясные и опредѣленные: долой войну! Миръ безъ анексій и контрибуцій, миръ хижинамъ и война дворцамъ, земля трудовому народу, и наконецъ, совсѣмъ простые: — грабь награбленное. Эти типы дѣйствовали просто, безъ обиняковъ и не мудрствуя лукаво. Ученіе, объявляющее узаконеннымъ глаголы: грабь, возьми, бери — и отмѣнявшее молніеносно право на какую либо собственность, было весьма близко простому анархическому русскому уму, и солдатскія и рабочія массы тысячами тянулись къ дому Кшесинской и, разинувъ рты, внимали новымъ, никогда не слышанымъ откровеніямъ.

Кронштадтскимъ матросамъ, героямъ избіенія сотенъ офицеровъ за эту доблесть было пожаловано Ленинымъ почетное званіе „красы и гордости русской революціи“ и эта краса сдѣлалась его первѣйшими и вѣрнѣйшими защитниками отъ всевозможныхъ посягательствъ со стороны Вр. Правительства.

Печатный органъ этой шайки подъ заголовкомъ „Правда“, въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ распространялся совершенно безпрепятственно въ рабочихъ районахъ и по воинскимъ казармамъ. Петербургскій Совдепъ и его печатный органъ „Извѣстія“ лѣвѣли не по днямъ, а почасамъ. Словомъ, атмосфера сгущалась и въ воздухъ пахло грозой...

ГЛАВА XXI.

4-го іюля я снова былъ на квартирѣ у Ю. А. Денъ. Она была дома и ждала меня, пріѣхавъ утромъ того же дня изъ Финляндіи. День 4-аго марта во всѣхъ его деталяхъ останется навсегда мнѣ памятной. Встрѣча съ Ю. А. вновь разбередила мои, казалось, утихшія сердечныя раны. Скорбный ликъ Государыни снова ожилъ передъ моими глазами, и Ея тихій, мелодичный, мягкій, грудной голосъ далекимъ эхомъ раздался въ ушахъ:

— А вы не волнуйтесь и не безпокойтесь... Господь не безъ милости, Богъ дастъ, все еще будетъ хорошо. Пом-

ните, что мы не можемъ отвѣчать за завтрашній день, и что не все еще потеряно!

Ю. А. была для меня частицей Тѣхъ, кто былъ для меня дороже всего на свѣтѣ и ради Которыхъ я бросилъ на произволъ судьбы свою мать, которую съ января мѣсяца 1917 года до сего дня не видѣлъ, то есть уже 10 лѣтъ, и только одному Всемогущему Господу извѣстно, увижу ли я ее когда нибудь вновь.

Съ памятнаго дня 4-аго марта моимъ жизненнымъ девизомъ стало „за Тѣхъ, кто дороги", и я въ правѣ теперь сказать, что отъ этого девиза я съ того дня не отступалъ и сдѣлалъ для Ихъ Величествъ все, что было только въ моихъ силахъ. Отъ Ю. А. я многое узналъ, что творилось во дворцѣ послѣ моего отъѣзда. Капитаномъ Лучининовымъ, пытавшимся, какъ я уже писалъ, стать на защиту Императорской Семьи, увы, и заканчивается списокъ тѣхъ, кто хотѣлъ по мѣрѣ силъ и возможности помочь Семьѣ своего Императора, находившейся въ опасности.

Какъ больно и скверно дѣлается на душѣ при воспоминаніи, что всѣ лазареты, находившіеся въ Царскомъ Селѣ, а ихъ было до 60, были переполнены офицерами, представителями лучшихъ полковъ Россійской Имп. Арміи, въ большинствѣ на положеніи выздоравливающихъ! Кто, какъ не эти офицеры, переполнявшіе за нѣсколько дней до революціи поѣзда изъ Царскаго Села въ Петербургъ и обратно, долженъ былъ встать, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своего Государя. Между тѣмъ, мнѣ извѣстно, что во многихъ лазаретахъ эти здоровые или почти здоровые люди въ моментъ революціи улеглись въ кровати и изобразили собой чуть ли не смертельно-больныхъ, а нѣкоторые даже забинтовались... Все это было сдѣлано отчасти изъ-за боязни эксцессовъ со стороны ошалѣвшихъ солдатъ, а отчасти изъ-за того, чтобы уклониться отъ долга, въ случаѣ чего, помочь Ея Величеству и Ея несчастной Семьѣ. Мое утвержденіе, что среди г. г. офицеровъ были совершенно здоровые элементы, прохлаждавшіеся въ тиши лазаретовъ, не голословно, а основано на собственномъ опытѣ. За три недѣли до начала революціи, послѣ пріѣзда моего въ Царское Село изъ Крыма я, заканчивая свое леченіе, былъ назначенъ полковникомъ Вильчковскимъ, Начальникомъ Царскосельскаго особ. эвак. пункта, исполнять обязанности штабъ-офицера для порученій при первой Врачебной Комиссіи и, въ качествѣ такового, разъ восемь принималъ участіе въ ея работѣ, какъ въ лазаретѣ Большого Дворца, такъ и въ другихъ офицерскихъ лазаретахъ, что и даетъ мнѣ право такъ писать объ этомъ. Противно и тошно теперь вспоминать объ этомъ.

А Государыня до самаго ареста, несмотря на весь трагизмъ положенія, въ которомъ Она находилась, по многу разъ въ день звонила по телефону въ лазареты, справляясь о здоровіи тѣхъ или другихъ офицеровъ и продолжала посылать имъ цвѣты изъ Дворца.

Поведеніе Вел. Кн. Кирилла Владиміровича до того огорчило и потрясло Государя, что Онъ послѣ революціи ужъ больше никогда не надѣвалъ столь Имъ любимую морскую форму. Поведеніе лицъ свиты было тоже не менѣе возмутительно. Революція застала ближайшаго и любимаго флигель-адъютанта Ихъ Вел. Н. П. Саблина въ Петербургѣ, а онъ, всѣмъ обязанный и, какъ никто, обласканный Ихъ Величествами, даже не потрудился появиться въ Царскомъ Селѣ въ эти дни.

Ушли изъ Дворца и не оставались при Ихъ Величествахъ: гр. Апраксинъ, генер. Нарышкинъ, командиръ конвоя генералъ гр. Граббе, флигель-адъютантъ Мордвиновъ и флигель-адъютантъ герцогъ Николай Николаевичъ Лейхтенбергскій. И только флигель-адъютантъ гр. А. Замойскій до послѣдняго дня и возможности оставался при Ея Величествѣ, но ему, несмотря на всѣ его мольбы и просьбы, не разрѣшили остаться далѣе.

Изъ прислуги, годами прослужившей при Ихъ Величествахъ, только прислуга Ея Величества осталась при Ней, Государя же почти всѣ покинули и остался при Немъ только Его вѣрный старикъ камердинеръ Чемодуровъ...

Роковой, тяжелый ударъ судьбы и всю эту творившуюся вокругъ Нихъ измѣну Ихъ Величества переносили безропотно съ истинно христіанскимъ смиреніемъ.

Наводнившіе Дворецъ молодые прапорщики изъ недоучившихся семинаристовъ или „сознательныхъ“ дѣтей не менѣе „сознательныхъ“ родителей изъ сельскихъ учителей, почтовыхъ чиновниковъ, земскихъ врачей и прочихъ представителей нашей пресловутой интеллигенціи вели себя, какъ по отношенію къ Государю, котораго они позволяли себѣ титуловать „г-нъ полковникъ“, такъ и по отношенію къ другимъ Членамъ Импер. Семьи преднамѣренно грубо, по хамски и возмутительно...

Солдаты не отставали отъ своего начальства и позволяли себѣ неприлично ругаться въ присутствіи Вел. Княженъ, стараясь чѣмъ только можно задѣть самолюбіе несчастныхъ Царственныхъ Узниковъ.

21-аго марта во Дворцѣ неожиданно появился Керенскій, который заявилъ Ю. А. Денъ, что она должна немедленно собираться, такъ какъ онъ ее и А. А. Вырубову, едва оправившуюся отъ болѣзни, забираетъ съ собой въ Петербургъ...

— А тамъ дальше видно будетъ, что я съ вами сдѣлаю! злобно прибавилъ онъ.

Послѣ невыносимо тяжелаго прощанія съ Ихъ Величествами и Ихъ Высочествами, Ю. А. и А. А. покинули дворецъ и въ поѣздѣ Керенскаго были доставлены въ Петербургъ. Съ вокзала въ придворномъ экипажѣ, которымъ теперь пользовались члены демократическаго Временнаго Правительства, онѣ были перевезены въ Министерство Юстиціи, гдѣ ихъ помѣстили въ третьемъ этажѣ. Ихъ оставили въ комнатѣ, въ которую по ихъ пріѣздѣ втащили два грязныхъ дивана, въ одиночествѣ, а за дверьми поставили оборваннаго и грязнаго часового, типичнаго представителя славной революціонной арміи.

Ю. А. провела съ А. А. подъ арестомъ два дня, послѣ чего ее выпустили, а несчастную А. А. Вырубову перевезли сначала въ Думу, а потомъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ она въ Трубецкомъ бастіонѣ въ нечеловѣческихъ страданіяхъ провела почти два мѣсяца, а 13-аго іюня ее перевезли въ арестный домъ на Фурштадтской улицѣ.

Почти одновременно было произведено и увольненіе Коцебу и замѣщеніе его Коровиченко. По словамъ Ю. А., это былъ гадъ въ образѣ человѣка, всячески измывавшійся надъ несчастными Страдальцами, еще больше распустившій охрану. Къ счастію, онъ потомъ получилъ повышеніе, будучи назначенъ Командующимъ Казанскимъ военнымъ округомъ, а на мѣсто его былъ назначенъ полк. Кобылинскій, относившійся къ Ихъ Величествамъ будто бы нѣсколько сердечнѣе.

Я сидѣлъ и, словно зачарованный, слушалъ Ю. А. Денъ. Если бы это не она мнѣ разсказывала, я не повѣрилъ бы всему этому ужасу! У меня вырвалось:

— Юлія Александровна, скажите, ради Бога, развѣ это такъ дальше можетъ продолжаться? Вѣдь необходимо вырвать Ихъ Величества изъ этого кошмара и помочь Имъ бѣжать заграницу!

Вмѣсто отвѣта, Ю. А. показала мнѣ письмо, полученное безъ цензуры отъ Ея Величества, въ отвѣтъ на ея, въ которомъ она спрашивала Государыню, не желаетъ ли Она, чтобы были приняты шаги для вывоза Ихъ въ Италію. Въ отвѣтъ на это Государыня писала:

— Тотъ подлецъ, кто бросаетъ свою родину въ такой тяжелый моментъ. Пускай съ нами дѣлаютъ, что угодно, сажаютъ въ Петропавловскую крѣпость, но мы никогда не уѣдемъ изъ Россіи...

Такъ писала эта святая женщина, которую стоустая молва клеймила нѣмкой, шпіонкой и злымъ геніемъ Государя...

Я отчетливо припоминаю, что, прочтя это письмо,

отвѣтилъ Ю. А., что для меня воля Ихъ Величествъ была всегда священна, но въ данномъ случаѣ, если Ихъ Величествамъ будетъ грозить опасность, то преступно съ нашей стороны оставлять Ихъ на произволъ судьбы и считаться съ Ихъ желаніями, продиктованными чистымъ сердцемъ безъ сознанія грозящей Имъ опасности.

Я посвятилъ Ю. А. въ мои переговоры съ барономъ Х., разсказалъ о моемъ письмѣ къ ней, котораго мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось переслать, и оріентировалъ ее въ предпринятыхъ шагахъ и созданіи небольшого ядра изъ вѣрныхъ Ихъ Вел. офицеровъ въ Новогеоргіевскѣ.

Ю. А. съ большимъ интересомъ выслушала меня и сердечно поблагодарила за предпринятые мною шаги. Отъ нея я былъ глубоко счастливъ узнать, что Государыня часто вспоминаетъ обо мнѣ, цѣня мой приходъ въ безмѣрно тяжелый для Нея день, когда Она видѣла вокругъ себя лишь трусость и измѣну. По ея словамъ, Государь тоже похвально отзывался о моемъ желаніи посильно помочь Ея Величеству.

Эти слова Ю. А. были, есть и будутъ для меня лучшей наградой и самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ на всю мою жизнь...

Я получилъ отъ Ю. А. приглашеніе пріѣхать къ ней на дачу, чему былъ очень обрадованъ, и мы вмѣстѣ вышли на улицу, такъ какъ Ю. А. спѣшила сдѣлать кое-какія покупки еще до закрытія магазиновъ, которые по новому, рсволюціонному закону закрывались въ шесть часовъ. Мы сѣли на перваго попавшагося извозчика и Ю. А. приказала ему вести насъ на Невскій.

Еще съ набережной Мойки мы издалека замѣтили на Невскомъ необычайное оживленіе. Огромная толпа народа валила черезъ мостъ по направленію къ Гостинному Двору. Извощикъ, видя наше недоумѣніе, пытался разъяснить его намъ.

— Такъ что, значитъ, барыня, ночью опять началась леворюція, сказываютъ, большевики съ нѣмецкими солдатами выступили... Орателн, сказываютъ, у нихъ на митинкѣ кричали, что таперича правительство долой, буржуевъ долой и капиталистовъ тоже, и, значитъ, все принадлежитъ рабочему народу... Опять же, значитъ, войну долой и миръ бзъ контрибуціевъ, что значитъ, что мы никому долговъ не должны платить... Тамъ на ихъ сторонѣ тыщи собрались, и опять же къ нимъ матросы изъ Кронштадта пріѣхали, сказывали, видимо невидимо... Правительство въ такихъ отношеніяхъ посылаетъ на нихъ казаковъ... словомъ, дѣло скверное, овесъ опять на двугривенный подорожалъ!

Было ясно, что выступили большевики. Я объ этомъ уже съ утра слыхалъ, но не придавалъ этому особой вѣры. Да и сейчасъ, услышавъ это своеобразное объясненіе происходившихъ событій, мы не предполагали, что произойдутъ кровавыя столкновенія и что этотъ день будетъ имѣть рѣшающее значеніе въ судьбѣ нашей Родины. Единственно, чего боялась Ю. А., это возможности безпорядковъ въ районѣ Финляндскаго вокзала, и поэтому она отказалась отъ мысли дѣлать покупки и рѣшила прямо ѣхать на вокзалъ.

Я, къ сожалѣнію, не могъ сопровождать ее на дачу, такъ какъ имѣлъ въ городѣ неотложныя дѣла и намѣревался поѣхать къ ней на слѣдующій день. Распрощавшись около моста, я пѣшкомъ отправился по Невскому въ сторону Николаевскаго вокзала, подхваченный толпой, стремившейся сильнымъ потокомъ въ этомъ направленіи.

Около Гостинаго Двора глазамъ моимъ представилась картина, во многомъ напоминавшая памятные февральскіе и мартовскіе дни. Посреди Невскаго стояла цѣлая колонна грузовиковъ, вооруженныхъ пулеметами и черезъ край наполненныхъ матросами и какими то штатскими, обвѣшанными пулеметными лентами и всевозможнымъ оружіемъ отъ автоматическихъ винтовокъ до офицерскихъ кортиковъ включительно. На каждомъ грузовикѣ было по нѣсколько ораторовъ, что то дико кричавшихъ собравшейся толпѣ. Надъ грузовиками рѣяли огромные красные плакаты съ надписями: „Долой министровъ, капиталистовъ, да здравствуетъ сов. солд. и рабоч. депутатовъ, долой вр. правительство, продавшееся иностранному капиталу, да здравствуетъ рабоче-крестьянское правительство, долой войну, миръ безъ анексій и контрибуцій, земля трудовому народу!“ Преобладали надписи: „Долой вр. правительство!“

Въ это время со стороны Литейнаго проспекта показалась какая-то конница.

— Казаки! Казаки! послышалось въ толпѣ.

Грузовики зарычали и колонна медленно стала отходить назадъ. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Толпа обезумѣла и шарахнулась назадъ. Затрещалъ гдѣ то пулеметъ. Такъ началось выступленіе большевиковъ.

Ночь прошла тревожно. Паническіе слухи росли и ширились. Кто то поговаривалъ о возможности обстрѣла Петербурга съ Кронштадтскихъ фортовъ. Къ утру стало, какъ будто, спокойнѣе.

Воспользовавшись этимъ временнымъ затишьемъ, я поспѣшилъ на Финляндскій вокзалъ и вздохнулъ съ облегченіемъ только тогда, кагда поѣздъ сталъ удаляться отъ взбаламученнаго Петербурга.

ГЛАВА XXII.

Какъ часто съ глубокой тоской и сердечной болью вспоминаю я теперь о „финляндскомъ“ періодѣ моей жизни среди вѣкового сосноваго лѣса, на самомъ берегу моря на маленькой дачкѣ, занимаемой Юліей Александровной въ Келломякахъ.

Сквозь даль минувшихъ лѣтъ я вижу, какъ живую, скорбную фигуру Ю. А., сидящую около самой воды и погруженную въ тяжелыя думы. Ощущаю всю прелесть короткой сѣверной ночи, вдыхаю ароматъ сосноваго лѣса и смотрю, какъ зачарованный, на зеркально тихую гладь уснувшаго моря, залитаго лучами луннаго свѣта... — Гдѣ-то вдали искрятся огни тяжелаго, мятущагося Кронштадта. И далекимъ эхомъ доносятся до меня слова Ю. А.:

— Мы должны помочь Имъ. Господь поможетъ намъ этомъ святомъ дѣлѣ...

Вспоминаются наши минувшіе безконечные разговоры на эту тему, наши желанія, наши планы. И такъ отчетливо, такъ ясно вспоминаются они, какъ будто все это было только вчера, а уже сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Невольно забываю я все прожитое и пережитое съ тѣхъ поръ и думаю, что всѣхъ этихъ лѣтъ, лѣтъ муки и разочарованія, никогда и не было, что Ихъ Величества находятся въ Царскомъ, а насъ, полныхъ надеждъ, успокаиваетъ хриплымъ баскомъ высокій, сутуловатый человѣкъ, небрежно одѣтый, съ всклокоченными сѣдоватыми длинными волосами, нервнымъ движеніемъ пощипывающій свою давно не стриженную бороду и смотрящій на насъ исподлобья своими проницательными умными карими глазами:

— Ю. А., это мой святой долгъ помочь Ихъ Величествамъ! Повѣрьте мнѣ, что мы работаемъ, не покладая рукъ... Мы сейчасъ только оправляемся отъ постигшаго насъ разгрома, но мы все же сильны и вамъ безпокоиться нечего. Мы только просимъ, чтобы Ихъ Величества благословили начатое нами дѣло и молимъ Бога, чтобы Онъ, Всемогущій, не оставилъ насъ безъ Своихъ милостей! —

Такъ говорилъ Николай Евгеньевичъ Марковъ, послѣ знакомства съ Ю. А., состоявшагося на моихъ глазахъ въ десятыхъ числахъ іюня 1917 года. Это было вечеромъ, мы сидѣли, какъ обычно, около моря, какъ вдругъ увидѣли незнакомаго господина въ соломенной шляпѣ съ большими полями, идущаго къ намъ и опирающагося на толстую сучковатую палку. Фигура незнакомца внушала мало довѣрія. Ю. А. встала и пошла ему навстрѣчу; я направился за ней.

— Я хотѣлъ бы говоритъ съ Ю. А. Денъ, — обратился

къ ней незнакомецъ и, узнавъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, прибавилъ:

— Я къ вамъ отъ... тутъ онъ назвалъ фамилію одной дамы и, наклонившись, что то шепнулъ Ю. А.

— Какъ же, знаю. Очень пріятно съ вами познакомиться.

Я всматривался въ незнакомца и мнѣ казалось, что уже гдѣ то видѣлъ его, но не могъ вспомнить.

— Позвольте вамъ представить корнета М., онъ мой маленькій другъ, и при немъ вы можете былъ совершенно откровеннымъ.

Я поклонился и назвалъ свою фамилію. Господинъ съ лукавой усмѣшкой посмотрѣлъ на меня и, протягивая руку, отвѣтилъ:

— Я тоже Марковъ.

Тогда только я понялъ, кто предо мною и, дѣйствительно, Н. Е. безъ грима измѣнилъ себя до неузнаваемости.

Н. Е. освѣдомился у меня, изъ какихъ я Марковыхъ. Я объяснилъ ему, что я внукъ С. В. Маркова, члена Госуд. Совѣта.

— Тогда мы съ вами родственники — отвѣтилъ мнѣ Н. Е. — И отлично, отнынѣ вы дѣлаетесь моимъ племянникомъ и вы позвольте мнѣ называть васъ просто Сережей.

Я, само собой разумѣется, отвѣтилъ утвердительно и былъ въ восторгѣ, что смогу былъ ему полезнымъ. Для начала я буду состоять, такъ сказать, „офицеромъ для связи“ между нимъ и Ю. А., какъ онъ выразился.

Поговоривъ немного, Марковъ ушелъ. Такъ произошло знакомство Ю. А. и мое съ главой организаціи, поставившей въ основу охраненіе и спасеніе Императорской Семьи, находившейся въ заточеніи.

Боже, сколько надеждъ и упованій возлагали мы на это знакомство! Намъ казалось, что уже одно знакомство съ такимъ человѣкомъ приблизило, по крайней мѣрѣ на половину не только столь желанное нами освобожденіе Ихъ Величествъ, но и востановленіе Монархіи въ Россіи...

Ю. А. горѣла вѣрой въ этого человѣка, а я, по молодости лѣтъ, жилъ ея мыслями, съ закрытыми глазами исполняя всѣ порученія, не мудрствуя лукаво и видя во всемъ только благія начинанія на пользу и счастіе дорогихъ мнѣ Ихъ Величествъ.

Я не задавалъ себѣ вопроса, насколько глубоки эти начинанія и какую пользу онѣ могутъ принести и принесутъ. Ю. А. вѣрила этому человѣку, вѣрила въ его могущество и дѣйственность, я же возвелъ его въ идеалъ.

Гдѣ же было тутъ думать о какой нибудь критикѣ...

Большевицкое возстаніе въ Петербургѣ было легко подавлено казаками 1-аго Донского Каз. полка, оставшагося вѣрнымъ Вр. Правительству. Были жертвы съ обѣихъ сторонъ, дворецъ Кшесинской былъ очищенъ отъ засѣвшихъ въ немъ большевиковъ, главари которыхъ успѣли бѣжать, какъ говорили, въ Кронштадтъ. Я прожилъ эти дни въ Келломякахъ и, такимъ образомъ, не имѣлъ удовольствія лично наблюдать за ходомъ возстанія, но отъ очевидцевъ слышалъ, что казаки дѣйствовали лихо, хотя 1-ый Донской Е. В. полкъ и былъ первымъ революціоннымъ каз. полкомъ. Все же казачья спайка въ это время еще нарушена не была и казаки сумѣли постоять за себя и не ударили лицомъ въ лицомъ.

Говорили о необходимости ликвидировать очагъ заразы, Кронштадтъ, но это предложеніе, къ сожалѣнію, не вышло изъ области разговоровъ и „краса и гордость“ остались безнаказанно сидѣть у себя въ цитадели, продолжавшей служить цитаделью, центромъ пораженческой пропаганды. Выступленія большевиковъ и удачныя дѣйствія противъ нихъ казаковъ ясно показали этому паяцу въ образѣ россійскаго министра-предсѣдателя, какъ нужно разговаривать съ большевиками и со сорвавшимся съ цѣпи русскимъ народомъ! Но, увы, ему совсѣмъ не то было нужно, не водвореніе порядка, а еще бóльшая смута. Онъ былъ тогда предтечей большевиковъ и расчищалъ для нихъ дорогу. Казаковъ объявилъ онъ своими врагами и пытался опереться на Кронштадтскихъ матросовъ. Они, дѣйствительно, сперва помогли ему подавить казачью попытку созданія національной власти, а затѣмъ тотъ же Кронштадтскій матросъ молніеносно низвергъ съ политическаго горизонта этого бердическаго Наполеона легкимъ пинкомъ ноги, выкинувши этого ничтожнаго адвокатишку изъ занимаемыхъ имъ царскихъ палатъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Марковымъ 2-ымъ, когда Петербургъ нѣсколько успокоился, Ю. А. ѣздила туда, чтобы переслать Ихъ Величествамъ въ Царское Село кое какія вещи, письма и книги. Въ числѣ ихъ и мои письма къ Императрицѣ.

Вернулась Ю. А. изъ Петербурга сіяющая и радостная. Оказалось, что она на одной конспиративной квартирѣ видѣлась съ Н. Е. и его дѣятельнымъ помощникомъ В. П. Соколовымъ, извѣстнымъ петербургскимъ дѣятелемъ „Союза Русскаго народа“. Ю. А. была посвящена въ детали организаціи и была довольна всѣмъ ею слышаннымъ. Она разсказала мнѣ, что Марковъ 2-ой, проживавшій неподалеку отъ насъ, около станціи „Канерва“, гдѣ онъ скрывался на одной изъ дачекъ, расположенной въ сторонѣ отъ желѣзной

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ въ формѣ Конвоя Его Величества.

дороги въ лѣсу, довольно часто бывалъ по организаціонным дѣламъ въ Петербургѣ, явно рискуя собой. Но пока, къ счастію, онъ ни разу узнанъ не былъ, даже своими знакомыми, съ которыми онъ сталкивался на улицѣ. Въ данный моментъ идетъ тайная мобилизація всѣхъ сочувствующихъ возстановленію монархіи и вѣрныхъ присягѣ людей. Организованъ военный отдѣлъ, который вербуетъ офицеровъ. Организація построена на самыхъ конспиративныхъ началахъ, при чемъ проводится въ жизнь система троекъ, гдѣ каждый членъ знаетъ только трехъ человѣкъ, а тѣ, въ свою очередь, знаютъ тоже только трехъ членовъ организаціи и. т. д.

Вся работа направлена къ тому, чтобы создать мощный аппаратъ, который сможетъ совершитъ въ Петербургѣ переворотъ, освободивъ Государя, и возстановить Его на Прародительскомъ Престолѣ, а въ случаѣ Его отказа, обезпечить тронъ Наслѣднику.

Къ большевицкому выступленію и движенію Марковъ относился сочувственно, придерживаясь пословицы: Чѣмъ хуже — тѣмъ лучше. Я отчетливо и, какъ сейчасъ, помню, что Ю. А. говорила мнѣ, что предполагается отчасти использовать большевиковъ въ томъ смыслѣ, чтобы дать имъ возможность свергнуть Вр. Правительство, а потомъ придушить и ихъ самихъ. Во всякомъ случаѣ среди большевиковъ М. 2-ой имѣетъ большое количество своихъ приверженцевъ, умышленно пошедшихъ на службу къ нимъ, и стремится къ тому, чтобы во всѣхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ партійныхъ и внѣпартійныхъ организаціяхъ имѣть побольше своихъ надежныхъ людей, дабы быть все время въ курсѣ общаго положенія дѣлъ изъ первыхъ источниковъ.

Словомъ, Ю. А. вынесла впечатлѣніе, что работа идетъ полнымъ ходомъ и все постепенно налаживается, а главное, пока бояться нечего и ничто Ихъ Величествамъ не грозитъ. Напротивъ того, она будетъ счастлива сообщить Ея Величеству, что наконецъ, нашелся человѣкъ, беззавѣтно Имъ преданный, энергичный, способный дѣйствительно помочь Имъ, и взявшій на себя отвѣтственность вернуть Имъ утраченное Ими положеніе и права.

Отъ нея же я узналъ, что она говорила съ М. 2-ымъ о планахъ барона Х. еще въ началѣ революціи и, согласно моимъ словамъ, рекомендовала его ему. До своего отъѣзда въ Одессу я нѣсколько разъ былъ у барона и еще разъ убѣдился, что его взгляды на положеніе вещей нисколько не измѣнились и что онъ всей душой хочетъ помочь посильно Ихъ Величествамъ.

Кромѣ того, я могъ убѣдиться, что вокругъ барона группируется довольно большое количество офицеровъ,

преимущественно гвардейской молодежи, о чемъ я тоже сообщилъ Ю. А., передавшей это М. 2-ому.

Каково же было мое удивленіе, когда въ августѣ я узналъ отъ Ю. А., что М. 2-ой сказалъ ей, что онъ навелъ справки о начинаніяхъ барона Х. и что онѣ, какъ и самъ баронъ, не внушаютъ ему особаго довѣрія и не имѣютъ подъ собой достаточно твердой основы.

— Баронъ слишкомъ молодъ и увлекающійся человѣкъ, — сказала мнѣ Ю. А. и прибавила, что у Н. Е. Маркова достаточно вѣрныхъ людей, такъ что онъ и безъ барона сможетъ обойтись, и что не слѣдуетъ мѣшатъ и вмѣшиваться въ начатую имъ работу, а надлежитъ только въ точности исполнять его указанія и предначертанія, выжидая, какъ развернутся событія.

Я былъ удивленъ такому отношенію М. 2-ого къ желанію барона Х. принять посильное участіе въ общемъ дѣлѣ, но дѣлать было нечего, и я съ той поры больше не пытался проявлять личной иниціативы и всецѣло подчинился указаніямъ М. 2-ого.

Изъ словъ Ю. А. явствовало, что большевики, укрывавшіеся въ Кронштадтѣ, не дремлютъ и можно скоро ожидать ихъ рѣшительнаго второго выступленія, а въ связи съ этимъ и того столь желаннаго нами дня, когда старый Русскій Императорскій орелъ снова сможетъ широко расправить свои могучія крылья надъ несчастной Россіей.

Можно себѣ представить, какъ я былъ счастливъ слышать о такомъ успѣшномъ развитіи организаціи, объ ея силѣ и мощи, а главное, о такихъ близкихъ и блестящихъ перспективахъ... Черезъ нѣсколько дней я лично навѣстилъ М. 2-ого на его финляндской дачѣ. Онъ принялъ меня болѣе, чѣмъ радушно, угостилъ чаемъ, и мы около двухъ часовъ провели въ оживленной бесѣдѣ подъ пріятно шумѣвшій самоваръ, въ прохладной тѣни сосноваго лѣса.

Онъ мнѣ разсказалъ то, что я уже слышалъ ранѣе отъ Ю. А., но съ бо́льшими подробностями. Когда вопросъ коснулся Царской Семьи, я привелъ Н. Е. свои соображенія, почему я считаю положеніе Импер. Семьи въ Царскомъ Селѣ, какъ окруженную весьма сомнительной охраной, къ тому же въ городѣ, который переполненъ деморализованными солдатами зап. стрѣлковыхъ полковъ, далеко не безопаснымъ и думаю, что намъ необходимо вырвать Ихъ оттуда.

— Какимъ путемъ считаете Вы возможно Ихъ вырвать изъ Царскаго, и какъ и гдѣ вы думаете Ихъ скрыть? — обратился ко мнѣ съ вопросомъ М.

Я отвѣтилъ, что по моимъ соображеніямъ, Ихъ Величества сравнительно легко выкрасть изъ дворца вооружен-

нымъ путемъ, и переодѣтыми скрыть сначала въ Финляндіи, а потомъ переправить въ Швецію.

Тутъ я разсказалъ Н. Е. о своемъ пребываніи въ Новогеоргіевскѣ и о привлеченіи къ моему плану спасенія Импер. Семьи 12 надежныхъ офицеровъ и нѣсколькихъ солдатъ, готовыхъ по первому зову пріѣхать къ намъ, дабы принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи. Подробности моего плана заключались въ слѣдующемъ:

Въ Петроградѣ создается офицерская группа человѣкъ въ 30 изъ людей, готовыхъ въ любую минуту пожертвовать своей жизнью ради Ихъ Величествъ, и въ эту группу можно влить и моихъ офицеровъ. Попутно, детально выясняется система охраны Царской Семьи. Группа снабжается штатскимъ платьемъ, совершенно безупречными документами, а семь человѣкъ изъ наиболѣе способныхъ, кромѣ того, соотвѣтствующими документами на каждаго члена Импер. Семьи въ отдѣльности. Каждому члену группы, кромѣ хорошаго автоматическаго ружья, выдаются тринитротолуоловые, т. н. головые патроны, которые легко спрятать на себѣ. Такимъ образомъ группа будетъ имѣть при себѣ 120 фунтовъ или три пуда взрывчатаго вещества огромной силы... Заранѣе, въ конспиративной типографіи печатаются нѣсколько сотенъ прокламацій самаго крайняго анархическаго большевицкаго содержанія, содержащія въ себѣ смертный приговоръ всей Импер. Семьѣ, подписанный отъ имени боевой группы анархистовъ-террористовъ, и на дворецъ производится въ выбранную ночь налетъ. Остается выяснить, какъ наиболѣе удачно произвести его. Мнѣ кажется, что можно привлечь на свою сторону, въ помощь нападающимъ извнѣ, дворцовую прислугу, которая осталась безусловно вѣрной Ихъ Величествамъ и которымъ подлежитъ предупредить Ихъ Величества въ точности о ночи, въ которую предполагается Ихъ освободить. Что же касается снятія наружныхъ часовыхъ, то это не представляетъ особой трудности. Ихъ можно безшумно снять при помощи сильно бьющихъ духовыхъ ружей, стрѣляющихъ стальными стрѣлками, которыя предварительно нужно смазать какимъ либо сильно дѣйствующимъ ядомъ, убивающимъ человѣка на мѣстѣ. Послѣ снятія часовыхъ группа врывается во дворецъ. Думать о переодѣваніи Ихъ Величествъ не приходится, такъ какъ Государь въ своемъ гардеробѣ имѣетъ много штатскаго платья. Единственное, что Его Величество долженъ сдѣлать, это сбрить свою бороду, и тогда можно быть увѣреннымъ, что Его никто не узнаетъ. Ихъ Величества и Ихъ Высочества немедленно выводятся изъ дворца, а въ зеленой гостиной, подъ роялью сваливается все наличное взрывчатое вещество и зажигается трехминутный

фитиль. На боковыхъ улицахъ въ различныхъ мѣстахъ предварительно располагаются нѣсколько автомобилей съ вѣрными шоферами.

Я полагаю, что отъ взрыва рухнетъ не только первый подъѣздъ дворца... Можно себѣ представить, какой переполохъ произведетъ онъ въ патріархальномъ Царскомъ Селѣ, и мало вѣроятно, что при существующемъ порядкѣ могла бы быть быстро организована погоня за бѣглецами, тѣмъ болѣе, что будутъ найдены разбросанныя покругъ дворца прокламаціи вышеупомянутаго мной содержанія. Вѣдь убійство Царской Семьи террористической группой будетъ звучать весьма правдоподобно, а за это время бѣглецы будутъ запрятаны въ полной безопасности въ различныхъ заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ. Я не настаиваю на томъ, чтобы Ихъ Величества были обязательно вывезены въ Финляндію, а потомъ въ Швецію, если это будетъ противно Ихъ желанію. Послѣ побѣга будетъ легко, но, конечно, не совмѣстно, укрыть Ихъ гдѣ нибудь въ глуши сѣверной Россіи, гдѣ Ихъ ни одна ищейка не найдетъ, и гдѣ Они смогутъ спокойно выжидать развитія событій. Само собой понятно, что это предпріятіе сопряжено съ большимъ рискомъ, но все же я думаю, что при хорошей подготовкѣ оно можетъ имѣть девяносто шансовъ изъ ста на успѣхъ.

М. внимательно выслушалъ меня.

— Это, дорогой, не возможно, мы не имѣемъ права подвергать Ихъ Величества такому риску, и потомъ этотъ планъ фантастиченъ... Это вы, по молодости лѣтъ, думаете, что все это такъ легко исполнимо, и поэтому такъ разсуждаете. Этотъ вопросъ нужно рѣшать иначе и, повѣрьте мнѣ, что я много думаю о немъ, въ этомъ вы можете быть увѣрены, и поэтому не безпокойтесь! — сказалъ онъ мнѣ, когда я окончилъ изложеніе своего проекта.

На это я отвѣтилъ, что я подчиняюсь ему, какъ главѣ организаціи, всецѣло нахожусь въ его распоряженіи и буду дѣйствовать только по его директивамъ.

Въ концѣ разговора М. неоднократно подчеркивалъ, что единственной цѣлью его жизни была и будетъ служба и помощь Государю и Его Наслѣднику.

Возвращался я подъ вечеръ обратно въ Келломякъ пѣшкомъ черезъ лѣсъ. Часть пути М. шелъ со мной, показывая дорогу. Разстался я съ нимъ, очарованный прямотой, искренностью и глубокой вѣрой въ благополучный исходъ взятаго имъ на себя тяжелаго дѣла. Какимъ казался онъ мнѣ тогда выдающимся незаурядным человѣкомъ, и какъ я былъ тогда увѣренъ въ немъ. Я былъ готовъ пойти за нимъ въ огонь и воду...

15-аго іюля я получилъ черезъ Ю. А. отъ Государыни отвѣтъ на мое письмо. Государыня писала мнѣ:

— Сердечно тронута и благодарна вамъ за ваше письмо и что стараго Ш. не забыли. Очень жалѣю, что Вамъ придется полкъ покидать изъ за нездоровья. Часто вспоминаю, когда васъ послѣдній разъ видѣла... еще разъ спасибо за все... Здоровье мое ничего, когда прохладная погода. Мы три часа гуляемъ въ саду. Они работаютъ, а я сижу, читаю или вышиваю.

Храни васъ Господь.

Сердечный привѣтъ отъ

б. Ш.

11-ое іюля Царское Село.

Письмо это прошло черезъ цензуру и поэтому Ея Величество написала б. Ш. (бывшій Шефъ), чего Она впослѣдствіи при нецензурированныхъ письмахъ никогда не дѣлала.

Какъ безумно я былъ счастливъ полученной вѣсточкой отъ горячо мною любимаго, добраго, и сердечнаго моего Шефа...

Отпускъ мой кончался, и мнѣ пришлось съ большой грустью распрощаться съ Ю. А. и ея сыномъ, маленькимъ другомъ Наслѣдника, большеглазымъ, милымъ и умнымъ не по годамъ Тити, съ которымъ я такъ хорошо проводилъ время на пляжѣ, сооружая ему изъ песка настоящіе окопы съ ходами сообщенія, блиндажами и пр. 18-аго іюля я выѣхалъ обратно въ Одессу.

ГЛАВА XXIII.

Въ Одессѣ я пробылъ 10 дней и получилъ отъ коменданта документъ, увольняющій меня въ безсрочный отпускъ. Этому документу впослѣдствіи суждено было сыграть большую роль въ моей жизни. Въ немъ значилось:

Дано сіе Крымскаго Коннаго полка корнету Сергѣю Владиміровичу Маркову комиссіей врачей при Одесскомъ Военномъ Госпиталѣ 23-го іюля с. г., признаннаго совершенно негоднымъ къ военной службѣ и причисленнаго къ 4-ой категоріи.

Корнетъ Марковъ увольняется въ отпускъ во всѣ города Россіи впредь до приказа по В. В. объ увольненіи его въ отставку. Настоящее удостовѣреніе подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Документъ, какъ видно, революціонный, такъ какъ вмѣсто подписи симпатичнѣйшаго ген.-маіора Мельгунова,

Коменданта, на немъ значилась подпись какого то полупочтеннаго прапорщика, ибо въ день полученія мною удостовѣренія Мельгунова „ушли“ и по назначенію Румчерода былъ назначень Рязановъ, старый партійный товарищъ. Бытъ можетъ его подпись на этомъ документѣ и сыграла роль въ моей жизни нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

Желаніе мое исполнилось. Я былъ свободенъ отъ военной службы, столь любимой мною ранѣе и ставшей мнѣ теперь ненавистной. Но моя радость омрачалась мыслью о томъ, что мнѣ приходится разставаться вплоть до окончанія войны съ моимъ любимымъ денщикомъ Халилемъ.

Мой бѣдный татаринъ плакалъ на вокзалѣ, какъ ребенокъ, провожая меня.

Я утѣшалъ его, что мы скоро увидимся въ Бѣлецковкѣ, куда собиралась Ю. А. навѣстить свою мать. Халиля отправляли обратно въ запасный полкъ.

По дорогѣ со мной случился забавный случай, стоющій быть отмѣченнымъ. Кажется, около Жлобина, къ которому мы подъѣзжали, рано утромъ я былъ разбуженъ чьимъ то грубымъ окрикомъ, донесшимся изъ корридора въ полураскрытую дверь моего купэ:

— Товарищи, дайте ваши удостовѣренія!

Повидимому, производился военный контроль документовъ. Я приготовилъ свое удостовѣреніе, но твердо рѣшилъ на обращеніе „товарищъ“ не отвѣчать. Я лежалъ на верхней полкѣ, закутавшись въ свѣжую простыню и чистое одѣяло, такъ какъ въ тѣ времена еще существовалъ буржуазный предразсудокъ выдача чистаго запломбированнаго бѣлья за одинъ рубль.

Контроль приближался. Наконецъ, насталъ и мой чередъ. Мой спутникъ внизу зашевелился, доставая свой паспортъ.

— Товарищи, ваши документы! — снова послышался тотъ же голосъ. Я безмолвствовалъ.

— Товарищъ, вашъ документъ! — повторилъ онъ, и кто то довольно грубо потрясъ мое плечо.

Я не выдержалъ и повернулся. Въ дверяхъ купэ стоялъ огромный дѣтина въ фуражкѣ безъ козырка въ засаленной шинели, съ винтовкой въ рукахъ.

— Послушайте, любезный, вы на фронтѣ были? — громко и рѣзко обратился я къ нему.

— Какъ же, мы два года страдали! — отвѣтилъ онъ мнѣ, разиня ротъ отъ недоумѣнія, къ чему я клоню.

— Ранены были?

— Н-ѣ-ѣ-тъ!

— Вы инвалидъ?

— Н-ѣ-ѣ-тъ!

— Вы Георгіевскій кавалеръ?

— Н-ѣ-ѣ-тъ!

— Такъ вотъ я и то и другое и третье, а потому я вамъ не товарищъ, — не сказалъ, а рявкнулъ я ему, протягивая свой документъ.

Дѣтина до того растерялся, что не только не отвѣтилъ, но и документа моего не посмотрѣлъ и сконфуженный пошелъ дальше.

— Госпо-о-о-да, давайте ваши документы! — послышался снова его голосъ.

— А хорошо вы его раздѣлали! — замѣтилъ мнѣ мой спутникъ, гражданскій инженеръ.

— Много ли этимъ хамамъ надо? — отвѣтилъ я. Вотъ вы и слышите результаты.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ 31-аго іюля утромъ и съ вокзала отправился прямо къ коменданту, чтобы явить свой документъ и получить пропускъ въ Финляндію, такъ какъ безъ такового туда болѣе не пропускали. Изъ Комендантскаго Управленія я поѣхалъ на Финляндскій вокзалъ и къ счастью попалъ прямо къ отходу поѣзда. Въ поѣздѣ, переполненномъ пассажирами, я встрѣтился съ Ю. А. Денъ. Въ первый моментъ я испугался, когда увидѣлъ ее. Ю. А. была такъ блѣдна и имѣла такой измученный видъ, что можно было подумать, что она только что перенесла тяжкую болѣзнь.

Въ вагонѣ много разговаривать было нельзя и Ю. А. смогла мнѣ только сказать, что положеніе вещей очень серьезно.

Я понялъ, „гдѣ“, но недоумѣвалъ, что могло случиться, и только, выходя съ вокзала въ Келломякахъ, могъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Ихъ сегодня увозятъ изъ Царскаго Села! — дрогнувшимъ голосомъ и со слезами на глазахъ сообщила мнѣ Ю. А.

Эта кошмарная новость ударила меня, точно обухомъ, по головѣ. Еще за нѣсколько дней объ этомъ ходили слухи, а сегодня они подтвердились. Отъѣздъ назначенъ на сегодняшную ночь.

— Куда везутъ Ихъ Величествъ, совершенно не извѣстно, и чѣмъ вызванъ Ихъ перевозъ — тоже. Ходятъ не провѣренные слухи, что Ихъ Величествъ перевозятъ въ Ипатьевскій монастырь Костромской губерніи, но это были лишь слухи.

Ю. А. Денъ была въ полномъ отчаяніи. Я, какъ могъ, утѣшалъ ее. Карты, какъ будто, смѣшивалась. Положеніе измѣнилось, но, какъ мнѣ лично казалось, къ лучшему. Какъ я уже писалъ, я не считалъ Царское Село безопаснымъ для

Ихъ Величествъ. Петербургъ былъ огнедышащимъ вулканомъ, такъ что всякое удаленіе Ихъ отъ очага революціи я могъ только привѣтствовать. Рушился только мой планъ возможнаго спасенія Императорской Семьи, такъ какъ гдѣ либо въ глуши налетъ террористовъ будетъ мало правдоподобенъ, а вмѣстѣ съ нимъ и симуляція убійства и сокрытіе слѣдовъ Ихъ пребыванія въ случаѣ удавшагося ихъ освобожденія.

Но за то, быть можетъ, въ другомъ мѣстѣ, облегчается сама возможность Ихъ спасенія, то есть именно ея первый моментъ, моментъ освобожденія Ихъ изъ рукъ революціонной охраны.

Такъ какъ, насколько мнѣ помится, Маркова 2-го въ Канервѣ не оказалось, Ю. А. Денъ рѣшила въ тотъ же день поѣхать обратно въ Петербургъ, чтобы попытаться черезъ него узнать о дѣйствительномъ мѣстѣ заточенія Царской Семьи. Я тоже поѣхалъ вмѣстѣ съ Ю. А. Денъ, желая поѣхать въ Царское, чтобы попытаться увидѣть въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ Ихъ Величества. По имѣющимся у Ю. А. Денъ свѣдѣніямъ отъѣздъ Ихъ Величествъ былъ назначенъ на часъ ночи.

Въ 11 часовъ вечера я былъ въ Царскомъ Селѣ, въ которомъ не былъ съ 23 марта. Въ глубокомъ волненіи шелъ я по уснувшимъ улицамъ, на которыхъ встрѣчались рѣдкіе прохожіе въ контрастъ съ вокзаломъ, забитымъ солдатской сквернословящей толпой, видимо, избравшей нѣкогда чистенькій, а теперь заплеванный и загаженный вокзалъ мѣстомъ своихъ прогулокъ съ окрестными горничными и кухарками.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ дворцу, тѣмъ оживленнѣе дѣлались улицы, но подойти къ нему мнѣ не пришлось, такъ какъ онъ былъ оцѣпленъ сильнымъ нарядомъ войскъ.

До 6 часовъ утра я простоялъ на облюбованномъ мною мѣстѣ, но мнѣ ничего не пришлось увидѣть. Около половины шестого мимо меня пронеслось нѣсколько закрытыхъ автомобилей, окруженныхъ всадниками третьяго Прибалтійскаго коннаго полка.

Я видѣлъ, какъ нѣсколько мужчинъ, стоявшихъ около меня, вытирало набѣгавшія слезы, а женщины плакали.

Я не видѣлъ никого, но сердцемъ, душою, всѣми своими помыслами я былъ съ Ними въ этотъ безумно тяжелый для Нихъ моментъ, когда Они покидали любимый Александровскій дворецъ и родное Имъ Царское Село. Я далъ себѣ клятву, во что бы то ни стало, послѣдовать за несчастными Царственными Узниками, гдѣ бы Они ни находились.

Вплоть до 6 августа, точное мѣстопребываніе Ихъ Величествъ не было никому извѣстно.

Ихъ Величества благополучно прибыли въ Тобольскъ, — вотъ какое извѣстіе мы получили 6 августа поздно вечеромъ.

Почему перевезли Ихъ именно въ Тобольскъ, а не въ какой нибудь другой городъ Сибири, не извѣстно.

Исходя изъ соображенія, что судьбой Ихъ Величествъ распоряжался Керенскій, лично присутствовавшій при Ихъ отъѣздѣ изъ Царскаго Села и заставившій всю Царскую Семью отъ часа ночи до пяти съ половиной утра неоднократно и совершенно напрасно спускаться внизъ, чтобы сѣсть въ автомобили, каковое отношеніе онъ, видимо, считалъ признакомъ хорошего революціоннаго тона, я предполагалъ и думаю, что былъ правъ, что Керенскій выбралъ мѣстомъ заключенія именно Тобольскъ, желая этимъ лично уязвить Ихъ Величества, отправляя Ихъ на родину Распутина, съ именемъ котораго Ихъ связывало столько грязныхъ, возмутительныхъ и лживыхъ легендъ. Вѣроятно, онъ хотѣлъ, чтобы ко всей мерзости, вылитой да несчастную Государыню, прибавился еще одинъ слухъ, что, якобы, по Ея желанію была отправлена въ Тобольскъ Ея Семья, на родину человѣка, котораго она считала добрымъ геніемъ Своего тяжко больного сына... Отъ этого диктатора надъ всероссійскимъ хамомъ съ его подлой душенкой всего можно было ожидать. Отъ Ю. А. Денъ я узналъ, что А. А. Вырубова была выпущена изъ арестнаго дома и сейчасъ живетъ, медленно оправляясь отъ всего пережитаго, въ домѣ своего шурина Пистолькорсъ, на Морской.

Насколько помнится, дня черезъ два послѣ полученія извѣстія о прибытіи Ихъ Величествъ въ Тобольскъ, я вторично былъ у Маркова 2-ого.

Засталъ я его очень удрученнымъ всѣмъ случившимся. Разговоръ нашъ вращался вокругъ личности полковника Кобылинскаго, уѣхавшаго съ Императорской Семьей въ Тобольскъ, въ качествѣ Начальника отряда Особаго назначенія, составленнаго изъ стрѣлковъ перваго, третьяго и четвертаго стрѣлковыхъ полковъ. Въ его рукахъ находилась фактически судьба Царской Семьи, такъ какъ онъ имѣлъ неограниченныя полномочія отъ Керенскаго. Кромѣ того, въ Тобольскъ уѣхалъ нѣкій Макаровъ, назначенный комиссаромъ отъ Временнаго Правительства. Изъ лицъ свиты за Царской Семьей въ изгнаніе послѣдовали: гофмаршалъ кн. Долгорукій, генералъ Татищевъ, лейбъ-медикъ Боткинъ, гувернеръ Наслѣдника Жильяръ, фрейлина гр. Гендрикова и гофъ-летриса Шнейдеръ.

Я немного зналъ Кобылинскаго, такъ какъ пролежалъ

около недѣли въ одной съ нимъ палатѣ въ лазаретѣ Ліанозовой, гдѣ я находился на излеченіи въ сентябрѣ и ноябрѣ 1916 года. Кобылинскій тогда произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Это былъ тихій, спокойный и очень уравновѣшенный человѣкъ. Политическія его убѣжденія мнѣ были не извѣстны, да и кто изъ офицеровъ до революціи задавался такими вопросами! Единственно, чѣмъ онъ былъ извѣстенъ въ лазаретѣ, это была близость отношеній къ нашей младшей сестрѣ Клавдіи Михайловнѣ Битнеръ, которая и послѣдовала за нимъ въ Тобольскъ.

Какимъ образомъ Е. С. Кобылинскій, старый офицеръ л.-гв. Волынскаго полка, могъ сдѣлать такую революціонную карьеру, было мнѣ не понятно.

Во всякомъ случаѣ, Марковъ 2-ой считалъ необходимымъ выяснить настоящее лицо Кобылинскаго. Не знаю, предпринималъ ли онъ по этому поводу какіе либо шаги, но когда я пріѣхалъ въ Петербургъ въ февралѣ, Кобылинскій продолжалъ оставаться все тѣмъ же невыясненнымъ лицомъ.

Въ дальнѣйшемъ, нашъ разгороворъ съ Марковымъ 2-ымъ перешелъ на все возрастающую популярность генерала Корнилова. Я вполнѣ раздѣлялъ его отрицательные взгляды на эту личность.

— Революціонные генералы намъ не нужны, и республики въ Россіи мы не хотимъ. Республикой Россію не спасешь, и со стороны монархистовъ Корниловъ поддержки не встрѣтитъ! — говорилъ Марковъ 2-ой.

Въ случаѣ выступленія Корнилова, Марковъ 2-ой предсказывалъ ему неудачу. Если же, паче чаянія, Корнилову и удалось бы захватить власть въ свои руки, то въ очень непродолжительный срокъ онъ ее потеряетъ, такъ какъ не сумѣетъ, вѣрнѣе, не захочетъ отмести отъ себя всѣ демагогически-революціонные элементы, въ корнѣ своемъ явно не государственные и не жизненные.

На этомъ я разстался съ Н. Е. и больше у него въ Канервѣ не былъ, и мы встрѣчались съ нимъ уже въ Петербургѣ на конспиративной квартирѣ. Въ началѣ августа я поселился въ Петербургѣ на квартирѣ у моего товарища по полку А. К. Решко, которому принадлежалъ бывшій дворецъ Вел. Князя Алексѣя Александровича на Мойкѣ. Квартира, гдѣ я жилъ, помѣщалась въ б. свитскомъ домѣ дворца, выходившаго на Англійскій проспектъ. Решко въ то время не было въ Петербургѣ, такъ что я былъ совсѣмъ одинъ на всей квартирѣ.

Въ десятыхъ числахъ августа я, совмѣстно съ Ю. А. День, посѣтилъ А. А. Вырубову, будучи приглашенъ къ ужину ея шуриномъ. Въ гостиной я засталъ цѣлое об-

щество, въ большинствѣ мужчинъ, среди которыхъ преобладалъ военный элементъ.

Въ числѣ присутствующихъ находился и пресловутый Манташевъ, нефтяникъ и лошадникъ, извѣстный всему Петербургу, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ женѣ генерала Сухомлинова. Онъ этихъ отношеній не скрывалъ, а наоборотъ, какъ будто, даже гордился ими. Онъ былъ въ военной формѣ, съ погонами краснаго креста, и съ Владиміромъ 4-ой степени съ мечами, ужъ право не знаю, за какія доблести имъ полученнымъ.

Среди офицеровъ я замѣтилъ капитана 1-аго ранга Мясоѣдова-Иванова, моего знакомаго по Царскому Селу.

Все общество находилось въ самомъ веселомъ, благодушномъ настроеніи.

Повсюду слышалась англійская и французская рѣчь, словомъ, обычный петербургскій вечеръ, совсѣмъ не напоминающій и не гармонировавшій съ переживаемыми событіями. А. Вырубовой въ гостиной не было, она вышла только къ ужину. Какъ мало подходила къ этой веселой, шумной компаніи эта женщина-мученица, на костыляхъ, въ скромномъ черномъ платѣ, съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ и глубокимъ шрамомъ на лбу, слѣдъ удара прикладомъ, полученнаго ею въ тюрьмѣ...

Ея большіе васильковые глаза, ясные и выразительные скорбно смотрѣли на собравшихся вокругъ большого стола, заставленнаго изысканными закусками и батареей водокъ и винъ, какъ отечественнаго, такъ и заграничнаго производства.

Разговоры за столомъ носили самый фривольный характеръ, кто-то заговорилъ о политикѣ, но его попросили перестать и не портить настроенія собравшихся О несчастныхъ Царственныхъ Узникахъ никто даже и не вспомнилъ!

Провожая Ю. А. Денъ домой, я выразилъ недоумѣніе по поводу своевременности такихъ развлеченій, на что получилъ отвѣтъ, что въ этомъ домѣ это въ порядкѣ вещей, и что у Манташева, живущаго въ верхнемъ этажѣ, ежедневно бываютъ кутежи вплоть до утра. Его домъ не оставляютъ безъ посѣщенія и высокія особы. Такъ, повидимому, жило и веселилось высшее петербургское общество въ тѣ трагическіе дни!

Внѣшне, Петербургъ, какъ будто, мало измѣнился, если не считать, что улицы стали еще болѣе грязными, а дома Невскаго и прилегающихъ къ нему улицъ были до высоты третьяго этажа сплошь заклеены партійными агитаціонными плакатами всѣхъ величинъ, фасоновъ и цвѣтовъ. Петербургъ одолѣла настоящая плакатоманія. Отдавались даже распоряженія, ограничивающія наклейку

афишъ, но ничто не помогало и афиши клеились, гдѣ попало и на чемъ попало.

Невскій былъ переполненъ нарядной, разодѣтой толпой въ перемѣшку съ разнузданной, оборванной солдатней. Магазины бойко торговали и цѣны въ нихъ росли не по днямъ, а по часамъ. Рестораны были переполнены и заграничныя вина лились въ нихъ рѣкой. Игорныхъ притоновъ развелось великое множество и карточная игра въ нихъ шла во всю. Деньги теряли цѣнность, а появленіе тысячныхъ купюръ съ изображеніемъ Олимпа „безкровной революціи", Государственной Думы, не придавало вѣры въ твердость нашего рубля. Появился новый видъ спекуляціи, спекуляція на валютѣ. Это новое завоеваніе революціи распустилось вскорѣ махровымъ цвѣткомъ по всей Россіи и возымѣло развращающее и пагубное вліяніе на населеніе. Къ половинѣ августа 1917 года наша валюта на международномъ рынкѣ успѣла уже потерять болѣе 50 процентовъ стоимости, такъ англійскій фунтъ дошелъ до 22-хъ рублей 50-ти копеекъ, долларъ до 4 руб. 72 коп., швейцарскій франкъ до 1 руб. 5 коп., а голландскій гульденъ до 2-хъ рублей. Таковыми были пока блестящіе плоды новой демократической финансовой политики.

На фронтѣ было не лучше. Боеспособность флота свелась къ нулю и флотъ противника сталъ безнаказанно появляться у нашихъ береговъ, почти не встрѣчая сопротивленія, и, стремясь форсировать рижскій заливъ, достигъ, этого въ августѣ.

11-ая армія Радко Дмитріева тоже разлагалась подъ вліяніемъ большевицкихъ агитаторовъ, нахлынувшихъ изъ Петербурга и распространявшихъ массами среди солдатъ поганую пораженческую газету „Правда". Послѣ короткихъ боевъ, фронтъ подъ Ригой былъ прорванъ и 21-аго августа Рига была занята войсками противника, флотъ нашъ потерялъ броненосецъ „Славу" и очистилъ Рижскій заливъ.

Но не только одинъ сѣверный фронтъ, на и всѣ остальные держались на волоскѣ, да и то благодаря вновь сформированнымъ особымъ полкамъ и батальонамъ изъ лучшихъ элементовъ арміи, въ большинствѣ состоящихъ изъ однихъ офицеровъ. Эти части получили наименованіе ударныхъ. Идея созданія этихъ частей принадлежала генералу Корнилову, и впервые эти части появились въ 8-ой арміи, которой онъ раньше командовалъ.

Я не смѣю спорить и критиковать дѣйствія демократическаго Главнокомандующаго, нужно ли было создавать такія части или нѣтъ, но одно было для меня совершенно яснымъ: до революціи вся Императорская армія была удар-

ной, и всякая, даже малѣйшая частица ея была обязана сложить свою голову на полѣ брани за славу отечества, послѣ же революціи основное понятіе воинскаго долга было уничтожено и одной части арміи было предложено биться до послѣдняго, а другой, бо́льшей части ея, было предоставлено лущить сѣмячки и спокойно наблюдать, какъ ихъ товарищи изнемогаютъ въ неравной борьбѣ...

Цвѣтъ русскаго офицерства отдавалъ свои молодыя жизни, а солдатская масса митинговала, рѣшая вопросъ: — стоитъ или не стоитъ итти на фронтъ. Какъ то разъ въ Петербургѣ, приблизительно въ это время, я случайно слышалъ на митингѣ, какъ одинъ солдатъ-ораторъ кричалъ:

— Офицера жалованіе получаютъ, такъ имъ хорошо воевать, а мы, товарищи, кипятокъ и то не всегда получаемъ... Офицера нашу кровъ пьютъ... За что жъ мы, товарищи, на фронтъ пойдемъ?

Таково было отношеніе къ офицерамъ.

Мнѣ кажется, что созданіе ударниковъ окончательно деморализовали армію, возложившую на нихъ всѣ тяготы войны, и что несомнѣнно, благодаря этимъ формированіямъ, абсолютно не достигнувшимъ своей цѣли, Россія потеряла безвозвратно не одинъ десятокъ тысячъ лучшихъ сыновъ своихъ.

14-аго августа въ Москвѣ произошло знаменитое Государственное Совѣщаніе, состоявшее изъ представителей общественныхъ организацій, арміи и флота и всѣхъ партій, что особенно подчеркивали расплодившіяся, какъ грибы, демократическія газеты. Партіи были, дѣйствительно, представлены всѣ, кромѣ правыхъ. Въ Россіи, сдѣлавшейся по мановенію ока самой свободной и самой демократической страной въ мірѣ, всѣ были свободны, включая и большевиковъ, всѣ, кромѣ монархистовъ. Этой партіи было предписано не существовать, собраній не устраивать, въ союзы не объединяться, печатныхъ органовъ не издавать. Это было не удивительнымъ, такъ какъ подобная система удушенія своихъ противниковъ практиковалась и ранѣе во всякомъ соціалистическомъ Государствѣ, въ которомъ могутъ жить свободно одни лишь соціалисты, а остальнымъ предлагается молчать даже тогда, когда на нихъ нападаютъ. Короче говоря, въ этомъ однобокомъ совѣщаніи Керенскій хотѣлъ найти себѣ опору для продолженія своихъ дальнѣйшихъ измывательствъ надъ несчастной страной. Но вмѣсто ожидаемаго тріумфа надъ людской глупостью ему пришлось потерпѣть неудачу.

На совѣщаніи онъ впервые натолкнулся на оппозицію въ лицѣ представителей арміи и флота. Здѣсь впервые прозвучали слова, требовавшія немедленнаго введенія дик-

татуры. Все собраніе въ горячихъ овацiяхъ, устроенныхъ въ честь генерала Корнилова, предсѣдательствовавшаго на совѣщаніи, выразило ему свое довѣріе, весьма недвусмысленно указывая на него, какъ на единственнаго и желаемаго диктатора, которому, быть можетъ, удастся еще вывести Россію изъ тупика, въ которомъ она очутилась. Засѣданія этого совѣщанія происходили въ Московскомъ Большомъ театрѣ. Президіумъ помѣщался на сценѣ, гдѣ была также устроена трибуна для ораторовъ. Особое вниманіе привлекалъ Керенскій, сидѣвшій въ креслѣ, развалившись въ удобной позѣ, за нимъ на вытяжку стояли безъ смѣны его два адъютанта-офицера. Одинъ изъ нихъ не выдержалъ и во время засѣданія ему сдѣлалось дурно.

Столь унизительное для офицера положеніе стоять за какимъ то маніакомъ и революціоннымъ временщикомъ, заставило присутствовавшихъ офицеровъ въ лицѣ одного штабъ-офицера отправиться лично къ Керенскому и освѣдомиться у него, по доброй ли волѣ или по его приказанію стоятъ за его кресломъ офицеры.

Когда Керенскій спросилъ, почему собравшимся офицерамъ это интересно знать, полковникъ ему отвѣтилъ, что офицеры возмущены этимъ и просятъ ему сообщить, что офицерскій караулъ полагается только при трупѣ...

Говорятъ, что этотъ хамъ при этихъ словахъ до того смутился, что приказалъ не въ мѣру усерднымъ адъютантамъ больше за его кресломъ не стоять.

Не повезло ему и съ казаками. Одинъ казачій полковникъ въ разговорѣ съ нимъ ехидно замѣтилъ:

— Вы не думайте, г-нъ министръ, казачеству далеко не безразлично, кто сидитъ въ Зимнемъ Дворцѣ — Александра Феодоровна ли со скипетромъ въ рукахъ или Александръ Феодоровичъ Керенскій со шприцемъ [1].

А изъ зала въ то время, когда онъ, по наполеоновски заложивъ руку за бортъ френча, нервно бѣгалъ на своихъ кривыхъ ножкахъ въ желтыхъ гетрахъ по сценѣ и бросалъ присутствующимъ громкія, трескучія фразы, кто то крикнулъ:

— Эхъ вы! Горе родины!

Три дня продолжалась эта словоговорильня и, какъ ничѣмъ не началась, такъ ничѣмъ и закончилась. Корниловъ, ничего не добившись (онъ требовалъ введенія смертной казни въ тылу для обузданія дезертирства), уѣхалъ въ ставку, а Керенскій въ Петербургъ, гдѣ снова поселился въ Зимнемъ Дворцѣ, оскверняя своимъ тѣломъ царскія кровати и устраивая ежедневно со своими сподвижниками

[1] Керенскій былъ ясно выраженный морфинистъ.

ночныя оргіи, кончавшіяся порчей дорогой дворцовой мебели и битьемъ рѣдчайшаго стариннаго фарфора.

По порученію Маркова 2-ого я записался въ цѣлый рядъ организацій, дабы быть въ курсѣ господствовавшихъ въ нихъ настроеній. Такъ я сдѣлался членомъ союза офицеровъ арміи и флота, членомъ союза Георгіевскихъ кавалеровъ, членомъ военной лиги, членомъ союза воинскаго долга, членомъ демократическо-республиканскаго центра, секретарь котораго, между прочимъ, при первомъ знакомствѣ со мной и узнавъ, кто я, весело пожалъ мнѣ руку и сообщилъ:

— Подождите, корнетъ, скоро и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, скоро, скоро запоемъ мы — Боже Царя Храни...

Я былъ зачисленъ еще къ цѣлому ряду болѣе мелкихъ организацій, не имѣвшихъ особаго наименованія и считавтавшихъ себя конспиративными, но ихъ конспирація была похожа на конспиративность упомянутаго выше секретаря. Вообще въ Петербургѣ, ко дню Корниловскаго выступленія, народилось великое множество однородныхъ по духу, но совершенно раздѣльныхъ по существу организацій и группъ. Думаю, что ихъ было болѣе 50-ти. Въ одной „Асторіи", къ тому времени немного отремонтированной, я зналъ пять различныхъ офицерскихъ группировокъ, другъ друга опасавшихся, но силившихся установить между собой идейный контактъ и налаживавшихъ между собой связь, хотя центры этихъ организацій и находились въ одномъ и томъ же корридорѣ гостинницы.

Офицерская молодежь увлекалась таинственностью паролей, опознательными знаками и прочими аксессуарами, примѣняемыми при подпольной работѣ, но не имѣла ни малѣйшаго представленія о технической сущности такой работы. Быть можетъ, эта невѣроятная неразбериха и спасла офицерство отъ массовыхъ арестовъ со стороны осатанѣлаго Керенскаго въ дни Корниловскаго краха. Я думаю, что шпики его, шнырявшіе между офицерами и старавшіеся втереться въ ихъ среду, безнадежно запутывались въ этой организаціонной паутинѣ.

Благодаря такой организаціонной неразберихѣ и путаницѣ и стремленію каждой даже маленькой группы забрать въ свои руки верховенство надъ другими, Корниловъ въ Петербургѣ необходимой поддержки въ своемъ начинаніи не получилъ, такъ какъ ясно, что, будь офицерство прочно и компактно организовано чьей либо желѣзной рукой, оно не могло бы не сыграть рѣшающаго значенія. Дни 26-го, 28-го августа въ Петербургѣ можно сравнить съ таковыми же 27-го февраля и 2-го марта, когда организован-

ные офицеры могли свободно не допустить совершившагося переворота и арестовать главарей-зачинщиковъ въ лицѣ Временнаго Комитета Государственной Думы. Въ августовскіе же дни соорганизованное офицерство могло легко ликвидировать Керенскаго и иже съ нимъ...

Мнѣ особенно вспоминается одинъ изъ вечеровъ, когда Ю. А. Денъ и я были въ „Асторіи" у знакомыхъ, у которыхъ собирались многіе наши единомышленники, съ которыми мы проводили время въ дружеской бесѣдѣ. Среди нихъ часто бывалъ князь Константинъ Константиновичъ, появлявшійся въ формѣ капитана л.-гв. Измайловскаго полка и которому я имѣлъ честь быть представленнымъ. Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе простотой обращенія и своей любезностью.

Князь живо интересовался всѣмъ происходившимъ, искренно скорбѣлъ душой за несчастную Россію, но ни въ какихъ заговорахъ онъ не участвовалъ и былъ далекъ отъ какихъ либо организацій, что я могу категорически удостовѣрить.

Однажды одинъ офицеръ генеральнаго штаба, у котораго мы какъ то собрались, былъ вызванъ по телефону. Оказалось, что звонитъ изъ главнаго штаба его пріятель, капитанъ генеральнаго штаба С., бывшій тамъ на дежурствѣ, который между другими новостями сообщилъ, что „горе родины", Керенскій, сидитъ въ одиночествѣ, что кромѣ него и нѣсколькихъ служителей никого въ огромномъ зданіи нѣтъ и что поэтому легко...

Мы, конечно, поняли, что можно легко сдѣлать, но какъ бы легко это не было, все же нужна была нѣкоторая подготовка такой ликвидаціи. Надо думать, такихъ возможностей было не мало, и въ свое время можно бы ликвидировать не одного только Керенскаго, но и Ленина и Троцкаго, когда они говорили рѣчи съ балкона дворца Кшесинской, не будучи почти никѣмъ охраняемыми.

Но всѣ моменты были упущены. Часть этихъ висѣльниковъ вотъ уже годы, какъ насмѣхаются надъ нашей глупостью, прочно сидя въ Кремлѣ, другіе въ полномъ здравіи и благоденствіи вспоминаютъ минувшіе дни въ тиши кабаковъ Праги, Парижа и Лондона, услаждая лекціями одураченную эмиграцію.

Бывая съ Ю. А. Денъ на конспиративной квартирѣ Марковской организаціи, которая помѣщалась въ одной изъ коммерческихъ конторъ, не подалеку отъ сельскохозяйственнаго клуба, на Невскомъ, гдѣ подъ видомъ купли и продажи и заключенія сдѣлокъ, собирались нужныя лица и гдѣ Марковъ 2-ой принималъ по дѣламъ организаціи, я познакомился съ его помощникомъ Викторомъ Пав-

Его Королевское Высочество Великій Герцогъ Эрнстъ-Людвигъ Гессенскій и при-Рейнскій.

ловичемъ Соколовымъ. Онъ произвелъ на меня не особенно выгодное впечатлѣніе не потому, что онъ былъ калѣкой-горбуномъ, но его маленькіе злобные глазки отнюдь не располагали къ себѣ, манера говорить была непріятная, а главное, особаго ума и проницательности за нимъ не замѣчалось, сквозила въ немъ большая самовлюбленность и озлобленность по отношенію къ людямъ вообще, чѣмъ отличаются всегда обиженные природой. По внѣшнему виду, а главное по сутолокѣ, вѣчно царившей въ конторѣ, мнѣ казалось, что организація эта дѣйствительно живетъ, работаетъ и ширится.

20-аго августа распространился въ Петербургѣ слухъ, что пріѣхавшій къ Керенскому изъ ставки быв. оберъ-прокуроръ В. Н. Львовъ привезъ ему какой то ультиматумъ, котораго Керенскій не принялъ, и что Львова приказалъ онъ арестовать. Настроеніе въ Петербургѣ стало крайне напряженнымъ, газеты комментировали это событіе на всѣ лады и брались публикой у газетчиковъ съ боя. Событія наростали... 27-го было опубликовано, что генералу Корнилову предложено сдать должность Главнокомандующаго. Въ городѣ всѣ говорили, что части третьяго коннаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Крымова, начали свое движеніе на Петербургъ и являются авангардомъ Корниловскихъ войскъ, долженствующихъ занять столицу и свергнуть Временное Правительство. Утромъ 28-го, выходя утромъ изъ дому, я прочелъ въ одной маленькой газеткѣ, названія которой не припомню, воззваніе Корнилова, въ которомъ онъ сообщалъ, что долгъ солдата, самопожертвованіе гражданина свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ Родинѣ заставляетъ его не подчиняться приказу Временнаго Правительства и остаться на посту Главнокомандующаго народными арміям и флотомъ. Далѣе говорилось, что онъ, Корниловъ, предпочитаетъ смерть устраненію его отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго и, указывая на неумѣніе Временнаго Правительства управлять страной, приглашаетъ послѣднее пріѣхать къ нему въ ставку для переговоровъ о созданіи правительства народной обороны, гарантируя ему своимъ словомъ полную неприкосновенность.

Отвѣтомъ на эту чисто демократическую попытку Корнилова окончить по хорошему со своими лѣвыми единомышленниками было то, что Керенскій отъ имени Временнаго Правительства безъ обиняковъ объявилъ его измѣнникомъ и предателемъ Родины, ввелъ въ Петербургѣ военное положеніе и назначилъ Б. Савинкова военнымъ генералъ губернаторомъ.

29-го августа передовыя части генерала Крымова по-

дошли къ Петербургу и, невѣдомо почему, остановились. Керенскому удалось послать на фронтъ наименѣе деморализованныя, но въ боевомъ отношеніи никуда не годныя части Петербургскаго гарнизона, такъ что онъ вызвалъ изъ Кронштадта недавнихъ враговъ своихъ, матросовъ, сдѣлавшимися неожиданными его союзниками противъ мнимой бѣлой диктатуры генерала Корнилова.

Рѣшительныхъ шаговъ предпринять не пришлось, такъ какъ наступавшія войска, подъ вліяніемъ агитаціи и изъ-за непонятной нерѣшительности ставки, замитинговали и стали брататься съ вышедшими къ нимъ навстрѣчу петербургскими „чудо-богатырями".

Генералъ Крымовъ, ѣздившій для переговоровъ къ Керенскому въ Зимній Дворецъ, тамъ же при очень загадочной обстановкѣ застрѣлился. Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя посредничество между генераломъ Корниловымъ и Временнымъ Правительствомъ и выѣхалъ въ Могилевъ уже въ должности Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, каковымъ объявилъ себя Керенскій.

Такъ закончилась попытка генерала Корнилова создать національно-демократическое правительство въ Россіи... Въ началѣ сентября онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Быховъ, гдѣ вмѣстѣ съ генералами Лукомскимъ, Романовскимъ и другими былъ заключенъ въ женской гимназіи, и надъ ними было назначено слѣдствіе.

Предположенія Маркова 2-ого оправдались: — Карта Корнилова была бита.

Въ самомъ концѣ августа уѣхала въ Тобольскъ М. С. Хитрово, взявшая съ собой, кромѣ вещей для Ихъ Величествъ, цѣлую массу писемъ. Ея поѣздка окончилась печально. Ее въ самый день пріѣзда арестовалъ Кобылинскій и отправилъ подъ конвоемъ обратно въ Петербургъ. Бѣдная М. С. вела себя во время поѣздки весьма необдумано, посылала своей матери съ дороги письма, въ которыхъ весьма прозрачно писала о своихъ мысляхъ и о всемъ видѣнномъ по дорогѣ. Письма эти, видимо, попали въ цензуру, а кромѣ того, ея мать гдѣ то въ поѣздѣ совершенно недопустимо откровенно говорила о поѣздкѣ своей дочери, что случайно и было услышано однимъ изъ пассажировъ, оказавшимся чуть ли не пріятелемъ Керенскаго, которому было немедленно положено о всемъ услышанномъ.

Поѣздка М. С. имѣла для Ихъ Величествъ печальныя послѣдствія, такъ какъ комиссаръ Макаровъ, весьма лояльно относившійся къ Ихъ Величествамъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и замѣненъ нѣкимъ Панкратовымъ съ помощникомъ, прапорщикомъ Никольскимъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, М. С. была вскорѣ вы-

пущена на свободу, такъ какъ даже революціонные слѣдователи не могли найти въ ней агента какой либо организаціи, до того наивнымъ было все ея поведеніе.

Отъ нея мы узнали впервые о жизни Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ. Оказалось, что Ихъ Величествамъ пришлось прожить на пароходѣ до 12-го августа, такъ какъ губернаторскій домъ не былъ еще готовъ для Ихъ пріема. 12-го августа Ихъ Величества переселились въ предназначеное Имъ помѣщеніе, а свита еще ранѣе помѣстилась въ домѣ купца Корнилова, напротивъ дома губернатора. М. С. удалось передать письма графинѣ Гендриковой и до своего ареста увидѣть всю Императорскую Семью, Которая ее узнала, на балконѣ.

По словамъ М. С., Царская Семья устроилась удовлетворительно. Отношеніе, какъ жителей Тобольска, такъ и жителей его окрестностей къ Высочайшимъ Узникамъ прекрасное, даже трогательное. Многіе прохожіе снимаютъ шляпу, когда проходятъ мимо дома, и послѣдній начинаетъ дѣлаться мѣстомъ поклоненія для окрестнаго крестьянскаго населенія...

Ю. Денъ рѣшила переѣхать, какъ можно скорѣе, на югъ къ своей матери, дабы заставить нынѣшнихъ вершителей судебъ, интересовавшихся ея личностью, забыть о своемъ существованіи. Такъ, по приказанію Керенскаго, она неоднократно допрашивалась Муравьевымъ, который былъ предсѣдателемъ комиссіи по выясненію дѣятельности лицъ стараго режима, и которая поэтому живо интересовалась ея отношеніями и связями съ Императорской Семьей. По приглашенію Ю. А. Денъ, я согласился сопровождать ее въ Бѣлецковку, и 14-го сентября мы, распрощавшись съ Марковымъ 2-ымъ и его сотрудниками, выѣхали изъ Петербурга на Москву, а оттуда черезъ Харьковъ въ Кременчугъ.

ГЛАВА XXIV.

Несмотря на то, что я пробылъ всего четыре съ половиной мѣсяца въ Бѣлецковкѣ, мнѣ пришлось пережить не мало тяжелыхъ и томительныхъ часовъ, когда я, терзаемый неизвѣстностью положенія моихъ незабвенныхъ Ихъ Величествъ, ночами не спалъ, оберегая покой дорогихъ мнѣ людей и напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шороху, доносившемуся извнѣ, ежеминутно выбѣгалъ на воздухъ и пытливо всматривался, нѣтъ ли чего подозрительнаго, я все же вспоминаю объ этомъ времени съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія.

Конечно, моя помощь была весьма иллюзорна, такъ какъ, что же я могъ сдѣлать одинъ въ случаѣ возможнаго безчинства со стороны Бѣлецковскихъ крестьянъ, числомъ болѣе тысячи населявшихъ деревню, подходившую почти вплотную къ усадьбѣ, или въ случаѣ налета какой либо посторонней банды. Правда, вооруженъ я былъ достаточно, имѣя нѣсколько автоматическихъ пистолетовъ и даже ручныя гранаты.

Усадьба состояла изъ двухъ барскихъ домовъ: стараго, большого дома, только что ремонтированнаго, изъ четырехъ большихъ комнатъ и службъ, помѣщавшихся въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ жили Ю. А. Денъ съ сыномъ и его гувернанткой француженкой, Наталія Михайловна Х. старая знакомая Ю. А., приглашенная ею погостить въ имѣніи и я. Въ меньшемъ домѣ жила Екатерина Леонтьевна Велецкая съ матерью Маріей Карловной Хорватъ и прислуга, исключительно женская, кромѣ старика повара.

Такимъ образомъ, если не считать повара, то я одинъ могъ считаться боеспособнымъ. Остальныя постройки усадьбы находились въ 400—500 шагахъ отъ дома. Сама усадьба была живописно расположена на гребнѣ возвышенности, обрывомъ уходившей въ Днѣпровскія плавни и заливныя луга.

Единственно, чѣмъ я могъ бы помочь въ случаѣ нападенія, это, отбиваясь, дать возможность и время спуститься по обрыву въ плавни, гдѣ, при умѣніи, легко можно было бы скрыться.

Вспоминая теперь о жизни въ Бѣлецковкѣ, я не могу не преклониться предъ огромной силой воли Екатерины Леонидовны Велецкой, предъ ея чисто мужского склада умомъ и ея поразительнымъ умѣніемъ разговаривать и держать себя съ крестьянами. Крестьяне, бывавшіе у нея по дѣламъ, начиная съ предсѣдателя сельскаго совѣта, отвратительнаго хитраго мужика, и его сотоварищей по совѣту до самаго послѣдняго мужиченки, что называется, трепетали передъ ней, преисправно снимая шапки и при разговорахъ величая ее барыней и не садясь безъ ея разрѣшенія въ ея присутствіи.

Когда мы пріѣхали, жизнь въ деревнѣ текла еще почти нормально, если не считать мелкихъ кражъ и порубокъ лѣса на помѣщичьей землѣ. Мельница, приводимая въ движеніе газовымъ двигателемъ, работала во всю, освѣщая насъ вечеромъ электричествомъ при помощи довольно сильной динамомашины.

Но спокойная жизнь продожалась не долго. Въ концѣ сентября пришло извѣстіе, что не то крестьяне, не то солдаты сожгли до тла находящуюся въ 25-ти верстахъ отъ

насъ усадьбу, принадлежащую Маріи Карловнѣ Хорватъ. Виновники поджога остались не разысканными. Этотъ поджогъ произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе, какъ предупрежденіе и предзнаменованіе...

Объ этомъ случаѣ долго скрывали отъ милой старушки, очень любившей свое имѣніе, въ которомъ она провела лучшіе свои годы.

Изъ Петербурга мы получили извѣстіе, что Марковъ 2-ой предполагаетъ отправить въ Тобольскъ моего однополчанина и друга Колю Сѣдова, находившагося въ Петербургѣ и состоявшаго также членомъ организаціи. Онъ долженъ былъ выяснить на мѣстѣ положеніе и всѣ возможности для предполагаемаго освобожденія Царской Семьи. Изъ полученныхъ свѣдѣній явствовало, что въ организаціи все обстоитъ благополучно и работа развивается нормально.

Монотонность нашей жизни нарушилъ пріѣздъ моего вѣстового Халиля изъ Новогеоргіевска, который узналъ о моемъ пріѣздѣ и привезъ мнѣ послѣднія новости изъ полка. Оказалось, что мадемуазель Канель была убита однимъ изъ членовъ совѣта солдатскихъ депутатовъ, съ которымъ она была въ близкихъ отношеніяхъ. Ея возлюбленный изъ ревности закололъ ее штыкомъ во время прогулки въ лѣсу, около города. Не посчастливилось и главному врагу моему Бекирову. Его товарищи поймали его на кражѣ какихъ то совѣтскихъ денегъ, и онъ былъ жестоко избитъ и арестованъ, а потомъ его выпустили и онъ скрылся изъ полка. Халиль, захлебываясь отъ восторга, разсказывалъ мнѣ объ этомъ и съ гордостью прибавилъ:

— И здорово же я ему за васъ морду побилъ, ваше Высокородіе, когда на часахъ при его арестѣ стоялъ! Я васъ ему припомнилъ.

Въ первой половинѣ сентября я лично съѣздилъ въ полкъ и былъ крайне разстроенъ всѣмъ видѣннымъ. Полкъ почти совсѣмъ развалился. Солдатня деморализовалась окончательно. Отданія чести и въ поминѣ не было, исчезъ и воинскій видъ. Офицерство разъѣхалось, кто куда, такъ что я большинства своихъ пріятелей уже не нашелъ, но все же человѣкъ пять изъ созданной мною группы, также какъ и ротмистръ Н. и поручикъ А., оба моего полка, командовавшіе нашими маршевыми эскадронами, оставались еще въ полку. Они часто бывали у насъ въ Бѣлецковкѣ и тогда въ большомъ залѣ устраивались импровизированные музыкально-вокальные вечера. Но это длилось не долго, такъ какъ крестьяне стали относиться къ этимъ пріѣздамъ неодобрительно, видя въ нашихъ собраніяхъ одну изъ ста

головъ контръ-революціонной гидры. Они были по своему правы, такъ какъ всѣ мои пріятели пріѣзжали къ намъ не только ради музыкальныхъ вечеровъ, но и для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ Императорской Семьей, которой они хотѣли послужить по мѣрѣ своихъ силъ и возможности.

Благодаря образованію въ Кіевѣ Центральной Украинской Рады, представлявшей собой исполнительный центръ украинскихъ политическихъ партій и проявляющей съ каждымъ днемъ свою все болѣе и болѣе въ противовѣсъ Временному Правительству явно сепаратическую физіономію, и захолустный Новогеоргіевскъ откликнулся на это. Запасный полкъ сталъ украинизироваться, т. е. сталъ принимать украинскій національный оттѣнокъ, выдѣляя всѣ инородческіе, то есть русскіе элементы и всѣхъ тѣхъ, кто не хотѣлъ именовать себя украинцами. При полку сталъ формироваться Польскій эскадронъ изъ бывшихъ въ немъ поляковъ, и мои Крымцы также совершенно обособились.

Офицерское собраніе полка потеряло прежній видъ и даже, по моему, утратило право на такое наименованіе. Вмѣсто вѣстовыхъ прислуживали какія то босоногія дѣвки и особы женскаго пола, мало даже похожія на горничныхъ, что придавало собранію весьма странный видъ, напоминавшій дешевую кухмистерскую. Оставшееся офицерство въ „пілку“ предавалось съ горя карточной игрѣ и очень неумѣренному потребленію спиртныхъ напитковъ. Само собой понятно, что о какихъ либо занятіяхъ и рѣчи не могло быть.

Исполняя заданіе Маркова 2-ого, мы установили связь съ Одессой, гдѣ главой монархическаго союза былъ Н. Н. Родзевичъ, мой старый знакомый. Изъ Одессы получались очень утѣшительныя свѣдѣнія, что организація боевыхъ монархическихъ силъ идетъ весьма успѣшно и что весь югъ покрывается монархическими ячейками.

Я занялся организаціей таковой въ Кременчугѣ, но по понятнымъ причинамъ, я не могу теперь разсказать въ подробностяхъ о моей работѣ. Скажу только, что уже и тогда можно было создать довольно многочисленное ядро нашихъ единомышленниковъ и оно было создано. Поддерживалась связь, какъ съ Одессой, такъ и съ другими мѣстами, гдѣ были подобныя тайныя организаціи. Наша работа сводилась къ точному учету вѣрныхъ и надежныхъ людей и къ созданію боевыхъ группъ, независимо отъ ихъ численности и руководствуясь только имѣвшейся наличностью оружія для ихъ вооруженія. Кромѣ того, на нашу Кременчугскую группу было возложено распространіе агитаціонной литературы, получаемой нами, къ сожалѣнію, въ

весьма скромныхъ размѣрахъ. Наши прокламаціи имѣли большой успѣхъ у населенія.

Свѣтлымъ праздникомъ былъ для насъ одинъ изъ дней начала ноября, когда Ю. А. Денъ получила коротенькое письмо изъ Тобольска отъ Государыни, Которая узнала ея адресъ отъ А. Вырубовой, сообщившей его Ей изъ Петербурга. Изъ письма можно было заключить, что все въ Тобольскѣ благополучно и что всѣ здоровы. Я былъ до глубины души тронутъ заключавшимся въ этомъ письмѣ Высочайшимъ привѣтомъ мнѣ.

Въ концѣ ноября до насъ дошли смутные слухи о происшедшихъ въ Петербургѣ кровавыхъ безпорядкахъ, вызванныхъ большевиками, а изъ полученныхъ нами Кіевскихъ газетъ мы узнали, что это были не безпорядки, а государственный переворотъ. Временное правительство перестало существовать, Керенскій въ платьѣ сестры милосердія постыдно бѣжалъ, юнкера, защищавшіе Зимній Дворецъ, въ которомъ скрывалось Временное Правительство, были сняты „красой и гордостью", недавними союзниками Керенскаго, матросами съ „Авроры", обстрѣлявшей Дворецъ артиллерійскимъ огнемъ, сотни людей были звѣрски разстрѣляны въ Петропавловской крѣпости и просто на улицахъ. Власть перешла въ руки образовавшагося совѣта народныхъ комиссаровъ, составленнаго изъ старыхъ знакомыхъ по дому Кшесинской, Ленина-Ульянова, Троцкаго-Бронштейна и другихъ псевдонимовъ, объявившихъ себя Россійскимъ рабоче-крестьянскимъ правительствомъ.

Генералъ Духонинъ, принявшій на себя званіе Верховнаго Главнокомандующаго, былъ убитъ Кронштадтскими палачами, нагрянувшими въ Могилевъ, и, по назначенію Совнаркома (такъ сокращенно стало именовать себя новое правительство), его мѣсто занялъ никому невѣдомый прапорщикъ Крыленко. 8-го ноября Совнаркомъ предложилъ союзникамъ начать съ нѣмцами переговоры о заключеніи демократическаго мира „безъ аннексій и контрибуцій" на основѣ самоопредѣленія народовъ. Результатомъ этого предложенія явилось полное презрѣніе со стороны союзниковъ и великая радость нѣмцевъ по поводу окончательнаго развала Россіи, выходящей изъ войны, и самоопредѣленія Украины, такъ какъ Рада въ Кіевѣ объявила себя самостоятельнымъ Украинскимъ Правительствомъ, независимымъ отъ Россіи. 19-го ноября русская и нѣмецкая делегаціи встрѣтились на фронтѣ и начались переговоры о мирѣ, иначе говоря, Совнаркомъ рѣшилъ заключить съ нѣмцами сепаратный миръ.

Всѣ эти извѣстія не поразили насъ, такъ какъ всего

этого можно было ожидать, наши взоры были обращены на Тобольскъ. Какъ отразятся эти событія на немъ? Наши мысли были обращены къ Петербургу и передъ нами вставалъ вопросъ: — Что дѣлаетъ Марковъ 2-ой и какъ далеко подвинулась работа, направленная къ спасенію Ихъ Величествъ? Отвѣта на этотъ вопросъ у насъ не было, надо было что либо предпринять.

Въ связи съ событіями на фронтѣ и въ Петербургѣ положеніе наше на мѣстѣ тоже ухудшалось. Въ Бѣлецковку стали прибывать солдаты съ фронта, возвращавшіеся домой вооруженными, зачастую съ награбленнымъ добромъ. Они поучали своихъ односельчанъ, что землю у помѣщиковъ нужно отбирать, такъ какъ она принадлежитъ трудовому народу, скотъ разбирать для своихъ надобностей, а въ господскихъ домахъ устраивать школы и. т. д. Бѣлецковка шумѣла и волновалась. Декреты Совнаркома, приказы Рады и Универсалы, другъ другу противорѣчившіе, окончательно сбили народъ съ толку. Результатомъ безконечныхъ митинговъ, происходившихъ въ деревняхъ, было постановленіе: въ имѣніе назначить комиссара для наблюденія за инвентаремъ, домъ, гдѣ мы жили, обратить въ школу, прекрасный племенной скотъ продать съ аукціона крестьянамъ, а деньги, вырученныя при продажѣ, обратить на культурно-просвѣтительныя цѣли. Комиссаромъ былъ назначенъ ехидный малоземельный мужичонка, взявшійся сократить наше питаніе, считая нашихъ куръ и свиней народнымъ достояніемъ. Въ одну половину занимаемаго нами дома была переведена сельская школа (другую половину энергичная Е. Л. Велецкая сумѣла отстоять), а въ одинъ мало прекрасный для насъ день скотъ былъ раздѣленъ между Бѣлецковскими крестьянами, а усадьбѣ оставлены для пользованія лишь двѣ коровы. По поводу всего этого сельскій совѣтъ приходилъ къ Е. Л. Велецкой съ извиненіями, пытаясь объяснить ей, что все, содѣянное ими, было сдѣлано лишь потому, что такой новый законъ вышелъ.

Отсутствіе какихъ либо свѣдѣній изъ Петербурга заставило Ю. А. Денъ рѣшиться на отчаянный шагъ и предпринять поѣздку въ Петербургъ, несмотря на начавшуюся демобилизацію арміи. Въ сущности, демобилизаціи не было. Это было стихійное движеніе милліонныхъ массъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, переполнявшихъ поѣзда, терроризующихъ желѣзнодорожный персоналъ и сплоченныхъ лишь однимъ желаніемъ, какъ можно скорѣе вернуться въ родныя мѣста.

Въ началѣ декабря Ю. А. Денъ уѣхала и къ Рождеству вернулась. Дни ея отсутствія прошли въ Бѣлецковкѣ въ томительномъ безпокойствіи за нее. Она привезла съ собой

успокоительныя новости. Происшедшій переворотъ на организаціи не отразился, Марковъ 2-ой работаетъ, не покладая рукъ. Въ данный моментъ идетъ сборъ матеріальныхъ средствъ для отправки офицеровъ группами и одиночнымъ порядкомъ, какъ въ Тобольскъ, такъ и въ его окрестности; у него имѣется уже болѣе 150 человѣкъ, но пока отправленъ одинъ только Сѣдовъ, отъ котораго, правда, съ мѣста извѣстій еще не поступало, и Марковъ 2-ой очень безпокоится за него.

Ю. А. Денъ видѣла въ Петербургѣ А. Вырубову, которой въ первую половину октября удалось освободиться изъ Свеаборгской крѣпости, гдѣ она находилась въ заключеніи послѣ кошмарнаго пребыванія подъ арестомъ на яхтѣ „Полярная Звѣзда".

Насчастная А. Вырубова совершенно разбита и больна послѣ всего перенесеннаго и только съ трудомъ оправляется на своей квартирѣ. По полученнымъ свѣдѣніямъ, большевицкій переворотъ до настоящаго времени никакихъ измѣненій въ жизнь Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ не внесъ, и тамъ все обстоитъ благополучно. Петербургъ, послѣ понесеннаго погрома, внѣшне потускнѣлъ и поблѣднѣлъ; нарядная толпа съ Невскаго исчезла. Жизнь дѣлается все тяжелѣе и дороговизна превозошла всѣ ожиданія.

Свою квартиру Ю. А. Денъ нашла занятой какими то комиссарами-матросами и ей пришлось остановиться у знакомыхъ. Вотъ какія новости она привезла съ собой.

То, что ей пришлось перенести по дорогѣ, не поддается никакому описанію. Вагоны переполнены черезъ край, окна въ нихъ отсутствуютъ, такъ какъ они выбиты разгулявшимися товарищами, попутно оборвавшими обивку съ сидѣній, а въ нѣкоторыхъ вагонахъ даже отвинтившими всѣ мѣдныя части. Выслушавъ разсказъ Ю. А. Денъ о Петербургскихъ впечатлѣніяхъ, я отвѣтилъ ей, что, несмотря на то, что изъ Тобольска получены хорошія свѣдѣнія и работа Маркова 2-го развивается удачно, я все же считаю положеніе Ихъ Величествъ критическимъ и требующимъ немедленной помощи. Отправка одного лишь Сѣдова является каплей въ морѣ, прошелъ уже достаточно длинный срокъ и подлежало сосредоточить въ Тобольскѣ значительно большее количество вѣрныхъ людей.

Ю. А. Денъ успокаивала меня, говоря, что за этимъ дѣло не станетъ и что еще въ ближайшіе дни начнется такая постепенная концентрація.

На это я отвѣтилъ, что независимо отъ того, начнетъ ли Марковъ 2-ой посылать людей или нѣтъ, но я, во что бы ни стало, проберусь въ Тобольскъ, такъ какъ считаю, что мое мѣсто вблизи отъ Ихъ Величествъ. Я бы давно

предпринялъ эту поѣздку, но мнѣ мѣшало отсутствіе надлежащихъ документовъ, и мнѣ удалось раздобыть ихъ, и то случайно, только въ половинѣ января.

На Рождество маленькому Тити была устроена елка. Этотъ не по годамъ развитой мальчикъ сдѣлался большимъ моимъ другомъ и очень привязался ко мнѣ. Воспитанный въ понятіяхъ истиннаго православія, онъ былъ очень религіозенъ и я, присутствуя иногда на его вечернихъ молитвахъ бывалъ всегда растроганъ тѣми горячими молитвами, которыя онъ возносилъ къ Престолу Всевышняго о любимой имъ тети Бэби и всей Царской Семьѣ.

Скромнымъ, семейнымъ праздникомъ отпразновали мы вступленіе Новаго Года. Какъ далеки мы были тогда отъ мысли, что, выпивая первый бокалъ вина за здравіе дорогихъ намъ Ихъ Величествъ, намъ придется въ этомъ году перенести столько горя и разочарованій...

Во второй половинѣ января, когда я дѣятельно готовился къ отъѣзду, приготовляя себѣ соотвѣтствующій туалетъ, въ видѣ простого и весьма потрепаннаго солдатскаго обмундированія, изъ Кіева намъ сообщили о борьбѣ украинскихъ войскъ съ войсками какого-то дотолѣ невѣдомаго, большевицкаго полковника Григорьева. Кіевъ подвергся форменной осадѣ... Кромѣ того, пошли слухи, что создается повсемѣстно „вільное казачество“, что то вродѣ отрядовъ гражданской обороны, и что этими формированіями руководитъ генералъ Скоропадскій, бывшій мой бригадный командиръ и начальникъ дивизіи.

Въ двадцатыхъ числахъ пріѣхалъ неожиданно въ имѣніе денщикъ ротмистра Н., который съ маршевымъ эскадрономъ ушелъ въ ноябрѣ на присоединеніе къ полку въ Херсонѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что мой родной и любимый Крымскій полкъ подвергся въ ночь на 1-ое января въ Симферополѣ полному разгрому со стороны Севастопольскихъ матросовъ, учинившихъ надъ офицерами и солдатами кровавую расправу. Оказывается, что полкъ въ составъ 6-ти кадровыхъ эскадроновъ, стрѣлковаго эскадрона, пулеметной команды и пришедшихъ изъ Новогеоргіевска трехъ маршевыхъ эскадроновъ въ началѣ декабря походнымъ порядкомъ въ блестящемъ видѣ пришелъ въ Крымъ, гдѣ къ тому времени образовалось правое Національное Правительство, поставившее себѣ цѣлью создать, національныя войска, явно антибольшевицкаго направленія. Этимъ молодымъ формированіямъ вскорѣ пришлось столкнуться съ Севастопольскими матросами и рабочей красной гвардіей. Наскоро сколоченная пѣхота серьезныхъ боевъ не выдержала, и всю тяжесть принялъ на себя мой полкъ. Его неравная борьба съ превышающимъ его во много разъ про-

тивникомъ окончилась катастрофой. Полкъ потерялъ больше половины своего наличнаго состава офицеровъ и солдатъ, и остатки его разсѣялись по горамъ и бѣжали изъ Крыма. Въ бою погибъ и мой сводный братъ, ротмистръ Думбадзе. Погибли мученнической смертью полковники Алтунджи, Біарслановъ, ротмистръ Губаревъ, баронъ Медемъ, поручикъ Добровольскій и рядъ другихъ моихъ друзей и пріятелей. Ротмистру Н. съ трудомъ удалось бѣжать.

Это извѣстіе о трагической гибели моего своднаго брата и любимаго полка какъ громомъ, поразило меня. Скверно для меня начинался новый годъ!

Числа 23-го января, Кременчугъ, послѣ короткаго боя съ мѣстными большевиками, былъ занятъ частями пѣхотнаго полка, въ мирное время стоявшаго въ Кременчугѣ, теперь украинизовавшагося и въ большомъ порядкѣ вернувшагося съ фронта.

Въ то время у насъ гостило два члена Одесской организаціи, пріѣхавшіе оттуда для связи съ нами. Мы рѣшили сдѣлать развѣдку и побывали въ Кременчугѣ. Мы застали городъ въ повышенномъ и радостномъ настроеніи, формировалось мѣстное „вільное казачество“. Мѣстная молодежь, реалисты, гимназисты и, кромѣ того, вообще штатское населеніе, равно какъ и находившіеся въ Кременчугѣ офицеры толпами шли къ вербовочному пункту, гдѣ нѣсколько гимназистовъ вело запись вступающихъ, а въ сосѣднемъ помѣщеніи выдавались винтовки и патроны. Мы правильно учли, что путемъ записи въ „вільное казачество“, мы сможемъ легко раздобыть оружіе, которое намъ сможетъ пригодиться, но не учли твердости занятаго украинцами положенія, что едва не стоило мнѣ жизни. Записавшись въ „вільное казачество“, мы сумѣли четыре раза получить винтовки, а такъ какъ, кромѣ насъ троихъ, записалось еще трое нашихъ сотоварищей, то мы всего перетянули у украинцевъ 24 винтовки и патроны въ количетсвѣ 3000 штукъ. Все добытое нами вооруженіе мы благополучно доставили въ Бѣлецковку, гдѣ оно и было спрятано.

Торжество украинцевъ въ Кременчугѣ продолжалось не долго, всего три дня, послѣ чего большевицкія части тоже почти безъ боя заняли Кременчугъ, а „вільное казачество“ безъ выстрѣла разбѣжалось. Черезъ два дня послѣ водворенія въ Кременчугѣ Харьковскихъ товарищей, насъ посѣтилъ красный конный отрядъ во главѣ съ комиссаромъ Крюковскаго Совѣта[1], армяниномъ по національности, скрывавшагося во время владычества украинцевъ изъ Крюкова и вернувшагося уже съ красноармейцами. Внѣшнѣ

[1] Посадъ Крюковъ на Днѣпрѣ-предмѣстье Кременчуга.

отрядъ былъ очень импозантенъ. Люди сидѣли на прекрасныхъ коняхъ, были отлично одѣты, въ черныхъ папахахъ и въ буркахъ на плечахъ.

Е. Л. Велецкая приняла этого комиссара, котораго знала раньше, такъ какъ имѣла съ нимъ дѣла по имѣнію. Оказалось, что отрядъ пріѣхалъ меня арестовать, такъ какъ имѣлся доносъ, указывающій на мою принадлежность къ „вільному казачеству".

Екатерина Леонидовна принимала этого субъекта въ гостиной, а мы находились рядомъ въ столовой и слышали каждое слово изъ происходящаго разговора. Не могу сказать, что бы я былъ въ восторгѣ отъ всего слышаннаго. Бѣжать было невозможно. Меня спасла огромная выдержка и хладнокровіе Екатерины Леонидовны. Она сумѣла убѣдить комиссара точнѣе провѣрить доносъ, доказывая ему, что все сказанное въ немъ ложь, и умолила его оставить меня, хотя бы временно, въ покоѣ, ручаясь, что я никуда не убѣгу, такъ какъ не брошу ихъ беззащитный домъ.

Комиссаръ, плотно закусивъ и выпивъ бутылку отличнаго стараго краснаго вина, раздобрился и, обѣщавъ назначить строжайшее разслѣдованіе по моему дѣлу, уѣхалъ, оставивъ меня въ покоѣ.

Я рѣшилъ, какъ можно скорѣе, скрыться изъ Бѣлецковки и сначала поѣхать въ Харьковъ, такъ какъ имѣлъ порученіе отъ Ю. А. Денъ передать письма монархическихъ организацій къ генералу отъ кавалеріи графу Келлеру и еще одному лицу, проживавшему тамъ, а оттуда проѣхать черезъ Москву въ Петербургъ.

Задержка произошла изъ за отсутствія солдатской шинели, которую я раздобылъ только 31-го января утромъ, и я назначилъ свой отъѣздъ на слѣдующій день. Меня до Харькова вызвался сопровождать денщикъ ротмистра Н., бравый малый, очень надежный и хорошихъ старыхъ правилъ солдатъ. Документъ былъ уже заготовленъ. Я досталъ нѣсколько чистымъ бланковъ съ печатью 449-го пѣхотнаго Харьковскаго полка, изъ которыхъ одинъ использовалъ для себя, а остальные оставилъ у Ю. А. Денъ для нуждъ ячейки. На бланкѣ значилось:

Удостовѣреніе.

Дано сіе охотнику вольноопредѣляющемуся 449-го Харьковскаго пѣхотнаго полка Сергѣю Марченко, уволь-ненному въ отпускъ въ Петроградъ срокомъ на 21 день по семейнымъ обстоятельствамъ, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Печать. Подписи.

Но отъѣздъ мнѣ пришлось неожиданно ускорить и бѣжать изъ Бѣлецковки еще 31-го и вотъ почему. Около 8-ми вечера въ маленькую гостиную нашего дома вбѣжалъ взволнованный Петръ, который долженъ былъ со мной ѣхать, и крикнулъ:

— Ваше Скобл., бѣжать надоть, крестьяне за вами идутъ!

Оказалось, что въ сельскомъ совѣтѣ рѣшили меня арестовать. Объ этомъ онъ узналъ, будучи по какому то дѣлу въ деревнѣ, и немедленно бросился меня предупредить.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ довольно большую толпу вооруженныхъ, чѣмъ попало, крестьянъ, шедшихъ къ намъ.

Раздумывать было нечего. Я мигомъ переодѣлся, вѣрнѣе, на свою офицерскую форму натянулъ солдатскую рубашку, брюки, надѣлъ шинель и изъ подъ фуражки выпустилъ ухарскій, по тогдашней модѣ, клокъ волосъ.

Я едва успѣлъ проститься съ обитателями маленькаго дома и обмѣняться послѣдними фразами съ Ю. А. Денъ, какъ вооруженная толпа входила въ усадьбу. Еще одинъ послѣдній поцѣлуй маленькому моему Тити, Юлія Александровна благословляетъ меня дрожащей рукой...

— Храни васъ Господь! — слышится мнѣ вслѣдъ ея голосъ, и мракъ зимней ночи скрываетъ отъ меня ея фигуру, вышедшую проводить меня на террасу дома, обращенную къ обрыву.

Мы съ Петромъ кубаремъ скатываемся съ него и оказываемся въ плавняхъ.

Въ кромѣшной тьмѣ мы огибаемъ имѣніе и выходимъ на чистое вспаханное поле. Гдѣ то вдали мерцаютъ огоньки. Это Бѣлецковка. Вскорѣ и они скрываются изъ виду, и мы остаемся одни среди безпредѣльныхъ черноземныхъ полей.

ГЛАВА XXV.

— Откеля, товарищи? — освѣдомляется нѣсколько солдатъ, сидѣвшихъ на своихъ сундучкахъ на платформѣ маленькой станціи „Бурты“, тускло освѣщенной керосиновымъ фонаремъ, и куда мы усталые и изнеможенные пришли послѣ двухчасовой безостановочной ходьбы по пахоти.

— Въ деревню жрать ходили... съ хронта три дня, какъ не жрамши были. На станціяхъ кипятку нѣтути... идолы проклятые... на фронтѣ страдали, а тутъ тебѣ никакого удобствія! — отвѣчаетъ имъ Петръ, и скоро между нимъ и солдатами завязывается оригинальный разговоръ.

Я чувствую себя не по себѣ. Впервые мнѣ приходится быть въ такомъ положеніи и я, стараясь не ввязываться въ разговоръ, отхожу отъ нихъ и въ раздуміи прохаживаюсь по темнымъ подъѣзднымъ путямъ. До меня доносятся отдѣльныя фразы:

— Повоевали и баста, кончать пора... Теперь, какъ бы землицы получить... Теперь сказывають, земля то вся наша... вѣстимо наша, а то чья, буржуйская, что ли?... А какъ не дадутъ? Не дадутъ? Не дадутъ. Дуракъ ты... Мы хронтовали... Сказываютъ, у насъ въ Александровкѣ Василій Ивановичъ уже Богу душу отдалъ... Артемовъ ему брюхо штыкомъ пропоролъ, когда онъ дома отдавать не хотѣлъ... Туда собакѣ и дорога, попилъ нашей кровушки, теперь, значитъ, буржуевъ капиталистовъ и тамъ всякихъ разныхъ прочихъ помѣщиковъ долой, къ чортовой матери на рога! Шалишь, теперь наше время, наше право, свобода, значитъ, наша взяла! Ну и офицера то, какъ они смотрѣть будутъ? Офицера... плевать хотѣлъ... тѣ, ежели что съ нами, пожалуйста, за милое здоровье, а ежели тѣ, которые золотопогонники, то значитъ въ расходъ! У насъ товарищи въ мигъ батальоннаго къ дереву пригвоздили, какъ онъ погоновъ снять не захотѣлъ... А у насъ погонами по мордѣ били... Ишь ты, а здорово придумали, погонами по мордѣ, чтобъ, значитъ, зналъ нашихъ.

Солдаты расхохотались при этомъ разсказѣ. Мнѣ было больно слушать всю эту мерзость. До чего мы дожили! Какой позоръ, какой ужасъ!

— А што это у тебя товарищъ такой дошлый? — донеслось до меня.

— А онъ больной, отвѣтилъ Петръ.

— Что у него? — не унимался голосъ.

— Чихотка, сказываетъ.

— Чихотка? — и въ голосѣ слышалось недовѣріе.

Къ счастію моему, разговоры прекратились, такъ какъ къ станціи со стороны Кременчуга подходилъ длиннѣйшій товарный поѣздъ. Онъ былъ переполненъ солдатами. Изъ нѣкоторыхъ вагоновъ неслись пьяные крики и нестройное пѣніе солдатскихъ пѣсенъ. Наконецъ, мы влѣзли въ одинъ изъ вагоновъ, къ нашему удивленію бывшему на половину пустымъ. Удивленіе наше скоро объяснилось. Въ вагонѣ одна изъ дверей была на половину выломана, и въ немъ было, пожалуй, холоднѣе, чѣмъ на улицѣ, такъ какъ сквознякъ былъ страшный, но дѣлать было нечего. Мы забились въ уголъ и усѣлись на наши узелки плотнѣе другъ къ другу. Я былъ счастливъ, когда поѣздъ загромыхалъ, и мы стали удаляться отъ „Буртовъ“. Погони бояться было нечего.

Изъ всѣхъ вагоновъ неслись дикіе крики:

— Крути, Гаврила! Наворачивай! По кульерскому!

Солдаты, недовольные медленнымъ движеніемъ поѣзда, думали своимъ галдежомъ подбодрить машиниста.

Въ сосѣднемъ вагонѣ играла гармонія, и кто то фальшивымъ фальцетомъ ухарски выводилъ:

Но-ч-ка темная, Маруся,
проводи меня, боюся!

А хоръ пьяными голосами подхватывалъ:

Провожала, жала
до вокзала-ала,
проводила-ила
и забыла!

Отъ всего пережитаго, отъ этой невообразимой какофоніи и отъ смрада, стоявшаго въ вагонѣ, несмотря на сквозной вѣтеръ, у меня смертельно разболѣлась голова, и я, ничего не соображая, прикурнулъ на плечѣ Петра и къ утру забылся тяжелымъ полусномъ и былъ разбуженъ зычнымъ окрикомъ:

— Товарищи, кто изъ бывшихъ офицеровъ, давайте ваши удостовѣренія!

Я открылъ глаза. Поѣздъ стоялъ. Въ дверяхъ вагона я увидѣлъ здоровенную солдатскую фигуру, обвѣшанную пулеметными лентами съ карабиномъ въ рукахъ. Въ вагонѣ царило молчаніе.

— У насъ такихъ нѣтути! — раздался изъ противоположнаго угла вагона чей то голосъ.

— Нѣту, такъ нѣту! — и фигура спрыгнула на платформу.

Я облегчено вздохнулъ.

— А ты почему знаешь, что нѣту? теперь офицера похуже нашего одѣты, народъ умный, шинелишко, смотришь, рванное, а на самомъ дѣлѣ охвицеръ!

Такіе комплименты по адресу офицерскаго ума мнѣ крайне не понравились. Но разговоръ дальнѣйшего развитія не получилъ, и безъ особыхъ приключеній мы къ обѣду дотащились до Харькова.

Прекрасный Харьковскій вокзалъ былъ загрязненъ до неузнаваемости и переполненъ сѣрой солдатской толпой. Повсюду пестрѣли плакаты:

— Всѣ на борьбу съ Царскими опричниками, казаками! долой помѣщиковъ и капиталистовъ! земля и воля трудовому народу! смерть Калединцамъ! Рабочій, исполни свой долгъ, красная гвардія ждетъ тебя!

На вокзалѣ я разстался со своимъ спутникомъ, оставшимся ожидать поѣзда на югъ, сердечно поблагодаривъ его

за оказанную мнѣ услугу. Я успѣлъ уже освоиться со своимъ положеніемъ и чувствовалъ себя много спокойнѣе.

Изъ купленной газеты „Извѣстія Харьковскаго Совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ", я узналъ, что донской атаманъ Калединъ застрѣлился въ Новочеркасскѣ 29-аго января, и что Таганрогъ взятъ красной гвардіей. Въ ней также сообщалось, что генералъ Корниловъ, которому удалось бѣжать изъ Быхова, началъ формировать армію изъ золотопогонниковъ и кадетъ. Далѣе слѣдовали обычныя проклятія, трескучія угрозы стереть въ порошокъ наглыхъ бѣлогвардейцевъ, безпощадно расправиться съ гидрой контръ-революціи, поднимающей свою голову на Дону, и страшныя кары казачеству за его помощь бѣлогвардейской сволочи и. т. д. въ томъ же духѣ.

Передавъ нужному лицу бывшіе при мнѣ документы и письма, я отправился къ графу Келлеру, жившему недалеко отъ центра города.

Когда я проходилъ по одной изъ маленькихъ улицъ и на ходу закусывалъ чайной колбасой, я могъ убѣдиться, что мой гримъ безъ грима, видимо, былъ очень удаченъ, такъ какъ натолкнувшіеся на меня двѣ прилично одѣтыя дамы, взглянувъ на мою фигуру, отпрянули въ сторону и одна изъ нихъ даже вскрикнула: Quel horreur!

Я съ трудомъ удержался, чтобы не расхохотаться.

На мой звонокъ дверь графской квартиры немного пріоткрылась, кто то въ щель осмотрѣлъ меня и, узнавъ, что я желаю видѣть Его Сіятельство, сказалъ:

— Отправляйтесь на кухню. Входъ со двора! — и дверь передъ моимъ носомъ захлопнулась.

Дѣлать было нечего и я покорился. На кухнѣ поваръ въ бѣломъ колпакѣ и фартукѣ также, какъ судомойка и солдатъ, видимо, вѣстовой графа, приняли меня весьма нелюбезно и смотрѣли на меня съ большимъ подозрѣніемъ.

На принесенномъ съ собою листочкѣ бумаги я написалъ свой чинъ, мѣсто служенія, фамилію и причину пріѣзда, запечаталъ его въ конвертъ и передалъ его вѣстовому съ просьбой передать графу. Поваръ желалъ со мной разговориться, но возвращеніе вѣстового помѣшало ему.

— Иди за мной, Его Сіятельство ждетъ.

Вѣстовой проводилъ меня въ кабинетъ. Когда графъ увидѣлъ меня, остановившагося въ дверяхъ, онъ и глазомъ не моргнулъ:

— Здорово, братецъ! — услышалъ я его голосъ.

— Здравія желаю, Ваше Сіятельство! — отвѣтилъ я.

Когда вѣстовой вышелъ и закрылъ дверь за собой, графъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ руку и, сердечно здороваясь, замѣтилъ, смѣясь:

Его Королевское Высочество Принцъ Генрихъ Прусскій. Настоящій портретъ съ собственноручной надписью полученъ авторомъ отъ Его Высочества въ Herrenhaus Hemmelmark. 21. VI. 1919 г.

Ихъ Королевскія Высочества Принцъ Генрихъ и Принцесса Ирена Прусскіе. Настоящій портретъ полученъ авторомъ лично отъ Ихъ Высочествъ въ Herrenhaus Hemmelmark 10. III. 1922 г.

— Ну и видъ же у васъ, голубчикъ мой, прямо хоть куда!

Я впервые видѣлъ графа и онъ сразу же произвелъ на меня неотразимое впечатлѣніе. Чѣмъ то средневѣковымъ, рыцарскимъ вѣяло отъ этой высокой стройной фигуры. Въ карихъ добрыхъ глазахъ сквозила непреклонная воля и твердость духа, а голосъ звучалъ стальными, рѣшительными нотками. Я передалъ ему привезенныя письма, которыя онъ внимательно прочелъ.

— Меня спрашиваютъ, какъ я отношусь къ событіямъ? — началъ онъ, — я писемъ вамъ давать не буду, теперь это опасно. Передайте на словахъ въ Петербургѣ, что я считаю какія либо выступленія преждевременными, и лично ни на какіе авантюры не войду. Калединъ застрѣлился, потерявъ вѣру въ казаковъ, начавшихъ бунтовать, вмѣсто того, чтобы оказать помощь его начинаніямъ, да и изъ Корниловскаго предпріятія ровно ничего не выйдетъ, помяните мое слово... Не мѣсто на Дону собирать офицеровъ, это не плацдармъ для такихъ начинаній. Кончится гибелью. Погибнутъ тысячи невинныхъ жизней... Россія не можетъ возстановить порядокъ безъ опоры на какое либо иностранное государство съ его технической и матеріальной помощью. Безъ этой помощи нельзя создать боеспособную армію. Во всякомъ случаѣ, пока не увижу, что такая помощь можетъ быть оказана и будетъ реально осуществлена, я ни на какія выступленія не соглашусь, такъ какъ считаю ихъ безполезными.

Кромѣ того, всѣ эти революціонные лозунги еще не изжились. Корниловъ — революціонный генералъ, ему и карты въ руки, пускай пытается спасать россійскую демократію... теперь, быть можетъ, время для этого. Я же могу повести армію только съ Богомъ въ сердцѣ и Царемъ въ душѣ. Только вѣра въ Бога и въ мощь Царя могутъ спасти насъ, только старая армія и всенародное раскаяніе могутъ спасти Россію, а не демократическая армія и „свободный“ народъ. Мы видимъ, къ чему насъ привели свобода: — къ позору и невиданному униженію... Такъ и передайте, что я считаю выступленіе не своевременнымъ. Быть можетъ, я пессимистъ, но думаю, что правильно смотрю на положеніе вещей.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ каждое слово, сказанное мнѣ этимъ незаурядным человѣкомъ.

Узнавъ, что я хочу, во что бы то ни стало, проѣхать въ Тобольскъ, графъ вполнѣ одобрилъ мое желаніе, попросивъ меня, если будетъ возможно, передать Ихъ Величествамъ, что онъ молитвами и всѣми помыслами своими находится съ Ними, жаждетъ лично помочь Имъ, но соз-

наетъ, что это для него не возможно, такъ какъ его слишкомъ хорошо всѣ знаютъ въ лицо. Пожелавъ мнѣ счастливаго пути, графъ еще разъ вкратцѣ повторилъ все сказанное, попрощался со мной, позвонилъ и приказалъ пришедшему вѣстовому проводить меня.

— Спасибо, братецъ, за то, что не забылъ меня, — услышалъ я его голосъ.

— Радъ стараться, Ваше Сіятельство!

— Ну, съ Богомъ, счастливой дороги!

Счастливо оставаться, Ваше Сіятельство! — было моимъ отвѣтомъ, и дверь кабинета захлопнулась за мной.

Вѣстовой проводилъ меня черезъ кухню во дворъ и закрылъ за мной калитку на ключъ.

Первая часть моей задачи была исполнена, теперь оставалось исполнить завѣтное желаніе. Я долженъ проѣхать въ Тобольскъ! Съ этой упорной мыслью я на третьи сутки со дня выѣзда изъ Харькова пріѣхалъ въ Петербургъ послѣ невѣроятно тяжелаго пути. Я не буду его описывать во всѣхъ подробностяхъ, скажу только, что безпробудное хамство, окружавшее меня за три дня пути, окончательно закалило меня, и я сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ разговорамъ о проклятыхъ буржуяхъ, капиталистахъ и офицерахъ, пьющихъ народную кровь, и только никакъ не могъ понять, какъ я могъ допустить такое упущеніе, и ни разу въ жизни не попробовалъ этой дряни.

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Петербургъ, я навѣстилъ Маркова 2-го на конспиративной квартирѣ. Какъ онъ, такъ и В. П. встрѣтили меня болѣе, чѣмъ радушно. Я передалъ Маркову 2-ому привезенныя письма и съ возможной точностью содержаніе бесѣды съ графомъ. Въ концѣ разговора, я попросилъ Маркова 2-ого помочь мнѣ, какъ можно скорѣе, проѣхать въ Тобольскъ, чистосердечно заявивъ, что для поѣздки у меня нѣтъ матеріальныхъ средствъ, а также необходимыхъ документовъ, такъ какъ мое удостовѣреніе теряетъ въ Петербургѣ свою силу и должно быть замѣнено другимъ.

Марковъ 2-ой очень сочувственно отнесся къ этому моему желанію, такъ какъ отъ Сѣдова все еще не было никакихъ извѣстій, а кромѣ него никто не былъ еще отправленъ изъ Петербурга, но прибавилъ, что, къ сожалѣнію, въ данный моментъ у организаціи нѣтъ свободныхъ средствъ для отправки кого либо въ Тобольскъ, что же касается документовъ, то ихъ имѣется въ изобиліи и за этимъ остановки не будетъ.

Отсутствіе средствъ, по словамъ Маркова 2-ого было чисто случайнымъ, такъ какъ небольшія суммы въ органи-

зацію хотя и притекаютъ, но онѣ не достаточны для широкаго веденія дѣла, и что въ данную минуту его главнѣйшей работой и является усиленный сборъ необходимыхъ капиталовъ. Что же касается вѣрныхъ людей для исполненія задачи освобожденія Царской Семьи, то ихъ болѣе, чѣмъ достаточно, они всѣ организованы и только и ждутъ отправки.

Скажу откровенно, что такое заявленіе Маркова 2-го о положеніи организаціи поразили меня, но я стремился пересилить свое сомнѣніе и до самаго отъѣзда изъ Петербурга не терялъ вѣры въ силу дѣятельности Маркова 2-ого, привитую мнѣ г-жей Денъ.

Къ тому же, слышанные мною разговоры на конспиративной квартирѣ и переговоры съ различными лицами, при которыхъ обсуждались вопросы не только политическіе, но и таковые чисто государственнаго характера, равно какъ и планы возстанія и мѣропріятій на случай переворота, все это достаточно убѣдительно доказывало мнѣ, что организація существуетъ, что она живетъ и что отсутствіе денегъ является лишь временнымъ явленіемъ такъ какъ трудно было себѣ представить, чтобы всѣ эти широкіе замыслы проводились въ жизнь и были мыслимы въ организаціи, имѣющей гривенникъ въ карманѣ.

Изъ всего слышаннаго я понялъ также, что установлена связь съ нѣмцами черезъ ихъ представителей, появившихся въ Петербургѣ подъ видомъ членовъ различныхъ комиссій.

Недѣли за двѣ до своего отъѣзда въ Тобольскъ, я отъ своихъ знакомыхъ узналъ, что кромѣ нашей организаціи, интересуется судьбой Ихъ Величествъ еще и сенаторъ Туганъ-Барановскій, братъ профессора, который яко-бы имѣетъ связь съ Тобольскомъ, гдѣ находятся посланные имъ туда еще въ 1917-году вѣрные люди, сумѣвшіе конспиративно тамъ устроиться, и что онъ предполагаетъ отправить туда еще нѣсколько человѣкъ, повидимому, располагая кое какими средствами. Дѣйствуетъ ли онъ по порученію какой либо организаціи, или на свой рискъ и страхъ, мнѣ мои знакомые сказать не могли, но фактъ отправки людей въ Сибирь былъ имъ доподлинно извѣстенъ, и они рекомендовали мнѣ обратиться къ нему для полученія информаціи.

Не желая предпринимать чего либо самостоятельно, я передалъ Маркову 2-ому все слышанное мною, и получилъ слѣдующій отвѣтъ:

— Совершенно правильно, мнѣ извѣстно, что этотъ господинъ, братъ краснаго профессора, почему то интересуется Тобольскомъ и посылаетъ туда людей, но мы особаго

довѣрія къ нему не питаемъ и предпочитаемъ дѣйствовать самостоятельно. Если хотите, обратитесь къ Туганъ-Барановскому, но я вамъ этого рекомендовать не могу!

На это я отвѣтилъ Маркову 2-ому, что если онъ относится отрицательно къ дѣятельности Туганъ-Барановскаго, то, вѣроятно, имѣетъ на это какія либо вѣсскія основанія, и поэтому я къ нему обращаться не буду, такъ какъ считаю, что чѣмъ меньше людей будутъ знать о нашей работѣ, тѣмъ лучше, въ особенности, если этимъ людямъ нельзя вполнѣ довѣрять. Я еще разъ завѣрилъ Маркова 2-ого, что разъ я ему въ свое время подчинился, то я теперь не считаю себя въ правѣ по такому важному вопросу предпринимать какіе либо самостоятельные шаги.

Марковъ 2-ой поблагодарилъ меня за такую мою вѣрность ему и его организаціи. На этомъ наши разговоры и окончились и я къ сенатору Туганъ-Барановскому не обратился.

Принимаемый, какъ родной и близкій, я часто бывалъ у А. А. Вырубовой въ ея маленькой квартиркѣ на 6-омъ этажѣ на Фурштадтской улицѣ. За недѣлю до моего пріѣзда въ Петербургъ, она потеряла своего отца, скончавшагося 25-го января. Это новое горе, свалившееся на нее послѣ всего ею пережитаго и перенесеннаго, окончательно убило ея. Я только могъ преклониться передъ ней, съ такимъ христіанскимъ смиреніемъ и такъ безропотно несшей тяжелый крестъ, возложенный на нее Господомъ Богомъ, и въ своемъ горѣ ни на минуту не забывавшей о Тобольскихъ Узникахъ, помогавшей Имъ послѣдними деньгами и вещами, и своими письмами ободряя Ихъ въ Ихъ одиночествѣ.

Дѣятельной помощницей Вырубовой въ дѣлѣ облегченія участи Царской Семьи была нынѣ покойная жена генерала Сухомлинова, Екатерина Викторовна, проявившая къ Ихъ Величествамъ много трогательной внимательности. Ее можно поставить въ примѣръ многимъ и очень многимъ нашимъ придворнымъ дамамъ, хотя она не только не была таковой но, напротивъ, да начала войны не была принята при дворѣ ни разу, а потомъ всего нѣсколько разъ, и никогда не пользовалась благоволѣніемъ и милостями Ихъ Величествъ, скорѣе даже отрицательно относившихся къ ней. Но не смотря на все это, она не забыла Императорской Семьи въ тяжелые для Нихъ дни и, какъ я уже писалъ, помогала Ей по мѣрѣ силъ и возможности. Въ половинѣ февраля Марковъ 2-ой обратился ко мнѣ съ просьбой, чтобы я познакомилъ его и устроилъ ему свиданіе съ Вырубовой, такъ какъ онъ хочетъ переговорить съ ней, какъ съ человѣкомъ, наиболѣе близкимъ къ Императорской Семьѣ

и сохранившимъ съ Ней связь. Свиданіе ихъ состоялось на одной нейтральной квартирѣ.

Марковъ 2-ой обратился къ А. Вырубовой съ горячей рѣчью, справедливо указавъ на твердо-каменное равнодушіе къ судьбѣ Ихъ Величествъ со стороны бывшихъ придворныхъ круговъ. Подчеркнувъ необходимость посылки офицеровъ въ Тобольскъ, онъ указалъ, что для этого необходимы большія средства, и что ихъ должны дать тѣ, кто были близки къ Ихъ Величествамъ.

А. А. Вырубова отвѣтила ему, что она жертвуетъ своимъ послѣднимъ для Императорской Семьи, но что она никогда не была близка съ большинствомъ придворныхъ лицъ и поэтому не можетъ имѣть на нихъ какого либо вліянія въ этомъ отношеніи, да и физически не въ состояніи много передвигаться, что необходимо для посѣщенія тѣхъ или другихъ лицъ.

Марковъ 2-ой собенно подчеркнулъ ей, что у него находится до ста офицеровъ въ полной готовности, снабженныхъ необходимыми документами и готовыхъ въ любую минуту къ отъѣзду.

А. А. Вырубова обѣщала Маркова 2-му сдѣлать все возможное, чтобы, кромѣ меня, отправить еще нѣсколькихъ офицеровъ.

Но это не удовлетворило Маркова 2-ого и онъ, должно быть для вящей убѣдительности, пройдясь на тему объ измѣнѣ придворныхъ и аристократическихъ круговъ, что ни съ какой стороны не касалось Вырубовой и въ чемъ ее нельзя было упрекнуть, пригрозилъ, что если эти круги не придутъ на помощь, то онъ въ состояніи поднять противъ нихъ бѣлый терроръ, на подобіе имѣющагося уже краснаго!

На этомъ бесѣда Маркова 2-го съ Вырубовой и закончилась.

Какъ то разъ я встрѣтилъ у Вырубовой новое лицо. Это былъ высокаго роста еще молодой человѣкъ блондинъ съ подстриженными усиками съ сѣро-зелеными вдумчивыми, проницательными глазами и съ какой то особенной одухотворенностью въ лицѣ. Онъ оказался Б. Н. Соловьевымъ, мужемъ старшей дочери Г. Распутина и который, какъ мнѣ сказала Вырубова, много помогаетъ Ихъ Величествамъ, поддерживая связь между Ними и ею. Онъ вскорѣ уѣхалъ въ Тобольскъ съ вещами для Ихъ Величествъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ знакомства съ Марковымъ 2-ымъ, А. Вырубова сообщила мнѣ, что въ состояніи отправить трехъ человѣкъ, включая и меня, о чемъ и проситъ сообщиить Маркову 2-му, что я немедленно и сдѣлалъ. Только черезъ три дня я могъ сообщить ей фамиліи лицъ,

которыхъ Марковъ 2-ой предполагаетъ отправить вслѣдъ за мной.

Я былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду, но не имѣлъ только документа, который мнѣ обѣщалъ выдать Марковъ 2-ой. Дни проходили, а документа я все никакъ не могъ получить.

Выручилъ меня слѣпой случай. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ Н. Н. Родзевичъ изъ Одессы, заѣзжавшій по дорогѣ въ Бѣлецковку. Онъ разсказалъ мнѣ, что крестьяне перерыли оба дома, думая, что я тамъ скрываюсь, но, не найдя и слѣда моего, особыхъ непріятностей обитателямъ его не причинили.

Узнавъ о моемъ затрудненіи въ неимѣніи для поѣздки въ Тобольскъ соотвѣтствующихъ документовъ, онъ далъ мнѣ два бланка 449-го пѣх. Харьсковскаго полка. Оказывается, что Ю. А. Денъ дала ихъ ему въ Бѣлецковкѣ на всякій случай на дорогу, и такимъ образомъ, сама того не подозрѣвая, помогла мнѣ.

Въ тотъ же день я сидѣлъ на Невскомъ на нашей конспиративной квартирѣ No. 1 и печаталъ на машинкѣ текстъ удостовѣренія. Дойдя до фамиліи мифическаго солдата, отправляющагося въ Ишимъ въ распоряженіе Воинскаго начальника, я задумался надъ фамиліей. Случайно посмотрѣвъ въ окно, я увидѣлъ большую вывѣску на углу Владимірской и Невскаго „Соловьевъ и С-ья“, и почему то пропечаталъ эту фамилію на удостовѣреніи. Когда я съ гордостью показалъ свои документы А. Вырубовой, она пришла въ ужасъ.

— Что вы надѣлали, Сережа, вѣдь Соловьевъ же зять Гр. Еф. Распутина!

Я совершенно упустилъ это обстоятельство изъ виду, но делать было нечего, стереть фамилію было нельзя.

Передъ отъѣздомъ я купилъ книги въ подарокъ Ихъ Величествамъ отъ себя: Наслѣднику „Огнемъ и Мечемъ“ Сенкевича и „Отрокъ-Властелинъ“ Жданова, Великимъ Княжнамъ нѣсколько книгъ Лейкина и Государынѣ три англійскихъ романа. Отъ Вырубовой я получилъ свою книгу, которую далъ ей для прочтенія, „Земная жизнь Іисуса Христа“, и на которой она сдѣлала надпись „Анка“, которую я предназначилъ для Государыни. Кромѣ того, я получилъ отъ Вырубовой свертокъ вещей для Ея Величества, фотографію покойнаго ея отца, письма, какъ отъ нея, такъ и отъ Екатерины Викторовны Сухомлиновой и дочери генерала гр. Фредериксъ, Эммы Фредериксъ, и срѣзанный гіацинтъ.

Вырубова поручила мнѣ обратится въ Тобольскѣ къ

настоятелю Благовѣщенской церкови, о. Алексѣю Васильеву, и отъ него уже получить дальнѣйшія указанія.

Отъ Маркова 2-ого я получилъ инструкцію найти въ Тобольскѣ Сѣдова и дать по пріѣздѣ письменно информацію по условному адресу и 240 рублей на дорогу.

Штабсъ-ротмистръ Кавалергадскаго полка Гринвальдъ и сынъ чтена Государственнаго Совѣта Андреевскаго, С. Андреевскій, которые должны были выѣхать черезъ нѣсколько дней послѣ меня, также готовились къ отъѣзду.

Наконецъ, 1-го марта, сборы мои были кончены, и я со сверткомъ въ рукахъ, состоявшимъ изъ книгъ, нѣсколькихъ смѣнъ бѣлья и 800 рублей въ карманѣ, распрощавшись съ А. Вырубовой и Марковымъ 2-ымъ, отправился на Николаевскій вокзалъ. Хотя имѣвшихъ денегъ могло хватить только въ обрѣзъ и, въ случаѣ неожиданной задержки гдѣ либо, я рисковалъ не доѣхать до Тобольска, мнѣ все было ни по чемъ! Я былъ счастливъ, что уѣзжаю въ Тобольскъ, и твердая вѣра въ милость Божью придавала мнѣ силы и бодрость, и я былъ увѣренъ, что доберусь до Тобольска.

ЧАСТЬ III[ья].

ГЛАВА I.

...Николаевская площадь была освѣщена нѣсколькими фонарями, тускло мерцавшими сквозь промозглую мглу, въ этотъ вечеръ окутавшую городъ.

Я подходилъ къ памятнику Императору Александру III-ему. Грузный мѣдный всадникъ по прежнему стоялъ на своемъ мѣстѣ, могучей рукой сдерживая шагъ своего великана коня.

Я невольно остановился передъ нимъ. Памятникъ, еще недавно угнетавшій меня своей непомѣрной громоздкостью и безвкуснымъ исполненіемъ, памятникъ, который всѣ критиковали, считая его чуть ли не оскорбленіемъ памяти усопшаго Государя, въ эти минуты произвелъ на меня совершенно иное впечатлѣніе. Въ этомъ колоссѣ я почувствовалъ не только силу и мощь Царя, непоколебимо правившаго своей Родиной, но и всю державную мощь Россійской Имперіи...

Мнѣ показалось, что революція это сонъ, что могучая Россія жива.

— Европа можетъ подождать, когда Русскій Императоръ отдыхаетъ... вспомнились мнѣ слова покойнаго Государя.

— Ванька! За мной! Товарищи, на военную! Куда прешь, стерва! А?

Изъ главнаго хода вокзала валила толпа распоясанныхъ солдатъ съ котомками, сундучками и просто узлами за плечами. Толпа дико орала, слышалась мерзѣйшая брань.

Нѣсколько женщинъ, спѣшившихъ на вокзалъ, сбили съ ногъ. Одна упала съ ребенкомъ прямо въ грязь и пронзительно кричала, ребенокъ плакалъ.

— Душегубы проклятые... Спасатели, граждане, прости Господи! — причитала баба.

— Молчи, вѣдьма, а то живо духъ выпущу! — гаркнулъ ей пробѣгавшій солдатъ съ громаднымъ вихромъ, выбивавшимся изъ подъ заломленной фуражки съ полуоторваннымъ козыркомъ, и грубо пихнулъ бабу ногой. Я стоялъ остолбенѣлый около памятника и съ ужасомъ наблюдалъ эту картину.

Наконецъ, изъ главнаго подъѣзда показалась небольшая группа штатскихъ и солдатъ съ красными повязками на рукавахъ, осаживавшихъ насѣдавшихъ товарищей.

— Товарищи, вали на военную... Оттеля поѣздъ идетъ... Спеціально для васъ, товарищи! — распоряжался какой то мальчишка въ солдатской шинели.

— Гай-да, товарищи, на военную! Крути, Гаврило!

— Начальнику станціи штыкъ въ пузо, ежели поѣзда не дастъ, буржуи ѣздятъ, а мы на платформахъ подыхай! Мы страдали, а они что!

Толпа съ бранью стала уходить на Лиговку. Мой поѣздъ шелъ по расписанію въ 10 часовъ 20 минутъ.

Я еще разъ взглянулъ на памятникъ.

— Вотъ, это бывшая Россія, а это настоящая...

Вокругъ меня висѣла площадная брань.

На военную платформу пускали по очереди. Толпа дико гоготала. Царила невѣроятная давка. Я приготовилъ свое удостовѣреніе. Этому клочку бумаги, сфабрикованному мною на нашей конспиративной квартирѣ на Невскомъ, предстояло выдержать первое испытаніе. Мнѣ сдѣлалось немножно не по себѣ.

Пройдетъ или не пройдетъ? — мелькала мысль.

Наконецъ, подъ напоромъ сзади стоящихъ товарищей, я очутился около завѣтныхъ воротъ. Какой то косматый солдатъ выхватилъ у меня изъ рукъ бумажку.

— Проходи, товарищъ! — услышалъ я его хриплый голосъ.

— Слава Богу!

Я не заставилъ себя ждать и сталъ усиленно тискаться впередъ.

Впереди образовалась громадная очередь. Раздавались крики:

— Довольно намъ воинскихъ начальниковъ! Попили нашей кровушки! Чаво смотрѣть! Напирай, товарищи! Вали на плацформу!

Толпа давила плечомъ, на движенія никакого не было. Наконецъ, мы медленно поползли впередъ.

Въ деревянномъ баракѣ около платформы съ надписью „Военный Комиссаръ“ снова отбирали документы и ставили на нихъ печати. Это обстоятельство совсѣмъ мнѣ не понравилось. Съ облегченнымъ сердцемъ я выскочилъ на перронъ послѣ того, какъ на моемъ документѣ оказался штемпель: Военный Комиссаръ Николаевскаго вокзала.

Къ моему удивленію, военная платформа была запружена разношерстнымъ людомъ, состоявшимъ изъ бабъ, дѣтей и большого количества штатскихъ, фабричныхъ рабочихъ и, наконецъ, просто подозрительныхъ оборванцевъ. Платформа была завалена невѣроятнаго вида скарбомъ, кулями, тюками, корзинами и сундуками. На одной кучѣ вещей красовался граммофонъ съ помятой трубой. Какъ

мнѣ объяснили, это были бѣженцы изъ Ямбурга и Нарвы, бѣжавшіе при послѣднемъ германскомъ наступленіи. Зачѣмъ она бѣжали и куда лежалъ ихъ путь, они и сами того хорошо не знали. Насѣдавшіе со стороны Лиговки солдаты переполнили платформы и даже свободные пути, что называется, черезъ край.

Дѣлалось что то уму непостижимое. Было 10 часовъ 30 минутъ, но поѣзда и въ поминѣ не было.

Осмотрѣвшись вокругъ, я былъ пораженъ присутствіемъ въ этой давкѣ и толчеѣ бабъ торговокъ, продававшихъ колбасу, подобіе хлѣба и другую снѣдь. За рубль я купилъ полфунта чайной колбасы и кусокъ хлѣба. Когда я попробовалъ и то и другое, мнѣ едва не сдѣлалось дурно: Колбаса была не „чайная“, а „отчайная“. Вещество, изъ котораго была сдѣлана колбаса, было мнѣ совершенно не извѣстно. Быть можетъ, это была конина, быть можеть, псина. Хлѣбъ былъ несъѣдобнымъ суррогатомъ. цвѣлой и съ трудомъ разжевываемый.

— Товарищи, которые на Вологду, за мной! Поѣздъ идетъ съ пятаго путю! — раздался чей то пронзительный голосъ.

Точно лавина, хлынувшая съ горы, ринулась толпа солдатъ съ платформы на рельсы сквозь стоявшій составъ классныхъ вагоновъ. Невыносимый ревъ, густая брань, звонъ разбиваемаго стекла, трескъ высаживаемыхъ дверей стоялъ въ воздухѣ...

Абсолютно не понятнымъ для меня образомъ я очутился на пятой платформѣ. Правда, пуговицы на моемъ пальто держались на ниточкѣ и въ боку я ощущалъ довольно сильную боль. Кто то ударилъ меня въ давкѣ краемъ сундучка, но все же я былъ на пятой платформѣ, а къ ней подходилъ, тяжело дыша, длинный поѣздъ, состоящій изъ товарныхъ вагоновъ. Поѣздъ, который рано или поздно (я уже забылъ о расписаніи) долженъ былъ унести меня „туда“, въ то далекое далеко, гдѣ были Они, гдѣ томились Тѣ, Которымъ я вѣрно служилъ, Которымъ я поклонялся, на Которыхъ молился, мои горячо любимыя Ихъ Величества!

Поѣздъ тронулся. Я снялъ шапку и перекрестился. При свѣтѣ спички я убѣдился, что часы показывали 4 часа утра. Въ вагонѣ царило какое то жуткое молчаніе. Видимо, никому не вѣрилось, что мы ѣдемъ и двигаемся впередъ, что есть, хоть и отдаленная, но все же маленькая надежда, что рано или поздно дополземъ до Вологды...

— Товарищи, у кого свѣчка есть, а то морду разбить можно! — раздался голосъ изъ противоположнаго конца вагона. Чиркнула спичка, слабымъ свѣтомъ озаривъ наше

убѣжище, зажегся огарокъ. При свѣтѣ сдѣлалось какъ то легче на душѣ.

Я осмотрѣлся вокругъ. Простой товарный вагонъ безъ всякихъ признаковъ печки, притомъ, видимо, недавно перевозившій скотъ, оставившій по себѣ на полу память, былъ биткомъ набитъ.

Я сразу оцѣнилъ свое положеніе. Съ одной стороны, мое нахожденіе въ углу вагона было блестящимъ, мнѣ было тепло, съ другой стороны, я не могъ, при самомъ горячемъ желаніи, вылѣзть изъ своего закоулка. Передо мной сидѣла на узлѣ баба, кормившая грудью ребенка. Передъ бабой корзина небывалыхъ размѣровъ, на корзинѣ ворохъ узловъ, а передъ корзиной трое товарищей на сундучкахъ. Дверь была завалена какими то рогожными тюками. Справа отъ меня до стѣнки на котомкахъ и узлахъ сидѣло, другъ къ дружкѣ прижавшись, 20 человѣкъ грязныхъ, растерзанныхъ солдатъ, отъ которыхъ нестерпимо разило какой то специфической острой гнилью, смѣсью пота, кислой капусты и затхлой кожи. Въ серединѣ вагона на двухъ солидныхъ сундучкахъ лежалъ нѣкій штатскій субъектъ въ картузѣ, тотъ самый, который любезно предоставилъ свой огарокъ.

Всего, по моему подчету, въ вагонѣ было „упаковано“ 55 человѣкъ, не считая дѣтей и груды домашняго скарба. Температура была ниже нуля, такъ какъ на воздухѣ термометръ показывалъ минусъ восемь.

Замерзнуть я не боялся, но задохнуться было весьма не трудно! Разговоры въ вагонѣ не клеились. Всѣмъ хотѣлось спать. Только въ углу слышенъ былъ разговоръ:

— Нѣмцы, проклятые, безпремѣнно заберутъ Питеръ! Ужъ больно прутъ, сволочи! Сначала все было хорошо, побратавшись мы съ ними были... Мы имъ хлѣбъ, а они намъ водку, а значитъ, третева дня, какъ напрутъ... Мы имъ — товарищи, мы безъ анекціевъ!... Бросай винтовки! А, они, сволочи, какъ стеганутъ изъ пулемета... Нашъ товарищъ командиръ, хорошій парень, раньше въ поварахъ у бригаднаго служилъ, такой приказъ издалъ: Всѣ по домамъ, потому что мы, значитъ, безъ контрибуціевъ и ни мира, ни войны не желаемъ! И первый, значитъ, на автомобилѣ до лѣсу, а мы, какъ одинъ, по революціонной дисциплинѣ за нимъ... Нѣмцы пострѣляли, пострѣляли и бросили... Одинъ изъ нихъ, видимо, охвицеръ намъ въ догонку кричалъ: „Адью, Руссъ!“ А потомъ что еще про „шнапсъ“, но тутъ ужъ не до шнапсу то было... Не успѣли оглянуться, какъ ужъ и Питербурхъ!... И все у нихъ то охвицера дѣлаютъ, какъ бы не охвицера, то наши товарищи давно бы въ Берлинѣ германскую колбасу жрали,

а такъ безпримѣнно охвицера ихніе Питеръ заберутъ! — раздавались реплики изъ середины вагона.

— Это, товарищи, не охвицера у германцевъ виноваты, что они на насъ прутъ, это они сами... Они народъ сознательный! — замѣтилъ картузъ съ вышины своихъ сундуковъ.

— Со-з-н-а-тельные... Ишь ты... А мы што, не сознательные? А? Ты бы, товарищъ, помалкивалъ, а то мы тебя живо съ сундуковъ стянемъ и по мордѣ наклепаемъ! — тутъ было прибавлено непечатное ругательство. Картузъ промолчалъ и только судорожно вздохнулъ.

Огарокъ безпомощно замигалъ и черезъ минуту мы погрузились въ мракъ. Разговоръ притихъ.

Ночь прошла болѣе или менѣе спокойно.

Когда настало утро и внутренность нашего трясущагося и скрипящаго убѣжища озарилась черезъ маленькое окошко слабыми лучами сѣвернаго солнца, вагонъ зажилъ какой то особенной жизнью. Въ углу кто то отчаянно чихалъ. Товарищъ, грозившій картузу короткой расправой, сочно сморкался на спину своего сосѣда. Картузъ все лежалъ на своемъ сундукѣ, видимо, боясь покинуть насиженное мѣсто и только причитывалъ: „Спаси, Господи, и помилуй!“

За сундукомъ пронзительно ревѣлъ ребенокъ. Плачъ его прерывался тяжелыми приступами коклюша. Мать его успокаивала и чего-то сама плакала въ три ручья.

Политическіе разговоры не поднимались, но между солдатами, сидѣвшими у двери и находившимися внутри вагона завязалась ожесточенная перебранка изъ-за того, что находившіеся у входа не желали „пропущать“ къ выходу. Брань стояла непечатная.

Какъ мнѣ надоѣла эта вѣчная и безконечная ругань! Ругались по всякому поводу и просто безъ повода. Поминали всѣхъ и вся. Богохульствовали. Вообще ругань въ послѣднее время приняла всероссійскіе размѣры. Это было тоже одно изъ завоеваній революціи.

День прошелъ какъ то совершенно незамѣтно. Къ вечеру я совсѣмъ одурѣлъ, вѣрнѣе, отупѣлъ и больше уже не реагировалъ на все, происходящее въ вагонѣ, ни на ругань ни на безпрестанныя передвиженія моихъ сосѣдей отъ середины вагона къ выходу и обратно, ни на бѣшенные атаки на нашъ вагонъ на станціяхъ и ни на не менѣе рѣшительные контръ-атаки нашихъ товарищей, запросто здоровыми тумаками высаживавшихъ стремившихся проникнуть къ намъ.

Снова пришла ночь, а на слѣдующій день я не безъ волненія стремительно выскочилъ изъ вагона, правильнѣе,

былъ выброшенъ на платформу со своимъ тюкомъ напиравшими сзади товарищами.

Первый этапъ былъ пройденъ: Мы пріѣхали въ Вологду!

Вокзалъ походилъ на сумасшедшій домъ. По всѣмъ направленіямъ неслись лавины народа, преобладали сѣрыя шинели. Слышались отчаянные вопли и крики, ругань, ругань безъ конца и края.

Людскимъ потокомъ меня несло къ выходу. Зычный окрикъ отрезвилъ меня:

— Товарищи, которые на Вятку, за мной. — громоподобно орала фигура въ растерзанномъ полушубкѣ, взгромоздившаяся на груду тюковъ.

Съ неимовѣрнымъ трудомъ мнѣ удалось повернуться, и захватившимъ теченіемъ я былъ унесенъ черезъ безконечное количество путей къ поѣзду, состоявшему изъ вагоновъ 3-го класса.

Счастливымъ имянинникомъ почувствовалъ я себя, очутившись на верхней полкѣ одного изъ вагоновъ завѣтнаго поѣзда, около окна. Въ этотъ моментъ это было для меня высшимъ достиженіемъ. И, дѣйствительно, я попалъ точно въ рай послѣ кошмарнаго переѣзда до Вологды.

Я заснулъ, какъ убитый, не проснулся даже при отходѣ поѣзда и только утромъ съ гордостью убѣдился еще разъ въ неприступности своего положенія. Съ высоты своей полки я съ удовольствіемъ наблюдалъ творившееся въ вагонѣ, который былъ набитъ до отказа. Груда храпѣвшихъ и сопѣвшихъ тѣлъ вповалку заполняла все могущее быть занятымъ пространство.

На станціи „Буй“ появился бѣлый хлѣбъ. Всѣ на него накинулись, какъ звѣри, выпущенные изъ клѣтки. Я не удержался и съѣлъ въ одинъ присѣстъ порядочную бѣлую булку, но почувствовалъ себя довольно скверно. Видимо, желудокъ отвыкъ за это время отъ такого обилія пищи.

Поѣздъ шелъ черепашьимъ шагомъ, но я не унывалъ, все-же онъ двигался впередъ и былъ ближе и ближе къ моей завѣтной цѣли.

Въ разговоры съ товарищами я старался не пускаться, но иногда, невольно, приходилось вмѣшиваться въ обсужденіе животрепещущихъ вопросовъ, какими были обыкновенно предположенія, какъ далеко дойдутъ нѣмцы въ Россіи и какъ они отнесутся ко всему у насъ происходящему.

Мое вниманіе привлекъ молодой еще человѣкъ въ солдатской формѣ такъ же, какъ и я, устроившійся на верхней полкѣ рядомъ со своей огромной корзиной. Онъ рѣзко выдѣлялся среди солдатъ своимъ интеллигентнымъ видомъ и часто поддерживалъ меня въ спорахъ. По разсказамъ

Ея Величество Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна
и Анна Александровна Танѣева (Вырубова) въ 1909 г.

оказалось, что онъ артистъ по профессіи, только что демобилизованный и ѣдущій за своей труппой, успѣвшей какимъ то образомъ уже сформироваться и очутиться не то въ Иркутскѣ, не то въ Омскѣ. Бытъ можетъ, это и было такъ, бытъ можетъ, это были все разсказы для отвода глазъ, и онъ былъ такимъ же „артистомъ", какъ я бывшимъ служащимъ пивнаго завода Габербушъ и Шилле въ Варшавѣ, за каковаго я выдавалъ себя.

Въ жизни своей я столько не вралъ, какъ въ эти дни. Въ концѣ концовъ, я до того изоврался въ томъ, кто я такой, что мнѣ стало казаться, что я дѣйствительно бывшій служащій завода Габербушъ, въ 14-омъ году бывшій въ командировкѣ отъ завода въ Омскѣ и котораго война застала въ Ишимѣ, гдѣ онъ былъ призванъ мѣстнымъ воинскимъ начальникомъ, а потомъ, по демобилизаціи, уволенный въ распоряженіе послѣдняго.

Откровенно говоря, нѣтъ ничего болѣе тяжелаго, какъ всякія экспедиціи подъ чужими фамиліями. Чувствуешь себя все время артистомъ на сценѣ, въ котораго впиваются тысячи глазъ. Хорошо, когда это происходитъ въ театрѣ, но много хуже, когда за каждымъ твоимъ словомъ, за каждымъ движеніемъ наблюдаетъне одинъ десятокъ злобныхъ глазъ подозрительныхъ товарищей. Все кажется, что вотъ, вотъ тебя разшифруютъ, и ужъ тутъ навѣрняка поставятъ къ стѣнкѣ.

На шестой день пути дотащился нашъ „хамовозъ" до Екатеринбурга. Нашъ поѣздъ былъ, дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ „хамовозомъ".

Какъ мало на таковое названіе походили Петербургскіе трамваи мирнаго времени, какъ мы, кадеты, ихъ называли этимъ звучнымъ именемъ! Въ приподнятомъ настроеніи отъ сознанія того, что скоро, скоро я увижу моихъ дорогихъ Ихъ Величествъ, я прогуливался по перрону вокзала.

— Товарищъ, можно ли мнѣ съ вами поговорить?

Я вздрогнулъ и обернулся. Передо мной стоялъ мой спутникъ, солдатъ, выдававшій себя за артиста.

— Я хотѣлъ васъ предупредить, что товарищи въ вагонѣ думаютъ, что вы не то лицо, за которое себя выдаете.

Стараясь быть совершенно спокойнымъ, я отвѣтилъ:

— Ну, и идіоты! Изъ чего же это они заключили?

— А да, знаете, какъ то въ разговорѣ вы сказали: „у васъ по новому стилю, у насъ по старому", вотъ они и придрались къ этимъ словамъ „у васъ" и „у насъ" и стали свои заключенія выводить.

Дѣйствительно, я вспомнилъ, что былъ какой то разговоръ на тему о введеніи большевиками новаго стиля, и

я, не помню уже по какому поводу, сказалъ эту фразу, которую эти подлецы и примѣтили.

Вынувъ свое бумаги, я показалъ ихъ своему собесѣднику.

— Конечно, конечно, товарищъ, бумаги самыя подлинныя, я въ томъ нисколько не сомнѣвался, но все же я считалъ своимъ долгомъ васъ предупредить.

Я искренно поблагодарилъ его за любезность и мы вскорѣ разошлись. Этотъ первый промахъ мой въ пути нисколько не обезкуражилъ меня, но ясно показалъ, насколько нужно быть осторожнымъ въ разговорахъ и насколько подозрительны эти распоясанные хамы, казавшіеся столь некультурными и безмозглыми.

На слѣдующій день около 3-хъ часовъ дня нашъ поѣздъ, тяжело дыша, дотащился до Тюмени. Я былъ почти что на мѣстѣ. Распростившись со своими спутниками, крѣпко пожавъ руку солдату-артисту и искренно пожелавъ ему счастливаго пути, я съ облегченнымъ сердцемъ выскочилъ на платформу Тюменскаго вокзала.

ГЛАВА II.

Документовъ на станціи не провѣряли, такъ что я безъ всякихъ затрудненій вышелъ съ вокзала и очутился на большой площади, отъ которой вела хорошо укатаная снѣжная дорога въ городъ, подходившая почти къ самому вокзалу.

На правой сторонѣ площади съ лотковъ торговали бабы торговки разной снѣдью. Въ противоположномъ концѣ стояли ряды саней, по типу похожихъ на наши среднерусскія сани, но очень широкія, низкія и сзади съ высокими спинками. Запряжены они были низкорослыми сибирскими лошадками тройкой или коренникомъ съ одной пристяжной. Чтобы не очень бросаться въ глаза, я втерся въ толпу, сновавшую около лотковъ, и отъ одной торговки узналъ, что стоявшія тройки и есть ямщики, ожидавшіе пассажировъ въ Тобольскъ и въ окрестныя мѣста Тюмени. Запасшись великолѣпной колбасой и хлѣбомъ, я отправился нанимать себѣ возницу.

Послѣ недолгаго торга я нанялъ себѣ ямщика, мѣстнаго татарина, за 30 рублей взявшагося меня отвезти до ближайшей станціи, до которой было 20 верстъ, то есть онъ взялъ съ меня по 1 р. 50 к. съ версты. Предварительно онъ завезъ меня къ себѣ. Домикъ его оказался солидной деревянной избой со службами, и пока хозяинъ приводилъ въ порядокъ сани и закладывалъ ихъ, хозяйка, очень слав-

ная татарка, въ идеально чистой и по своему богато обставленной комнатѣ чистой половины избы поила меня чаемъ.

Когда я собрался садиться въ сани, ямщикъ удивленно посмотрѣлъ на меня, вѣрнѣе на мое осеннее пальто, а главнымъ образомъ на ботинки и освѣдомился, не будетъ ли мнѣ холодно. Я чувствовалъ себя отлично и, несмотря на порядочный морозъ, было не менѣе 15 градусовъ ниже нуля, холода не ощущалъ. Это объяснялось, по моему, абсолютнымъ безвѣтріемъ, поразительной сухостью воздуха и тѣмъ, что заходившее солнце все же, хотя немного, пригрѣвало своими угасающими лучами.

И вскорѣ низкорослая, хорошо кормленная тройка, гремя колокольчиками, быстро понесла меня по окраинамъ Тюмени и черезъ нѣсколько минутъ мы оказались на вольномъ просторѣ бѣлаго снѣжнаго моря. Только гдѣ то вдали виднѣлись лиловой полоской лѣса и дымъ, медленно тающій въ воздухѣ и указывающій на человѣческое жилье. Вечерѣло. Туманная мгла спускалась на землю. Позади насъ стали одинъ за другимъ вспыхивать огоньки, но вскорѣ и они исчезли изъ виду. Тюмень осталась далеко за нами.

Черезъ нѣкоторое время лошади пошли шагомъ, и какъ то незамѣтно мы въѣхали въ лѣсъ. Я былъ подавленъ величественностью картины, представившейся мнѣ. Мы ѣхали среди вѣкового сибирскаго лѣса. Огромныя ели, засыпанныя снѣгомъ, склоняли свои вѣтви надъ дорогой. Взошедшая луна купала лучи свои въ, казалось, заснувшей вѣчнымъ сномъ хвоѣ, а издали подъ этимъ ровнымъ свѣтомъ лѣсъ горѣлъ и переливался, какъ расплавленная платина.

Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ смолы. Дышалось легко и свободно, но вотъ лѣсъ кончился. Раздался гдѣ то вдалекѣ собачій лай.

Сани побѣжали быстрѣй. Вдалекѣ стали виднѣться огни. Почувствовался запахъ дыма.

— Вотъ мы и пріѣхали! — нарушилъ молчаніе мой возница.

Мы въѣзжали въ большое село. Съ любопытствомъ я оглядывалъ постройки. Въ большинствѣ это были большія двухъэтажныя избы съ крылечками, обнесенныя солиднымъ заборомъ, за которымъ скрывались многочисленныя службы.

Въ серединѣ села стояла большая церковь краснаго кирпича съ внушительной колокольней. У насъ, на югѣ, не во многихъ уѣздныхъ городахъ я видѣлъ такія постройки. Во всемъ виднѣлось довольство и зажиточность жителей.

Крестьянинъ, къ которому привезъ меня мой ямщикъ,

оказался здоровеннымъ дѣтиной съ широкой, окладистой русской бородой, съ очень степенной и благообразной женой.

Въ большой горницѣ въ углу передъ образами теплилась лампада, а на стѣнахъ висѣли портреты Государя и Государыни . . .

Мнѣ вся поѣздка, а въ особенности, это патріархальное жилище, казались какимъ то сказочнымъ сномъ. Какихъ нибудь шесть-семь часовъ тому назадъ — дикія рожи распоясанныхъ солдатъ, каторжный цвѣтъ растерзанныхъ шинелей, вездѣсущія красныя тряпки, площадная брань и прочія революціонныя прелести, а тутъ, вдругъ, неугасимая лампада, Царскіе портреты и ласковый говоръ хозяйки, предложившей мнѣ неизмѣнный чай и горячія шанги (родъ лепешекъ изъ кислаго тѣста).

Крѣпла увѣренность въ томъ, что не вся, нѣкогда могучая, Россія покрылась соціалистической и революціонной проказой и что дѣйствительные вѣрноподданные это не тѣ вылощенные придворные и наше общество, которые первыми предали своего Державнаго Повелителя, а простые, неотесанные сибирскіе мужики, твердо хранившіе завѣты предковъ и не боявшіеся открытъ исповѣдывать свои убѣжденія. Для меня стало яснымъ, что мужикъ, подобный тому, у котораго я сидѣлъ въ хатѣ, не одинъ, что такихъ много и что съ небольшими средствами здѣсь легко изъ такого элемента создать прочное ядро преданныхъ Ихъ Величествамъ людей, которые смогли бы оказать большую службу въ дѣлѣ освобожденія Императорской Семьи изъ Тобольскаго плѣна, но для этого нужно имѣть энергичнаго руководителя здѣсь, на мѣстѣ, а не въ Петербургѣ.

Центръ организаціи долженъ быть здѣсь, а въ Россіи только шупальцы ея, изыскивающіе матеріальныя средства безразлично какимъ путемъ. Вспомнились мнѣ напутственныя слова Н. Е. Маркова 2-ого:

— Сережа, я увѣренъ, что намъ удастся устроиться въ Тобольскѣ, и вы помните, что вы останетесь тамъ не одинъ, но за вами, одинъ за другимъ, пріѣдутъ офицеры и. т. д.

Я хорошо помнилъ эти слова, но все же мнѣ было непонятно, почему они не уѣхали сюда уже раньше, и почему мнѣ поручено только разыскать Колю С., который уѣхалъ въ эти мѣста еще въ сентябрѣ прошлаго года. Вспомнилась мнѣ и бѣшенная атака Маркова 2-ого на несчастную А. А. Вырубову съ требованіемъ денегъ. Какъ все это не вязалось со слышанными мною на Новомъ проспектѣ переговорами и разговорами, о замѣщеніи будущихъ административныхъ постовъ, о соединеніи какихъ то организацій и о близости предстоящаго переворота и сверженія большевиковъ!

Скорый переворотъ, заполненіе свободныхъ вакансій и постовъ съ одной стороны, отсутствіе денегъ для священнаго для каждаго изъ насъ дѣла охраненія и освобожденія Царской Семьи съ другой стороны — все это какъ-то не укладывалось въ моей головѣ.

Но твердая вѣра въ М. 2-ого, всѣмъ своимъ обликомъ выражавшаго непреклонную волю и рѣшимость, твердость и настойчивость въ его голосѣ и разговорѣ держали меня подъ его обаяніемъ и всѣ сомнѣнія разсѣивались. Я былъ увѣренъ, что этотъ человѣкъ до конца исполнитъ все, имъ сказанное и обѣщанное...

Съ этими мыслями и думами ѣхалъ я отъ станціи до станціи, плотно закутавшись то въ огромныя бараньи шубы, то въ легкія дохи изъ собачьей шкуры, которыми снабдили меня ямщики, и съ огромными пимами [1] на ногахъ.

Деревни, черезъ которыя пришлось мнѣ проѣхать, были почти всѣ одинаковы, широко раскинуты съ однообразными огромными избами, только татарскія деревни были нѣсколько бѣднѣе, но у нихъ были прекрасныя мечети съ тонкими минаретами, уходившими въ высь. Какъ разъ на разсвѣтѣ я проѣзжалъ черезъ татарскую деревню. Востокъ горѣлъ яркимъ пламенемъ восходящаго солнца. Снѣжное поле, искрясь, то розовѣло, то краснѣло подъ его лучами. Сани медленно катились по главной улицѣ просыпающагося села.

— Иль, Аллахъ, — услышалъ я протяжный голосъ.

На балкончикѣ высокаго минарета я увидѣлъ сѣдобородаго старика, созывавшаго правовѣрныхъ на утреннюю молитву. Какъ знакома мнѣ была эта картина! Сколько разъ наблюдалъ я ее у себя, въ Крыму, при восходѣ яркаго, южнаго солнца, когда вся земля благоухала ароматами магнолій, сирени и нѣжныхъ, лиловыхъ глицинiй, гдѣ глаза такого же старика-муллы были устремлены на безбрежную синеву уснувшаго, казалось, въ сладкой истомѣ моря. И вдругъ, здѣсь та же картина, но съ безбрежнымъ снѣжнымъ моремъ, далекими, вѣковыми лѣсами и холодными лучами сѣвернаго солнца. Я весь былъ подъ впечатлѣніемъ такого контраста.

На одной изъ остановокъ мое вниманіе привлекъ сгорбленный старикъ, сидѣвшій въ избѣ, гдѣ я ожидалъ новыхъ саней, приходившійся моему ямщику, вѣроятно, пра-прадѣдушкой. Старикъ былъ довольно бодрый и разговорился со мной. Изъ разговоровъ выяснилось, что ему было, по крайней мѣрѣ, 110—115 лѣтъ, потому что онъ мнѣ разсказывалъ про тѣ времена, когда въ Сибири скакали

[1] Сибирскія валенки съ пришивной подошвой.

курьеры Государя, но какого онъ назвать не могъ, сообщавшіе о большой войнѣ, бывшей въ Россіи съ „разными иноплеменниками“...

Старику, по его словамъ, было въ то время 10 лѣтъ. Самъ же онъ своего возраста не зналъ, и на мой вопросъ отвѣтилъ какъ то равнодушно:

— А не знаю, сынокъ... Одинъ Господь знаетъ!

Его пра-пра-правнукъ, везшій меня до слѣдующей станціи, говорилъ, что старикъ Артемъ года три тому назадъ еще работалъ по хозяйству, но во время ея надорвался и съ тѣхъ поръ сидитъ, не разгибая спины.

Въ первый, да вѣроятно, и въ послѣдній разъ мнѣ пришлось видѣть такого глубокаго старика.

Ночью проѣзжали мы черезъ огромное, богатое село. Я освѣдомился у ямщика о его названіи.

— Это, сынокъ, Покровское!

Я, самъ не знаю почему, былъ пораженъ, услышавъ это названіе! Я ѣхалъ черезъ родину Распутина, то село, о которомъ такъ много у насъ писалось и говорилось. Я спросилъ ямщика, не тутъ ли жилъ Распутинъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сталъ разспрашивать ямщика о личности Распутина.

— Скажи-ка мнѣ, что за человѣкъ былъ Распутинъ? — спросилъ я ямщика.

— Хорошій мужикъ былъ, душевный... Нашему брату много помогалъ... Поди, въ селѣ ни одного двора нѣтъ, кто ему, кто пятерку, кто тройку, а кто и пятьдесятъ рублевъ не долженъ... Какъ пріѣдетъ изъ Питера, такъ и начнетъ помогать... И отъ болѣзней лѣчилъ. Кровь останавливалъ. Одно слово — Божій человѣкъ... Сказываютъ, Царь и Царица его принимали... Онъ у Царя за нашего брата стоялъ... Ну, за это его буржуи и убили...

Воцарилось молчаніе.

— А что, онъ богатый былъ?

— Сказать, чтобъ очень, нельзя, а что денежки у него бывали, это точно, только ужъ очень много народу раздавалъ... Семьѣ, сказываютъ, оставилъ мало!

Первый разъ я слышалъ такую своеобразную рекомендацію Распутина. Видимо, окрестные мужики считали его своимъ заступникомъ и ходатаемъ передъ Государемъ. Модное слово „буржуй“ проникло и въ эту сибирскую глушь. Очевидно, оно здѣсь въ понятіяхъ мѣстныхъ мужиковъ объединяло понятія, какъ дворянинъ, помѣщикъ, а то и просто богатый человѣкъ. Изъ объясненія ямщика явствовало, что и онъ и его односельчане считали, что эти классы общества и устранили Распутина за то, что онъ около трона защищалъ ихъ мужицкіе интересы. Такая точка зрѣнія не

удивила меня. Не помню уже, гдѣ именно, но гдѣ то въ одной южной деревнѣ одинъ старый мужикъ, свидѣтель освобожденія крестьянъ, съ неопредолимымъ убѣжденіемъ доказывалъ мнѣ, что Императоръ Александръ II былъ убитъ помѣщиками и дворянами (тогда выраженіе „буржуй“ еще не было въ ходу) за то, что освободилъ крестьянъ и отобралъ у помѣщиковъ землю. Я старался самымъ понятнымъ образомъ доказать старику, что это совсѣмъ не такъ, но онъ упорно стоялъ на своемъ и только приговаривалъ:

— Нѣтъ, панычъ, это все не такъ, какъ вы разсказываете. Очинно хотѣлъ бы вамъ повѣрить, но безпримѣнно мнѣ извѣстно, что помѣщики нашего Царя-Батюшку убили за то, что нашему брату-мужику волю далъ!

Со своимъ возницей спорить я не сталъ и нашъ разговоръ о Распутинѣ прекратился.

Ночь прошла для меня совершенно незамѣтно, почти безъ сна. Только изрѣдка одолѣвала меня дремота, нагоняемая мѣрнымъ звономъ колокольчиковъ. Затѣмъ потянулся томительно скучный день. Тобольскъ былъ все ближе и ближе. Какъ это ни странно, я ощущалъ это на каждой станціи по своему кошельку. Но не потому, что денегъ дѣлалось все меньше и меньше, это было бы само собой понятно, но по цѣнамъ за наемъ лошадей. Какъ я уже писалъ, за первыя 20 верстъ я заплатилъ по 1 р. 50 к. съ версты. Чѣмъ дальше я удалялся отъ Тюмени, тѣмъ цѣны все падали и, приблизительно въ серединѣ пути, я платилъ отъ 50 до 70 коп. съ версты. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ я къ Тобольску, тѣмъ больше приходилось платить, и я былъ увѣренъ, что за послѣдній перегонъ съ меня снова спросятъ, что нибудь, вродѣ 1 р. 50 коп. за версту. Такимъ образомъ, весь перегонъ въ 280 верстъ отъ Тюмени до Тобольска обошелся мнѣ рублей въ 500. Въ карманѣ оставалось 200 съ небольшимъ, но я не унывалъ, и глубокое радостное чувство охватило меня, когда я услышалъ голосъ ямщика:

— Такъ то, сынокъ, мы, значитъ, по Тоболу ѣдемъ, скоро и Тобольскъ!

Мы только что миновали лѣсъ, вдругъ сани наши съ огромной быстротой покатились внизъ и вскорѣ, какъ мнѣ показалось, мы очутились въ длинной, но довольно широкой ложбинѣ. Въ это время меня и прервалъ ямщикъ. Оказалось, что для сокращенія пути, онъ поѣхалъ прямо по льду, и такимъ образомъ мы ѣхали по прекрасно накатанной дорогѣ прямо по серединѣ Тобола.

Вскорѣ моимъ глазамъ открылась дивная панорама. Берега все ширились, какъ бы разширяясь передъ нами. Въ одномъ мѣстѣ мы сдѣлали довольно крутой поворотъ, видимо, рѣка въ этомъ мѣстѣ загибала. Когда поворотъ кон-

чился, я неожиданно увидѣлъ передъ собой весь Тобольскъ, залитый яркимъ луннымъ свѣтомъ. На высокомъ берегу виднѣлись безчисленные купола церквей, обнесенныхъ огромной каменной стѣной, на подобіе Кремля, а рядомъ съ ней городскіе дома, опускавшіеся прямо къ рѣкѣ. Берега совершенно раздались передъ нами. Мы ѣхали по огромной, ровной снѣжной поверхности. Налѣво отъ насъ вдаль уходила такая же снѣжная дорога, какъ та, по которой мы только что проѣхали.

— А это, сынокъ, Иртышъ, вотъ туда, гдѣ мы ѣдемъ, Тоболъ, значитъ, въ него впадаетъ, — пояснилъ мнѣ ямщикъ.

Городъ былъ все ближе, и вскорѣ мы стали подниматься въ гору и незамѣтно очутились на улицѣ среди погруженныхъ въ сонъ окраинъ Тобольска. Только кое гдѣ изъ оконъ виднѣлся свѣтъ. Стали попадаться прохожіе, торопливымъ шагомъ спѣшившіе домой. Наконецъ, гора кончилась и лошаденки бодро побѣжали по Тобольскимъ улицамъ. Еще два, три поворота и сани мои остановились около солиднаго одноэтажнаго дома съ крыльцомъ, на которомъ красовалась вывѣска съ написью: „Гостинница Хвастунова“.

Мой ямщикъ соскочилъ и сталъ звонить швейцару. Я снялъ шапку и перекрестился. Завѣтное мое желаніе исполнилось: я былъ въ Тобольскѣ. Часы показывали 11 часовъ 5 минутъ вечера.

ГЛАВА III.

Швейцаръ, коренастый мужчина небольшого роста съ плутоватымъ подобострастнымъ лицомъ, снесъ мой тюкъ въ швейцарскую, и я, расплатившись съ ямщикомъ, оказался въ маленькой, но очень чистой комнаткѣ съ одной кроватью и окномъ, выходившимъ на улицу.

Я далъ ему свое удостовѣреніе личности для прописки. Когда онъ освѣдомился о цѣли моего пріѣзда, то мнѣ пришлось повторить уже извѣстную сказку о Габербушъ и Шиле, но уже съ прибавленіемъ жалостливой исторіи о старикѣ отцѣ и старухѣ матери, бѣженцевъ изъ Польши, живущихъ въ голодѣ и холодѣ въ Ямбургѣ и которыхъ я хочу гдѣ либо устроить доживать свой вѣкъ въ Сибири, гдѣ жизнь дешевле и спокойнѣе, напримѣръ, въ Тобольскѣ. Объясненія мои его, видимо, удовлетворили, и онъ поплакался о тяжелой жизни, о сверныхъ заработкахъ и, между прочимъ, сообщилъ, что гостинница стоитъ почти пустая, если не считать двухъ старыхъ постояльцевъ и одного новаго пріѣхавшаго „третева дня“ изъ Тюмени, по всей видимости, большевика и даже комиссара.

Такое сосѣдство весьма мало обрадовало меня, но что больше всего меня поразило, такъ это то, что комиссаръ фамиліи своей не заявилъ, а просто занялъ номеръ и этимъ весь разговоръ кончилъ.

При свѣчкѣ, послѣ трехдневнаго пути, я впервые развязалъ свой узелъ. Всѣ вещи были въ полной исправности. Особенно обрадовало меня, что гіацинтъ, полученный мною отъ А. А. Вырубовой и уложенный мною въ коробку съ папиросами, совсѣмъ почти не завялъ. Я отобралъ часть книгъ, сдѣлалъ новый небольшой пакетъ и рѣшилъ его совмѣстно съ цвѣткомъ и портретомъ покойнаго А. С. Танѣева, а также съ письмами, которыя я извлекъ изъ подъ стельки моихъ ботинокъ, передать о. Васильеву въ первую очередь.

На книгахъ я сдѣлалъ надпись: Почтительнѣйше проситъ принять въ даръ Маленькій М. Въ первую партію книгъ вошла также большая моя книга „Земная жизнь Іисуса Христа“, на которой А. А. Вырубова сдѣлала надпись: Анка.

Ночь провелъ я почти безъ сна. Отъ волненія меня охватило какое то странное лихорадочное состояніе. Часовъ въ десять утра я, забравъ свой пакетъ, вышелъ на улицу. Стоялъ чудный морозный солнечный день. На воздухѣ я нѣсколько успокоился. У перваго прохожаго я узналъ, что Благовѣщенская церковь, настоятелемъ которой былъ о. Васильевъ, находится на главной улицѣ, параллельно той, на которой находилась моя гостинница. Когда я вышелъ на главную улицу, я сразу увидѣлъ какъ и церковь, такъ и губернаторскій домъ, въ которомъ находились Ихъ Величества и отстоящій отъ церкви въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ. Не спрашивая никого, я сразу понялъ, что въ этомъ, именно, домѣ и живутъ Ихъ Величества. Еще по разсказамъ въ Петербургѣ я слышалъ, что онъ обнесенъ деревяннымъ заборомъ.

Это было немного не такъ. Сравительно большой, самой обыкновенной постройки, двухъэтажный бѣлый домъ своимъ длиннымъ фасадомъ выходилъ на главную улицу, а боковая часть съ деревяннымъ пристроеннымъ крыльцомъ, подъ которымъ былъ устроенъ балконъ, выходила на поперечную улицу, напоминавшую широкій проспектъ. Эта часть улицы и была обнесена деревяннымъ заборомъ, подходившимъ къ главному фасаду. Въ заборѣ, около главнаго входа въ домъ, были сдѣланы ворота, около которыхъ было устроено подобіе гриба, подъ которымъ стоялъ часовой.

Я не захотѣлъ долго задерживаться на улицѣ, чтобы это не бросилось кому нибудь въ глаза, и прямо вошелъ въ церковь. Она была переполнена молящимися, и я сталъ въ притворѣ. По окончаніи службы я узналъ у церковнаго

старосты, что о. Алексѣй живетъ въ домѣ, находящемся за церковью. Вмѣстѣ съ толпой я вышелъ на улицу и пошелъ къ небольшому одноэтажному дому въ церковной оградѣ, но имѣвшему подъѣздъ и съ улицы. О. Алексѣй только что вернулся изъ церкви и сразу же принялъ меня. Послѣ условной фразы, которая мнѣ была сообщена А. А. Вырубовой, о. Васильевъ понялъ, что я дѣйствительно пріѣхалъ отъ нея и что ему меня бояться нечего. Но все же онъ былъ какъ то обезпокоенъ моимъ появленіемъ, и я изъ дальнѣйшаго разговора понялъ, въ чемъ дѣло. Въ краткихъ словахъ онъ обрисовалъ мнѣ положеніе, въ которомъ находятся Ихъ Величества. У меня составилось изъ всего имъ сказаннаго слѣдующее впечатлѣніе. Положеніе Царской Семьи ухудшается съ каждымъ днемъ, въ виду того, что большевики изъ центра все болѣе и болѣе начинаютъ обращать вниманіе на Тобольскъ. Съ начала этого мѣсяца на каждаго члена Императорской Семьи отпускается по 800 р. въ мѣсяцъ, что, конечно, совершенно не достаточно для маломальски приличнаго Ея содержанія. Пробѣлъ въ питаніи пополняется добровольной помощью населенія и окрестныхъ монастырей.

Отношеніе жителей Тобольска къ Ихъ Величествамъ въ огромномъ большинствѣ прекрасное, окрестныхъ крестьянъ тоже. Отношеніе охраны, такъ называемаго „отряда особаго назначенія“ измѣнилось къ худшему въ виду того, что большая часть ея послѣ начавшейся демобилизаціи уѣхала домой и была пополнена новыми солдатами, пріѣхавшими изъ Петербурга и изъ Царскаго Села. Все же среди охраны есть большое количество солдатъ, безусловно преданныхъ Ихъ Величествамъ, благодаря длительной совмѣстной жизни, и на которыхъ, въ случаѣ чего, можно положиться. Въ городѣ большевицкой власти до сихъ поръ оффиціально не существуетъ. Совѣтъ рабочихъ депутатовъ избранъ еще въ прошломъ году и особыхъ затрудненій Царской Семьѣ не дѣлаетъ. О Сѣдовѣ у о. Васильева никакихъ свѣдѣній не было. По его мнѣнію, онъ въ Тобольскъ не пріѣзжалъ, въ противномъ случаѣ, онъ зналъ бы объ этомъ отъ Ихъ Величествъ, такъ какъ имѣлъ свободный доступъ въ ихъ домъ. Объ организаціи Маркова 2-ого также не было ничего извѣстно и онъ не имѣетъ съ ней никакой связи. Б. Н. Соловьевъ былъ недѣлю тому назадъ въ Тобольскѣ, привезъ бѣлье и теплыя вещи для Ихъ Величествъ, послѣ чего онъ уѣхалъ въ Покровское.

Ихъ Величества и Ихъ Высочества находятся въ добромъ здравіи и съ истино христіанскимъ смиреніемъ переносятъ всѣ тягости заточенія. Лично онъ, о. Васильевъ, былъ одно время арестованъ за то, что провозгласилъ многолѣ-

тіе Ихъ Величествамъ, но вскорѣ выпущенъ и съ того времени находится подъ подозрѣніемъ и наблюденіемъ. Послѣ этого сообщенія я понялъ причну волненія о. Алексѣя при моемъ появленіи. Въ заключеніе онъ сказалъ мнѣ, что долго въ такомъ положеніи Ихъ Величества оставаться не могутъ. Необходимо приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, о чемъ онъ уже сообщилъ А. Вырубовой. Необходимо, чтобы въ Тобольскъ пріѣхало небольшое количество вѣрныхъ людей, но главная остановка за матеріальными средствами, которыхъ вовсе не было, а не имѣя денежныхъ средствъ, все предпріятіе становилось рискованнымъ.

Я завѣрилъ о. Васильева, что остановки за вѣрными людьми не будетъ, что за мной по одиночкѣ и группами въ самомъ непродолжительномъ времени прибудетъ въ Тобольскъ и окрестности болѣе, чѣмъ нужное количество офицеровъ. Что же касается матеріальныхъ средствъ, то полагаю, что такому энергичному человѣку, какимъ является Марковъ 2-ой, въ концѣ концовъ удастся тѣмъ или инымъ путемъ раздобыть для этого, столь для всѣхъ насъ священнаго дѣла, и необходимыя средства. Матеріальное же положеніе А. Вырубовой крайне плохо. Кромѣ меня, она снабжаетъ деньгами на дорогу еще двухъ человѣкъ Марковской организаціи, которыхъ можно ожидать со дня на день. Бо́льшаго съ ея стороны ожидать нельзя. Закончилъ я убѣдительной просьбой помочь мнѣ устроиться конспиративно либо въ Тобольскѣ, либо въ его окрестностяхъ, такъ какъ даже малѣйшая помощь Ихъ Величествамъ въ данный моментъ является для меня единственнымъ смысломъ моей жизни.

Я просилъ о. Васильева передать принесенный пакетъ Ихъ Величествамъ вмѣстѣ съ моими вѣрноподданническими чувствами горячей любви и преданности, а также и о моемъ непремѣнномъ желаніи, во что бы ни стало, остаться вблизи Ихъ Величествъ. О. Васильевъ охотно согласился исполнить это и на прощаніе благословилъ меня и назначилъ мѣстомъ свиданія на слѣдующій день церковь послѣ службы, гдѣ наша встрѣча менѣе всего могла бы быть замѣчена. Въ концѣ нашего разговора въ комнату вошелъ молодой еще человѣкъ, который оказался сыномъ о. Васильева, съ которымъ онъ меня и познакомилъ. Онъ произвелъ на меня очень симпатичное впечатлѣніе.

Я вышелъ на улицу и, пройдя нѣсколько боковыхъ улицъ, снова очутился неподалеку отъ губернаторскаго дома. Медленными шагами направился я къ нему.

Въ одномъ изъ крайнихъ лѣвыхъ оконъ второго этажа я замѣтилъ Великую Княжну Ольгу и Марію Николаевну. Онѣ разговаривали между собой. Я на нѣсколько секундъ

остановился, но больше никого мнѣ увидѣть не пришлось, и я быстрыми шагами отправился домой.

Когда я закрылъ на ключъ дверь своей комнаты, силы совершенно оставили меня, я легъ на кровать и нѣсколько часовъ пролежалъ безъ движенія. Нервы слишкомъ напряглись за эти дни и, скажу откровенно, что только обильныя слезы, слезы безысходной тоски привели меня въ болѣе или менѣе нормальное состояніе.

Весь остатокъ дня и весь вечеръ я провелъ въ писаніи длиннѣйшаго письма Ея Величеству, въ которомъ описывалъ происходившее въ Россіи, гибель нашего полка въ Крыму съ перечисленіемъ убитыхъ однополчанъ, о жизни съ Ю. А. Денъ въ Бѣлецковкѣ, послѣднія извѣстія о. А. Вырубовой, а также и о своемъ свиданіи съ графомъ Келлеромъ. Кромѣ того, я умолялъ Ея Величество мужаться и не безпокоиться, Ихъ не забыли и не забываютъ, „тантъ Иветъ", подъ какимъ наименованіемъ знала Ея Величество о Марковѣ 2-омъ, какъ о главѣ организаціи, еще съ лѣта 1917 г., лихорадочно работаетъ, все налаживается и скоро Ихъ Величества увидятъ въ Тобольскѣ не только одного меня.

Вечеромъ я не выдержалъ и отправился еще разъ къ о. Васильеву и передалъ его сыну письмо, написанное мной Ея Величеству. Когда я вернулся домой, часы потянулись томительно долго. Ночь была для меня невыносима и только, когда настало утро, я почувствовалъ себя нѣсколько окрѣпшимъ. Я чувствовалъ, что это утро будетъ для меня рѣшающимъ.

Съ трудомъ я дождался конца длинной великопостной службы. Когда почти вся публика вышла изъ церкви, я увидѣлъ о. Васильева, знакомъ приглашавшаго меня войти въ алтарь. Когда я вошелъ и мы поздоровались, онъ дрогнувшимъ голосомъ въ самыхъ теплыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ передалъ мнѣ глубокую благодарность Ихъ Величествъ за мой пріѣздъ и при этомъ передалъ мнѣ отъ имени Ея Величества благословеніе въ видѣ иконки св. Іоанна Тобольскаго съ одной стороны, а съ другой съ изображеніемъ Абалакской Божьей Матери, молитвенникъ съ собственноручной надписью Ея Величества: Маленькому М. благословеніе отъ Ш. и въ подарокъ отъ Ихъ Величествъ большой мундштукъ мамонтовой кости. Передавая мнѣ его, о. Алексѣй прибавилъ: — Ея Величество не знала, что вамъ подарить, но потомъ, доставъ мундштукъ, сказала: „Онъ, навѣрное, куритъ, я ему вотъ его и подарю . . . Когда будетъ курить, будетъ чаще меня вспоминать . . ."

Кромѣ того, о. Васильевъ передалъ мнѣ еще одинъ маленькій мундштукъ мамонтовой кости и открытку соб-

ственной Ея Величества работы: Наверху ангелъ, прекрасно исполненный акварелью, а въ серединѣ церковно-славянскими буквами надпись: „Господи, пошли благодать Твою въ помоіць мнѣ, да прославлю Имя Твое Святое“, съ просьбой передать эти вещи А. Вырубовой. Совмѣстно съ вещами онъ передалъ мнѣ также и письмо Ея Величества ко мнѣ.

Я былъ до того безумно счастливъ, что не могъ и слова благодарности сказать. О. Васильевъ далъ мнѣ успокоиться и продолжалъ:

— Ея Величество считаетъ, что вамъ не безопасно оставаться въ Тобольскѣ, потому что васъ легко могутъ опознать, какъ напр., полковникъ Кобылинскій, такъ и его знакомая, Битнеръ. Вѣдь они васъ знаютъ по Царскому Селу еще. Неправда-ли?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Хотя Клавдія Михайловна разсказывала про васъ Ихъ Величествамъ много хорошаго и прекрасно о васъ отзывалась, Ея Величество все же не знаетъ, какъ къ вашему пріѣзду отнесется Евгеній Степановичъ, и потому Ея Величество васъ проситъ какъ можно скорѣе уѣхать изъ Тобольска въ Покровское къ Борису Николаевичу Соловьеву и временно остаться у него.

Охватившее было меня радостное чувство смѣнилось тупымъ отчаяніемъ. О. Алексѣй всячески успокаивалъ меня. Мнѣ ничего не оставалось, какъ сказать, что я подчиняюсь священной для меня волѣ Ея Величества и что еще сегодня же выѣду въ Покровское. Кромѣ того, мнѣ пришлось сознаться о. Алексѣю, что для исполненія этого приказанія у меня нѣтъ денегъ, такъ какъ ихъ всего навсего оставалось у меня около 150 рублей. Думаю, что это не особенно понравилось о. Васильеву, такъ какъ, давая мнѣ 240 рублей „керенками“, онъ просилъ меня, какъ можно скорѣе вернуть ихъ, такъ какъ это, молъ, его „личныя“ деньги, въ которыхъ онъ очень нуждается, и просилъ меня обязательно сказать объ этомъ Соловьеву. Въ этотъ моментъ въ церковь пришелъ камердинеръ Ихъ Величествъ, Волковъ (это былъ служитель Кирпичниковъ, какъ я впослѣдствіи узналъ), которой вошелъ въ алтарь и еще разъ со слезами на глазахъ передалъ мнѣ благодарность Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ за пріѣздъ и за привезенные подарки. Онъ же передалъ мнѣ, что Государыня заплакала, когда узнала о несчастіи, случившемся съ Ея полкомъ. Затѣмъ онъ передалъ мнѣ, что Ихъ Величества обязательно желаютъ меня видѣть, хотя бы изъ оконъ, что онъ за этимъ и посланъ въ церковь, чтобы итти впереди меня, такъ какъ Ихъ Величества могутъ меня не узнать въ штатскомъ.

Попрощавшись и получивъ благословеніе отъ о. Алексѣя и передавъ кирпичникову пакетъ, въ который были завернуты оставшіяся еще у меня книги, я слѣдомъ за нимъ вышелъ изъ церкви.

Еще издали я увидѣлъ Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ въ находившихся рядомъ съ балкономъ окнахъ второго этажа. Государь стоялъ рядомъ съ балконной дверью, рядомъ въ окнѣ на подоконникѣ сидѣлъ Наслѣдникъ. За нимъ, обнявъ Его за талію, стояла Ея Величество. Рядомъ съ Наслѣдникомъ сидѣла Великая Княжна Анастасія Николаевна. Рядомъ съ Государыней стояла Великая Княжна Марія Николаевна, а за Государыней и Великой Княжной Маріей стояли, вѣроятно, на чемъ то высокомъ Великія Княжны Ольга и Татьяна.

Не доходя шаговъ двадцать до угла дома, я остановился и для того, чтобы выждать время, сначала досталъ только что полученный мундштукъ, потомъ сталъ искать въ карманахъ портсигаръ и спички. Ихъ Величества и Ихъ Высочества сразу же узнали меня и я замѣтилъ, что они съ трудомъ удерживались отъ смѣха, до того я былъ комиченъ въ своемъ долгополомъ штатскомъ осеннемъ пальто, и въ своей заячьей шапкѣ Петербургскаго лабазника.

Когда я послѣ долгихъ усилій, затягивая время, пристроилъ свою папиросу къ мунштуку, а потомъ поднялъ голову и закурилъ, я увидѣлъ, какъ Ея Величество едва замѣтно кивнула мнѣ головой, а Наслѣдникъ съ видимымъ любопытствомъ оглядывалъ меня съ головы до ногъ и что то говорилъ Государынѣ.

Во мнѣ все клокотало и нервныя спазмы сжимали горло. Мнѣ стоило огромныхъ усилій, чтобы не показать своего волненія и сдержать готовыя сорваться рыданія. Постоявъ еще немного на углу, я медленно, медленно пошелъ вдоль фасада. Ихъ Величества и Ихъ Высочества стали переходить отъ окна къ окну. Дойда до конца дома, я повернулъ обратно, все время не спуская глазъ съ оконъ. Когда я дошелъ снова до угла, навстрѣчу мнѣ попался извощикъ. Я остановилъ его, сѣлъ въ санки и снова проѣхалъ мимо дома. Я приказалъ ему ѣхать въ конецъ улицы, гдѣ находился колбасный магазинъ. Сдѣлавши закупки въ магазинѣ, я демонстративно положилъ большой пакетъ себѣ на колѣни, приказалъ извощику ѣхать прямо мимо дома къ себѣ въ гостинницу. Ихъ Величества, видимо, поняли мой маневръ и, когда я проѣзжалъ, Они все еще были въ окнахъ. Но это уже былъ одинъ только мигъ. Я успѣлъ уловить еще легкій кивокъ головы Государыни и губернаторскій домъ скрылся за поворотомъ изъ моихъ глазъ. Я былъ безумно счастливъ, что увидѣлъ Ихъ Величества, что за-

вѣтное желаніе мое исполнилось, что я сдержалъ данное себѣ въ ту достопамятную ночь, когда Ихъ перевозили изъ Царскаго Села въ эти края, клятву въ томъ, что я доѣду, во что бы то ни стало, до Ихъ новаго мѣстопребыванія, но въ то же время я былъ до глубины души потрясенъ безпомощностью Ихъ и своего положенія...

Этого дня я никогда не забуду. Это былъ день, когда я послѣдній разъ видѣлъ Ихъ Величества, Людей, Которыхъ я боготворилъ и боготворю, Которымъ вѣрно служилъ и ради Которыхъ, когда угодно, не задумываясь, готовъ былъ отдать свою жизнь!

Черезъ два часа готовая тройка стояла около подъѣзда гостинницы, и вскорѣ я, провожаемый поклонами швейцара, желавшаго какъ можно скорѣе увидѣть меня, а также и моихъ „стариковъ-родителей“, подъ звонъ неумолчныхъ колокольчиковъ, быстро понесся по знакомой уже дорогѣ, исполняя волю Ея Величества, въ Покровское. 10-аго марта въ 11 часовъ 5 минутъ вечера пріѣхалъ я въ Тобольскъ и въ 4 часа дня 12 марта пришлось мнѣ его покинуть. Не думалъ я тогда, что болѣе не суждено мнѣ будетъ въ него вернуться...

ГЛАВА IV.

— Сердечно тронуты Вашимъ пріѣздомъ и очень благодарны за подарки. Большой мундштукъ Вамъ, маленькій Ю. А., открытка А. А. Еще разъ спасибо, что Насъ не забыли. Храни Господь! Искренній привѣтъ отъ Ш.

Въ сотый разъ перечитывалъ я эти священныя для меня строки, полученныя отъ Государыни, сидя въ саняхъ, мчавшихъ меня по знакомой уже дорогѣ.

На этотъ разъ я не обращалъ ужъ вниманія на красоты природы, мелькавшія передъ моими глазами. Я весь находился подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго и только одна мысль упорно сверлила мозгъ:

— А что же будетъ дальше?

Отвѣта яснаго я не находилъ. Оставалось вѣрить, что Соловьевъ, какъ болѣе меня оріентированный въ создавшейся обстановкѣ, долженъ найти какой либо выходъ.

На разсвѣтѣ проѣзжали мы черезъ довольно большой лѣсъ. Вдругъ, откуда то издалека послышался звонъ колокольчиковъ и какіе то дикіе крики и пѣсни. Колокольчики заливались все громче и громче. Было ясно, что навстрѣчу намъ ѣдетъ цѣлый караванъ троекъ. Вотъ они все ближе и ближе... Мы сдѣлали довольно большой поворотъ и въ этотъ моментъ намъ навстрѣчу вынеслась бѣшеннымъ

карьеромъ тройка съ огромнымъ краснымъ флагомъ, развѣвавшимся на длинномъ древкѣ, который держалъ въ рукахъ, стоя въ саняхъ во весь ростъ, здоровенный дѣтина, въ ухарски заломленной набекрень папахѣ и полушубкѣ шерстью навыворотъ. Съ нимъ сидѣли еще три или четыре солдата съ винтовками.

За ними летѣли сани съ пулеметомъ и двумя-тремя солдатами и такъ далѣе еще восемь саней, наполненныя солдатами, вооруженными, что называется, до зубовъ, опоясанныхъ пулеметными лентами... Вся это банда что то дико орала. Изъ нѣкоторыхъ саней доносились какія то пѣсни. Они съ быстротой молніи промелькнули мимо насъ и вскорѣ сдѣлалось все тихо. Я совершенно обомлѣлъ отъ неожиданности, но въ мозгу, какъ молнія, мелькнула мысль — это большевики, подтвержденная вырвавшимся у ямщика замѣчаніемъ:

— Ужъ, не за Царемъ ли эти товарищи ѣдутъ?

Да, это дѣйствительно, были красногвардейцы, въ чемъ я убѣдился въ первомъ же селѣ, гдѣ мѣнялъ лошадей. Когда мы подъѣзжали къ дому ямщика, отъ него отъѣхало еще пять троекъ, наполненныхъ подобнымъ же сбродомъ, какой мы незадолго передъ этимъ встрѣтили въ лѣсу.

У ямщика я узналъ, что это были красногвардейцы изъ Тюмени, по ихъ словамъ, ѣхавшіе для охраны „Николая Романова".

Итакъ, свершилось... То, что казалось мнѣ кошмаромъ, воплотилось въ дѣйствительность. Большевики протянули свою окровавленную лапу къ Тобольску...

Это было начало... но начало чего?

Дальше мысли мои не шли, въ глазахъ потемнѣло. Нужно было дѣйствовать. Нервы мои окончательно расходились, и я все время подгонялъ ямщиковъ.

Послѣ томительнаго долгаго дня, около 9 часовъ вечера добрался я, наконецъ, до Покровскаго и облегченно вздохнулъ, когда сани мои остановились около дома Распутина.

Домъ его отличался отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что по внѣшнему виду казался лучше другихъ, вѣрнѣе, тщательнѣе и чище построеннымъ. Я сталъ стучаться въ ворота. Отвѣта не было. Я повторилъ стукъ еще настойчивѣе. Результата никакого. Ставни были наглухо закрыты и сквозь нихъ не виднѣлось свѣта. Я не зналъ, что дѣлать. Оставалось только продолжать стучать, что я и сдѣлалъ съ удвоенной силой.

Наконецъ, я услышалъ чьи то шаги и дрожащій женскій голосъ черезъ ворота спросилъ меня:

— Кого вамъ нужно?

Губернаторскій домъ въ Тобольскѣ, въ которомъ жили Ихъ Величества.

Я наклонился вплотную къ воротамъ, стараясь, чтобы ямщикъ меня не слышалъ, и проговорилъ:

— Я къ Борису Николаевичу съ письмомъ отъ о. Васильева изъ Тобольска.

— Бориса Ниикола́евича дома нѣту! — отвѣтилъ мнѣ тотъ же голосъ и я услышалъ сдержанныя всхлипыванія.

— Какъ нѣтъ? — удивился я.

Воцарилось молчаніе. Послѣ моихъ настойчивыхъ просьбъ ворота, наконецъ, открылись и я очутился въ просторномъ дворѣ. Передо мной стояла пожилая уже женщина въ полушубкѣ, съ пимами на ногахъ и нервно всхлипывала.

—Что вамъ нужно отъ Бориса Николаевича? Его нѣтъ дома, его забрали съ собой солдаты — причитывала женщина.

Эта вѣсть, какъ громомъ, поразила меня. Я не могъ и слова вымолвить. Очнулся я въ какой то комнатѣ, въ которой царилъ невѣроятный безпорядокъ и которая была освѣщена большой лампадой, мерцавшей передъ висѣвшимъ въ углу огромнымъ образомъ Божьей Матери дивнаго стараго письма въ серебрянной ризѣ. Изъ сосѣдней комнаты выглядывали двѣ женскія головы, со страхомъ смотрѣвшія на меня. Стараясь быть краткимъ, я объяснилъ встрѣтившей меня женщинѣ, кто я и что я ѣду отъ А. А. Вырубовой, что былъ въ Тобольскѣ, гдѣ черезъ о. Васильева получилъ приказаніе уѣхать въ Покровское. При упоминаніи имени А. Вырубовой, женщина просіяла:

— Такъ вы, значитъ, Аннушку знаете? Она васъ послала?

Я отвѣтилъ утвердительно.

Тутъ мнѣ пришла въ голову мысль. Я досталъ изъ бумажника двѣ фотографіи Ю. Денъ и показалъ ихъ ей.

— А вы знаете, кто это? — спросилъ я. Эти фотографіи произвели магическое дѣйствіе.

— Варенька, посмотри, вѣдь, это Юлія Александровна!

Она узнала ее по фотографіи, тогда мнѣ сдѣлалось яснымъ, что передо мной стоитъ вдова Гр. Распутина, а одна изъ дѣвушекъ его младшая дочь.

Когда и дѣвушка, названная Варенькой, убѣдилась, что фотографіи, дѣйствительно, изображаютъ Ю. Денъ, отношеніе ко мнѣ сразу перемѣнилось.

— Пожалуйте, сынокъ, въ комнату, а мы думали, что вы изъ тѣхъ, что забрали Бориса Николаевича.

Меня проводили въ сосѣднюю комнату, напоминавшую столовую и гдѣ царилъ тотъ же безпорядокъ. На подоконникѣ были сложены обломки нѣсколькихъ рамъ отъ фотографій. Сквозь слезы жена Григорія Ефимовича разсказала мнѣ все, что произошло за этотъ день.

Оказалось, что часовъ около двухъ дня къ дому подъѣхали сани съ вооруженными солдатами, которые вошли во дворъ, гдѣ встрѣтили Соловьева. Когда онъ показалъ имъ свои документы, а они были фальшивые, солдаты заявили, что они ищутъ Соловьева, зятя Распутина, вошли въ домъ, начали дѣлать обыскъ, сорвали со стѣнъ Царскіе портреты и побили много посуды.

Не найдя Соловьева, они стали угрожать, что если Соловьевъ самъ не объявится, то они заберутъ съ собой всѣхъ членовъ его семьи. Борису Николаевичу ничего не оставалось дѣлать, какъ признаться, что онъ и сдѣлалъ. Солдаты крѣпко выругались, но сразу не повѣрили, такъ что сосѣдямъ пришлось подтверждать, что это и есть, дѣйствительно, зять Григорія Ефимовича. Солдаты еще разъ переискали весь домъ и нашли его револьверъ, послѣ чего усадили его въ сани, не давъ ему ни съ кѣмъ проститься, и увезли неизвѣстно куда.

Услышавъ этотъ разсказъ, я былъ увѣренъ, что Борису Николаевичу живымъ не уйти, если развѣ какое нибудь чудо его не спасетъ. Мое же положеніе было критическое, а главное, невыносимо глупое. Если бы въ тотъ моментъ, когда я находился въ домѣ Распутиныхъ еще разъ нагрянули красноармейцы, то мнѣ пришлось бы доказывать, что я, дѣйствительно, Соловьевъ, если не настоящій, то его родственникъ, такъ какъ мои документы были на это имя. Если бы я пріѣхалъ на восемь часовъ раньше, то забрали бы меня, какъ Соловьева, а не Бориса Николаевича, такъ какъ у него въ документахъ было показано другое имя.

Было ясно, что и пяти минутъ лишнихъ я здѣсь оставаться не могъ. Дѣвушка, дочь Распутина, дала мнѣ свертокъ изъ хлѣба, масла и яицъ, а вдова Распутина снабдила меня 350 рублями на дорогу, послѣ того, какъ узнала, что денегъ у меня было развѣ только, чтобы доѣхать до Покровскаго. Я поблагодарилъ ихъ за гостепріимство и, напутствуемый пожеланіями счастливаго пути, вышелъ на дворъ, а оттуда на улицу, гдѣ меня поджидалъ ямщикъ. Черезъ нѣсколько минуть тройка вынесла меня изъ Покровскаго, которое вскорѣ скрылось изъ виду.

ГЛАВА V.

Рано утромъ я пріѣхалъ въ Тюмень безъ особыхъ приключеній, гдѣ рѣшилъ остановиться, чтобы отдохнуть и спокойно обдумать создавшееся положеніе.

У ямщика, татарина, который везъ меня четыре дня тому назадъ изъ Тюмени, оставшись наединѣ со своими мыслями въ жарко натопленной чистой половинѣ избы, я

детально разобралъ все мною видѣнное и пережитое съ момента пріѣзда въ Тобольскъ и пришелъ къ слѣдующему выводу: пріѣздъ большевиковъ въ Тобольскъ въ корнѣ измѣнилъ положеніе Царственныхъ Узниковъ къ худшему и тѣмъ затруднялъ и путалъ всѣ возможности освобожденія Царской Семьи, положеніе которой становилось явно критическимъ.

Арестъ Соловьева, явившійся для меня полнѣйшей неожиданностью, выбилъ окончательно почву изъ подъ моихъ ногъ. Оставаться здѣсь было невозможно, равно какъ и возвращеніе въ Тобольскъ или Покровское. Пользы для дѣла изъ моего пребыванія въ Тюмени я тоже не видѣлъ никакой, если бы даже имѣлъ на то матеріальную возможность.

Помощь Ихъ Величествамъ должна была быть оказана въ возможно скорѣйшемъ времени, и потому я рѣшилъ ѣхать обратно въ Петербургъ, чтобы лично довести до свѣдѣнія, какъ А. Вырубовой, такъ и Маркова 2-ого все мною видѣнное и обрисовать имъ всю тяжесть положенія Императорской Семьи въ связи съ пріѣздомъ большевиковъ. Денегъ на обратную дорогу мнѣ могло хватить только въ обрѣзъ, а главное затрудненіе заключалось въ отсутсвіи какихъ либо документовъ, оправдывающихъ мою поѣздку изъ Сибири въ Петербургъ.

Но раздумывать было нечего и на слѣдующее утро я уже былъ на вокзалѣ. Поѣзда ходили, какъ Богъ пошлетъ, и мнѣ сказали, что поѣзда на Екатеринбургъ можно ожидать около часу дня. Отъ нечего дѣлать я сталъ бродить по небольшому вокзалу типичной казенной постройки изъ краснаго кирпича. Станціонныя помѣщенія, какъ и всюду, были заплеваны и загажены до невозможности.

Когда я вышелъ на платформу, мое вниманіе привлекъ большой и великолѣпный составъ поѣзда изъ классныхъ и салонъ-вагоновъ, стоявшій на подъѣздномъ пути. Надъ однимъ изъ вагоновъ развѣвалась красная тряпка въ видѣ флага. Около поѣзда разгуливали субъекты, подобные тѣмъ, которыхъ я встрѣтилъ по дорогѣ. Обычныя каторжныя рожи, лохматыя папахи, пулеметныя ленты накрестъ на груди, распоясанныя шинели, словомъ все, чѣмъ могъ гордиться настоящій революціонный воинъ.

Одинъ изъ мужиковъ, ждавшій поѣзда также, какъ и я, разъяснилъ мнѣ, что это поѣздъ комиссарскій. Я зашелъ въ залъ 1-аго и 2-ого класса. Такая же грязь, какъ и всюду. На столахъ хотя скатерти, но заваленныя и грязныя. О таковыхъ и насъ въ „Матушкѣ Рассеѣ“ давно уже забыли.

Публика была самая разношерстная. Я уже намѣревался подсѣсть къ большому столу, стоявшему посреди зала,

какъ неожиданно увидѣлъ знакомое лицо. Напротивъ меня сидѣлъ молодой еще человѣкъ въ солдатской шинели и въ фуражкѣ безъ кокарды. Я присмотрѣлся къ нему ближе. Это былъ Т., мой товарищъ по Одесскому Корпусу, на два, три года старше меня по выпуску, котораго я съ 1913-го года не видѣлъ. Этой встрѣчи я никакъ не ожидалъ и сразу не зналъ, что дѣлать, но потомъ мелькнула сразу мысль, что лучше уйти незамѣченнымъ. Хотя я зналъ Т. очень близко, но для меня было большимъ и неяснымъ вопросомъ, что произошло за эти пять лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, какихъ онъ теперь взглядовъ. Въ старыя времена мы всѣ были однихъ взглядовъ, о политикѣ не говорили, да и странно было бы говорить, такъ какъ всѣ мы были проникнуты одинаковой любовью къ своему Царю и Родинѣ.

Но теперь... Лучше быть осторожнымъ, и я сталъ отходить отъ стола. Въ этотъ моментъ Т. поднялъ голову, положилъ газету, которую читалъ, въ карманъ, всталъ и наши взгляды совершенно случайно встрѣтились. Онъ пристальнѣе всмотрѣлся въ меня и воскликнулъ:

— Марковъ! Какими судьбами?

Поздоровавшись, я схватилъ его за рукавъ и буквально вытащилъ на перронъ.

— Во первыхъ, имѣй ввиду, что я теперь не Марковъ, а Соловьевъ. Почему да отчего, объясню потомъ. Зналъ тебя, какъ своего товарища и друга, надѣюсь, не выдашь. Я былъ въ Тобольскѣ... Теперь понялъ? — скороговоркой пояснилъ ему я свое нахожденіе въ Тюмени.

— Во мнѣ можешь не сомнѣваться, — твердо и рѣшительно проговорилъ онъ, пожимая мнѣ руку. — Я все понялъ, но куда ты теперь собираешься? Въ Петербургъ, а соотвѣтствующіе документы имѣешь?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну, батенька, благодари Бога, что меня встрѣтилъ. У тебя какіе документы? Увольнительный билетъ Ишимскаго воинскаго начальника? Такъ видишь ли этотъ поѣздъ? — онъ указалъ мнѣ при этомъ на привлекшій мое вниманіе составъ, — вѣдь, вокзалъ уже третьи сутки, какъ занятъ карательнымъ отрядомъ Запкуса. Онъ налагаетъ контрибуцію на желающихъ получить билетъ, предварительно опрашивая документы и цѣль поѣздки. Безъ его ордера касса не продаетъ билетовъ. Хорошъ былъ бы ты, если бы сунулся къ нему за ордеромъ на Петроградъ, предъявивъ увольнительный билетъ на Ишимъ!

Я окончательно растерялся.

— У тебя другихъ документовъ нѣтъ?

Я объяснилъ ему, что имѣю увольнительное офицер-

ское удостовѣреніе, выданное Одесскимъ комендантомъ на проживаніе во всѣхъ городахъ Россіи, впредь до увольненія по приказу Военнаго Вѣдомства въ отставку. Документъ самый форменный на мою настоящую фамилію и единственно революціонное на немъ, это подпись коменданта. Подписанъ онъ такъ: „Комендантъ г. Одессы-Прапорщиикъ Рязановъ". Въ день полученія мною этого документа старый комендантъ ген.-маіоръ Мельгуновъ ушелъ, и его мѣсто занялъ, по назначаенію Румчерода, прапорщикъ Рязановъ.

— Ну, и слава Богу! Отправляйся въ городъ, остановись въ гостинницѣ, а завтра съ утра поѣзжай къ Воинскому Начальнику и получи демобилизаціонный билетъ, а потомъ ужъ можешь ѣхать, по полученію временнаго вида, куда угодно.

Повидимому, онъ прочелъ на моемъ лицѣ полнѣйшее недоумѣніе отъ такого совѣта.

— Ты не безпокойся, здѣсь товарищи далеко еще не то, что въ Россіи. Ты имъ наври что нибудь, что ты ѣдешь съ юга искать заработка, или что нибудь въ этомъ родѣ, и увидишь, что все пройдетъ благополучно!

Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ поблагодарить его за дружескій совѣтъ. На прощаніе онъ сообщилъ мнѣ, что во время войны служилъ въ одномъ изъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, женился на сибирячкѣ, родители которой живутъ въ Омскѣ, дослужился до капитанскаго чина и теперь устроился на службу по желѣзной дорогѣ, и живетъ постоянно въ Тюмени. Распрощавшись съ Т., я взялъ извощика и приказалъ везти себя въ гостинницу. Гостинница Лошкомоева, куда привезъ меня мой возница, оказалась весьма приличной, какъ по своему внѣшнему, такъ и по внутреннему виду.

Комнату во второмъ этажѣ я получилъ безъ всякихъ затрудненій, и на вопросъ швейцара о моей фамиліи и пр. даже съ облегченіемъ отвѣтилъ:

— Марковъ, бывшій военнослужащій, изъ Проскурова.

Итакъ, я сдѣлался снова самимъ собой ... Но чувствовалъ себя далеко не твердо, и успокоился только на слѣдующее утро, когда я вышелъ изъ большого деревяннаго дома съ надписью „Управленіе Тюменскаго Военнаго Начальника", гдѣ мое удостовѣреніе обмѣнили на увольнительный билетъ, согласно приказу Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и. т. д.

Я отправился въ милицію, гдѣ подалъ заявленіе о желаніи имѣть временный видъ на жительство. Какъ предсказалъ мнѣ Т., въ обоихъ учрежденіяхъ мнѣ никакихъ препятствій не чинили. Въ Управленіи же Воинскаго Началь-

ника на меня даже повѣяло стариной. Писаря чинно сидѣли на мѣстахъ, писали и стучали на машинкахъ. Одинъ изъ нихъ весьма любезно принялъ меня, разспросилъ, написалъ билетъ и тутъ же одинъ изъ его сотоварищей подписалъ, его, не читая, „за Воинскаго Начальника".

Это было единственнымъ революціоннымъ проявленіемъ. Милиція же произвела на меня совершенно иное впечатлѣніе. Зданіе прежняго полицейскаго управленія было загажено съ низу до верху и полно самаго разнообразнаго люда, неистово бранившагося и сквернословившаго по поводу „милицейскихъ порядковъ". Какіе то вихрастые субъекты, принявшіе меня, обѣщали выдать видъ черезъ три дня.

Изъ милиціи я отправился на телеграфъ, гдѣ послалъ Маркову 2-ому телеграмму по условному адресу съ сообщеніемъ, что мнѣ пришлось задержаться въ Тюмени.

Покрытая глубокимъ бѣлымъ пушистымъ снѣгомъ Тюмень произвела на меня отличное впечатлѣніе. Городъ состоялъ изъ двухъ частей, верхней и нижней. Верхняя часть была расположена на краю обрыва, спускавшагося къ рѣкѣ Турѣ, по побережью которой расположилась нижняя часть его.

Въ верхнемъ городѣ центромъ движенія была Царская улица, довольно широкая, освѣщенная электричествомъ и обстроенная въ большинствѣ случаевъ одноэтажными каменными домами. Посреди улицы была площадь, на которую выходило большое двухъэтажное зданіе реальнаго училища съ садомъ съ одной стороны, а съ другой особнякъ какого-то мѣстнаго купца, тоже съ садомъ. Боковыя улицы въ общемъ напоминали главную и были планированы правильными квадратами. Торговля была сосредоточена на главной улицѣ, магазины носили, такъ сказать, универсальный характеръ, такъ какъ въ нихъ можно было найти все, начиная съ ваксы и кончая китайскимъ шелкомъ. Торговля, повидимому, шла бойко. Никакихъ явныхъ признаковъ революціи, привычныхъ моему глазу, ввидѣ широковѣщательныхъ плакатовъ, красныхъ флаговъ и другихъ аксессуаровъ революціи соціалистическаго режима, я не видѣлъ, за исключеніемъ развѣ того, что, напримѣръ, на нѣкоторыхъ углахъ вмѣсто прежнихъ надписей „Царская улица", были навѣшаны новенькія дощечки краснаго цвѣта, на которыхъ бѣлыми буквами было написано: „Проспектъ революціи", да на нѣкоторыхъ домахъ висѣли дощечки съ надписью „націонализованный домъ номеръ такой то". Это было бы и све видозимѣненіе въ физіономіи города, если бы на двухъ лучшихъ домахъ города я не прочелъ двѣ вывѣски съ надписью: „Р. С. Ф. С. Р. Штабъ Красной Арміи Тюменскаго Совѣта Рабоч., крест. и солдатскихъ депутатовъ". Это

были два центра управленія Тюмени, одинъ военный, а другой гражданскій.

Когда я проходилъ въ гостинницѣ мимо доски съ указаніемъ фамилій пріѣзжающихъ, мое вниманіе привлекла визитная карточка, прикрѣпленная около No. 4. Я прочелъ ее и глазамъ своимъ не повѣрилъ. На ней ясно и отчетливо значилось: „Командиръ 35-го запаснаго Сибирскаго стрѣлковаго полка и начальникъ Тюменскаго гарнизона полковникъ П.“. Дѣйствительно чудеса творились въ этомъ городѣ... Хозяйничаніе большевиковъ уживалось съ этими „пережитками стараго режима!“

Изъ разпросовъ швейцара выяснилось, что П. самый настоящій полковникъ, принявшій полкъ незадолго до революціи, и пробывшій въ этой должности какъ мартовскій переворотъ, такъ и все лѣто 17-го года, вплоть до большевицкаго переворота и приказа о демобилизаціи арміи. Тогда онъ устранился отъ дѣла, но по прежнему остался жить въ Тюмени. Въ дальнейшемъ оказалось, что въ его полку были безпорядки, старый командиръ полка былъ смѣненъ, а полковникъ П. назначенъ, такъ сказать, на „усмиреніе“...

Я рѣшилъ познакоомиться съ нимъ, что въ этотъ же день и исполнилось. Полковникъ П. принялъ меня весьма любезно. Я представился ему, такъ сказать, полуоффиціально, начавъ свое обращеніе словами, что я считаю своимъ долгомъ, какъ офицеръ, представиться ему, какъ начальнику гарнизона и. т. д.

Онъ былъ очень польщенъ и замѣтилъ, что онъ уже не командиръ полка и не начальникъ гарнизона и что онъ сдаетъ полкъ образовавшемуся штабу Красной арміи, во главѣ котораго стоитъ одинъ изъ его бывшихъ офицеровъ, прапорщикъ Чувиковъ.

Само собой разумѣется, я ему ни слова не сказалъ о своей поѣздкѣ въ Тобольскъ, а придержался своихъ небылицъ, разсказанныхъ мною въ управленіи Воинскаго Начальника и швейцару. Услышавъ, что я собираюсь искать работу, онъ предупредилъ меня, что это мое желаніе сопряжено съ большими трудностями.

Онъ сообщилъ мнѣ, что послѣ раненія на фронтѣ осенью 1916-го года, онъ получилъ 35-ый запасный полкъ, гдѣ изъ-за халатности командира произошли безпорядки на продовольственной почвѣ, которые ему пришлось подавить. Настала революція, которая прошла въ Тюмени безъ эксцессовъ и ему удалось удержаться на мѣстѣ. На положеніе на фронтѣ П. смотрѣлъ безнадежно, войну считалъ проигранной и потому не воодушевлялъ солдатъ на революціонные подвиги, а смотрѣлъ только за тѣмъ, чтобы солдаты не

безчинствовали въ городѣ и не грабили казеннаго имущества. Пришелъ октябрьскій переворотъ. Мѣстный совдепъ все лѣвѣлъ и лѣвѣлъ и, наконецъ, автоматически сдѣлался большевицкимъ. Ему предложили сдать полкъ революціонному штабу, что онъ и исполнилъ.

— Теперь товарищи пытаются создать новую армію, на новыхъ началахъ. Поживемъ и увидимъ, что изъ этого выйдетъ. Я же полякъ по происхожденію, хотѣлъ бы проѣхать въ Польшу, но пока тамъ нѣмцы, туда не поѣду... Не люблю я ихъ... Волей, неволей приходится оставаться здѣсь и ждать у моря погоды! — закончилъ онъ свой разсказъ. Потянулись безконечно дни за днями. Меня охватила какая то тупая апатія. Неудача въ Покровскомъ, невозможность выѣхать въ Петербургъ и, наконецъ, молчаніе Маркова 2-ого, отъ котораго на мою телеграмму я не получалъ отвѣта, все это подавляло меня морально, а полная неизвѣстность о томъ, что дѣлается въ Тобольскѣ, повергала меня въ тоску и отчаяніе.

Какъ то разъ вечеромъ на исходѣ первой недѣли моего пребыванія въ Тюмени меня позвалъ къ себѣ на чашку чая П.

— Знаете ли что, Сергѣй Владиміровичъ, — обратился онъ ко мнѣ: Я для васъ хорошее мѣсто нашелъ, а то вы съ голоду здѣсь подохнете. Вѣдь денегъ отъ тетки изъ Петербурга не получили?

Я еще раньше сказалъ П., что просилъ тетку помочь мнѣ. Я отвѣтилъ отрицательно.

— Встрѣтилъ я сегодня Чувикова, того прапорщика, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ Начальникъ Штаба формирующейся здѣсь красной арміи, на новыхъ добровольческихъ началахъ. Онъ мнѣ сталъ плакаться, что не можетъ найти инструктора, кавалериста, для формированія конной части. Ну, я и вспомнилъ о васъ, и сказалъ ему, что могу помочь ему въ его горѣ. Что вы на это скажете?

Что могъ я ему отвѣтить на это неожиданное предложеніе? Видя мое замѣшательство, онъ замѣтилъ:

— Я вижу, васъ мое предложеніе поразило, я васъ понимаю, но вы ничѣмъ не рискуете. Вы поступаете по вольному найму. Не понравится, можете всегда уйти. Воевать вамъ не придется. Мы находимся въ такомъ богоспасаемомъ мѣстѣ,что до насъ никакіе фронты не доберутся! Жалованіе платить будутъ приличное. Совѣтую, пока другого занятія себѣ не найдете, взять это мѣсто.

Я поблагодарилъ П. за его доброе отношеніе и заботы обо мнѣ и просилъ дать мнѣ сутки на размышленіе.

Оставшись одинъ, я долго думалъ, какъ быть, принять или не принять предлагаемое мѣсто?

— Я — красноармеецъ!?

Это новое мое амплуа никакъ не укладывалось въ моей головѣ. Взвѣсивъ все, что было за и противъ въ этомъ предложеніи, я пришелъ къ заключенію, что мнѣ слѣдуетъ согласиться и вотъ почему: Принимая на себя формированіе конной части при мѣстномъ штабѣ, я получалъ полнѣйшую возможность принять въ число своихъ подчиненныхъ всѣхъ тѣхъ офицеровъ, которые ожидались изъ Петербурга отъ Маркова 2-го. Затѣмъ, положеніе Тюмени по отношенію къ Тобольску было блестящимъ потому, что и сухопутная дорога, связывающая Тобольскъ съ желѣзной дорогой шла черезъ Тюмень и рѣчное сообщеніе по Тоболу и Турѣ заканчивались въ Тюмени же. Имѣя въ Тюмени ячейку, не только прекрасно скрытую отъ совѣтскаго ока въ ихъ же части красной арміи, но и вооруженную и матеріально обезпеченную, можно многое предпринять... Такъ напримѣръ: Попытаться добиться перевода этой части, подъ моей командой, на охрану Императорской Семьи въ Тобольскѣ.

Или: Устроить фиктивное крестьянское возстаніе въ районѣ Тобольска и подъ видомъ подавленія вывести эту часть въ угрожаемое мѣсто, и постараться задержать ее тамъ.

Или же дать возможность отдѣльнымъ членамъ нашей организаціи, вступившимъ къ намъ красноармейцами, постепенно дезертировать вооруженными по направленію къ Тобольску, при чемъ мнѣ предоставилась бы полная возможность снабжать ихъ цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ фальшивыхъ удостовѣреній.

Наконецъ, принимая во вниманіе бывшую до моего отъѣзда изъ Петербурга скудость средствъ организаціи, устройствомъ офицеровъ въ формируемой мною части сразу же снималась съ организаціи всякая матеріальная забота о нихъ, такъ какъ они попадали на полное совѣтское иждивеніе.

Ночь я провелъ безъ сна, разобралъ всѣ детали создавшагося положенія, а вечеромъ, придя къ П., заявилъ ему о своемъ согласіи поступить на службу въ красную армію.

Онъ обѣщалъ мнѣ на слѣдующій же день передать о моемъ согласіи Чувикову.

Утромъ я пошелъ на почту и здалъ второе письмо Маркову 2-ому.

Первое письмо къ нему я отправилъ непосредственно послѣ телеграммы, а теперь сообщалъ весьма осторожно, что мнѣ удастся, быть можетъ, устроиться на многообѣщающую всѣмъ намъ службу. Само собой разумѣется, писать болѣе понятно и ясно я не могъ, рѣшивъ сдѣлать это позже по вступленіи на новую службу и послѣ детальнаго

выясненія всѣхъ возможностей для нашего дѣла черезъ перваго прибывшаго въ Тюмень отъ Вырубовой или отъ Маркова 2-ого, отправивъ его обратно въ Петербургъ съ порученіемъ на словахъ во всѣхъ подробностяхъ информировать какъ А. Вырубову, такъ и Маркова 2-ого.

Съ почты я отправился въ парикмахерскую. Мѣста всѣ были заняты, и мнѣ пришлось ждать очереди. Въ тотъ моментъ, когда я, наконецъ, дождался и подошелъ къ своему креслу, я лицомъ къ лицу столкнулся съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, только что окончившимся бриться, въ темносиней поддевкѣ и шелковой рубашкѣ. Онъ всталъ съ кресла рядомъ съ тѣмъ, на которое я собирался сѣсть. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на меня, а я на него. Я глазамъ своимъ не вѣрилъ: Передо мной стоялъ Соловьевъ, котораго я давно мысленно похоронилъ...

Оба мы, едва сдерживая волненіе, поздоровались. Совершенно безразличнымъ голосомъ Соловьевъ бросилъ мнѣ фразу:

— Давненько мы съ вами не видѣлись, что вы насъ позабыли?

Заходите сегодня на чашку чая... Вѣдъ вы же адресъ знаете! — И онъ назвалъ адресъ, котораго я, конечно, не зналъ. Я извинился, сослался, что, дескать, дѣла задержали, и обѣщалъ какъ нибудь зайти.

Само собой разумѣется, я сразу же изъ парикмахерской отправился къ Соловьеву. Онъ жилъ на окраинѣ Тюмени, у одной старушки, давнишней знакомой семьи Распутиныхъ.

Онъ мнѣ разсказалъ, что арестовавшіе его красногвардейцы были частью того отряда, который я встрѣтилъ по дорогѣ. Ими же онъ и бы привезенъ въ Тюмень. По дорогѣ ему пришлось испытать много весьма непріятныхъ минутъ, такъ какъ нѣсколько человѣкъ его эскорта предлагали своимъ „товарищамъ“ просто напросто ликвидировать эту с...., а не тащить его въ Тюмень. Въ совдепѣ онъ при допросѣ разсказалъ весьма длинную и туманную, но очень тонко составленную исторію о происхожденіи у него фальшивыхъ документовъ, главнымъ поводомъ къ полученію которыхъ было желаніе, еще во времена потугъ Керенскаго заставить революціонную армію перейти въ наступленіе, бросить фронтъ и ненавистную военную службу изъ за своихъ крайнихъ анархическихъ убѣжденій. Его доводы подѣйствовали на вѣчно полупьянаго предсѣдателя тюменскаго Совдепа, Нѣмцова и его помощника, такого же горькаго пьяницу Невѣрова, и онъ былъ выпущенъ на свободу подъ расписку о невыѣздѣ изъ Тюмени съ обязательствомъ являться каждый день въ Совденъ. Отобраннаго у него

чека на сумму въ 10.000 р. ему не вернули, о чемъ онъ очень сожалѣлъ, такъ какъ это были послѣднія деньги, которыя онъ хотѣлъ при помощи епископа Гермогена передать на расходы Ихъ Величествамъ.

Я въ свою очередь въ мельчайшихъ подробностяхъ описалъ Борису Николаевичу послѣдніе дни моего пребыванія въ Петербургѣ и мои Тобольскія явпечатлѣнія.

Онъ страшно удивился приказу Императрицы о моемъ отъѣздѣ изъ Тобольска къ нему въ Покровское потому, что если Государыня и считала, что мнѣ трудно будетъ устроиться конспиративно въ Тобольскѣ, то какъ же Она могла полагать, что мое пребываніе будетъ незамѣтно въ селѣ, которое значительно меньше Тобольска, все же являющагося городомъ, тѣмъ болѣе въ домѣ столь извѣстномъ не только жителямъ Покровскаго, но и всей округѣ.

Когда же я попросилъ Соловьева, какъ можно скорѣе вернуть полученныя мною отъ о. Васильева деньги, онъ еще болѣе изумился и взволновано отвѣтилъ мнѣ:

— Я отказываюсь что либо понимать. Это неправда, что вамъ сказалъ о. Васильевъ... Онъ далъ вамъ не свои деньги, а мои. Я ему передъ отъѣздомъ въ Покровское оставилъ нѣсколько тысячъ на расходы, связанные съ Царской Семьей... Все это очень странно, вообще, его образъ дѣйствій за послѣднее время мнѣ не нравится... Да мы и безъ него обойдемся!

Изъ дальнѣйшаго я понялъ, почему Борисъ Николаевичъ былъ недоволенъ о. Васильевымъ.

Онъ обрисовалъ мнѣ положеніе Царской Семьи въ слѣдующемъ видѣ. Съ октября мѣсяца прошлаго года, когда онъ впервые пріѣхалъ въ Тобольскъ и передалъ Ихъ Величествамъ первыя вещи, полученныя отъ А. Вырубовой, положеніе Ихъ сильно измѣнилось. Послѣ увольненія комиссара Макарова, человѣка, несмотря на опредѣленный революціонный стажъ, очень благожелательно настроеннаго къ Царской Семьѣ, а случилось это изъ-за опрометчивости и легкомыслія М. С. Хитрово, задержанной въ Тобольскѣ сразу же послѣ ея пріѣзда, на его мѣсто былъ присланъ нѣкто Панкратовъ, бывшій политическій ссыльный, человѣкъ весьма мало энергичный, который сразу же стушевался передъ „отряднымъ комитетомъ“, который не приминулъ зажать всю власть надъ Царственными Узниками въ свои лапы. Его помощникомъ сталъ Никольскій, типичный прапорщикъ революціоннаго времени, съ ухватками митинговаго оратора, хамъ по манерамъ и по происхожденію. Касательства къ жизни заключенныхъ онъ не имѣлъ никакого, а проводилъ время среди солдатъ отряда, найдя въ нихъ достойное себѣ общество. Начальникомъ отряда былъ пол-

ковникъ л.-гв. Волынскаго полка Е. С. Кобылинскій, какъ извѣстно, назначенный на эту должность Керенскимъ еще въ бытность Ихъ Величествъ въ Царскомъ Селѣ и пріѣхавшій въ Тобольскъ съ Клавдіей Михайловной Битнеръ, сестрой Царскосельскаго лазарета Краснаго Креста, съ которой онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ.

О Кобылинскомъ Борисъ Николаевичь былъ неопредѣленнаго мнѣнія. Трудно было себѣ представить, чтобы кадровый гвардейскій офицеръ могъ занять, благодаря своимъ революціоннымъ убѣжденіямъ, должность подобную той, которую онъ занималъ. Съ другой же стороны не было никакихъ данныхъ, которыя давали бы возможность думать, что онъ занялъ таковую по порученію одной изъ правыхъ организацій. По отношенію Ихъ Величествъ Кобылинскій держалъ себя корректно и весьма сдержанно. Отношеніе къ нему Ихъ Величествъ было недовѣрчивымъ и тоже сдержаннымъ.

Достаточной силы воли въ немъ не замѣчалось и никакого особого вліянія на комитетъ, не говоря даже о власти надъ нимъ, онъ не имѣлъ. Битнеръ была принята Ихъ Величествами, имѣла доступъ въ домъ и давала даже уроки Великимъ Княжнамъ и Наслѣднику. Держала она себя также, какъ и Кобылинскій, замкнуто и неопредѣленно.

Во всякомъ случаѣ убѣжденіемъ Бориса Николаевича было то, что если наступитъ моментъ насильственнаго освобожденія Царской Семьи, то Кобылинскій препятствій къ этому чинить не будетъ, но самъ для этого ничего не сдѣлаетъ.

Власть въ Тобольскѣ находилась въ рукахъ „совѣта рабочихъ депутатовъ“ эсъ-эровскаго состава съ нѣсколькими большевиствующими членами, но онъ власти никакой не имѣетъ. Главой же его даже можно считать „отрядный комитетъ“, какъ никакъ, а опирающійся на штыки воинской части, единственной въ Тобольскѣ. Отрядъ же состоялъ изъ 150 человѣкъ при пулеметахъ и 8-ми офицеровъ, не считая самого Кобылинскаго. Солдаты были набраны изъ запаснаго батальона 1-аго, 2-ого и 4-аго гв. стрѣлковыхъ полковъ; въ большинствѣ все это были старые солдаты, побывавшіе на фронтѣ, унтеръ-офицеры, георгіевскіе кавалеры. Среди нихъ сразу же обнаружились солдаты, вполнѣ лояльно относившіеся къ Ихъ Величествамъ, а глядя на нихъ, и другіе солдаты, вслѣдствіе долгой и близкой жизни при ихъ Величествахъ, перемѣнили свою ухарски-революціонную физіогномію.

Изъ восьми офицеровъ надежными можно было считать двухъ. Словомъ, конъюктура для созданія побѣга Ихъ Величествъ до большевистскаго переворота, если и не была

блестящей, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе благопріятной. Съ момента же перехода власти въ руки большевиковъ положеніе рѣзко измѣнилось къ худшему. Въ Тобольскъ стали проскакивать телеграммы изъ Петербурга, которыми совѣтскія власти стали корректировать жизнь Ихъ Величествъ, а „отрядъ“ переизбралъ предсѣдателя комитета, котораго и послалъ въ Петербургъ.

Избранъ былъ подпрапорщикъ Матвѣевъ, полуграмотный субъектъ, вернувшійся изъ „красной столицы“, исполненный большевицкой благодати и уже въ чинѣ прапорщика!... По его заявленію онъ былъ произведенъ въ офицеры самимъ Ленинымъ. Лучше онъ отъ этого не сдѣлался, а напротивъ, перевелъ всю свиту въ губернаторскій домъ, гдѣ и безъ того Ихъ Величества жили въ страшной тѣснотѣ и, что хуже всего, ограничилъ питаніе Ихъ Величествъ до крайности.

Вопросъ питанія вообще сталъ очень острымъ. Борисъ Николаевичъ до сего дня различными способами передалъ Ихъ Величествамъ 50.000 руб., изъ коихъ часть была изъ личныхъ его денегъ и денегъ его жены, а другая была передана ему А. Вырубовой. Кромѣ этого, нѣкоторые Тобольскіе купцы матеріально помогали Ихъ Величествамъ. Населеніе относилось къ нуждѣ Ихъ Величествъ крайне отзывчиво и помогало, какъ могло, продуктами.

Епископъ Гермогенъ и монастыри тоже посильно приходили на помощь Заключеннымъ, стараясь, какъ можно, облегчить и освѣтить жизнь несчастнымъ Страдальцамъ.

Самымъ возмутительнымъ было отношеніе бо́льшей части прислуги, деморализовавшейся окончательно, не считающейся со всей тяжестью обстановки и требовавшей аккуратной уплаты жалованія, вѣчно недовольной пищей, пьянствующей и не гнушавшейся даже воровствомъ. Такъ были случаи кражи бѣлья у Великихъ Княженъ и Наслѣдника. Особенно поразилъ меня Борисъ Николаевичъ своимъ разсказомъ о „доблестяхъ“ пресловутаго дядьки Наслѣдника Деревеньки, въ свое время не пожелавшаго ѣхать въ изгнаніе съ Ихъ Величествами и оставшагося въ Царскомъ.

Теперь въ Тобольскѣ, при разборѣ вещей, былъ случайно найденъ его сундукъ. Когда его вскрыли, онъ оказался переполненнымъ вещами Наслѣдника, какъ то верхнимъ платьемъ, бѣльемъ, ботинками, которые тотъ, видимо, въ теченіе многихъ лѣтъ, выкрадывалъ изъ гардероба Наслѣдника.

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, когда услышалъ про все это отъ Соловьева, и мнѣ невольно вспомнилось одно солнечное прекрасное утро, года за два до войны, домъ моей матери, открывающуюся дверь кабинета моего отчима и

выходящая изъ него коренастая, здоровая фигура въ матросской формѣ съ глазами полными слезъ, которыя онъ вытиралъ рукавомъ своей бѣлоснѣжной рубашки. Это былъ матросъ Деревенько, которому Ихъ Величества довѣрили ухаживаніе за Своимъ Царственнымъ Сыномъ. Мой отчимъ, безгранично преданный Ихъ Величествамъ, вызвалъ Деревеньку къ себѣ и въ часовой бесѣдѣ со свойственной ему прямотой и благородствомъ наставлялъ этого счастливца матроса, въ его обязаностяхъ къ своему Царственному Воспитаннику. Деревенько плакалъ и клялся моему отчиму служить Ихъ Величествамъ до конца дней своихъ. Теперь я слушалъ про результатъ его клятвъ. Какъ больно стало у меня на душѣ послѣ этого.

Очень повредило Ихъ Величествамъ неожиданное выступленіе во время Рождественскихъ Праздниковъ въ Благовѣщенской церкви о. Васильева. Его арестовали, но вскорѣ выпустили, и для него изъ этого большой бѣды не вышло, говорилъ мнѣ Борисъ Николаевичъ, нервно прохаживаясь по комнатѣ, но Ихъ Величествамъ онъ безусловно повредилъ такъ же, какъ напортила много своей легкомысленностью М. Хитрово въ августѣ. Ихъ перестали пускать въ церковъ, стали относиться подозрительно... Въ комитетѣ и совдепѣ пошли толки... Совдепъ, вѣдь, голову задралъ послѣ октябрьскаго переворота, а въ комитетѣ Матвѣевъ и пріѣхавшіе на смѣну уѣхавшимъ домой старымъ солдатамъ распущенные солдаты болѣе молодыхъ сроковъ стали видѣть въ этомъ необдуманномъ выступленіи какую то скрытую контръ-революцію! Вообще, теперь положеніе стало много хуже, въ этомъ я убѣдился въ послѣдній мой пріѣздъ!

Оказывается, послѣ этого печальнаго случая о. Васильеву ограничили доступъ въ домъ. Онъ сообщался съ Заключенными большей частью черезъ одного изъ служащихъ, а именно черезъ Кирпичникова, котораго я ошибочно принялъ за Волкова. Объ этомъ послѣднемъ Борисъ Николаевичъ отозвался, какъ о преданномъ человѣкѣ, который былъ однимъ изъ низшихъ членовъ придворной челяди, дѣлавшій много одолженій Ихъ Величествамъ и, что самое главное, умудрившійся прекрасно ладить какъ съ отряднымъ комитетомъ, такъ и со всей охраной.

О. Алексѣй, видимо, хочетъ играть первенствующую роль „спасителя и благодѣтеля“ Ихъ Величествъ. Богъ съ нимъ, пускай дѣлаетъ, что хочетъ, но только не мѣшаетъ... Его связь съ домомъ мнѣ не нужна. Я и безъ его помощи имѣю связь съ Ихъ Величествами, закончилъ свой разсказъ объ о. Васильевѣ Соловьевъ.

Несмотря на то, что охрана Ихъ Величествъ, благо-

даря пріѣзду новыхъ солдатъ, потерпѣла существенныя измѣненія, Борисъ Николаевичъ сообщилъ мнѣ, что среди нихъ наберется до 30 человѣкъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться и быть увѣренными, что они окажутъ свое содѣйствіе при освобожденіи Царской Семьи изъ заключенія. Послѣ ознакомленія меня со создавшейся обстановкой Соловьевъ перешелъ къ теоретическому изложенію плана возможнаго спасенія Заключенныхъ.

Обсудивъ все съ Соловьевымъ, мы могли констатировать слѣдующее: До сего дня никакихъ реальныхъ шаговъ для спасенія Царской Семьи организаціями, находящимися въ Россіи, предпринято не было. По всѣмъ имѣющимся у Соловьева даннымъ никакой концентраціи вѣрныхъ Ихъ Величествамъ людей въ раіонѣ Тобольска не было. Наиболѣе реальную помощь не въ смыслѣ предполагаемаго освобожденія, а въ смыслѣ облегченія жизни Ихъ Величествъ путемъ присылки необходимыхъ вещей и облегченія безконтрольнаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ, оказала Ихъ Величествамъ А. Вырубова. Связь между Тобольскомъ и Петербургомъ она поддерживала какъ черезъ Соловьева лично, такъ еще черезъ нѣсколько другихъ лицъ. Лично ему, Соловьеву, удалось на мѣстѣ сдѣлать до сего времени слѣдующее: 1) Твердо установить тайную связь съ Заключенными. 2) Образовать въ Тобольскѣ и въ ближайшемъ къ нему раіонѣ группу вѣрныхъ людей. 3) По всей линіи отъ Тобольска до Тюмени на разстояніи, равномъ приблизительно перегонамъ ямщиковъ, установить рядъ опредѣленныхъ пунктовъ съ вѣрными и надежными людьми, черезъ которыхъ пересылалась вся корреспонденція и мелкія вещи изъ Тобольска до Тюмени. 4) Удалось установить послѣ большихъ трудовъ постоянный и вѣрный контроль надъ почтово-телеграфными сообщеніями какъ „отряда“, такъ и Совдепа. Кромѣ того, и Тюменская почтово-телеграфная станція была у него подъ наблюденіемъ, такъ что даже шифрованныя телеграммы Тюменскаго совѣта не были для него тайной. 5), наконецъ, посильная матеріальная помощь Бориса Николаевича.

Такимъ образомъ экономились лишнія поѣздки самого Соловьева и другихъ лицъ по длинному и дорогому перегону Тюмень-Тобольскъ. Съ радостью согласившись помочь А. Вырубовой въ установленіи связи между ней и Императорской Семьей, Соловьевъ сразу понялъ, что, кромѣ частичнаго облегченія участи Ихъ Величествъ, ввиду недостатка у А. Вырубовой средствъ, ему ничего не удастся больше сдѣлать.

Моими разсказами о положеніи Петербургской организаціи, возглавляемой Марковымъ 2-ымъ, и о ея безде-

нежьи Соловьевъ былъ пораженъ. Когда я же разсказалъ ему, что тотъ требовалъ денегъ у А. Вырубовой, открыто говоря ей, что денегъ организація не имѣетъ, онъ мнѣ вполнѣ резонно отвѣтилъ:

— Я этого никакъ понять не могу. Это выше моего пониманія... Изъ вашихъ словъ слѣдуетъ. что организація зародилась чуть ли не съ мая мѣсяца прошлаго года, то есть почти годъ безъ малаго, и за этотъ промежутокъ времени Марковъ 2-ой не могъ собрать достаточныхъ средствъ и могъ, по вашимъ словамъ, выслать въ эти мѣста только одного Сѣдова! Какое же онъ имѣлъ право бросать обвиненія А. Вырубовой въ ея ничего не дѣланіи въ этомъ направленіи? Я могу удостовѣрить, что она сдѣлала все, что было въ ея силахъ и возможности!

На это я отвѣтилъ Борису Николаевичу, что нисколько не сомнѣваюсь, что А. Вырубова отдала послѣднее горячо ею любимымъ Ихъ Величествамъ и что, откровенно говоря, мнѣ самому не особенно понятно, какъ Марковъ 2-ой не могъ до сего дня обезпечить организацію необходимыми деньгами, принимая во вниманіе, что въ его распоряженіи было цѣлое лѣто и осень, вплоть до октября, когда банки дѣйствовали еще исправно. Единственно, что остается предположить, это то, что имя его не популярно въ тѣхъ кругахъ, которые желали бы матеріально помочь Императорской Семьѣ. Я же лично могу констатировать только тѣ немногіе факты, коихъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ. Въ какомъ положеніи находится организація и деталей ея я не знаю, такъ какъ являюсь лишь маленькимъ, рядовымъ членомъ ея, которому многое знать не надлежитъ. Не найдя средствъ для исполненія своей завѣтной цѣли, поѣздки въ эти края, въ своей организаціи, я нашелъ ихъ у А. Вырубовой, за что ей до конца своихъ дней буду благодаренъ. Я пріѣхалъ сюда и готовъ голову свою сложить ради пользы и счастья Ихъ Величествъ.

Изъ дальнѣйшего разговора съ Борисомъ Николаевичемъ я понялъ, что онъ сильно разсчитывалъ на активную помощь нѣкоторыхъ московскихъ круговъ, для связи съ которыми въ ближайшіе дни поѣдетъ сынъ о. Васильева.

Обсудивъ мои предположенія по поводу выгоды моего вступленія въ Красную армію для нашего дѣла, Соловьевъ вполнѣ согласился съ ними и одобрилъ ихъ.

Въ заключеніе нашей продолжительной бесѣды Борисъ Николаевичъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ свѣдѣнія, что отрядъ, который ѣздилъ въ Тобольскъ, тамъ задержался на время, никакихъ безчинствъ не произвелъ и вернулся обратно, и что эти поѣздки, слава Богу, на жизни Ихъ Величествъ не отразились. При прощаніи Соловьевъ рекомендовалъ

Тобольскъ. Благовѣщенская церковь.

ОКТЯБРЬ

Крупчатка 3 п. 10 ф.
Ржаная
Масло 1/16
Соль
Свѣча
Сахаръ 10 ф. 11 бр.
Мыло
Крупа
Овесъ

ПРАВИЛА:

1) Владѣлецъ карточки получаетъ продукты только при предъявленіи ея, въ Городской лавкѣ, или лавкѣ кооператива „Самосознаніе".

2) Въ случаѣ утраты карточки владѣлецъ лишается права на полученіе дубликата если офиціальными данными не докажетъ утрату.

3) Нормы выдачи продуктовъ и цѣны вывѣшены въ лавкахъ.

4) Передача карточки другому лицу воспрещается.

Тоб. Город. Продов. Ком.

Продовольственная карточка

№ 54

Фамилія Романовъ
Имя Николай
Отчество Александровичъ
Званіе Экс-Императоръ
Улица Свобода
№ дома
Составъ семьи Семь

Подпись выдавшаго карточку

Продовольственная карточка, выданная Государю Императору въ 1917 году Тобольскимъ Городскимъ Продовольственнымъ Комитетомъ.

мнѣ не особенно часто навѣдываться къ нему на квартиру. Поэтому мы рѣшили встрѣтиться черезъ два дня въ мѣстномъ театрѣ во время вечерняго представленія, гдѣ, при наплывѣ публики, наша встрѣча можетъ быть менѣе замѣчена.

ГЛАВА VI.

Передъ самой сдачей моихъ „Воспоминаній“ въ печать, во время моего пребыванія въ Парижѣ, М. Г. Соловьева, жена Б. Н. Соловьева, о которомъ была рѣчь въ предыдущей главѣ и который скоропостижно скончался въ полной нищетѣ въ Парижѣ лѣтомъ 1926-го года, передала въ мое распоряженіе цѣнные черновые, къ сожалѣнію, не законченные наброски покойнаго о его поѣздкѣ въ Тобольскъ.

Чтобы дополнить сказанное мною о моемъ пребываніи въ Тобольскѣ, я привожу ниже безъ всякихъ измѣненій и поправокъ отрывокъ изъ замѣтокъ Б. Н. Соловьева, касающійся переговоровъ его съ епископомъ Гермогеномъ въ одну изъ его поѣздокъ въ Тобольскъ, что и займетъ настоящую главу. Б. Н. Соловьевъ такъ начинаетъ описаніе своего отъѣзда изъ Петербурга въ Тобольскъ:

Пріѣхавъ на Николаевскій вокзалъ около семи часовъ утра, я расплатился съ извощикомъ, который, считая меня возвращающимся на родину солдатомъ, ругалъ меня всю дорогу. Выйдя на платформу, отъ которой долженъ былъ отойти мой поѣздъ, я увидѣлъ толпу солдатъ, которая запрудила всѣ запасные и подъѣздные пути.

Изрѣдка съ большимъ трудомъ протискивался черезъ нее осыпаемый площадной бранью какой нибудь служащій дороги. Носильщики злобно ходили около платформы, отмахиваясь отъ пассажировъ, предлагавшихъ взять у нихъ багажъ, такъ какъ все равно это было безполезно!

Никого въ поѣздъ они устроить не могли ...

Въ толпѣ я узналъ, что поѣздъ должны подать минутъ черезъ двадцать. Протиснувшись съ огромнымъ трудомъ въ первые ряды толпы, я увидѣлъ подходившій поѣздъ. Толпа заволновалась, задвигалась и закричала. Когда поѣздъ подошелъ совсѣмъ близко, все это море людей устремилось, сшибая другъ друга съ ногъ, топча тяжелыми сапогами упавшихъ, въ двери и окна еще не остановившагося поѣзда. Крики ушибленныхъ, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, площадная брань, драка и борьба самая ожесточенная, вотъ была картина посадки въ поѣздъ въ свободной, не „Царской“ Россіи!

Администрація не вмѣшивалась, такъ какъ была совершенно безсильна, да и вмѣшательство часто оканчивалось

кровавой расправой со стороны озвѣрѣлой толпы. Улучивъ удобную минуту, я черезъ головы нѣсколькихъ солдатъ бросилъ свой чемоданъ въ окно изъ раскрытыхъ оконъ вагона и энергично принялся протискиваться къ этому окну. Мнѣ посчастливилось, и я уже держался за окно руками, подтянулся и перегнулся корпусомъ во внутрь вагона. Еще мгновеніе и я былъ бы тамъ, но мой соперникъ, котораго я опередилъ, здоровенный гвардейскій солдатъ, въ послѣдній моментъ ухватилъ меня за ногу и энергично сталъ тянуть обратно.

Я брыкался ногами, но это еще болѣе разозлило солдата, и онъ напрягалъ всѣ усилія, чтобы вытащить меня изъ окна. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась вся это борьба, если бы на помощь мнѣ не пришелъ мой собственный сапогъ, за который солдатъ тянулъ меня. Сапогъ сталъ слѣзать съ ноги и, прежде чѣмъ солдатъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, я съ огромнымъ усиліемъ рванулся впередъ и, оставивъ сапогъ въ рукахъ соперника, кубаремъ свалился на свой чемоданъ во внутрь вагона.

Солдатъ съ сапогомъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ на платформу и въ этотъ моментъ раздался свистокъ паровоза и поѣздъ плавно тронулся съ мѣста подъ брань и проклятія несчастливцевъ, не попавшихъ въ него. Бывали случаи, когда люди по нѣсколько дней не могли попасть въ поѣздъ.

Осмотрѣвшись и поднявшись съ полу вагона, я увидѣлъ, что, кромѣ меня, на сундукахъ сидѣло еще трое солдатъ, а комфортабельное купэ, правда, безъ диванов, оказалось уборной III-го класса!

Дѣлать было нечего, Слава Богу, что и такъ устроился! Придя немного въ себя, я одной изъ своихъ рубашекъ (что же было дѣлать) замоталъ себѣ ногу, такъ какъ морозъ доходилъ до 13-ти градусовъ по Реомюру, а окно было не только выбито, но и высажено съ рамой.

Закуривъ, я погрузился въ дремоту и незамѣтно заснулъ часа на полтора, когда громкіе крики меня разбудили. Мы на первой большой станціи, и поѣздъ снова атаковывался новыми пассажирами... Надо было защищаться. Мои спутники энергично отталкивали отъ окна желавшихъ влѣзть въ него, ругались и кричали до хрипоты. Двери пришлось защищать мнѣ, отругиваясь и не пуская ломившихся къ намъ. Уборная превратилась въ цитадель, защищаемую многочисленнымъ (судя по объему) гарнизономъ. Наконецъ, поѣздъ тронулся. Мы одержали побѣду и провели остатокъ ночи сравнительно спокойно. Къ намъ товарищи перестали ломиться, видимо, примирившись съ занятіемъ нами этого необходимаго учрежденія... Рано утромъ, проснувшись, я съ удивленіемъ протеръ глаза: Мои

спутники сидѣли и съ увлеченіемъ распивали чай изъ жестяныхъ чайниковъ, изъ которыхъ весело струился паръ. Такъ какъ чайника у меня не оказалось (большая съ моей стороны опрометчивость), спутники любезно подѣлились со мной своимъ живительнымъ напиткомъ. На первой же станціи я вылѣзъ въ окно, правда, въ одномъ сапогѣ, и могъ умыться около водопроводной будки и возвратился обратно черезъ двери, такъ какъ населеніе вагона сильно уменьшилось за ночь. Протискиваясь сквозь вагонъ, я, вдругъ, къ величайшей своей радости, увидѣлъ на одной изъ своихъ полокъ свой сапогъ. Я уже, было, схватилъ его, какъ чей то голосъ съ верхней полки крикнулъ:

— Эй! Куда ты прешь мой сапогъ?

Наученный горькимъ опытомъ, я отвѣтилъ изряднымъ ругательствомъ съ обѣщаніемъ накостылять за воровство. Подъ общій хохотъ, я одѣлъ свой сапогъ и укрылся въ нашемъ „купэ".

На пятый день я благополучно прибылъ въ Тюмень, гдѣ, въ ожиданіи лошадей на Покровское и чтобы немного передохнуть, остановился у моихъ незамѣнимыхъ друзей старовѣровъ.

Они, не безъ удивленія, разсматривали мой убогій нарядъ и, охая, поминая имя Божье, слушали мой разсказъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ.

Рано утромъ, на слѣдующій день, мнѣ подали тройку, снабдили теплымъ тулупомъ, и я отправился въ Покровское, которое, какъ извѣстно, лежитъ на пути въ Тобольскъ.

Къ обѣденному времени ямщикъ уже стукался въ ворота дома моей жены, а черезъ минуту моя теща, шуринъ Димитрій и всѣ домашніе наперерывъ спѣшили обнять меня, закидывая массой вопросовъ, на которые я едва успѣвалъ отвѣчать. Только послѣ обѣда, когда я остался наединѣ съ моей тещей и Димитріемъ, я разсказалъ имъ о цѣли моего путешествія. Они сообщили мнѣ, что поѣздка въ Тобольскъ не безопасна, такъ какъ послѣ ареста и высылки какихъ то пріѣзжихъ офицеровъ и придворной дамы (какъ я понялъ, рѣчь шла о М. С. Хитрово), власти тщательно наблюдаютъ за всѣми пріѣзжими, а тѣмъ болѣе теперь, зимою, ихъ очень мало. Мы рѣшили, что на слѣдующее утро меня отвезетъ въ Тобольскъ Димитрій и я поѣду подъ видомъ торговца краснымъ товаромъ. Такъ и сдѣлали; на слѣдующее утро мы выѣхали въ Тобольскъ. Путь былъ не малый, 240 верстъ, и на одной лошади быстро его не сдѣлаешь, тѣмъ болѣе, что ударили сильные морозы до 35—40 градусовъ по Реомюру. Лишь черезъ четыре дня пути къ вечеру, на горѣ стали обрисовываться башни и колокольни церквей Тобольска.

Утомленные, мы остановились на первомъ попавшемся постояломъ дворѣ. Рано утромъ насъ разбудилъ колокольный звонъ, такъ какъ было воскресеніе и, торопливо приведя себя въ порядокъ, мы отправились къ обѣднѣ въ соборъ, гдѣ, какъ разъ, Литургію служилъ Епископъ Гермогенъ, злой врагъ моего покойнаго тестя.

Епископъ Гермогенъ отлично зналъ меня еще дѣтства и очень любилъ меня. Мой отецъ былъ тоже всегда въ хорошихъ отношеніяхъ съ Владыкой и даже, когда его постановленіемъ Синода выслали изъ Петербурга, мой отецъ снабдилъ опальнаго Епископа необходимыми на дорогу деньгами. Владыка Гермогенъ былъ настоящимъ безсеребренникомъ и все, что имѣлъ, всегда раздавалъ нищимъ, а потому всегда нуждался въ деньгахъ.

Послѣ обѣдни всѣ присутствовавшіе на богослуженіи стали подходить къ Владыкѣ подъ благословеніе. Съ бьющимся сердцемъ и не зная, узнаетъ ли меня Владыка въ нарядѣ торговца, медленно приближался я съ толпой къ амвону. Нѣсколько мгновеній и Владыка привычнымъ жестомъ поднялъ руку, чтобы благословиить меня. Взглянувъ мнѣ въ лицо, онъ вздрогнулъ, рука его какъ бы повисла въ воздухѣ. Я наклонилъ голову, Владыка торопливо благословилъ меня и незамѣтно пожалъ мнѣ руку. Никто не замѣтилъ происшедшаго.

Я отошелъ въ сторону и сталъ ждать, пока соборъ опустѣетъ и Епископъ удалится въ алтарь. Ко мнѣ вскорѣ подошелъ старикъ монахъ и торопливымъ шепотомъ попросилъ прійти въ Митрополичій домъ послѣ вечерни. Довольный удачнымъ началомъ, не торопясь, вышелъ я изъ собора и въ сопровожденіи Димитрія отправился на постоялый дворъ. Спускаясь въ городъ изъ собора я не могъ не остановиться, пораженный чудесной картиной Тобольска, занесеннаго снѣгомъ, со множествомъ старинныхъ церквей затѣйливой архитектуры. Дѣйствительно, видъ изъ Кремля на городъ былъ чрезвычайно живописенъ.

На постояломъ дворѣ, въ слободѣ, насъ ожидалъ кипящій самоваръ и различная сибирская снѣдь. Какъ водится, хозяева вступили съ нами въ разговоръ: Зачѣмъ и на долго-ли мы пріѣхали? Удовлетворивъ ихъ любопытство и сообщивъ, что останемся до перваго базарнаго дня, мы изъ дальнѣйшаго разговора выяснили кое какія подробности изъ жизни Царской Семьи въ Тобольскѣ.

Обычно, массы народа заполняли улицу передъ губернаторскимъ домомъ, гдѣ жила Царская Семья, и народъ привѣтствовалъ появлявшихся въ окнахъ Ея Членовъ. Исключенія были очень рѣдки. А мѣстные татары, собравшись въ одинъ изъ своихъ праздничныхъ дней во главѣ съ

муллой, передъ домомъ отслужили подъ открытымъ небомъ молебствіе о здравіи Ихъ Величествъ...

Былъ также случай, когда, при прохожденіи Ихъ Величествъ въ церковь, одинъ рабочій крикнулъ по Ихъ адресу обидное оскорбленіе, за что его народъ чуть не разорвалъ на части!...

Эти безхитростные разсказы очень заинтересовали меня, и я могъ убѣдиться, что пребываніе Царской Семьи въ Тобольскѣ служило животрепещущей темой для обывателей и, если хотите, стало какъ бы предметомъ ихъ гордости: Вотъ, молъ, знай нашихъ, тобольскихъ, у насъ сама Царская Семья проживаетъ!

Вскорѣ Димитрій ушелъ въ городъ навѣстить кое кого изъ знакомыхъ, а я отправился къ губернаторскому дому. Онъ находился совсѣмъ недалеко отъ пристани. Загороженный съ одной стороны временнымъ деревяннымъ заборомъ, окруженный караульными будками, онъ производилъ впечатлѣніе формальной тюрьмы. Обойдя его кругомъ и хорошо ознакомившись съ его мѣстоположеніемъ, я остановился напротивъ главнаго фасада, медленно раскуривая трубку, чтобы не обращать на себя вниманія часовыхъ, самъ же внимательно всматриваясь въ окна, гдѣ изрѣдка мелькало свѣтлое женское платье, повидимому, одной изъ Великихъ Княженъ. Но долго задерживаться не приходилось и я, повернувшись, пошелъ назадъ.

Не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ изъ-за угла навстрѣчу вышелъ генералъ Татищевъ. Это вовсе не входило въ мои разсчеты... Вдругъ узнаетъ... Остановитъ и заговоритъ?... Закутавъ поглубже лицо шерстянымъ платкомъ, я быстро прошелъ мимо него. Генералъ не узналъ меня.

Миновавъ и тщательно обходя домъ, въ которомъ помѣщалась свита, я пошелъ обратно на постоялый дворъ, но дорогѣ замѣтивъ хорошенько, чтобы не искать, одинъ домъ, куда я намѣревался зайти послѣ свиданія съ Владыкой.

На постояломъ дворѣ я засталъ уже Димитрія, съ которымъ подѣлился впечатлѣніями. Онъ въ свою очередь разсказалъ мнѣ, что всѣ его знакомые купцы на базарѣ въ одинъ голосъ подтвердили ему, что населеніе въ огромномъ большинствѣ, дѣйствительно, очень сочувственно относится къ Ихъ Величествамъ и, если и есть недоброжелатели въ средѣ немногочисленныхъ рабочихъ и прибывающихъ съ фронта солдатъ, то за ихъ малочисленностью это существеннаго значенія не имѣетъ. Онъ также разсказалъ мнѣ, что навѣстилъ знакомую монахиню, которая довольно часто бываетъ въ губернаторскомъ домѣ, куда она носитъ съѣст-

ные продукты, и что ею можно воспользоваться для передачи чего либо Ихъ Величествамъ.

Вскорѣ церковные колокола зазвонили къ вечернѣ. Пробывъ въ соборѣ до конца вечерни, я подождалъ, пока разошлись всѣ молящіеся, вышелъ изъ церкви и черезъ нѣсколько минутъ оказался около Митрополичьяго дома. Открывшій мнѣ массивную дубовую дверь монахъ сказалъ мнѣ, что Владыка уже меня ожидаетъ.

Епископа Гермогена я нашелъ въ большомъ кабинетѣ, склонившагося надъ письменнымъ столомъ. Увидя меня, онъ торопливо пошелъ мнѣ навстрѣчу и послѣ благословенія ласково обнялъ меня и воскликнулъ:

— Какими судьбами?! Вотъ уже не ожидалъ!

Онъ приказалъ келейнику приготовить чай, усадилъ меня рядомъ съ собой, разспрашивая меня о моемъ отцѣ и родственникахъ. Я давно уже не видѣлъ Владыку и мнѣ понадобилось много времени, чтобы разсказать ему о моей жизни за послѣдніе годы.

Когда я дошелъ до разсказа о своей женитьбѣ, Владыка вскочилъ со своего мѣста, словно ужаленный, а затѣмъ сталъ быстро ходить по кабинету, что то бормоча про себя, то вздыхая, то крестясь. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ, крѣпко меня поцѣловалъ и сказалъ, что это я очень хорошо сдѣлалъ.

— Я знаю, говорилъ онъ, что великій крестъ ты на себя взялъ, женившись на дочери Григорія въ такое время, но вѣрю, что ты будешь для нея вѣрной и крѣпкой защитой! Совершишь великій подвигъ и Господь не оставитъ тебя за твою любовь къ гонимымъ и обездоленнымъ! Слушай! ты отлично знаешь исторію моихъ отношеній съ покойнымъ Григоріемъ! Я его любилъ и вѣрилъ въ него, вѣрнѣе въ его миссію внести что то новое въ жизнь Россіи, что должно было укрѣпить ослабѣвшія связи между Царемъ и народомъ на пользу и благо послѣдняго! Но его самовольное отступленіе отъ нашей программы, противоположный моему путь, по которому онъ пошелъ, его нападки на аристократію и на такихъ людей, какъ Великій Князь Николай Николаевичъ, которыхъ я всегда считалъ опорою трона, заставило вначалѣ меня отвернуться отъ него, а затѣмъ, видя его усилившееся вліяніе при дворѣ и учитывая, что при этомъ условіи его идеи будутъ еще вредоноснѣе, я началъ энергичную кампанію противъ него. Въ азартѣ этой борьбы я многаго не замѣчалъ. Я не видѣлъ, напримѣръ, что моя борьба усиливаетъ вредные элементы среди оппозиціи Государственной Думы. Я не видѣлъ, что, словно Сатана, искушавшій Христа, вокругъ меня вертится, неустанно внушая мнѣ ненависть, упорство и злобу, это подлинно презрѣнное су-

щество, Иліодоръ! Результаты ты помнишь? Громкій скандалъ: Я побѣжденъ и отправленъ въ ссылку въ Жировецкій монастырь, гдѣ, когда волненія души улеглись и я обрѣлъ возможность спокойно размышлять, я съ ужасомъ увидѣлъ итогъ моего выступленія: Борясь за Тронъ, я своей борьбой только скомпрометтировалъ его лишній разъ! Сколько мукъ и терзаній пережилъ я потомъ! И вотъ, 1916-ый годъ, декабрь мѣсяцъ и Григорій убитъ!... Тебѣ разскажу я, какъ я узналъ эту новость. Я служилъ обѣдню въ монастырѣ. Богомольцевъ было мало и службу я окончилъ сравнительно рано. Благословивъ присутствовавшихъ, я разоблачился, одѣлъ шубу и въ сопровожденіи своего келейника пошелъ къ себѣ въ келью. На пути, какъ обычно, меня встрѣтилъ о. гостинникъ съ отобранной для меня корреспонденціей, немногими письмами и газетами, которыя я регулярно выписывалъ. Поблагодаривъ о. гостинника, я прошелъ къ себѣ, гдѣ келейникъ раздѣлъ меня, далъ домашній подрясникъ и туфли. Такъ какъ время близилось къ обѣду, то я тутъ же благословилъ его итти на монастырскую кухню, что онъ и исполнилъ.

Я остался одинъ. Одѣвъ туфли, вооружившись очками, я принялся за чтеніе газетъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это было сообщеніе с смерти Григорія Распутина... Я невольно подумалъ: Вотъ онъ гналъ меня и за него я нахожусь сейчасъ на положеніи ссыльнаго, но возмездіе было близко и кара Божья обрушилась на него и онъ убитъ!

Вдругъ, я никогда не забуду этого момента, я ясно услышалъ громкій голосъ Григорія за спиной:

— Чему радовался?... Не радоваться дано, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!

Я обомлѣлъ въ первую минуту отъ ужаса... Уронивъ газету и очки, я боялся повернуться, да и не могъ сдѣлать этого... Словно остолбенѣлъ. Наконецъ, перекрестившись, я быстро всталъ, оглядѣлъ келью — никого! Въ прихожей тоже никого!... Опустившись на кресло, я не зналъ, что предпринять! Въ это время раздался стукъ въ дверь и обычная молитва: — Господи Іисусе!

— Аминь! съ трудомъ отвѣтилъ я; вошелъ свъ ѣдой мой келейникъ. Не успѣлъ онъ переступить порога, какъ я его осыпалъ вопросами, не встрѣчалъ ли онъ кого либо до дорогѣ и въ корридорѣ и не разговаривалъ ли онъ съ кѣмъ нибудь по дорогѣ, на что получилъ отрицательный отвѣтъ!...

Я не могъ ничего ѣсть, тщетно стараясь объяснить себѣ этотъ странный случай... Наконецъ, я задалъ себѣ вопросъ:

— Чей голосъ слышалъ я?

Пришлось отвѣтить: Григорія! . . . Я не могъ въ этомъ ошибиться!

Не мнѣ тебѣ разсказывать, ты это не хуже меня знаешь, что Григорій былъ особеннымъ человѣкомъ, и много чудеснаго связано съ его личностью. Одно скажу, я съ трудомъ дождался вечерни, послѣ которой я отслужилъ по немъ панихиду, духовно примирившись съ нимъ . . .

Владыка сталъ мнѣ много разсказывать о Григоріи Ефимовичѣ, но такъ какъ я торопился, то онъ, благословивъ меня, отпустилъ меня, условившись, что во время моего пребыванія въ Тобольскѣ мы будемъ видѣться послѣ вечерни.

Выйдя изъ Митрополичьяго дома, я быстро пошелъ по направленію къ дому, который я замѣтилъ еще днемъ, и черезъ нѣсколько минутъ былъ у цѣли. Не скоро мнѣ открыли дверь. Сначала подробно опросили, къ кому и зачѣмъ, и, наконецъ, дверь, запертая на нѣсколько засововъ, отворилась.

Раздѣвшись въ передней, я прошелъ въ комнату, гдѣ меня встрѣтила съ недоумѣніемъ и замѣтной тревогой молодая дѣвушка лѣтъ 23-хъ.

Это была Х., придворная служащая при Государынѣ. Во время отъѣзда Ихъ Величествъ изъ Царскаго Села она была больна и было рѣшено, что она пріѣдетъ позже. Но, когда она, поправившись отъ болѣзни, пріѣхала въ Тобольскъ, охрана не допустила ее въ губернаторскій домъ, и она была принуждена остаться въ Тобольскѣ со слабой надеждой, что, быть можетъ, ей впослѣдствіи удастся измѣнить рѣшеніе отряднаго комитета.

Она была безпредѣльно предана Ихъ Величествамъ и пользовалась Ихъ довѣріемъ и любовью.

Меня она никогда не видѣла раньше, чѣмъ и объясняется ея недоумѣніе и страхъ при видѣ меня. Я ей объяснилъ, что пріѣхалъ по порученію А. Вырубовой и передалъ ей ея письмо.

Когда она кончила его читать, ея испугъ смѣнился радостью, и она была безконечно благодарна мнѣ за сообщенныя ей послѣднія Петербургскія новости о ея родныхъ и знакомыхъ. Я передалъ ей, что имѣю нѣсколько посылокъ для Ихъ Величествъ, которыя нужно передать, не возбуждая ничьихъ подозрѣній. Она съ радостью согласилась исполнить мою просьбу черезъ камердинера Государыни Волкова, который имѣлъ свободный доступъ въ домъ и у котораго она часто бывала.

Деньги и цѣлый рядъ писемъ для Ихъ Величествъ я оставилъ у Х. и она завтра же обѣщала передать ихъ Волкову. Условившись прійти къ ней на слѣдующій день ве-

черомъ, я въ радужномъ настроеніи покинулъ ее. Все складывалось, какъ нельзя лучше. Господь не оставлялъ меня своими милостями!

На другой день вечеромъ я снова былъ у Владыки. Благословивъ и поздоровавшись со мной, Владыка сразу же сказалъ:

— Вчера за спѣшкой ты такъ и не сказалъ мнѣ толкомъ, зачѣмъ сюда пріѣхалъ?... Я много думалъ и догадался еще въ соборѣ, что не спроста ты пожаловалъ въ наши края, но раньше моихъ догадокъ, ты самъ мнѣ все разскажи.

Я подробно разсказалъ Владикѣ, зачѣмъ пріѣхалъ, разсказалъ и о А. Вырубовой и о ея мытарствахъ и хлопотахъ по пріисканію денегъ. Я не скрылъ отъ Владыки, что далеко не всѣ, къ кому обратилась Анна Александровна, откликнулись на ея мольбы о помощи несчастной Царской Семьѣ и, что удивительнѣе всего, пришли на помощь лица, на которыхъ, по теоріи вѣроятности, меньше всего можно было разсчитывать, а именно: жена нашего бывшаго военнаго министра Сухомлинова, недавно выпущенная изъ тюрьмы, милая, добрая Екатерина Викторовна, которая никогда не пользовалась расположеніемъ Ихъ Величествъ и была впервые принята Ея Величествомъ не за долго до войны. Съ христіанскимъ всепрощеніемъ, забывшая съ мужемъ все, что имъ пришлось перенести за послѣдніе годы кошмарныхъ обвиненій, крѣпости и суда, Екатерина Викторовна пришла на помощь не только матеріально, пожертвовавъ послѣдними крохами, но и вещами, которыя привезъ я и которыя были доставлены Царской Семьѣ при помощи Х.

Другимъ лицомъ, откликнувшимся на призывъ Анны Александровны, былъ извѣстный банкиръ Ярошинскій, полякъ по происхожденію, который съ большой сердечностью матеріально пришелъ на помощь для улучшенія положенія Царской Семьи.

Владыка молча, не прерывая меня, слушалъ, изрѣдка покачивая сѣдой головой. Когда я кончилъ, Владыка сказалъ, что я сдѣлалъ благородный поступокъ, взявъ на себя миссію помочь Несчастнымъ.

— Богъ наградитъ тебя за это... А люди, — тутъ Владыка задумался, — ну, да что о нихъ говорить, будь отвѣтчикомъ передъ своей совѣстью, будетъ она покойна, ничьи сужденія тебя не потревожатъ, и помни всегда, что добро и любовь должны свѣтиться въ человѣкѣ независимо отъ его политическихъ убѣжденій.

Затѣмъ Владыка подѣлился со мной своими впечатлѣ-

ніями о своей послѣдней поѣздкѣ къ Святѣйшему Патріарху Тихону.

— Много мы бесѣдовали со Святѣйшимъ и о судбѣ Россіи и о Царской Семьѣ. Онъ убѣжденъ, да и меня убѣдилъ, что царство большевиковъ на Руси неизбѣжно и продлится долго, нѣсколько лѣтъ по всей вѣроятности, а если вспыхнетъ, не дай Богъ, гражданская война, то затянется еще дольше. Его стремленіе отдѣлить церковь отъ политики и сохранить тѣмъ ее въ тяжелое дремя. Что казается Царской Семьи, Святѣйшій очень скорбѣлъ о Ихъ судьбѣ, говорилъ мнѣ, что онъ хоть бы морально помогалъ Узникамъ, но лично для Нихъ ничего сдѣлать не можетъ, а монархистовъ, которые могли бы помочь, какъ организаціи, въ Москвѣ не существуетъ. Всѣ разсыпались, всѣ заняты спасаніемъ своихъ животовъ. На прощаніе Святѣйшій далъ мнѣ большую просфору, просилъ передать Государю вмѣстѣ съ его Патріаршимъ благословеніемъ.

Радость, которую я имѣлъ по случаю вступленія на патріаршій престолъ Святѣйшаго Тихона, возрожденія Патріаршества на Руси, омрачилась бесѣдами со Святѣйшимъ и многими лицами, собравшимися тогда вк Москвѣ.

Эта поѣздка нанесла сильный ударъ моему оптимизму. Я сталъ внимательно приглядываться къ настроенію различныхъ слоевъ общества, особенно его низовъ. Я почуялъ большую силу, которая мнѣ не безъ основанія казалась вредной, съ которой надо было бороться, хотя бы и безъ надежды на успѣхъ. Съ тяжелымъ сердцемъ я выѣхалъ изъ Москвы и, доѣхавъ съ трудомъ до Тобольска, отдался здѣсь цѣликомъ борьбѣ съ большевизмомъ. И долженъ тебѣ признаться, что послѣдній сильнѣе моей проповѣди. Я съ ужасомъ вижу, какъ эта зараза распространяется по краю.

Что касается моего мнѣнія о судьбѣ Царской Семьи, то положеніе ея трагическое. Врядъ ли кто думаетъ и отдаетъ себѣ въ этомъ ясный отчетъ. Съ приходомъ большевизма Ихъ ждетъ несчастный жребій Маріи Антуанеты и Людовика. Все въ исторіи повторяется, и развѣ ты въ Россіи не слыхалъ пожеланій уничтожить Ихъ? Да что, въ Россіи! Такіе голоса раздаются уже у насъ въ Тобольскѣ! Нѣтъ, нѣтъ, не помогать Имъ деньгами, не кофточки и одеколонъ посылать Имъ — спасти Ихъ надо! Понимаешь, спасти!

Я былъ потрясенъ бесѣдой съ Владыкой. У меня какъ бы раскрылись глаза, Да, я слышалъ повсюду требованія судить, а чаще просто, убить бывшаго Царя. Я лишь не отдавалъ себѣ отчета, насколько серьезны эти угрозы. Опасность для Царской Семьи была на лицо. Ея тихое и мирное пребываніе въ Тобольскѣ могло сразу и совершенно измѣниться къ худшему. Для этого только стоило въ Тобольскѣ

появится большевикамъ! Да! Владыка былъ правъ, въ исторіи все повторяется, и Русскій Императоръ со своей Семьей въ Тобольскѣ, быть можетъ, были не далеки отъ трагическихъ дней, пережитыхъ въ свое время въ Тюльерійскомъ Дворцѣ. Владыка, видя мое смущеніе, прервалъ воцарившее молчаніе:

— Не падай духомъ, мужайся и пойми, что пути Господни не исповѣдимы! Молись и вѣра въ Господа дастъ тебѣ спокойный и здравый разсудокъ!

Я чистосердечно отвѣтилъ Владыкѣ, что есть мудрая русская пословица, которая къ создавшемуся положенію, къ сожалѣнію, не примѣнима, а именно: Береженнаго и Богъ бережетъ.

Я не вижу, что бы кто нибудь берегъ Ихъ Величества и даже серіозно думалъ надъ этимъ вопросомъ, кромѣ Владыки. Но развѣ онъ одинъ можетъ уберечь Царскую Семью, не говоря даже о Ея освобожденіи и вывозѣ изъ Тобольска.

Владыка всталъ изъ своего кресла и нервными шагами прошелъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Я пастырь, я призванъ духовно пасти моихъ вѣрующихъ чадъ. Я по своему положенію у всѣхъ на глазахъ. Я не могу быть ни конспираторомъ, ни организаторомъ тайнаго общества, кое должно поставить себѣ цѣль спасти Ихъ Величествъ. Общество должно быть тайнымъ, ты это и самъ понимаешь... Добился негласной связи съ Царской Семьей и поддерживаю Ея не только духовно, но по возможности, и матеріально, но эта послѣдняя помощь ничто передъ тѣмъ, что нужно было бы сдѣлать... Когда Ихъ Величества перевезли въ наши края, я былъ увѣренъ, что непосредственно пріѣдетъ, дѣйствительно, строго конспиративно не одно лицо, а цѣлый рядъ преданныхъ и вѣрныхъ Имъ людей.

У меня и въ мысляхъ не было помышлять о добываніи матеріальныхъ средствъ, я не говорю, ужъ, для Ихъ спасенія, а для Ихъ повседневной жизни. Въ прошломъ сентябрѣ исподволь да разумно можно было многихъ людей здѣсь размѣстить, ну, а теперь... Теперь все измѣнилось.

Много напортило неудачное появленіе здѣсь М. С. Хитрово. Я ни на минуту не сомнѣвался и не сомнѣваюсь въ ея преданности и безграничной любви къ Царской Семьѣ, но она была слишкомъ мало осмотрительна во время своей поѣздки. И развѣ отъ нея можно требовать какой то партійной конспираціи, присущей нашимъ противникамъ? Не намъ судить ее за ея искренне желаніе помочь Ихъ Величествамъ. Потомъ пріѣхало нѣсколько человѣкъ офицеровъ. Нашумѣли, наболтали лишняго и были высланы. Результатомъ всего этого явилось строгое наблюденіе за всѣми пріѣзжими. Теперь оно нѣсколько ослабѣло, потому что за послѣд-

ніе мѣсяцы никто сюда и не пріѣзжалъ, но все совѣтую тебѣ быть осторожнымъ. Помни, что всякій опрометчивый шагъ съ нашей стороны можетъ быть гибелью для Тѣхъ, о комъ мы заботимся...

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Владыкой я выяснилъ, что наилучшимъ способомъ незамѣтнаго пребыванія вблизи Тобольска являются его окрестности, на которыя мѣстное начальство пока своего вниманія не распространяло.

По его совѣту я на слѣдующее же утро выѣхалъ въ Абалакскій монастырь, находящійся неподалеку отъ Тобольска.

— Тамъ найдешь ты и подкрѣпленіе своимъ духовнымъ силамъ и увидишь людей, кои, какъ и ты, хотятъ помочь Ихъ Величествамъ, — напутствовалъ меня Владыка.

Наша отдохнувшая отъ долгаго пути лошаденка бодро бѣжала по широкому укатанному снѣжному пути, и совсѣмъ незамѣтно мы очутились передъ зубчатыми стѣнами Абалакскаго монастыря.

Монахъ, привратникъ, съ молчаливой дружелюбностью встрѣтилъ насъ и проводилъ въ пріемную комнату монастырской гостинницы, а самъ пошелъ за отцомъ гостинникомъ. Въ высокой сводчатой комнатѣ, давно, видимо, не топлено и пахло смѣсью сырости и ладана... Я опустился въ широкое клеенчатое кресло и глаза мои остановились на полинявшихъ портретахъ Государя и Государыни.

— За что, за что эти муки и страданія? — казалось, говорили мнѣ задумчивые глаза Императора.

Острая сердечная боль прорѣзала меня, и точно какой то клубокъ подошелъ къ моему горлу... Въ этотъ моментъ вошелъ въ комнату о. гостинникъ.

— Господи Іисусе — услышалъ я.

Димитрій и я вскочили съ мѣста. О. гостинникъ очень радушно насъ принялъ, но такъ какъ зданіе не отапливалось, то онъ предложилъ намъ пройти въ церковь, гдѣ шла вечерняя служба, чтобы этимъ временемъ затопить печь въ обѣихъ предоставленныхъ намъ комнатахъ.

Я охотно послѣдовалъ совѣту монаха. Въ небольшой, покрытой сводами, церкви царилъ полумракъ. Нѣсколько свѣчей у иконъ и лампадъ были всѣмъ освѣщеніемъ. Человѣкъ пятнадцать монаховъ стояли рядами, слушая заунывный голосъ чтеца, перебирая четками, беззвучно шевеля губами молитвы.

Отогрѣвшись въ церкви, я опустился на скамейку въ совершенно не освѣщенномъ притворѣ, разсѣяно слѣдя за службой, и вскорѣ цѣликомъ предался своимъ мыслямъ. Неизмѣнно мысли возвращались все къ той же думѣ о судьбѣ Царской Семьи. Я все болѣе убѣждался въ правди-

вости словъ епископа Гермогена, что не конфекты и шоколадъ Имъ нужны, а что нужно Ихъ спасти. Но легко сказать, спасти, но какъ? И упорно думая надъ этимъ вопросомъ, началъ намѣчать планъ Ихъ спасенія.

Предположеніе, что можно вывести Ихъ при помощи союзниковъ, путемъ дипломатическихъ переговоровъ — долгая и безцѣльная канитель, такъ какъ хозяевами въ Москвѣ не сегодня, завтра станутъ нѣмцы.

Что же дѣлать?

Оставался единственный способъ: Это похищеніе и увозъ въ надежное мѣсто, гдѣ Они могли бы пока скрываться въ безопасности. А сколько времени Они должны будутъ скрываться? Вѣдь не до безконечности. Средство радикальное, но примѣнить его только можно въ крайнемъ случаѣ, когда передъ лицомъ опасности другого выхода не будетъ. А затѣмъ, какъ Ихъ похитить? И кто способенъ на это рискованное для самой Императорской Семьи дѣло?

Вдругъ неожиданно шагахъ въ двухъ-трехъ отъ меня на каменномъ полу что то заворочалось, загремѣвъ цѣпями. Отъ неожиданности я прямо остолбенѣлъ. Это „что то", поднимаясь, пріобрѣло человѣческій образъ. Невѣдомый странникъ въ продолженіи всего времени былъ распростертъ на полу, и естественно, что въ темнотѣ притвора я его не замѣтилъ.

Поднявшись, онъ съ укоризной обратился ко мнѣ:

— Измаялъ ты меня, окаянный, думу вымоталъ, всю службу испортилъ. Ты бы, Понтій Пилатъ, вмѣсто думать, помолился бы. Молись Царицѣ Небесной, а думать, за тебя подумаютъ. Мужъ разумный видитъ путь и идетъ по нему, а неразумный сидитъ у воротъ да думаетъ, какъ пройду.

И пустивъ не то ругательство, не то молитву по моему адресу, гремя веригами, прошелъ впередъ къ алтарю, гдѣ опустился на камни и погрузился въ молитву.

Я еще долго не могъ прійти въ себя. Самое интересное, чѣмъ это я потревожилъ странника? Я сидѣлъ безмолвно и, по правдѣ говоря, это странникъ меня побезпокоилъ, зашевелившись неожиданно на полу. Что онъ говорилъ? Зачѣмъ онъ говорилъ, что не надо думать, а молиться?

Какъ узналъ онъ мои мысли? Такіе люди водились у насъ на Руси, я зналъ много примѣровъ и удивленъ этому не былъ. Рѣшивъ разспросить обо всемъ о. гостинника, я, по окончаніи службы, приложившись къ чудотворному образу Абалакской Божьей Матери, пошелъ въ гостинницу, спѣша разспросить монаха о странникѣ. Въ келіи, отведенной мнѣ, было уже тепло, ярко горѣла керосиновая лампа и въ углу передъ образами теплилась лампада, придавая уютъ маленькой комнатѣ.

На столѣ, застланномъ бѣлой съ красными цвѣтами скатертью, былъ разставленъ чайный сервизъ, а черезъ минуту появился о. гостинникъ съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ.

Я пригласилъ монаха къ столу, на что тотъ охотно согласился и, сѣвъ напротивъ меня на кресло, принялся разливать чай.

Я вытащилъ изъ корзины различную снѣдь и съ аппетитомъ принялся за горячій чай, и монахъ принялся тоже. Сразу же, не давъ времени монаху разспросить, откуда я, я ему разсказалъ о своемъ испугѣ въ церкви. Монахъ долго смѣялся, прежде чѣмъ могъ разсказать мнѣ о странникѣ.

Странникъ, по его словамъ, уже нѣсколько лѣтъ извѣстенъ въ монастырѣ, и ежегодно разъ, два появляется на нѣсколько дней у нихъ. Онъ немного ненормаленъ, а можетъ быть и прикидывается такимъ. Народъ его называетъ „блаженненькимъ“, онъ никого не обижаетъ, милостыни не проситъ и вообще существо безвредное. Онъ чрезвычайно религіозенъ и не разстается съ тяжелыми веригами, которыя носитъ на голомъ тѣлѣ. Есть богобоязненные люди, которые утверждаютъ, что онъ читаетъ чужія мысли, что его молитва помогаетъ болящимъ, но, насколько эти слухи правдивы, монахъ не ручался, говоря:

— Много ихъ тутъ ходитъ, такъ и не разберешь, который святой, а который грѣшный.

Стукъ въ дверь и обычная молитва: Господи Іисусе — прервалъ его разсказъ.

Въ келію вошелъ тотъ, о которомъ шла рѣчь, странникъ Афоня.

— Чайкомъ побалуешь, что ли, баринъ? — обратился онъ ко мнѣ.

Я подвинулъ ему стулъ, а монахъ пошелъ за стакаиомъ. Я думалъ, что странникъ не спроста зашелъ ко мнѣ, и ждалъ, что онъ начнетъ разговоръ. Но не тутъ то было. Онъ цѣликомъ погрузился въ чаепитіе, упорно не желая вступать въ разговоръ.

Самоваръ потухъ, чай былъ допитъ, а странникъ все молча сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. О. гостинникъ сталъ убирать со стола и скоро, пожелавъ мнѣ доброй ночи, ушелъ къ себѣ.

Странникъ, позвякивая веригами, всталъ:

— Ну, прощенія просимъ, — сказалъ онъ: ты меньше думай, больше дѣлай. Не робѣй, воробей, дерись съ оргомъ. Да, что меня, дурака, слушать! Купецъ почтенный, счастливо тебѣ оставаться, прощай, да звать то какъ? Борисъ? ладно, молиться буду.

Я далъ ему денегъ, и странникъ оставилъ меня одного.

Утромъ, отслуживъ молебенъ и осмотрѣвъ монастырь, поблагодаривъ монаховъ за гостепріимство, мы съ шуриномъ отправились въ обратный путь въ Тобольскъ. Стояла чудная погода. Яркое солнце переливалось всѣми цвѣтами радуги на снѣжныхъ покровахъ дремучаго лѣса, окаймлявшаго дорогу. Снѣгъ пріятно хрустѣлъ подъ полозьями саней. Отдохнувшая лошадь, пофыркивая, бодро бѣжала впередъ, покрытая густымъ инеемъ отъ испарины.

Скоро показался городъ, а черезъ часъ я съ шуриномъ были на томъ же постояломъ дворѣ, который за время нашего отсутствія словно ожилъ и наполнился громкой людской рѣчью, игрою на гармоникѣ, оживленнымъ движеніемъ и шумомъ. Все это были съѣхавшіеся къ базару крестьяне окрестныхъ деревень, среди которыхъ было и нѣсколько деревенскихъ купцовъ-торгашей.

Напившись чаю, я отправился было въ митрополичій домъ, но, къ сожалѣнію, келейникъ мнѣ сообщилъ, что Владыка сегодня занятъ и очень проситъ меня зайти завтра въ то же время.

Погулявъ по городу, я не спѣша отправился къ дому, гдѣ жила Х. и въ условленное время позвонилъ у подъѣзда. Она уже ожидала меня. Бóльшая часть вещей была уже передана Царской Семьѣ, оставались книги и бóльшая бутылка одеколона, за который Х. особенно волновалась; пронести ее незамѣтно почти не представлялось возможнымъ.

Оживленная болтовня Х., главнымъ образомъ, ея забота объ одеколонѣ вызвали у меня въ памяти слова епископа Гермогена: Не духи и шеколадъ Имъ нужно . . . , что не замедлило отразиться на моемъ настроеніи. Дѣйствительно, думалось мнѣ, мы всѣ точно ослѣпли и не видимъ надвигающагося ужаса. Не выдавая однако Х. своихъ мыслей, я съ интересомъ принялся за письмо Государыни и записки Великихъ Княженъ. Особенно послѣднія были довольны и счастливы полученнымъ подаркамъ. Всѣ были очень рады видѣть меня и лишь сожалѣли, что нельзя было говорить со мной лично. Государыня писала Х., что это Богъ устроилъ, что она не попала къ Нимъ въ Домъ Свободы, такъ какъ, оставаясь внѣ его, она для Нихъ является болѣе полезной, чѣмъ кто либо.

Въ письмѣ была небольшая записка, сложенная вчетверо и тщательно закленная. На ней была надпись рукой Государыни: Лично для молодого офицера.

Я извинился передъ Х. и съ нетерпѣніемъ вскрылъ записку.

— По вашему костюму торговца вижу, что сношенія съ Нами не безопасны. Я благодарна Богу за исполненіе отцовскаго и Моего личного желанія: Вы мужъ Матреши.

Господъ да благословитъ вашъ бракъ и пошлетъ вамъ обоимъ счастіе. Я вѣрю, что вы сбережете Матрешу и оградите отъ злыхъ людей въ злое время! Сообщите мнѣ, что вы думаете о Нашемъ положеніи. Наше общее желаніе это достигнуть возможности спокойно жить, какъ обыкновенная семья, внѣ политики, борьбы и интригъ. Пишите откровенно,такъ какъ Я съ вѣрой въ вашу искренность приму ваше письмо. Я особенно рада, что это, именно, вы пріѣхали къ Намъ. Обязательно познакомьтесь съ о. Васильевымъ, это глубоко преданный Намъ человѣкъ. А сколько времени намѣрены пробыть здѣсь? Заранѣе предупредите объ отъѣздѣ. —

Я прочелъ еще разъ письмо и задумался. Что я долженъ отвѣтить Императрицѣ на заданный Ею вопросъ? Подумавъ, я рѣшилъ посовѣтоваться съ епископомъ Гермогеномъ и передать Х. отвѣтъ для Императрицы завтра вечеромъ. Принявъ это рѣшеніе, я скопировалъ письмо Государыни извѣстнымъ только мнѣ шифромъ, а самый подлинникъ вмѣстѣ съ письмомъ Императрицы къ Х. и записками Великихъ Княженъ сжегъ въ топившейся въ комнатѣ печкѣ.

Попросивъ Х. сообщить Императрицѣ, что я пробуду въ Тобольскѣ еще нѣсколько дней и дамъ отвѣтъ на Ея письмо завтра вечеромъ, я спросилъ ее, знаетъ ли она священника Васильева.

Она разсказала мнѣ уже извѣстную исторію съ его арестомъ и отстраненіемъ его отъ несенія обязанностей духовника Царской Семьи. Лично, по ея мнѣнію, о. Васильевъ вполнѣ преданный Царской Семьѣ человѣкъ, горячо Ихъ любящій и, если и есть у него какіе нибудь недостатки, то это одинъ — чрезмѣрное увлеченіе виномъ. Случалось часто, что о. Васильевъ напивался сильно пьянымъ. Больше Х. ничего не могла сообщить, и я рѣшилъ завтра самъ увидѣть, что собой представляетъ о. Васильевъ.

Попрощавшись съ Х., я отправился на постоялый дворъ, гдѣ меня ожидала большая непріятность. Шуринъ, которому надоѣло бездѣліе въ городѣ, рѣшилъ оставить меня и уѣхать домой, и лишь послѣ усиленныхъ просьбъ согласился подождать еще два, три дня..

Утро началось съ посѣщенія базара, потомъ обѣдни въ церкви, гдѣ служилъ о. Васильевъ. Торопливое совершеніе службы произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Послѣ обѣдни я подошелъ къ нему и попросилъ его переговорить съ нимъ наединѣ.

Священникъ пригласилъ меня въ алтарь и, съ любопытствомъ разглядывая меня, ожидалъ, когда я заговорю. Я ему сообщилъ, что пріѣхалъ въ Тобольскъ, чтобы нѣ-

сколько помочь матеріально Царской Семьѣ, и что Императрица выразила желаніе, чтобы мы познакомились. О. Васильевъ, повидимому наученный горькимъ опытомъ, съ большой сторожностью отнесся къ моимъ словамъ и дѣлалъ видъ, что весьма удивленъ моему появленію, а тѣмъ болѣе моему заявленію, что я являюсь по порученію Императрицы, такъ какъ онъ съ Царской Семьей ни въ какихъ отношеніяхъ не находится. Видя безцѣльность разговора, я попросилъ его назначить свиданіе на завтра и сказалъ ему, чтобы онъ за это время навелъ справки обо мнѣ у епископа Гермогена. Распрощавшись съ о. Васильевымъ, я ушелъ изъ церкви, недовольный затяжкой изъ-за острожности о. Васильева, но вмѣстѣ съ тѣмъ я отдавалъ ему должное. Мнѣ очень понравилась его осторожность. Это серьезный человѣкъ, думалъ я про себя, и Императрица не даромъ меня къ нему направила.

Придя на постоялый дворъ, я попалъ прямо къ обѣду, послѣ котораго мой шуринъ началъ меня укорять, что я ничего не дѣлаю, зря сижу въ Тобольскѣ, а главное держу его, тогда какъ въ Покровскомъ у него оставлено хозяйство и работа. Я, какъ могъ, успокаивалъ его, обѣщая черезъ два дня уѣхать обязательно.

Едва дождавшись вечерни, я торопливо одѣлся и ушелъ въ Соборъ, чтобы потомъ пройти, какъ было условлено, къ еп. Гермогену.

По дорогѣ къ собору я задумался надъ вопросомъ:

Что же, собственно, я сейчасъ дѣлаю, чѣмъ я занятъ? Быть можетъ, шуринъ и правъ, что я ничего не дѣлаю и зря сижу въ Тобольскѣ!

Отвѣтить утвердительно на этотъ вопросъ я не могъ. Я не могъ сказать, что я ничего не дѣлаю, такъ какъ что то подсказывало мнѣ, что я нащупываю почву, изучаю обстановку дѣла, на которое, правда, я еще не рѣшился, но во всякомъ случаѣ я не сижу праздно.

За думами время шло незамѣтно для меня, и вотъ, я вновь, въ обширной залѣ Митрополичьяго дома.

Владыка тутъ же извинился, что вчера не могъ принять меня, объясниивъ, что вчера у него было собраніе представителей Тобольскаго купечества, которое онъ созвалъ для рѣшенія вопроса о помощи нуждающимся воинамъ, возвращающимся съ войны, такъ какъ помощи послѣднимъ ни со стороны военнаго, ни гражданскаго вѣдомостъ никакой ее оказывалось. Многіе изъ нихъ были больны, ранены и не способны къ физическому труду. Не получая ни откуда помощи, они естественно озлоблялись, и всѣ надежды свои возлагали на время, когда дѣйствитель-

ная совѣтская власть придетъ имъ на помощь. Для того, чтобы помочь несчастнымъ съ одной стороны и отнять ихъ у большевиковъ и оторвать отъ ихъ вліянія съ другой, еп. Гермогенъ и задумалъ основать въ Тобольскѣ союзъ фронтовиковъ, разсчитывая на общественную помощь.

Дѣло организаціи долго не налаживалось, главнымъ образомъ изъ за недостатка средствъ, такъ какъ пока на всѣ призывы Владыки ему отвѣчали лишь обѣщаніями. Недоволенъ Владыка остался и вчерашнимъ совѣщаніемъ у себя.

— Сами лѣзутъ къ большевикамъ въ лапы, словно разсудокъ потеряли, денегъ жалко, да денегъ ли теперь жалѣть? Боюсь, что скоро каяться начнутъ, пожалѣютъ, что ничтожной суммы не дали, и не отдали всего до послѣдней копейки! Ну, да что горевать —, закончитъ Владыка: Не люди, Богъ поможетъ!

Я, подумавъ, спросилъ его:

— Велики ли деньги требуются?

На это епископъ мнѣ сказалъ, что пока до тысячи рублей въ мѣсяцъ. Я вынулъ изъ кармана тысячу рублей и передалъ ихъ изумленному епископу. Онъ горячо благодарилъ меня, говоря, что за этими деньгами потянутся и другія, что трудно только начало. Когда проявленія радости Владыки немного улеглись, я ему сказалъ, что не отказываюсь и отъ дальнѣйшей помощи союзу, но лишь, быть можетъ, поставлю впослѣдствіи нѣкоторыя условія, вполнѣ, конечно, пріемлемыя для Владыки.

Затѣмъ, разсказавъ Владыкѣ, какъ я провелъ эти дни, я сообщилъ ему о письмѣ Императрицы и спросиль Владыку, что онъ объ этомъ думаетъ.

Владыка отвѣтилъ, что я очень хорошо сдѣлалъ, что у Императрицы, а слѣдовательно и у Государя, начинаются опасенія за свою судьбу, за судьбу горячо любимыхъ дѣтей и что надо быть весьма осторожнымъ въ отвѣтѣ, который для Нихъ чрезвычайно важенъ, и что я понесу всю моральную отвѣтственность за него.

Долго обсуждали мы его содержаніе, и, наконецъ, пришли къ заключенію, что надо сказать правду, хотя бы она и была ужасна и могла смутить Ихъ покой.

— Я не могу лгать, хотя бы изъ за соображенія, что эта ложь успокоитъ обреченныхъ, — говорилъ епископъ: И тебѣ запрещаю, такъ какъ предупрежденіе объ опасности вызоветъ въ Нихъ желаніе защищаться и не отдаваться безъ борьбы въ руки палачей; исходъ же борьбы, особенно, ежели ты готовъ къ ней, можетъ быть и удаченъ. Я считаю, что не успокаивать нужно и усыплять Ихъ безпокойство

ложью, но правдою внести тревогу, а съ ней и энергію, волю и готовность къ борьбѣ.

Дѣйствительно, сомнѣній въ томъ, что Царской Семьѣ угрожаетъ опасность, ни у меня, ни у епископа Гермогена не было и съ увѣренностью въ нашей правотѣ я тутъ же, у Владыки, написалъ Императрицѣ записку слѣдующаго содержанія: „Глубоко признателенъ за выраженныя чувства и довѣріе. Приложу всѣ силы исполнить Вашу волю, сдѣлать Мару счастливой. Вообще, положеніе очень тяжелое, можетъ стать критическимъ. Увѣренъ, что нужна помощь преданныхъ друзей, или чудо, чтобы все обошлось благополучно и исполнилось Ваше желаніе о покойной жизни. Искренно преданный Вамъ Б.“ Эта короткая записка была написана безъ обращенія и безъ подписи, чтобы въ случаѣ, если она попадется въ руки властей, Царская Семья не была бы скомпроментирована. Владыка Гермогенъ одобрилъ ея текстъ, и я положилъ ее въ карманъ, чтобы передать Х.

— Я совсѣмъ забылъ тебѣ сказать, что у меня сегодня былъ о. Васильевъ, который приходилъ спеціально узнать о тебѣ, кто ты и можно ли тебѣ вѣрить, что ты имѣешь порученіе отъ Императрицы познакомиться съ нимъ. Я, конечно, далъ ему лучшій отзывъ о тебѣ, и онъ не будетъ такъ скрытенъ, какъ при первомъ вашемъ свиданіи.

Я, въ свою очередь, посвятилъ Владыку въ желаніе Императрицы, чтобы это знакомство состоялось и просилъ Владыку сказать, что онъ думаетъ объ о. Васильевѣ.

— Разсказывать тебѣ о священникѣ Васильевѣ, это писать цѣлый романъ съ описаніемъ нравовъ русскаго общества восьмидесятыхъ годовъ въ Сибири. Кратко, въ нѣсколькихъ словáхъ, могу тебѣ сообщить слѣдующее: Онъ сынъ одного дьячка Тобольской губерніи, окончилъ духовную семинарію и былъ рукоположенъ въ священники. Предаваясь неумѣренному потребленію вина, онъ въ пьяномъ видѣ утопилъ въ бочкѣ съ водой своего псаломщика. Собственно говоря, преступленіе не было доказано, возможно, что псаломщикъ въ пьяномъ видѣ утонулъ и самъ, свидѣтелей не было, а, протрезвившись, о. Васильевъ сознался, что былъ пьянъ до того, что ничего не помнитъ, но все таки не допускаетъ мысли, чтобы онъ смогъ рѣшиться на убійство псаломщика, который былъ къ тому же его близкимъ другомъ.

Судъ осудилъ его за пьянство на церковное покаяніе, и онъ былъ сосланъ на нѣсколько лѣтъ въ одинъ изъ Сибирскихъ монастырей. Ссылка измѣнила его нѣсколько, и долгое время, вернувшись въ Тобольскъ, онъ велъ трезвый образъ жизни, свихнувшись лишь немного за послѣдніе годы. Въ отношеніи его политическихъ убѣжденій, я считаю

его убѣжденнымъ монархистомъ, преданнымъ всецѣло Царской Семьѣ и человѣкомъ, которому можно довѣрять вполнѣ.

Долго мы еще бесѣдовали съ Владыкой. Онъ горевалъ, что монархизмъ въ Россіи оказался совершенно не организованнымъ и разсыпался въ прахъ при первыхъ ударахъ революціи.

Я спросилъ у Владыки по этому поводу, не пережила ли Монархія самый монархизмъ? Существуетъ ли онъ, вообще въ Россіи, и не является ли идеей лишь необольшой кучки заинтересованныхъ матеріально лицъ?

Владыка только печально покачивалъ сѣдой головой.

Условившись, что мы встрѣтимся завтра, мы разстались, и я отправился къ Х. отнести свое письмо-отвѣтъ Государынѣ.

У Х. меня ожидало нѣсколько записокъ отъ Великихъ Княженъ, восторгъ которыхъ передъ привезенными подарками никакъ не могъ улечься. Наслѣднику больше всего понравился шеколадъ, о чемъ Онъ и доводилъ до свѣденія.

Передавъ ей записку къ Императрицѣ, я отправился домой, условившись встрѣтиться съ ней завтра въ соборѣ въ четыре часа. Придя на постоялый дворъ, я досталъ недавно пріобрѣтенную карту Западной Сибири и Тобольской губерніи и принялся за ея усердное изученіе, время отъ времени справляясь у шурина относительно деревень и селъ, о которыхъ онъ хоть что нибудь зналъ.

Рѣшивъ проѣхать по нѣкоторымъ изъ нихъ, я сталъ заманивать шурина, который ничего и слышать не хотѣлъ.

— Домой и домой! — вотъ былъ его отвѣтъ.

Я прибѣгнулъ тогда къ маленькой хитрости. Я зналъ, что въ 17-ти верстахъ отъ Тобольска есть глухая деревушка, гдѣ жила одна молодая дѣвушка, затронувшая сердце шурина. Я предложилъ ему съѣздить туда, говоря, что меня интересуетъ этотъ, подлинно, медвѣжій уголъ. Шуринъ согласился, слишкомъ велико было искушеніе. Рѣшено было послѣзавтра поѣхать туда, а потомъ заѣхать въ Тобольскъ, а оттуда ѣхать немедленно домой въ Покровское, по которомъ шуринъ сильно стосковался, не безъ основанія безпокоясь объ оставленномъ на моей тещѣ хозяйствѣ.

Мой слѣдующій день начался Благовѣщенской церковью, гдѣ служилъ о. Васильевъ. Послѣдняго, словно, подмѣнили. Онъ радушно поздоровался со мной и долгое время извинялся, что принялъ меня съ такимъ недовѣріемъ въ первый разъ.

Послѣ обѣдни онъ пригласилъ меня къ себѣ, говоря, что тамъ будетъ удобнѣе поговорить о дѣлахъ, безъ риска

быть подслушанными. Я охотно согласился и церковнымъ дворомъ прошелъ вслѣдъ за нимъ.

Оказалось, что спеціально для меня былъ устроенъ обильный завтракъ и матушка, жена о. Васильева, забитое и безцвѣтное существо, радушно угощала Сибирской снѣдью, которой былъ заставленъ обѣденный столъ. Послѣ завтрака я прошелъ въ комнату сына о. Васильева, гдѣ и началъ бесѣду со священникомъ.

Чтобы вызвать его на разговоръ, я началъ съ выраженія сочувствія по случаю перенесенныхъ имъ непріятностей изъ-за произнесенія многолѣтія Царской Семьѣ. О. Васильевъ подхватилъ эту тему и началъ разсказывать, какъ это случилось. Такъ какъ я уже говорилъ объ этомъ раньше, то не буду на немъ останавливаться и перейду дальше.

Много интереснаго сообщилъ мнѣ о. Васельевъ и о Царской Семьѣ, о ея служитеяхъ, охранѣ, о настроеніи многихъ лицъ, причастныхъ къ администраціи города и. т. д. Онъ былъ въ курсѣ всѣхъ событій въ городѣ, слуховъ, сплетенъ и пр. Я сразу же понялъ, что въ лицѣ о. Васильева можно имѣть чрезвычайно цѣннаго освѣдомителя.

Между прочимъ, о. Васильевъ разсказалъ мнѣ, что у него квартируетъ съ семьей нѣкій Кирпичниковъ, придворный служитель, имѣющій право свободнаго входа въ домъ губернатора. Онъ помогаетъ Государю въ Его физическихъ работахъ и при его посредствѣ о. Васильевъ можетъ ежедневно и по нѣсколько разъ сообщаться съ Царской Семьей. Кирпичниковъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ охраной, хаживалъ и въ отрядный комитетъ, гдѣ завелъ себѣ друзей среди отряда писарей. Однимъ словомъ, о. Васильевъ считалъ его весьма полезнымъ человѣкомъ.

Я спросилъ, знаетъ ли онъ Кобылинскаго. О. Васильевъ отвѣтилъ, что знаетъ отлично и сразу же сталъ предостерегать меня относительно послѣдняго, говоря, что Кобылинскій играетъ на два фронта и, благодаря ему, была выслана изъ Тобольска фрейлина Хитрово и два офицера братья Раевскіе. Раевскихъ онъ зналъ отлично, такъ какъ онъ бывали у него. Они произвели на него впечатлѣніе очень молодыхъ людей, вѣрнѣе мальчиковъ школьнаго возраста, начитавшихся Жюль Верна и пр. занятныхъ и увлекавшихъ молодежь романовъ съ приключеніями.

Поблагодаривъ за гостепріимство и взявъ обѣщаніе никому не говорить о моемъ пребываніи въ Тобольскѣ, я обѣщалъ передъ отъѣздомъ зайти еще разъ, вышелъ и медленно пошелъ къ пристанямъ мимо „Дома свободы“, какъ назывался теперь домъ губернатора. Проходя мимо него, я увидѣлъ въ окнѣ Великую Княжну Анастасію Николаевну, которая сразу же меня узнала и сдѣлала рукой при-

вѣтственный знакъ. Черезъ мгновеніе къ окну подошла Марія и Татьяна Николаевна. Всѣ весело улыбались и шутливо приглашали въ домъ. Не останавливаясь долго, я медленно прошелъ передъ домомъ и повернулъ по направленію къ слободѣ

Видъ радостно улыбающихся Великихъ Княженъ, беззаботныхъ и спокойныхъ сильно взволновалъ меня. Повидимому, Императрица, рѣшилъ я, скрываетъ отъ Дѣтей тѣ опасенія за Ихъ судьбу, которыя такъ волнуютъ Ея самое. Полный жалости къ Нимъ, въ подавленномъ настроеніи пришелъ я на постоялый дворъ. Въ четыре часа, какъ было условлено, я засталъ въ соборѣ Х. Незамѣтно отойдя въ притворъ, гдѣ не было молящихся, мы сѣли на дубовую скамью и она передала мнѣ отъ Императрицы записку, которую я немедленно вскрылъ и сталъ читать.

— „Вы подтвердили мое опасеніе, — читалъ я: благодарю за искренность и мужество. Друзья или въ неизвѣстномъ отсутствіи, или ихъ, вообще, нѣтъ и я неустанно молю Господа, на Него Единаго и возлагаю надежду. Вы говорите о чудѣ, но развѣ уже не чудо, что Господь послалъ сюда къ намъ васъ? Храни васъ Богъ. Благодарная А.“

Условившись зайти вечеромъ къ Х., я пошелъ въ митрополичій домъ. Показавъ письмо Императрицы епископу Гермогену, я, какъ и раньше, тутъ же снялъ копію, а оригиналъ сжегъ.

Владыка Гермогенъ быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ, что у него всегда было признакомъ душевнаго волненія. Я сидѣлъ въ креслѣ, погруженный въ однѣ и тѣ же думы.

— Да, — сказалъ, наконецъ, еп. Гермогенъ: — друзья, друзей нѣтъ. Это печально, но еще полъ бѣды, забыли, что кромѣ друзей есть просто люди... люди съ добрымъ сердцемъ, чуткой благородной душой, которая не сможетъ не отозваться на горькій призывъ униженныхъ, страдающихъ и нуждающихся въ поддержкѣ и помощи. Эти люди есть, и мы ихъ найдемъ. Съ ихъ помощью мы сдѣлаемъ все, что въ нашихъ силахъ, чтобы защитить Царскую Семью. Подумай, вѣдь нѣтъ почти положенія, изъ котораго не было бы выхода. Что нибудь придумаемъ и тутъ. Пока на лицо: Опасное положеніе для Царской Семьи и отсутствіе кого либо, кто смогъ бы или желалъ бы Имъ помочь. Мы одни, мы сознали весь ужасъ положенія, наша обязанность, нашъ священный долгъ, не считаясь съ собственными силами и возможностями, которыми мы располагаемъ, прійти Имъ на помощь и немедленно!

Когда Владыка кончилъ, я ему замѣтилъ, что прежде чѣмъ перейти къ активной работѣ, необходимо самое глав-

ное согласіе Царской Семьи, а чтобы получить таковое, необходимо представить Императору и Императрицѣ нашъ планъ, а у насъ такового не имѣется. Затѣмъ, получивъ согласіе Царской Семьи и одобреніе нашего плана, мы, принимая на себя его выполненіе, одновременно принимаемъ и всю отвѣтственность за вытекающія послѣдствія. Больше всего меня пугало послѣднее обстоятельство, пугало не за себя, но, случаѣ неуспѣха, за судьбу Царской Вемьи.

Владыка съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Такъ боишься и отказываешься?

Я отвѣтилъ, что не отказываюсь, но, дѣйствительно, боюсь, такъ какъ считаю, что одного желанія еще слишкомъ мало для осуществленія такой цѣли, и раньше, чѣмъ вступать къ какіе либо переговоры по этому поводу съ Царской Семьей, мы должны серіозно и спокойно обдумать, что мы можемъ сдѣлатъ.

Пылкому по натурѣ и сильно увлекающемуся еп. Гермогену вначалѣ позиція, занятая мною, очень не понравилась, и онъ укорялъ меня даже въ отсутствіи глубокихъ, вулканическихъ, по его выраженію, чувствъ къ Царской Семьѣ. Я шутя ему возразилъ, что вулканъ долгое время былъ въ дѣйствіи и дѣйствіемъ своимъ выразилъ искренее и глубокое желаніе помочь Царской Семьѣ, теперь же онъ успокоился и тѣмъ самымъ даетъ возможность, не увлекаясь и не фантазируя, обдумать способы достиженія этого желанія. Къ этому послѣднему я и призывалъ Владыку.

Онъ, выслушавъ меня, пришелъ еще въ бо́льшее волненіе, но уже другого характера. Волнуясь, онъ обнялъ меня, потомъ порывисто подошелъ къ кіоту и мгновеніе громко молился, благодаря Бога, что нами принято, окончательное рѣшеніе спасти Царскую Семью.

— Ты правъ, ты правъ, — твердилъ онъ мнѣ: спокойный разсудокъ — это уже шансъ на успѣхъ. Я ясно теперь понялъ тебя и совершенно съ тобой согласенъ, не сердись на меня, я такъ волнуюсь!

Опустившись въ глубокое кресло, онъ закрылъ лицо руками.

— Господи! Пошли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлю Имя Твое Святое! — донеслись до меня слова молитвы Св. Іоанна Златоуста, сказанныя сдавленнымъ проникновеннымъ шепотомъ. Я осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Владыка поднялъ голову и посмотрѣлъ на меня своими умными, проницательными глазами.

— Теперь, Борисъ, ты долженъ посвятить меня во все

то, что тебѣ извѣстно о начинаніяхъ Петербургскихъ монархистовъ, направленныхъ для спасенія Царской Семьи.

Я отвѣтилъ Владыкѣ, что многого по этому вопросу сказать не могу, такъ какъ лично ни въ какой организаціи не состою, но что слышалъ отъ А. Вырубовой, что въ Петербургѣ имѣется сильная организація, возглавляемая Членомъ Думы Марковымъ 2-ымъ, который якобы главнѣйшей своей задачей считаетъ освобожденіе Царской Семьи. Объ этомъ А. Вырубова передавала Ю. А. Денъ, черезъ которую Марковъ 2-ой сносился съ Царской Семьей, и получилъ даже отъ Ихъ Величествъ благословеніе на свое начинаніе. А. Вырубова также передала мнѣ, что въ этой организаціи на предметъ развѣдки и ознакомленія съ существующимъ на мѣстѣ, въ Тобольскѣ, положеніи поѣхалъ одинъ офицеръ, но на этомъ пока все и остановилось, такъ какъ Ю. А. Денъ, бывшая въ декабрѣ у А. В., сообщила ей, что отъ этого офицера Марковымъ никакихъ свѣдѣній получено не было. Юлія Александровна получила послѣднія подробности о жизни Ихъ Величествъ въ Тобольскѣ отъ А. В., такъ какъ въ это время вернулся изъ Тобольска П., ѣздившій туда по ея порученію. И такъ прошло полгода, сюда былъ посланъ всего лишь одинъ офицеръ и тотъ безъ вѣсти пропалъ.

Пришлось согласиться съ Владыкой, что посылка одного офицера въ эти края знаменуетъ собой только желаніе Маркова 2-ого получить информацію съ мѣста, но не желаніе спасти Царскую Семью, и этотъ фактъ никакъ нельзя назвать начинаніями, до того онъ ничтоженъ по сравненію съ трудностями всего предпріятія.

Я выразилъ свое соображеніе, что, быть можетъ, у Маркова 2-ого нѣтъ для развитія своихъ плановъ необходимыхъ средствъ.

Владыка грустно посмотрѣлъ на меня:

— Бѣдный, бѣдній, русскій Царь, Іовъ Многострадальный... На спасеніе Русскаго Царя нѣтъ денегъ! Господь жестоко наказалъ насъ, отнявъ Его отъ насъ... Но еще болѣе тяжкія кары ждутъ насъ... Ты не разъ вспомнишь меня, но нельзя падать духомъ!

Онъ всталъ и, обратившись лицомъ къ кіоту, громко слегка дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Господи, пошли благодать Твою въ помощь намъ, да прославимъ Имя Твое Святое!

Порывисто поцѣловавъ протянутую мнѣ Владыкой руку, я покинулъ митрополичій домъ, обѣщавъ Епископу прійти на слѣдующій день вечеромъ и представить свой планъ дѣйствій для охраненія и освобожденія Царской Семьи...

На этомъ обрываются собственно ручныя записки Б. Н. Соловьева. Тяжелый недугъ, скоротечная чахотка, сразили его въ разцвѣтѣ силъ и молодости. Его слабый организмъ не перенесъ непосильной физической работы и полуголоднаго бѣженскаго существованія. Б. Н. Соловьевъ скончался въ іюлѣ 1926-го года, въ Парижѣ въ полнѣйшей нищетѣ, оставивъ безъ всякихъ средствъ къ существованію свою жену и двухъ малолѣтнихиъ дѣвочекъ.

ГЛАВА VII.

Вернувшись отъ Соловьева домой, я встрѣтилъ полковника П., передавшаго мнѣ, что меня просятъ зайти еще сегодня, послѣ обѣда, въ Штабъ красной Арміи. Около четырехъ дня я уже сидѣлъ въ канцеляріи Штаба и ждалъ прихода Начальника Штаба, „товарища Чувикова". Наконецъ, онъ появился. Это былъ небольшого роста человѣкъ, крѣпкаго и коренастаго тѣлосложенія, гладко выбритый брюнетъ въ офицерской формѣ безъ погонъ.

Онъ весьма любезно принялъ меня въ своемъ кабинетѣ. Онъ освѣдомился о части, гдѣ я служилъ, о продолжительности моей службы, о цѣляхъ моего пріѣзда въ Тюмень. Я повторилъ старую исторію. Мои разсказы, повидимому, удовлетворили его. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка очень рѣшительнаго и, при условіи бо́льшаго образованія, могущаго сдѣлаться блестящимъ организаторомъ. Въ данный же моментъ онъ представлялъ собой самоучку изъ народа, революціонной волной неожиданно для самого себя выброшеннаго на отвѣтственный и самостоятельный постъ, за который онъ судорожно вцѣпился. Взлетѣлъ онъ на него благодаря большевизму, значитъ „да здравствуетъ большевизмъ". Такимъ, на мой взглядъ, было его политическое кредо. Пообѣщай такому субъекту временно монархическій батальонъ и подполковничій чинъ, онъ запоетъ „Боже Царя Храни", чувствуя себя морально правымъ и считая, что его таланты оцѣнены по заслугамъ.

Впослѣдствіи я узналъ его біографію. Она была проста и не сложна. Онъ былъ сыномъ богатыхъ крестьянъ. Получивъ четырехклассное образованіе, пробылъ два года на фронтѣ, потомъ кончилъ школу прапорщиковъ и былъ не за долго до революціи произведенъ въ офицеры. Революція свихнула ему мозги. Изъ оборонцевъ онъ сдѣлался пораженцемъ. Его убѣжденія мѣнялись и согласовались съ требованіями солдатскихъ массъ, бывшими ему близкими и родными. Онъ шелъ по гребню солдатскихъ настроеній, и когда эта масса хлынула съ фронта, имѣя лозунгомъ „до-

лой войну", онъ пошелъ за нимъ, но въ моментъ, когда новая власть опомнилась и закричала „караулъ, намъ нужна армія", прапорщикъ Чувиковъ остался внѣ конкуренціи. Стараго офицерства не было, новые не народились и вотъ онъ оказался сидящимъ въ креслѣ, на которомъ такъ недавно еще сидѣлъ П., скромно довольствовавшійся титуломъ Командира 35-го зап. сиб. стр. полка. Чувикову этого показалось мало, и онъ сдѣлался Начальникомъ Штаба Красной Арміи и Тюменскаго совѣта, то есть должности, какъ мы увидимъ, весьма опереточной.

Я сидѣлъ и слушалъ его самодовольные разсказы о томъ, какъ онъ дошелъ до жизни такой, и думалъ, что же мнѣ отвѣтить, если онъ, вдругъ, спроситъ меня о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ.

Въ этотъ моментъ въ кабинетъ вошло новое лицо въ военной формѣ съ тремя георгіевскими ленточками на груди и съ тремя солдатскими нашивками за раненіе на рукавѣ.

— Позвольте васъ познакомить, товарищъ, съ моимъ военнымъ комиссаромъ, обратился ко мнѣ Чувиковъ.

Товарищъ Пермяковъ, такова была фамилія вошедшаго, имѣлъ весьма внушительный видъ, это былъ тридцатилѣтній приземистый мужчина съ высокимъ лбомъ и глубоко сидящими сѣро-стальными, казалось, ничего не выражающими глазами. Особенностью его фигуры были его волосы, ниспадавшіе въ поэтическомъ безпорядкѣ темно каштановыми кудрями ему на плечи. Словомъ, по внѣшности это былъ типъ каррикатурнаго революціонера-нигилиста прежнихъ годовъ.

— Такъ это вы, товарищъ, соглашаетесь принять формированіе эскадрона? — обратился ко мнѣ своимъ глухимъ басомъ Пермяковъ.

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Какъ вы смотрите на создавшееся положеніе?

Пришлось изворачиваться. Я отвѣтилъ ему, что считаю, что революція въ Россіи произошла по двумъ причинамъ: Изъ-за не популярности войны въ народныхъ массахъ, а также благодаря тому, что народъ усталъ отъ войны. Поэтому я считалъ попытки Керенскаго возстановить боеспособность фронта безсмысленными. Лозунги же совѣтской власти „долой войну" и „миръ во что бы то ни стало", какъ показываетъ жизнь, вполнѣ отвѣчають настроенію рабочей и крестьянской массы, а разъ народъ призналъ лозунги правильными, то тѣмъ самымъ онъ призналъ и правительство, провозглазившее ихъ. Въ данный моментъ старая армія перестала существовать, на смѣну ей должна быть организована новая, не такъ для борьбы съ внѣшнимъ

врагомъ, такъ какъ таковаго оффиціально послѣ Брестскаго мира уже нѣтъ, а для поддержанія порядка внутри страны. Съ этой точки зрѣнія я и смотрю на событія, принимаю на себя формированіе части, которая должна показать образецъ порядка передъ гражданами города, въ которомъ она формируется.

Все здѣсь написанное я изложилъ очень пространно весьма витіеватымъ языкомъ и, когда кончилъ, удостоился полнаго одобренія товарища комиссара.

На слѣдующій день, когда я пришелъ утромъ въ Штабъ, я прочелъ въ приказѣ, что товарищъ Марковъ съ 1-аго апрѣля назначается командиромъ I-аго Тюменскаго Уланскаго эскадрона и старшимъ инструкторомъ по кавалеріи съ окладомъ въ 500 руб. въ мѣсяцъ. И такъ, я сдѣлался красноармейцемъ...

Когда я спросилиъ Чувикова, почему эскадронъ получилъ наименованіе Уланскаго, а не гусарскаго или драгунскаго, и какія къ тому имѣются основанія, онъ отвѣтилъ мнѣ, что это желаніе Георгія Прокопьевича (Пермякова). Я не сталъ спорить, но весьма удивился. Вскорѣ же я пересталъ чему либо удивляться, такъ какъ это было лучшимъ въ моемъ положеніи. Я сталъ неуклонно проводить всѣ комиссарскія требованія, какъ бы безсмысленны они не были, сдабривалъ ихъ хорошей порціей отсебятины и въ концѣ концовъ пришелъ къ блестящему результату. За три мѣсяца формированія я ровно ничего не сформировалъ, что вполнѣ отвѣчало моимъ желаніямъ.

Начало формированія эскадрона ознаменовалось тѣмъ, что въ Штабъ явились субъекты, съ виду не особенно внушающіе довѣріе, въ полувоенной формѣ. Они разыскали меня и безаппеляціонно заявили мнѣ, что пришли изъ пѣхотныхъ казармъ, гдѣ они жили съ момента поступленія въ красную армію, такъ какъ имъ было сказано, что ихъ назначили въ уланскій эскадронъ.

Такъ какъ весь эскадронъ вмѣстѣ съ его конской и матеріальной частью въ данный моментъ былъ представляемъ моей личностью, мнѣ ничего другого не оставалось дѣлать, какъ, спросивъ ихъ о мѣстѣ прежней службы, отпустить ихъ обратно, оставивъ при себѣ лишь одного человѣка. Я намѣревался назначить его вахмистромъ существовавшаго пока только на бумагѣ эскадрона.

Изъ восьми человѣкъ настоящихъ кавалеристовъ былъ только одинъ, а именно, ст. унт.-оф. 18-го гус. Нѣжинскаго полка Ковальчукъ, котораго я намѣревался назначить вахмистромъ. Остальные, по ихъ словамъ, были конные развѣдчики пѣхотныхъ полковъ. Это были все сибиряки, уро-

женцы восточной Сибири, кромѣ Ковальчука, который былъ уроженцемъ Костромской губерніи. Ковальчукомъ я остался въ первый же день весьма доволенъ. Онъ сразу сообщилъ мнѣ, что въ городѣ не имѣется подходящаго мѣста для эскадрона, ввиду недостатка въ соотвѣствующихъ конюшняхъ, и онъ посовѣтовалъ мнѣ отправиться за городъ, гдѣ по его мнѣнію на заброшенномъ кирпичномъ и черепичномъ заводѣ, легко приспособить имѣющійся длинный сарай для просушки подъ конюшни. И дѣйствительно, прибывши на мѣсто, я убѣдился въ цѣлесообразности предложенія Ковальчука. Находившійся въ верстахъ въ двухъ отъ города заводъ былъ пріемлемъ во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного, такъ какъ для людей было мѣсто только для одного взвода. Но все же я рѣшилъ остановиться на немъ, во первыхъ, потому что я былъ далекъ отъ грознаго начальства, что было крайне удобно и выгодно, во вторыхъ, отсутствіе надлежащихъ казармъ привело бы къ необходимости постройки хотя бы бараковъ, что, вообще, сильно тормозило бы формированіе.

Мнѣ пришлось убѣдиться, что „товарищи“ имѣютъ страсть къ американизму. Не успѣлъ я вечеромъ сказать Пермякову, что нашелъ соотвѣтствующее мѣсто для эскадрона, какъ уже утромъ на мѣстѣ были доски, балки съ нарядомъ военноплѣнныхъ, и работа по приведенію сарая въ конюшни началась. Но это продолжалось не долго. Рабочіе предпочитали курить и сквернословить, чѣмъ заниматься дѣломъ. Я указалъ старшему изъ нихъ, что и какъ я желаю устроить, оставилъ для присмотра за работой Ковальчука, и спокойно почилъ на первыхъ лаврахъ.

Въ первые же дни своей дѣятельности я постарался, такъ сказать, покороче познакомиться съ членами Штаба и военнаго Комиссаріата и вообще съ командными лицами.

Прежде всего меня поразила структура мѣстной военной власти. Оказалось, что Пермяковъ, военный камиссаръ, не въ единственномъ чистѣ, а былъ членомъ коллегіи изъ двухъ лицъ, то есть его самаго и еще нѣкоего товарища Рязанова. Очевидно, малообразованность Пермякова компенсировалась въ значительной степени Рязановымъ, тщедушнымъ блондинчикомъ съ непріятными бѣгающими глазками, бывшимъ поручикомъ одного изъ Сибирскихъ стр. полковъ.

Я сразу понялъ, что съ этимъ субъектомъ надо держать ухо востро. Видимо, это былъ идейный большевикъ, человѣкъ, не закончившій высшаго образованія, типичный представитель нашей революціонной интеллигенціи и только благодаря войнѣ сдѣлавшій офицеромъ, но задолго до ея окончанія свихнувшій себѣ мозги на соціалистическихъ

теоріяхъ и дорвавшійся до счастливаго для себя момента проведенія ихъ въ жизнь.

Словомъ, Пермяковъ былъ для рекламы, а Рязановъ для дѣла. У Чувикова оказался помощникъ по хозяйственной части, Осиповъ, бывшій прапорщикъ, типичный Одесскій маклеръ и гешефтмахеръ, не гнушавшійся никакими дѣлишками. На мой взглядъ онъ большевикомъ не былъ. Занялъ сей постъ, исключительно лишь для того, чтобы подъ сурдинку наживаться на поставкѣ и торговлѣ казенными вещами, которыя онъ выводилъ въ расходъ за „ненадобностью". При ближайшемъ знакомствѣ я убѣдился, что занимался онъ этими манипуляціями совмѣстно съ почтеннымъ Чувиковымъ.

За симъ шли два адъютанта Чувикова, Высоковскій и Кашинъ, также прапорщики Первый безличный субъектъ, совершенно безпринципный, которому было безразлично, кому служить, лишь бы жалованіе платили и его персону не трогали, а второй до конца моего пребыванія въ Тюмени оставался для меня неразгаданной личностью. Онъ былъ образованнѣе всѣхъ своихъ сослуживцевъ, обладалъ хорошими манерами, очень мало о себѣ говорилъ, порой, казалось, былъ отъявленнымъ большевикомъ, а порой производилъ впечатлѣніе человѣка, играющаго насильно свою роль. Одно только было для меня несомнѣнно, что онъ былъ человѣкомъ правыхъ убѣжденій, но служилъ своимъ хозяевамъ преисправно, такъ какъ вся канцелярщина велась имъ, если не образцово, то во всякомъ случаѣ удовлетворительно. Кромѣ него, никто въ военной администраціи ровно ничего не смыслилъ.

Потомъ шли четыре ротныхъ командира и начальникъ пулеметной команды, также бывшіе прапорщики. По всей видимости, это были не большевики, а просто люди, служившіе ради жалованія. Одно только возмущаго меня, это ихъ служебное рвеніе. Я лично считалъ, да считаю и сейчасъ, что служба офицеровъ у большевиковъ не только не преступна, но и весьма полезна, при условіи службы „не, какъ начальство хочетъ", а такъ, какъ „я хочу". Конечно, это не всегда возможно, но наши Тюменскіе воротилы были до того военно безграмотными людьми, что ихъ можно было провести, какъ угодно и которые видѣли воинскую силу только показной стороны.

Словомъ, военная властъ въ Тюмени была сконцентрирована такъ: На верху коллегія изъ двухъ комиссаровъ: Пермякова и Рязанова. За ними Н-икъ Ш-ба Кр. Арміи, въ лицѣ Чувикова съ Осиповымъ, Высоковскимъ, Кашинымъ, мною и др. командными лицами.

Придерживаясь стараго опредѣленія, получалось слѣ-

дующее: Пермяковъ съ Рязановымъ, это командиръ полка съ адъютантомъ, а Чувиковъ баталіонный командиръ съ многоголовнымъ штабомъ и четырьмя ротными командирами, начальникомъ пул. команды и отдѣльнымъ эскадрономъ. Всѣ же названія ихъ должностей были просто чушью и являлись въ лучшемъ случаѣ творчествомъ революціонныхъ прапорщиковъ, въ одинъ мигъ желавшихъ сдѣлаться красными командирами. Теоретически все же была видна военная сила, были роты, пулеметы, конница, практически же было на лицо 225 красноармейцевъ (по 60-ти человѣкъ на роту), кое какъ сбитыхъ, 8 человѣкъ уланъ на одной лошади и пулеметная команда изъ 2-хъ учебныхъ пулеметовъ и 20 человѣкъ состава при 2-хъ повозкахъ.

Такъ выглядѣла красная армія Тюменскаго совѣта въ началѣ апрѣля... Кромѣ того, въ Тюмени была красная Гвардія въ количествѣ 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ какого то архаровца, какъ говорили, бывшаго уголовнаго каторжника. Она была подчинена Тюменскому Совѣту.

Вполнѣ освоившись съ обстановкой, въ которой я очутился, я сталъ нѣсколько спокойнѣе. Ковальчукъ, по прежнему, наблюдалъ за работами, слѣдуя принципу: Тише ѣдешь, дальше будешь. Я же старался прислушиваться ко всему тому, что творилось въ Штабѣ и къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя въ немъ получались.

Съ Соловьевымъ встрѣчался я почти каждый денъ въ театрѣ. Театръ былъ очень большой и помѣстительный. По своему первоначальному назначенію это былъ большой хлѣбный амбаръ-складъ, перестроенный купцомъ театраломъ для театра. Недурная для провинціи драматическая труппа пользовалась успѣхомъ, спектакли прекрасно посѣщались и среди людской сутолоки и гомона толпы мы встрѣчались и обмѣнивались короткими разговорами на животрепещущія темы. Изъ Петербурга никто не ѣхалъ, никакого отвѣта на мои письма я не получалъ. Все это страшно нервировало меня.

Къ концу первой недѣли моей службы эскадронъ достигъ численности до 30 человѣкъ. Контингентъ былъ тотъ же, что и раньше. Были получены винтовки въ числѣ 50 штукъ въ отвратительномъ состояніи и требовавшихъ не только чистки, но и починки. Кромѣ того, Пермяковъ меня даже поздравилъ съ сіяющимъ лицомъ по поводу полученія двухъ заршавленныхъ шашекъ какого то допотопнаго образца. Какъ оказалось, это были шашки становыхъ и урядниковъ, отобранныя весною 17-го года и съ тѣхъ поръ валявшіяся гдѣ то въ цейгхаузѣ. Производить съ ними занятія было почти невозможно, такъ какъ онѣ съ трудомъ

вынимались изъ ноженъ и рисковали при этомъ разсыпаться отъ ветхости въ прахъ. Мнѣ это было на руку. Всѣ занятія сводились къ тому, что Ковальчукъ выводилъ на полъ часика доблестныхъ уланъ на поле и занимался ученіемъ пѣшихъ по конному. Занятія не пошли лучше отъ приданія двухъ помощниковъ, одинъ оказался бывшимъ подпрапорщикомъ какого то стрѣлковаго полка, по фамиліи Гусевъ, увѣрявшій меня въ своей службѣ въ командѣ развѣдчиковъ, но мнѣ это было въ высокой степени безразлично. Типъ это былъ довольно понятливый, на службу пошедшій, повидимому, изъ-за содержанія и всѣмъ обликомъ своимъ напоминавшій обозныхъ подпрапорщиковъ, съ присущей имъ хитростью, изворотливостью, умѣніемъ обдѣлывать всякія комбинаціи съ фуражемъ и продуктами, и угодничаніемъ передъ какимъ угодно начальствомъ. Словомъ, это былъ субъектъ изъ породы „что прикажете и что изволите".

На другого же своего помощника я обратилъ свое вниманіе на улицѣ въ первые дни своего пріѣзда. Какъ то идя по Царской улицѣ, я былъ пораженъ, увидя передъ собою Украинскаго гусара, въ длинной шинели, цвѣтной фуражкѣ и красныхъ чакчирахъ. Я обогналъ его и увидѣлъ безусую физіономію зеленаго юнца съ лихо заломленной безкозыркой. Вотъ этотъ то гусаръ и откликнулся на вербовочный плакатъ, висѣвшій передъ входомъ въ Штабъ, узнавъ о формированіи эскадрона. Симоненко, такова была его фамилія, оказался весьма милымъ юношей 18 лѣтъ, мать котораго, вдова, жила въ Тюмени. Оказалось, что онъ въ дѣйствующій полкъ не попалъ, а пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ запасномъ полку. Лѣтомъ 17-го года пожелалъ онъ пойти на войну, до революціи былъ принятъ въ запасный полкъ вольнопредѣляющимся и большевицкій переворотъ прекратилъ его карьеру. Для меня было понятно его поступленіе въ красную армію, это было просто мальчишествомъ, желаніемъ носить форму, которой онъ страшно гордился (совсѣмъ не по революціонному), звякать шпорами по Царской улицѣ и изображать собой помощника командира эскадрона. Кромѣ того, онъ былъ весьма глупъ, именно, глупъ, а не необразованъ, что было для меня большимъ плюсомъ.

Будучи наиболѣе близкимъ ко мнѣ подчиненнымъ, онъ не вязъ ко мнѣ съ разспросами, о томъ, почему я служу и. т. д., а почтительно молчалъ и въ точности исполнялъ мои приказанія. Службы онъ совершенно не зналъ, такъ что авторитета моего подорвать не могъ, что было самымъ главнымъ для меня.

Кромѣ шашекъ, мною были получены и сѣдла въ количествѣ 20-ти штукъ. Когда я ихъ увидѣлъ, я такъ и ахнулъ. Это были не сѣдла, а какія то самодѣлки различной

величины и фасоновъ, плодъ кустарнаго творчества мѣстныхъ крестьянъ, съ веревочными петлями вмѣсто стремянъ, безъ потниковъ и съ веревочными уздечками. При наличіи такихъ сѣделъ возможность конныхъ ученій, даже при наличіи лошадей сама собой исключалась. Одновременно съ полученіемъ сѣделъ, мнѣ было предписано выбрать себѣ лошадей изъ имѣвшагося въ Тюмени коннаго запаса, о существованіи котораго я и понятія не имѣлъ.

Я отправился осмотрѣть лошадей и былъ пріятно пораженъ представившейся моимъ глазамъ картиной совѣтской организованности, и еще разъ могъ убѣдиться въ полной военной безграмотности моего начальства.

На огромномъ дворѣ, который былъ заваленъ вѣроятно еще со временъ начала революціи навозомъ, начавшимъ, благодаря наступившей оттепели, гнить, мирно разгуливало до ста низкорослыхъ сибирскихъ лошаденокъ. Сердце мое сжалось отъ боли, когда я увидѣлъ этихъ несчастныхъ лошадей... Это были ходячія тѣни, еле державшіяся на ногахъ, видимо, мѣсяцами не чищенныя, облѣпленныя, грязью и навозомъ. Конюшни, въ которыхъ должны были находиться эти несчастныя животныя, были наполовину разрушены изъ-за отсутствія надлежашаго ремонта, а наполовину разобраны на топливо.

Я сразу понялъ, что это лошади не кавалерійскаго ремонта, а обознаго, и что на большинствѣ изъ нихъ никто и не ѣздилъ.

Въ канцеляріи коннаго запаса я познакомился съ его начальникомъ, ротмистромъ Маркаровымъ, автоматически оставшимся служить большевикамъ.

Маркаровъ былъ старый офицеръ, призванный изъ запаса и получишій это богоспасаемое мѣсто. Лошадьми своего запаса онъ комплектовалъ обозы Сибирскихъ стр. частей, транспорты и артиллерійскіе парки. Узнавъ о цѣли моего прихода, онъ изумился и, махнувъ рукой, только и сказалъ:

— Бытъ можетъ, вы сумѣете изъ этого матеріала сдѣлать кавалерійскую лошадь!

На это я ему отвѣтилъ, что мы живемъ во времена неограниченныхъ возможностей, какъ, напримѣръ, я изъ скромныхъ взводныхъ командировъ сразу махнулъ въ начальники отдѣльной части... М. подозрительно посмотрѣлъ на меня и буркнулъ:

— А! Всяко бываетъ!

Я сразу же почувствовалъ въ Маркаровѣ своего человѣка, понялъ его страданія за несчастныхъ лошадокъ, но понялъ также и то, что даже при наличіи 20 уборщиковъ, халатно относившихся къ своимъ обязанностямъ, и при не-

разберихѣ, творившейся у насъ въ Штабѣ съ постановкой фуража, все же можно было бы содержать лошадей въ лучшемъ видѣ и не допускать ихъ до падежа. М. ничего для улучшенія положенія не дѣлалъ и дѣлалъ это сознательно, не желая сдавать товарищамъ годный для использованія матеріалъ. При его помощи я отобралъ около 70 лошадей, имѣвшихъ хоть какую нибудь видимость, и временно, до окончанія постройки моихъ конюшенъ, оставилъ ихъ у него въ запасѣ.

ГЛАВА VIII.

Въ десятыхъ числахъ апрѣля я совершенно неожиданно встрѣтился съ моимъ однополчанымъ Сѣдовымъ, котораго мнѣ поручилъ разыскать Марковъ 2-ой. Встрѣтились мы лицомъ въ лицу въ аптекѣ на главной улицѣ, куда я зачѣмъ то зашелъ. Я сразу же узналъ его Вмѣсто вылощеннаго штабсъ-ротмистра, всегда безукоризненно выбритаго, съ милымъ располагавшимъ къ себѣ лицомъ, сѣро-голубыми, вѣчно смѣющимися глазами, я увидѣлъ форменнаго оборванца въ засаленной ватной курткѣ, сѣро-синихъ латаныхъ брюкахъ, смазныхъ сапогахъ. Дырявый картузъ еле прикрывалъ всклокоченную шевелюру, и давно не стриженные усы заканчивалися бородкой козликомъ...

Я глазамъ своимъ не повѣрилъ, до того перемѣнилось даже выраженіе лица. Лицо было страдальческое, огонекъ въ глазахъ потухъ. Сѣдовъ узналъ меня, вышелъ изъ аптеки за мной на улицу и на боковой улицѣ мы условились сейчасъ же встрѣтиться у Соловьева.

Черезъ часъ мы сидѣли втроемъ въ жарко натопленной комнатѣ старушки хозяйки Соловьева передъ уютнымъ, пѣвшимъ свою пѣсенку, самоварчикомъ. Соловьевъ былъ не меньше меня радъ встрѣчѣ съ Сѣдовымъ. Ему много пришлось перестрадать, пока онъ пріѣхалъ въ Тюмень, гдѣ онъ находился всего лишъ третью недѣлю. Онъ явился сюда, чтобы легализировать въ профессіональномъ союзѣ свое положеніе чернорабочаго, и въ качествѣ такового, получилъ мѣсто у одного Тюменскаго домовладѣльца, гдѣ находился и по сей день.

Несчастному Сѣдову, видимо, пришлось получить отъ пережитаго огромное нервное потрясеніе, его повышенная нервность чувствовалась во всемъ, а боязнь быть опознанымъ привела къ тому, что онъ потерялъ совершенно свои обычныя манеры свѣтскаго человѣка, и обратился въ заправскаго хама, съ подобающими ухватками и даже манерой говорить и выражать свои мысли. Связь съ Марковымъ 2-ымъ онъ потерялъ, и установить ему ее до сего дня не уда-

лось. Мы информировали Сѣдова о положеніи, и совмѣстно съ нимъ, еще разъ обсудили наши планы и пришли къ тому же заключенію, что ничего другого не остается дѣлать, какъ ждать пріѣзда офицеровъ отъ организаціи и при помощи перваго пріѣхавшаго информировать Маркова 2-ого о положеніи. Сѣдовъ рѣшилъ остаться на своей должности и не поступать въ эскадронъ, принятіе же мною должности командира онъ одобрилъ. Оставаясь чернорабочимъ, Сѣдовъ былъ свободнѣе располагать собой и былъ къ тому же замаскированъ блестяще, какъ съ внѣшней стороны, такъ и въ отношеніи документовъ, которые у него были въ полномъ порядкѣ. Искреннимъ желаніемъ Сѣдова было проѣхать въ Тобольскъ, чтобы повидать Ихъ Величества, что онъ вскорѣ и исполнилъ.

Соловьевъ послѣднее время страшно нервничалъ, ожидая пріѣзда жены изъ Петербурга, которая черезъ два дня послѣ моей встрѣчи съ Сѣдовымъ и пріѣхала въ Тюмень. Въ то же время Соловьевъ ждалъ пріѣзда одного инженера француза, съ которымъ у него были коммерческія дѣла по Кутимской золотопромышленной компаніи и который долженъ былъ привести Соловьеву нѣкоторую сумму денегъ. Соловьевъ былъ очень недоволенъ его запозданіемъ и не только потому, что деньги ему были крайне нужны, а также по той причинѣ, что Бруаръ, не зная его адреса, началъ бы его поиски, что въ такомъ маленькомъ городѣ могло бы привлечь излишнее вниманіе властей. Ввиду этого, Соловьевъ написалъ на имя Бруара записку, которую я долженъ былъ оставить въ гостинницѣ „Россія“.

Я не знаю почему, но когда Соловьевъ писалъ эту записку, мнѣ было какъ то не по себѣ и я замѣтилъ ему, что, быть можетъ, не стоитъ упоминать моей фамиліи, на что Соловьевъ отвѣтилъ, что это пустяки и что, хотя Бруаръ и не членъ нашей организаціи, но человѣкъ приличный и не вдающійся не въ какую политику. Въ тотъ же день я передалъ записку и предупредилъ швейцара своей гостинницы, чтобы, въ случаѣ пріѣзда Бруара, его направили бы ко мнѣ. Въ другія двѣ гостинницы я не зашелъ, такъ какъ было мало вѣроятій, что онъ въ нихъ остановится. Я долженъ былъ предупредить Бруара, что съ Соловьевымъ вышли непріятности, и точно указать ему его адресъ.

Какъ то разъ, вечеромъ, встрѣтившись съ Соловьевымъ въ театрѣ, со мной произошелъ оригинальный случай, которому я не придалъ особеннаго значенія, но которому впослѣдствіи суждено было сыграть большую роль въ моей жизни. Передъ началомъ спектакля я нѣсколько минутъ поговорилъ съ Соловьевымъ и отправился въ залъ. Во время одного изъ антрактовъ я прошелъ въ буфетъ, гдѣ

увидѣлъ Соловьева, сидѣвшаго съ одной дамой, мѣстной жительницей, работавшей въ Совпрхозѣ и съ которой меня какъ то познакомилъ Маркаровъ. Я поздоровался съ ней и присѣлъ къ ихъ столику. Какъ разъ неподалеку отъ насъ сидѣла компанія мѣстныхъ вершителей судебъ, не только Пермяковъ и Чувиковъ, но и члены гражданскаго управленія. Между ними сидѣлъ также Кормашевъ, предсѣдатель Совгорхоза, съ которымъ я имѣлъ дѣла по постройкѣ конюшенъ, секретарь революціоннаго трибунала и др. товарищи. Я сидѣлъ и молча пилъ свой чай. Вдругъ моя сосѣдка, разговаривавшая съ Соловьевымъ, обратилась ко мнѣ:

— Вы знакомы съ Борисомъ Николаевичемъ?

Не успѣлъ я и рта раскрыть, чтобы отвѣтить ей, что, какъ же, конечно, знакомъ, какъ Борисъ Николаевичъ всталъ, протянулъ мнѣ руку и отрекомендовался.

Ото неожиданности я всталъ, поздоровался и пробормоталъ свою фамилію. По окончаніи спектакля, выходя, я столкнулся съ Соловьевымъ и, смѣясь, спросилъ его, что сей сонъ означаетъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что чѣмъ меньше народу будутъ знать о нашемъ знакомствѣ, тѣмъ лучше для насъ обоихъ, въ особенности для меня...

Мои конюшни были закончены, тридцать уланъ жили рядомъ въ домѣ и бездѣльничали цѣлый день, но все же была заведена канцелярія со множествомъ входящихъ и исходящихъ бумагъ. Для украшенія внѣшняго вида всюду, гдѣ только можно было, на бѣлыхъ дощечкахъ черной краской мною лично были сдѣланы надписи вродѣ: „эскадронная канцелярія“, „цейхгаузъ“ и. т. д. и масса указательныхъ стрѣлокъ, показывавшихъ направленіе, гдѣ и что находилось.

Въ назначенное утро пріѣхалъ Пермяковъ и Чувиковъ съ адъютантами для осмотра построекъ. Съ ними пріѣхала какая то мужеподобная, коротко стриженная женщина съ папиросой въ зубахъ и хриплымъ баскомъ. Оказалось, что это былъ городской архитекторъ. Все было найдено въ блестящемъ, порядкѣ. Пермяковъ съ видимымъ удовольствіемъ прохаживался по длиннѣйшей конюшнѣ, по которой въ одинъ рядъ вытянулись подобіе денниковъ для 85 лошадей. Потомъ пошли смотрѣть казарму. На вопросъ Чувикова, что же я намѣренъ дѣлать, когда эскадронъ будетъ полностью укомплектованъ, я отвѣтилъ, что ввиду приближенія лѣта, можно будетъ сдѣлать легкіе деревянные бараки. Былъ позванъ „товарищъ архитекторъ“, который немедленно на блокъ-нотѣ вычислилъ, что постройка трехъ бараковъ на 140—160 человѣковъ обойдется не менѣе 75.000—85.000 рублей.

— А не дорого ли вы, товарищъ, считаете?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, Пермяковъ, подумавши, спросилъ Чувикова:

— Что же, Аврамій, строить аль не строить?

Аврамій привелъ доводы, что постройка не можетъ быть произведена, такъ какъ въ казначействѣ денегъ мало, въ обрѣзъ хватаетъ на уплату жалованія, а кредиты слишкомъ медленно отпускаютя. Пермяковъ согласился съ доводами Чувикова и тутъ же Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ: Было признано, что первѣйшимъ дѣломъ является забота объ удобствѣ красноармейцевъ или, какъ ихъ съ особенной страстью въ голосѣ называлъ Пермяковъ, „волонтеровъ", а лошадь это все же скотина на четырехъ ногахъ, требующая меньшихъ заботъ, а посему людей надлежитъ перевести въ большія удобныя казармы, гдѣ раньше помѣщалась конвойная команда при Управленіи Воинскаго Начальника. Лошадей же надлежитъ поставить, ввиду приближенія теплаго времени, на коновязь, которую легко можно соорудить изъ матеріала, который пошелъ на постройку моихъ великолѣпныхъ конюшенъ. Плодъ моихъ двухнедѣльныхъ трудовъ было приказано „снять въ два счета", по любимому выраженію Пермякова. Я понятно не протестовалъ и вполнѣ согласился съ экономическими соображенію Чувикова. Не успѣла комиссія отбыть изъ расположенія эскадрона, какъ работа закипѣла во всю.

Подъ мудрымъ руководствомъ Ковальчука къ вечеру топорами и заступами было разрушено не только все, что было построено въ конюшнѣ, но и всѣ исправленія построекъ, а попутно калѣчились и здоровыя ихъ части. Утромъ же я замѣтилъ, что полуполоманныя доски и бревна, сложенныя кучами во дворѣ сильно пріуменьшились за ночь. Видимо, они были растасканы моими солдатами и крестьянами изъ сосѣдней деревушки для своихъ надобностей.

Въ ночь на 15-ое апрѣля скоропостижно скончался отъ разрыва сердца у себя на квартирѣ Маркаровъ. Я отъ души пожалѣлъ о смерти этого человѣка, оставшагося до конца настоящимъ офицеромъ. Переживаемыя времена не положили на него своего хамскаго отпечатка, но въ корнѣ подорвали его и безъ того слабыя силы. Отъ Соловьева я узналъ, что онъ давно былъ съ нимъ въ связи, и что покойный Маркаровъ только и жилъ мыслью, какъ либо активно оказать Ихъ Величествамъ свою помощь. Значитъ мое первое впечатлѣніе о немъ было правильнымъ, предчувствіе не обмануло меня.

Мнѣ было предложено временно вступить въ завѣдованіе конскимъ запасомъ, и 16-го вечеромъ пришла телеграмма изъ Омска, утвердившая меня въ должности.

На слѣдующій день утромъ, когда я спокойно пилъ свой утренній чай, въ дверь моего номера раздался стукъ и въ мою комнату не вошелъ, а влетѣлъ человѣкъ, совершенно мнѣ неизвѣстный и, волнуясь, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы — г-нъ Марковъ?

Я отвѣтилъ утвердительно. Не давъ мнѣ сказать и слова, эта маленькая фигура съ лысиной, рыжими усиками и произительными глазками обдала меня цѣлымъ каскадомъ отдѣльныхъ словъ и предложеній, такъ какъ связной рѣчью всего сказаннаго имъ назвать было нельзя. Было ясно по произношенію и манерѣ говорить, что предо мной стоитъ иностранецъ. Это и былъ долго жданный нами Бруаръ.

Изъ всего его словоизверженія мнѣ стало понятнымъ, что онъ вчера вечеромъ пріѣхалъ въ Тюмень и случайно остановился не въ гостинницѣ „Россія“, а въ маленькой гостинницѣ на той же улицѣ, гдѣ находилась и моя гостинница. Съ ранняго утра онъ отправился въ милицію, гдѣ узналъ адресъ Соловьева, къ которому онъ сразу же и отправился, но дома его не засталъ. У него произошло какое то объясненіе съ женой Соловьева, которая ему, видимо, сказала, что Борисъ Николаевичъ былъ арестованъ и долженъ являться по утрамъ въ Совдепъ, и что, кромѣ того, на его имя въ гостинницѣ „Россія“ оставлена имъ записка. Изъ дальнѣйшаго я уяснилъ себѣ, что онъ не только не привезъ денегъ, а наоборотъ, хочелъ получить деньги съ Соловьева. Онъ же разыскивалъ по телефону въ Совдепѣ Соловьева и меня.

— Да вы съ ума сошли! Что вы ребенокъ, что ли, что такой простой вещи понять не могли? Развѣ можно связывать мою фамилію съ Соловьевымъ, да еще телефонировать въ Совдепъ? — вырвалось у меня.

Бруаръ какъ то сразу осѣкся и сталъ спрашивать меня, не оставилъ ли у меня Борисъ Николаевичъ денегъ для него. Я отказывался что либо понимать, до того все это было нелѣпо. Одно было для меня болѣе, чѣмъ ясно, что Бруаръ или провокаторъ, или непроходимый дуракъ, и что своими дѣйствіями онъ безусловно скомпрометтировалъ насъ въ Совдепѣ.

Въ этотъ моментъ ко мнѣ постучались, за мной пришелъ Симоненко, съ которымъ мы условились отправится въ запасъ. Въ его присутствіи я рѣзко заявилъ Бруару, что вообще никакихъ дѣлъ съ Соловьевымъ не имѣю, ничего для передачи ему онъ мнѣ не оставлялъ и прошу его обратиться по интересующимъ его вопросамъ исключительно къ Соловьеву лично. Я же только сдѣлалъ любезность Соловьеву, оставивъ его записку въ гостинницѣ „Россія“,

дабы по пріѣздѣ его, Бруара, сообщить ему точный адресъ Соловьева, котораго онъ не зналъ. Бруаръ, что то бурча себѣ подъ носъ, удалился, и я отправился съ Симоненко на службу.

Обдумывая неожиданный приходъ Бруара и все, что онъ мнѣ наговорилъ, я съ каждой минутой все больше свыкался съ мыслью, что легко изъ создавшейся неразберихи я не выскочу. Придя домой, я уничтожилъ все, что могло бы меня скомпрометтировать. Выйдя на лѣстницу, я неожиданно столкнулся съ сыномъ о. Васильева. Въ корридорѣ никого не было. Въ нѣсколькихъ словахъ я объяснилъ ему, что, благодаря пріѣзду одного лица, случилось какое то недоразумѣніе, результатами котораго можно было ожидать вторичнаго ареста не только Соловьева, но и моей персоны. Я просилъ его сообщить объ этомъ его отцу въ Тобольскъ. Оказывается, что онъ только что пріѣхалъ изъ Тобольска и сегодня ѣдетъ дальше въ Москву.

Пообѣдавъ, я легъ немного отдохнуть. Не успѣлъ я лечь, какъ дверь моя безъ стука отворилась и въ комнату ко мнѣ ворвались двѣ фигуры: какой то мальчишка въ солдатской шинели съ револьверомъ въ рукахъ и здоровенный дѣтина въ полушубкѣ, папахѣ, при шашкѣ, обмотанный пулеметными лентами и съ карабиномъ на перевѣсѣ. Младшій заоралъ:

— Вы будете товарищъ Марковъ?

Я привсталъ съ кровати и преувеличенно спокойно отвѣтилъ утвердительно и освѣдомился о цѣли ихъ вторженія ко мнѣ.

— Выньте руку изъ кармана, — вмѣсто отвѣта услышалъ я.

Я держалъ правую руку въ карманѣ и это испугало этихъ красавцевъ. Я исполнилъ приказаніе. Молодой типъ успокоился, видимо, удостовѣрившись, что я вооруженнаго сопротивленія не окажу, и заявилъ мнѣ, что имѣетъ ордеръ отъ Предсѣдателя Совдепа произвести у меня обыскъ и доставить меня въ Совдепъ.

Ордеръ былъ самый форменный. Они перерыли всю мою комнату сверху донизу и, не найдя ничего предосудительнаго, кромѣ моего бумажника, въ которомъ помимо фотографіи моего отца, двухъ фотографій Ю. Денъ, разныхъ ничего не значущихъ записокъ и 8 р. 50 к. деньгами, ничего не было. Товарищи предложили мнѣ собрать вещи и слѣдовать за ними. Бумажникъ былъ у меня отобранъ, но деньги было разрѣшено оставить.

Всѣ мои вещи заключались въ сверткѣ, въ которомъ находилось полотенце, зубная щетка, паста, мыло, иконка-

благословеніе моей матери и молитвенникъ, полученный отъ Ея Величества въ Тобольскѣ.

Къ счастью, письмо Ея Величества, открытка, которая предназначалась А. Вырубовой, и маленькій мундштукъ я своевременно оставилъ на храненіе у хозяйки Соловьева. Даже смѣны бѣлья я не могъ взять съ собой, такъ какъ отдалъ его за день передъ тѣмъ въ стирку.

Швейцаръ обомлѣлъ, когда увидѣлъ меня въ сопровожденіи красноармейцевъ. Около гостинницы стоялъ извощикъ, а къ телеграфному столбу была привязана лошадь, на которую взгромоздилась фигура въ папахѣ. Молодой типчикъ усѣлся рядомъ со мной на дрожжкахъ, а на вопросъ, куда ѣхать, я сказалъ извощику: Въ тюрьму!

Мой сосѣдъ изумленно посмотрѣлъ на меня и пробормоталъ:

— Нѣтъ, что вы, товарищъ! — и измѣнилъ адресъ на Совдепъ.

Дрожжки затарахтѣли по мостовой. За нами гарцевалъ на водовозномъ одрѣ красногвардеецъ Прохожіе не безъ любопытства оглядывали насъ.

Въ Совдепъ мнѣ не пришлось итти, туда отправился мой сосѣдъ, а я ждалъ его на извощикѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ и отдалъ приказъ извощику ѣхать въ арестный домъ и усѣлся опять рядомъ со мной.

— А я былъ правъ, товарищъ? Адресомъ не ошибся! — умышленно спокойно и съ ироніей бросилъ ему я. Онъ ничего не отвѣтилъ.

Вскорѣ мы подъѣхали къ большому бѣлому трехъэтажному дому, обнесенному высокой бѣлой стѣной-оградой. Огромныя ворота отворились, мы въѣхали во дворъ и остановились у маленькаго дома съ вывѣской: Контора. Тамъ, повидимому, ждали меня, такъ какъ одинъ изъ служащихъ, сидѣвшій въ канцеляріи, сразу же записалъ мою фамилію въ листъ. Деньги у меня отобрали, выдавъ расписку. Взяли и подтяжки и, ощупавъ карманы, сдали меня дежурному надзирателю.

Арестовавшій меня молодой типчикъ любезно раскланялся и получилъ бумажку о моемъ принятіи, и я, подъ конвоемъ надзирателя, пройдя еще черезъ однѣ запертыя двери, очутился сначала, въ длинномъ широкомъ корридорѣ, въ который выходили двери камеръ, а потомъ остановился передъ дверью съ надписью: Камера No 5, каковую мнѣ предупредительно открылъ надзиратель. Дверь за мной захлопнулась, я остался въ одиночествѣ.

ГЛАВА IX.

Камера, въ которой я находился, имѣла шаговъ пять въ длину и два съ половиной въ ширину. Все убранство ея состояло изъ длинной скамейки, на которую на ночь опускались четыре щита, прикрѣпленныхъ на день къ стѣнѣ, подобія комода, но безъ ящиковъ, а съ двухстворчатой дверью (внутри находились двѣ полки). Большое окно, находившееся на высотѣ груди человѣка высокаго роста, за которымъ была довольно частая рѣшетка, выходило на наружный дворъ тюрьмы, обнесенный очень высокимъ каменнымъ заборомъ, за которымъ виднѣлись лишь верхушки деревьевъ и крыши болѣе высокихъ домовъ. По двору вдоль стѣны мѣрными шагами ходилъ часовой. Въ общемъ, камера была довольно чистая, недавно бѣленная, но въ ней пахло сыростью и было весьма прохладно. Признаковъ какого либо отопленія я не нашелъ. Не успѣлъ я, какъ слѣдуетъ, осмотрѣться въ своей новой квартирѣ, какъ въ корридорѣ послышался звонокъ, загромыхала открывавшаяся дверь, зазвенѣли ключи и раздался гомонъ голосовъ, среди которыхъ я узналъ голось Соловьева. Около своей двери я услышалъ, какъ кто то сказалъ:

— Одного только что привезли... Седьмая свободна!

Снова заскрипѣла дверь, щелкнули замки и все стихло. Соловьевъ находился черезъ двѣ камеры отъ меня.

Предчувствіе не обмануло меня, Бруаръ насъ предалъ большевикамъ. Но какъ? Что онъ разсказалъ въ Совдепѣ, какъ онъ связалъ мое имя съ Соловьевымъ? Всѣ эти вопросы волновали меня, такъ какъ нашъ арестъ могъ какъ либо повредить Ихъ Величествамъ. Мнѣ было ясно, что всякая связь съ Тобольскомъ утеряна. Ожидаемыя мною изъ Петербурга Гринвальдъ и Андреевскій, не найдя меня въ Тюмени, окажутся безъ информаціи и очутятся въ томъ же положеніи, какъ и я по пріѣздѣ изъ Тобольска въ Тюмень, даже въ худшемъ, такъ какъ я все же былъ знакомъ съ обстановкой.

Адреса Сѣдова они не знаютъ... И онъ ничѣмъ помочь мнѣ не сможетъ. Всѣ наши планы, связанные съ моимъ поступленіемъ въ красную армію, рухнули. Я проклиналъ тотъ моментъ, когда Соловьевъ послалъ свое письмо Бруару. Если бы не оно, то къ крайнемъ случаѣ, попался бы одинъ Соловьевъ, но не мы оба. Наше же положеніе я считалъ почти безнадежнымъ. Только чудо могло спасти насъ отъ смерти. Я былъ совершенно спокоенъ и только непростительная ошибка Бориса Николаевича, упомянувшаго мою фамилію, приводила меня въ бѣшенство. Мнѣ было искренно жаль несчастную Мару Григорьевну. Я могъ себѣ представить,

что она пережила при арестѣ мужа, и что переживаетъ сейчасъ... Она съ перваго же взгляда произвела на меня симпатичное впечатлѣніе. По внѣшности золотистая блондинка, выше средняго роста, прекрасно сложенная, но съ неправильными чертами лица. Ее нельзя было назвать красивой, но въ ней было что то, что какъ то особенно къ себѣ располагало. Особенно обращали на себя вниманіе ея глубоко синяще сѣро-стальные скорбные глаза, привлекавшіе къ себѣ своей одухотворенностью. Мужа своего она, видимо, очень любила какой то особенной страстной, ревнивой любовью. Онъ отвѣчалъ ей тѣми же чувствами.

Вечерѣло. Въ камерѣ сдѣлалось еще болѣе сѣро. Вдругъ дверь въ мою камеру неожиданно отворилась и появилась здоровенная фигура въ арестанскомъ платьѣ въ сопровожденіи надзирателя. Въ первый моментъ я подумалъ, что ко мнѣ сажаютъ компаньона, но оказалось, что арестантъ принесъ мнѣ сѣнникъ, подушку набитую сѣномъ, простыню изъ домотканнаго полотна, громадный кусокъ шинельнаго сукна, вмѣсто одѣяла, и полотенце.

Я былъ пріятно пораженъ, убѣдившись, что все принесенное было новое, никогда не бывшее въ употребленіи. Все это очень удивило меня, къ такимъ совѣтскимъ порядкамъ я не привыкъ. Въ пять часовъ вечера раздался звонокъ, послышались шаги и двери камеры стали отворяться одна за другой. Наконецъ, дошла очередь и до меня.

Когда дверь открылась, я увидѣлъ цѣлое общество, состояще изъ господина весьма приличнаго вида въ черной форменной тужуркѣ, какой то фигуры въ военной формѣ, надзирателя, приведшаго меня въ камеру и надзирателя, дежурившаго въ корридорѣ.

Господинъ очень вѣжливо поздоровался со мной, обмѣнялся шепотомъ съ господиномъ въ военной формѣ, а старшій надзиратель что то отмѣтилъ на листкѣ, и моя дверь снова захлопнулась.

Оказалось, что это обычный вечерній обходъ — повѣрка арестованныхъ начальникомъ тюрьмы. Господинъ въ черной тужуркѣ былъ самъ начальникъ, а тотъ въ военной формѣ — комиссаръ тюрьмы. Этотъ обходъ повторялся каждый день ровно въ 5 часовъ вечера. Въ полъ шестого раздался снова звонокъ, и въ корридорѣ раздался крикъ:

— Кашу, парашу, кипятокъ!

Я понялъ, что будетъ раздаваться ужинъ, но значеніе второго слова было для меня непонятно, такъ какъ я слышалъ его впервые, это былъ, вѣроятно, спеціальный тюремный терминъ. Снова зазвенѣли ключи. По очереди стали выпускать изъ камеръ. Когда я вышелъ въ корридоръ, я уви-

дѣлъ посреди его два большихъ бака, одинъ наполненный кашей изъ перловой крупы, а другой съ горячей водой.

Ужинъ раздавали два арестанта. Мнѣ выдали жестянной заржавленный бакъ, жестяную кружку и деревянную ложку. Раздатчики съ любопытствомъ разглядывали меня, въ особенности ихъ поразило то, то я былъ въ штатскомъ. Узнавъ, что у меня нѣтъ чайника, они съ соболѣзнованіемъ замѣтили, что безъ этого мнѣ будетъ очень трудно. Получивъ кашу и полъ фунта солдатскаго чернаго хлѣба, я намѣревался уже итти въ камеру, какъ надзиратель замѣтилъ мнѣ:

— Парашу то забыли!

Видя мое недоумѣніе, онъ указалъ мнѣ въ конецъ корридора на стоявшія у входа въ уборную высокія ведра съ крышками, и тогда только я понялъ, въ чемъ дѣло, и не приминулъ запастись этой необходимой принадлежностью.

Безъ четверти шесть въ камерѣ появился снова арестантъ, принесшій мнѣ ранѣе мѣшокъ и одѣяло, который на этотъ разъ осчастливилъ меня маленькой керосиновой лампочкой. Тюремный день кончился.

Начиналась ночь, которая продолжалась до 5 часовъ утра. За этотъ промежутокъ времени изъ камеры ни подъ какимъ видомъ не выпускали, въ этомъ я убѣдился, когда возымѣлъ „буржуазный предразсудокъ“ пойти помыться передъ сномъ. Надзиратель сообщилъ мнѣ, что для этого есть время до 6-ти часовъ. Я осмотрѣтъ свою ѣду. Каша была совсѣмъ не съѣдобная, и напоминала скверный клейстеръ и пахла какой то затхлой гнилью. Къ ней я и не притронулся и ограничился жеваніемъ и пережевываніемъ хлѣба. Отсутствіе чайника сразу дало себя знать, такъ какъ, не говоря уже о чаѣ, котораго у меня не было, у меня не было даже простой питевой воды.

Дѣлать было нечего и я, опустивъ свою нару, разложилъ сѣнникъ и, какъ былъ, снявъ только пиджакъ и воротникъ, улегся спать, покрывшись сукномъ и своимъ долгополымъ пальто, которое, благодаря своимъ размѣрамъ, сослужило мнѣ прекрасную службу, равно какъ и моя заячья шапка съ наушниками, безъ которой, какъ оказалось, спать было бы не возможно, до того было головѣ холодно.

Несмотря на физическую, а главное нравственную усталость, спать я не могъ. Тишина стояла гробовая. Мнѣ порою казалось, что я слышу біеніе собственнаго сердца. Только изрѣдка въ корридорѣ слышались шаги надзирателя . . .

Послѣ томительной ночи наступило утро, начавшееся съ выдачи кипятка и выпускомъ арестантовъ въ уборную

для утренняго туалета. Я все ожидалъ, что меня потребуютъ на допросъ, но время шло, а за мной никто не приходилъ. Не задолго до обѣда я вдругъ услышалъ знакомый голосъ кричавшій:

— Камера № 7, оправиться!

Загремѣлъ замокъ и вскорѣ я услышалъ шаги передъ моей дверью, кто то сильно закашлялся, это былъ Соловьевъ. Я выждалъ нѣсколько минутъ и также возымѣлъ желаніе выйти изъ камеры, думая встрѣтиться съ Соловьевымъ въ уборной. Но моя уловка не удалась, меня выпустили только тогда, когда Борисъ Николаевичъ вернулся въ свою камеру.

Въ уборной на подоконникѣ я сразу увидѣлъ опознательный знакъ нашей организаціи, сложенный изъ бумаги, и таковой же на полу около стѣнки. Присмотрѣвшись къ стѣнкѣ, испещренной различными надписями, чисто заборнаго характера, я увидѣлъ тотъ же знакъ, нарисованный карандашемъ и подъ нимъ надпись на стѣнѣ, которая, очевидно, была наскоро нацарапана:

— Бруаръ выдалъ записку, больше ничего. Познакомились въ Тюмени. Настаивайте...

Дальше было неразборочиво и кончалось: — Поняли? Отвѣтъ.

Я уничтожилъ бумажки, затеръ подпись и подписалъ: Понялъ. Что же говорить? Когда я очутился въ камерѣ, то почувствовалъ себя значительно бодрѣе и не такимъ одинокимъ. Эта маленькая связь съ Борисомъ Николаевичемъ придала мнѣ новыхъ силъ.

Вслѣдствіе сумбура, царившаго въ головѣ, не все для меня было ясно, хотя я и написалъ „понялъ“. Что значило: познакомились въ Тюмени? Вѣдь мы были знакомы по Петербургу. О томъ, что Бруаръ выдалъ записку, у меня не было никакихъ сомнѣній. „Больше ничего“, значило, что Бруару объ организаціи и дѣятельности Соловьева ничего извѣстно не было.

Дали обѣдъ, состоящій изъ супа-похлебки, вѣрнѣе грязной, вонючей воды съ сырымъ картофелемъ, который мнѣ пришлось, зажавши нось, проглотить.

Повторилась утренняя исторія: сначала вышелъ изъ камеры Соловьевъ, а за нимъ я. На стѣнѣ нацарапано было:

— Вспомните театръ, настаивайте на этомъ.

Мнѣ сразу все сдѣлалось яснымъ. Всѣ мои сомнѣнія разсѣялись, и я только могъ поразиться, насколько отшибло память у меня за послѣднее время. Вернувшись въ камеру, я почувствовалъ новый приливъ бодрости послѣ этого напоминанія. Какъ живая, встала передо мной картина нашего знакомства въ театрѣ, которому я такъ удивился. Неужели

этому, казалось, нелѣпому случаю, суждено будетъ сыграть роль? Я почувствовалъ почву подъ ногами, это былъ все же опорный пунктъ, за который можно будетъ держаться на допросѣ, если таковой будетъ.

Снова насталъ вечеръ. Снова неизмѣнныя „каша, параша, и кипятокъ". Отъ прогулки днемъ я отказался, но наблюдалъ Соловьева, въ одиночествѣ ходившаго въ теченіи 15 минутъ по двору. На прогулку каждая камера выпускалась въ отдѣльности, независимо отъ количества арестованныхъ. За все послѣобѣденное время передъ моими глазами, въ одиночку, парами и по 5—8 человѣкъ продефилировали всѣ обитатели тюрьмы. Все это были, видимо, заправскіе арестанты въ тюремномъ платьѣ. Штатскихъ было только насъ двое, Соловьевъ и я.

Послѣ того, какъ дверь моя на ночь захлопнулась, я еще разъ съ грустью убѣдился, что весь мой ужинъ состоитъ изъ бака холодной воды (каши я не взялъ) и куска чернаго хлѣба, и мнѣ стало очевиднымъ, что долго такого питанія мнѣ не выдержать и ничего другого мнѣ не остается, какъ попытаться попасть въ тюремную больницу, гдѣ, быть можетъ, питаніе лучше. Я расковырялъ спичкой свое контуженное ухо, чтобы усилить процессъ бывшаго въ немъ воспаленія и гноеточенія, и рѣшилъ закатить своему надзирателю припадокъ, якобы вызванный ушной болью. Припадокъ разыгралъ я на славу. Я самъ не знаю, какъ это я симулировалъ и невѣроятныя судороги и потрясающй нервный ознобъ, а въ заключеніе, и кровавую пѣну, шедшую изо рта.

Дежурный надзиратель до того перепугался, что далъ тревожный звонокъ, и, совмѣстно съ явившимся надзирателемъ, дежурившимъ, видимо, по всей тюрьмѣ, сталъ меня отпаивать водой и ставить холодный компрессъ на голову. Я послѣ долгихъ ихъ усилій „успокоился", но простоналъ почти всю ночь. На слѣдующее утро я былъ у тюремнаго врача. Въ больницу я не попалъ, но врачъ прописалъ мнѣ улучшенное питаніе.

Передъ самымъ обѣдомъ дверь моей камеры отворилась и я глазамъ своимъ не повѣрилъ: въ камеру входилъ Соловьевъ со всѣми своими вещами. Онъ былъ пораженъ своему переводу не менѣе, чѣмъ я.

Впослѣдствіи это объяснилось. О моемъ припадкѣ было донесено Н-ку тюрьмы и это, видимо, онъ настоялъ у комиссара о переводѣ ко мнѣ Бориса Николаевича.

Начальникъ тюрьмы занималъ эту должность до революціи, а комиссаръ, съ которымъ мы впослѣдствіи ближе познакомились, оказался по профессіи поваромъ одной изъ большихъ станцій Сибирской желѣзной дороги, оставшійся,

благодаря войнѣ, безъ мѣста и примазавшійся къ большевикамъ ради полученія какого нибудь мѣста.

Начальникъ же увидѣлъ въ насъ не простыхъ каторжниковъ, а людей, попавшихъ къ нему, благодаря царящему произволу, на попеченіе и упросилъ комиссара, бывшаго по существу весьма не сквернымъ человѣкомъ. И вотъ мы оказались вмѣстѣ.

Соловьевъ разсказалъ мнѣ подробно о томъ, что натворилъ Бруаръ въ Тюмени и что привело къ нашему аресту. Оказалось, что Бруаръ явился къ нему на квартиру и, не заставъ его дома (какъ я и предполагалъ, Борисъ Никотаевичъ былъ въ Совдепѣ для явки), потребовалъ у Мары Григорьевны, чтобы она ему дала 25.000 р., пригрозивъ ей, въ случаѣ отказа, выдачей Бориса Николаевича большевикамъ. Все это призошло для нея больше, чѣмъ неожиданно. Зная прекрасно, что Борисъ Николаевичъ ожидаетъ полученія отъ Бруара денегъ, она встрѣтила его очень любезно, освѣдомилась, получилъ ли онъ записку, оставленную на его имя въ гостинницѣ „Россія“, узналъ ли онъ ихъ адресъ у меня, и полюбопытствовала, привезъ ли онъ долгожданныя деньги. Она также сообщила ему, какіе непріятности были съ Борисомъ Николаевичемъ, на что онъ разсказалъ ей очень туманную и мало правоподобную исторію о своемъ арестѣ въ Москвѣ, объ отобраніи у него денегъ при обыскѣ и о томъ, что ему, преслѣдуемому по пятамъ, пришлось бѣжать. Результатомъ всей этой басни явилось рѣзкое требованіе денегъ и угроза, въ случаѣ отказа, выдать Бориса Николаевича большевикамъ. Несчастная Мара Григорьевна клялась всѣмъ святымъ, что ни у нея, ни у мужа денегъ нѣтъ, и что на это разсчитывать онъ не можетъ. Тогда онъ потребовалъ, чтобы она дала ему свои драгоцѣнности. Получивъ и въ этомъ отказъ, такъ какъ никакихъ драгоцѣнностей она не имѣла, онъ окончательно взбѣсился, заявивъ, что если такъ, то онъ достанетъ ихъ у меня. Онъ сѣлъ на извощика, отправился въ „Россію“, а потомъ и ко мнѣ. Что произошло у меня, уже извѣстно.

Свои угрозы онъ привелъ въ исполненіе. Не успѣлъ Соловьевъ вернуться домой и узнать эти подробности у Мары Григорьевны, какъ къ нему явились красногвардейцы, забрали его и доставили въ Совдепъ, гдѣ ему сказали, что имѣются неоспоримыя данныя о его связи со мной, и что впредь до разслѣдованія нашихъ взаимоотношеній его арестуютъ.

Сперва онъ и не думалъ, что я арестованъ и увидѣлъ меня впервые черезъ глазокъ въ двери камеры, который случайно не былъ закрытъ, когда я вечеромъ получалъ кашу. Тогда, на слѣдующій день онъ и рѣшилъ обратить

мое вниманіе знакомъ на окнѣ и напомнить мнѣ о томъ, что я долженъ говорить въ случаѣ допроса.

Борисъ Николаевичъ былъ оченъ удрученъ своей опрометчивостью, такъ какъ ввязалъ меня невольно во всю эту исторію, но изъ дальнѣйшаго я понялъ, что онъ никакъ не могъ ожидать такой подлости отъ Бруара.

Самъ я лично тоже зналъ Соловьева сравнительно мало, и только за дни нашего совмѣстнаго сидѣнія въ тюрьмѣ, по его разсказамъ, я ознакомился съ его біографіей.

Бруаръ, французъ, долгое время жившій въ Россіи, съ весны 16-го года служилъ на пріискахъ инженеромъ. Въ началѣ войны, будучи военнообязаннымъ, онъ не поѣхалъ во Францію, а устроился у насъ при французской контръразвѣдкѣ, сохранивъ кромѣ того и службу по своей спеціальности. Свое дѣло онъ въ свое время изучалъ въ Америкѣ, въ Калифорніи, гдѣ, по его же разсказамъ, перепробовалъ разныя спеціальности отъ простого рабочаго до завѣдующаго пріисками, и былъ даже въ одномъ изъ городковъ начальникомъ полиціи. Въ послѣднее время онъ исполнялъ, благодаря своей пронырливости, различныя порученія Бориса Николаевича, пока послѣдній ихъ хорошо оплачивалъ.

Обсудивъ наше положеніе, мы пришли къ заключенію, что намъ надо твердо держаться того, что наше знакомство произошло въ Тюмени, и что передача мною записки для Бруара была съ моей стороны лишь простой любезностью по отношенію къ Борису Николаевичу. Въ Борисѣ Николаевичѣ я не могъ видѣть чего либо предосудительнаго, такъ какъ онъ на моихъ глазахъ въ театрѣ запросто бесѣдовалъ какъ съ Кармашевымъ, такъ и съ Пермяковымъ. Когда я, однажды, нарочно спросилъ Пермякова, съ кѣмъ онъ разговаривалъ, послѣдній отвѣтилъ:

— А вы не знаете? Да это же зять Распутина! Парень ничего себѣ, но дуракъ, нашелъ, на комъ жениться!

Соловьевъ рѣшилъ написать письмо Предсѣдателю Совдепа Нѣмцову съ изложеніемъ своихъ взаимоотношеній съ Бруаромъ, особенно подчеркивая его поведеніе по отношенію къ рабочимъ.

Я же написалъ письмо Чувикову, въ которомъ подробно описалъ свое знакомство съ Соловьевымъ въ театрѣ, выставляя свидѣтелемъ Кармашева, Пермякова и секретаря Революціоннаго Трибунала..

Письма эти были въ тотъ же день переданы нашему комиссару и мы стали ждать отвѣта. Дни потянулись за днями. Съ голода мы не рисковали умереть, такъ какъ Марѣ Григорьевнѣ было разрѣшено передавать мужу пищу, какъ сало, рыбные консервы, чай и сахаръ. На третій день нашего

пребыванія въ тюрьмѣ, Борису Николаевичу были разрѣшены десятиминутныя свиданія съ женой. Бѣдная Мара Григорьевна почти все время проплакала, но все же, несмотря на присутствіе комиссара, успѣла передать Соловьеву маленькую записку отъ Сѣдова, въ которой тотъ сообщилъ, что ѣдетъ въ Тобольскъ, и что никто не знаетъ, что онъ пріѣхалъ изъ Петербурга, и что онъ посылаетъ намъ окорокъ. Мы сразу не поняли о какомъ окорокѣ идетъ рѣчь, но когда получили передачу, то помимо продуктовъ, присланныхъ намъ Марой Григорьевной, оказался большой кусокъ копченаго медвѣжьяго окорока, подарокъ Сѣдова, который оказался большимъ подспорьемъ для насъ.

Въ тотъ же день однообразіе нашей жизни скрасилось разрѣшеніемъ пойти въ тюремную церковь ко Всенощной (была суббота пятой недѣли Великаго Поста). Когда мы вышли въ корридоръ, гдѣ собралось много арестантовъ, желающихъ итти въ церковь, одинъ изъ нихъ подошелъ ко мнѣ, хлопнулъ по плечу и освѣдомился:

— Товарищъ, вы по карманному? — И былъ весьма удивленъ, видимо, когда я ему отвѣтилъ отрицательно, сказавъ, что я „политическій".

Въ церковь мы вошли прямо съ нашего двора черезъ спеціальную дверь, и очутились въ задней части храми подъ хорами. Отъ публики мы были отдѣлены рѣшеткой до самыхъ хоръ, и кромѣ того, барьеромъ. Молящіеся входили въ другую дверь, находившуюся по срединѣ церкви. На хорахъ находились заключенныя женщины. Церковь была прекрасно и даже богато устроена. Иконы были отличнаго письма. Прямо передъ нами, передъ лѣвымъ клиросомъ стояла огромная икона, изображавшая Св. Николая Мірликійскаго и св. Царицу Александру.

Когда я послѣ освобожденія изъ тюрьмы зашелъ въ церковъ, уже не какъ арестантъ, чтобы помолиться и поблагодарить Господа за Его милость ко мнѣ, я прочелъ дощечку на богатомъ кіотѣ этой иконы, еще сохранившейся въ тѣ времена: „Принесена въ даръ такимъ то въ память Священнаго Коронованія Е. И. В. Государя Императора Николая II и Е. И. В. Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны."

Собравшіеся молящіеся съ любопытствомъ смотрѣли на насъ обоихъ, видимо, мы были не совсѣмъ обычными узниками. Въ началѣ службы я увидѣлъ Мару Григорьевну и съ ней Сѣдова, входившихъ въ церковь. Мара Григорьевна сразу увидѣла насъ, не выдержала и заплакала. Она за эти нѣсколько дней осунулась и похудѣла до неузнаваемости. Сѣдовъ, конечно, не показывалъ виду, что знаетъ насъ. Онъ

также былъ очень разстроенъ, увидѣвъ наше безпомощное положеніе.

25-го апрѣля Соловьева вызвали въ контору на свиданіе съ женой. Когда онъ возвратился, я былъ пораженъ его видомъ. Обыкновенно онъ возвращался радостнымъ и ободреннымъ, но на этотъ разъ онъ былъ страшно разстроенъ и блѣденъ, какъ полотно. Когда дверь закрылась, у него вырвалось:

— Все кончено, Ихъ перевозятъ!

Я обомлѣлъ отъ неожиданности. Оказалось, что Мара Григорьевна получила извѣстіе изъ Тобольска, что Императорская Семья покидаетъ городъ. Она сумѣла дать это понять мужу во время свиданія. Это извѣстіе, какъ громомъ, поразило насъ. Куда и кто Ихъ перевозитъ? Чѣмъ это вызвано? Никакихъ подробностей мы не знали, одно можно было только утверждать, что это неоспоримый фактъ. Мара Григорьевна ошибиться не могла, да никто ей не могъ сообщить провокаціонныхъ свѣдѣній. Борисъ Николаевичъ смотрѣлъ на положеніе очень мрачно. Не было никакихъ данныхъ предполагать, что Ихъ увозъ изъ Тобольска будетъ знаменовать облегченіе Ихъ участи или же сулить Имъ освобожденіе.

Союзники никакого вліянія на Московскихъ товарищей не имѣли, нѣмцы же никакого участія по отношенію къ Царской Семьѣ не проявили. Ни Государь, ни Государыня къ своимъ Германскимъ родственникамъ не обращались. Незадолго до постигшаго насъ несчастія, Борисъ Николаевичъ получилъ письмо изъ Тобольска, въ которомъ сообщалось о положеніи Ихъ Величествъ и, между прочимъ, было указано, что Его Величество очень подавленъ событіями въ Россіи, въ особенности Брестскимъ миромъ. Чемодурову, который передалъ Государю пачку газетъ, собранныхъ мною для Него въ Тюмени, Государь сказалъ:

— Мнѣ тяжело читать такую мерзость!

При дальнѣйшемъ разговорѣ Онъ высказалъ свое мнѣніе, что спасеніе Россіи Онъ видитъ только въ тѣсномъ единеніи съ Франціей и Англіей.

Отвѣтъ Государыни на письмо Ю. А. Денъ къ Ея Величеству лѣтомъ 17-го года, въ которомъ та спрашивала Государыню, желаютъ ли Ихъ Величества, чтобы были сдѣланы шаги о выѣздѣ Ихъ Величествъ за границу, ясно опредѣлялъ желаніе и настроеніе Императорской Семьи. Ихъ Величества приблизительно въ слѣдующихъ выраженіяхъ отвѣтили Ю. Денъ (цитирую на память):

— Пускай съ Нами дѣлаютъ, что угодно, заключаютъ въ Петропавловскую крѣпость, но Мы ни за что не поки-

немъ Россіи. Тотъ негодяй, кто бросаетъ свою Родину въ такой тяжелый моментъ...

Организаціи, могущей вывезти Ихъ Величествъ, не существовало, а образоваться за недѣлю нашего пребыванія въ тюрьмѣ она не могла. Оставалось предположить, что отрядъ, пріѣхавшій въ Тобольскъ 13-го апрѣля подъ начальствомъ Заславскаго, о которомъ я уже писалъ, или самочинно вывозитъ Ихъ Величества изъ Тобольска или по приказанію изъ Москвы.

Мы были безсильны воспрепятствовать этому и не только потому, что находились въ заключеніи, но даже если бы и этого не было, то и въ такомъ случаѣ мы не имѣли бы возможности противодѣйствовать вывозу. Единственный, кто могъ это сдѣлать, это Кобылинскій, но это было мало вѣроятнымъ, такъ какъ достаточнаго количества вѣрныхъ людей онъ у себя въ отрядѣ найти не могъ, а допуская мысль, что ему какъ либо удалось бы отстоять Царственныхъ Узниковъ, то онъ въ дальнѣйшемъ очутился бы безъ матеріальныхъ средствъ для осуществленія побѣга Ихъ Величествъ, то есть оказался бы въ томъ же положеніи, въ которомъ находились и мы. Наши карты были смѣшаны, возможность спасенія Ихъ Величествъ изъ Тобольска была утеряна и гадать было нечего. Приходилось, стиснувъ зубы, ожидать развитія событій.

28-го утромъ, выходя изъ уборной, я случайно столкнулся съ предсѣдателемъ Совнархоза Кормашевымъ, осматривавшимъ тюрьму, въ сопровожденіи какого то неизвѣстнаго мнѣ субъекта. Онъ какъ то растерялся при видѣ меня. Я спокойно подошелъ къ нему и поздоровался:

— Не можете ли, товарищъ, сказать мнѣ, за что я арестованъ? Какія обвиненія предъявляются мнѣ? Обыкновенно, обвиненія предъявляются въ теченіи 24 часовъ, а я сижу уже одиннадцатыя сутки и меня даже не потрудились допросить. Быть можетъ, меня арестовали за знакомство съ зятемъ Распутина, Соловьевымъ, такъ это нелѣпо, такъ какъ и вы сами съ нимъ знакомы и никому, какъ вамъ, лучше извѣстно, что съ нимъ я познакомился на вашихъ же глазахъ въ театрѣ.

Это мое обращеніе еще больше смутило его.

— Какъ же, какъ же, товарищъ! Я помню, какъ вы познакомились съ Соловьевымъ въ театрѣ. Меня объ этомъ на дняхъ спрашивалъ товарищъ Чувиковъ, сказавшій мнѣ, что ваше дѣло передано въ трибуналъ.

Я попросилъ его еще разъ напомнить обо мнѣ Чувикову, и на этомъ мы разстались. Послѣ обѣда къ намъ въ камеру зашелъ комиссаръ, сообщившій послѣднюю новость, а именно то, что Государь, Государыня и Великая Княжна

Марія вчера вечеромъ были доставлены изъ Тобольска въ Тюмень, откуда Они прослѣдовали дальше.

На нашъ вопросъ, куда же Ихъ везутъ, и почему не всѣхъ сразу, комиссаръ отвѣтилъ, что въ Совдепѣ ему сказали, что Государыню и Государя везутъ въ Москву, гдѣ Они будутъ преданы народному суду. Почему Ихъ не всѣхъ отвезли, онъ не знаетъ.

Итакъ, сообщеніе Мары Григорьевны потвердилось... Причина, по которой Наслѣдникъ остался съ Великими Княжнами въ Тобольскѣ, была для насъ понятна. Видимо, Наслѣдникъ не оправился отъ ушиба, полученнаго Имъ въ десятыхъ числахъ апрѣля, о чемъ Великая Княжна Ольга сообщала Борису Николаевичу въ своемъ письмѣ отъ 14-го числа.

Въ субботу на 6-ой недѣлѣ Великаго Поста была назначена исповѣдь послѣ всенощной для говѣющихъ арестантовъ. Мы были въ числѣ ихъ. Послѣ службы, къ рѣшеткѣ, отдѣлявшей насъ отъ церкви, былъ принесенъ аналой. Часть рѣшетки была въ видѣ окна открыта. Заключенные по очереди подходили, священникъ стоялъ по ту сторону рѣшетки. Такимъ образомъ происходила исповѣдь. Тяжело было наблюдать эту картину, даже въ такой великій моментъ, въ минуты покаянія въ своихъ грѣхахъ передъ Господомъ, человѣкъ не чувствовалъ воли...

Мы пропустили предъ собой всѣхъ заключенныхъ, затѣмъ подошелъ Борисъ Николаевичъ, я остался послѣднимъ.

Меня поразила продолжительность исповѣди Соловьева, и главное, что онъ, повидимому, о чемъ то говорилъ со священникомъ, такъ какъ по интонаціи доносившагося до меня шопота, я улавливалъ происходившій споръ.

Наконецъ, священникъ прочелъ отпускную молитву и я увидѣлъ, какъ Борисъ Николаевичъ, очень взволнованный, вышелъ изъ церкви.

Настала моя очередь. Священникъ задалъ мнѣ рядъ обычныхъ вопросовъ и освѣдомился о причинѣ моего нахожденія въ тюрьмѣ. Я чистосердечно отвѣтилъ ему:

— За мои монархическія убѣжденія.

Батюшка сказалъ мнѣ общую фразу, смыслъ которой былъ тотъ, что человѣкъ долженъ гордиться твердостью своихъ убѣжденій, никогда отъ нихъ не отступать, но долженъ памятовать, что они не должны противорѣчить ученію нашего Всемогущаго Господа, послѣ чего онъ отпустилъ меня.

Я засталъ въ камерѣ Бориса Николаевича страшно разстроеннымъ. Оказывается, что и его священникъ спросилъ о причинѣ ареста, на что онъ ему то же отвѣтилъ, что

и я. Батюшка сказалъ ему, что лично онъ его убѣжденій не осуждаетъ, но все же напоминаетъ ему о томъ великомъ злѣ, какое причинила Государыня Россіи, и еще что то въ этомъ духѣ.

Тутъ Борисъ Николаевичъ не выдержалъ, вступился за Ея Величество и, вмѣсто исповѣди, у него вышелъ съ священникомъ пренепріятный разговоръ. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, онъ былъ этимъ страшно разстроенъ.

На слѣдующій день я причащался одинъ, Борисъ Николаевичъ притворился больнымъ. Причастіе происходило тоже черезъ рѣшетку. Это было еще тяжелѣе, чѣмъ исповѣдь. Откровенно говоря, послѣ того, что я узналъ отъ Соловьева, я себя не особенно увѣренно чувствовалъ. Политическое міровоззрѣніе батюшки мнѣ совсѣмъ не нравилось и онъ могъ, чего добраго, донести на насъ большевикамъ. Но этого не случилось. Священникъ соблюлъ тайну исповѣди.

29-го апрѣля и 1-го мая намъ пришлось пережить нѣсколько весьма непріятныхъ часовъ, и вотъ почему: 29-го послѣ обѣда наша тюрьма, какъ бы ожила. Въ корридорѣ изъ всѣхъ камеръ доносился гомонъ. Во всѣхъ камерахъ слышались крики и шумъ. Весь домъ зашумѣлъ и волновался, какъ муравейникъ.

Я постучался въ дверь и старикъ надзиратель, очень хорошо относившійся къ намъ, взволнованно сообщилъ, что разнесся слухъ, что Запкусъ хоченъ пріѣхать въ тюрьму. Я сразу же понялъ, въ чемъ дѣло. Оказывается, это былъ тотъ самый комиссаръ, въ свое время занимавшій Тюменскій вокзалъ, который счелъ своимъ долгомъ почему то посѣтить тюрьму и, справившись въ спискѣ о наиболѣе штрафованныхъ арестантахъ, велѣлъ ихъ въ количествѣ пяти человѣкъ вывести изъ тюрьмы и тутъ же разстрѣлять. Что вызвало такой комиссарскій гнѣвъ, неизвѣстно.

Запкусъ вообще отличался въ Западной Сибири. Онъ носился взадъ и впередъ по линіи и терроризовалъ желѣзнодорожниковъ. Онъ былъ знаменитъ своими телеграммами изъ Екатеринбурга по линіи передъ своим очереднымъ походомъ:

— Идетъ поѣздъ No .. комиссара Запкуса, предупреждаю, что за минутную задержку разстрѣляю виновныхъ на мѣстѣ.

Свою угрозу онъ приводилъ въ исполненіе. Такъ на одной станціи, гдѣ случайно неисправно дѣйствовала водокачка и поѣздъ вмѣсто десяти минутъ простоялъ пятнадцать, онъ тутъ же, на перронѣ, разстрѣлялъ начальника станціи, телеграфиста и стрѣлочника ... И, какъ ни въ чемъ не бывало, тронулся дальше.

Такая новость весьма мало обрадовала насъ. Намъ стало яснымъ, что если онъ на этотъ разъ заѣдетъ въ тюрьму, то первыми кандидатами къ разстрѣлу будемъ мы. Помолившись Богу, мы попрощались другъ съ другомъ и спокойно стали ждать своей участи. Черезъ часъ все успокоилось. Оказалось, что слухи о пріѣздѣ Запкуса простая утка.

Долженъ отмѣтить, что весь персоналъ тюрьмы относился къ намъ прекрасно. Это объясняется тѣмъ, что всѣ надзиратели были старослужащіе, такъ что ни среди персонала, ни въ тюремномъ режимѣ никакихъ перемѣнъ или новшествъ не было.

1-го мая, въ день пролетарскаго праздника, мы также почувствовали себя довольно скверно. Стоялъ первый теплый день и къ намъ въ открытое окно доносилось пѣніе интернаціонала, которое слышалось все отчетливѣе и отчетливѣе... Мы ожидали, что толпа подойдетъ къ тюрьмѣ и потребуетъ нашей выдачи, а товарищи, конечно, не задумываясь, выдадутъ насъ ей на утѣху.

Но и этотъ день прошелъ благополучно. Послѣ обѣда меня вызвали въ контору. Это было впервые за двухнедѣльное мое пребываніе въ тюрьмѣ. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ тамъ подпрапорщика Гусева съ пакетомъ. Оказалось, въ немъ было все мое бѣлье, сданное мною для стирки его женѣ. Мнѣ было ясно, что хотя она и была женой помощника командира эскадрона, но и сама отъ такого заработка не отказалась, хотя и увѣряла, что отдала его прислугѣ.

Гусевъ сообщилъ мнѣ, что за мое отсутствіе Красная Гвардія была разоружена и что мои уланы имѣли по поводу моего ареста собраніе, на которомъ, въ виду приближенія праздниковъ и полной неясности, за что я собственно былъ арестованъ, постановило запросить Начальника Штаба о предъявленномъ мнѣ обвиненіи и о причинахъ столь длительнаго моего задержанія. Какъ я впослѣдствіи узналъ, этому собранію и постановленію, явившемуся рѣшающимъ въ моей судьбѣ, я былъ всецѣло обязанъ молодцу Ковальчуку.

Я былъ очень радъ полученію бѣлья. Я двѣ недѣли носилъ свое старое безъ смѣны и, не смотря на соблюдаемую нами чистоту, мы все же съ Соловьевымъ не избавились отъ вшей.

По вечерамъ, послѣ шахматной игры, которую мы сами сдѣлали, слѣпивъ фигуры изъ чернаго хлѣба, мы объявляли войну этимъ паразитамъ, поджаривая швы бѣлья на нашей керосиновой лампочкѣ. Но это мало помогало. На

эту тему Соловьевъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее стихотвореніе:

Сережа Марковъ, арестантъ,
Сидитъ, понурившись, надъ кашкой
И распѣвая грустный кантъ,
Рукою шаритъ подъ рубашкой.
Горстями достаетъ добро.
Но то не серебро, не злато,
Давно ужъ нѣту тамъ его!
Рубашка вшами лишь богата!

2-го мая, утромъ къ намъ явился комиссаръ и объявилъ, что изъ трибунала телефонировали и дали распоряженіе освободить Бориса Николаевича. Въ первый моментъ мы были ошеломлены такимъ сообщеніемъ, не вѣрилось, что это такъ. Соловьевъ, сіяющій, собралъ свои пожитки и, распрощавшись со мной, покинулъ камеру. Я остался одинъ. Мнѣ было непонятно мое дальнѣйшее задержаніе, такъ какъ оно стало явно безсмысленнымъ. Въ томъ, что буду выпущенъ, я былъ увѣренъ, но когда? Перспектива провести Праздники въ одиночествѣ, да еще и въ тюрьмѣ, очень мало улыбалась мнѣ. Конечно, я былъ радъ за Бориса Николаевича, а главнымъ образомъ, за Мару Григорьевну, которая съ каждымъ разомъ, что я ея видѣлъ въ церкви, худѣла и худѣла, прямо таяла. Кромѣ того, освобожденіе его знаменовало, что товарищамъ истинной нашей связи и настоящаго нашего лица установить не удалось и что поэтому нашъ арестъ никакого вреда Императорской Семьѣ нанести не могъ. Подлость Бруара осталась подлостью, но никакихъ послѣдствій не имѣла.

Наступило утро Страстной Субботы, которое никакихъ измѣненій не принесло, и я былъ увѣренъ, что Святую ночь мнѣ придется провести взаперти. Ожидалъ я только обѣщанной передачи отъ Соловьева пасхальныхъ яицъ, которыя должны были скрасить мое одиночество и напомнить о Великомъ Праздникѣ.

Съ утра я началъ приводить камеру въ порядокъ. Не задолго до обѣда, дверь въ мою камеру отворилась и въ нее вошелъ старшій надзиратель:

— Пожалуйте въ контору, васъ комиссаръ желаетъ видѣть! — обратился онъ ко мнѣ. Я собрался уже итти.

— Нѣтъ, со всѣми вещами, васъ навѣрное освободятъ.

Я не заставилъ себя долго просить и, въ минуту собравъ свои пожитки, распрощался со своими тюремщиками и отправился въ контору. Комиссаръ сообщилъ мнѣ, что изъ трибунала пришли бумаги съ приказаніемъ освободить меня изъ заключенія.

Получивъ оставшіеся у меня въ конторѣ два рубля (остальные деньги ушли на покупку табака) и свои подтяжки, я съ молніеносной быстротой очутился за воротами тюрьмы. Большая зеленая калитка со скрипомъ захлопнулась за мной. Я былъ на свободѣ!

ГЛАВА X.

Въ гостинницѣ я былъ радостно встрѣченъ не только хозяиномъ, милѣйшимъ толстякомъ Лошкомоевымъ, но и всѣми служащими. Повидимому, они видѣли во мнѣ хорошаго гостя, а не свирѣпаго большевика.

Не успѣлъ я занять номеръ, какъ ко мнѣ пришелъ Сѣдовъ поздравить съ благолучнымъ исходомъ моего ареста, а потомъ прибѣжалъ запыхавшійся Симоненко, узнавшій въ Штабѣ объ моемъ освобожденіи. Когда онъ увидѣлъ меня, такъ сказать, цѣлымъ и невредимымъ, онъ проявилъ такую радость по поводу моего освобожденія, что я былъ прямо таки тронутъ добротой его души и отзывчивостью. Онъ передалъ мнѣ всѣ новости, просшедшія за время моего отсутствія.

Во первыхъ, онъ принималъ участіе въ разоруженіи отряда Тюменской Красной Гвардіи, разоруженной по приказанію Пермякова за безчинства, которыя она творила и вылившіяся въ рядъ самочинныхъ обысковъ съ „изъятіемъ цѣнныхъ предметовъ", кои были найдены у ея начальника.

Какъ я узналъ, имъ былъ тотъ самый дѣтина въ папахѣ, который принималъ участіе въ моемъ арестѣ. Мальчишка, который былъ съ нимъ, какъ мнѣ разсказывалъ Симоненко, былъ сыномъ помощника Предсѣдателя Совдепа Невѣрова. Онъ занималъ въ Тюмени весьма отвѣтственный постъ Предсѣдателя Совнархоза.

Затѣмъ Симоненко конвоировалъ съ 15 уланами Государя и Государыню, встрѣтивъ Ихъ въ 20-ти верстахъ отъ Тюмени, до вокзала. Вотъ, что онъ разсказывалъ мнѣ по этому поводу: 27-го марта онъ пришелъ, какъ обычно, въ Штабъ, его вызвалъ къ себѣ Пермяковъ, который приказалъ немедленно, во что бы то ни стало, осѣдлать наличными сѣдлами лошадей, отобрать изъ эскадрона наилучшихъ волонтеровъ и ждать его въ полной боевой готовности у казармъ.

Симоненко недоумѣвалъ, въ чемъ дѣло, исполнилъ приказаніе и къ моменту пріѣзда въ экипажѣ Пермякова и Предсѣдателя Совдепа Нѣмцова, онъ имѣлъ въ готовности 15 всадниковъ. Пермяковъ вышелъ къ волонтерамъ и объявилъ имъ, что они ѣдутъ исполнять чрезвычайно важное

порученіе, а именно, на нихъ возлагается охрана бывшаго Царя, котораго перевозятъ изъ Тобольска, при чемъ онъ заявилъ, что они должны держать себя съ достоинствомъ, какъ подобаетъ настроящимъ „революціоннымъ солдатамъ".

— Пусть бывшій Царь видитъ дисциплину и мощь Красной Арміи, самой свободной арміи въ мірѣ! — закончилъ Пермяковъ свое обращеніе къ нимъ.

Послѣ этого онъ сѣлъ въ экипажъ и приказалъ Симоненко слѣдовать за собой. Въ верстѣ отъ первой почтовой станціи Пермяковъ остановилъ отрядъ, а самъ отправился на станцію.

Около 6-ти часовъ вечера Симоненко увидѣлъ цѣлый караванъ выѣзжавшихъ изъ деревни телѣгъ, который вскорѣ поровнялся съ ними. Впереди ѣхало пять всадниковъ, за ними парная телѣга съ пулеметомъ, за ней телѣга съ солдатами. Потомъ слѣдовала телѣга, въ которой сидѣлъ Государь съ какимъ то субъектомъ въ шубѣ и папахѣ. Какъ потомъ узналъ Симоненко, это и былъ тотъ комиссаръ, который перевозилъ Государя, по фамиліи Яковлевъ.

За Государемъ тоже на простой телѣгѣ сидѣла Государыня съ Великой Княжной Маріей и затѣмъ другая телѣга со свитой, которой было пять человѣкъ, четверо мужчинъ и одна женщина. Кто это были, онъ не знаетъ.

Замыкали поѣздъ Пермяковъ, Нѣмцовъ и еще четыре телѣги съ солдатами и однимъ пулеметомъ и пять всадниковъ. Всего конвоя Симоненко насчиталъ до 50 человѣкъ.

Пермяковъ приказалъ ему разбить волонтеровъ на двѣ части. Одну оставить позади каравана, а самому съ семью волонтерами ѣхать впереди.

Къ вечеру весь поѣздъ, минуя городъ, проходилъ по окраинамъ Тюмени и прибылъ на вокзалъ, гдѣ стоялъ уже приготовленный поѣздъ, состоявшій изъ вагона I-аго класса и трехъ вагоновъ III-го. Немедленно по прибытіи, Государь, Государыня и Великая Княжна перешли со свитой въ вагонъ. Комиссаръ попрощался съ Пермяковымъ и Нѣмцовымъ, а также поблагодарилъ Симоненко за образцовую службу его подчиненныхъ, и поѣздъ тронулся по направленію на Екатеринбургъ. По словамъ Симоненко, Государь выглядѣлъ совершенно спокойнымъ, Государыня была очень блѣдна и, видимо, страшно устала съ дороги.

На мой вопросъ, какъ держалъ себя по отношенію къ Государю комиссаръ Пермяковъ съ Нѣмцовымъ, Симоненко отвѣтилъ, что очень хорошо. Онъ помогалъ Государынѣ войти въ вагонъ, предварительно осмотрѣвъ, все ли въ немъ въ порядкѣ, распоряжался переноской вещей, вообще, всѣ всѣ держали себя крайне корректно. Наши же комиссары не

принимали никакого участія во всемъ происходившемъ и были только зрителями.

Когда поѣздъ ушелъ, Симоненко спросилъ Пермякова о причинѣ перевоза Царя, и послѣдній ему отвѣтилъ, что изъ полученной имъ бумаги видно, что что бывшій Царь будетъ преданъ суду революціоннаго трибунала въ Москвѣ, куда его и долженъ доставить комиссаръ Яковлевъ, являющійся комиссаромъ Вцика съ чрезвычайными полномочіями. По словамъ Симоненко, волонтеры во все время пути и до отправленія поѣзда держали себя спокойно и безразлично ко всему происходившему, а Ковальчукъ принималъ даже участіе въ переноскѣ Царскаго багажа.

— А знаете, что я вамъ скажу, Сергѣй Владиміровичъ, вѣдь, еслибы кто нибудь хотѣлъ отбить у насъ Государя, то могъ бы это сдѣлать съ легкостью, нужно было только смѣлость имѣть! — закончилъ свой разсказъ Симоненко.

Я слушалъ его, какъ во снѣ... вѣдь это я былъ бы на мѣстѣ Симоненко, если бы не находился въ тюрьмѣ! Я долженъ былъ бы конвоировать Ихъ Величества, съ сознаніемъ своей полной безпомощности и своего полнаго безсилія какъ либо помочь Имъ!

Эта мысль жгла мой мозгъ, какъ каленное желѣзо, и я былъ головъ благословлять тотъ мигъ, когда я попалъ въ тюрьму, избавившую меня отъ кошмара быть тюремщикомъ своего Государя!

Заключительная фраза Симоненки едва не прорвала накопившееся во мнѣ отчаніе и горе, и мнѣ стоило большихъ трудовъ сдержаться. Какъ правъ былъ, хотя и невольно, Симоненко; но развѣ только въ пути было легко Ихъ спасти?... А въ Тобольскѣ? Что думали и переживали Ихъ Величества во время переѣзда? Кто этотъ Яковлевъ, столь любезно къ Нимъ относившійся? Эти вопросы давили меня, но отвѣта на нихъ не было.

Мнѣ начинало казаться, что, быть можеть, переѣздъ Ихъ Величествъ въ Москву положитъ конецъ Ихъ мукамъ. Вѣдь въ Москвѣ все же была организація, казавшаяся мнѣ авторитетной и мощной и которая могла бы повліять на нѣмецкихъ дипломатовъ, бывшихъ въ Москвѣ. Я не думалъ, что Германія въ лицѣ ея Императора остается безучастной къ судьбѣ Императорской Семьи. Быть можетъ, Императоръ сдѣлаетъ, чего не сдѣлали наши союзники, имѣя къ тому полную возможность лѣтомъ 1917-го года. Такое рѣшеніе вопроса нѣсколько успокаивало меня.

Прекрасная пасхальная заутреня въ Знаменской церкви, куда я отправился послѣ ухода Симоненко, горячая молитва, вознесенная мною къ Престолу Всевышняго помогли мнѣ провести болѣе или менѣе спокойную ночь. Не ожи-

далъ я, что утромъ я узнаю новость еще болѣе кошмарную, чѣмъ то извѣстіе, которое мы получили въ тюрьмѣ о переводѣ Ихъ Величествъ. Рано утромъ я отправился къ Соловьеву. Когда я вышелъ на Царскую улицу, то услышалъ сзади себя знакомый голосъ:

— Товарищъ, товарищъ, куда вы?

Я обернулся и увидѣлъ вылѣзавшаго изъ экипажа Пермякова.

— Съ Праздникомъ васъ поздравляю. Очень радъ, что вы свободны. Почему это вы на разговѣніе вчера не пришли? — обратился онъ ко мнѣ, съ жаромъ потрясая мою руку.

— Я васъ не понимаю, Григорій Прокопьевичъ, при чемъ тутъ я? Я, вѣдь, на службѣ не состою!

— Что вы, что вы, товарищъ, мы увѣрены, что вы на службу вернетесь, васъ же по ошибкѣ арестовали!

Я не выдержалъ и, разсмѣявшись, отвѣтилъ ему:

— Напрасно вы такъ увѣрены. Ошибка же вышла вышла весьма непріятная и странная, вы бы меня разстрѣляли по ошибкѣ, а потомъ надъ моимъ трупомъ за нее извинились бы!

Пермяковъ смутился, но все же настаивалъ, чтобы я обязательно вернулся на службу, что онъ мнѣ и жалованіе за время моего ареста выплатитъ и во всякомъ случаѣ просилъ непремѣнно зайти въ Штабъ. Я отвѣтилъ ему преднамѣренно безразлично, что „какъ нибудь“ зайду.

На этомъ мы разстались, и я отправился дальше. Такой встрѣчи, а тѣмъ болѣе такого предложенія я никакъ не ожидалъ. Въ одномъ я удостовѣрился, что всѣ, начиная съ Пермякова, вполнѣ увѣрены въ моей невиновности. Это было мнѣ, да и всѣмъ намъ, очень на руку. Ожидаемаго пасхальнаго настроенія у Соловьевыхъ я не нашелъ, Бориса Николаевича я засталъ мрачнымъ и озлобленнымъ, Мара Григорьевна имѣла заплаканный и удрученный видъ.

Сообщенная мнѣ Борисомъ Николаевичемъ новость, какъ громомъ, поразила меня. Ихъ Величества задержали въ Екатеринбургѣ. Причины были неизвѣстны. Это задержаніе не предвѣщало ничего хорошаго. Еще до своего ареста, я могъ по сводкамъ Екатеринбургскаго Военнаго Комиссаріата убѣдиться, что послѣдній, не въ примѣръ Тюмени, никакой роли въ городѣ не игралъ, а главная сила находилась въ рукахъ Красной Гвардіи, набранной изъ всякихъ проходимцевъ и рабочихъ, а по сводкамъ явствовало, что съ военной точки зрѣнія, эти части нельзя было разсматривать, какъ таковыя.

Всѣ обращенія и воззванія Екатеринбургскаго Областного Совдепа, переданныя намъ, были крайняго и не-

примиримаго направленія. Красный Екатеринбургъ и Красный Уралъ объявили себя „цитаделью революціи". Резолюціи и прокламаціи Омскаго Запсибсовдепа были ничто по сравненію съ этими революціонными перлами.

Борисъ Николаевичь разсказалъ мнѣ, что Сѣдовъ, узнавъ о пріѣздѣ новаго отряда въ Тобольскъ, рѣшилъ проѣхать туда, что и исполнилъ, выѣхавъ изъ Тюмени 26-го числа. По дорогѣ, въ одной деревнѣ, приблизительно посрединѣ пути, онъ къ ужасу своему встрѣтился съ Ихъ Величествами, перевозимыми въ Тюмень. Онъ присутствовалъ при перекладкѣ лошадей Ихъ Величествъ и находился не далеко отъ Нихъ, такъ что Государыня узнала его. Онъ хотѣлъ вернуться въ Тюмень, но безпокойство за остальныхъ членовъ Императорской Семьи (онъ сразу не сообразилъ причины отсутствія Наслѣдника и оставшихся Великихъ Княженъ) заставило его проѣхать въ Тобольскъ, гдѣ онъ увидѣлъ всѣхъ, кромѣ Наслѣдника, въ окнахъ дома.

Съ кѣмъ либо изъ свиты онъ боялся войти въ связь, такъ какъ около губернаторскаго дома, какъ и около дома Корнилова, гдѣ проживали дѣти лейбъ-медика Боткина, онъ видѣлъ большое количество солдатъ, какъ стараго, такъ и новаго отряда, оставшагося въ Тобольскѣ, такъ какъ только небольшая часть его сопровождала Ихъ Величества.

Сѣдову ничего не оставалось дѣлать, какъ вернуться обратно. 29-го онъ былъ уже въ Тюмени и во время нашего разговора онъ пришелъ къ Соловьеву и во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ намъ о своей поѣздкѣ въ Тобольскъ. Общее положеніе въ Тобольскѣ вырисовывалось въ слѣдующемъ видѣ: Въ городѣ, кромѣ отряда Заславскаго, прибывшаго туда 13-го апрѣля, находился также отрядъ комиссара Родіонова, состоящій почти исключительно изъ латышей. Послѣдній отрядъ прибылъ изъ Екатеринбурга въ городъ 30-го числа, видимо, по какому то новому маршруту, такъ какъ онъ миновалъ Тюмень. Еще до пріѣзда Заславскаго, послѣ столкновенія, происшедшаго между тѣмъ отрядомъ, который я встрѣтилъ по дорогѣ и который слѣдовалъ изъ Омска и отрядомъ, появившимся черезъ нѣсколько дней изъ Екатеринбурга и вскорѣ покинувшимъ городъ, положеніе власти существенно измѣнилось, о чемъ я уже писалъ.

За день или за два до того, какъ мы были арестованы, произошли дальнѣйшія измѣненія. Вмѣсто Предсѣдателя Совдепа Никольскаго выбранъ былъ нѣкій Хохряковъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, бывшій матросъ. Къ моментъ пріѣзда Яковлева, Дуцманъ, начальникъ отряда, встрѣченнаго мною по дорогѣ и по пріѣздѣ объявившій себя не только начальникомъ надъ охраной Императорской Семьи,

но и комиссаромъ города, также, какъ и Деміановъ, покинули Тобольскъ и уѣхали въ Омскъ. Въ Тобольскѣ оставался Дегтяревъ съ небольшой частицей перваго отряда.

Соловьевъ получилъ слѣдующія данныя: Заславскій занялъ по отношенію къ Императорской Семьѣ самую непримиримую позицію. По національности онъ былъ евреемъ. Трудно было установить, какія полномочія онъ имѣетъ, но можно было предполагать, что онъ отправленъ изъ Екатеринбурга не Областнымъ Совѣтомъ, а какимъ то лицомъ или группой лицъ изъ безчисленнаго числа „предкомовъ", „совкомовъ" и отдѣльныхъ комиссаровъ, въ общемъ мало подчинявшихся Совдепу, и дѣйствовавшихъ зачастую самостоятельно.

Однимъ изъ таковыхъ, какъ мы уже видѣли, былъ Запкусъ. Было несомнѣнно, что Заславскій стремился захватить въ свои руки власть надъ Ихъ Величествами. Но этому воспрепятствовала старая охрана, а пріѣздъ Яковлева и Родіонова съ латышами прекратили его дѣятельность.

Кромѣ того, сообщили изъ Тобольска, что Яковлевъ въ Тобольскѣ былъ поддержанъ въ своихъ дѣйствіяхъ Хохряковымъ, и можно было предположить, что оба они съ собою какъ то связаны. Борисъ Николаевичъ подтвердилъ также, что во все время своего пребыванія въ Тобольскѣ Яковлевъ былъ по отношенію къ Императорской Семьѣ въ высшей степени корректенъ.

Послѣднимъ извѣстіемъ изъ Тобольска было сообщеніе, что Родіоновъ сдѣлался предсѣдателемъ отряднаго комитета старой охраны. Намъ было не особенно понятно, какъ это могло произойти. Одно было ясно, что Кобылинскій потерялъ окончательно и безъ того призрачную власть надъ своими подчиненными. Также не понятно было, гдѣ пребывала Императорская Семья въ періодъ отъ 27-го по 30-ое апрѣля. Задержка Ихъ въ Екатеринбургѣ произошла 30-го апрѣля. Въ общемъ, положеніе было до крайности запутаннымъ и тяжелымъ.

Изъ Петербурга никто за время нашего ареста не пріѣхалъ, и на свои письма Сѣдовъ отвѣта не имѣлъ. Обсудивъ создавшееся положеніе, мы пришли къ слѣдующему заключенію: Ввиду имѣющейся у меня возможности вернуться на службу, мнѣ и слѣдуетъ поступить на нее, такъ какъ не исключается возможность пріѣзда офицеровъ изъ Петербурга и, хотя Ихъ Величества и задержаны въ Екатеринбургѣ, Тюмень все же находится не такъ далеко отъ послѣдняго, а первоначальная легализація офицеровъ по ихъ пріѣздѣ черезъ поступленіе ихъ въ эскадронъ, дастъ намъ возможность получить документы, при помощи которыхъ имъ

удастся сконцентрироваться въ раіонѣ Екатеринбурга и въ самомъ городѣ.

Это предполагалось на тотъ случай, если Ихъ Величества, паче чаянія, задержатъ надолго въ Екатеринбургѣ. Если же Ихъ перевезутъ въ Москву, то я могу выдать прибывшимъ офицерамъ фальшивыя командировки для обратнаго проѣзда въ Россію. Кромѣ того, мы будемъ все же информированы о положеніи Императорской Семьи какъ въ Тобольскѣ, такъ и въ Екатеринбургѣ. Если же до конца Ѳоминой недѣли никто изъ Петербурга не пріѣдетъ и никакихъ извѣстій мы оттуда не получимъ, то Сѣдовъ лично поѣдетъ туда и во всѣхъ подробностяхъ информируетъ какъ Маркова 2-ого, такъ и А. Вырубову о создавшемся невыносимо тяжеломъ для Ихъ Величествъ положеніи. Совершенно намъ непонятное упорное молчаніе Петербурга повергало насъ въ тупое уныніе. Съ момента моего отъѣзда прошло уже два мѣсяца и, не говоря уже о большомъ количествѣ офицеровъ, обѣщанномъ мнѣ Марковымъ 2-ымъ даже Андреевскій и Гринвальдъ, для которыхъ А. Вырубова достала деньги и которые должны были пріѣхать за мной вслѣдъ, не пріѣхали.

Единственно, что оставалось предположить, это разгромъ организаціи большевиками.

Борисъ Николаевичь разсказалъ Сѣдову и мнѣ о подробностяхъ своего освобожденія. Оказывается, рѣшающимъ факторомъ въ этомъ дѣлѣ было исчезновеніе изъ Тюмени Бруара, сразу же послѣ сдѣланаго имъ въ Совдепъ доноса. Это, а также и несомнѣнное для нихъ мое съ Соловьевымъ знакомство въ Тюмени незадолго до доноса Бруара, произвело очень хорошее впечатлѣніе въ нашу пользу среди мѣстныхъ заправилъ. Не обошлось безъ взятки. Марѣ Григорьевнѣ посовѣтовали обратиться къ одному артисту мѣстной драматической труппы, подвизавшейся въ приказчичьемъ клубѣ, имѣвшему, видимо, юридическое образованіе и устроившемуся при мѣстномъ трибуналѣ адвокатомъ или, по новому опредѣленію, правозаступникомъ. Этотъ ловкій малый умѣло повелъ дѣло, и когда акты по нашему дѣлу попали въ трибуналъ, онъ сумѣлъ, кому нужно, дать соотвѣтствующую мзду изъ тѣхъ 5000 р., которыя съ трудомъ для него добыла Мара Григорьевна, и дѣло, вызванное доносомъ Бруара, было такимъ образомъ ликвидировано. Остался невыясненымъ протоколъ обвиненія Бориса Николаевича, для какой цѣли онъ пользовался фальшивыми документами и хранилъ оружіе безъ всякаго разрѣшенія.

Въ этотъ же день я познакомился съ сыномъ Григорія Распутина, Дмитріемъ, пріѣхавшимъ изъ Покровскаго.

По виду это былъ простой деревенскій парень. Онъ кончилъ церковно-приходскую школу и по мобилизаціи служилъ въ одномъ изъ Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

Вечеромъ зашелъ ко мнѣ Ковальчукъ, котораго я отъ чистаго сердца поблагодарилъ за его участіе въ моей судьбѣ. Онъ разсказалъ мнѣ о жизни эскадрона за дни моего сидѣнія въ тюрьмѣ.

На слѣдующій же день послѣ моего ареста люди были переведены въ казармы при Управленіи Воинскаго Начальника, были получены лошади изъ коннаго запаса, отобранныя мною и Маркаровымъ. Лошади были поставлены на площади передъ казармами на скоро сдѣланную коновязь, на которой они стоятъ и до сихъ поръ. Занятій никакихъ не производится, кромѣ пѣшаго ученія, да и то, когда придется и какъ придется.

Онъ повторилъ мнѣ все, разсказанное Симоненкой о перевозѣ Ихъ Величествъ, и по лицу и по голосу его я ясно видѣлъ и чувствовалъ, что Ковальчуку было очень тяжело и непріятно участвовать въ конвоѣ Ихъ Величествъ. Особенно характерны были его слова:

— Когда же товарищъ Пермяковъ сказалъ намъ, зачѣмъ мы ѣдемъ, то я сказалъ товарищамъ безъ стѣсненіевъ, что имъ всѣмъ морды понабью, если они не будутъ себя держать, какъ слѣдуетъ, форменно, по настоящей дисциплинѣ, чтобы бывшій Царь видѣлъ, что есть еще настоящіе солдаты!

Я подумалъ, что если бы у меня было такихъ Ковальчуковъ человѣкъ 30—40, то многое можно было бы сдѣлать...

Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что Ковальчукъ еще разъ помогъ мнѣ, и, быть можетъ, только благодаря ему мнѣ не пришлось еще разъ сѣсть въ тюрьму и удалось покинуть Тюмень.

На третій день праздниковъ я зашелъ въ Штабъ, и только послѣ долгихъ уговариваній Чувикова, „соблаговолилъ“ и согласиться и вернуться на службу. Пермяковымъ было приказано выдать мнѣ содержаніе за все время моего ареста, что и было немедленно исполнено. Въ Штабѣ я узналъ о подробностяхъ задержанія Ихъ Величествъ въ Екатеринбургѣ.

27-го апрѣля у насъ въ Штабѣ были получены свѣдѣнія, что на станціи „Поклевская“ между Тюменью и Екатеринбургомъ вооруженные рабочіе, въ случаѣ провоза Царя, хотятъ отбить Его силой. Объ этомъ былъ поставленъ въ извѣстность помощникъ комиссара Яковлева Авдѣевъ, присланный въ Тюмень Яковлевымъ 26-го апрѣля для приготовленія поѣзда и который долженъ былъ увезти Ихъ

Величества. Въ ночь на 28-ое апрѣля это сообщеніе повторилось, о чемъ по линіи дано было знать Яковлеву, который около 10-ти часовъ вечера отбылъ съ Ихъ Величествами изъ Тюмени. Не доѣзжая станціи „Поклевская", Яковлевъ получилъ это извѣстіе и повернулъ поѣздъ обратно. Имѣя короткую остановку въ Тюмени, поѣздъ прослѣдовалъ на Омскъ. 29-го на разсвѣтѣ онъ былъ задержанъ подъ самымъ Омскомъ на станціи „Куломзино" красногвардейцами. Изъ сводки Омскаго Военнаго Комиссаріата явствовало, что Яковлевъ покидалъ поѣздъ и лично ѣздилъ въ Омскъ, откуда вступилъ въ телеграфную связь съ Москвой, откуда онъ получилъ приказаніе немедленно везти Государя въ Россію. Въ сводкѣ указывалось, что задержаніе поѣзда на станціи „Куломзино" произошло изъ-за телеграммы Екатеринбургскаго Совдепа, вѣрнѣе Начальника Екатеринбургской Красной Гвардіи, таковому же въ Омскѣ, въ которой первый выражалъ свое опасеніе о возможности побѣга Ихъ Величествъ. Послѣ переговоровъ съ Москвой Яковлевъ вернулся въ Куломзино и двинулъ поѣздъ обратно. Въ Тюмени онъ узналъ, что линія до Екатеринбурга свободна. Рабочіе, собравшіеся на станціи Поклевская еще 28-го апрѣля, вернулись въ Екатеринбургъ. Поѣздъ пришелъ въ Екатеринбургъ 30-го апрѣля и былъ на станціи немедленно оцѣпленъ большимъ отрядомъ Красной Гвардіи. Изъ сводки Екатеринбургскаго Военнаго Комиссаріата было видно, что задержаніе бывшаго Царя въ Екатеринбургѣ произошло по постановленію Екатеринбургскаго Совдепа, вопреки приказанію изъ Москвы, полученному Яковлевымъ. Съ вокзала Ихъ Величества были отправлены въ домъ „особаго назначенія", ранѣе принадлежавшій мѣстному богатому купцу Ипатьеву. Изъ Тобольска никакихъ новыхъ свѣдѣній получено не было.

Ознакомившись съ положеніемъ, въ которомъ находился эскадронъ, я убѣдился въ слѣдующемъ: За мое двухнедѣльное отсутствіе товарищи перемѣнили двухъ каптенармусовъ и двухъ артельщиковъ, выбравъ на эти должности серба, бывшаго военноплѣннаго, совершенно не грамотнаго по русски, и который, конечно, и понятія не имѣлъ о веденіи книгъ. Артельщикомъ былъ выбранъ абсолютно безграмотный русскій. Вообще, эскадронъ принялъ интернаціональный характеръ. По списку въ немъ числилось 11 латышей, 10 сербовъ, 2 чехословака, одинъ румынъ, 3 венгра, все бывшіе военноплѣнные, и 45 русскихъ, изъ коихъ, по увѣренію Ковальчука, двое было бѣглыми каторжниками . . .

Когда я указалъ на ненормальность безпрестанныхъ смѣнъ каптенармусовъ, Пермяковъ мнѣ отвѣтилъ, что этого

права отнять у товарищей нельзя и что на этой должности можеть быть только то лицо, которому товарищи абсолютно довѣряютъ. Я былъ несказанно обрадованъ такой точкой зрѣнія почтеннаго Пермякова, видя въ этомъ усугубленіе развала эскадрона. Новые порядки въ управленіи эскадроннымъ хозяйствомъ дали себя знать. Фуража, который почти никакъ не приходовался, вышло по моему подсчету въ пять разъ больше положенной нормы. При осмотрѣ цейхгауза я умотрѣлъ недостачу 18 шинелей и массы другихъ вещей. Разобраться, какъ это могло случиться, было не возможно. Каптенармусы сваливали вину другъ на друга.

Я рѣшилъ особенно не углубляться въ поиски и смотрѣть сквозь пальцы на постоянныя переизбранія каптенармусовъ и на всѣ творившіяся безобразія.

Однажды, проходя по одной изъ улицъ, паралельной главной, я увидѣлъ заброшенный дворъ, въ которомъ находились конюшни. По полуистертой доскѣ съ надписью на воротахъ я убѣдился, что здѣсь когда то стоялъ обозъ какой то пѣшей дружины. Осмотрѣвъ конюшни, я убѣдился, что ихъ легко увеличить и приспособить подъ конюшни для эскадрона, людей же можно помѣстить въ зданіи школы, находившейся рядомъ. Такое открытіе очень обрадовало меня, можно было снова начать безконечную постройку, а за ней и перестройку. Сказано — сдѣлано. Я обратился къ Пермякову, немедленно же получилъ отъ него полное одобреніе, и черезъ два дня уланы уже пребывали въ зданіи школы, а Совгорхозъ, по срочному предложенію Пермякова, ремонтировалъ конюшни.

Изъ Тобольска были получены извѣстія, что Наслѣдникъ медленно поправляется и покинулъ постель. Числа 12-го мая мы получили извѣстія, что Кобылинскій окончательно обрѣзанъ въ своихъ правахъ, и что, повидимому, можно ожидать замѣны его отряда другой охраной. Ясно становилось, что Наслѣдника и Великихъ Княженъ собираются перевезти изъ Тобольска. Ихъ Величества все еще находились въ Екатеринбургѣ. Борисъ Николаевичъ получилъ оттуда извѣстіе, что Они находятся по прежнему въ домѣ Ипатьева, который обносять двойнымъ деревяннымъ заборомъ выше оконъ, и что связи установить съ Ихъ Величествами до сихъ поръ не удалось. Это было неудивительно, такъ какъ изъ сводокъ Екатеринбургскаго Военнаго Комиссаріата видно было, что Ихъ Величества находятся въ рукахъ комиссара Голощекина.

Еще разъ обсудивъ создавшееся положеніе, мы рѣшили, что Сѣдовъ бросаетъ свое мѣсто и немедленно ѣдетъ въ Петербургъ. На совѣщаніи я указывалъ ему, что если Ихъ Величества окончательно задержатъ въ Екатеринбургѣ, то

возможность Ихъ спасенія оттуда представляется на мой взглядъ весьма ничтожной: Екатеринбургъ — не Тобольскъ! Поэтому подлежитъ Маркову 2-ому использовать всѣ свои связи, которыя онъ имѣетъ въ Смольномъ и вообще у большевиковъ (объ этомъ я слышалъ отъ Ю. Денъ, говорившей мнѣ, что у Маркова 2-ого есть свои люди на отвѣтственныхъ совѣтскихъ постахъ), чтобы точно выяснить причину задержанія Ихъ Величествъ въ Екатеринбургѣ и немедленно же вступить съ нѣмцами въ переговоры объ охраненіи Ихъ Величествъ. Съ нѣмцами Марковъ 2-ой имѣетъ несомнѣнную связь, въ чемъ я могъ убѣдиться изъ разговоровъ, слышанныхъ мною на конспиративной квартирѣ во время моего пребыванія въ Петербургѣ вплоть до отъѣзда въ Тобольскъ. Я же остаюсь на своемъ мѣстѣ, до полученія извѣстій отъ Сѣдова изъ Петербурга съ указаніемъ, стоитъ ли мнѣ впредь сохранять за собой занимаемое мною мѣсто. Борисъ Николаевичъ просилъ Сѣдова информировать обо всемъ А. Вырубову.

14-го Сѣдовъ уѣхалъ изъ Тюмени въ Екатеринбургъ, чтобы на мѣстѣ уяснить положеніе, въ которомъ находились Ихъ Величества, а оттуда въ Петербургъ. Изъ писемъ Великихъ Княженъ, полученныхъ изъ Тобольска Борисомъ Николаевичемъ, было видно, что Онѣ получили письма отъ Ихъ Величествъ, въ которыхъ Послѣдніе писали, что жизнь Ихъ въ Екатеринбургѣ очень тяжела. Кромѣ того, Борисъ Николаевичъ получитъ изъ Тобольска икону Іисуса Христа въ подарокъ отъ Ихъ Величествъ, приготовившихъ для него этотъ подарокъ передъ отъѣздомъ изъ Тобольска. О нашемъ арестѣ Ихъ Величества знали, и Великія Княжны писали намъ, что Они всѣ были этимъ очень огорчены.

19-го мая Соловьевъ получилъ извѣстіе, что старая охрана замѣнена отрядомъ комиссара Родіонова. 20-го въ Штабѣ я узналъ, что Наслѣдникъ съ Великими Княжнами Ольгой, Татьяной и Анастасій и оставшейся свитой выѣхали на пароходѣ въ Тюмень, откуда Ихъ перевезутъ въ Екатеринбургъ. Никакихъ распоряженій я не получилъ и, желая избавиться отъ возможнаго приказанія эскортировать Ихъ Высочества съ пристани на вокзалъ, притворился больнымъ, и 22-го мая, день, когда Ихъ привезли въ Тюмень, пролежалъ въ постели.

На слѣдующій день я узналъ въ Штабѣ о подробностяхъ Ихъ проѣзда черезъ Тюмень. Пароходъ пришелъ въ Тюмень утромъ, и немедленно же Они со свитой, подъ конвоемъ отряда, охранявшаго Ихъ, были перевезены на вокзалъ, посажены въ поѣздъ, который отошелъ на Екатеринбургъ. Кромѣ комиссара Родіонова при отъѣздѣ находился также и предсѣдатель Тобольскаго Совѣта Хохряковъ. По

Борисъ Николаевичъ Соловьевъ.

Юлья Александровна Денъ. Келломяки, 1917 г.

полученнымъ у насъ, въ Штабѣ, свѣдѣніямъ, Ихъ Высочества благополучно прибыли въ Екатеринбургъ 23-го рано утромъ и были передъ обѣдомъ перевезены къ Ихъ Величествамъ въ домъ Ипатьева.

Въ концѣ мая у насъ, въ Штабѣ, были получены извѣстія, что въ Челябинскѣ, черезъ который преимущественно шла эвакуація чехо-словаковъ, бывшихъ военноплѣнныхъ, которымъ во времена Керенскаго разрѣшено было сорганизоваться для участія въ войнѣ на нашемъ фронтѣ, произошло возстаніе противъ совѣтской власти, поддержанное проходившими эшалонами послѣднихъ. Это возстаніе положило начало общему движенію противъ большевиковъ во всей Сибири, и было поддержано какъ Уральскими казаками во главѣ съ атаманомъ Дутовымъ, такъ и Сибирскими во главѣ съ эсауломъ Аненковымъ. Наши товарищи въ Тюмени всполошились, но особыхъ мѣропріятій не предпринимали и были увѣрены въ скорой ликвидаціи возстанія, но все же настроеніе въ нашихъ „сферахъ“ сдѣлалось повышеннымъ и нервнымъ.

Не смотря на то, что со дня отъѣзда Сѣдова прошло двѣ недѣли, отъ него не было ни слуху, ни духу.

Соловьевъ повторилъ попытку связаться съ Ихъ Величествами, но они были не удачны. Было установлено, что охрана опредѣленно подбирается изъ самыхъ отчаянныхъ элементовъ, зачастую бывшихъ каторжниковъ, въ большемъ количествѣ латышей и военно плѣнныхъ венгровъ. Можно было себѣ представить, въ какихъ условіяхъ жила Императорская Семья. Свита, кромѣ лейб-медика Боткина, по полученнымъ свѣдѣніямъ, была заключена въ тюрьму.

Положеніе Соловьева дѣлалось все менѣе устойчивымъ. Въ трибуналѣ онъ узналъ, что его дѣло будетъ назначено къ разбирательству въ первой половинѣ іюня. Я ему совѣтовалъ не ожидать этого дня въ Тюмени, такъ какъ ничего хорошаго это разбирательство принести не могло, и всколыхнуло бы только сравнительно уже забытую исторію его ареста и доноса Бруара. Поэтому я совѣтовалъ ему отправить жену въ Покровское, куда подъ благовиднымъ предлогомъ въ одинъ прекрасный день и самому скрыться.

Я же твердо рѣшилъ начать исподволь подготовлять себѣ почву для ухода со службы, продолженіе которой считалъ явно безсмысленнымъ. Я былъ твердо увѣренъ, что единственнымъ возможнымъ спасеніемъ Императорской Семьи является рѣшительное вмѣшательство въ Ихъ судьбу германскаго правительства.

Въ пріѣздъ кого либо изъ Петербурга и въ дѣйственность Марковской организаціи, какъ и въ него самого я окончательно извѣрился. Не видя никакой помощи Импе-

раторской Семьѣ изъ Россіи, я глубоко возмущался, читая въ мѣстной газеткѣ „Извѣстія Тюменскаго Совѣта Раб., Кр. и Солд. депутатовъ“ и ея подголоскѣ, „Тюменскомъ Рабочемъ“, органѣ мѣстной меньшевицкой партіи, въ принципіальныхъ, партійныхъ и соціальныхъ вопросахъ ведшей съ первой ожесточенную полемику, но находившей съ „Извѣстіями“ общую точку соприкосновенія въ дѣлѣ выливанія помоевъ и распространенія гнусной клеветы на несчастныхъ Ихъ Величествъ.

Почти каждый день появлялись перепечатки изъ столичныхъ газетъ о томъ, что русскіе монархисты, послѣ освобожденія Украины отъ большевиковъ и провозглашенія гетманства, служатъ то въ Кіевѣ, то въ Харьковѣ, то въ Одессѣ молебны о здравіи Царской Семьи, что тамъ открыто происходятъ монархическія собранія съ требованіями немедленнаго уничтоженія совѣтской власти и возстановленія Государя въ Его священныхъ правахъ. Гетманъ выставлялся маріонеткой въ рукахъ русскихъ черносотенцевъ, видѣвшихъ въ немъ генерала, который на бѣломъ конѣ долженъ войти въ Москву и утопить въ „морѣ крови“ рабочихъ и крестьянъ всѣ завоеванія октябрьской революціи и приготовить путь къ трону „Николаю Кровавому“.

Въ Тюмени эти замѣтки производили мало впечатлѣнія, но само собой разумѣется, въ Екатеринбургѣ онѣ находили весьма благодатную почву. Въ доходившихъ до насъ номерахъ Екатеринбургскихъ „Извѣстій“ сплошь да рядомъ можно было читать:

— Рабочіе, помните, кого вы охраняете! Въ вашихъ рукахъ находится судьба Николая Крававaго и Его Семьи! — и резолюціи отмѣчали, что „красный“ Уралъ, въ лицѣ его рабочихъ, готовъ до послѣдняго оборонять Николая отъ посягательствъ бѣлыхъ на Его освобожденіе, другія отмѣчали требованія „немедленнаго преданія бывшаго Царя народному суду за содѣянныя Имъ передъ народомъ преступленія“. Больно было все это читать, и объ этой смѣси молебновъ за нѣмецкими штыками, и эти кошмарно истерическіе вопли банды закоренѣлыхъ преступниковъ, въ рукахъ которыхъ всецѣло находилась жизнь несчастныхъ Ихъ Величествъ. Словомъ, повторялась старая исторія: „Мы ихъ иконами, а они насъ шимозами!“ [1]

Будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, я до глубины души своей возмущался такому явному подчеркиванію монархическаго настроенія моихъ единомышленниковъ. Не-

[1] Выраженіе, взятое изъ русско-японской войны. Въ русскую армію посылались иконы, а японцы отвѣчали „шимозами“, шрапнелью японскаго происхожденія.

ужели они не понимали, что шумомъ, поднятымъ вокругъ Императорской Семьи, находящейся въ большевицкихъ рукахъ, они только усугубляютъ Ихъ и безъ того кошмарное положеніе! Неужели же они думали, что вѣсть объ этихъ архіерейскихъ молебнахъ, манифестаціяхъ съ пѣніемъ „Боже, Царя Храни“, не дойдетъ до Екатеринбурга и не будетъ по своему истолкована и умѣло использована противъ Того, о Чьемъ здравіи молились эти монархисты... И неужели они, хотя на секунду, позволяли себѣ надѣяться, что своими выступленіями они помогаютъ Ихъ Величествамъ?

Не нужно многолюдныхъ молебновъ, а нужно было избрать изъ своей среды авторитетное и популярное лицо, которое властно предложило бы всѣмъ этимъ вѣрноподданнымъ, чтобы они молча, про себя, возносили свои горячія молитвы къ Всемогущему Господу о ниспосланіи спасенія несчастнымъ Царственнымъ Узникамъ изъ большевицкихъ каторжныхъ лапъ, дали бы, хотя по рублю, на дѣло спасенія Ихъ Величествъ и выбрали бы изъ своей многотысячной среды нѣсколькихъ преданныхъ людей, готовыхъ жизнь отдать за своего Государя и Повелителя!

ГЛАВА XI.

5-го іюня произошло въ жизни города событіе, которое должно быть отмѣчено, какъ характеризующее совѣтскіе правы и ихъ отношенія къ различнымъ „свободамъ“, ими же провозглашеннымъ и декретированнымъ. Это былъ день, когда „пролетаріи всѣхъ странъ“ праздновали столѣтіе со дня рожденія творца соціализма Карла Маркса. Это торжественное событіе и рѣшили мѣстные меньшевики достойно отпразновать устройствомъ торжественнаго собранія въ мѣстномъ Народномъ Домѣ.

Но собраніи должны были быть произнесены рѣчи, посвященныя этому „великому“ событію. На собраніи президіумъ меньшевицкой партіи пригласилъ, несмотря на открытую вражду, и нашихъ заправилъ, въ лицѣ Нѣмцова, Пермякова и др. Этимъ подчеркивалась не простая „пролетарская“ вѣжливость, но и принципъ „мы, хоть и въ хвостѣ, но все же съ вами“. Какимъ то образомъ Пермякову стало извѣстнымъ, что нѣкоторые ораторы и даже самъ предсѣдатель, котораго онъ терпѣть не могъ, хотятъ въ своихъ рѣчахъ подвергнуть жестокой критикѣ какъ его, Пермякова, дѣйствія, такъ и вообще совѣтскій режимъ. Пермяковъ рѣшилъ ликвидировать однимъ ударомъ могущія быть непріятности, такъ сказать, „рубануть съ плеча“, и встрѣтивъ не задолго до начала собранія Симоненко, онъ приказалъ

ему явиться на собраніе съ нарядомъ уланъ и безъ всякихъ разговоровъ арестовать предсѣдателя собранія и его товарища. Симоненко, исполняя приказаніе, явился въ Народный Домъ, оставилъ 14 человѣкъ волонтеровъ на улицѣ и съ двумя вошелъ въ залъ.

Столъ президіума былъ большой и за нимъ сидѣло нѣсколько человѣкъ; въ лицо нужныхъ лицъ Симоненко не зналъ. Обратившимсь къ одному изъ рабочихъ съ вопросомъ, кто изъ сидящихъ предсѣдатель и кто его товарищъ, онъ услышалъ ироническій отвѣтъ:

— Ишь, чего захотѣли ... Мы знаемъ, зачѣмъ вы пришли ... Мы сознательные!

Такъ у Симоненко ничего и не вышло.

Предсѣдателю немедленно сообщили о „незванныхъ гостяхъ", онъ сократилъ списокъ ораторовъ и поспѣшно закрылъ собраніе. Эффектъ, на который разсчитывалъ Пермяковъ, пропалъ. Симоненко получилъ изрядную нахлобучку за свою нерасторопность, и отправился обратно въ казармы.

На слѣдующій день, читая „Тюменскій Рабочій", я прочелъ громовую статью, клеймившую Пермякова „вѣроломнымъ предателемъ" и другими мало лестными эпитетами, и въ которой не безъ сарказма вообще освѣщались совѣтскіе порядки. Кромѣ того, на первой страницѣ значилось приблизительно слѣдующее: „Мы не такіе, какъ они (читай, большевики), мы не пользуемся подлыми и темными средствами борьбы, мы идемъ съ открытымъ забраломъ; подъ нашимъ воззваніемъ, помѣщенномъ въ No X нашей газеты и подписанномъ Р. С. Д. Р. П., мы готовы подписаться своими полными фамиліями." За симъ шли 32 фамиліи виднѣйшихъ мѣстныхъ меньшевиковъ.

Я сразу не обратилъ на эту замѣтку особаго вниманія, но, когда пришелъ въ Штабъ и зашелъ къ Пермякову, нашелъ его ходящимъ въ бѣшенствѣ по кабинету съ номеромъ „Тюменскаго Рабочаго" въ рукахъ. Вмѣсто привѣтствія, онъ сунулъ мнѣ газету и бросилъ:

— Читайте! Вѣдь, правда, это подлость!

Онъ ткнулъ пальцемъ въ приведенную замѣтку. Я вполнѣ согласился съ нимъ. Пермяковъ продолжалъ ходить по комнатѣ и изрыгать не очень лестныя для мѣстныхъ меньшевиковъ слова. Мнѣ неожиданно пришла въ голову блестящая мысль:

— Знаете что, Георгій Прокопьевичъ, не арестовать ли этихъ подлецовъ? Сразу все утихомирится и другимъ не повадно будетъ.

Пермяковъ посмотрѣлъ на меня удивленно, минутку подумалъ и отвѣтилъ:

— А, знаете, это идея! Я объ этомъ съ Нѣмцовымъ переговорю!

Я жаждалъ привести эту свою мысль въ исполненіе. Оно хоть какъ нибудь оправывало мое безплодное сидѣніе въ Тюмени, и было на пользу монархическому дѣлу вообще.

Послѣ обѣда меня вызвали въ гостинницѣ по телефону. Пермяковъ радостнымъ голосомъ сообщилъ мнѣ, что мое предложеніе принято, и онъ проситъ меня съ наличнымъ составомъ уланъ быть ровно въ 9 часовъ вечера около дома Исполкома противъ Штаба.

Я былъ въ восторгѣ. Шутка ли сказать, мнѣ предстояло арестовать виднѣйшихъ вожаковъ меньшевицкой партіи, бывшихъ въ большинствѣ политическими ссыльными, въ свое время сосланными сюда за свою тлетворную работу и такъ блестяще приготовившими не только Тюмень, но и всю Россію къ торжеству своихъ же собратіевъ-большевиковъ!

Какъ я ненавидѣлъ и ненавижу этихъ идейныхъ поклонниковъ истеричнаго шута — главковерха, ввергнувшаго Россію въ море крови и слезъ... Какъ я жалѣлъ, что мнѣ приходится обезвреживать для будущаго только жалкихъ подголосковъ, а не самихъ кумировъ, всѣхъ этихъ Керенскихъ, Черновыхъ, Миноровъ и прочей пакости. Но лучше что нибудь, чѣмъ ничего. Послѣ долгихъ сборовъ, приготовленій и переговоровъ съ Ковальчукомъ, чѣмъ и какъ мы будемъ сѣдлать лошадей, къ восьми съ половиной часамъ вечера 15 лошадей было выведено на улицу, осмотрѣно мною, и мои уланы взгромоздились на коней. Я повелъ шагомъ свою „кавалькаду“, т. к. строемъ назвать мою команду было трудно, къ Исполкому.

Самъ я являлъ собой мало импозантную фигуру въ военномъ смыслѣ, ввиду того, что заказанная мною форма была еще не готова, и мнѣ пришлось взять у Ковальчука его сапоги и папаху, штатскія брюки были заправлены въ сапоги, а поверхъ тужурки я надѣлъ непромокаемый плащъ, подпоясалъ его ремнемъ, за который для вящаго страха я заткнулъ огромный никелированный Смитъ и Вессонъ образца 1877 года, къ которому даже патроновъ не имѣлось... Изъ-подъ папахи я выпустилъ клокъ волосъ, а черезъ плечо надѣлъ откуда-то добытую казачью шашку. Когда я на себя посмотрѣлъ въ зеркало, мнѣ самому стало жутко... Я невольно вспомнилъ начальника краснаго отряда, который пріѣзжалъ меня арестовывать не задолго до моего бѣгства изъ Бѣлецковки.

Около Исполкома я остановилъ команду и отправился получить ордеръ на производство арестовъ. Исполкомъ помѣщался въ второмъ флигелѣ. Когда я поднимался въ

полной темнотѣ по скрипучей деревянной лѣстницѣ и дошелъ до ея половины, откуда-то сверху послышался тревожный окрикъ:

— Кто идетъ?

— Командиръ эскадрона, — отвѣтилъ я.

Дверь открылась, и я увидѣлъ безподобную картину. Въ пустой комнатѣ стоялъ простой столъ, покрытый бѣлой клеенкой. Надъ нимъ спускалась электрическая лампочка, ярко освѣщавшая сидѣвшихъ за нимъ. На столѣ, кромѣ чернильницы, бумаги и карандашей, лежали для вѣрности три Маузера. Въ комнатѣ собралась вся, такъ сказать, аристократія: Пермяковъ, Нѣмцовъ, Невѣровъ, товарищъ Биценко, отвратительный субъектъ женскаго пола, ярая коммунистка, бывшая комиссаромъ народнаго призрѣнія и еще одинъ заѣзжій коммунистъ, фамиліи котораго я не зналъ и который напоминалъ своимъ видомъ контрабандиста изъ Фра-Діаволо, рослый типъ съ красивыми глазами и черными кудрями въ широполой черной шляпѣ и, какъ особая примѣта, безъ указательнаго пальца на правой рукѣ.

Нѣмцовъ дѣловито вручилъ мнѣ ордеръ, въ которомъ я съ удовольстіемъ прочелъ, что „Товарищу Маркову, начальнику карательнаго отряда Штаба Тюменской красной арміи, предписывается производить обыски, выемку документовъ, конфискацію оружія и аресты нижепоименованныхъ лицъ". За симъ шли 32 фамиліи, перепечатанныя изъ утренней газеты. Въ помощь мнѣ, какъ сказалъ Нѣмцовъ, но ясно, что скорѣе для наблюденія за мной, мнѣ придали заѣзжаго коммуниста, который съ трудомъ, и то съ помощью двухъ волонтеровъ, взгромоздился на лошадь.

Изъ Исполкома мы отправились въ милицію, гдѣ товарищъ Банниковъ, начальникъ ея, приготовилъ намъ необходимые адреса. Банниковъ былъ тоже своего рода достопримѣчательной личностью, характерной для переживаемаго времени. По профессіи онъ былъ воромъ-рецидивистомъ, но это не мѣшало ему занимать постъ по охранѣ жизни, а главное, имущества жителей Тюмени.

Получивъ адреса, мы тронулись по плохо освѣщеннымъ улицамъ для изъятія перваго по списку, а именно, предсѣдателя профессіональнаго союза рабочихъ г. Тюмени, стараго партійнаго меньшевика, рабочаго Макарова.

Къ тремъ часамъ ночи въ особо отведенной комнатѣ въ Штабѣ я имѣлъ счастіе лицезрѣть 22 арестованныхъ изъ моего списка. Остальные успѣли скрыться, благодаря моей оплошности во время моего перваго ареста. Въ комнатѣ компанія собралась пестрая; тутъ были рабочіе и интеллигенты въ лицѣ городского головы демократической думы, избранной послѣ революціи, его товарищъ, два журналиста

изъ газеты „Тюменскій Рабочій“, товарищъ Макаровъ, мой первый крестникъ, его секретарь докторъ Купенскій, старый революціонеръ и какъ говорили въ городѣ, пріятель Керенскаго, словомъ, всѣ сливки мѣстной Р. С. Д. Р. П. Картинка была пикантная, я чувствовалъ себя по меньшей мѣрѣ жандармскимъ полковникомъ добраго, стараго времени и, поглядывая на довольную физіономію Пермякова, пришедшаго изъ Исполкома полюбоваться своими врагами, я подумалъ:

— И до тебя, голубчикъ, доберемся... Всякому овощу своя пора... Пока пожирайте другъ друга, хоть одна польза отъ васъ будетъ.

Мнѣ вспоминаются теперь подробности ареста Макарова. Оцѣпивъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, я съ тремя волонтерами отправился къ нему и постучалъ въ дверь. Чей то голосъ откликнулся:

— Кто тамъ?

— Именемъ Россійской Совѣтской Федеративной Республики, откройте! громко и отчетливо произнесъ я.

— Кто? — голосъ сорвался.

— Начальникъ карательнаго отряда.

Дверь отворилась. Я увидѣлъ блѣдную отъ испуга женщину и трехъ подростковъ, прижавшихся къ ней. На встрѣчу мнѣ вышелъ здоровенный мужчина въ рабочей курткѣ.

— Что вамъ угодно, товарищъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Вы — товарищъ Макаровъ?

Онъ отвѣтилъ утвердительно. Я далъ ему просто ордеръ. Онъ дрогнувшимъ голосомъ сказалъ мнѣ:

— Что же, ройтесь въ моихъ вещахъ, коли желаете. Оружія у меня нѣтъ!

— Нѣтъ, вы ужъ сами открывайте ваши ящики, я вашихъ вещей не трону, — отвѣтилъ ему я.

Мнѣ было противно рыться въ его вещахъ. Онъ исполнилъ приказаніе. Не найдя ничего предосудительнаго, я приказалъ ему одѣваться и собрать необходимыя вещи. Одѣваясь, онъ обратился ко мнѣ:

— Чтожъ это вы, товарищъ, всѣ вы (читай, большевики) себя идейными соціалистами называете, а меня стараго соціалъ-демократа, партійнаго работника арестовываете, ровно какъ при царскомъ режимѣ?... За что же вы меня арестовываете?...

Это я-то „идейный соціалистъ!“ Недурной анекдотъ! — мелькнуло у меня въ головѣ, и я отвѣтилъ ему первой взбредшей мнѣ мыслью:

— За то, что вамъ тѣнь Александра IV [1] по ночамъ спать не даетъ!

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на меня... Отправивъ его подъ конвоемъ въ Штабъ, я тронулся дальше. Благодаря тому, что я показалъ ордеръ Макарову полностью, и его жена замѣтила цѣлый рядъ фамилій, вслѣдствіе чего 10 человѣкъ успѣло, какъ я уже сказалъ, скрыться.

Въ 4 часа Пермяковъ прекратилъ дальнѣшіе розыски, найдя, что и этой „сволочи" достаточно и что оставшіеся теперь на свободѣ товарищи-меньшевики и пикнуть не посмѣютъ! Я отпустилъ людей и отправился въ экипажѣ Пермякова домой. Когда я вышелъ изъ Штаба, я услышалъ тревожные гудки и визжаніе сиренъ, доносившіеся изъ предмѣстій Тюмени. Я такъ усталъ, что не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Заснулъ я, какъ убитый. Около 12-ти часовъ дня меня разбудилъ Симоненко. Онъ сообщилъ мнѣ, что слышанные мною гудки были тревожнымъ сигналомъ для рабочихъ, которые въ 6 часовъ утра собрались на фабрикахъ и послѣ митинга отправились на вокзалъ, чтобы попытаться освободить своихъ вожаковъ.

Въ это время всѣ арестованные были уже заключены въ тюремный вагонъ. Вокзалъ былъ оцѣпленъ сильнымъ нарядомъ красноармейцевъ, но рабочіе пытались прорваться, такъ что ихъ пришлось разгонять прикладами и залпами въ воздухъ.

— Представьте себѣ, что когда Пермяковъ подъѣзжалъ къ вокзалу, толпа его едва не разорвала! Ему только съ трудомъ удалось вырваться! — докончилъ свой разсказъ Симоненко.

Я искренно въ душѣ пожалѣлъ, что этого не случилось...

Въ Штабѣ мнѣ сообщили, что моихъ „пріятелей" отправили прямымъ сообщеніемъ на Минусинскія копи, другими словами, на каторжныя работы. Когда въ Россіи, еще до революціи, послѣ длинныхъ переговоровъ губернатора съ вице-губернаторомъ, вице-губенатора съ Начальникомъ жандармскаго управленія и. т. д., арестовался какой нибудь единичный рабочій, когда для этого теряли время, изводили кипы бумаги, производили дознанія, искалась буква закона, тогда объ такомъ инцидентѣ говорили, какъ о „неслыханномъ насиліи", „грубомъ произволѣ", „ужасахъ самодержавія" и т. п. Анонимные авторы, брызжа ядовитой слюной, измывались въ подпольныхъ брошюрахъ надъ „царскими опричниками-губернаторами и всей бѣлою костью, надъ не-

[1] Александръ Ѳедоровичъ Керенскій.

доучившимися дворянами, гноящими въ тюрьмѣ рабочій народъ". Да, это было „лютое время самодержавія!"

Не то теперь. Теперь другія времена, другіе порядки. Теперь въ Россіи, въ совѣтской федеративной, соціалистической, ну словомъ, какой хотите, республикѣ два десятка людей были „въ два счета" упрятаны безъ суда и слѣдствія на каторгу безграмотнымъ росчеркомъ пера такого же пролетарія, каковыми были „упрятанные" имъ товарищи. Какъ вы назовете эти времена, какъ вы опредѣлите режимъ, при которомъ возможны такіе порядки?

Вамъ, быть можетъ, интересна біографія Пермякова? Вотъ она по его же разсказамъ:

Сиротой онъ гдѣ то былъ подобранъ Толстымъ и воспитывался въ Ясной Полянѣ на непротивленіи злу, на отрицаніи войны и прочихъ толстовскихъ теоріяхъ. Въ началѣ войны онъ уклонился отъ мобилизаціи и скрывался гдѣ то вблизи Петербурга, но въ ноябрѣ 1914-го года былъ пойманъ и заключенъ въ Кронштадтскую тюрьму. Тамъ, какъ онъ самъ мнѣ лично разсказывалъ, его взяло „сомнѣніе" въ правильности Толстовскихъ идей и онъ, движимый патріотизмомъ, вызвался итти на войну, гдѣ честно воевалъ до революціи, былъ три раза раненъ, получилъ три Георгіевскихъ креста и былъ произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры. Послѣ революціи онъ принималъ дѣятельное участіе въ комитетахъ и совѣтахъ. По убѣжденіямъ былъ онъ эсъ-эромъ, но потомъ сталъ лѣвѣть и, наконецъ, пришелъ къ заключенію, что къ тѣмъ теоріямъ, которыми онъ былъ напичканъ съ дѣтства, ближе всего подходитъ на практикѣ большевизмъ, и сталъ большевикомъ. Демобилизація занесла его въ Тюмень, гдѣ я его уже и засталъ на посту Военнаго Комиссара.

Таковы были нравы, господствовавшіе какъ у насъ въ Штабѣ, такъ и въ другихъ совѣтскихъ учрежденіяхъ.

Отмѣчу еще одинъ случай, бывшій со мной послѣ выхода изъ тюрьмы. Однажды, встрѣтившись съ моимъ хозяиномъ гостиницы Лошкомоевымъ, я получилъ черезъ него приглашеніе къ одному извѣстному Тюменскому купцу, желавшему со мной познакомиться. Какія у него были къ этому причины, не знаю. Полагаю, что Лошкомоевъ разсказалъ ему обо мнѣ, изобразивъ меня большевикомъ, не совсѣмъ обычнаго вида.

Я принялъ приглашеніе и въ назначенный день былъ у У. Меня угостили великолѣпнымъ ужиномъ и я прекрасно провелъ время въ обществѣ какъ самаго У., такъ и его семьи и хоть на нѣсколько часовъ отрѣшился отъ окружавшего меня безпробуднаго хамства и немного отдохнулъ душой.

На слѣдующій день, придя въ Штабъ, я подвергся ѣдкимъ вопросамъ со стороны политическаго комиссара при моемъ эскадронѣ, товарища Макарова, очень недолюбливавшаго меня.

— Ходятъ слухи, что вы съ буржуями компанію водите (намекъ на Лошкомоева), и вчера же вы, товарищъ, у буржуя пьянствовали.

Я ему ничего не отвѣтилъ. Въ головѣ у меня мелькнула блестящая идея, которую я вскорѣ и привелъ въ исполненіе.

Кстати, нѣсколько словъ о личности Макарова. Когда я впервые, послѣ возвращенія на службу, осматривалъ эскадронъ, я былъ пораженъ, увидѣвъ въ эскадронной канцеляріи какую то подозрительную фигуру, полувоенной внѣшности, небрежно развалившуюся на стулѣ и начальническимъ тономъ разговаривавшую съ подобострастно склонившимся Гусевымъ. Гусевъ такъ и сыпалъ:

— Какъ прикажете, товарищъ комиссаръ! Будетъ исполнено, товарищъ комиссаръ!

Симоненко почтительнымъ шопотомъ сообщилъ мнѣ, что это вновь назначеный въ эскадронъ политическій комиссаръ.

Мнѣ это весьма не понравилось, хотя въ приказѣ и значилось, что функціи его ограничиваются „соціальнымъ образованіемъ“ волонтеровъ, но было ясно, что главнымъ его занятіемъ должна бытъ слѣжка какъ за командным составомъ, такъ и за красноармейцами. Я не понималъ, за какія доблести его назначили на столь высокій постъ. Это былъ формальный идіотъ, по наружному виду ясный кретинъ, съ бѣльмомъ на глазу, съ вѣчно подвязанной щекой, такъ какъ у него безпрестанно болѣли зубы, и совершенно безъ образованія. Я слабо вѣрилъ его разсказамъ, что онъ былъ писаремъ въ полковой концеляріи, слишкомъ ужъ тупъ былъ онъ даже и для этого. Ума у него не было ни на грошъ, но зато злобности онъ былъ невѣроятной.

Я рѣшилъ извести его и постараться отвадить его отъ посѣщеній эскадрона. По расписанію занятій было видно, что три часа въ недѣлю отводятся этому субъекту для соціальной подголовки красноармейцевъ и бесѣдъ на политическія темы.

Я явился на первую же его, съ позволенія сказать, лекцію. Онъ пытался доказывать слушателямъ превосходство совѣтской системы управленія надъ всѣми другими. Это удавалось ему весьма скверно, рѣчь его была несвязной, основной мысли не было, словомъ, онъ несъ всякую белиберду, удобренную иностранными терминами, ему же

самому непонятными. Волонтеры слушали его, разиня рты, и, видно, тоже ничего не понимали.

Я вмѣшался въ его словоизверженіе, задавая ему вопросы вродѣ:

— А скажите, товарищъ, какая разница между Амстердамскимъ и Московскимъ Интернаціоналами? Что вы скажете по существу Эрфуртской программы? Товарищамъ интересно было бы узнать о резолюціяхъ, вынесенныхъ въ Циммервальдѣ и Кинталѣ... Вы бы посвятили насъ въ сущность „Труда и Капитала“ творца соціализма Маркса и. т. д. въ этомъ же духѣ.

Макаровъ глядѣлъ на меня дикими глазами, пытался изворачиваться, но изъ этого ничего не выходило. На слѣдующемъ собраніи я повторилъ тотъ же маневръ и на этотъ разъ волонтеры стали открыто издѣваться надъ Макаровымъ, дѣлая ему замѣранія:

— Какъ же это вамъ не извѣстно, товарищъ комиссаръ?

Макаровъ извелся въ конецъ, бросилъ свои лекціи подъ предлогомъ зубной боли и сталъ рѣдко появляться въ эскадронѣ. Я торжествовалъ, но онъ не простилъ мнѣ моего издѣвательства и, гдѣ только могъ, старался наступить мнѣ на ногу.

Такъ было и теперь, послѣ моего ужина у У.

Случайно, въ тотъ же день я прочелъ громовой приказъ Чувикова о томъ, что въ красноармейской средѣ попадаются случаи пьянства. Чувиковъ грозилъ желѣзной рукой безпощадно искоренить это явленіе.

У насъ въ гостинницѣ жили два еврейчика, пріѣхавшіе откуда-то изъ Россіи, что то скупавшіе въ Тюмени и окрестностяхъ, вѣроятно, предметы продовольствія и скотъ, перегоняя ихъ въ голодную Россію. Этимъ же дѣломъ занимался сынъ богатаго купца изъ Петербурга, умудрявшійся, не смотря на запрещеніе, вывозить изъ Тюмени сахаръ. Эта тройка была въ Штабѣ на учетѣ, какъ опасные спекулянты.

Живя въ одной съ ними гостинницѣ, я познакомился съ ними. Прійдя домой изъ Штаба, я предложилъ имъ познакомить ихъ съ Чувиковымъ, знакомство съ которымъ могло бы быть имъ полезно. Они съ радостью согласились. Было рѣшено, что я устрою у себя въ номерѣ обѣдъ, на который приглашу Чувикова и на которомъ будутъ присутствовать и они. Такъ я и сдѣлалъ.

Вечеромъ я пригласилъ Чувикова „пожаловать“ ко мнѣ къ обѣду на слѣдующій день. Онъ согласился, освѣдомился только, будетъ ли водка, и остался страшно доволенъ, получивъ утвердительный отвѣтъ. Въ назначенный

день къ часу дня къ гостинницѣ подкатилъ на своемъ великолѣпномъ экипажѣ Чувиковъ. Онъ былъ невѣроятно великолѣпенъ въ своемъ новомъ френчѣ и имъ самимъ изобрѣтенной кепкѣ красной кожи французскаго образца. Войдя въ комнату, онъ поразился, не видя приготовленнаго стола. Я ему любезно открылъ дверь въ сосѣдній номеръ.

Онъ только на секунду остановился не столько при видѣ прекрасно накрытаго стола съ аппетитными графинчиками водки, какъ при видѣ компаніи, поднявшейся изъ-за стола, въ лицѣ Лошкомоева, полковника П., двухъ евреевъ и купчика.

Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его смущенія, подъ руку ввелъ его въ комнату и перезнакомилъ со всѣми присутствующими. Обѣдъ удался на славу, Чувиковъ безпрестанно лѣзъ ко мнѣ цѣловаться и въ, концѣ концовъ, заставилъ меня выпить съ нимъ на брудершафтъ. До кофе дѣло не дошло. Чувиковъ былъ пьянъ до безчувствія. Съ большимъ трудомъ мы его около пяти часовъ выпроводили изъ гостинницы и усадили въ экипажъ.

Свирѣпый Начальникъ Штаба, только что отдавшій громовой приказъ о борьбѣ съ пьянствомъ, еле взгромоздившись въ экипажъ, развалился поперекъ его и, обругавъ трехъэтажными словами своего кучера-красноармейца, приказалъ вести себя въ Штабъ. Фаэтонъ тронулся, Чувиковъ попытался что то сказать намъ на прощаніе, но мы услышали только какое то дикое мычаніе, а онъ взмахнувъ въ воздухъ своей красной кэпкой, окончательно свалился на дно фаэтона.

Прійдя въ Штабъ часовъ въ семь вечера, я тамъ Чувикова не засталъ, но въ его кабинетѣ ясно виднѣлись слѣды его пребыванія. Бумаги были разбросаны, полъ залитъ чернилами и хорошее дубовое полукресло было разбито въ дребезги.

На слѣдующее утро, когда меня Макаровъ спросилъ, какъ мои буржуи поживаютъ, я сдѣлалъ видъ, что не слышу его вопроса, и отвѣтилъ:

— А прекрасно мы вчера время провели съ Чувиковымъ. И компанія подобралась отличная — Лошкомоевъ, П. и трое спекулянтовъ, отличнѣйшіе парни ...

Макаровъ ничего не отвѣтилъ, злобно посмотрѣлъ на меня и отошелъ. Я былъ радъ. Мой планъ удался на славу. Я продолжалъ ежедневно бывать у Лошкомоева, но на этотъ разъ Макаровъ больше не лѣзъ ко мнѣ со своими вопросами.

Удачная ликвидація мѣстныхъ меньшевиковъ, произведенная мною, была отмѣчена назначеніемъ меня Членомъ Штаба. Положеніе мое, пошатнувшееся было во время ареста, какъ будто упрочилось.

ГЛАВА XII.

Казачье и чехо-словацкое возстаніе продолжало развиваться и въ первой половинѣ іюня бои шли въ верстахъ 70-ти южнѣе желѣзной дороги Екатеринбургъ-Омскъ. Курганъ былъ занятъ казачьими частями и линія фронта постепенно начинала вырисовываться. Съ нашей стороны въ бояхъ принимали участіе красноармейскія части изъ Омска и Екатеринбурга.

Тюменскій гарнизонъ бездѣйствовалъ. Пермяковъ пробовалъ организовать конную развѣдку въ направленіи Кургана, но изъ этого ничего не вышло. При наличіи имѣющихся у меня сѣделъ-самодѣлокъ невозможно было и думать о возможности какого нибудь длительнаго перехода. Въ свое время мнѣ было приказано составить требованіе на присылку 150 сѣделъ. Я его составилъ. Мною были затребованы сѣдла канадскаго образца съ пелямомъ и мартингаломъ, явно не пригодныя для сибирской лошади, и которыхъ было вообще очень не много доставлено изъ Америки, а въ ближайшихъ къ Тюмени интендантскихъ складахъ ихъ и найти было не возможно.

Пермяковъ, прочтя требованіе, освѣдомился у меня, почему я требую именно эти сѣдла. Я разъяснилъ ему, что разъ мои лошади совершенно не обучены, то наиболѣе пригодной для нихъ является американская строгая уздечка въ соединеніи съ мундштукомъ, которая полагается при канадскихъ сѣдлахъ, а мартингалъ даетъ лошади красивый, картинный видъ, держа ея все время въ сборѣ, и въ заключеніе замѣтилъ, что инструкторомъ по кавалеріи являюсь все же я, а не онъ, и не станетъ же онъ оспаривать мои требованія!

Пермяковъ подписалъ, не говоря ни слова, мое требованіе и, къ моему удивленію, оно было приложено къ срочнымъ бумагамъ, отправляемымъ въ Военный Комиссаріатъ въ Москву съ помѣткой: Военному Комиссару товарищу Троцкому. Весьма спѣшно!

Пермяковъ, видимо, представлялъ возможнымъ снаряженіе ввѣренныхъ ему „вооруженныхъ силъ“ непосредственно изъ Москвы.

Какъ я и ожидалъ, сѣделъ увидѣть мнѣ до самаго моего отъѣзда изъ Тюмени не пришлось, и поэтому мой доблестный эскадронъ тихо и мирно пребывалъ въ Тюмени. Получи же я отвѣтъ, что канадскихъ сѣделъ нѣтъ, я потребовалъ бы японскія, затѣмъ наши кавалерійскіе ленчики и лишь тогда, въ концѣ концовъ, потребовалъ бы казачьи сѣдла, которыя естественно легче всего было получить въ Сибири... Но когда только пришлось бы къ этому при-

бѣгнуть? На совѣтскую канцелярскую волокиту ушли бы мѣсяцы, а пока что мои уланы очень недвухсмысленно заявили, что „пѣшкомъ они воевать не пойдутъ“!

Въ первой половинѣ іюня Соловьевъ покинулъ Тюмень, придравшись къ случаю, что въ Покровское былъ отправленъ небольшой красноармейскій отрядъ, такъ какъ въ этомъ раіонѣ было не спокойно. Онъ показалъ въ Совдепѣ телеграмму, въ которой сообщалось о тяжелой болѣзни его жены. Подкрѣпилъ онъ свою просьбу о разрѣшеніи ему выѣзда въ Покровское еще и тѣмъ, что опасаться его побѣга товарищи не могутъ, такъ какъ онъ выѣдетъ туда совмѣстно съ отправляемымъ туда отрядомъ, а это можетъ служить достаточной гарантіей того, что онъ никуда не скроется. Въ Совдепѣ согласились съ этими доводами и дали ему разрѣшеніе на время пребыванія отряда въ Покровскомъ оставаться тамъ, но обязали его прибыть въ Тюмень по первому вызову Революціоннаго Трибунала. Мнѣ было очень тяжело разставаться съ Соловьевымъ. Съ его отъѣздомъ я терялъ всякую надежду на возможность какихъ либо дѣйствій для освобожденія Императорской Семьи. При послѣднемъ моемъ свиданіи съ нимъ общее положеніе по данному вопросу вырисовывалось въ слѣдующемъ видѣ: 1) Царская Семья находилась въ полной зависимости отъ Екатеринбургскаго областного Совдепа. 2) Приказанія изъ Москвы переправить Ее въ Москву Совдепъ не исполнилъ. 3) Несмотря на троекратную попытку мою и Соловьева связаться непосредственно съ Императорской Семьей, намъ этого не удалось и ѣздившія въ Екатеринбургъ довѣренныя лица въ одинъ голосъ подтвердили, что насильственнымъ способомъ освободить Ихъ Величества изъ дома Ипатьева, не подвергнувъ Ихъ огромному риску, нельзя. Шансовъ на успѣхъ такого предпріятія было настолько мало, что эта попытка была равносильна добровольному самоубійству какъ спасаемыхъ, такъ и спасающихъ. 4) Если бы даже и рѣшиться на такую крайность, то полное отсутствіе матеріальныхъ средствъ не позволило бы намъ сосредоточить въ Екатеринбургѣ достаточное количество вѣрныхъ людей, объединенныхъ епископомъ Гермогеномъ въ Тобольскѣ, и крестьянъ, организованныхъ Соловьевымъ по дорогѣ Тобольскъ-Тюмень и съ успѣхомъ поддерживавшихъ связь между Царской Семьей и нами за время пребыванія Ея въ Тобольскѣ. Предположивъ даже, что мы въ состояніи будемъ отправить въ Екатеринбургъ достаточное количество людей, готовыхъ жизнь свою отдать для спасенія Ихъ Величествъ, мы снова сталкиваемся съ матеріальными трудностями, такъ какъ проектъ о побѣгѣ Императорской Семьи безъ наличія большихъ денеж-

ныхъ суммъ былъ заранѣе обреченъ на провалъ. 5) Я предложилъ попытаться принять въ эскадронъ нѣкоторое количество членовъ союза фронтовиковъ изъ Тобольска, дабы на всякій случай имѣть ихъ въ болѣе близкомъ разстояніи отъ Екатеринбурга, но предупредилъ, что это предпріятіе сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ мои товарищи съ большимъ недовѣріемъ относятся къ мѣстнымъ жителямъ, примѣромъ чего можетъ служить мой эскадронъ, набранный исключительно изъ пришлаго элемента. 6) Наша мысль укомплектовать эскадронъ лицами Марковской организаціи, которыя должны были уже давно пріѣхать, отпадала сама собой, такъ какъ до сего времени даже Гринвальдъ и Андреевскій не появлялись въ Тюмени, несмотря на то, что А. Вырубова снабдила ихъ деньгами на дорогу и что они должны были выѣхать непосредственно за мной. 7) Отъ Сѣдова никакихъ свѣдѣній до сего дня не поступало и мы были въ полномъ невѣдѣніи о положеніи Марковской организаціи и о предпринятыхъ ею за мое отсутствіе шагахъ. 8) Дальнѣйшее пребываніе Соловьева въ Тюмени было явно безполезнымъ и для дѣла даже вреднымъ, такъ какъ лишь только его дѣло начнется въ революціонномъ трибуналѣ, то привлекутъ къ допросамъ и свидѣтельскимъ показаніямъ и меня и изъ заварившейся каши намъ не такъ легко удастся высвободиться, какъ въ первый разъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы пришли къ заключенію, что Соловьевъ уѣзжаетъ съ отправляемымъ отрядомъ въ Покровское, поддерживая со мной, впредь до моего отъѣзда, связь. Въ случаѣ необходимости, онъ рѣшилъ скрыться изъ Покровскаго въ раіонъ Верхотурскаго монастыря. Я же исподволь приготовляюсь къ отъѣзду въ Петербургъ, чтобы поставить въ извѣстность какъ А. Вырубову, такъ и Маркова 2-ого во всѣхъ подробностять о положеніи Ихъ Величествъ.

По нашему обоюдному мнѣнію спасти Ихъ Величества изъ рукъ Екатеринбургскихъ каторжниковъ можно было только дипломатическимъ путемъ, то есть, въ Ихъ судьбу должна вмѣшаться иностранная держава, передъ которой въ то время трепетали большевики... А такой державой была Германія въ лицѣ ея Императора.

Именно этимъ рѣшеніемъ вопроса и утѣшалъ меня Соловьевъ, видя мое отчаяніе по поводу полной безучастности къ судьбѣ Царской Семьи со стороны Петербургской организаціи въ лицѣ Маркова 2-ого, бросившаго меня на произволъ судьбы. Соловьевъ былъ увѣренъ, что отсутствіе людей изъ Петербурга объясняется именно тѣмъ, что Марковъ 2-ой безусловно вошелъ въ связь съ нѣмцами, которые настоятъ на вывозѣ Императорской Семьи заграницу,

и поэтому отказался отъ мысли послать кого нибудь въ наши края, считая излишнимъ насильственное освобожденіе, сопряженное съ огромнымъ рискомъ, такъ какъ вовсе не нужно было быть въ Екатеринбургѣ, чтобы понять, что изъ столицы „краснаго Урала“ неизмѣримо труднѣе вырвать Царскую Семью, чѣмъ изъ патріархальнаго Тобольска... Это было для меня слабымъ утѣшеніемъ, но что же было дѣлать?

Итакъ, я остался одинъ, если не считать Т., который съ момента нашей встрѣчи на воксалѣ все время находился съ нами въ полной связи. Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Бориса Николаевича, со мной едва не случилась бѣда и спасло меня только присутствіе духа. Въ это время мы были почти что совсѣмъ отрѣзаны отъ Омска, такъ какъ у желѣзнодорожной линіи въ 50-ти верстахъ отъ Тюмени появились отряды чехо-словаковъ. Туда были двинуты три роты Тюменскихъ красноармейцевъ, сумѣвшія закрѣпиться и задержать дальнѣйшее продвиженіе чехо-словаковъ и защитить желѣзную дорогу. Товарищи въ Тюмени взволновались не на шутку. Было объявлено военное положеніе.

Какъ то разъ рано утромъ ко мнѣ ворвался блѣдный, какъ полотно, Симоненко и, волнуясь, разсказалъ, что два часа тому назадъ въ городѣ взбунтовались красноармейцы, а нашъ эскадронъ арестовалъ полностью весь Исполкомъ, а также и всѣхъ нашихъ комиссаровъ, Пермякова, Рязанова и Чувикова. Пермякова едва не убили при арестѣ, сейчасъ ихъ всѣхъ привели въ театръ, гдѣ идетъ митингъ и обсуждается вопросъ, что съ ними дѣлать. Словомъ, были арестованы всѣ начальствующія лица, кромѣ меня...

Я былъ пораженъ, услышавъ все это, но раздумывать было нечего. Въ мигъ одѣвшись, я побѣжалъ въ эскадронъ. Пробѣгая мимо театра, я увидѣлъ огромную толпу солдатъ, дико оравшую и сквернословившую.

— Сволочи, бѣжать хотѣли! Съ народнымъ добромъ вмѣстѣ! Тамъ на хронтѣ товарищи жалованія не получаютъ, а тутъ комиссары деньги крадутъ! Знаемъ мы ихъ!

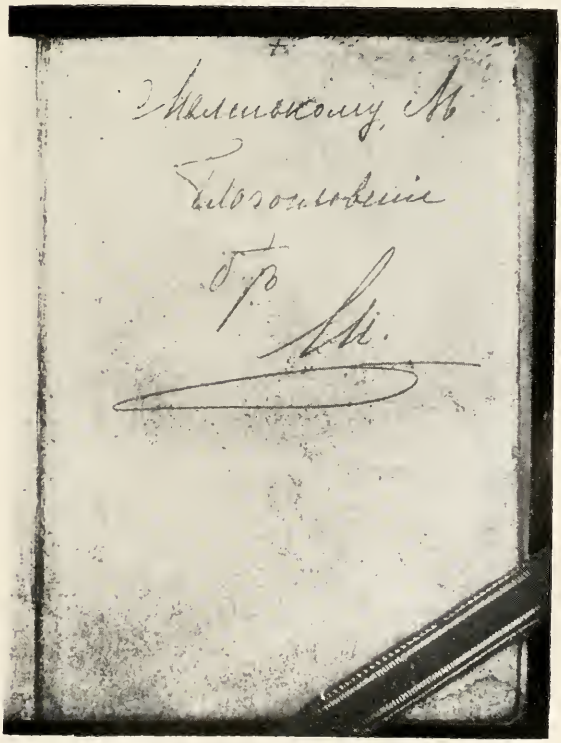
Слышались и другіе голоса:

— Товарищи, ефто провокація! Ефто бѣлогвардейцы темный народъ мутятъ, чтобы насъ живьемъ забрать! И. т. д. въ этомъ духѣ.

Изъ всего слышаннаго я понялъ, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за жалованія, въ полученіи котораго вышла задержка. По всему было видно, что до расправы съ комиссарами было еще далеко.

Когда я вошелъ въ эскадронное помѣщеніе, я увидѣлъ своихъ волонтеровъ, срывавшихъ со стѣнъ винтовки

Иконка, полученная авторомъ отъ Ея Величества въ Тобольскѣ.



Молитвенникъ съ собственноручной надписью Ея Величества, полученный авторомъ въ Тобольскѣ.

и намѣревавшихся бѣжать въ театръ. Въ комнатѣ стоялъ дикій ревъ и крикъ. Увидѣвъ меня, всѣ сразу успокоились, и я услышалъ со всѣхъ сторонъ возгласы:

— Сволочи у насъ, а не комиссары, Пермяковъ съ казенными деньгами деру дать хотѣлъ. Къ намъ, какъ къ собакамъ, относятся!

И тутъ пошло, кто оралъ, что ему сапогъ не дали, кто жаловался на отсутствіе шинели, словомъ, о товарищахъ на фронтѣ, не получающихъ жалованія, забыли, а заговорили въ нихъ уже свои шкурные интересы.

Какъ молнія, блестнула у меня мысль: Цейхгаузъ у меня въ полнѣйшемъ безпорядкѣ, при сдачѣ его я могу даже имѣть непріятности и придирки, такъ что, если я его сейчасъ раздамъ товарищамъ, то въ случаѣ освобожденія комиссаровъ смогу мотивировать свое распоряженіе желаніемъ удержать волонтеровъ отъ агрессивныхъ дѣйствій противъ нихъ.

— Успокойтесь, товарищи, это дѣло поправимое... Разберите цейхгаузъ и каждый получитъ все, что ему необходимо!

Товарищи не заставили себя долго ждать, и черезъ пять минутъ отъ имущества, находившагося въ цейхгаузѣ, не осталось и слѣда.

Комиссаровъ, какъ я и ожидалъ, выпустили.

Когда я пришелъ въ Штабъ, то еще на лѣстницѣ услышалъ бѣшенный ревъ на кого то оравшаго Чувикова:

— Разстрѣляю... Повѣшу... Безъ разговора въ два счета къ стѣнкѣ!

Я чувствовалъ себя весьма скверно и подумалъ, не относится ли это къ моей персонѣ. Стараясь быть совершенно спокойнымъ, я вошелъ въ его кабинетъ. Онъ дико уставился на меня и закричалъ:

— Я прикажу тебя разстрѣлять, это бунтъ... Это чертъ знаетъ, что такое, а не эскадронъ!

— Это, меня? За что? Не за то ли, что я васъ всѣхъ спасъ отъ смерти? Чувиковъ растерялся отъ такого моего отвѣта:

— То есть, это какъ же? крикнулъ онъ.

— А ты не ори, а выслушай меня!

Я ему совершенно спокойно разсказалъ о принятыхъ мною мѣрахъ, якобы спасшихъ его и умиротворившихъ моихъ озвѣрѣлыхъ улановъ.

— Ну, это мы посмотримъ, комиссія все разслѣдуетъ.

— Пожалуйста, хоть десять комиссій! отвѣтилъ я ему.

Оказалось, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что какъ въ эскадронѣ, такъ и въ пѣхотныхъ казармахъ

были подброшены анонимныя письма, въ которыхъ сообщалось, что сегодня ночью Пермяковъ и Рязановъ, подъ предлогомъ отвоза денегъ на фронтъ для раздачи жалованія красноармейцамъ, хотятъ бѣжать съ деньгами изъ Тюмени.

Дѣйствительно, они должны были поѣхать съ деньгами на такъ называемый фронтъ, о чемъ стало извѣстно упомянутымъ авторамъ анонимныхъ писемъ, и когда они ночью ѣхали на вокзалъ, то были пойманы моими уланами. При нихъ былъ найденъ мѣшокъ съ деньгами, такъ что содержаніе письма, какъ будто, оправдывалось. Взбудораженные красноармейцы принялись за дальнѣйшіе аресты.

Слѣдственная комиссія была назначена. Она подвергла меня всего лишь одному допросу, а наступившія вскорѣ болѣе важныя событія невольно прекратили ея дѣятельность.

Я все рѣже и рѣже сталъ появляться у себя въ эскадронѣ и въ Штабѣ, ссылаясь на все усилившіяся боли въ ухѣ и на общее недомоганіе. Какъ то разъ, зайдя вечеромъ въ Штабъ, я прочелъ готовившійся къ выпуску приказъ, и глазамъ своимъ не повѣрилъ! Въ немъ значилось:

„Сегодня въ одиннадцать съ половиной часовъ дня, прибывъ въ расположеніе уланскаго эскадрона, нашелъ въ немъ вопіющій безпорядокъ. Дежурный по эскадрону отсутствовалъ, неизвѣстно гдѣ. Дневальные спали на сѣновалѣ. Командира эскадрона, какъ и его помощника въ расположеніи эскадрона также найти не могъ. Зайдя въ казармы, нашелъ волонтеровъ спящими, въ помѣщеніи невѣроятную грязь и безпорядокъ. Ставлю все на видъ товарищу Маркову, котораго арестовываю на семь сутокъ при Тюменской милиціи, а его помощника, товарища Симоненко, увольняю со службы и арестовываю на 14 сутокъ. Обращаю вниманіе на то, что въ случаѣ повторенія подобнаго безобразія, приму самыя рѣшительныя мѣры . . .“

Такого финала моей „полезной дѣятельности“, направленной къ „процвѣтанію“ ввѣренной мнѣ части, я никакъ не ожидалъ. Забравъ проектъ приказа, я отправился къ Пермякову. Я вломися въ страшную амбицію и, видимо, имѣлъ очень удрученный и оскорбленный видъ, такъ что Пермяковъ всячески успокаивалъ меня, но я плохо „успокаивался“ и доказывалъ, что если и были упущенія, то Чувиковъ могъ бы по товарищески сдѣлать мнѣ внушеніе, а не позорить въ приказѣ.

Пермяковъ согласился со мной и, переговоривъ съ Чувиковымъ, съ которымъ я изъ-за крайней обиды не захотѣлъ лично разговаривать, принесъ мнѣ измѣненный приказъ, въ которомъ только и значилось „что, ввиду несо-

отвѣтствія занимаемому посту, товарищъ Симоненко увольняется отъ службы".

На это я послѣ долгихъ уговоровъ согласился. Мнѣ было непонятно, почему Чувиковъ оставилъ Гусева въ покоѣ. Вѣроятно потому только, что онъ все же былъ ближе его хамскому сердцу, чѣмъ Симоненко и я. За это время нашъ Штабъ сильно разросся. Были учреждены два новыхъ отдѣла инструкторскій и снабженія. Первый принялъ на себя милѣйшій П., боявшійся, что его мобилизуютъ и отправятъ на фронтъ, а второй полковникъ Н., пріѣхавшій вскорѣ послѣ возстанія въ Челябинскѣ къ намъ въ Тюмень и поселившійся у насъ въ гостинницѣ.

Познакомившись и часто бесѣдуя съ нимъ о происходящихъ событіяхъ, я чутьемъ угадывалъ, что этотъ старый кадровый полковникъ пріѣхалъ въ наши края не спроста, и нисколько не удивился, когда онъ постепенно очень умѣло втерся къ намъ въ Штабъ и занялъ въ немъ такую отвѣтственную должность.

Увидѣвъ его работу, то есть ту систему, которую онъ завелъ у себя въ отдѣлѣ, при которой пару сапогъ можно было получить изъ главнаго цейхгауза не раньше, чѣмъ въ недѣльный срокъ, и его требованія, сильно напоминавшіе мнѣ мои о пелямахъ и мартингалахъ, я понялъ, что онъ посланъ отъ какой то организаціи съ информаціонной цѣлью.

Впослѣдствіи, я нашелъ подтвержденіе моимъ догадкамъ.

По работѣ же П. я тоже сразу же понялъ его настоящую цѣль. Онъ завелъ у себя громадную канцелярію, которая отъ нечего дѣлать умирала со скуки. Самъ же онъ исписывалъ цѣлыя кипы бумагъ своимъ мелкимъ бисернымъ почеркомъ, составляя руководство ускоренной двухнедѣльной боевой подготовки молодыхъ красноармейцевъ, и другія наставленія и инструкціи. Когда я прочелъ одну изъ нихъ, то не могъ удержаться отъ смѣха. Сухимъ, дѣловымъ языкомъ казеннаго устава, П. поучалъ въ мельчайшихъ деталяхъ на протяженіи 4-хъ страницъ, какъ можно выучить волонтера отчетливому повороту и блестящей строевой выправкѣ, перебѣжкѣ же подъ огнемъ было отведено мелькомъ всего только нѣсколько строкъ, но зато детально разбиралось прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ, а экипированію было удѣлено полъ страницы и т. д. Написано все было идеально, чувствовалась большая работа, но какого либо примѣненія въ жизни всѣ эти наставленія имѣть не могли.

Въ началѣ второй половины іюня Омскъ палъ, занятый Сибирскими казаками, и желѣзно-дорожная линія въ 35-ти

верстахъ отъ Тюмени была перерѣзана чехами. Наши товарищи отступили на вторыя заранѣе приготовленныя позиціи, гдѣ и задержались. Въ этотъ день, сидя у себя въ комнатѣ, я увидѣлъ въ окно, какъ къ намъ въ гостинницу вошли два красноармейца изъ охраны Исполкома, учрежденной послѣ памятной ночи, которые вскорѣ вышли, ведя съ собой блѣднаго, какъ полотно, Н.

Я понялъ, что случилось что то неладное. Дѣйствительно, придя въ Штабъ я узналъ, что Пермяковъ приказалъ арестовать и посадилть въ тюрьму несчастнаго Н. Поводомъ послужила случайно проскочившая въ Тюмень телеграмма изъ Омска. Видимо, телеграфная линія была не сразу испорчена и телеграмма буквально гласила такъ:

„Полковнику Н. Гостинница Лошкомоева. Тюмень.

Поздравляю казаки вчера взяли Омскъ цѣлую Муся."

Телеграмма была, повидимому, отъ жены Н. По всей вѣроятности, въ Омскѣ прошелъ слухъ, что Тюмень уже занята чехами. Несчастная женщина и не подозрѣвала, какъ она удружила мужу такимъ радостнымъ для него сообщеніемъ!

Черезъ нѣсколько дней послѣ занятія Омска, къ Тюменской пристани причалилъ цѣлый караванъ пароходовъ въ количествѣ до 20 штукъ. На нихъ прибыли Омскіе комиссары со своими многочисленными Штабами и съ не менѣе многочисленнымъ женскимъ персоналомъ, въ огромномъ большинствѣ состоявшимъ изъ женщинъ легкаго поведенія послѣдняго разбора. Съ ними также пришелъ небольшой отрядъ красноармейцевъ, вѣрнѣе партійныхъ коммунистовъ, которые предпочли „стратегическое отступленіе" со всѣми удобствами въ каютахъ-люксъ безпорядочному бѣгству подъ натискомъ казаковъ, какъ это сдѣлали ихъ сотоварищи волонтеры.

Мое Тюменское начальство оказалось съ молніеносной быстротой оттиснутымъ на задній планъ. Всѣ наши Нѣмцовы, Пермяковы, Чувиковы стушевались перед пріѣхавшими „свѣтилами", въ лицѣ предсѣдателя Запсибсовдепа Усіевича, члена всероссійскаго Цика Акулова, военнаго комиссара Омска Логинова, и другихъ сибирскихъ и заѣзжихъ знаменитостей.

Картина въ Штабѣ сразу измѣнилась. Въ спеціальной комнатѣ застучали аппараты Морзе и Юза, въ другой были поставлены столы съ 2-хъ верстными картами Тюменскаго раіона, а на лѣстницѣ появились парные часовые. Словомъ, работа закипѣла.

Комендатура города, прообразъ будущей знаменитой Чеки, открыла свои дѣйствія по защитѣ завоеваній революціи. Немедленно же, въ качествѣ заложниковъ, были

арестованы 15 именитыхъ гражданъ города, въ томъ числѣ, и бѣдняга Лошкомоевъ. Изъ нашей гостинницы была срочно выселена посторонняя публика, гостинница объявлена совѣтской и занята пріѣхавшимъ начальствомъ. Изъ Екатеринбурга появились въ количествѣ 6-ти человѣкъ, какіе-то типы въ матросской формѣ, но, неизвѣстно, въ какой должности. Они поселились въ моемъ корридорѣ и узнали какимъ то образомъ, насколько я понялъ со словъ моего комиссара Макарова, что я бывшій офицеръ Крымскаго полка.

Какъ то вечеромъ я сквозь свою дверь услышалъ не особенно пріятный для меня разговоръ: Кто этотъ крымскій казакъ, который служитъ въ Штабѣ?... Что это за фигура, вообще?... Какъ она сюда попала?

Послѣ того, какъ находившагося у меня въ гостяхъ Симоненко два молодца изъ пресловутаго комендантства арестовали и увели въ тюрьму за то, что онъ въ нетрезвомъ видѣ гдѣ-то обругалъ отъ чистаго сердца вновь заведенные порядки, я почувствовалъ себя совсѣмъ скверно. Хотя послѣ этого случая я и приклеилъ на своихъ дверяхъ плакатъ, подписанный Чувиковымъ, на которомъ значилось: „Комната № 23 занята Членомъ Тюменскаго Штаба Красной Арміи, Командиромъ I-го Тюменскаго Уланскаго Революціоннаго Эскадрона и Старшимъ Инструкторомъ по кавалеріи товарищемъ Марковымъ и поэтому является совершенно неприкосновенной“, но я все же чувствовалъ себя неувѣреннымъ въ своей судьбѣ, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе покинуть Тюмень. Я слегъ въ постель, два дня ничего не ѣлъ, пересиливалъ сонъ, снова повторилъ манипуляцію съ ухомъ и подалъ прошеніе объ увольненіи со службы по болѣзни.

Назначенный но мое освидѣтельствованіе докторъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ другими изъ Омска, призналъ меня абсолютно не годнымъ къ службѣ изъ-за крайнаго физическаго ослабленія, повышенной нервности, а главнымъ образомъ, изъ-за хроническаго катарра уха при гноеченіи, требующаго оперативнаго вмѣшательства. Чувиковъ пробовалъ уговаривать меня остаться, но я былъ неумолимъ.

О своихъ опасеніяхъ по поводу матросовъ, точившихъ на меня зубъ, также, какъ и о своемъ уходѣ, я сообщилъ Ковальчуку. Онъ очень опечалился, узнавъ, что я уѣзжаю изъ Тюмени и, выслушавъ меня, сказалъ:

— Не безпокойтесь, Сергѣй Владиміровичъ, я такъ устрою, что васъ не тронутъ.

Ниже слѣдуетъ резолюція собранія моего эскадрона, послѣ того, какъ Ковальчукъ сообщилъ волонтерамъ о моей болѣзни и уходѣ со службы.

Протоколъ.

На состоявшемся сего числа общемъ собраніи волонтеровъ I-го Тюменскаго Уланскаго Революціоннаго Эскадрона заслушано было заявленіе товарища Ковальчука объ уходѣ со своего поста Командира эскадрона товарища Маркова по болѣзни. Постановлено было единогласно просить товарища Маркова вернуться на свое мѣсто, такъ какъ волонтеры ему довѣряютъ, ни въ чемъ плохомъ онъ со стороны ихъ замѣченъ не былъ, и является хорошимъ, примѣрнымъ вождемъ. Затѣмъ шли подписи.

Я отъ глубины души поблагодарилъ Ковальчука за доброе отношеніе ко мнѣ и, когда заявилъ ему, что я все же не останусь на службѣ, я услышалъ отъ него слѣдующее:

— На кого же вы меня, Сергѣй Владиміровичъ, покидаете... Вѣдь меня безъ васъ казаки разстрѣляютъ за мою службу въ красной арміи.

И онъ чистосердечно разсказалъ мнѣ, что бѣжалъ въ Сибирь послѣ возстанія противъ большевиковъ, бывшаго въ его селѣ, и только отсутствіе денегъ заставило его поступить на большевицкую службу. Во мнѣ же онъ давно видитъ, такъ сказать, товарища по несчастію. Я, какъ могъ, успокоилъ его и сказалъ:

— Многаго я вамъ сказать не могу, но когда я уѣду, вы сами должны знать, что вы должны сдѣлать!

Онъ, я увѣренъ, понялъ меня и, по всей вѣроятности, черезъ сутки послѣ моего отъѣзда, и его въ Тюмени не было, онъ былъ на той, родной ему сторонѣ.

Безъ особеннаго труда я сдалъ эскадронъ Гусеву и недостатокъ въ имуществѣ или вѣрнѣе, пустота въ моемъ цейхгаусѣ, была отнесена въ расходъ казны. По мною лично составленному тексту я напечаталъ себѣ рядъ ниже приводимыхъ удостовѣреній, подписанныхъ Чувиковымъ, получилъ 750 рублей (полтора оклада содержанія), полагавшихся при уходѣ со службы, распрощался со своимъ начальствомъ и 30-го іюня былъ совсѣмъ готовъ къ отъѣзду.

Особенно тепло я попрощался съ П., къ которому искренно привязался за это время. Пожелавъ мнѣ счастливаго пути, онъ сказалъ мнѣ:

— Я давно понялъ, Сергѣй Владиміровичъ, для чего вы здѣсь мучились. Трудно было чего либо другого ожидать отъ офицера Крымскаго Коннаго Ея Величества полка, но васъ оставили одного, не правда ли?

Я отвѣтилъ утвердительно. П. только безнадежно махнулъ рукой. Я ему въ свою очередь пожелалъ, какъ

можно скорѣе занять тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ, подобающее мѣсто.

— На все воля Божья; если товарищи не укокошатъ, навѣрное, долго здѣсь не останусь, — отвѣтилъ онъ.

Нанесъ я также прощальный визитъ Т., оставивъ у него шифрованную записку для Соловьева съ сообщеніемъ о моемъ отъѣздѣ. Въ гостинницѣ меня до слезъ растрогалъ Ковальчукъ, онъ долго желалъ мнѣ счастливаго пути и что то усиленно сжималъ въ своей рукѣ и наконецъ, собравшись съ духомъ, протянулъ мнѣ старинный крестъ, который онъ нашелъ, копая на кирпичномъ заводѣ, со словами:

— Возьмите его у меня, онъ сохранитъ васъ!

Гдѣ то онъ теперь, этотъ хорошій, честный солдатъ, твердо почитавшій завѣты и традиціи полка, воспитавшаго его?

Въ четыре часа дня я былъ на вокзалѣ, и мнѣ сразу не повѣрилось, что поѣздъ тронулся, что насталъ счастливый моментъ и я, наконецъ, свободенъ, что кончилось мое двойственное положеніе и я снова могу свободно и легко вздохнуть и быть готовымъ къ новой работѣ на пользу и счастіе моихъ дорогихъ Ихъ Величествъ.

ГЛАВА XIII.

Смѣшанный поѣздъ, въ которомъ я ѣхалъ (онъ состоялъ изъ двухъ классныхъ вагоновъ, остальные были товарные), хотя и медленно, но все же продвигался впередъ.

Со мной оказался попутчикъ. Это былъ небольшого роста человѣкъ въ штатскомъ, брюнетъ съ выразительными черными глазами, очень нервный, все время подергивающій свою козлиную бородку.

Я поудобнѣе устроился на деревянной скамейкѣ и съ облегченнымъ чувствомъ посматривалъ въ окно и думалъ, не сонъ ли это, что я дѣйствительно удалялся отъ этого проклятаго города, который я возненавидѣлъ всей душой.

Мой визави съ любопытствомъ оглядывалъ мою полувоенную форму. Я былъ въ высокихъ сапогахъ и френчѣ англійскаго образца, сшитаго изъ шинельнаго сукна и защитной рубашкѣ, съ такимъ же воротникомъ и галстухомъ.

Узнавъ, что я бывшій офицеръ и служилъ въ красной арміи, онъ сказалъ мнѣ, что онъ тоже офицеръ, служившій во 2-мъ пулеметномъ полку въ Ораніенбаумѣ и что я долженъ былъ слышать о немъ, его фамилія была Тарасовъ-Родіоновъ. Мой новый знакомый заявилъ съ гордостью:

— Да, обо мнѣ въ газетахъ писали. Это я раскрылъ заговоръ Пуришкевича.

Я чуть не подпрыгнулъ на своемъ мѣстѣ при такой новости и въ тонъ ему отвѣтилъ:

— Какъ же, какъ же, отлично помню... Очень пріятно съ вами познакомиться.

Откровенно говоря, я объ раскрытіи этого заговора имѣлъ понятіе только по наслышкѣ и его фамиліи никогда не слыхалъ, но былъ ему несказано благодаренъ за то, что онъ такъ быстро мнѣ отрекомендовался. На душѣ все же сдѣлалось скверно. Вмѣсто ощущенія свободы, на меня снова нашла грусть и тоска. Снова приходилось двоедушничать и держать ухо востро.

Родіоновъ оказался очень образованнымъ человѣкомъ и интереснымъ собесѣдникомъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что ѣздилъ по дѣламъ въ Екатеринбургъ. Взгляды его на создавшееся положеніе поразили меня своей ясностью и строгостью оцѣнки всего совершившагося.

Не въ примѣръ своимъ товарищамъ, до хрипоты доказывающимъ, что возвратъ къ старому не возможенъ; Родіоновъ открыто говорилъ, что возвратъ будетъ, что большевизмъ падетъ, и что въ Россіи обязательно опять будетъ Царь. Видя мое удивленіе, онъ продолжалъ:

— Вы удивляетесь? Напрасно, въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ. Мы взяли верхъ благодаря тому, что монархія пала изъ-за затянувшейся и къ тому же непопулярной войны, кромѣ того она была расшатана пропагандой нашихъ сотоварищей эсъ-дековъ и эсъ-эровъ, а эти послѣдніе за 8 мѣсяцевъ своего владычества натворили столько глупостей, такъ набили оскомину россійскому обывателю, что достаточно одного пинка ноги, чтобы низвергнутъ ихъ съ высоты ихъ величія. Но это не все. Не всегда бываетъ такъ, что кто палку взялъ, тотъ и капралъ. Надо, чтобы эти новые капралы были грамотными въ томъ, что они хотятъ. Насъ, ученыхъ коммунистовъ, слишкомъ мало, одни мы ничего сдѣлать не сможемъ, интеллигенція отвернулась отъ насъ, а помощники наши въ большинствѣ случаевъ тупоголовые идіоты или мошенники, они насъ въ гробъ и вгонятъ. Большевизмъ, сравнивая его съ температурой, то подымается, то падаетъ. Не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ будутъ эти вспышки большевизма, а когда всѣ имъ переболѣютъ и окончательно убѣдятся въ правильности его теорій, то наступитъ царство большевизма во всемъ мірѣ...

Я освѣдомился у него, когда же наступитъ этотъ моментъ, онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— А такъ... Лѣтъ черезъ сто!

— Почему же вы думаете, что, въ случаѣ паденія большевизма, въ Россіи будетъ обязательно монархія?

— Да потому, что мы никому другому своихъ позицій не сдадимъ!

Я пришелъ въ недоумѣніе.

— Да, это же вполнѣ понятно: Нашими злѣйшими, или вѣрнѣе, опаснѣйшими врагами являются наши же бывшіе союзники эсъ-эры и эсъ-деки. Они до тонкости знаютъ нашу партійную организацію, нашу систему подпольной работы и, давъ имъ власть въ руки, намъ будетъ трудно ихъ свалить. Рано или поздно они сами свалятся, потому что наобѣщаютъ народу золотыя горы и ничего ему не дадутъ. Если же монархисты получатъ власть, то они хотя и смогутъ сразу удовлетворить народныя нужды, но, ручаюсь вамъ, за годъ надѣлаютъ столько ошибокъ и глупостей, перегрызутся между собой и до того измельчаютъ, что невольно снова уступятъ намъ свое мѣсто!

Не могу сказать, чтобы я былъ польщенъ, услышавъ такую оцѣнку способностей моихъ единомышленниковъ.

1-го іюля, передъ обѣдомъ, нашъ поѣздъ дотянулся до Екатеринбурга. На вокзалѣ царило сильное оживленіе: Всѣ подъѣздные пути были заняты поѣздами. Среди нихъ виднѣлись наскоро сооруженные бронированные поѣзда изъ приспособленныхъ угольныхъ платформъ съ желѣзными корытами. Масса распоясанныхъ и растерзанныхъ солдатъ шныряло по платформѣ и путямъ. Вокзалъ усиленно охранялся латышами, имѣвшими нѣсколько болѣе воинственный видъ. Всюду пестрѣли плакаты и воззванія съ лозунгами, вродѣ:

— Всѣ на фронтъ! На защиту краснаго Урала! Мы на горе всѣхъ буржуевъ мировой пожаръ раздуемъ! Будь готовъ, рабочій! и. т. д. безъ конца.

Съ вокзала я отправился прямо въ городъ. Когда я подошелъ къ дому Ипатьева, гдѣ находились Ихъ Величества, который былъ расположенъ почти въ центрѣ города и фасадомъ выходилъ на Вознесенскій проспектъ и на площадь, гдѣ находилась церковь того же наименованія, а боковымъ фасадомъ на Вознесенскую улицу, сердце мое сжалось отъ боли.

Дѣйствительно, то, что я увидѣлъ по первому взгляду, производило удручающее впечатлѣніе: Небольшой бѣлый особнякъ былъ обнесенъ бревечатымъ, наскоро сдѣланнымъ заборомъ, какъ со стороны площади, такъ и со стороны улицы. По высотѣ заборъ былъ выше оконъ дома. Со стороны площади около будокъ стояли двое часовыхъ. Со стороны улицы еще двое.

Когда я подошелъ къ самому дому, по внѣшнему ви-

ду этой охраны я смогъ убѣдиться, что, дѣйствительно, читанныя сводки и полученныя нами свѣдѣнія въ Тюмени не были преувеличенными и что эта охрана была дѣйствительно собрана изъ уголовныхъ элементовъ.

По Вознесенской улицѣ заборъ доходилъ до двора и сада, находившагося позади дома, обнесенныхъ въ свое время приличной деревянной оградой. Домъ былъ построенъ на склонѣ, и видимо, фасадъ его былъ одноэтажный, а задная часть его двухъэтажная. Въ садъ выходилъ балконъ, ввидѣ крытой терассы, на которой я увидѣлъ пулеметъ, поставленный на барьеръ, и часового около него.

Со стороны же Вознесенской улицы въ деревянномъ частоколѣ была сдѣлана калитка, черезъ которую, повидимому, и сообщались съ домомъ.

Я пробылъ въ Екатеринбургѣ до вечера. Три раза со всѣхъ сторонъ подходилъ я къ нему и убѣдился, что спасти Ихъ Величества вооруженнымъ путемъ изъ этого зданія и думать нечего!

Такая попытка неминуемо кончится Ихъ гибелью. Ипатьевскій домъ представлялъ собой западню, выхода изъ которой не было, и попытка могла имѣть шансы на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы охрана состояла на половину изъ своихъ людей, да и то эта попытка была бы подвергнута неимовѣрному риску, такъ какъ положеніе дома въ центрѣ города сильно усложняло Ихъ вывозъ.

Потрясенный до глубины души всѣмъ видѣннымъ, я вернулся на вокзалъ и явился коменданту. По представленіи своихъ документовъ, къ которымъ отнеслись очень почтительно, я получилъ ордеръ на мѣсто въ делегатскомъ поѣздѣ, везшимъ делегатовъ отъ мѣстныхъ совдеповъ на пятый съѣздъ совѣтовъ въ Москву.

Это мнѣ было очень на руку, такъ какъ этотъ поѣздъ былъ лучше другихъ. Вообще же пассажирское движеніе было крайне неправильнымъ, что было, положимъ, въ порядкѣ вещей, но въ послѣднее время оно еще болѣе ухудшилось изъ-за подвоза красноармейцевъ на „сибирскій фронтъ".

Въ вагонѣ я немного пришелъ въ себя. Все видѣнное мною настолько ужасно, что единственнымъ моимъ желаніемъ было, какъ можно скорѣе добраться до Петербурга и заставить понять организацію въ лицѣ Маркова 2-ого, что другого выхода нѣтъ, какъ мольба къ нѣмцамъ о немедленной помощи. Если же имъ не удастся вырвать Ихъ Величества изъ Екатеринбурга, то Императорская Семья обречена на погибель...

Объ этомъ не могло быть двухъ мнѣній. Намъ нечего было скрывать отъ нѣмцевъ, что мы сами не смогли и не

сумѣли обезопасить и спасти Ихъ Величествъ; почему и отчего — это иной вопросъ, но разъ надъ большевиками нѣтъ другой власти, какъ власти нѣмецкаго штыка, намъ надо безъ всякихъ разговоровъ къ нему и обратиться! Иного выхода нѣтъ!

Съ этой мыслью я прибылъ въ Петербургъ 7-го іюля, то есть послѣ недѣльнаго пути и это при условіи, что я могъ пользоваться наилучшими способами передвиженія!

Я сразу же отправился на знакомую квартиру на Васильевскомъ островѣ. Когда я позвонилъ и мнѣ открыли дверь, еще въ переднюю ко мнѣ выбѣжала старушка, хозяйка квартиры, которая, увидѣвъ меня, въ ужасѣ замахала руками и, волнуясь, сообщила, что я долженъ, какъ можно скорѣе уходить, такъ какъ домъ находится подъ наблюденіемъ и что въ немъ неоднократно были обыски. Маркову 2-ому и Виктору Павловичу едва удалось бѣжать и во время одного изъ обысковъ арестовали Сѣдова, бывшаго у нихъ случайно по дѣлу, но, продержавъ его въ Крестахъ около мѣсяца, его, къ счастью выпустили.

Я былъ, какъ громомъ пораженъ, этими новостями! И тутъ произошло несчастіе! Намъ фатально не везло! Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ поспѣшно покинуть этотъ домъ, и я, умышленно исколесивъ Васильевскій островъ на трамваѣ по разнымъ направленіямъ, только черезъ нѣсколько часовъ попалъ домой.

На слѣдующее утро у меня былъ Сѣдовъ, узнавшій о моемъ пріѣздѣ и который разсказалъ мнѣ, что недѣлю послѣ его пріѣзда изъ Тюмени онъ былъ арестованъ во время обыска въ домѣ, гдѣ мы собирались. Марковъ 2-ой и Соколовъ случайно въ это время отсутствовали. Они были своевременно предупреждены о случившемся и успѣли скрыться въ окрестностяхъ Петербурга. Онъ полагалъ, что Марковъ 2-ой находится, должно быть, въ Финляндіи, такъ какъ онъ, при всемъ желаніи, вотъ уже около двухъ недѣль никакъ не можетъ встрѣтиться съ нимъ.

Еще до своего ареста Сѣдовъ успѣлъ информировать Маркова 2-ого о положеніи, которое создалось въ связи съ переводомъ Императорской Семьи въ Екатеринбургъ, но никакихъ положительныхъ результатовъ отъ его бесѣды не видѣлъ. Все шло по старому... Марковъ 2-ой заявилъ ему, что у него до сего дня не было средствъ для отправки людей, что, когда онъ ихъ достанетъ, то все пойдетъ по намѣченному плану ... Сѣдовъ говорилъ также, что Марковъ 2-ой предпринималъ рѣшительные шаги лѣтомъ для спасенія Ихъ Величествъ воднымъ путемъ, но что перевозъ Ихъ Величествъ въ корнѣ разрушилъ всѣ его разсчеты.

Сѣдова же спасли отъ вѣрной смерти при арестѣ его тюменскіе документы. Онъ сумѣлъ доказать товарищамъ, что приходилъ въ домъ, гдѣ его арестовали, наниматься къ хозяйкѣ на черную работу, и они его выпустили изъ Крестовъ за десять дней до моего пріѣзда.

Единственнымъ его желаніемъ является теперь возвращеніе въ Екатеринбургъ, дабы быть вблизи къ Ихъ Величествамъ.

Я разсказалъ Сѣдову обо всемъ, что произошло въ Тюмени послѣ его отъѣзда, о моихъ Екатеринбургскихъ впечатлѣніяхъ и сообщилъ ему свое мнѣніе, что только Германія въ данный моментъ въ состояніи вмѣшаться въ судьбу Императорской Семьи. Если и мнѣ не удастся установить связи съ Марковымъ 2-ымъ и добиться отъ него рѣшительныхъ шаговъ въ пользу Ихъ Величествъ у нѣмцевъ, съ которыми онъ, вѣроятно, имѣетъ связь, то я самъ, на свой рискъ, обращусь къ Брату Императрицы, Великому Герцогу Эрнсту Людвигу Гессенскому, съ просьбой о немедленной помощи, изложивъ чистосердечно все мною видѣнное за мое пребываніе въ Сибири. На мой вопросъ, не знаетъ ли Сѣдовъ о томъ, что, быть можетъ, Марковъ 2-ой все же вошелъ по этому поводу въ связь съ нѣмцами, онъ отвѣтилъ мнѣ отрицательно, такъ какъ о чемъ либо подобномъ онъ отъ Маркова 2-ого не слышалъ.

Его желаніемъ было, какъ можно скорѣе связаться съ передовыми отрядами наступавшихъ на Екатеринбургъ казачьихъ частей, найти среди нихъ единомышленниковъ и при помощи ихъ вырвать Царскую Семью изъ рукъ большевиковъ. Онъ вполнѣ соглашался со мной, что налетъ на Ипатьевскій домъ не возможенъ, что въ случаѣ, если Екатеринбургу будетъ угрожать опасность, то большевики въ первую очередь вывезутъ изъ него Ихъ Величества, и тогда, во время перевоза, быть можетъ возможно будетъ попытаться Ихъ спасти.

Я слабо вѣрилъ въ возможность осуществленія такого плана. Большевики произвели бы вывозъ Ихъ Величествъ по желѣзной дорогѣ, а для этого нужно было бы сдѣлать молніеносный глубокій прорывъ въ тылъ Екатеринбургу, дабы не дать возможности далеко вывезти Императорскую Семью. Все это очень сложно, но, въ крайнемъ случаѣ, можно было и на это рѣшиться. Я лично видѣлъ главную опасность въ томъ, что по сей день Ихъ Величествъ не вывезли изъ Екатеринбурга и Они продолжали находиться въ рукахъ сибирскихъ каторжниковъ.

Я не сталъ разубѣждать Сѣдова и пожелалъ ему счастливаго пути и полнаго успѣха.

Прошло ужъ почти десять лѣтъ съ того дня, какъ я видѣлся въ послѣдній разъ съ моимъ однополчаниномъ и другомъ. Какъ часто вспоминаю я этого рыцаря безъ страха и упрека, искренно и безкорыстно преданнаго Ихъ Величествамъ!

А. Вырубова, которую я навѣстилъ въ первый же день своего пріѣзда и которой я разсказалъ о всѣхъ своихъ мытарствахъ, переживаніяхъ и впечатлѣніяхъ, была въ полномъ отчаяніи. Я передалъ ей полученную мною для нея отъ Государыни открытку, и мнѣ было искренно, до глубины души жаль и тяжело было видѣть муки этой несчастной женщины. Что могла сдѣлать для Ихъ Величествъ эта больная страдалица, съ трудомъ передвигавшаяся на костыляхъ, безъ всякихъ средствъ и имѣвшая такъ мало друзей!

Она мнѣ передала, что послѣ моего отъѣзда въ Сибирь она потеряла всякую связь съ Марковымъ 2-ымъ, Гринвальдъ и Андреевскій къ ней не явились, и она не знаетъ, уѣхали ли они въ Сибирь. Также и Сѣдовъ, котораго я спрашивалъ о нихъ, ничего не могъ мнѣ сказать.

Я попытался связаться съ Марковымъ 2-ымъ черезъ посредство одного офицера Гвардейскаго экипажа, имѣвшаго съ нимъ связь, но безуспѣшно, такъ какъ онъ не зналъ его мѣстопребыванія.

Тогда я обратился къ тому лицу, на квартирѣ котораго произошло знакомство А. Вырубовой съ Марковымъ 2-ымъ. Я его подробно информировалъ о положеніи Императорской Семьи и онъ, согласившись со мной, что нужно обратиться къ нѣмцамъ, обѣщалъ все мной ему сообщенное передать какъ графу Бенкендорфъ, такъ и графу Фредериксъ, жившихъ въ то время въ Петербургѣ и попросить ихъ предпринять въ германскомъ генеральномъ консульствѣ соотвѣтствующіе шаги.

Я до сего дня не знаю, предпринимали ли что нибудь въ этомъ направленіи упомянутыя лица. Не вѣря больше ничьимъ обѣщаніямъ, я сталъ искать связи нѣмцами самъ, но это было далеко не легко.

Генеральный консулъ былъ въ отсутствіи. Нужно было найти ходъ къ одному изъ чиновниковъ консульства. Я старался найти среди своихъ знакомыхъ кого нибудь, знающаго или знакомаго съ кѣмъ нибудь изъ консульскаго персонала.

Петербургъ въ эти дни еще не успѣлъ пріобрѣсти ярко большевицкаго характера, развѣ только, что онъ сдѣлался еще грязнѣе. Голодъ давалъ себя сильно чувствовать. Я, благодаря своимъ документамъ, получалъ продукты по 2-ой

категоріи [1]. Положимъ, это слишкомъ громко сказано, такъ какъ продукты заключались въ хлѣбѣ въ количествѣ ½ фунта и 2-хъ сельдей. Хлѣбъ былъ отвратительный суррогатъ: смѣсь муки, овса, соломы и другихъ мало извѣстныхъ примѣсей! Но за деньги можно было купить все, включительно до самыхъ изысканныхъ деликатесовъ. Цѣны стояли феерическія, какъ напримѣръ: кусокъ колотаго сахара, равный приблизительно 4-мъ кускамъ пиленнаго, стоилъ 1 р. 50 к., 1 коробка шпротъ 10 р., приличный обѣдъ отъ 50 до 60 рублей.

Я питался по карточкѣ въ совѣтской столовой, помѣщавшейся въ кафе „Ампиръ“ на Садовой улицѣ, за 3 р. 50 к. и получалъ неизмѣнно отвратительную похлебку, на второе селедку съ картофелемъ, а въ лучшемъ случаѣ, зеленый борщъ и на третье гречневую кашу!

Принимая во вниманіе, что въ то время 1 рубль былъ равенъ одному швейцарскому франку, можно себѣ представить дѣйствительную высоту тогдашнихъ цѣнъ въ золотой валютѣ.

Вечеромъ я дома, на „хлопкожирѣ (суррогатъ изъ хлопковаго масла, замѣнявшій съ грѣхомъ пополамъ масло) жарилъ картофель, очищая его отъ кожуры, которую на слѣдующее утро утилизировалъ, пропуская черезъ мясорубку и изъ полученной каши дѣлалъ оладьи... Гнилой картофель стоилъ 5 рублей пудъ! Такъ питался счастливый, совѣтскій Петербургъ въ памятное лѣто 1918-го года!

20-го іюля я шелъ послѣ обѣда по Литейному къ Невскому. Когда я подходилъ, я замѣтилъ на перекресткѣ какое то необычайное скопленіе публики. Мальчишки, газетчики, цѣлыми массами бѣжали по Невскому, оглашая воздухъ своими криками. Толпа, что называется, рвала у нихъ газеты изъ рукъ.

Э-к-с-т-р-е-н-ы-й выпускъ! Разстрѣлъ бывшаго Царя въ Екатеринбургѣ! Смерть Николая Романова!

Я на минуту, какъ бы одеревѣнѣлъ, и мнѣ едва не сдѣлалось дурно...

Итакъ, первая часть величайшей трагедіи кончилась! Государь погибъ!...

— Въ ночь на 17-ое іюля по приговору Екатеринбургскаго областного совѣта разстрѣлянъ бывшій Царь Николай Романовъ. Семья Его перевезена въ надежное мѣсто. —

---

[1] Въ то время большевики раздѣлили Петербургское населеніе на три категоріи: 1-ая категорія объединяла собой чистокровныхъ пролетаріевъ, 2-ая совѣтскихъ работниковъ, а 3-ья буржуевъ и имъ подобныхъ, коимъ вообще было отказано въ правѣ питаться, такъ какъ имъ по ихъ карточкамъ продуктовъ никогда не выдавали.

Вотъ, что я прочелъ въ купленной газетѣ. Коротко, цинично и ясно.

Ни слова, почему и за что!...

Я посмотрѣлъ на окружавшую меня толпу. На всѣхъ лицахъ я видѣлъ печатъ тоски и отчаянія. Всѣ молчали, боясь комментировать это кошмарное извѣстіе. Всѣ по горькому опыту убѣдились, что совѣтскіе шпики шныряютъ повсюду. Но все же я услышалъ голоса, выражавшіе недовѣріе по поводу полученнаго извѣстія. И на всемъ протяженіи Невскаго я замѣтилъ въ толпѣ растерянность и повышенную нервностъ. Часовня около Гостиннаго Двора, куда я зашелъ, была переполнена молящимися. Въ ней были и простолюдины и интеллигенты. Она была ярко освѣщена сотнями только что поставленныхъ свѣчей. Поставленныхъ за укокой души Царя Великомученника... Многія женщины плакали навзрыдъ. Я не помню, какъ дошелъ домой. Чаша переполнилась. Я бросился на кровать и зарыдалъ, какъ маленькій ребенокъ...

ГЛАВА XIV.

Одному Богу извѣстно, что я пережилъ въ послѣдующіе дни. Шаги, предпринятые мною въ первые дни моего пріѣзда для установлинія связи съ Германскимъ консульствомъ, дали свои положительные результаты только лишь 22-го іюля. Я себѣ представить не могъ, что это займетъ столько времени. Мнѣ пришлось перебывать у цѣлаго ряда лицъ, прежде чѣмъ мнѣ было указано лицо, къ которому я могъ обратиться и откровенно разсказать о своемъ желаніи.

И такъ 22-го іюля, получивъ соотвѣтствующія рекомендаціи, я познакомился съ чиновникомъ Германскаго Генеральнаго Консульства Германомъ Шиль. Свиданіе наше состоялось въ уютной гостиной въ зданіи Шведскаго Посольства, на Дворцовой Набережной, гдѣ въ то время помѣщалось одно изъ отдѣленій Германскаго Консульства.

Я съ полной откровенностью разсказалъ ему, кто я, и о своихъ взаимоотношеніяхъ съ Императорской Семьей, о своей поѣздкѣ въ Тобольскъ, о службѣ въ красной арміи и Екатеринбургскихъ впечатлѣніяхъ. Шиль выслушалъ меня очень внимательно, и видимо, близко къ сердцу принялъ все мною разсказанное и съ величайшей готовностью согласился переслать мое письмо Великому Герцогу.

Не безъ стыда разсказалъ я ему о нашихъ попыткахъ къ спасенію Ихъ Величествъ и о результатахъ, достигнутыхъ въ этомъ направленіи Марковской организаціей. Когда же на его вопросъ, почему же организація не предпри-

няла рѣшительныхъ шаговъ для освобожденія Царской Семьи, я отвѣтилъ, что у нея не было къ этому достаточныхъ средствъ. Шиль развелъ руками и у него могло только вырваться: — Unglaublich!

Я ему отвѣтилъ, что по моему, это тоже больше чѣмъ невѣроятно, но разъ это такъ, разъ мы, русскіе, ничего не могли сдѣлать для спасенія своего Императора, то мнѣ не только какъ человѣку безконечно преданному Ихъ Величествамъ, но и какъ офицеру Шефскаго Полка не остается ничего другого, какъ исполнить свой послѣдній долгъ передъ Ея Величествомъ, обратившись за помощью къ Ея Августѣйшему Брату, который одинъ только можетъ вмѣшаться въ судьбу своей Сестры-Мученицы и Ея не въ чемъ неповинныхъ Дѣтей!

Шиль вполнѣ согласился со мной и замѣтилъ, что онъ увѣренъ, что не только Великій Герцогъ, но и сестра Государыни, Принцесса Ирена Прусская, и въ мысляхъ себѣ представить не могли и не могутъ, насколько Семья Русскаго Императора была одинока въ своемъ заключеніи, и что все, что было сдѣлано для нея какъ отдѣльными лицами, такъ и организаціями ограничилось посылкой нѣсколькихъ лицъ и небольшого количества предметовъ первой необходимости . . .

Предложивъ мнѣ столъ для составленія письма въ сосѣднемъ кабинетѣ, онъ прибавилъ, что его еще особенно поражаетъ, что идея обращенія къ Родственникамъ Государыни пришла только мнѣ, что же думали руководители организаціями, видя, что положеніе Ихъ Величествъ ухудшается съ каждымъ днемъ, а они безсильны помочь Ей? Почему же, хотя бы Марковъ 2-ой, взявшій на себя моральную отвѣтственность по охраненію Царской Семьи, еще въ февралѣ или мартѣ не обратился за помощью къ Родственникамъ Императрицы?

Мнѣ пришлось отвѣтить, что мнѣ, какъ рядовому члену организаціи, не дано право много знать и что я вѣрилъ, что Маркову 2-му удастся создать ядро вѣрныхъ людей, готовыхъ на все, и своевременно перебросить ихъ въ Сибирь, не говоря уже о пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ. О дѣйствительномъ положеніи Марковской организаціи, какъ мнѣ казалось, наиболѣе была освѣдомленна Ю. Денъ и разъ она рѣшилась сообщить Ея Величеству, что, наконецъ, нашелся человѣкъ, на котораго можно положиться, какъ на каменную гору, то не мнѣ было сомнѣваться въ правильности ея информаціи, хотя я и неоднократно выражалъ ей свои опасенія за судьбу Царской Семьи, въ особенности послѣ ея возвращенія изъ Петербурга, когда выяснилось, что Марковъ 2-ой за четырехмѣсячное пребываніе Ихъ Ве-

личествъ въ Тобольскѣ смогъ отправить туда только одного Сѣдова.

Шиль ничего не отвѣтилъ мнѣ на это и, пожавъ плечами, вышелъ изъ кабинета, оставив меня одного.

Мое письмо къ Великому Герцогу было похоже на подробный обстоятельный докладъ. Понятно, что копіи письма я не могъ сохранить, и теперь, по прошествіи 10 лѣтъ, мнѣ не возможно въ точности возстановить на память все мною написанное, но содержаніе его по пунктамъ было слѣдующимъ:

1. Моя автобіографія, причины моей поѣздки въ Тобольскъ.

2. То, что мнѣ пришлось видѣть и пережить съ 1-го марта сего года по 1-ое іюля н. с.., дня моего пріѣзда въ Екатеринбургъ.

3. Что было сдѣлано нами и организаціей Маркова 2-ого по дѣлу охраненія и помощи Царской Семьѣ.

4. Каковы были результаты.

5. Мое мнѣніе о положеніи Ея Величества и Августѣйшихъ Дѣтей послѣ трагической гибели Государя.

6. Указаніе на полную нашу несостоятельность и невозможность чѣмъ либо помочь Имъ.

7. Объясненіе, почему только Германія можетъ помочь Ея Величеству.

8. Указаніе (что особенно подчеркнуто) желательности вывоза Ея Величества и Дѣтей въ одну нейтральныхъ странъ, или, если возможно, въ Крымъ.

9. Указаніе на то, что я дѣйствую, исключительно, по собственной иниціативѣ и никакихъ полномочій отъ Ея Величества не имѣю.

10. Въ заключеніе, я еще разъ подчеркивалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ весь трагизмъ положенія, въ которомъ находилась Ея Величество, и поэтому позволялъ себѣ настаивать на безотлагательной и срочной помощи и энергичной интервенціи Его Высочества по этому вопросу.

11. Заканчивая свое письмо, я указалъ, что мое дальнѣйшее пребываніе въ Петербургѣ я считаю для себя не только безплоднымъ, но и не безопаснымъ. Моимъ единственнымъ желаніемъ является личный докладъ Его Высочеству обо всемъ, что я вкратцѣ изложилъ въ своимъ письмѣ. Письмо мое было Шилемъ лично запечатано и 23-го іюля отправлено черезъ дипломатическаго курьера въ Германію для немедленной доставки по назначенію.

Объ этомъ письмѣ и отправкѣ его я сообщилъ тому лицу, которое обѣщало мнѣ переговорить съ графомъ Бенкендорфъ по поводу моего пріѣзда. Узнавъ объ этомъ, онъ

выразилъ свое крайнее удивленіе моей смѣлости. Я былъ пораженъ.

— Неужели мои года и чинъ могутъ служить препятствіемъ исполненію моего долга и священной обязанности? съ изумленіемъ спросилъ я его.

— Да нѣтъ, что вы! Это право каждаго человѣка обращаться къ Высочайшимъ Особамъ. Но, вѣдь въ письмѣ вы написали свою фамилію?

Я ничего не понималъ.

— Не только фамилію, но и біографію, такъ же и адресъ.

— Ну вотъ... А представьте, что большевики арестуютъ курьера и найдутъ у него ваше письмо?

— Это мало вѣроятно, но, если даже и такъ?

— Да васъ же поймаютъ и разстрѣляютъ.

Я не выдержалъ и выпалилъ, совершенно не считаясь ни съ возрастомъ, ни съ положеніемъ, которое въ свое время занималъ мой собесѣдникъ:

— Знаете, если и въ этомъ случаѣ, страха ради Іудейскаго и опасаясь за свою шкуру, не протянемъ руку помощи несчастной Государынѣ, Наслѣднику и Великимъ Княжнамъ и не сдѣлаемъ послѣдней попытки помочь Имъ, то что же мы за люди послѣ этого и какого названія мы заслуживаемъ?

Для того, чтобы получить документы на право выѣзда изъ Совдепіи, я рѣшилъ было украинизироваться, но, когда я пошелъ къ зданію, въ которомъ помѣщалось Украинское Консульство, и пытался неудачно проникнуть въ него черезъ толпу въ нѣсколько сотъ человѣкъ, я эту идею отбросилъ. Прочитавъ въ газетѣ, что въ Петербургѣ организовался Крымскій Комитетъ съ правами консульства, регистрировавшій уроженцевъ Крыма, въ то время объявившаго себя самостоятельнымъ и выдававшаго уроженцамъ его документы для проѣзда на родину, я рѣшилъ обратиться туда. Комитетъ помѣщался въ бывшей конторѣ „Вечерняго Времени“ на Невскомъ, гдѣ я узналъ, что для того, чтобы быть принятымъ въ Крымское подданство, мнѣ надлежитъ представить документы о своемъ рожденіи въ Крыму и долгомъ проживаніи тамъ а также получить согласіе предсѣдателя Комитета, Сенатора Султанъ-Крымъ-Гирея.

Я отправился къ нему на квартиру. Онъ очень любезно принялъ меня и разспросивъ меня о томъ, кто я и что я, сразу же приказалъ дать мнѣ проѣздное свидѣтельство. Это былъ замѣчательный документъ, который мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось сохранить, отпечатанный по русски, нѣмецки и украински. Особенно интересна была печать на немъ съ изображеніемъ Крымскаго полуострова, вмѣсто герба,

такъ какъ о томъ, какъ долженъ выглядѣть гербъ новаго государства, его представители въ Петербургѣ, видимо, представленія не имѣли.

До своего отъѣзда я нѣсколько разъ видѣлся съ Шиль. Отвѣта отъ Великаго Герцога еще не было. Шиль подтверждалъ мнѣ, что Ея Величество и Августѣйшія Дѣти были вывезены изъ Екатеринбурга 17-го іюля и въ данное время находятся въ раіонѣ Пермской губерніи. Таковы были свѣдѣнія, полученныя Консульствомъ изъ Москвы отъ Германскаго Посольства.

Въ газетахъ о смерти Государя и вообще по этому поводу писать совершенно прекратили, видимо, по приказанію свыше. Большевики воочію могли убѣдиться, какое ужасное, отвратительное впечатленіе произвело на Петербуржцевъ ихъ кошмарное злодѣяніе.

3-го августа я черезъ Шиль отправилъ второе коротенькое письмо къ Великому Герцогу съ приложеніемъ двухъ рисунковъ, которые я сдѣлалъ по памяти, изображавшихъ тѣ два дома, гдѣ жили Ихъ Величества въ Тобольскѣ и Екатеринбургѣ.

Навѣщалъ я также и несчастную А. Вырубову. Ко всѣмъ ея горестямъ и жизненнымъ невзгодамъ прибавились еще болѣзнь ея матери, добрѣйшей и симпатичнѣйшей Надежды Илларіоновны.

А. Вырубова вполнѣ одобрила посылку мною письма Великому Герцогу. Отъѣзду мой тормозился изъ-за отсутствія средствъ на дорогу.

Деньги, полученныя въ Тюмени, приходили къ концу. Меня выручилъ милѣйшій Шиль, узнавшій о моихъ затрудненіяхъ, и ссудилъ меня 1500 р. на дорогу, и 14-го августа я смогъ, наконецъ, вырваться изъ Петербурга и безъ особыхъ приключеній подъ вечеръ 15-го пріѣхалъ въ Оршу.

ГЛАВА XV.

Будучи еще въ Петербургѣ, я читалъ въ газетахъ о жизни, порядкахъ и нравахъ въ Оршѣ, пограничной станціи новой великой коммунистической Россіи. Описанія были довольно откровенны, такъ какъ я читалъ буржуазныя газеты, вѣ то время еще съ грѣхомъ пополамъ выходившія и кое какъ прозябавшія подъ неумолимымъ окомъ новѣйшей цензуры. Правда, ихъ закрывали почти немедленно за каждый пустякъ, или облагали непомѣрными штрафеми, но окончательно ихъ удушить товарищи еще не рѣшались, вѣрнѣе конфузились. Бывало, читаешь сегодня, предположимъ, „Петроградскій Листокъ“, а завтра, смотришь, его ужъ и въ

поминѣ нѣтъ, кончился, голубчикъ, а на его мѣстѣ „Петроградское Утро“, послѣзавтра „День“, потомъ „Вечеръ“, „Эхо“, „Часъ“ и. т. д. до безконечности.

Вскорѣ послѣ моего отъѣзда, какъ мнѣ передавали позднѣе меня вырвавшіеся изъ Совдепіи, большевики конфузъ свой спрятали въ карманъ, и плюнули, такъ сказать, прямо въ лицо всѣмъ обѣщаннымъ свободамъ и окончательно задушили свободное слово.

Въ этихъ газетахъ сообщалось о кошмарныхъ условіяхъ жизни многихъ тысячъ бѣженцевъ изъ Польши, жаждавшихъ вернуться въ родные края, громаднаго количества украинцевъ, вѣрнѣе, просто русскихъ, спасающихся отъ прелестей совѣтскаго рая, и большого скопленія военноплѣнныхъ какъ русскихъ, такъ и нѣмецкихъ, стремящихся скорѣе вернуться на родину.

Газеты не преувеличивали. До нельзя загрязненная станція была забита многотысячнымъ людомъ, всѣ пути заставлены поѣздами, но движенія никакого не замѣчалось. Всюду на видныхъ мѣстахъ висѣли надписи: — Граница временно закрыта.

Какъ мнѣ сказали, это „временно“ продолжается уже недѣлю, но вскорѣ ожидается открытіе границы. Объясняли это обстоятельство на всѣ лады, но самымъ правдоподобнымъ было объясненіе, что у нѣмцевъ съ товарищами вышли недоразумѣнія. Пропускались съ обѣихъ сторонъ только санитарные поѣзда. Граница, какъ ее тутъ всѣ называли, вѣрнѣе сказать, демаркаціонная линія начиналась въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ вокзала. Орша-пассажирская была въ предѣлахъ Совдепіи, Орша-товарная была уже въ рукахъ нѣмцевъ. Демаркаціонная линія была весьма ясно обозначена высокой оградой, метра въ три вышиной, изъ колючей проволоки, весьма солидно и прочно построенной. Ограда эта тянулась направо и налѣво отъ вокзала, сколько глазу было видно. За ней стояли нѣмецкіе посты, приблизительно по одному часовому на каждые сто пятьдесятъ шаговъ.

Повидимому, германская каска была въ большомъ респектѣ — къ оградѣ и на 10 шаговъ никто не подходилъ.

Съ нашей стороны часовыхъ не было, и только изрѣдка вдоль ограды проходили патрули какихъ то оборванцевъ въ полувоенной формъ съ винтовками, болтавшимися на веревкахъ за правымъ плечомъ, вмѣсто ремня. Во время осмотра мною демаркаціонной линіи, проходя недалеко отъ забора по тропинкѣ, ведшей къ пропускному пункту, я наткнулся на такой патруль. Съ нѣмецкой стороны до меня донеся такой діалогъ:

— Du, Karl, was für Halunken sind das?

Я увидѣлъ здоровеннаго нѣмца въ каскѣ, видимо, только что пріѣхавшаго сюда и съ удивленіемъ смотрѣвшаго на нашихъ красавцевъ, проходившихъ мимо него. Его сосѣдъ Карлъ отвѣтилъ ему: :

— Das sind keine Halunken, das ist die russische Grenzwache!

— Ah, so... Und ich dachte... — вырвалось у него и онъ мѣрно и тяжело зашагалъ по своему участку.

Что думалъ этотъ нѣмецъ, онъ не сказалъ, но не трудно было догадаться, за кого могъ принять нашихъ товарищей этотъ бравый нѣмецъ и что онъ о нихъ подумалъ. Послѣ фронта я впервые видѣлъ нѣмцевъ, такъ сказать, на мирномъ положеніи, но, когда услышалъ этотъ разговоръ, сердце мое облилось кровью, сдѣлалось нудно и обидно на душѣ... До чего мы дожили? Какой позоръ!

Когда я подошелъ къ пропускному пункту, устроенному на шоссе для проходящихъ границу пѣшкомъ и на лошадяхъ, я увидѣлъ огромныя ворота въ ширину шоссе и рядомъ съ ними калитку съ вертушкой передъ воротами. За ними стояли усиленные наряды часовыхъ, а въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ былъ выстроенъ прехорошенькій деревянный домикъ, гдѣ, видимо, помѣщался караулъ и начальникъ пропускного пункта. Около калитки стояла большая очередь разнообразнаго люда, стремившагося попасть на нѣмецкую сторону. Нѣсколько унтеръ-офицеровъ и фельдфебелей очень тщательно контролировали документы и по очереди пропускали столпившихся. Я ужъ было обрадовался, что, быть можетъ, здѣсь мнѣ удастся проскочить, но на мой вопросъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ очень любезно отвѣтилъ:

— Ausgeschlossen! Hier läßt man nur die Grenzbewohner durch!

Потерпѣвъ неудачу, я вернулся на вокзалъ. Въ это время на нѣмецкую Оршу подходилъ санитарный поѣздъ съ нѣмецкими военноплѣнными. Изъ открытыхъ оконъ вагоновъ слышались веселые голоса, возгласы, крики и неслось пѣніе: „Deutschland, Deutschland über alles!“

Многіе солдаты высовывались въ окна, махали платками и своими шапочками. Доносились прощальные крики, вродѣ „прощайте, товарищи“, съ прибавленіемъ трехъэтажнаго непечатнаго ругательства... Такъ поминали нѣмцы нашихъ товарищей, давшихъ имъ возможность вернуться на родину за ихъ доблести!

Поѣздъ быстро проходилъ мимо вокзала и вскорѣ за нимъ мелькнули два глаза красныхъ фонарей и онъ скрылся въ Нѣмецкой Оршѣ, провожаемый съ нашей стороны тысячами завистливыхъ глазъ.

Я уже собрался войти въ заплеванный залъ 1-го и 2-го

класса, какъ увидѣлъ длинную фигуру германскаго офицера въ гусарскомъ доломанѣ, цвѣтной фуражкѣ, мѣрно прохаживавшагося съ папиросой въ зубахъ и стэкомъ въ рукахъ по перрону.

Еще въ Петербургѣ среди разныхъ замѣтокъ объ Оршѣ, я прочелъ, что эувакуаціей нѣмецкихъ военноплѣнныхъ въ Оршѣ завѣдуетъ гусарскій офицеръ фонъ Боденъ.

Я рѣшилъ итти на проломъ, такъ какъ другого способа вырваться отсюда не было и, подойдя, обратился къ нему по нѣмецки:

— Verzeihen Sie bitte, Herr Leutnant, darf ich Ihnen ein paar Worte sagen?

Онъ вздрогнулъ и обернулся.

— Was wünschen Sie denn?

— Ich bin russischer Offizier und reise von Petersburg zu S. K. H. Großherzog von Hessen in wichtiger Angelegenheit.

Говорилъ я почти шепотомъ, на лицѣ нѣмца не выразилось на малѣйшаго удивленія.

— Haben Sie Dokumente?

— Jawohl.

— Morgen um 10 Uhr kommen Sie zu der Demarkationslinie!

Онъ повернулся налѣво кругомъ и тихими шагами, пощелкивая себя стэкомъ по сапогу, какъ ни въ чемъ ни бывало, пошелъ дальше по перрону.

Перемучившись всю ночь на твердой скамьѣ, чемоданъ я сдалъ на храненіе (тогда это еще существовало!) и собирался уже пройти къ пропускному пункту, какъ вдругъ услышалъ недалеко отъ себя разговоръ, изъ котораго понялъ, что кое кого большевики пропускаютъ, но для этого надо сходить въ мѣстечко и исхлопотать себѣ въ мѣстномъ совѣтѣ пропускъ.. Его даютъ, но это стоитъ денегъ. Я принялъ это къ свѣдѣнію и безъ четверти десять былъ около завѣтныхъ воротъ. Съ нѣмецкой аккуратностью (часы мои показывали ровно 10-ть часовъ) изъ сторожки вышелъ офицеръ, съ которымъ я вчера говорилъ, подошелъ къ воротамъ, сдѣлалъ знакъ часовому, ворота пріоткрылись и, еще одинъ шагъ, и я оказался на нѣмецкой сторонѣ.

Я пошелъ за лейтенантомъ къ сторожкѣ и, когда вошелъ туда, то въ одной изъ комнатъ засталъ еще двухъ офицеровъ, капитана генеральнаго Штаба и поручика въ формѣ летчика.

Офицеры представились мнѣ. Лейтенантъ, который привелъ меня, какъ я и не ошибся, оказался фонъ Боденомъ, тѣмъ, о которомъ я читалъ въ газетахъ. Фамиліи другихъ я сейчасъ не помню. Капитанъ попросилъ у меня документы. Когда я вынималъ ихъ (они были у меня весьма

аккуратно спрятаны), то летчикъ, наблюдая мои манипуляціи, одобрительно покачалъ головой и замѣтилъ:

— Sehr gut! Tadellos! So ähnlich habe auch ich gemacht, als ich in London war.

Когда офицеры убѣдились въ подлинности моихъ документовъ, а особенно, когда увидѣли два удостовѣренія Германскаго Императорскаго Консульства въ Петербургѣ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что 26-го іюля и 5-го августа мною отправлены два письма на Имя Великаго Герцога, они сдѣлались предупредительно любезными, разспросили меня о цѣли моей поѣздки, при чемъ капитанъ попросилъ информировать ихъ командованіе въ Оршѣ о моихъ Петербургскихъ впечатлѣніяхъ вообще, и о жизни въ Совдепіи въ частности. Мнѣ дали одного солдата въ провожатые и я, распрощавшись съ ними, отправился въ Штабъ Командованія.

Онъ находился, приблизительно, въ верстѣ отъ пропускного пункта. На большой полянѣ, среди лѣса, недалеко отъ станціи Орша-Товарная, нѣмцы за ихъ пребываніе построили цѣлый городокъ, состоящій изъ солидныхъ деревянныхъ домовъ и легкихъ досчатыхъ бараковъ, идеально распланированныхъ между широкими улицами съ электрическимъ освѣщеніемъ. Передъ домами, почти всюду, виднѣлись палисадники съ зеленью и цвѣтами. Чистота всюду стояла удивительная. Были также и магазины, около которыхъ толпились солдаты: книжная торговля со свѣжими газетами, галантерейный магазинъ, мануфактурная и сапожная торговли. На улицахъ виднѣлись надписи, вродѣ:

„Kaiser-Wilhelm-Straße“, „Hindenburg-Straße“ и т. д.

А на домахъ вывѣски:

„Verbindungsoffizier“. „Garnisonsverwaltung“

и стрѣлки съ надписями:

Zur Kommandatur и др.

Густыми пачками тянулись повсюду телеграфные и телефонные провода. Мой проводникъ проводилъ меня въ Комендатуру и мы остановились передъ дверью съ плакатомъ:

„Kommandatur“.

Солдатъ пошелъ обо мнѣ доложить, вскорѣ вернулся и я очутился передъ хозяиномъ комнаты, высокимъ, здоровымъ лейтенантомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ съ неизмѣнной сигарой въ зубахъ.

Узнавъ, по какому дѣлу я пришелъ, онъ любезно пригласилъ меня сѣсть, взялъ листъ бумаги и сталъ на немъ записывать мои разсказы и впечатлѣнія, полученныя мною въ Совдепіи, и о порядкахъ, царящихъ по ту сторону колючей проволоки. На его вопросъ, какъ относятся въ Россіи

къ нимъ, нѣмцамъ, я чистосердечно отвѣтилъ, что за навязанный намъ Брестскій миръ не хвалятъ, Антанта имѣетъ много сторонниковъ, но, не смотря на это, мы ждали нѣмцевъ во время наступленія ихъ на Петербургъ въ январѣ и февралѣ, какъ избавителей и, если бы ни взяли тогда Петербургъ, то имъ усыпали бы путь цвѣтами и всячески облегчили бы ихъ дѣйствія, направленныя противъ большевиковъ. Теперешняя ихъ политика въ отношеніи большевиковъ — на югѣ одна, а на сѣверѣ другая — популярности имъ не дѣлаетъ, и такая политика, по моему, не только гибельна для ихъ престижа въ русскихъ глазахъ, но гибельна и для Германіи, такъ какъ, рано или поздно, большевицкая зараза перекинется и къ нимъ. Крооль (такъ назывался лейтенантъ) молча слушалъ меня, но, при послѣднихъ моихъ словахъ, онъ разсмѣялся и у него вырвалось:

— Davor haben wir keine Angst!

Я же, настаивая на своемъ, утверждалъ, что по моему нѣмцамъ надо, какъ можно скорѣе освободить Петербургъ, потомъ Москву и выкинуть большевиковъ, по крайней мѣрѣ, за Волгу, гдѣ, они сдохнутъ сами. Когда я, особенно сильно подчеркивая, заявилъ Кроолю, что если въ самое ближайшее время, а именно, въ теченіи ближайшихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ германское командованіе не сдѣлаетъ этого, то я не увѣренъ, не проиграетъ ли Германія, благодаря этой ошибкѣ, войны.

Крооль даже обидѣлся на меня:

— Wie können Sie so was sagen? Wir können den Krieg nicht verlieren! Das ist ein Unsinn! Ausgeschlossen!

Я ему отвѣтилъ, что спорить съ нимъ не буду, пускай онъ остается при своемъ мнѣніи, но я его прошу оффиціально занести въ протоколъ слѣдующее:

„Корнетъ Марковъ высказываетъ, что дальнѣйшее пребываніе большевиковъ у власти является не только для Россіи, но и для Германіи гибельнымъ. Въ случаѣ, если Германія освободитъ Россію отъ большевизма, она встрѣтитъ въ лицѣ русскихъ самое доброжелательное къ себѣ отношеніе. Никакого противодѣйствія со стороны рускихъ національныхъ организацій германскія войска не встрѣтятъ. Освобождая Россію отъ кучки бандитовъ и хулигановъ, засѣвшихъ въ Кремлѣ, нѣмцы спасаютъ тысячи невинныхъ жизней, что имъ никогда не забудется. Корнетъ Марковъ указываетъ, что, по его глубокому убѣжденію, Германія должна въ самый короткій срокъ покончить съ большевизмомъ, занявъ Петроградъ и Москву, помочь намъ создать настоящее національное правительство и прекратить творящіяся безобразія. Если же Германія этого не сдѣлаетъ, то корнетъ Марковъ увѣренъ, что большевицкая зараза

въ той или иной степени проникнетъ въ Германію, и она войну проиграетъ.

Когда Кроль закончилъ записывать мое заявленіе, я прибавилъ, что очень хотѣлъ бы, чтобы мои предположенія не оправдались и чтобы событія развернулись такъ, какъ ему, Кроолю, хочется, но я пессимистъ въ этомъ вопросѣ и таковымъ и останусь.

Хотѣлось бы мнѣ, теперь, черезъ десять лѣтъ повидать лейтенанта Крооля, попросить его разыскать въ архивѣ Командованія въ Оршѣ мои заявленія и попросить его прочесть ихъ мнѣ вслухъ. Что сказалъ бы теперь этотъ самонадѣянный лейтенантъ? А можетъ быть, мои показанія пошли на растопку сознательными нѣмецкими солдатами въ памятномъ для нихъ ноябрѣ 1918 года?

— Очень радъ, что вамъ благополучно удалось вырваться изъ совѣтскаго рая! Вы вѣроятно сегодня же поѣдете дальше? Если вы хотите поѣхать въ Германію, то вамъ надлежитъ обратиться въ „Оберъ-Остъ“ [1] за пропуском! — любезно обратился но мнѣ Кроль, поблагодаривъ за данныя ему свѣдѣнія. Я ему отвѣтилъ, что сначала хочу проѣхать въ Кіевъ для свиданія съ нѣкоторыми лицами, къ коимъ меня направилъ одинъ петербургскій политическій дѣятель, тоже заинтересованный въ вопросѣ спасенія Царской Семьи, и уже тамъ, черезъ Оберкомандо, буду просить разрѣшенія на въѣздъ въ Германію, а въ данный моментъ я собираюсь вернуться обратно на русскую сторону. Кроль въ ужасѣ посмотрѣлъ на меня и подумалъ, вѣроятно, что я сумашедшій.

— Зачѣмъ? вырвалось у него.

Я ему объяснилъ, что у меня остались вещи на вокзалѣ, которыя я не могъ взять съ собой. идя по пѣшеходной дорогѣ, не будучи замѣченнымъ товарищами. Онъ покачалъ головой и освѣдомился, нѣтъ ли у меня съ собой еще чего нибудь, чего я не хотѣлъ бы показывать большевикамъ, въ случаѣ, если они меня на границѣ обыщутъ.

Я вспомнилъ, что у меня спрятаны на себѣ двѣ пятисотки, которыя я досталъ и отдалъ Кроолю на сохраненіе. Распрощавшись съ нимъ, я отправился обратно.

Съ тяжелымъ чувствомъ перешелъ я завѣтную черту, и снова оказался въ царствѣ хамства, насилія и произвола.

На слѣдующій день я отправился въ мѣстечко Оршу, въ мѣстный совдепъ, гдѣ, я слышалъ, даютъ пропуски для выѣзда за границу. И, дѣйствительно, на дверяхъ этого почтеннаго учрежденія висѣлъ плакатъ, возвѣщавшій собравшейся въ довольно большомъ количествѣ публикѣ, что гра-

[1] Сокращенное названіе германскаго Главнокомандованія на Востокѣ.

ница впредь до распоряженія закрыта и что пропуски выдаются только больнымъ совработникамъ и учащимся высшихъ учебныхъ заведеній. Прочтя это объявленіе, я воспрянулъ духомъ... Чѣмъ же я не больной совработникъ?...

И въ самомъ дѣлѣ, когда эта лавочка открылась и до меня дошла очередь, какой то носатый, съ отвислыми ушами брюнетъ, осмотрѣвъ мои документы, нашелъ ихъ вполнѣ достаточными и поставилъ выѣздной штемпель. Я ликовалъ и хотѣлъ подсунуть товарищу 25 рублей, но онъ отказался, любезно отвѣтивъ:

— Что вы, товарищъ! Съ васъ? Ни за что!...

Получивъ еще одну отмѣтку отъ самаго комиссара, я стрѣлой помчался на вокзалъ, взялъ находившійся на храненіи чемоданъ, нанялъ жида-извощика за 25 рублей, согласившагося перевезти меня въ нѣмецкую Оршу и тронулся въ путь.

Черезъ полчаса ѣзды по шоссе, я оказался около домика, находившагося въ верстѣ отъ Германскаго пропускнаго пункта, гдѣ помѣщалась совѣтская таможня.

Извощикъ мой остановился. Ко мнѣ подошли два субъекта съ винтовками, сотоварищи тѣхъ „Halunken“, которыхъ я уже видѣлъ въ первый день пріѣзда. Они отобрали у меня паспортъ и удостовѣреніе и пошли съ нимъ въ домъ. Въ это время ко мнѣ подошелъ благообразный старичекъ, оказавшійся старымъ таможеннымъ чиновникомъ, но состоявшій теперь на совѣтской службѣ, который спросилъ меня о томъ, что находится въ моемъ чемоданѣ. Получивъ отъ меня два десятка папиросъ, старичекъ оставилъ меня въ покоѣ и сказалъ вернувшимся субъектамъ, что вещи мои досмотрены и ничего предосудительнаго у меня нѣтъ. Получивъ документы, я приказалъ извощику гнать скорѣе, такъ какъ я рискую опоздать къ поѣзду. Мнѣ не вѣрилось, что всѣ мои муки кончились, что красный кошмаръ остается позади, и что пережитый годъ душевнаго рабства окончился.

Вотъ и ворота. Я показалъ пропускъ. Часовой открылъ ихъ, и мы очутились въ иномъ, свободномъ мірѣ!...

Я снялъ шапку и перекрестился широкимъ, русскимъ крестомъ...

Спасенъ! Мелькнуло у меня головѣ...

ГЛАВА XVI.

Курьерскій поѣздъ Жлобинъ-Кіевъ быстро мчался, строго слѣдуя расписанію и не останавливаясь на маленькихъ станціяхъ. Онѣ быстро мелькали передъ глазами, совсѣмъ какъ раньше, чистенькія и аккуратныя, но съ неизмѣнными нѣмецкими часовыми въ каскахъ, мѣрно прохаживавшимися по перрону.

Я сидѣлъ въ чистомъ купэ съ мягкими диванами и мнѣ не вѣрилось, что это явь, не сонъ, а дѣйствительность! Въ вагонѣ публики было мало. Всюду виднѣлись надписи: для курящихъ — Für Raucher, занято — Besetzt, заказано — Bestellt, только для офицеровъ — Nur für Offiziere и. т. д.

Мѣдныя части вагона сверкали своей полировкой, коридоръ былъ подметенъ, окна протерты, и даже имѣлся проводникъ, къ моему изумленію принесшій, какъ въ старь, вечеромъ запломбированный мѣшокъ съ чистымъ бѣльемъ и постелившій мнѣ кровать!

Всѣ надписи были не пустымъ звукомъ, а ихъ почтительно читали и строго исполнали, и если купэ въ дорогѣ и заполнялось, то въ предѣлахъ положеннаго каличества пассажировъ, словомъ, въ какихъ нибудь нѣсколькихъ часахъ отъ совѣтскаго рая, все шло по старому, все было въ полномъ порядкѣ и жизнь текла нормально.

Грустно было сознавать, что причиной такого благополучія являются нѣмецкій сапогъ и нѣмецкая каска, твердо стоявшая на нашей землѣ и передъ которой русскій народъ въ массѣ трепеталъ и низкопоклонничалъ...

Никакого хамства и въ поминѣ не было, его какъ рукой сняло. На станціяхъ ко мнѣ обращались какіе то типы въ военной формѣ, видимо, бывшіе солдаты и, присматриваясь къ моей полувоенной формѣ, прикладывали руку къ козырьку, величали: — Ваше Благородіе...

Но это мало меня радовало, и я не безъ омерзенія вспоминалъ недавно видѣнную мною въ Жлобинѣ картину.

Перронъ въ блестящемъ порядкѣ. Всюду у входовъ и выходовъ бравые нѣмецкіе часовые и какой то лейтенантъ, фланирующій, видимо, для порядка по платформѣ.

Въ ожиданіи поѣзда, меня, благодаря удостовѣренію, полученному въ Оршѣ, пропустили на перронъ, остальная же, публика, столпившаяся внутри вокзала сдерживалась нѣмецкими фельджандармами. За пять минутъ до отхода поѣзда, они стали, послѣ провѣрки документовъ, пропускать по очереди на платформу.

Однимъ изъ первыхъ на перронъ попалъ здоровенный парень въ военной формѣ, распоясанный (поясъ висѣлъ у него на плечѣ), съ воротникомъ рубашки, загнутымъ во внутрь и фуражкѣ, блиномъ сидѣвшей на головѣ, изъ подъ которой выбивался ухарскій клокъ волосъ. Однимъ словомъ, это былъ по виду типичный сотоварищъ тѣхъ революціонныхъ воиновъ, о которыхъ я уже писалъ, видѣнныхъ мною не только въ Оршѣ, но и во всей Совдепіи, который съ легкостью могъ стать красой 1-го Тюменскаго Уланскаго Эскадрона! Парень остановился въ концѣ платформы, заложивъ руки въ карманы, закуривъ цы-

гарку, и съ интересомъ сталъ наблюдать образцовую смѣну германскихъ часовыхъ. Лейтенантъ замѣтилъ этого субъекта, и игриво помахивая своимъ стэкомъ, лѣнивыми шагами подошелъ къ нему и, не говоря ни слова, огрѣлъ этого молодца по физіономіи на крестъ стэкомъ такъ, что багровыя полосы, какъ шрамы, сейчасъ же выступили на ней. Въ мигъ исчезла съ лица этого молодчика ясно выраженное революціонное нахальство, цыгарка вылетѣла изо рта, рубашка была застегнута и поясъ оказался на мѣстѣ. Передъ лейтенантомъ стояла жалкая фигура съ рукой у козырька, на дрожащихъ согнутыхъ колѣнкахъ, умоляюще лепетавшая:

— Вв-в-вин-о-ов-ватъ, Ва-ш-аше Благ-лаг-о-о-родіе!

Лейтенантъ презрительно сплюнулъ.

— R-r-raus! Gauner! свирѣпо крикнулъ онъ.

„Gauner“ не заставилъ себя долго ждать, и быстро затерся въ толпѣ. Въ душѣ я вполнѣ понялъ лейтенанта, возмутившагося при видѣ такой распущенной, хамской фигуры, вполнѣ одобрилъ его поступокъ, но мнѣ было безумно больно сознавать, что этотъ, все же русскій солдатъ, безъ объясненія понялъ свою вину, затрепеталъ и затрясся, прося прощенія у своего бывшаго врага...

Этотъ же солдатъ въ какихъ нибудь десяткахъ верстахъ отъ Жлобина, встрѣтивъ по ту сторону колючей изгороди, своего, родного ему офицера, былъ воленъ распорядиться его жизнью и смертью. Рубашку декольтэ, отсутствіе пояса и цыгарку въ зубахъ считалъ онъ признакомъ особаго шика и чуть ли не главнѣйшимъ завоеваніемъ революціи...

Вспоминались мнѣ и озлобленныя рожи комиссаровъ, видѣнныхъ мною въ нѣмецкой Оршѣ, когда, очутившись внѣ совѣтской недосягаемости, меня одолѣло шалое, быть можетъ, мальчишеское желаніе сбросить штатское и одѣть свою полувоенную форму, сшитую еще въ Тюмени, съ той лишь разницей, что я могъ теперь одѣть на фуражку офицерскую кокарду, которая была хорошо припрятана въ чемоданѣ, и пришить на бортъ плаща георгіевскую ленточку, тоже бывшую со мной. Сказано-сдѣлано. Я остановилъ своего извощика, не доѣзжая станціи, около большого состава товарныхъ вагоновъ, стоявшихъ порожними на запасныхъ путяхъ, расплатился съ нимъ, дотащилъ чемоданъ въ одинъ изъ вагоновъ и тамъ переодѣлся. Не успѣлъ я вылѣзть во всемъ своемъ великолѣпіи изъ вагона на шоссе, чтобы пѣшкомъ дойти до станціи, какъ на встрѣчу мнѣ попался шикарный парный фаэтонъ. Когда онъ поравнялся со мной, я глазамъ не повѣрилъ: среди трехъ штатскихъ, сидѣвшихъ въ немъ, одинъ былъ тотъ

самый комиссаръ, который за два часа до этой встрѣчи выдалъ мнѣ пропускъ въ совдепѣ!

Мы узнали другъ друга. Сначала онъ, при видѣ меня, до того растерялся, что даже разинулъ ротъ, потомъ что то сказалъ своимъ спутникамъ и лицо его исказилось отъ бѣшенства. Я не выдержалъ, снялъ фуражку, помахалъ ею вслѣдъ удалявшемуся экипажу и крикнулъ, что было мочи:

— Товарищи! Кланяйтесь совдепамъ!

Почему мнѣ, именно, эта фраза въ голову пришла — не знаю... Въ отличномъ настроеніи я пришелъ къ лейтенанту Кроолю, который отъ души хохоталъ, когда я ему разсказалъ объ этой встрѣчѣ.

Получивъ свои деньги и проѣздной документъ, напутствуемый пожеланіями счастливаго пути какъ со стороны Крооля, такъ и пришедшаго Бодена, я отправился на вокзалъ, и вскорѣ небольшой „бумельцугъ“ прифронтоваго сообщенія, тяжело пыхтя своимъ маленькимъ паровозомъ, потащилъ меня въ Жлобинъ.

ГЛАВА XVII.

19-го августа передъ обѣдомъ, я пріѣхалъ въ Кіевъ. Оставивъ свои вещи на вокзалѣ, я отправился пѣшкомъ въ городъ, чтобы розыскать Ф. Н. Безакъ. Кіевъ мало измѣнился за то время, что я его не видѣлъ. Германская оккупація никакого особеннаго отпечатка на городъ не наложила.

На улицахъ стояли новые украинскіе полицейскіе въ солдатской формѣ съ винтовками на плечевомъ ремнѣ, нѣмецкихъ постовъ нигдѣ не было видно, и только вокзалъ и Липки, гдѣ помѣщалось Оберкомандо, были прочно заняты германскими войсками. Присутствіе въ городѣ оккупаціонныхъ войскъ было замѣтно по сотнямъ и тысячамъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ, окутавшихъ городъ, какъ паутиной.

Жизнь въ Кіевѣ била ключемъ. На Крещатикѣ я былъ подхваченъ волной безчисленныхъ прохожихъ, разодѣтая толпа наполняла всѣ окрестныя улицы, кафэ и магазиины. Виднѣлись повсюду прекрасные выѣзды, роскошные автомобили, то и дѣло оглашая воздухъ зычнымъ окрикомъ:

Х-е-е-пъ! Берегись!

По улицамъ пролетали самые старорежимные, толстые лихачи на дутыхъ шинахъ. Не потому такъ жилъ Кіевъ, что неожиданно сталъ столицей новой Державы, а потому, что былъ переполненъ бѣженцами изъ Москвы и Петербурга, вырвавшимися изъ Совдепіи и очутившимися въ сво-

бодной странѣ, швырявшими безъ счета съ трудомъ спасенныя ими деньги по различнымъ злачнымъ мѣстамъ, народившимся въ городѣ, какъ грибы послѣ дождя.

Украинизаціи никакой не замѣчалось. Всѣ говорили по русски, вывѣски остались русскими, газеты выходили по русски, были и украинскія, но я не знаю, читалъ ли ихъ кто нибудь. Въ министерствахъ и учрежденіяхъ новой Державы говорили по русски, наконецъ, и блюстители порядка въ солдатской формѣ въ большинствѣ были нашими старыми городовыми и жандармами.

Но несмотря на казавшуюся безпечность шикарной толпы, въ воздухѣ чувствовалась нервность, въ разговорахъ сквозила неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, всѣ жили принципномъ „хоть день — да мой“ и кутили, расшвыривая послѣдніе гроши, стараясь въ вихрѣ удовольствій забыться отъ всего пережитаго и заглушить въ себѣ щемящія предчувствія недолговѣчности обретеннаго покоя...

Таковыми были мои первыя Кіевскія впечатлѣнія.

Среди толпы я видѣлъ множество офицеровъ всѣхъ родовъ оружія, безъ погонъ, но въ фуражкахъ съ русскими кокардами, а также и представителей новой Украинской арміи, тоже бывшихъ офицеровъ, но уже во всемъ великолѣпіи новой только что изобрѣтенной формы, основными отличіями которой служили жгутовые погоны, на манеръ нѣмецкихъ, но во всю ширину плеча, и круглыя золотыя кокарды съ украинскимъ гербомъ въ видѣ трезубца на голубомъ фонѣ.

На Крещатикѣ мое вниманіе привлекла третья категорія офицеровъ, въ старой, родной мнѣ формѣ, съ погонами, при орденахъ и оружіи. Единственнымъ отличіемъ у нихъ былъ уголъ остріемъ вверхъ изъ романовской ленты на лѣвомъ рукавѣ выше локтя. Этотъ знакъ до того заинтриговалъ меня, что я въ концѣ концовъ не выдержалъ и подошелъ къ проходившему мимо меня прапорщику, извинился и попросилъ объяснить мнѣ, что сей знакъ означаетъ. Онъ очень любезно объяснилъ мнѣ, что это знакъ принадлежности къ Астраханской Казачьей Арміи, находящейся на фронтѣ около Царицына, и которая разворачивается и вербуетъ офицеровъ въ Кіевѣ черезъ свое Представительство, которое помѣщается въ гостинницѣ „Прага“ на Владимірской улицѣ.

Какъ это видно изъ цвѣтовъ ленты, армія, не въ примѣръ Добровольческой, преслѣдуетъ явно выраженныя монархическія тенденціи и изъ своего лозунга „За Вѣру, Царя и Отечество“, секрета не дѣлаетъ. Нѣмцы очень сочувственно относятся къ этому формированію и оказыва-

ютъ ему всяческое содѣйствіе. Я представился прапорщику. Онъ, услышавъ мою фомилію, воскликнулъ:

— Такъ вы родственникъ такого-то?

Я отвѣтилъ утвердительно. Оказалось, что мой новый знакомый является племянникомъ сенатора Ш., семья котораго очень дружна съ нашей, но мы почему-то раньше не были знакомы, хотя и слышали другъ о другѣ. Я былъ очень обрадованъ такой неожиданной встрѣчей. Отъ Ш. я узналъ, что Астраханская армія состоитъ изъ Астраханскихъ казаковъ и калмыковъ, но теперь, при разворачиваніи, формируетъ и инородческія части. Наказнымъ атаманомъ является князь Тундутовъ. Представителемъ арміи на Украинѣ состоитъ капитанъ перваго ранга Ратмановъ, съ помощникомъ л.-гв. Павловскаго полка полковникомъ Потоцкимъ и его братомъ полковникомъ артиллеристомъ.

Ш. долго упрашивалъ меня итти къ нимъ въ армію и я, въ день пріѣзда, оказался въ Представительствѣ, гдѣ былъ радушно, какъ родной, принятъ какъ энергичнымъ капитаномъ Ратмановымъ, такъ и всѣмъ персоналомъ Представительства. Въ тотъ же день я записался въ армію, духъ и принципы которой вполнѣ отвѣчали моимъ убѣжденіямъ, и былъ временно прикомандированъ въ распоряженіе Ратманова. Черезъ Н-ка контръ-развѣдки при Представительствѣ, капитана Б., я вошелъ въ связь съ нѣмецкимъ командованіемъ и при любезномъ содѣйствіи Н-ка одного изъ его отдѣловъ, лейтенанта Р., отправилъ телеграмму на имя Вел. Герцога Гессенскаго съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи въ Кіевъ и съ просьбой сообщить мнѣ, будетъ-ли желателенъ Великому Герцогу мой пріѣздъ въ Германію.

Въ Кіевѣ я рѣшилъ не задерживаться и до полученія отвѣта отъ Великаго Герцога рѣшилъ проѣхать къ Ю. А. Денъ въ Бѣлецковку, чтобы информировать ее о всемъ мной пережитомъ и видѣнномъ, а также въ Одессу къ отцу, котораго не видѣлъ съ іюня 1917 года.

Ф. Н. Безакъ, котораго я навѣстилъ на слѣдующій день, принялъ меня очень сердечно, познакомилъ меня со своей женой, Еленой Николаевной, симпатичнѣйшей и добрѣйшей женщиной, и пригласилъ меня къ обѣду.

За обѣдомъ, кромѣ семьи Ф. Н., присутствовалъ также бывшій Волынскій Губернаторъ П. В. Скаржинскій, бывшій начальникъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати Катенинъ, и Кавалергардскаго полка полковникъ А. А. Пантелѣевъ, который, какъ я слышалъ, во время своего пребыванія въ Петроградѣ былъ очень близокъ къ Маркову 2-ому по организаціи. Первыя двое, какъ и самъ Ф. Н. Безакъ, были виднѣйшими лидерами не только Кіевскихъ мо-

нархистовъ, но и вообще южнорусскихъ. Послѣ обѣда я во всѣхъ подробностяхъ разсказалъ присутствовавшимъ о положеніи организаціи Маркова 2-го до моего отъѣзда въ Тобольскъ, о Тобольскѣ и Тюмени, о моей службѣ въ красной арміи, словомъ, въ мельчайшихъ деталяхъ о всемъ, мною видѣнномъ и пережитомъ. Разсказалъ я также о жизни Ихъ Величествъ въ Екатеринбургѣ, о моихъ опасеніяхъ, о разгромѣ организаціи, о чемъ я узналъ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, обѣ отправкѣ мною писемъ В. Герцогу Гессенскому, въ виду того, что я не вѣрю, чтобы мы смогли не только вырвать несчастную Царскую Семью изъ рукъ большевиковъ, но и охранить Ее.

Собравшіеся выслушали меня съ живѣйшимъ интересомъ, и, по тому, что я узналъ отъ нихъ, я ясно понялъ, что всѣ надежды были возложены на Маркова 2-ого, сами же они никакихъ шаговъ къ отправкѣ людей въ Сибирь не предпринимали. Они мнѣ это объяснили тяжелымъ положеніемъ, въ которомъ находились, какъ они сами, такъ и организація во время перемѣннаго владычества то большевиковъ, то украинцевъ, затѣмъ отсутствіемъ надлежащей связи съ Петербургомъ, которая, если и была, то носила чисто случайный характеръ, а также плохой информаціей о ходѣ работъ Маркова 2-ого по дѣлу спасенія Ихъ Величествъ. Всѣ они были очень поражены и удивлены тѣмъ, что Маркову 2-му не удалось собрать нужныхъ средствъ.

Ф. Н. Безакъ говорилъ мнѣ, что во время монархическаго съѣзда, происходившаго незадолго до моего пріѣзда въ Кіевъ, онъ говорилъ съ Ю. А. Денъ, присутствовавшей на немъ, и получилъ впечатлѣніе, что она больше чѣмъ увѣрена, что Марковъ 2-ой пойдетъ на все, но изыщетъ средства для спасенія Императорской Семьи, и что у него въ рукахъ находится вполнѣ налаженная организація, которая легко можетъ быть переброшена въ Сибирь, если она уже не находится на мѣстѣ.

Отъ Ф. Н. Безака я впервые услышалъ, что ходятъ слухи, что погибъ не только Государь, но и Ея Величество и вся Семья. Я ему отвѣтилъ, что слышу это впервые и что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, это не такъ.

Узнавъ о такой пассивности Кіевской организаціи въ дѣлѣ спасенія Ихъ Величествъ, я чистосердечно высказалъ своимъ собесѣдникамъ, что нужно сожалѣть о томъ, что было потеряно столько времени зря, что, по моему, было большой ошибкой возлагать всѣ свои упованія на Маркова 2-ого и его организацію, что дѣло спасенія Императорской Семьи является для всѣхъ насъ священнымъ долгомъ, гдѣ бы мы не находились, что посылка людей съ ихъ стороны нисколь-

ко бы дѣлу не повредила и, наконецъ, что положеніе организаціи въ Петербургѣ было не менѣе затруднительнымъ, такъ какъ подъ наблюденіемъ совѣтскихъ ищеекъ работа не такъ легка, какъ кажется, и во всякомъ случаѣ, не легче работы въ Кіевѣ, и что средства для спасенія Ихъ Величествъ должны были быть собраны по всей Россіи, а не только въ Петербургѣ. Теперь же, когда всѣ возможности на мой взглядъ утеряны, нѣтъ другого исхода, какъ молить германскихъ Родственниковъ Государыни о спасеніи какъ Ея, такъ и Ея Семьи.

Присутствовавшіе согласились со мной.

Понятно, всѣ эти разговоры мнѣ бодрости не придали, я былъ страшно подавленъ, я былъ только радъ, что въ свое время связался изъ Петербурга съ Великимъ Герцогомъ, и теперь только и ждалъ отъ него отвѣта. Получивъ отъ капитана Ратманова двухнедѣльный отпускъ, я выѣхалъ въ Кременчугъ на пароходѣ 23-го августа. Въ представительствѣ я оставилъ свой адресъ, дабы, въ случаѣ полученія отвѣта отъ Великаго Герцога, мнѣ могли бы объ этомъ сообщить.

Погода благопріятствовала моему путешествію. Небольшой пароходъ быстро скользилъ по зеркальной глади красавца Днѣпра, окаймленнаго то плоскими, то обрывистыми берегами, по которымъ въ поэтическомъ безпорядкѣ были разбросаны деревушки съ снѣжно бѣлыми домиками въ чащахъ вишневыхъ садовъ. Душная, темная, южная ночь спустилась на землю. Призрачно замелькали миріады звѣздъ на бархатѣ сине-чернаго неба, а луна, волшебница, засеребрившая водный просторъ, обратила его въ безконечную парчевую ленту, которой, казалось, не было ни конца, ни края. Тихо шумя своей машиной, легонько вздрагивая всѣмъ корпусомъ своимъ, пароходъ, казалось, рѣзалъ ее на двое, и отъ него во всѣ стороны летѣли брилліантовой пылью тысячи брызгъ.

Я сидѣлъ на палубѣ и жадно вдыхалъ бодрящій воздухъ. Тяжелыя думы о томъ, что черезъ нѣсколько часовъ мнѣ предстоитъ встрѣча съ Ю. А. Денъ. Что я скажу ей? Исполнилъ ли я данное обѣщаніе?

И вспомнилось мнѣ блѣдное Петербургское утро... И сама Ю. А. Денъ измученная, разстроенная, проведшая безсонную ночь. Въ это утро я вернулся изъ Царскаго Села послѣ того, какъ Ихъ Величества покинули родное Имъ гнѣздо, для того, чтобы уѣхать узниками въ пошмарную тяжелую неизвѣстность... Какъ я понималъ терзанія несчастной Ю. А. Мое сердце разрывалось на части при разсказѣ ей всего, мною видѣннаго. Въ этотъ мигъ мы жили одними мыслями, одними желаніями. Мы должны по-

ѣхать туда, за Ними, посильно помочь Имъ и раздѣлить Ихъ страданія, и до боли, рѣзко вспоминаю свои слова, сказанныя Ю. А.:

— Если намъ вмѣстѣ не суждено будетъ поѣхать за Ними, то я вамъ даю слово, клянусь, что, во что бы то ни стало, я проберусь къ Нимъ и исполню свой долгъ!

И вотъ теперь, вспоминая это кошмарное утро, я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ, исполнилъ ли я свой долгъ? Сдѣлалъ ли все, что было въ моихъ маленькихъ силахъ? И какъ я тогда не могъ найти на эти вопросы отвѣта, такъ и теперь, спустя десять лѣтъ, я его не имѣю... Я не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ, и потому мое появленіе въ Бѣлецковкѣ было совсѣмъ неожиданнымъ. Встрѣтили меня, какъ встрѣчаютъ безъ вѣсти пропавшихъ. Я не успѣвалъ отвѣчать на тысячи вопросовъ, задаваемыхъ мнѣ. Нашелъ я всѣхъ въ добромъ здоровьѣ. Ю. А. Денъ мало измѣнилась за это время, но печально и грустно смотрѣли ея глаза при моихъ разсказахъ о жизни Ихъ Величествъ, а мой маленькій другъ Тити, сильно выросшій за это время, смотрѣлъ на меня своими большими глазами, въ которыхъ я видѣлъ скорбь и жалость за любимую имъ тетю Бэби и своего царственнаго друга, съ которымъ онъ такъ часто рѣзвился и игралъ въ Царскомъ Селѣ. Я передалъ Ю. А. мундштукъ, полученный мною отъ Государыни для нея и въ цѣлости довезенный мною до Бѣлецковки. Юлія Александровна была крайнѣ разстроена всѣмъ услышаннымъ. Ея твердая вѣра въ дѣйствительность Марковской организаціи, неоднократно высказываемая ею, еще въ бытность Ихъ Величествъ въ Царскомъ Селѣ, въ ея письмахъ къ Ея Величеству, была поколеблена. Ей пришлось признать, что правъ былъ я, когда послѣ возвращенія въ декабрѣ 1917-го года изъ Петербурга позволилъ себѣ выражать сомнѣнія о серіозности начинаній этой организаціи, гипнозъ которой разсѣялся у меня лишь послѣ тяжелыхъ неудачъ, кои я потерпѣлъ въ Тобольскѣ и Тюмени. Ю. А. очень сожалѣла, что сама не поѣхала въ Тобольскъ, но я для успокоенія ея замѣтилъ, что ея появленіе въ Тобольскѣ могло бы имѣть только чисто моральное значеніе, а реальной пользы для положенія Ихъ Величествъ все равно не принесло бы.

Ю. А. вполнѣ одобрила мои шаги, предпринятые для связи съ Великимъ Герцогомъ, такъ какъ она также, какъ и я, была увѣрена, что только Германія можетъ съ пользой вмѣшаться въ судьбу несчастной покинутой Императорской Семьи. Она была страшно удивлена, что Марковъ 2-ой еще въ февралѣ мѣсяцѣ, когда появились въ Петербургѣ и Москвѣ первые нѣмцы въ качествѣ консуловъ,

членовъ посольствъ и связанныхъ съ ними различныхъ миссій и не видя никакой возможности для себя реально помочь Ихъ Величествамъ, еще тогда не довелъ до свѣдѣнія Брата и Сестры Императрицы о трагизмѣ Ея положенія. Эта мысль, со времени оккупаціи и твердаго занятія Украины австрійцами и нѣмцами, неоднократно приходила Ю. А. въ голову, но изъ-за потери связи съ Марковымъ 2-мъ и полной неосвѣдомленности о его работѣ ей казалось, что мечта ея объ обращеніи къ Ихъ Высочествамъ могла бы вызвать интервенцію и вызвать осложненія въ положеніи Императорской Семьи въ Тобольскѣ.

Первое извѣстіе о перевозѣ Государя и Государыни изъ Тобольска была Юлія Александровна склонна принять за вывозъ Имтераторской Семьи подъ давленіемъ Германіи. Но это объясненіе было нарушено извѣстіемъ о задержкѣ Ихъ въ Екатеринбургѣ. За симъ послѣдовало кошмарное сообщеніе о смерти Его Величества...

Когда я разсказывалъ Ю. А. о подробностяхъ пріѣзда комиссара Яковлева въ Тобольскъ и о переѣздѣ Ихъ Величествъ, она спросила меня, не предполагаю ли я, что Яковлевъ былъ посланъ изъ Москвы подъ нѣмецкимъ давленіемъ, ради спасенія Ихъ Величествъ. Этотъ вопросъ уже не разъ приходилъ въ голову не только мнѣ, но и Соловьеву, и служилъ предметомъ нашихъ обсужденій. Детально разбирая все происшедшее, я еще въ Тюмени склонялся къ выводу, что изъ всего того, что я слышалъ о Яковлевѣ въ Красномъ Штабѣ Тюмени, можно было установить, что это старый партійный революціонеръ-эмигрантъ, пользующійся несомнѣннымъ довѣріемъ въ высшихъ совѣтскихъ кругахъ, но почему выборъ для исполненія столь важнаго порученія палъ именно на него, мнѣ установить не удалось. По свѣдѣніямъ, полученнымъ Соловьевымъ изъ Тобольска, отношеніе Яковлева къ Императорской Семьѣ было за все его пребываніе тамъ самое лояльное. Это же подтвердили мнѣ Симоненко и Ковальчукъ, имѣвшіе возможность въ непосредственной близости наблюдать за отношеніемъ Яковлева къ Ихъ Величествамъ. По его дѣйствіямъ во время передвиженія въ поѣздѣ съ Ихъ Величествами и по его боязни столкнуться съ рабочими, враждебными Императорской Семьѣ, можно было уловить его желаніе благополучно доставить Ихъ Величества, согласно полученнымъ директивамъ, въ Москву.

Чѣмъ объяснялась такая необычайная мягкость совѣтскаго комиссара по отношенію къ Ихъ Величествамъ?

По моему, корректное и предупредительное отношеніе къ Ихъ Величествамъ объяснялось полученнымъ имъ, видимо, за границей образованія и бывшимъ, такимъ обра-

зомь, далекимъ отъ русскаго хамства и могущимъ лояльно и по человѣчески относиться къ своимъ врагамъ.

Для меня Яковлевъ былъ не единственнымъ примѣромъ. Пермяковъ, простой мужикъ, и тотъ хотѣлъ похвастаться передъ „бывшимъ Царемъ“ своей революціонной дисциплиной и таковой своихъ подчиненныхъ и тоже никакого хамства и издѣвательства по отношенію къ Ихъ Величествамъ не допускалъ. Отношенія Усіевича, тоже бывшаго политическаго эмигранта, пріѣхавшаго съ Ленинымъ въ одномъ вагонѣ, къ женамъ заключенныхъ Тюменскихъ заложниковъ, какъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ бывшей у него Лошкомоевой, были всегда изысканно любезными, а къ заключеннымъ онъ относился совершенно по человѣчески, разрѣшивъ имъ пользоваться собственнымъ постельнымъ бѣльемъ и пищей, приносимой имъ ихъ родственниками, въ неограниченномъ количествѣ.

Я вполнѣ допускаю возможность, что Яковлевъ могъ имѣть и затаенную мысль о томъ, что въ случаѣ благополучнаго перевоза въ Москву Ихъ Величествъ, нѣмцы потребуютъ у Совнаркома выдачи Императорской Семьи, и тогда онъ, Яковлевъ, сторицей будетъ вознагражденъ за свое отношеніе къ Ихъ Величествамъ. Но чтобы Яковлевъ могъ дѣйствовать подъ нѣмецкимъ руководствомъ, я категорически отрицаю и вотъ по какимъ соображеніямъ: Ему было отлично извѣстно о Екатеринбургскихъ настроеніяхъ, а скопленіе рабочихъ на станціи „Поклевская“ служили тому достаточнымъ доказательствомъ и предупрежденіемъ. Онъ, однако, вторично избралъ свой путь черезъ Екатеринбургъ, хотя имѣлъ возможность прорваться черезъ Омскъ на линію Курганъ-Челябинскъ и черезъ Уфу, минуя Екатеринбургъ, и вывести Ихъ Величества въ Москву. Задержавшіе Яковлева около Омска мѣстные красногвардейцы не смогли бы ему оказать сильнаго сопротивленія, такъ какъ онъ могъ заручиться поддержкой у насъ, въ Тюмени, если бы считалъ свой охранный отрядъ малочисленнымъ. Однако, онъ предпочелъ съ Омскими красноармейцами въ конфликтъ не вступать, а снова попытался проѣхать черезъ Екатеринбургъ. Если даже предположить, что онъ, проѣхавъ со станціи Куломзино въ Омскъ, связался съ Москвой, и получилъ оттуда приказъ везти Ихъ Величества по маршруту Тюмень-Екатеринбургъ, то будь онъ германскимъ агентомъ, изъ страха передъ ними, онъ московскаго приказа не исполнилъ бы, видя при его исполненіи опасность для жизни Ихъ Величествъ, а сдѣлалъ бы попытку прорыва линіи Курганъ-Челябинскъ. Опасаться за это свое своевольство и неисполненіе приказа ему не приходилось бы, такъ какъ онъ былъ бы въ такомъ случаѣ всегда под-

держанъ и защищенъ нѣмцами. Единственное, что могло удержать Яковлева отъ насильственнаго прорыва черезъ Омскъ, это его боязнь за оставшихся въ Тобольскѣ членовъ Императорской Семьи, на которыхъ, очевидно, со всей злобой обрушились бы Екатеринбургскіе товарищи, узнавъ о насильственномъ провозѣ Ихъ Величествъ черезъ Омскъ.

Таково было мнѣніе о Яковлевѣ, которое я изложилъ Ю. А. Денъ. Теперь же мои тогдашнія соображенія вполнѣ подтверждаются г-омъ А. Магенеромъ, вошедшимъ со мной въ связь по приказанію Великаго Герцога въ октябрѣ мѣсяцѣ 1918-го года въ Кіевѣ. Я получилъ точное и категорическое подтвержденіе, что Яковлевъ никогда германскимъ агентомъ не былъ, хотя въ Кіевѣ ходили тогда вздорные слухи о предложеніи нѣмцевъ Его Величеству подписать ради Своего спасенія Брестъ-Литовскій миръ. Подобнаго предложенія Германія никогда и ни черезъ кого Его Величеству не дѣлала. Все, выше изложенное, было мнѣ подтвержено при личномъ свиданіи съ братомъ Ея Величества, Герцогомъ Эрнстъ Людвигомъ Гессенскимъ, и Августѣйшей сестрой Ея Величества, Принцессой Иреной Прусской и Ея мужемъ, братомъ Императора Вильгельма, Принцемъ Генрихомъ Прусскимъ.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, Яковлевъ не являлся агентомъ какой либо другой державы, такъ какъ и союзныя правительства и родственники Его Величества съ момента революціи ясно показали свое полное равнодушіе къ судьбѣ Императорской Семьи. Это лично подтвердилъ мнѣ въ Берлинѣ въ 1919-омъ году сенаторъ Туганъ-Барановскій, сообщившій мнѣ слѣдующее: въ сентябрѣ 1917-го года онъ велъ въ Петербургѣ переговоры съ французскимъ генераломъ Ниссель и посланникомъ Нюлансъ. Генералъ былъ вполнѣ готовъ оказать всяческую поддержку Императорской Семьѣ, Нюлансъ же категорически отказалъ въ какой либо помощи. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ, сэръ Линдлей, обѣщалъ надъ этимъ вопросомъ „подумать“! Такому индифферентному отношенію правительствъ Антанты имѣется еще цѣлый рядъ другихъ подтвержденій.

Суммируя всѣ данныя и соображенія, мы съ Ю. А. Денъ пришли къ заключенію, что ничего другого не остается дѣлать, какъ ждать отвѣта отъ Великаго Герцога и, въ случаѣ пожеланія Великаго Герцога видѣть меня, Ю. Денъ соглашалась на совмѣстную поѣздку со мной, дабы лично просить Герцога о возможно скорѣйшемъ вмѣшательствѣ въ судьбу Императорской Семьи.

Проживъ въ Бѣлецковкѣ три дня, отдохнувъ и окрѣпнувъ душой въ кругу дорогихъ и близкихъ мнѣ лицъ, я уѣхалъ для свиданія съ отцомъ въ Одессу.

ГЛАВА XVIII.

Небо было объято багровымъ полыменъ пожара. Облака краснаго, ѣдкаго дыма стелились надъ охваченнымъ паникой городомъ. Земля ежеминутно содрогалась и гудѣла подъ чудовищными взрывами, доносившимися со стороны вокзала.

Я выбѣжалъ при первомъ же ударѣ на улицу. Картина, представившаяся моимъ глазамъ, была до жуткости величественна. По улицѣ толпами бѣжали обезумѣвшія женщины, дѣти и даже мущины. Съ нѣкоторыми дѣлались истерики, толпа дико кричала и, невѣдомо почему, искала спасенія въ районахъ, граничащихъ съ моремъ. Причина этого, какъ съ перваго момента казалось, природнаго бѣдствія, постигшаго Одессу (одинъ кричалъ о землетрясеніи, другой даже объ начавшемся изверженіи открывшагося вулкана), быстро выяснилась. Это взрывались артиллерійскіе склады, расположенные около станціи Одесса-Товарная, то есть въ добрыхъ 4—5-ти верстахъ отъ того мѣста, гдѣ я находился. Взрывы методически слѣдовали одинъ за другимъ, одинъ сильнѣе другого. Давленіе воздуха было настолько сильно, что въ нашемъ районѣ въ домахъ, обращенныхъ въ сторону взрыва, воздушной волной выдавило всѣ стекла. Трескъ и звонъ разбитаго стекла еще болѣе усиливалъ панику. Были случаи раненія падающими осколками.

Я изъ любопытства быстро пошелъ къ центру города. На соборной площади стоялъ невообразимый хаосъ. Народъ волнами валилъ, сбивая другъ друга съ ногъ, по направленію къ порту.

Бѣшеннымъ ходомъ, съ трудомъ пробиваясь черезъ людскую толпу, неслись австрійскіе санитарные автомобили, оглашая воздухъ своими ревунами, къ мѣсту взрыва. По всѣмъ направленіямъ сновали кареты скорой помощи. Время шло, а воздухъ все еще потрясался, то единичными глухими взрывами, то трелью мелкихъ взрывовъ, барабанной дробью отдававшейся въ ушахъ. А паническіе слухи все ширились, росли и раздувались, какъ мыльные пузыри.

Кто-то кричалъ, что черезъ часъ послѣдуетъ взрывъ какихъ-то особыхъ погребовъ, и тогда вся Одесса въ одинъ мигъ взлетитъ на воздухъ. Число убитыхъ и раненыхъ опредѣляли чуть ли не десятками тысячъ. Первый взрывъ раздался въ два часа дня и только къ девяти вечера стало понемногу стихать, но во мракѣ наступившей ночи феерически красиво прорывались кровавые языки пламени, заливая пурпурнымъ свѣтомъ начинавшій приходить въ себя послѣ всего пережитаго городъ.

Такъ, 1-го сентября 1918 года ознаменовался мой пріѣздъ въ Одессу. Слѣдствіе такъ и не установило точную причину взрывовъ, бывшихъ уже до этого въ Кіевѣ и Ясахъ. Одни утверждали, что это дѣло агентовъ Антанты, не желавшихъ, чтобы нѣмцамъ достались огромные запасы снарядовъ, другіе увѣряли, что это дѣло нѣмецкихъ рукъ, чувствующихъ свою слабость и не желающихъ, въ случаѣ чего, чтобы эти богатства попали въ руки союзниковъ, и, наконецъ, третьи категорически настаивали на томъ, что это дѣло большевиковъ, желавшихъ насолить и тѣмъ и другимъ. Какъ бы тамъ ни было, но Одесса получила сильную встряску и это событіе еще долгое время служило неизсякаемой темой разговоровъ у Робина, Фанкони и Либмана. Къ отцу я пріѣхалъ также неожиданно. Не нужно описывать встрѣчи послѣ болѣе, чѣмъ годичной разлуки, она сама собой понятна. Мнѣ было пріятно видѣть и узнать что мой отецъ вполнѣ одобряетъ все мною сдѣланное за время, въ теченіи котораго мы не видѣлись. Я разсказалъ ему о всемъ, мною пережитомъ, и видѣлъ, какъ онъ былъ удрученъ и опечаленъ, узнавъ всѣ подробности начинаній, предпринятыхъ монархической организаціей въ Петербургѣ для спасенія Императорской Семьи, и результаты моего пребыванія въ Тобольскѣ и Тюмени. Дѣятельность Петербурга и Кіева его нисколько не удивила, онъ только безнадежно махнулъ рукой и замѣтилъ:

— А ты думаешь, у насъ, въ Одессѣ, что нибудь сдѣлали по этому вопросу?

И онъ разсказалъ мнѣ, что вскорѣ послѣ занятія Одессы австрійцами, онъ поинтересовался узнать у Предсѣдателя Союза русскихъ людей въ Одессѣ, Н. Н. Родзевича, въ какомъ положеніи находится дѣло спасенія и охраненія Императорской Семьи и что для этого предпринято одесскими организаціями. Получилъ онъ очень туманный отвѣтъ, что этотъ вопросъ подлежитъ, молъ, компетенціи петербургскихъ организацій, имѣвшихъ лучшую связь съ Сибирью. Мой отецъ не успокоился и отстаивалъ свою точку зрѣнія, заключавшуюся въ томъ, что нельзя уповать на Петербургъ и что необходимо немедленно учредить особый комитетъ исключительно для детальнаго выясненія всѣхъ возможностей спасенія Ихъ Величествъ, отбросивъ совершенно вопросы высшей монархической политики, направленной къ свержению большевизма и возстановленію монархіи въ Россіи. Объ этомъ онъ много разъ настойчиво говорилъ какъ Родзевичу, такъ и Толстому-Маразли, богатѣйшему человѣку, крупному помѣщику и убѣжденному монархисту, матеріально помогавшему правымъ организаціямъ Одессы.

— На всѣ мон предложенія, говорилъ мнѣ волнуясь отецъ, — мнѣ наши конспираторы монархисты, собирающіеся въ Лондонской гостинницѣ, отвѣчали, что для рѣшительныхъ шаговъ, направленныхъ къ спасенію Императорской Семьи, время еще не наступило, такъ какъ общая политическая обстановка еще недостаточно выяснилась, и во всякомъ случаѣ, думать о возстановленіи монархіи еще преждевременно, иначе говоря, они вопросъ спасенія Императорской Семьи ставили въ прямую зависимость отъ насильственнаго сверженія большевизма въ Россіи, путемъ переворота. На это я имъ отвѣтилъ, что раньше, чѣмъ думать о возстановленіи трона въ Россіи, нужно позаботиться о сохраненіи жизни Монарха, который долженъ сѣсть на тронъ, а то, чего добраго, когда мы возстановимъ монархію, мы можемъ оказаться безъ Монарха!

Всѣ доводы моего отца не подѣйствовали и вопросъ о созданіи комитета спасенія Царской Семьи остался открытымъ. Послѣ этого мой отецъ махнулъ рукой на одесскихъ заправилъ монархизма.

Я сидѣлъ, слушалъ все это и думалъ: Какъ правъ былъ мой отецъ, когда онъ въ свое время, отказался участвовать въ одной изъ трехъ монархическихъ организацій Одессы: Союза русскаго народа, Союза Михаила Архангела, и Союза русскихъ людей. Во главѣ ихъ стояли въ Одессѣ его хорошіе знакомые, графъ А. Коновницынъ, Б. Пеликанъ. Каждый изъ нихъ зазывалъ его въ свои организаціи, увѣряя, что таковая и есть настоящая монархическая, не то что другія, но отецъ категорически отказывался, говоря, что можетъ быть членомъ только одной монархической организаціи, служащей на пользу Родины и Царя, и не понимаетъ такого дробленія, которое только губить своими дѣйствіями самую идею монархизма.

Въ первые дни своего пребыванія въ Одессѣ я посѣтилъ Родзевича и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Припоминая теперь содержаніе ея, я твердо помню, что онъ мнѣ тогда говорилъ, что вскорѣ послѣ моего отъѣзда въ Тобольскъ онъ тоже покинулъ Петербургъ и съ большими трудностями пробрался въ Одессу. Изъ Петербурга онъ уѣхалъ совершенно спокойный за успѣшное развитіе начатаго Марковымъ 2-ымъ дѣла спасенія Императорской Семьи, осуществленіе котораго предполагалось лѣтомъ. Родзевичъ былъ увѣренъ, что Маркову 2-ому удастся найти средства и что во всякомъ случаѣ онъ сумѣетъ въ достаточной мѣрѣ оградить Ихъ Величества отъ какой либо опасности. Благодаря оккупаціи, связь съ Петербургомъ была утеряна и дальнѣйшей информаціи у Н. Родзевича не было. Послѣ всего мною переданнаго Радзевичъ согласился

со мной, что югу подлежало проявить бо́льшую активность въ дѣлѣ спасенія Императорской Семьи, въ данный же моментъ вся активность организаціи въ этомъ направленіи свелась къ отправкѣ нѣкого С., вѣрнаго человѣка, лично хорошо извѣстнаго ему, въ Екатеринбургъ съ цѣлью собрать точныя данныя о дѣйствительномъ положеніи Императорской Семьи для информаціи южныхъ организацій. С. былъ отправленъ на личныя средства Толстого. Въ концѣ бесѣды я указалъ ему, что событія 17-го іюля отнюдь не исключали необходимости созданія комитета спасенія Императорской Семьи, въ виду того, что участь Государыни, Наслѣдника и Великихъ Княженъ была совершенно не выяснена. Н. Родзевичъ отвѣтилъ мнѣ, что этотъ вопросъ касается компетенціи Ф. Н. Безака въ Кіевѣ, являющагося главой монархическаго блока, созданнаго послѣ съѣзда въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Толстые узнали о моемъ пріѣздѣ отъ Н. Родзевича, и я былъ приглашенъ съ отцомъ къ нимъ, дабы разсказать о своей поѣздкѣ въ Тобольскъ, службѣ въ красной арміи и. т. д., какъ имъ самимъ, такъ и гостившей у нихъ и недавно бѣжавшей изъ Совдепіи Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ младшей, вышедшей послѣ революціи замужъ за л.-гв. 4-го стр. Имп. Фамиліи полка капитана, князя Путятина.

Въ назначенный день я имѣлъ счастіе сдѣлать подробный докладъ Ея Императорскому Высочеству и симпатичнѣйшей четѣ Толстыхъ. Ея Высочество, по окончаніи, выразила мнѣ свою благодарность за все, сдѣланное мною для Ихъ Величествъ.

Покидая послѣ недѣльнаго пребыванія Одессу, я получилъ отъ отца письмо на имя Н. Ф. Безака, въ которомъ онъ въ краткихъ словахъ излагалъ свое мнѣніе о положеніи Императорской Семьи, настаивалъ на необходимости скорѣйшаго созданія особаго комитета для выясненія возможностей спасенія Ея, и особенно подчеркивалъ, что въ нужный моментъ монархія окажется безъ Монарха.

Уѣзжая изъ Одессы въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1918-го года, не думалъ я, что свижусь съ отцемъ ужъ не въ Россіи, а въ Сербіи, гдѣ мы встрѣтились совершенно неожиданно въ 1921-мъ году, не имѣя другъ о другѣ никакихъ извѣстій въ теченіи двухъ лѣтъ.

Одесса произвела на меня почти то же впечалѣніе, что́ и Кіевъ, но въ Одессѣ было значительно спокойнѣе и порядка въ ней было больше. Одесса, какъ и южная часть Украины, начиная отъ Кременчуга, была занята австровенгерцами. Надо отдать полную справедливость нѣмцамъ, что въ занятой ими части порядку было куда больше и населеніе относилось въ нимъ съ опаской. Южнѣе Кремен-

чуга порядку было меньше и населеніе относилось къ оккупаторамъ не такъ, какъ къ побѣдителямъ, а по прежнему, какъ къ врагамъ. Но все же австрійцы вывели хамство, лущеніе сѣмячекъ на вокзалахъ, а въ вагонахъ давки не замѣчалось. Поѣзда ходили правильно. Пассажиры сидѣли въ вагонахъ, согласно купленнымъ билетамъ, и въ офицерскіе вагоны солдатъ не пытались ломиться.

Особенно почтительно населеніе относилось къ венгерскимъ частямъ, производившимъ очень хорошее впечатлѣніе своей выправкой и, какъ мнѣ разсказывали, безпощадно расправляющимся съ большевиками, бандитами всякаго рода и бунтовавшими крестьянами, встрѣчавшимися по пути во время движенія ихъ въ глубину Россіи.

По пріѣздѣ въ Кіевъ, я посѣтилъ Ф. Н. Безакъ, передалъ ему о своей бесѣдѣ съ Родзевичемъ, о его соображеніяхъ по поводу создавшагося положенія, а такъ же передалъ ему письмо моего отца. Ф. Н. Безакъ внимательно прочелъ его и сказалъ мнѣ, что лично отвѣтитъ моему отцу, такъ какъ этотъ вопросъ настолько серьезенъ, что надъ нимъ нужно подумать... Къ глубокому сожалѣнію, Ф. Н. Безакъ, вѣроятно, былъ настолько поглощенъ текущей работой, что ему было не до письма и предложенія моего отца, такъ что подумать даже надъ нимъ онъ не успѣлъ, а паденіе Гетмана и совсѣмъ прекратило его дѣятельность по укрѣпленію монархизма въ Россіи.

8-го сентября я получилъ приглашеніе явиться въ нѣмецкое Оберкомандо, которое помѣщалось въ рядѣ реквизированныхъ домовъ возвышенной части Кіева, называемой Липками. Весь районъ, занятый командованіемъ, былъ послѣ убійства въ Кіевѣ большевиками фельдмаршала Ейхгорна забаррикадированъ рогатками и проволочными загражденіями, на всѣхъ перекресткахъ улицъ и выѣздахъ въ Липки стояли усиленные нѣмецкіе посты, были устроены пропускные пункты, черезъ которые по особымъ пропускамъ, и то въ сопровожденіи дневальныхъ, пропускалась публика, имѣвшая дѣла въ Оберкомандо.

Когда я туда явился, лейтенантъ В. встрѣтилъ меня очень любезно и сообщилъ мнѣ, что на мое имя получены двѣ телеграммы, которыя онъ тутъ же мнѣ передалъ, но не въ подлинникѣ, а перепечатанными на машинкѣ на листкѣ бумаги съ удостовѣреніемъ ихъ подлинности. Они были слѣдующаго содержанія (въ переводѣ):

1. Вольфсгартеншлоссъ 25. 8. 1918.

Г-ну корнету Маркову Гостинница Прага Кіевъ
Г-нъ Магенеръ изъ Москвы войдетъ съ Вами въ связь.

Эрнстъ Людвигъ Великій Герцогъ Гессенскій.

2. Дипломатическое представительство Москва 5. 9. 1918.

Г-ну корнету Маркову Гостинница Прага Кіевъ
Г-нъ Магенеръ надѣется быть черезъ двѣ недѣли въ Кіевѣ.

Хаусшильдъ-Магенеръ.

Я былъ несказано счастливъ, получивъ эти телеграммы. Значить, мои письма дошли по назначенію также, какъ и телеграмма, и произвели извѣстное впечатлѣніе. Полученіе этихъ телеграммъ доставило мнѣ одну непріятность. Лейтенантъ В. очень заинтересовался моими совѣтскими документами, которые были въ надлежащемъ порядкѣ, начиная съ паспорта и безсрочной книжки, выданной Тюменской милиціей и кончая приведеннымъ выше протоколомъ и плакатомъ, который висѣлъ на двери моего номера въ гостинницѣ. Всего совѣтскихъ документовъ у меня было 17 штукъ. Такъ мнѣ съ того дня больше не пришлось увидѣть своихъ документовъ. То В. не было въ Кіевѣ, то я находился въ Кременчугѣ, кончилось тѣмъ, что В. уѣхалъ въ Германію и документы мои пропали. Зачѣмъ они ему понадобились, не знаю. Я очень сожалѣю, что у меня не сохранились въ подлинникахъ эти, дѣйствительно, достопримѣчательные документы.

О личности Магенера никто въ Оберкомандо ничего опредѣленнаго сказать мнѣ не могъ, хотя я и обращался къ майору Гассе и Яроши, Н-ку штаба Оберкомандо. По моимъ разсчетамъ, Магенеръ могъ пріѣхать въ Кіевъ не ранѣе конца сентября, и поэтому, въ ожиданіи его пріѣзда, я согласился принять предложенное мнѣ мѣсто начальника бюро записи въ армію, которое предполагалось открыть въ Кременчугѣ. Я былъ очень счастливъ, что получилъ мѣсто именно въ Кременчугѣ, оттуда было всего лишь 8 верстъ отъ сдѣлавшейся мне родной Бѣлецковки, а также не далеко отъ Кіева, съ которымъ я долженъ былъ поддерживать связь. Одно лишь нарушало всѣ мои разсчеты, это неопредѣленность пріѣзда Магенера, который могъ случайно пріѣхать и раньше указаннаго срока, могъ и запоздать. Я же не могъ поэтому совершить предположенную мною поѣздку въ Крымъ, гдѣ я хотѣлъ явиться Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, проживавшей въ то время въ имѣніи Харакеъ Великаго Князя Георгія Михайловича, находившагося на побережіи между Алупкой и Ялтой, для доклада Ея Величеству о совершенной мною поѣздкѣ въ Тобольскъ.

Въ половинѣ сентября я выѣхалъ въ Кременчугъ совмѣстно съ назначеннымъ мнѣ въ помощники подпоручикомъ л.-гв. Кексгольмскаго полка Н. Р. Грандмезонъ, толь-

ко что вернувшимся изъ германскаго плѣна, гдѣ онъ пробылъ съ момента Самсоновской катастрофы. Грандмезонъ оказался отличнѣйшимъ товарищемъ и я очень подружился съ нимъ за время службы въ Кременчугѣ. Поступая въ Астраханскую армію и принимая на себя вербовку добровольцевъ для нея, я невольно вступилъ въ конфликтъ съ нѣсколькими моими пріятелями, пробиравшимися изъ Кіева въ Добровольческую Армію, находившуюся тогда подъ командованіемъ генерала Алексѣева на Кубани. Русское офицерство въ тѣ времена какъ молодое, такъ и старое, раздѣлилось на нѣсколько разныхъ теченій. Бо́льшая часть увлекалась лозунгами Добровольческой Арміи, продолжавшихъ видѣть въ нѣмцахъ, все же освободившихъ половину Европейской Россіи отъ ужасовъ большевизма, своихъ враговъ и продолжавшихъ кричать о вѣрности союзникамъ, бывшимъ тогда такъ далеко отъ насъ. Эта же часть офицерства предала жестокой критикѣ и чуть ли не анафемѣ Донскаго атамана генерала Краснова, который, увидѣвъ, что отъ союзниковъ немедленной помощи ждать не возможно, и памятуя, что промедленіе смерти подобно, схватился за предложенную недавними врагами вѣрную и быструю помощь, и въ короткій срокъ очистилъ Донъ отъ пришлаго большевизма. Подъ крайней національстической окраской въ противовѣсъ красному интернаціоналу, онъ создалъ Всевеликое Войско Донское, въ которомъ царилъ образцовый порядокъ и спокойствіе, и казаки имѣли возможность, вздохнувъ всей грудью, готовиться къ достойному отпору наглому врагу, большевику, если бы тотъ дерзнулъ нарушить неприкосновенность ихъ родной земли.

На Астраханскую, а за ней и на Южную армію, которая стала формироваться въ районѣ Воронежа съ разрѣшенія Германскаго командованія, и на кредиты снаряженія и амуницію, отпускаемую изъ нѣмецкихъ же рукъ, въ Добровольческой арміи смотрѣли, какъ на явныхъ измѣнниковъ доблестнымъ союзникамъ.

Я вспомнилъ слова своего незабвеннаго начальника и доблестнаго рыцаря безъ страха и упрека, генерала графа Келлера, сказанные мнѣ 1-го февраля 1918-го года, когда я у него былъ въ Харьковѣ, что въ начинаніе Корнилова онъ не вѣритъ, что тотъ дастъ арміи не тотъ нужный духъ и что во всякомъ случаѣ безъ твердой опоры какой нибудь иностранной державы, которая смогла бы оказать неограниченную поддержку національному движенію въ Россіи, ни на какой успѣхъ разсчитывать нельзя, и все начинаніе обречено на провалъ. Я съ чистымъ сердцемъ, отбросивъ всѣ симпатіи и антипатіи, пошелъ на службу именно въ

Астраханскую армію, которая своей опорой имѣла нѣмцевъ, въ тотъ моментъ широко шедшимъ навстрѣчу новому начинанію и у которыхъ въ это время была дѣйствительная и реальная возможность одѣть, вооружить и снабить всѣмъ необходимымъ формирующіяся части.

Къ Украинской Державѣ отношеніе офицеровъ, какъ служащихъ въ Добровольческой арміи, такъ и на Дону и въ Астраханской и въ Южной арміи, было явно пренебрежительное, какъ къ странѣ опереточной, созданной нѣмцами, такъ сказать, для собственныхъ надобностей. Лучшее, самое способное офицерство шло на Донъ и на Кубань, и только немногіе на Украинскую службу. Сознаюсь, что въ тѣ времена я и самъ былъ зараженъ общей болѣзнью осмѣиванія Украинскихъ порядковъ. Я Украинской державности не признавалъ и смотрѣлъ на все Украинство съ точки зрѣнія пословицы, что нѣмецъ обезьяну выдумалъ.

Для характеристики того, какъ къ намъ относились и какъ смотрѣли на нашу междуусобную борьбу, на наше дѣленіе на оріентаціи, партіи и пр. нѣмецкіе и австрійскіе офицеры, я могу привести одинъ изъ многихъ подобныхъ случаевъ, бывшихъ со мной. За мое пребываніе въ Астраханской арміи, мнѣ по дѣламъ службы часто приходилось ѣздить изъ Кременчуга въ Кіевъ и обратно, причемъ я пользовался своимъ правомъ и ѣздилъ всегда въ вагонахъ, предоставленныхъ для германскихъ офицеровъ. Какъ всегда бываетъ въ дорогѣ, мнѣ долго и много приходилось говорить и спорить на различныя темы политическія и военныя со своими спутниками, германскими и австрійскими офицерами. Какъ то разъ въ купэ, гдѣ я находился одинъ, по дорогѣ вошелъ германскій маіоръ генеральнаго штаба. Я всталъ, поклонился, спросилъ разрѣшенія курить и продолжалъ читать, прерванный его появленіемъ, газету. Маіоръ долго съ любопытствомъ осматривалъ мою фигуру въ формѣ, наконецъ, не выдержалъ и обратился ко мнѣ:

— Простите, г-нъ лейтенантъ, скажите мнѣ, пожалуйста, что это за отличіе у васъ на лѣвомъ рукавѣ?

Я ему объяснилъ, что это Астраханская Армія въ отличіе отъ Добровольческой носитъ уголъ остріемъ внизъ изъ Романовской ленты.

— Ah ... so, so! Ich habe schon gehört. Sie sind also von der deutschfreundlichen Armee, und Ihre anderen Kameraden ... nun, Gott, wie heißen sie doch ... ach, ja ... Dobrowoljacy ... betrachten uns bis jetzt als Gegner und wollen nicht unsere Hilfe annehmen. Wovon leben die denn, sagen Sie mir, bitte?

Я объяснилъ ему, что Доброармія питается черезъ насъ, такъ напримѣръ, я недавно, съ разрѣшенія германскаго командованія, отправилъ въ нашу армію изъ Кременчуг-

скаго артиллерійскаго склада три вагона шрапнели, при чемъ знаю навѣрно, что одинъ вагонъ будетъ переданъ Доброарміи. Но наша помощь ничтожна, Доброармія, главнымъ образомъ, получаетъ боевые припасы отъ Донского атамана, который въ свою очередь получаетъ ихъ отъ германскаго командованія. Добровольческая армія сохраняетъ вѣрность союзникамъ и ожидаетъ получить отъ нихъ помощь.

Пришлось согласиться, что по воздуху, какъ сказалъ мой нѣмецъ, Пуанкарэ помочь Доброарміи дѣйствительно не можетъ, но не мнѣ, маленькому лейтенанту, критиковать политику и дѣйствія командованія Доброарміи. Нѣмецъ, съ явно вражебнымъ состраданіемъ на лицѣ, посмотрѣлъ на меня и проговорилъ:

— Эхъ, жалко мнѣ васъ, мой милый другъ, васъ всѣхъ русскихъ, несчастные вы люди и несчастная страна Россія... Вы знаете, что сдѣлали бы мы, нѣмцы, если бы мы очутились въ вашемъ положеніи? А? Не знаете? А вотъ, чтобы мы сдѣлали. Допустимъ на одинъ моментъ, что вы это мы и обратно. Вы намъ предлагаете активную помощь противъ пожирающихъ насъ большевиковъ, вы, наши бывшіе враги, поняли? Мы видимъ, что наши союзники быстро и рѣшительно помочь намъ не могутъ, а что продленіе большевизма будетъ стоить тысячи невинныхъ жертвъ и моря крови, а ваша помощь близка, она тутъ на мѣстѣ. Ну, конечно, мы беремъ ее, используемъ васъ до конца, беремъ у васъ все, что вы можете и чего даже не можете намъ дать. У насъ нѣтъ партій, нѣтъ раздора, мы только нѣмцы, и мы должны спасти нашу родину... Мы свергаемъ большевизмъ, мы крѣпнемъ, намъ ваша помощь больше не нужна и мы говоримъ вамъ: Довольно, спасибо за помощь, дорога на родину вамъ открыта. Что? Не уходите сами? Такъ мы васъ заставимъ уйти.

So würden wir machen, wir deutsche Patrioten . . . Aber, woran denken Sie? . . . Poincaré . . . Foche . . , alles ist Luft und Blödsinn!

Поѣздъ подходилъ къ какой то станціи, маіоръ всталъ и, пожимая на прощаніе мнѣ руку, сказалъ:

— Ich bedaure Sie sehr. Ich liebe Rußland . . . ein großes mächtiges Land . . . aber ein Land mit schlechten Patrioten. Sie müssen sich einigen und den Bolschewismus auf unsere Rechnung und mit unserer Hilfe bekämpfen, dann werden sie gute und ehrliche Patrioten sein . . . Sagen Sie das allen Ihren Kameraden . . . Aber, Poincaré . . . das ist doch kindisch.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ купэ. Я остался одинъ. Какъ былъ правъ неизвѣстный мнѣ германскій маіоръ! Я думаю, что и самъ Пуанкаарэ не могъ иначе ду-

мать, наблюдая изъ далекой Франціи героическую борьбу Доброарміи, свято хранящей вѣрность союзникамъ и, отказываясь отъ германской помощи, истекающей кровью и теряющей напрасно лучшихъ, храбрѣйшихъ сыновъ своихъ, и про себя, втихомолку, онъ навѣрное думалъ:

— Удивительно странной честностью отличается русскій народъ, ставящій международный договоръ и благо своихъ союзниковъ выше блага собственной родины и тысячъ жизней.

Развѣ я могъ разсказать маіору о появленіи у меня въ бюро, черезъ нѣсколько дней послѣ отправки снарядовъ, какого то подозрительнаго штатскаго господина. Когда я предложилъ ему сѣсть, я увидѣлъ, что онъ недоумѣвающе и съ любопытствомъ разсматриваетъ царскіе портреты, висѣвшіе за моей спиной.

— Если вы пришли записаться въ армію и хотите служить въ ней, то прошу запомнить, что девизы нашей арміи вотъ какіе, тутъ я ему указалъ на Царскіе портреты: Имъ армія служитъ, за Нихъ она и погибнетъ... Если вы бывшій военный и знаете уставы, то помните, что они остались неизмѣнными и въ полной силѣ... Никакого выканія, никакого титулованія по чинамъ, вообще ничего изъ революціонной жизни вы у насъ въ арміи не найдете.

— Да, собственно говоря... — и тутъ мой собесѣдникъ исподволь огорошенный моимъ строгимъ вступленіемъ, сталъ объяснять причину своего прихода ко мнѣ. Оказалось, что онъ прибылъ изъ Харькова отъ негласнаго представителя Добровольческой арміи съ порученіемъ ознакомиться съ положеніемъ въ Кременчугѣ, что онъ капитанъ...

— Такъ, почему же вы, г-нъ капитанъ, мнѣ сразу не сказали объ этомъ — прервалъ я его.

— Да, собственно говоря... Мнѣ сказали, что вы германофилы, а я, такъ сказать...

— То есть, какъ германофилы, позвольте васъ спросить?

— Вѣдь вы же формируетесь на нѣмецкія деньги, все получаете отъ нѣмцевъ, а мы...

— Вотъ, что я вамъ скажу, г-нъ капитанъ. Передайте отъ меня вашему начальству то, что вы услышите. Если у васъ насъ считаютъ состоящими на нѣмецкомъ содержаніи, нѣмецкими нахлѣбниками, то вы попросту являетесь нѣмецкими прихлебателями. Я три дня тому назадъ послалъ въ вашу армію снаряды, наши русскіе снаряды, находящіеся въ данное время въ германскихъ рукахъ. Я сдѣлалъ это открыто, пришелъ попросилъ нѣмцевъ и получилъ ихъ.

Снаряды будутъ использованы нами противъ нашего общаго съ вами врага, большевиковъ, и вы получите изъ нихъ для той же цѣли пару тысячъ снарядовъ, завѣдомо зная, что эти снаряды нѣмецкаго происхожденія, то есть иначе говоря, вы получите объѣдки съ нѣмецкаго стола! Я не стану объяснять тамъ, почему нужно брать у нѣмцевъ все, что можно и нужно, а не надѣяться на союзниковъ... Это тамо собой конятно. Такъ вы и передайте, что представитель Астраханской казачьей арміи преподчитаетъ питаться съ нѣмцами за однимъ столомъ, а не быть нѣмецкимъ прихлебателемъ и питаться объѣдками съ его барскаго стола... А теперь, я къ вашимъ услугамъ.

Капитанъ былъ очень сконфуженъ и долго и много извинялся предо мной. Мнѣ кажется что эти два случая достаточно хорошо характеризуютъ какъ отношеніе къ намъ нашихъ враговъ, такъ и наши взаимоотношенія и атмосферу, въ которой приходилось работать для общаго дѣла. Правъ былъ нѣмецкій маіоръ, говорившій со мной въ купэ!

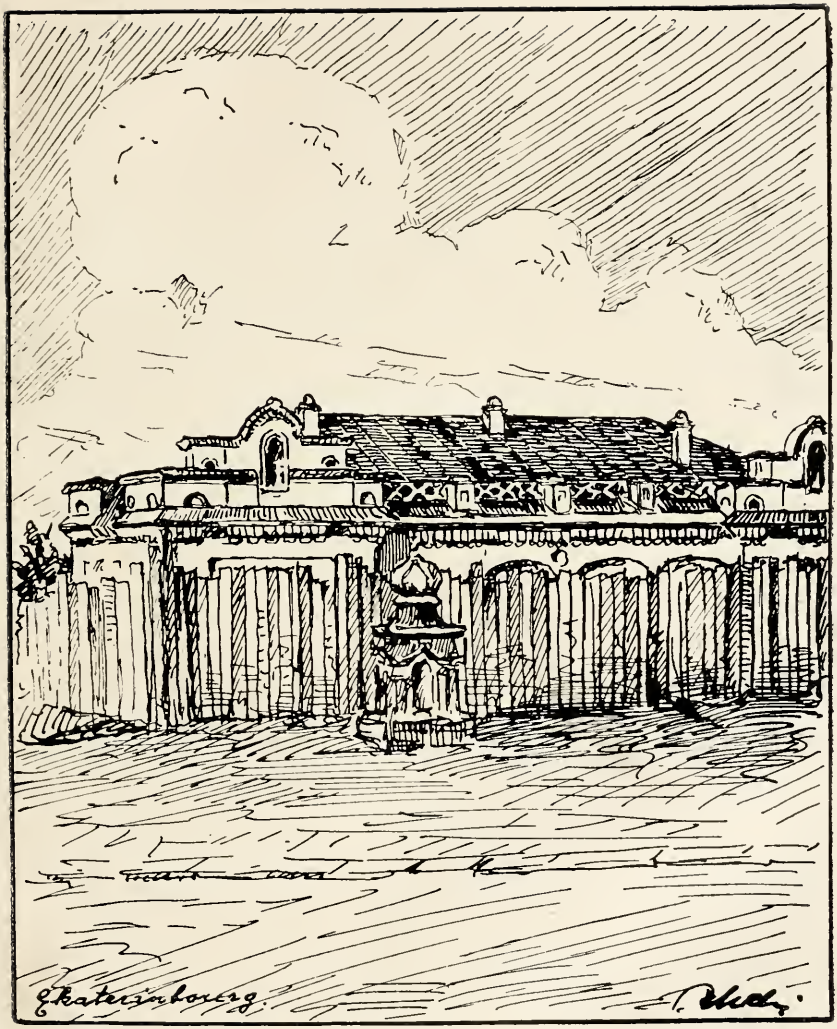
Да! Мы дѣйствительно, достойны сожалѣнія!

ГЛАВА XIX.

Въ началѣ октября я снова пріѣхалъ въ Кіевъ. Г-на Магенера все еще не было и о немъ въ Оберкомандо не было никакихъ свѣдѣній. Я просилъ лейтенанта Р. навести справки о причинѣ задержки Магенера въ Москвѣ.

Въ Связи съ неудачами, которыя потерпѣли болгары на Салоникскомъ фронтѣ, начатое 15-го сентября наступленіе союзниковъ въ раіонѣ Дойранскаго озера привело къ тому, что болгарское Главнокомандованіе принуждено было отдать приказъ объ отступленіи, а 24-го сентября Болгарія заключила перемиріе и начала переговоры о сепаратномъ мирѣ. Германія лишилась одного изъ своихъ союзниковъ. Строгая гармонія твердо установленнихъ фронтовъ была нарушена и Германія теряла связь съ Турціей и вообще съ Малой Азіей.

Повышенная нервность чувствовалась и въ Оберкомандо. Нервность нѣмцевъ, все болѣе неутѣшительныя извѣстія о внутренномъ положеніи какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи накладовало отпечатокъ на жизнь Кіева и, какъ это всегда бываетъ, тягучіе, липкіе и лживые слухи, преувеличивающіе во стократъ дѣйствительное положеніе вещей, еще болѣе усиливали шаткость положенія. Товарищи-большевики какъ мѣстные, такъ и пріѣзжіе подняли голову.



Домъ инженера Н. Н. Ипатьева въ Екатеринбургѣ, въ которомъ была заключена Императорская Семья.

Во время моего пребыванія въ Кіевѣ, туда пріѣхалъ изъ Харькова генералъ отъ кавалеріи графъ Келлеръ, къ которому я незамедлилъ явиться. Графъ съ подкупающей сердечностью принялъ меня, съ большимъ интересомъ выслушалъ мой докладъ и, когда я кончилъ, пожимая мнѣ руку, сказалъ:

— Очень радъ и счастливъ, что мой однокашникъ и офицеръ родныхъ мнѣ полковъ [1] по своимъ силамъ и разумѣнію исполнилъ свой долгъ передъ Ихъ Величествами!

Графъ очень заинтересовался моей попыткой связаться съ Родственниками Ея Величества и просилъ меня немедленно поставить его въ извѣстность о результатахъ встрѣчи моей съ г-номъ Магенеръ. Узнавъ о дѣятельности Петербурга въ дѣлѣ спасенія Императорской Семьи, о безденежьи организаціи, онъ сказалъ мнѣ:

— Разъ это такъ, такъ я самъ вмѣшаюсь въ это дѣло. Если событія развернутся по намѣченному мною плану, то средства у меня найдутся, а за людьми остановки не будетъ!

Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что графу предложено было принять на себя формированіе и командованіе Сѣверной арміей, которую основалъ въ раіонѣ Пскова генералъ Вандамъ при активной поддержкѣ мѣстнаго Германскаго командованія. Оттуда пріѣхалъ сенаторъ Туганъ-Барановскій, предсѣдатель образованнаго въ Псковѣ „Совѣта Обороны Сѣверо-Западной Россій", политической и экономической организаціи при формирующейся Арміи. Съ нимъ пріѣхали въ Кіевѣ членъ Государственной Думы Горсткинъ и гв. ротмистръ Н. К. Гершельманъ, одинъ изъ иниціаторовъ созданія арміи. Они и вели переговоры съ графомъ по поводу принятія имъ Главнокомандованія надъ арміей, которой нѣмцы обѣщали самую широкую матеріальную поддержку и техническую помощь.

Послѣ свиданія съ графомъ я вернулся въ Кременчугъ, гдѣ приступилъ къ ликвидаціи Бюро, такъ какъ нѣмцы сильно сократили кредиты, отпускавшіеся раньше Астраханской Арміи и нашему Представительству; изъ за экономическихъ соображеній пришлось закрыть цѣлый рядъ вербовочныхъ Бюро. 25 октября, оставивъ въ Кременчугѣ Грандмезона, который долженъ былъ закончить всѣ наши дѣла до 1-го ноября, я пріхалъ въ Кіевъ, гдѣ узналъ, что меня усиленно разыскиваетъ г-нъ Магенеръ, пріѣхавшій наканунѣ меня. Онъ оставилъ свой адресъ и, не теряя

[1] Графъ Келлеръ ушелъ изъ Николаевскаго Кадетскаго Корпуса добровольцемъ на войну въ 1877 г. Впослѣдствіи онъ командовалъ Крымскимъ Конным Дивизіономъ и 5 гус. Александрійскимъ Ея Величества полкомъ.

ни минуты, я отправился въ гостинницу „Паласъ", гдѣ онъ остановился.

Къ своему счастью, я засталъ г-на Магенеръ дома. Магенеръ оказался пожилымъ уже человѣкомъ, великолѣпно, почти безъ акцента говорившимъ по русски, такъ какъ онъ двадцать лѣтъ до войны прожилъ въ Россіи, гдѣ у него, въ одномъ изъ приморскихъ городовъ было большее техническое дѣло. Изъ Россіи онъ уѣхалъ на родину незадолго до войны и во время ея служилъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ серединѣ августа онъ получилъ отъ своего начальства приказаніе проѣхать въ Москву, исполняя порученіе Принцессы Ирены, Сестры Государыни, и Великаго Герцога Эрнста-Людвига Гессенскаго для того, чтобы выяснить подробно положеніе, въ которомъ находилась Царская Семья, а такъ же для того, чтобы на мѣстѣ провѣрить правильность всѣхъ тѣхъ противорѣчивыхъ слуховъ, которые циркулировали о Ней за послѣднее время.

Ему было сообщено, что Великій Герцогъ получилъ письмо отъ русскаго офицера, бывшаго въ мѣстахъ заключенія Ихъ Величествъ, и ему было предписано вступить съ нимъ, т. е. со мной, въ связь. Изъ Москвы онъ снесся съ Германскимъ Консульствомъ въ Петербургѣ и тамъ узналъ, что я выѣхалъ въ Кіевъ 15-го августа. Въ началѣ сентября онъ получилъ подтвержденіе изъ Берлина, что я нахожусь въ Кіевѣ, и онъ послалъ мнѣ выше приведенную телеграмму.

Магенеръ просилъ меня самымъ подробнымъ образомъ посвятить его во все, что мнѣ было извѣстно о пребываніи Императорской Семьи въ Сибири, главнымъ образомъ ознакомить его со всѣми деталями тѣхъ шаговъ, которые предприняли въ цѣляхъ освобожденія Ихъ Величествъ наши организаціи.

Магенеръ выслушалъ мой докладъ съ глубокимъ интересомъ.

— Изъ вашихъ словъ слѣдуетъ, что въ данный моментъ никакой организаціи въ Сибири не существуетъ и связи съ тѣми краями вы не имѣете? — обратился онъ ко мнѣ. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Долженъ вамъ совершенно чистосердечно сказать, что особой энергіи ваши организаціи въ дѣлѣ спасенія и охраненія Царской Семьи, на мой взглядъ, не проявили, но это для меня не новость! Подобныя свѣдѣнія я уже имѣлъ въ Москвѣ. Мнѣ извѣстно, что наше Командованіе на Востокѣ, при приближеніи къ Петербургу, уже имѣло связь съ русскими монархистами по вопросамъ обще-политическимъ. Вопросъ же положенія Императорской Семьи не обсуждался. Можно было предполагать, что русскіе монархи-

сты сами позаботились объ Ея безопасности. Но мнѣ тоже извѣстно, что нѣкоторые русскіе круги обращались къ покойному графу Мирбахъ въ маѣ мѣсяцѣ, съ просьбой интервенировать для облегченіи участи и освобожденія Императорской Семьи, находившейся уже въ Екатеринбургѣ. Изъ этого можно заключить, что, если и не всѣ русскія монархическія организаціи, то крайней мѣрѣ, московскія сознали свое безсиліе помочь своему Императору и Его Семьѣ! Изъ вашихъ словъ вытекаетъ, что еще въ февралѣ никакихъ рѣшительныхъ шаговъ по этому вопросу Марковъ 2-ой не предпринялъ, и что все органичилось отправкой въ Сибирь одного офицера! Почему же вы, видя такую вопіющую инертность организаціи, тогда же не обратились за помощью къ Великому Герцогу? —

Скажу откровенно, я былъ очень смущенъ этимъ вопросомъ и отвѣтилъ, что не предпринялъ этого самостоятельнаго шага только лишь потому, что считалъ себя маленькимъ, рядовымъ членомъ организаціи, подчиненнымъ своему начальству, которому положеніе было виднѣе, чѣмъ мнѣ.

Магенеръ на это только укоризнено покачалъ головой. Изъ моего доклада явствовало, что я считаю какіе либо шаги съ нашей стороны къ спасенію Царской Семьи совершенно безнадежными и вижу единственную возможность Ихъ спасенія только при помощи нѣмцевъ.

— Итакъ вы считаете, что только Германское Правительство въ состояніи вырвать Государыню и Семью изъ большевицкихъ рукъ и что вы безсильны помочь Имъ? — спросилъ онъ меня. Я отвѣтилъ утвердительно.

— Ну, если ваши сѣверныя организаціи ничего не могли сдѣлать, то, быть можетъ, южныя предприняли какіе либо шаги?

Я отвѣтилъ, что насколько мнѣ извѣстно, изъ Одессы былъ посланъ одинъ человѣкъ въ Екатеринбургъ для выясненія положенія на мѣстѣ. Ничего другого, по моему, сдѣлано не было, но во всякомъ случаѣ я прошу его по этому вопросу обратиться къ нашимъ Кіевскимъ лидерамъ, Безаку, Скаржинскому и Катенину, дабы не только узнать отъ нихъ лично о ихъ работѣ въ этомъ направленіи, но и услышать ихъ мнѣніе по вопросу, какъ они смотрятъ на создавшееся положеніе.

Магенеръ охотно согласился посѣтить Ф. Н. Безака. Я разсказалъ ему такъ же о соображеніяхъ моего отца по этому вопросу и о моихъ взаимоотношеніяхъ съ Ю. А. Денъ, являющейся, здѣсь на Украйнѣ, человѣкомъ наиболѣе близкимъ къ Ея Величеству, безпредѣльно Ей преданному, мнѣніе котораго о нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ не-

обходимо выслушать. Магенеръ вполнѣ согласился со мной и въ свою очередь посвятилъ меня въ подробности своего пребыванія въ Москвѣ. Я считаю себя не въ правѣ писать о всѣхъ деталяхъ всего того, что мнѣ сообщилъ Магенеръ, но одно мнѣ было ясно, что никакихъ доказательствъ гибели всей Царской Семьи онъ не имѣлъ. Его свѣдѣнія во многомъ сходились съ тѣми, которыя я получилъ въ Германскомъ Консульствѣ въ Петербургѣ. Въ Москвѣ Магенеръ видѣлся лично съ Іоффе и Радекомъ и оба категорически отрицали фактъ разстрѣла въ ночь на 17-ое іюля Царской Семьи совмѣстно съ Государемъ.

Магенеръ собирался проѣхать на 10—12 дней въ Одессу по личному дѣлу и просилъ меня сообщить о его пріѣздѣ Ю. А. Денъ, съ просьбой пріѣхать къ 5-ому ноября въ Кіевъ для совмѣстнаго обсужденія создавшагося положенія.

На слѣдующій день, ровно въ 12 часовъ, Магенеръ и я были приняты Ф. Н. Безакомъ у него на квартирѣ въ присутствіи Скаржинскаго и Катенина. Послѣ обмѣна привѣтствіями, когда всѣ сѣли, Магенеръ сказалъ:

— Я пріѣхалъ къ вамъ узнать, что вы сдѣлали для спасенія своего Императора и Его Семьи? —

— Мы, мы, собственно говоря, ничего не сдѣлали... т. е., ничего не могли сдѣлать отсюда... Мы бы хотѣли очень знать, что вами сдѣлано въ этомъ направленіи!... — отвѣтилъ ему Ѳеодоръ Николаевичъ.

Наступило неловкое молчаніе, его прервалъ Магенеръ:

— Видите-ли, я имѣлъ порученіе войти въ связь съ русскими монархическими организаціями для того, чтобы скоординировать свои дѣйствія съ тѣмъ, что было уже сдѣлано ими ради охраненія или спасенія Царской Семьи. Для исполненія этого мнѣ было предписано вступить въ связь съ г-номъ Марковымъ, обратившимся за помощью къ Брату вашей Государыни, Великому Герцогу Гессенскому, что я вчера и сдѣлалъ. Отъ г-на Маркова я узналъ подробности о его поѣздкѣ въ Сибирь и обо всемъ имъ тамъ видѣнномъ. Теперь я хотѣлъ бы услышать отъ васъ, какъ вы смотрите на создавшееся положеніе и что вы намѣрены предпринять по этому вопросу въ дальнѣйшемъ?

Изъ послѣдующаго разговора Магенеръ могъ убѣдиться, что какъ Ѳеодоръ Николаевичъ, такъ и его сотрудники всецѣло раздѣляютъ мою точку зрѣнія, считая, что только Германія дипломатическимъ путемъ можетъ вмѣшаться въ судьбу Царской Семьи, если таковая жива и что они лично безсильны помочь Ей.

На этомъ бесѣда наша кончилась. Магенеръ обѣщалъ довести это категорическое мнѣніе южно-русскихъ монар-

хистовъ до свѣдѣнія надлежащихъ лицъ, и по полученіи отвѣта информировать ихъ о своихъ дальнѣйшихъ шагахъ.

Я не могу сказать, чтобы Магенеръ былъ удовлетворенъ своимъ свиданіемъ съ нашими дѣятелями. Когда мы съ вышли на улицу, чтобы итти въ Грандъ-Отель совмѣстно завтракать, Магенеръ долго шелъ молча, угрюмо потупившись, и, наконецъ, у него вырвалось:

— Я не понимаю васъ, русскихъ, вы настаиваете, что Германія и только Германія можетъ спасти и должна спасти Государыню и Ея Семью, а вѣдь у насъ не только при Дворѣ, но и повсюду даже извѣстно, что ваша Императрица считаетъ Себя настолько русской, что ни за что не поѣдетъ въ Германію и ни за что не согласится на нѣмецкую помощь! —

Хотя я и зналъ, что это была правда, но, чтобы не охладить Магенера, сталъ его убѣждать въ томъ, что теперь не время думать о томъ, согласится или не согласится Государыня на нѣмецкую помощь, но что человѣколюбія ради надо Ее вырвать изъ большевицкихъ лапъ и что не зачѣмъ везти Царскую Семью въ Германію, когда Ихъ можно вывезти въ Швецію, что по политическимъ причинамъ будетъ наилучшимъ выходомъ изъ положенія. Объ этомъ же я и писалъ въ своемъ письмѣ къ Великому Герцогу. Во время завтрака Магенеръ разсказалъ мнѣ, что въ Германіи совершенно не понимаютъ сущности большевизма, плохо информированы о всѣхъ ужасахъ, творимыхъ нашими товарищами, и о томъ хаосѣ, въ какомъ пребываетъ Россія. Никто и въ мысляхъ не имѣетъ вѣрнаго представленія о тяжести положенія, въ которомъ находилась Царская Семья. Лично Магенеръ былъ потрясенъ, когда увидѣлъ въ какомъ безпомощномъ состояніи Она находилась въ Сибири и, скажу откровенно, не особенно лестно отозвался о преданности русскихъ людей своему Императору и Его Семьѣ... Во всякомъ случаѣ, никто въ Германіи не ожидалъ трагедіи, которая случилась въ ночь на 17-ое іюля.

Поэтому мое письмо къ Великому Герцогу было первымъ показаніемъ очевидца страданій Царской Семьи и, несмотря на это, Магенеръ былъ снабженъ для своей поѣздки суммой только въ 30.000 марокъ, для Германіи большой суммы, но совершенно ничтожной для Россіи! Даже о дороговизнѣ, царившей у насъ, нѣмцы не имѣли ни малѣйшаго представленія. Кромѣ того, Родственники Ея Величества были увѣрены, что Царская Семья въ достаточной степени защищена вѣрными Ей людьми. Я не могу сказать, что мнѣ было особенно пріятно слушать всѣ эти изліянія Магенера... За кофе онъ составилъ телеграмму

своему начальству по поводу свиданія со мною и нашими лидерами, текстъ ея былъ слѣдующій:

Die Markow'sche Gruppe besteht kategorisch darauf, daß Deutschland allein imstande ist, die aufgerollte Frage zu lösen.

Почему Безакъ и его сотрудники оказались въ одной со мной группѣ или вѣрнѣе „моей группой" — не знаю, но я не сталъ разубѣждать въ противномъ милѣйшаго Магенера. По молодости лѣтъ мое мнѣніе могло быть не достаточно вѣско, такъ пускай будетъ, что его имѣла цѣлая „группа"!

На слѣдующій день Магенеръ уѣхалъ въ Одессу, а я написалъ подробное письмо Юліи Александровнѣ съ просьбой обязательно пріѣхать въ Кіевъ.

Мои разсчеты не оправдались. Событія предупредили наши желанія. Начавшееся 5-го ноября возстаніе Петлюры съ быстротой молніи повергло несчастную „Украинскую Державу" въ состояніе полнѣйшей анархіи. Кіевъ оказался осажденнымъ бандами пресловутаго „батьки", а мы русскіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы „иностранные" офицеры, попали въ положеніе невольныхъ защитниковъ украинской независимости!... Какая иронія! О моихъ переживаніяхъ за этотъ трагическій мѣсяцъ я не буду упоминать на страницахъ этой книги. Они не имѣютъ прямаго отношенія къ затронутому мною вопросу жизни Царской Семьи за эти кошмарные года.

О своей службѣ въ качествѣ личнаго ординарца Главнокомандующаго всѣми вооруженными силами на Украинѣ и Главнокомандующаго Сѣверной Монархической Арміей, ген. отъ кавалеріи графа Келлера, о послѣднихъ дняхъ Гетманскаго режима и, наконецъ о моемъ пребываніи въ Германской Комендатурѣ города Кіева и совмѣстной работѣ съ генералъ-маіоромъ Димитріемъ Іосифовичемъ Гурко по спасенію и вывозу изъ Кіева офицеровъ и ихъ семействъ въ Германію, я буду писать въ отдѣльной книгѣ.

Изъ-за перерыва желѣзнодорожнаго сообщенія между Одессой и Кіевомъ, Магенеръ въ Кіевъ уже больше не вернулся, и мнѣ вторичной связи съ нимъ установить не удалось.

Слухи о гибели всей Царской Семьи въ памятную ночь на 17-ое іюля ширились и росли. Но это были все, лишь, слухи и разсказы третьихъ лицъ, слышавшихъ объ этомъ ужасномъ злодѣяніи изъ четвертыхъ и пятыхъ рукъ.

Я гналъ прочь отъ себя возможность такого кошмара и не вѣрилъ ему. Я имѣлъ возможность проѣхать въ Одессу при помощи Швейцарскаго консула въ Кіевѣ, чтобы соединиться снова съ своей семьей, но избралъ другой путь. Я рѣшилъ, во что бы то ни стало, проѣхать въ Германію для

свиданія съ Великимъ Герцогомъ, чтобы лично доложить Ему о жизни Его Августѣйшей сестры и Ея Семьи за этотъ послѣдній годъ. Въ этомъ своемъ шагѣ я видѣлъ свою послѣднюю обязанность по отношенію къ Тѣмъ, на Кого я молился, Кого боготворилъ, и Кому вѣрно и честно служилъ всю свою жизнь.

Я не былъ очевидцемъ Ихъ трагической гибели, но былъ свидѣтелемъ Ихъ безмѣрныхъ страданій въ заточеніи. Я былъ свидѣтелемъ того, какъ прошли послѣдніе дни жизни Русскаго Императора и Его Семьи въ снѣгахъ далекаго Тобольска, всѣми покинутаго и забытаго! И я представлялъ Великому Герцогу Самому сдѣлать Свои заключенія по поводу всего случившагося, и оставлялъ вопросъ о трагической ночи открытымъ.

Я исполнилъ свое желаніе. 21-го января, переодѣтый въ германскую военную форму, покинулъ я Кіевъ съ эшалономъ 68-го пѣхотнаго полка, отправлявшагося на родину. Солдатамъ было оффиціально заявлено, что я студентъ, ѣдущій въ Германію для продолженія образованія и временно принятъ переводчикомъ при штабѣ баталіона, находившагося въ нашемъ поѣздѣ. На товарной станціи посадка баталіона прошла въ образцовомъ порядкѣ, и около двухъ часовъ дня я сѣлъ на паровозъ въ сопровожденіи германскаго фельдфебеля.

Фельдфебель былъ, такъ сказать, для моего прикрытія, а я для разговоровъ съ машинистомъ. На тендерѣ имѣлся у насъ телефонъ, соединявшій насъ съ центральнымъ вагономъ эшалона, гдѣ помѣщался штабъ. Машинистъ пытался доказать мнѣ, что у него въ машинѣ мало пара и имѣется какой то дефектъ, но это была знакомая исторія. Ощутивъ въ рукѣ бумажку въ 1000 карбованцевъ, машинистъ сдѣлался предупредительно любезенъ, и паръ неожиданно и скоро поднялся въ котлѣ. Заревѣлъ гудокъ, и нашъ поѣздъ медленно потащился, унося насъ изъ Стольнаго града Кіева, надъ которымъ рѣяли чужіе „жовто-блакитные“ флаги, и слышалась чужая украинская рѣчь, отдававшая запахомъ Тарнопольскаго гетто.

ГЛАВА XX.

Девять лѣтъ прошло съ того дня, какъ я увидѣлъ старый германскій флагъ надъ вокзаломъ стараго русскаго города Ковеля, почувствовалъ себя „за границей“ и въ безопасности... Какая иронія! Кто хотя немного любитъ свою родину, пойметъ мои переживанія въ этотъ день и теперь, когда я объ этомъ днѣ вспоминаю!

30-го января, къ полудню, я не замѣтилъ ужъ особенной разницы между старой Россіей и освобожденной отъ „русскаго нашествія“ полуразрушенной Восточной Пруссіей и какъ то совершенно незамѣтно переѣхалъ старую русско-германскую границу у Проткена. Нашъ эшалонъ послѣ четырехдневнаго пути дотащился до Алленштейна. Въ Алленштейнѣ я распрощался, какъ и съ офицерами эшалона, которые любезно приняли меня подъ свою защиту, зная мое настоящее „я“, отъ глубины души поблагодаривъ ихъ за любезное отношеніе ко мнѣ, такъ и съ солдатами, въ средѣ которыхъ мнѣ пришлось прожить эти дни и которые видѣли во мнѣ „студента М.“, ѣдущаго въ Германію продолжать свое образованіе.

Когда эшалонъ медленно сталъ отходить отъ дебаркадера, унося моихъ счасливыхъ спутниковъ въ глубь Германіи, въ родныя имъ мѣста, со мной случился инцидентъ, во многомъ напоминавшій мнѣ отъѣздъ моего отчима изъ Киссингена.

Я шелъ по перрону за уходившимъ поѣздомъ, обмѣниваясь послѣдними привѣтствіями съ солдатами, столпившимися возлѣ раскрытой двери товарнаго вагона.

Glückliche Reise! кричалъ кто то, давшій мнѣ свой адресъ, и, наконецъ, раздался басъ молодого еще вольноопредѣляющагося, желавшаго поступить въ университетъ: Auf Wiedersehen in der Alma mater in Leipzig!

Не долго думая, я выхватилъ изъ бумажника десятка два моихъ визитныхъ карточекъ и пачкой бросилъ ихъ, ничего подобнаго не ожидающимъ солдатамъ. На карточкахъ, кромѣ моего имени и фамиліи, стояло:

Leutnant a. D. im Krimschen Regiment zu Pferd I. M. der Kaiserin Alexandra von Rußland und persönlicher Ordonanzoffizier des Generals der Kavallerie Graf Keller.

Солдаты сразу поняли, въ чемъ дѣло. Изъ вагона поѣзда, прибавившаго ходу, раздалось громкое троекратное Hurra! и крики: Auf Wiedersehen, Herr Leutnant!

Пока поѣздъ не скрылся изъ виду, я видѣлъ десятки рукъ, махавшихъ мнѣ своими шапочками и платками.

Инкогнито мое было окончательно раскрыто. Я снова сдѣлался для всѣхъ тѣмъ, чѣмъ былъ и есть и на этотъ разъ, кажется, ужъ на всегда.

Такъ началось мое пребываніе въ Германіи, гдѣ я прожилъ до мая 1920 г. 31-го января 1919-го года я пріѣхалъ курьерскимъ поѣздомъ въ Берлинъ, на слѣдующій же день явился въ Управленіе нашего Военнаго Представителя въ Германіи, пріѣхавшаго не задолго туда подъ флагомъ Начальника Миссіи Краснаго Креста, генералъ-маіора Д. Н. Потоцкаго.

Отъ пріѣхавшихъ ранѣе генералъ уже слышалъ обо мнѣ и о моей дѣятельности въ Комендатурѣ. Онъ сердечно поблагодарилъ меня за все сдѣланное мною для эвакуаціи офицеровъ и ихъ семействъ изъ Кіева [1].

Генералъ оставилъ меня при себѣ офицеромъ для порученій, на каковой должности я оставался вплоть до поступленія въ Западную Добровольческую Армію [2].

Отъ моего новаго начальника я узналъ, что въ Кіевѣ послѣ отъѣзда послѣдняго эшалона произошли снова насилія надъ оставшимися офицерами, что дни Петлюровской директоріи сочтены и что на совѣтско-украинской границѣ уже начались бои отрядовъ „батьки“ съ красногвардейцами.

На первый день Св. Пасхи того-же года, въ Дармштадтѣ я удостоился счастья быть принятымъ Августѣйшимъ Братомъ Государыни, Великимъ Герцогомъ Эрнстомъ-Людвигомъ Гессенскимъ, принявшимъ меня у Себя во дворцѣ въ болѣе чѣмъ 4-хъ часовой аудіенціи. Онъ меня представилъ Своей Супругѣ, на рѣдкость симпатичной и

---

[1] Отъ генералъ-маіора Д. І. Гурко я передъ отъѣздомъ изъ Кіева получилъ слѣдующее удостовѣреніе:

УДОСТОВѢРЕНІЕ № 4.

Кіевъ, 8. І. 1919 года.

Предъявитель сего Крымскаго Коннаго Ея Величества Императрицы Александры Ѳеодоровны полка корнетъ Сергѣй Владиміровичъ Марковъ, бывшій личный ординарецъ генерала отъ кавалеріи графа Келлеръ по моему порученію содѣйствовалъ освобожденію изъ тюремъ и больницъ и отправленію заграницу офицеровъ Добровольческой Арміи, оказавъ при этомъ большія услуги.

(подписано) Генералъ-маіоръ Гурко.

[2] Отъ генералъ-маіора Потоцкаго мною въ Бѣлградѣ въ 1920 году былъ полученъ слѣдующій аттестатъ:

Бѣлградъ, 31-го октября 1920 года.

Настоящимъ свидѣтельствую, что корнетъ Крымскаго Коннаго полка Сергѣй Владиміровичъ Марковъ, уволенный по болѣзни (вслѣдствіе ранъ) отъ военной службы, въ бытность его въ Кіевѣ ординарцемъ при графѣ Келлеръ, затѣмъ во время его нахожденія въ Берлинѣ въ числѣ эвакуированныхъ изъ Кіева военно-служащихъ — состоя для порученій при мнѣ, по должности Нач-ка Военной Миссіи, отличался отмѣнной дисциплиной, служа на пользу Родины, не жалѣя силъ и здоровья.

Обладая тактомъ и прекрасно выполняя всѣ возлагаемыя на него порученія, корнетъ Марковъ представляетъ собою образцоваго оберъ-офицера.

Уволенный по болѣзни, какъ негодный для строевой службы, корнетъ Марковъ можетъ выполнять отвѣтственныя порученія.

Печать Управленія Россійскаго Военнаго Агента въ Королевствѣ С. Х. С.

Военный Агентъ въ Королевствѣ С. Х. С.
Генералъ-маіоръ
(подписано) Потоцкій.

простой Великой Герцогинѣ Элеонорѣ и Своимъ очаровательнымъ сыновьямъ Принцамъ Георгу и Людвигу.

Въ этотъ же день я былъ приглашенъ къ завтраку во дворецъ, во время котораго я дѣлился съ присутствовавшими впечатлѣніями о своей поѣздкѣ въ Сибирь.

Въ самыхъ сердечныхъ и теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ меня Герцогъ за мою службу и работу на пользу и счастье Его Августѣйшей Сестры и всей Ея Семьи.

На слѣдующій день послѣ того, какъ я былъ принятъ Великимъ Герцогомъ, меня посѣтилъ Гофмаршалъ Его Королевскаго Высочества графъ Куно фонъ Гарденбергъ, сообщившій мнѣ, что, въ виду того, что Великій Герцогъ считаетъ меня Своимъ гостемъ, то онъ, исполняя желаніе Его Высочества, распорядился уже въ дирекціи отеля о томъ, что бы все мое пребываніе какъ комната, такъ и столъ должны быть отнесены на счетъ Гофмаршальской части.

Я былъ глубоко тронутъ внимательностью Его Высочества и не зналъ, какъ благодарить графа, потрудившагося зайти ко мнѣ! Въ дальнѣйшемъ, милѣйшій графъ своей предупредительностью растрогалъ меня буквально до слезъ:

Мнѣ не только было предоставлено мѣсто въ Великогерцогскомъ театрѣ, но мнѣ былъ спеціально показанъ Большой Дармштадтскій Замокъ, картинная галлерея, но, когда графъ, случайно узналъ о томъ, что я страдаю ушными болями, онъ немедленно отправилъ меня къ придворному врачу, пользовавшему меня въ продолженіи всего моего пребыванія въ Дармштадтѣ!...

И теперь, вспоминая объ этихъ дняхъ, которые никогда не изгладятся изъ моей памяти, я считаю своимъ долгомъ отъ глубины души поблагодарить графа Гарденбергъ за то трогательное вниманіе, которое онъ проявилъ въ отношеніи меня!

Пробывъ гостемъ Великаго Герцога въ Дармштадтѣ одну недѣлю, я вернулся въ Берлинъ и, исполняя просьбу Великаго Герцога, 18-го іюня пріѣхалъ въ маленькій, типичный нѣмецкій приморскій городокъ Екернферде на берегу залива того-же наименованія въ Шлезвигъ-Голштиніи, въ пяти километрахъ отъ котораго находится имѣніе Гемельмаркъ Принца Генриха Прусскаго, Брата Императора Вильгельма, женатаго на старшей сестрѣ Государыни, Принцессѣ Иренѣ Прусской.

Три дня я былъ Ихъ гостемъ въ Ихъ большомъ, новой постройки домѣ, типичной усадьбѣ богатыхъ германскихъ помѣщиковъ, мало напоминавшемъ дворецъ.

Я былъ счастливъ такъ близко провести эти дни около родной Сестры моей любимой Государыни и Ея

Мужа, обворожившихъ меня Своимъ вниманіемъ и сердечностью.

Я окрѣпъ морально и нравственно, присмотрѣвшись къ этой идеальной любящей Супружеской Четѣ, жившей въ деревенской глуши, вдали отъ какой либо политики и какъ отчетливо слышатся мнѣ и сейчасъ слова Принца, за однимъ изъ five-o-cloc-овъ въ прелестномъ холлѣ Ихъ дома. Онъ вспомнимъ одинъ изъ эпизодовъ изъ своей жизни, Онъ вспомнилъ одинъ изъ эпизодовъ изъ своей жизни, Сестеръ Своей Жены:

„Elisabeth ist die schönste, Alix ist die klügste, aber meine ist die beste."

Я не могу судить, кто лучшая изъ трехъ Царственныхъ Сестеръ, но думаю что Принцъ былъ по Своему правъ, дѣлая такое опредѣленіе, такъ-какъ, дѣйствительно, лучшей спутницы въ жизни и лучшаго друга, чѣмъ была и есть для Него Принцесса Ирена, по моему, Онъ найти не могъ.

Какъ въ Дармштадтѣ, такъ и въ Геммельмаркѣ я сдѣлалъ Августѣйшимъ Родственникамъ Государыни подробные и детальные доклады о своей поѣздкѣ и былъ счастливъ получить отъ Нихъ благодарность за свою службу и работу.

Въ январѣ 1920-го года я представилъ Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ подробный письменный докладъ о своей поѣздкѣ и также удостоился получить отъ Ея Величества черезъ посредство генерала Безобразова, бывшаго Командира Гвардейскаго Корпуса, Высочайшую благодарность за все сдѣланное мною для Ихъ Величествъ.

21-го апрѣля 1920-го года я былъ осчастливленъ полученіемъ письма отъ адмирала князя Вяземскаго, состоявшаго при Ея Величествѣ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ [1].

Къ письму былъ приложенъ Портретъ Ея Величества съ Ея Собственноручной подписью и чекъ на 6000 герм. марокъ. Этотъ знакъ Монаршаго вниманія былъ и будетъ мнѣ лучшей наградой на всю жизнь, за все то малое и ничтожное, что мнѣ по мѣрѣ силъ и возможности Господомъ Богомъ дано было сдѣлать для моего Державнаго Повелителя, любимаго Шефа и Ихъ Августѣйшей Семьи.

На полученныя деньги, а также ввиду широкой матеріальной помощи отъ долголѣтняго сотрудника моего покойнаго дѣда, графа Владиміра Николаевича Коковцева, мнѣ въ началѣ мая того-же года профессоромъ Клаусъ въ

---

[1] См. фотографическій снимокъ съ письма.

Францискусъ-Санаторіумъ въ Берлинѣ была произведена сложная операція, трепанація черепа въ области лѣваго уха, воспалительный процессъ котораго принялъ угрожающій для жизни характеръ.

Операція прошла блестяще и жизнь моя была спасена.

И еще разъ я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ отъ глубины души, отъ всего сердца еще разъ принести свою благодарность Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ за Ея Высокомилостивую помощь, графу В. Н. Коковцеву и свѣтлѣйшей княгинѣ О. В. Лопухиной-Демидовой, безъ сердечной помощи которыхъ мнѣ не возможно было бы въ достаточной мѣрѣ поправить свое здоровіе и закончить послѣоперацiонное леченіе.

Они меня вернули къ жизни и дали силъ бороться за свое существованіе на чужбинѣ!

Всемогущій Господь да вознаградитъ ихъ сторицей за все сдѣланное для меня!...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мои воспоминанія о 1917-1918 годахъ, прожитыхъ мною въ столь необычной и трагической обстановкѣ, закончены.

Закончена также и служба моя Ихъ Величествамъ, служба офицера своему Монарху и долгъ глубоко преданнаго человѣка, который по мѣрѣ силъ и возможности пытался всеми доступными средствами прійти на помощь Ему и Его Семьѣ, въ тяжкихъ условіяхъ плѣненія въ родной странѣ.

Теперь можно безпристрастно и нелицепріятно подвести итоги тому, что собственно было сдѣлано и предпринято нами, вѣрноподданными своего Царя, для облегченія участи Царственныхъ Узниковъ и для спасенія Ихъ изъ рукъ красныхъ палачей.

Я постараюсь припомнить здѣсь всѣ мнѣ извѣстныя попытки къ спасенію Царской Семьи, предпринятыя какъ отдѣльными лицами, такъ и организаціями.

Но прежде, чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ этихъ попытокъ, я считаю своимъ долгомъ глубоко преклониться передъ свѣтлой памятью тѣхъ, кто не на словахъ, а на дѣлѣ запечатлѣлъ свою преданность Царской Семьѣ. Они пошли за своимъ Повелителемъ въ изгнаніе и кровью своей доказали свою преданность и вѣрность Ему.

Князь Долгорукій, лейбъ-медикъ Боткинъ, генералъ Татищевъ, графиня Гендрикова и гофъ-лектриса Е. А. Шнейдеръ безтрепетно приняли смерть, послѣдовавъ за Державной Семьей въ изгнаніе.

— Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя!...

Среди лицъ, близкихъ къ Царской Семьѣ и пользовавшихся Ея исключительнымъ благорасположеніемъ, одно изъ первыхъ мѣстъ должно быть отведено А. А. Танѣевой (Вырубовой).

Въ началѣ 1923-го года я, къ своей большей радости и счастью, узналъ, что ей удалось благополучно покинуть предѣлы совѣтскаго „рая“ и что она со своей матерью проживаетъ заграницей.

Я немедленно списался съ ней и былъ несказанно обрадованъ полученіемъ отъ нея слѣдующаго письма:

17-го января 1923 г.

Милый маленькій Марковъ,

Какъ я была рада узнать, что Вы живы и здоровы!... Вѣдь я съ тѣхъ поръ ничего о Васъ не знаю!... Теперь скоро два года, что мама и я выѣхали изъ Россіи и жили ... у сестры.

Сколько перенесено съ тѣхъ поръ, что я Васъ не видѣла!...

А Вы какъ поживаете, гдѣ Вы все это время были, когда уѣхали и какимъ путемъ? Буду рада узнать всѣ подробности о Вашей жизни!...

Мы бѣжали черезъ ледъ два года тому назадъ! Я даже босикомъ, такъ какъ ничего не было; финнъ, который насъ везъ, сжалился и отдалъ мнѣ свои носки!...

За эти два года я очень поправилась, но еще порядочно нервная. Буду ждать съ нетерпѣніемъ Вашего письма! Пишите черезъ...

Мы съ мамой сейчасъ въ... Хочу Вамъ послать фотографіи, которыя Вамъ будутъ дороги, когда получу отъ Васъ отвѣтъ. Читали ли Вы мои воспоминанія, которыя вышли въ Парижѣ? Если нѣтъ, то пришлю. Храни Васъ Господь, милый „маленькій Марковъ“! Слава Богу, что Вы живы!...

Сердечный привѣтъ и пожеланія всего свѣтлаго въ наступающемъ году!

Танѣева.

Вскорѣ я получилъ и книгу съ авторской надписью: „На добрую память маленькому Маркову отъ автора.“

Чтеніе этой замѣчательной книги, этихъ исключительныхъ по своему содержанію воспоминаній, въ которыхъ Анна Александровна раскрываетъ передъ читателемъ свою изстрадавшуюся душу, вводя его въ мало знакомый кругъ

интимной жизни Царя-Мученика и Его Семьи, всколыхнуло во мнѣ воспоминанія о тихихъ, спокойныхъ дняхъ жизни въ Ливадіи, и я снова пережилъ въ малѣйшихъ деталяхъ все, что казалось уже погребеннымъ въ тайникахъ моего сердца!

Жгучей, нестерпимой болью отозвались въ душѣ воспоминанія о кошмарныхъ 1917—1918 годахъ, годахъ безмѣрныхъ страданій Святой Семьи Царственныхъ Мучениковъ въ далекой, снѣжной Сибири!...

И мы, русскіе люди, вольно или не вольно оставившіе на произволъ судьбы Семью нашихъ Вѣнценосцевъ, должны преклониться передъ образомъ этой больной физически и нравственно женщины, подвергшейся истязаніямъ и надругательствамъ, но ни на одну минуту не забывшей Семьи своихъ Царственныхъ Друзей, для Которой она отдала свои послѣднія силы, не словомъ, а дѣломъ помогая Имъ въ изгнаніи.

И что всего удивительнѣе, несмотря на весь ужасъ перенесенныхъ издѣвательствъ и страданій, эта глубоко религіозная женщина полна всепрощенія къ своимъ врагамъ.

Она безропотно шла и идетъ по своему крестному пути.

„Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утѣшайтесь, злословимы — радуйтесь[1]... — вотъ нашъ путь съ Тобою!“ — пишетъ ей изъ Тобольска ея Царственный Другъ, Государыня.

Твердо помнитъ глубоко несчастная женщина завѣтъ, пришедшій къ ней изъ далекой Сибири и, кончая свои записки, говоритъ:

— Господь мнѣ помощникъ и не убоюся, что мнѣ сотворитъ человѣкъ!

За 12 лѣтъ близости своей къ Императорскому Дому, отдавъ всѣ свои силы, все свое разумѣніе ея превыше всего на свѣтѣ любимой Государынѣ, подвергаясь за эти долгіе годы неслыханной клеветѣ, обвиненная въ чудовищныхъ преступленіяхъ, истерзанная физически и душевно своими палачами-тюремщиками, она и теперь не оставлена въ покоѣ людской подлостью и завистью! Съ крестомъ на сердцѣ и молитвой на устахъ, голодная, въ нищенскихъ лохмотьяхъ, босая, въ зимнюю стужу она и вдали отъ несчастной, поруганной Родины не нашла желаннаго покоя!

Ославленная въ свое время, какъ „наложница Распутина“, „германская шпіонка“, „отравительница Наслѣдника“ и „всесильная временщица, правившая Россіей“, она от-

---

[1] Изъ молитвы Св. Серафима Саровскаго.

дала послѣднее, что у нея было, въ дни заключенія своихъ Друзей и сдѣлала для Нихъ больше, чѣмъ кто либо.

Сколько грязи и низкой клеветы было брошено въ нее за это нашими „спасателями“, въ лицѣ Маркова 2-ого и его бывшаго сотрудника В. П. Соколова, обвинившими ее въ томъ, что она имъ мѣшала въ ихъ плодотворной работѣ на пользу Ихъ Величествъ въ Сибири и что, еслибы не она, то быть можетъ, все было иначе!...[1]

Прочтя эти завѣдомо ложныя показанія, кои дали судебному слѣдователю Соколову эти пресловутые „спасатели“, Анна Александровна вѣроятно подумала:

— Прости имъ Господи, они не вѣдаютъ, что творятъ!

Нѣтъ! Они вѣдаютъ, но боятся сознаться, что не по плечу было имъ дѣло спасенія Царской Семьи! Всѣ ихъ попытки кончились тѣмъ, чѣмъ они начались, т. е. праздными разговорами... Кто имъ, осмѣлившимся взять въ свои руки великое дѣло спасенія Царской Семьи, можетъ повѣрить, что имъ не удалось Ее спасти, такъ какъ у нихъ не было денегъ?...

Въ странѣ съ 150-ти милліоннымъ населеніемъ они не могли найти средствъ для спасенія своего Царя!...

16/29 мая 1921-го года на монархическомъ съѣздѣ въ Рейхенгаллѣ никто иной, какъ Марковъ 2-ой сказалъ:

— Нашелся русскій человѣкъ не только хорошихъ словъ, но и хорошаго дѣла, онъ пришелъ и сказалъ: „Я досталъ необходимыя деньги, соберите съѣздъ монархистовъ!“ — и мы приступили къ дѣлу[2]!

Итакъ Марковъ 2-ой нашелъ въ 1920 году деньги для съѣзда монархистовъ, а въ 1917—1918 годахъ денегъ для спасенія Царской Семьи онъ найти не могъ!

Не нашелъ онъ въ необъятной Родинѣ нашей человѣка, который пришелъ бы къ нему и сказалъ:

— Я досталъ необходимыя деньги! Спасите Царя и Его Семью! —

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ Анна Александровна, между прочимъ, пишетъ:

— Маркова 2-ого видѣла всего одинъ разъ въ жизни. Никакихъ „организацій“ я не имѣла и потому л о г и ч н о не могла о нихъ говорить съ нимъ... Я посылала и собирала, что могла, для своихъ Друзей и посылала съ тѣми, кто рисковалъ всѣмъ, лишь бы доставить Имъ радость!...

---

[1] Показанія Маркова 2-ого судебному слѣдователю Соколову, стр. 95—96. Показанія В. П. Соколова ему-же, стр. 96—97 изъ книги „Убійство Царской Семьи“ Н. Соколова, въ издательствѣ „Слово“, Берлинъ 1925.

[2] См.-Журналъ „Двуглавый Орелъ“ № 10 отъ 15/28 іюня 1921 г. (стр. 5).

Эти „многоглаголивые спасатели“ съ ихъ замѣчательными организаціями не могли сдѣлать того, что удалось сдѣлать полузамученной женщинѣ, которая сразу же послѣ освобожденія изъ Свеаборгской крѣпости въ концѣ сентября 1917 г. года, немедленно же стала устанавливать связь съ Ихъ Величествами. .

Это ей вполнѣ и удалось и съ ноября мѣсяца того-же года вплоть до увоза Ихъ Величествъ изъ Тобольска связь эта не прерывалась.

При дѣятельной поддержкѣ жены бывшаго Военнаго Министра, Екатерины Викторовны Сухомлиновой, Анна Александровна изыскала возможность къ отправленію въ Тобольскъ вещей и денегъ, столь необходимыхъ Ихъ Величествамъ. Вещи и деньги были переданы въ различные сроки Б. Н. Соловьевымъ, мною лично и другими лицами.

Всѣ вещи и деньги достигли мѣста своего назначенія, что подтверждается многочисленными письмами къ Аннѣ Александровнѣ какъ Государыни, такъ и Великихъ Княженъ. На Соловьева Анна Александровна возложила организацію отправокъ и созданіе на мѣстѣ возможности безконтрольнаго общенія съ Узниками.

Какъ видно изъ моихъ воспоминаній, обѣ эти цѣли были Соловьевымъ достигнуты.

Позволю себѣ спросить, что же было достигнуто за это время Марковымъ 2-ымъ и его могучей организаціей?

Къ сожалѣнію, ничего, кромѣ многообѣщающихъ фразъ и добрыхъ намѣреній!...

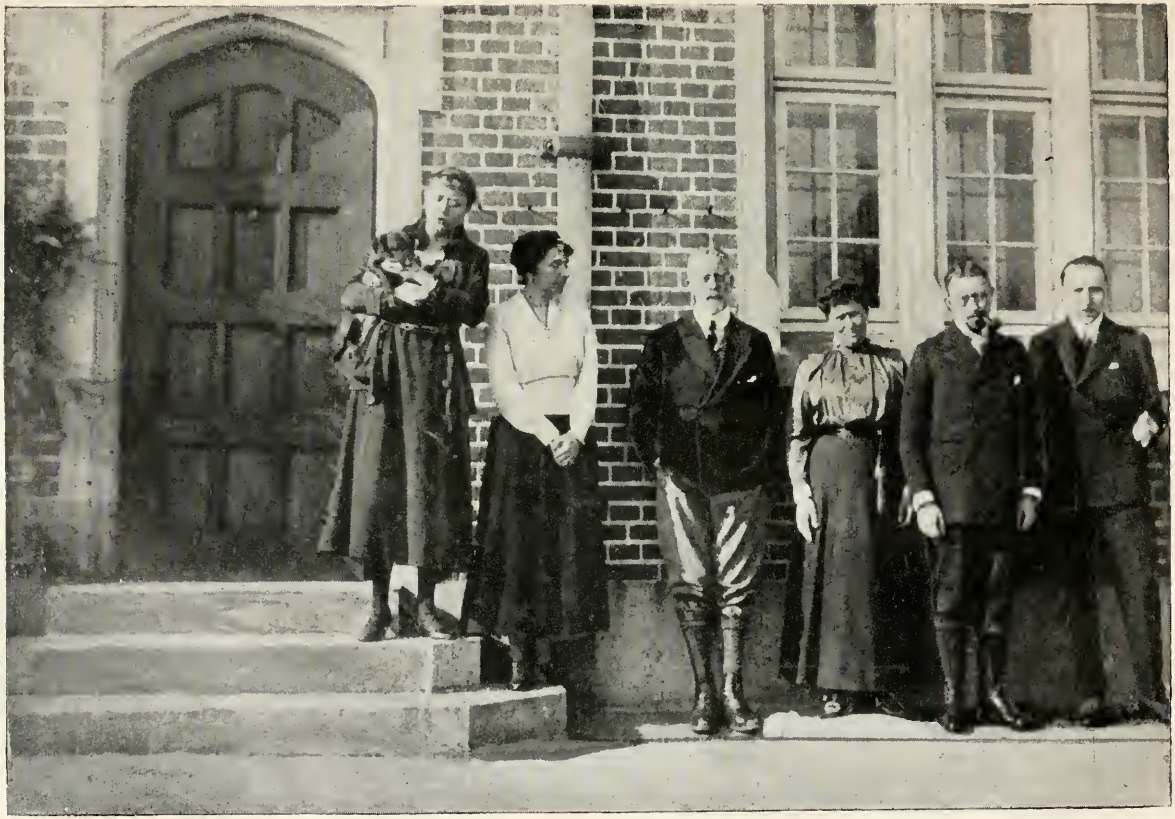
Оставляя въ сторонѣ Б. Н. Соловьева и мои попытки прійти на помощь Царской Семьѣ, такъ какъ описанію ихъ посвящены предшествующія страницы, я вкратцѣ перечислю всѣ мнѣ извѣстныя попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи какъ отдѣльными лицами, такъ и организаціями. Полагаю, что списокъ этотъ будетъ исчерпывающимъ:

1) Въ концѣ августа 1917-го года фрейлина Ея Величества М. С. Хитрово неудачно пыталась проѣхать въ Тобольскъ съ письмами и подарками для Ихъ Величествъ. Она хотѣла остаться и раздѣлить тяготы заключенія съ Царской Семьей, но была въ административномъ порядкѣ выслана изъ Тобольска.

2) Сенаторъ Туганъ-Барановскій имѣлъ связь съ Тобольскомъ, посылая туда своихъ людей. Связи съ Ихъ Величествами ему установить не удалось. По моимъ свѣдѣніямъ, одно изъ посланныхъ имъ довѣренныхъ лицъ устроилось въ Тобольскѣ подъ видомъ владѣльца кино-театра. О немъ упоминаетъ Т. Боткина въ своихъ воспоминаніяхъ [1].

---

[1] Воспоминанія Т. Боткиной, стр. 46.



Слѣва направо: Принцесса Вальдемаръ Прусская, баронесса М. К. Буксгевденъ, Принцъ Генрихъ Прусскій, Принцесса Ирена Прусская, Принцъ Вальдемаръ Прусскій и авторъ. Группа снята въ Herrenhaus Hemmelmark 10. III. 1922 г.

3) По показаніямъ В. І. Гурко, А. В. Кривошеина, А. А. Трепова, Н. Д. Тальберга, Д. Б. Нейдгардта и князя А. А. Ширинскаго-Шихматова, даннымъ ими Н. Соколову, московскія организаціи имѣли связь съ Тобольскомъ и имъ удалось въ періодъ между январемъ и апрѣлемъ передать Ихъ Величествамъ деньги черезъ посредство генерала Татищева [1]. Организаціи на мѣстѣ, которая могла бы имѣть рѣшающее значеніе въ дѣлѣ, спасенія Царской Семьи, создать имъ не удалось.

Эта же группа интервенировала въ Москвѣ въ пользу Царской Семьи у германскаго посла графа Мирбахъ, но, какъ видно изъ показаній членовъ группы, безуспѣшно.

4) Н. Н. Родзевичъ, глава южно-русскихъ монархическихъ организацій отправилъ въ іюлѣ 1918-го года на средства Толстого-Маразли изъ Одессы въ Екатеринбургъ своего довѣреннаго человѣка для информаціи. Послѣдній прибылъ въ Екатеринбургъ послѣ 17-го іюля и никакого положительнаго результата его поѣздка не дала.

5) Поздней осенью 1917-го года мой однополчанинъ штабъ-ротмистръ Николай Яковлевичъ Сѣдовъ былъ посланъ Марковымъ 2-ымъ въ Тобольскъ, дабы информировать его о создавшемся на мѣстѣ положеніи. О подробностяхъ его поѣздки читатель ознакомленъ по написанному мною по этому поводу.

6) При моемъ отъѣздѣ 2-го марта 1918 года въ Тобольскъ, Марковъ поручилъ мнѣ разыскать Н. Я. Сѣдова, информировать о его дѣятельности, сообщить о положеніи въ Тобольскѣ и, задержавшись, во что бы то ни стало, на мѣстѣ, войти въ составъ посылаемыхъ за мною вслѣдъ офицеровъ.

7) И, наконецъ, Марковъ 2-ой удостовѣряетъ, что имъ была организована группа изъ 18 офицеровъ, подъ начальствомъ генерала Х., которая съ конца іюня 1918-го года стала концентрироваться въ раіонѣ Екатеринбурга, но „изъ за недостатка денегъ и препонъ со стороны большевицкихъ заставъ, группа генерала Х. только въ іюлѣ мѣсяцѣ стала стягиваться къ Уралу. Нѣкоторые офицеры достигли Екатеринбурга 7-го (20) іюля. Но было уже поздно.“ [2]

Мой большой и искренній другъ, нынѣ покойный л.-гв. 1-го Стрѣлковаго полка полковникъ Димитрій Димитріевичъ Лебедевъ, бывшій однимъ изъ участниковъ этой, какъ справедливо замѣчаетъ Марковъ 2-ой, отчаяной попытки вѣрныхъ людей, разсказывая мнѣ въ Кіевѣ осенью

[1] Н. Соколовъ, „Убійство Царской Семьи“, стр. 105.

[2] См. „Высшій Монархическій Совѣтъ“, № 121 отъ 28. 4. 24, стр. 5.

1918-го года о ней, весьма не одобрительно отзывался о роли Маркова 2-ого, бросившаго на вѣрную смерть горсточку офицеровъ безъ средствъ съ весьма неудоволетворительными документами. Лично же Марковъ 2-ой по понятнымъ причинамъ въ этой „отчаяной попыткѣ“ участія не принималъ...

Вотъ и все, что сдѣлали для своего Царя русскіе монархисты! Намъ надо честно сознаться передъ грядущими поколѣніями, что мы въ сущности ничего не сдѣлали, въ то время какъ можно и должно было сдѣлать многое!

Какъ на одну изъ причинъ того, что ничего сдѣлано не было, Марковъ указываетъ на недостатокъ средствъ. Н. Е. Марковъ, продолжающій и теперь еще считать себя единственнымъ столпомъ русскаго монархизма, въ свое время называлъ себя единственнымъ человѣкомъ, могущимъ охранить и вырвать Ихъ Величествъ изъ заточенія. Ближайшему другу Императрицы Ю. А. Денъ онъ клялся „исполнить свой долгъ до конца“, увѣряя ее въ томъ, что работа организаціи развивается „планомѣрно и успѣшно“.

Правда, эти слова находятся въ явномъ противорѣчіи съ его послѣдующимъ заявленіемъ о „скудости средствъ организаціи“ и о „твердокаменномъ равнодушіи“ со стороны всѣхъ, къ кому онъ обращался за помощью еще въ декабрѣ 1917 года.

Остается изумляться, что Н. Е. Марковъ, видя полный неуспѣхъ своихъ попытокъ, тогда-же не сложилъ съ себя обязанностей главы организаціи, считавшей себя „обязанной спасти Ихъ Величества“ и не передалъ своихъ полномочій другому лицу.

Можетъ быть, этому скорѣе бы удалось сломить „твердокаменное“ равнодушіе среди тѣхъ, кто, не довѣряя Н. Е. Маркову лично, могъ и хотѣлъ спасти своего Императора и Его Семью!

Почему Марковъ 2-ой, видя полное крушеніе своихъ начинаній въ томъ же декабрѣ 1917-го года не сознался въ этомъ Ю. А. Денъ? Быть можетъ, тогда все обстояло бы иначе и Юліи Александровнѣ удалось бы найти другого человѣка, который сумѣлъ бы довести святое дѣло освобожденія Царственныхъ Узниковъ до конца, а Государь, основываясь на переданныхъ Ему Ю. А. Денъ словахъ Маркова 2-ого, не ожидалъ бы напрасно помощи отъ всесильной „tante Ivette“ [1], проживавшей въ Петербургѣ въ тщетныхъ поискахъ денегъ у „недавнихъ царскихъ блюдолизовъ“.

---

[1] „Tante Ivette“ — условное имя Маркова II-ого, извѣстное Государю.

Непонятно также и то, что, узнавъ весной 1918-го года отъ Н. Я. Сѣдова о якобы „провокаторской“ дѣятельности Б. Н. Соловьева, Марковъ 2-ой, зная мой тюменскій адресъ, не предупредилъ меня о томъ тогда же, чтобы я былъ болѣе осторожнымъ въ сношеніяхъ съ нимъ. Не сказалъ онъ этого и тогда, когда я пріѣхалъ въ іюлѣ 1918-го года въ Петербургъ. Въ это время онъ предпочелъ скрываться отъ меня „опасаясь меня, какъ активнаго сотрудника провокатора Соловьева“.

Изъ приложенныхъ къ моимъ воспоминаніямъ дословныхъ перепечатокъ двухъ статей Маркова 2-ого, помѣщенныхъ въ еженедѣльникѣ „Высшій Монархическій Совѣтъ“, видно, что еще въ 1918-омъ году, весной, онъ былъ твердо увѣренъ въ томъ, что Соловьевъ является чистѣйшимъ провокаторомъ, „губящимъ святое дѣло спасенія Царской Семьи“.

Какъ согласовать этотъ взглядъ на Соловьева съ совершенно инымъ его отношеніемъ къ нему же въ 1921 году, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ трехъ писемъ, адресованныхъ на имя Б. Н. Соловьева:

I.

Временное Бюро
Съѣзда Хозяйственнаго
Возстановленія Россіи.

21. апр. н. ст. 1921. № 42.

Берлинъ
Friedenau Kaiserallee 80

Милостивый Государь
Борисъ Николаевичъ!

Его Высокородію
Б. Н. Соловьеву.

Временное Бюро Съѣзда освѣдомилось, что въ Прагѣ находится Общество „Русскій Комитетъ“. Прошу Васъ оказать намъ содѣйствіе въ слѣдующемъ:

1) Выяснить какого политическаго направленія придерживается этотъ комитетъ.

2) Если это направленіе соотвѣтствуетъ той программѣ „Объединенія“, которая Вамъ извѣстна, то уполномачиваю Васъ войти съ Комитетомъ въ соглашеніе о командированіи одного или двухъ делегатовъ на Съѣздъ.

3) Если по своимъ политическимъ убѣжденіямъ составъ Комитета смѣшанный, то не представится ли возможнымъ

выдѣленіе изъ его состава особой группы, въ которую вошли бы люди близкихъ къ нашему Объединенію убѣжденій и отъ которой можно было бы избрать делегатовъ на Съѣздъ. Разумѣется, что очень желательно выборъ делегата, облеченнаго уже довѣріемъ Комитета, напримѣръ предсѣдателя или отвѣтственнаго члена президіума, если они принимаютъ программу Съѣзда. Очень прошу Васъ не замедлить отвѣтомъ по содержанію этого письма.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренней преданности.

Подлинное подписалъ:

Н. Марковъ.

II.

26. марта 1921. № 153.

Kaiserallee 80.

Gartenhaus
Friedenau
Berlin.

Милостивый Государь

Борисъ Николаевичъ!

Я не знаю адреса г-на В...., а почему обращаюсь къ Вамъ съ просьбой передать ему мое письмо.

Пользуюсь случаемъ привѣтствовать Васъ, какъ нашего отвѣтственнаго работника въ Чехо-Словакіи.

Поручивъ Вамъ руководительство, полковникъ Е. Г. Скупинскій сообщилъ намъ, что дѣло передано въ энергичныя и надежныя руки.

Желая Вамъ успѣха, мы надѣемся, что Вы не пожалѣете трудовъ на пользу святого дѣла.

Примите увѣренія въ моемъ уваженіи

Печать:
„Предсѣдатель Совѣта Русскаго Общественнаго Собранія въ Берлинѣ."

Подлинное подписалъ:
А. Римскій-Корсаковъ
Сенаторъ.

III.

Съѣздъ Хозяйственнаго Возстановленія Россіи.

29. апр. 1921.

Берлинъ Фриденау Кайзераллее 80.

Милостивый Государь Борисъ Николаевичъ!

Его Высокородію Б. Н. Соловьеву.

Настоящимъ письмомъ покорнѣйше просимъ Васъ пожаловать на Съѣздъ Хозяйственнаго Возстановленія Россіи, который съ разрѣшенія Баварскаго Правительства состоится 15—28 мая текущаго года въ гор. Рейхенгалль въ Баваріи и продолжится 8—10 дней.

О Вашемъ согласіи прибыть на Съѣздъ благоволите заблаговременно увѣдомить Бюро Съѣзда. На основаніи правилъ о Съѣздѣ, настоящее приглашеніе замѣняетъ собой членскій билетъ и при регистраціи участниковъ Съѣзда подлежитъ предъявленію въ секретарскую часть.

Подлинное подписалъ:

Предсѣдатель:

Н. Марковъ.

Секретарь:

Е. Скупинскій.

Приходиться признать, что въ этотъ періодъ Н. Е. Марковъ 2-ой ищетъ сотрудничества „завѣдомыхъ провокаторовъ“ и привлекаетъ ихъ къ участію въ монархическомъ Съѣздѣ! . . .

Въ заключеніе моего исчерпывающаго отвѣта на недостойные выпады по моему адресу, какъ въ показаніяхъ, данныхъ Н. Соколову, такъ и на страницахъ своего журнала, я долженъ удостовѣрить, что явнымъ вымысломъ является утвержденіе Маркова 2-ого о томъ, что якобы онъ меня видѣлъ послѣ возвращенія изъ Тобольска весной 1918-го года, что я увѣрялъ его въ томъ, что А. А. Вырубова своими средствами организовала въ достаточной мѣрѣ охрану Царской Семьи и что его помощь не нужна и. т. д. [1]

---

[1] См. „Убійство Царской Семьи“, Н. Соколова, стр. 95—96.

Уѣхавъ изъ Петербурга 3-го марта 1918-го года, я вернулся туда 7-го іюля т. г. и, несмотря на всѣ усилія, мнѣ Маркова 2-ого разыскать не удалось. Онъ и самъ, противорѣча своимъ показаніямъ, даннымъ Н. Соколову, въ No 124 еженедѣльника „Высшій Монархическій Совѣтъ“ пишетъ, что „скрывался отъ меня, такъ какъ опасался меня, какъ активнаго сотрудника провокатора Соловьева“...

Послѣ своего отъѣзда 3-го марта 1918 г. изъ Петербурга мнѣ пришлось встрѣтиться съ Марковымъ 2-ымъ только въ апрѣлѣ или началѣ мая 1920 года въ Берлинѣ около входа въ Полицейпрезидіумъ на Александерплатцъ.

Онъ страшно смутился, увидя меня.

— Здравствуйте! Здравствуйте!... Пожалуйста, уходите скорѣе... Я здѣсь совершенно конспиративно... Мы можемъ съ вами встрѣтиться въ другой разъ!... — услышалъ я отъ него, когда я радостный бросился къ нему, чтобы привѣтствовать его послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, полный надеждъ, что, наконецъ, путемъ личнаго свиданія съ нимъ и доклада о своей поѣздкѣ мнѣ удастся выяснить много наболѣвшихъ вопросовъ...

Но Марковъ 2-ой въ Берлинѣ былъ такъ же неуловимъ для меня, какъ и въ свое время въ Петербургѣ!...

Злостнымъ вымысломъ является также и утвержденіе Маркова 2-ого (В. М. С. No 124, страница 4), что якобы я за свое пребываніе въ Тобольскѣ видѣлся съ лицомъ, привозившимъ изъ Москвы Государю деньги и что оно „встрѣтило со стороны Сергѣя Маркова всяческія придирки и затрудненія въ сношеніяхъ съ Заключенными и вынуждено было снабдить корнета солидной суммой денегъ, чтобы онъ скорѣе уѣхалъ изъ Тобольска и не мѣшалъ. Получивъ деньги, С. Марковъ тотчасъ отбылъ въ Тюмень“.

Какъ видно изъ моихъ записокъ никого, кромѣ о. Васильева, его сына и служителя Крипичникова я за свое пребываніе въ Тобольскѣ не видѣлъ, уѣхалъ изъ него, согласно волѣ Государыни, въ село Покровское, а не въ Тюмень.

„Лицо“, о которомъ говоритъ Марковъ 2-ой, является плодомъ его больной фантазіи!

Покажется, быть можетъ, страннымъ, почему это вдругъ Марковъ 2-ой потратилъ столько драгоцѣннаго времени, чернилъ и бумаги, чтобы на страницахъ своего пресловутаго „Еженедѣльника“ оклеветать, облить грязью и такъ наивно изолгаться по адресу маленькаго, никому неизвѣстнаго офицера?... Почему это вдругъ этому „вождю“ русскаго монархизма потребовалось давать явно ложныя свидѣтельскія показанія судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ?...

А вотъ почему:

Ужъ больно стыдно этому неудачливому политику и организатору услышать правду, быть можетъ, и горькую отъ хорошо и близко (вопреки его увѣреніямъ!) извѣстнаго ему молодого его сотрудника, который, паче его чаяній, остался живъ и можетъ много разсказать о дѣятельности этого не признаннаго монархическаго Мессіи!...

Если вѣрить Маркову 2-ому, что онъ боялся меня въ совѣтскомъ Петербургѣ въ 1918 году, то чего же онъ боялся меня въ 1920 году въ Берлинѣ, находясь въ такой дали отъ не любезныхъ ему Чека и ГПУ?

Что же касается матеріаловъ судебнаго слѣдствія, опубликованныхъ Н. Соколовымъ, то я отнюдь не могу признать ихъ беспристрастными и отвѣчающими истинѣ. По непонятной для меня причинѣ, Н. Соколовъ весьма легкомысленно и пристрастно распорядился съ имѣвшимся у него слѣдственнымъ матеріаломъ, сдѣлавъ изъ него выборки свидѣтельскихъ показаній, освѣтивъ извѣстныя факты и роль нѣкоторыхъ лицъ въ угодномъ ему свѣтѣ. Въ 1921 году я, будучи проѣздомъ въ Берлинѣ, былъ у своихъ знакомыхъ познакомленъ съ капитаномъ л.-гв. Петроградскаго полка Павломъ Петровичемъ Булыгинымъ, который разсказалъ мнѣ, что онъ, по порученію Ея Величества Государыни Императорицы Маріи Ѳеодоровны, лѣтомъ 1918 года ѣздилъ въ изъ Крыма въ Екатеринбургъ, куда онъ прибылъ послѣ очень тяжелаго пути уже послѣ памятныхъ событій іюля мѣсяца 1918 года. Онъ остался при войскахъ Сибирской арміи, впослѣдствіи познакомился съ нѣкимъ Н. Соколовымъ, судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, который былъ назначенъ адмираломъ Колчакомъ для веденія слѣдствія по дѣлу объ убійствѣ Царской Семьи. Онъ помогалъ ему при веденіи слѣдствія и какъ Соколовъ, такъ и онъ лично послѣ Сибирской катастрофы и гибели Колчака прибыли въ Европу. Н. Соколовъ остался во Франціи, а онъ пріѣхалъ въ Германію.

Я никогда не скрывалъ отъ лицъ, которыхъ считалъ нужнымъ посвятить въ детали моей поѣздки въ Сибирь, всего того, что мнѣ лично пришлось видѣть и пережить и что мною было предпринятно въ дѣлѣ облегченія участи Царской Семьи. Такимъ человѣкомъ я и считалъ капитана Булыгина и отъ него не скрылъ ничего, что мнѣ было извѣстно по интересовавшему его дѣлу, и во всѣхъ подробностяхъ описалъ ему свою поѣздку въ Тобольскъ, службу въ красной арміи, о своей связи съ Братомъ Ея Величества, Велкиимъ Герцогомъ Эрнстомъ Людвигомъ Гессенскимъ и.т.д.

Уступивъ его просьбамъ, я согласился дать свои письменныя замѣтки по всему мною разсказанному для пере-

дачи ихъ судебному слѣдователю Н. Соколову на предметъ сохраненія со всѣмъ слѣдственнымъ матеріаломъ, собраннымъ послѣднимъ. Передавая свои письменныя замѣтки, которыя можно охарактеризовать, какъ краткій конспектъ настоящей книги, я убѣдительно просилъ капитана Булыгина просить Н. Соколова не пользоваться этимъ матеріаломъ для мемуарныхъ цѣлей, т. е. ни въ коемъ случаѣ не публиковать его заграницей, такъ какъ я считалъ, что преданіе гласности нѣкоторыхъ фамилій болѣе, чѣмъ преждевременно.

Я замѣтилъ капитану Булыгину, что на основаніи всего того, что мнѣ пришлось пережить и видѣть, я могъ бы и самъ написать сенсаціонныя мемуары, но я далекъ отъ мысли о спекуляціи на памяти дорогихъ для меня Ихъ Величествъ. Капитанъ Булыгинъ завѣрилъ меня, что и Н. Соколовъ далекъ отъ мысли публикованія собраннаго имъ матеріала, что этотъ матеріалъ представляетъ изъ себя не только судебную, но и государственную тайну и что весь матеріалъ, какъ и найденый пепелъ, обрубокъ пальца и кусочекъ кожи, вмѣстѣ со всѣми найденными въ Ипатьевскомъ домѣ вещами Царской Семьи будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени переданъ на благоусмотрѣніе Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Каково же было мое удивленіе и негодованіе, когда въ газетѣ „Послѣднія Новости“ No 1208 отъ 30 марта 1924 года я прочелъ статью г-на Словцева „Три попытки спасенія Царской Семьи“. Изъ этой статьи мнѣ сдѣлалось яснымъ, что Н. Соколовъ, вопреки увѣреніямъ капитана Булыгина, рѣшилъ предать судебную тайну гласности путемъ изданія книги своихъ воспоминій на французскомъ языкѣ, что ясно говорило мнѣ о коммерческой подкладкѣ этого предпріятія, такъ какъ совершенно ясно, что французская публика болѣе кредитоспособна, чѣмъ русскіе бѣженцы, которыхъ Н. Соколовъ заставилъ прождать болѣе года прежде, чѣмъ онъ далъ намъ всѣмъ возможность ознакомиться съ русскимъ подлинникомъ его книги.

Такъ какъ въ статьѣ г-на Словцева, написанной на основаніи книги Н. Соколова, была затронута и моя фамилія и затронута весьма безцеремонно, то то я счелъ въ цѣляхъ установленія истины отвѣтить на эту статью письмомъ въ редакцію газеты „Руль“ съ краткимъ объясненіемъ своей поѣздки въ Тобольскъ и связи съ Братомъ Государыни. Это письмо было напечатано въ газетѣ „Руль“ и перепечатано газетой „Вѣра и Вѣрность“.

Мое письмо нашло откликъ и Марковъ 2-ой на страницахъ своего еженедѣльника разразился, какъ замѣчаетъ газета „Руль“, „гнусной руганью“ по моему адресу.

Я рѣшилъ не вступать въ дальнѣйшую пребранку съ почтеннымъ авторомъ статьи „Ловцы правды“ въ No 124 еженедѣльника „Высшій Монархическій Совѣтъ“. Я полагаю, что предлагаемая книга является достаточно исчерпывающимъ отвѣтомъ на всѣ инсинуаціи по моему адресу, состряпанныя Марковымъ 2-ымъ.

Въ приложеніи къ моимъ воспоминаніямъ читатель найдетъ весъ этотъ полемическій матеріалъ безъ всякихъ комментаріевъ въ хронологическомъ порядкѣ.

Ознакомившись съ книгой Н. Соколова сначала во французскомъ изданіи, а потомъ въ русскомъ подлинникѣ, я констатировалъ, что Н. Соколовъ, воспользовавшись позднѣйшими показаніями Маркова 2-ого и Соколова-Баранскаго [1], кои онъ воспроизвелъ на страницахъ своей книги „Убійство Царской Семьи“ стр. 95, 96, 97, моими показаніями совершенно пренебрегъ, хотя онѣ и проливали достаточный свѣтъ на дѣятельность Маркова 2-ого по дѣлу освобожденія Императорской Семьи.

Далѣе, Н. Соколовъ не отказывается отъ того, что у него были мои письменныя показанія, и выбирая изъ нихъ двѣ или три нужныхъ ему строки, пользуется ими явно пристрастно. Такъ, напримѣръ, я показываю, что, насколько мнѣ извѣстно, Б. Н. Соловьевъ бывалъ въ мирное время въ Берлинѣ (а кто же изъ насъ тамъ не бывалъ?). Пользуясь этимъ показаніемъ, Соколовъ силится этимъ подкрѣпить свои предположенія видѣть въ Б. Н. Соловьевѣ нѣмецкаго агента.

Совершенно точно зная о причинахъ моей поѣздки въ Сибирь, о моей службѣ въ красной арміи и о цѣляхъ, побудившихъ меня поступить въ нее, Н. Соколовъ совершенно пренебрегаетъ этими свѣдѣніями, но зато приводитъ показанія генерала Х., допрошеннаго имъ 2-го сентября 1919 г., почему-то скрывая отъ гласности его фамилію. Въ этихъ показаніяхъ послѣдній дѣлаетъ обо мнѣ сенсаціонно бульварныя разоблаченія, характеризуя меня не только какъ „опредѣленнаго монархиста“, что, конечно, сущая правда, и за каковую аттестацію я могу только благодарить анонимнаго генерала, но и какъ монархиста „опредѣленной германской складки“!

Доказательствъ къ послѣднему не приводится никакихъ! Мнѣ еще придется остановиться на этихъ басняхъ почтеннаго анонима обо мнѣ, такъ какъ и генералъ М. К. Дитерихсъ принялъ за чистую монету эти весьма относительныя разглагольствованія.

---

[1] Марковъ 2-ой далъ свои показанія 2-го іюня, а Соколовъ 3-го іюля 1921 г.

Читателю книги Н. Соколова должно быть совершенно яснымъ, что покойный нынѣ авторъ при составленіи своего труда былъ одержимъ какой-то неотвязной, бредовой идеей. Красной нитью черезъ всю его книгу проходитъ желаніе доказать читателю, что германское правительство и даже германскіе Родственники Государыни въ той или иной мѣрѣ повинны въ Екатеринбургской трагедіи. И для подкрѣпленія этого своего убѣжденія судебный слѣдователь Н. Соколовъ не гнушается ничѣмъ!

Вотъ достаточно красочный примѣръ:

На 100-ой страницѣ своей книги Н. Соколовъ пишетъ, что я имѣлъ связь съ германскимъ Генеральнымъ Консульствомъ въ Петербургѣ черезъ чиновника Косульства г-на Германа Шилль, но, зная причины таковой, онъ умышленно о нихъ ничего не пишетъ.

Далѣе у Н. Соколова можно прочесть:

„Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1918-го года происходитъ въ Кіевѣ свиданіе Маркова съ нѣкимъ Магенеромъ... и. т. д.“ — и снова Н. Соколовъ, зная, что Магенеръ являлся посланнымъ Августѣйшей Сестры Государыни Принцессы Ирены Прусской, предпочитаетъ назвать его „нѣкимъ“!

Еще далѣе можно прочесть, что я говорилъ о судьбѣ Царской Семьи съ германскимъ военнымъ шпіономъ, но онъ не пишетъ, что я встрѣтился съ нимъ въ Германской Комендатурѣ города Кіева, гдѣ, скрываясь отъ Петлюровцевъ, помогалъ генералу Д. І. Гурко въ его самоотверженной работѣ по вывозу офицеровъ заграницу!...

Кстати вспомнивъ о разговорахъ моихъ съ германскимъ шпіономъ, Н. Соколовъ совершенно забываетъ упомянуть о томъ, что я имѣлъ совершенно идентичный разговоръ съ начальникомъ чехо-словацкаго эшалона, возвращавшагося на родину на станціи Шпильфельдъ въ Каринтіи въ маѣ 1920-го года...

Н. Соколовъ дѣлаетъ всѣ эти передержки совершенно сознательно.

„Таковъ, говоритъ „хорошій русскій человѣкъ“, отъ котораго Императрица ждала себѣ спасенія. И какой странный кругъ знакомствъ для русскаго офицера...“ — такъ заканчиваетъ свои разоблаченія обо мнѣ Н. Соколовъ!

Читатель и самъ изъ прочитанныхъ страницъ можетъ убѣдиться въ томъ, ждала ли Государыня отъ меня лично спасенія и странный ли у меня былъ кругъ знакомствъ.

Я же скажу, что меня поражаетъ странная манера писать и извращать факты, чѣмъ отличился Н. Соколовъ на страницахъ своей книги!

Считая собранный имъ на мѣстѣ слѣдствія матеріалъ совершенно неопровержимымъ, Н. Соколовъ, безаппеля-

ціонно приписываетъ найденую имъ искусственную челюсть лейбъ-медику Боткину. Но ему достаточно было допросить придворнаго зубного врача Ихъ Величествъ С. С. Кострицкаго, чтобы у него узнать, что найденная имъ челюсть никогда Боткину не принадлежала. Е. С. Боткинъ носилъ челюсть работы С. С. Кострицкаго особой формы и фасона.

Такъ чья же это была челюсть? Ни Государь Императоръ, ни князь Долгорукій, ни генералъ Татищевъ искусственныхъ челюстей не носили. Но на этотъ важный фактъ мы отвѣта въ книгѣ Н. Соколова не находимъ.

Н. Соколовъ пишетъ, что по его „требованію", я далъ ему свои показанія. Но и этотъ маленькій фактъ не вѣренъ. Я далъ свои показанія гв. капитану Булыгину, произведшему на меня очень симпатичное впечатлѣніе, поставивъ ему при этомъ условія, о которыхъ я писалъ выше. Понятно, я не могу поставить въ вину капитану Булыгину фактъ опубликованія судебнаго слѣдствія, да еще въ такой печальной редакціи, какъ и не виноватъ П. П. Булыгинъ въ томъ, что его, въ нѣкоторомъ родѣ, начальникъ не передалъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ священныхъ для насъ останковъ и всего собраннаго матеріала и вещей Царской Семьи, которыми онъ не имѣлъ никакого права распоряжаться, а передалъ ихъ въ однѣ, болѣе чѣмъ сомнительныя руки, такъ что, къ моему глубокому прискорбію, можно очень сомнѣваться, получитъ ли когда нибудь воспрявшая отъ сна Національная Россія прахъ Тѣхъ, Кто безтрепетно за нее пріялъ мученническую кончину!...

Не могу не остановиться и на другихъ, не менѣе фантастическихъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, данныхъ обо мнѣ, коими заполняетъ 4 страницы своего труда „Убійство Царской Семьи и Членовъ Дома Романовыхъ на Уралѣ" (Владивостокъ, 1922, Изданіе автора) генералъ М. К. Дитерихсъ, совершенно запутавшійся въ „нитяхъ", кои онъ на протяженіи своей книги пытается „соткать" между Берлиномъ и Ураломъ, силясь также, какъ и Соколовъ, доказать какое либо причастіе Германіи къ Екатеринбургской трагедіи.

Почтеннаго генерала Н. Соколовъ не особенно жалуетъ. На первыхъ же страницахъ своей книги онъ обвиняетъ генерала въ томъ, „что онъ не удержался на высотѣ историческаго безпристрастія", объявивъ себя „высшимъ руководителемъ слѣдствія", что, по мнѣнію Соколова, отнюдь не соотвѣствуетъ дѣйствительности [1].

Я вполнѣ согласенъ съ Н. Соколовымъ, что дѣйствительно, М. К. Дитерихсъ далекъ и даже весьма далекъ отъ

[1] См. Н. Соколовъ „Убійство Царской Семьи", стр. 3.

„историческаго безпристрастія“, что же засается того, руководилъ ли М. К. Дитерхсъ работой судебнаго слѣдователя Соколова или Соколовъ былъ совершенно самостоятеленъ въ своей работѣ, то это положенія вещей нисколько не мѣняетъ. Одно только совершенно несомнѣнно, что работу по столь для насъ всѣхъ святому и чистому дѣлу, работу безпристрастнаго и нелицепріятнаго судебнаго слѣдователя, каковую, какъ справедливо замѣчаетъ Соколовъ „великій Достоевскій опредѣлилъ, какъ „свободное творчество, свободное отъ какого либо давленія, симпатій и антипатій“, они оба сдѣлали весьма и весьма безцеремоннымъ творчествомъ!...

Какъ иначе назвать тотъ дѣтскій лепетъ, коимъ пестрятъ страницы 78 - 79 - 80 - 81-ая труда почтеннаго генерала?[1]...

Тутъ упоминается и о письмѣ Ея Величества къ Брату, „Принцу“ Гессенскому. Мнѣ стыдно за генерала Дитерихсъ! Неужели же генералу неизвѣстно, что „принцемъ“ Братъ Ея Величества былъ только во времена своей далекой юности, до вступленія на Прародительскій Престолъ. И что въ данное время титулъ Его слѣдующій:

Ernst Ludwig Albert Karl Wilhelm, Großherzog von Hessen und bei Rhein, Herzog von Brabant, Landgraf Herr von Hessen usw.

Такового письма, какъ видно изъ моей книги, никогда не существовало, но генералъ утверждаетъ, что письмо это „существовало, его видѣли другіе (офицеры — примѣчаніе автора) и видѣли такія лица, которыя могли знать почеркъ Императрицы“.

Почему же генералъ не сообщаетъ фамиліи этихъ „знатоковъ“ и „другихъ“ лицъ?...

Странно и не понятно все это!... И кому нужна эта завѣдомая неправда?... Не оставленъ и безъ благосклоннаго вниманія и Императоръ Вильгельмъ, который якобы предлагалъ Государынѣ и Великимъ Княжнамъ пріѣхать въ Германію, забывъ о существованіи Государя и Наслѣдника!...

Какъ грустно и больно, что уважаемый русскій генералъ столь легкомысленно отнесся къ своей работѣ, обративъ свой трудъ, на который онъ смотритъ, какъ на трудъ историческій, въ чисто романическое повѣствованіе!

Такъ напримѣръ, я, будучи личнымъ ординарцемъ генерала отъ кавалеріи графа Келлеръ въ Кіевѣ, могу выходить на улицу только въ сопровожденіи двухъ нѣмецкихъ капраловъ!... Почему именно двухъ, а не четырехъ или

---

[1] См. приложеніе къ настоящей книгѣ.

шести?!... И почему именно капраловъ, а не фельдфебелей или даже лейтенантовъ?!...

Словомъ, получается что то, еще никогда не виданное на военной службѣ:

Ординарецъ ходитъ гулять съ ординарцами же, къ тому же еще и иностранными!

И потомъ, какое это было командованіе въ Берлинѣ, съ которымъ я сносился по телеграфу?...

Неужели же генералу Дитерихсъ неизвѣстно было, что Германское Командованіе на Украйнѣ находилось въ Кіевѣ, Главнокомандованіе было въ то время въ Аахенѣ?

Изъ моей книги явствуетъ, что единственную телеграмму, которую я послалъ изъ Кіева въ Германію, была телеграмма на Имя Великаго Герцога Эрнста Людвига Гессенскаго съ извѣщеніемъ, что прибылъ къ Кіевѣ!

Я не буду дольше затруднять читателя дальнѣйшей полемикой съ генераломъ Дитерихсъ, который, довѣрчиво отнесшись къ досужимъ освѣдомителямъ, не постѣснялся столь легко и лицепріятно отнестись ко мнѣ. Господь Богъ да будетъ ему Судьей!...

Быть можетъ, читателю покажется страннымъ, что я ни словомъ не упоминаю объ трагическихъ событіяхъ іюля мѣсяца 1918-го года.

Я не дѣлаю этого потому, что о нихъ много написано лицами, считающими себя въ этомъ вопросѣ компетентными. Мнѣ же ничего новаго по этому дѣлу неизвѣстно.

Въ моей душѣ и въ моемъ сердцѣ память объ Царственныхъ Узникахъ и Святыхъ Страдальцахъ, брошенныхъ нами въ далекой Сибири на произволъ судьбы — никогда не умретъ!! И скорбные Лики Ихъ, видѣнные мною въ послѣдній разъ въ Тобольскѣ, будутъ мнѣ на всю жизнь укоромъ, что мы, считавшіе, пытающіеся и нынѣ считать себя Ихъ Вѣрноподданными, не такъ должны были отнестись къ Нимъ, не такой помощи Они ждали отъ насъ!...

И мы должны признать, что присяги, данной Имъ на Крестѣ и Святомъ Евангеліи, мы не сдержали и за это преступленіе Русскій Народъ сторицей расплачивается, десять лѣтъ пребывая во власти кровавой большевицкой тираніи, а мы, бѣженцы изъ родной земли, въ городѣ, холодѣ и нищетѣ прозябаемъ на чужбинѣ!!!...

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Газета „Вечернее Время“ No 153
отъ 22. X. 1924, Парижъ.

Обращеніе Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Е. И. В. Великому Князю Николаю Николаевичу:

Е. И. В. Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна удостоила Меня нижеслѣдующимъ письмомъ, которое предуказала предать гласности, что и исполняю:

Списокъ съ письма:

А) Ваше Императорское Высочество!

Болѣзненно сжалось сердце Мое, когда Я прочитала манифестъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, объявившаго себя Императоромъ Всероссійскимъ.

До сихъ поръ нѣтъ точныхъ извѣстій о судьбѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, а потому появленіе новаго Императора Я считаю преждевременнымъ. Нѣтъ еще человѣка, который могъ бы погасить во Мнѣ послѣдній лучъ надежды!

Боюсь, что этотъ манифестъ создастъ расколъ и уже тѣмъ самымъ не улучшитъ, а наоборотъ ухудшитъ положеніе и безъ того истерзанной Россіи.

Если Господу Богу по Его неисповѣдимымъ путямъ угодно было призвать къ Себѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, то Я полагаю, что Государь Императоръ будетъ указанъ Нашими Основными Законами, въ союзѣ съ Церковью Православной, совмѣстно съ Русскимъ Народомъ!

Молю Бога, чтобы Онъ не прогнѣвался на Насъ до конца и скоро послалъ Намъ спасеніе путями, Ему только извѣстными!

Увѣрена, что Вы, какъ старѣйшій Членъ Дома Романовыхъ, одинаково со Мною мыслите.

МАРІЯ.

21 сент. (4 окт.) 24. Съ подлиннымъ вѣрно:
Хуадоръ. Великій Князь Николай Николаевичъ!

Б) Я счастливъ, что Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна не усумнилась въ

томъ, что Я одинаково съ Нею мыслю объ объявленіи себя Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ Императоромъ Всероссійскимъ.

Я уже неоднократно высказывалъ Мое убѣжденіе, что будущее устройство Государства Россійскаго можетъ быть рѣшено только на Русской Землѣ, въ соотвѣтствіи съ чаяніями Русскаго Народа!

Относясь отрицательно къ выступленію Великаго Князя Кирилла Владиміровича, призываю всѣхъ, одинаково мыслящихъ съ Ея Величествомъ и Мною, къ исполненію долга передъ Родиной — неустанно и непрерывно продолжая святое дѣло освобожденія Россіи!

Да поможетъ Намъ Господь!

Великій Князь Николай Николаевичъ.

7 (20) окт. 1924 г.
Шуаньи.

II.

Два письма Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, написанныя изъ Тобольска Аннѣ Александровнѣ Танѣевой (Вырубовой).

Въ первомъ письмѣ Государыня называетъ автора „маленькимъ М.“, а во второмъ „маленькимъ Сережей“.

Въ первомъ письмѣ Государыня подробно перечисляетъ подарки, привезенныя авторомъ, ошибочно считая (изъ за надписи „Анка“) книгу „Земная жизнь Іисуса Христа“, принадлежащей А. А. Танѣевой.

(Написано по-русски.)

13/26 марта 1918 года.

.... любимая сестрица.

Господь Богъ далъ намъ неожиданную радость и утѣшеніе, допустивъ намъ пріобщиться Св. Христовыхъ Таинъ, для очищенія грѣховъ и жизни вѣчной. Свѣтлое ликованіе и любовь наполняютъ душу. Вернулись мы изъ церкви, и нашли твое милое письмецо. Развѣ не удивительно, что Господь намъ далъ читать твое привѣтствіе именно въ тотъ день... Какъ будто ты, ненаглядная, вошла къ намъ поздравить насъ по старому. Горячо за тебя и за всѣхъ молилась, и О. Владиміръ вынулъ за всѣхъ васъ частицы — и за дорогихъ усопшихъ. Часто прошу молиться за любимыхъ моихъ далекихъ друзей, — они знаютъ уже мои записки. Подумай, была 3 раза въ церкви! О, какъ это утѣшительно было. Пѣлъ хоръ чудно, и отличныя женскія голоса; „да исправится“ мы пѣли дома 8 разъ безъ настоящей спѣвки, но Господь помогъ. Такъ пріятно принимать участіе въ

службѣ. Батюшка и діаконъ очень просили насъ продолжать пѣть, и надѣемся устроить, если возможно, или удастся пригласить баса.

Все время тебя вспоминали. Какъ хороша „Земная жизнь Іисуса Христа“, которую ты послала, и цвѣтокъ душистый. Надѣюсь, ты телеграмму получила. Раньше ихъ почтой посылали, теперь, говорятъ, идутъ въ три дня. Маленькій серафимчикъ прилетитъ къ тебѣ до этого письма и принесетъ тебѣ мою любовь. Стала маленькіе образки такимъ же способомъ рисовать, и довольно удачно (съ очками и увеличительнымъ стекломъ), но глаза потомъ болятъ. Довольно много придется молитвъ рисовать. Благодарность всѣмъ, не забывающихъ твоихъ дорогихъ ѣдой и т. д. Бѣлья взяли каждая по 2, спрячемъ до лѣта. Нѣжное спасибо Эммѣ за письмо и чудную теплую кофточку. Окружена твоими нѣжными заботами. Духи — цѣлая масса — стоятъ на каминѣ. Погода теплая, часто на балконѣ сижу... Дошла съ помощью Божьей пѣшкомъ въ церковь, теперь должна надѣяться попасть 25-го. Скажи маленькому М., что его шефъ былъ очень радъ его видѣть. Хорошо помню тотъ день, когда онъ у насъ съ твоими радителями былъ, такъ мило о тебѣ писалъ. Дорогую фотографію твоего отца счастлива получить, — такъ его напоминаетъ, милаго старичка. Какъ Богъ милостивъ, что вы такъ много видѣлись послѣдніе мѣсяцы и дружно жили. Цѣлую бѣдную Мама. Всегда теперь за него молюсь и увѣрена, что онъ близко около тебя, но какъ сильно онъ долженъ вамъ недоставать! Онъ свое дѣло сдѣлалъ, до гроба преданный намъ, любящій, глубоко религіозный; 26 лѣтъ, что я своего отца похоронила... и благодарю Бога, что его нѣтъ теперь за свѣтѣ.

Читаю газеты и телеграммы и ничего не понимаю. Миръ, а нѣмцы все продолжаютъ итти въ глубь страны, — имъ на гибель. Но можно ли такъ жестоко поступать? Боже мой! Какъ тяжело!

Посылаю тебѣ немного съѣдобнаго, — много сразу не позволяютъ. Много хочу моему улану Яковлеву передать черезъ О. Іоанна — благослови его Господь за все. Когда все это кончится? Когда Богу угодно. Потерпи, родная страна, и получишь вѣнецъ славы. Награда за всѣ страданья. Бываетъ, чувствую близость Бога, непонятная тишина и свѣтъ сіяетъ въ душѣ. Солнышко свѣтитъ и грѣетъ и обѣщаетъ весну. Вотъ и весна придетъ и порадуетъ и высушитъ слезы и кровь, пролитыя струями надъ бѣдной родиной. Боже, какъ я свою родину люблю со всѣми ея недостатками! Ближе и дороже она мнѣ, чѣмъ многое, и ежедневно славлю Творца, что насъ оставилъ здѣсь и не отослалъ дальше. Вѣрь народу, душка, онъ силенъ и молодъ, какъ

воскъ въ рукахъ. Плохія руки схватили, — тьма и анархія царствуетъ; но грядетъ царь славы и спасетъ, подкрѣпитъ, умудритъ сокрушенный, обманутый народъ. —

Вотъ и Великій Постъ! Очищаемся, умолимъ себѣ и всѣмъ прощеніе грѣховъ, и да дастъ Онъ намъ пропѣть на всю святую Русь „Христосъ Воскресе“! Да готовимъ наши сердца Его принимать, откроемъ двери нашихъ душъ; да поселится въ насъ духъ бодрости, смиренномудрія, терпѣнія и любви и цѣломудрія; отгонимъ мысли, посланныя намъ для искушенья и смущенья. Станемъ на стражу. Поднимемъ сердца, дадимъ духу свободу и легкость дойти до неба, примемъ лучъ свѣта и любви для ношенія въ нашихъ грѣшныхъ душахъ. Отбросимъ стараго Адама, облекемся въ ризу свѣта, отряхнемъ мірскую пыль и приготовимся къ встрѣчи небеснаго жениха. Онъ вѣчно страдаетъ за насъ и съ нами и черезъ насъ; какъ онъ и намъ подаетъ руку помощи, то и мы подѣлимъ съ Нимъ, перенося безъ ропота всѣ страданья, Богомъ намъ ниспосланныя. Зачѣмъ намъ не страдать, разъ Онъ, невинный, безгрѣшный вольно страдалъ? Искупаемъ мы всѣ наши столѣтніе грѣхи, отмываемъ въ крови всѣ пятна, загрязнившія наши души. О, дитя мое родное, не умѣю я писать, мысли и слова скорѣе пера бѣгутъ. Прости всѣ ошибки и вникни въ мою душу. Хочу дать тебѣ эту внутреннюю радость и тишину, которой Богъ наполняетъ мнѣ душу, — развѣ это не чудо! Не ясна ли въ этомъ близость Бога? Вѣдь горе безконечное, — все что люблю, — страдаетъ, счета нѣтъ всей грязи и страданьямъ, а Господь не допускаетъ унынья: Онъ охраняетъ отъ отчаянья, даетъ силу, увѣренность въ свѣтлое будущее на этомъ свѣтѣ.

Любимая душа, мученица моя маленькая! Да согрѣетъ Отецъ Небесный твою скорбную душу, да освѣтитъ тебя небеснымъ свѣтомъ, покрывая всѣ твои раны любовью и радостью. Не страдай, дружокъ! Попрошу за тебя молиться у раки преподобнаго, чтобы подкрѣпить твое сердце.

Когда письма получаешь, скажи какія номера получаешь. Кажется, ты все получила. Привѣтъ Эристову и спасибо его матери за письмо. „Father“ посылаетъ „very best love“. Ношу кофту по ночамъ, хорошо грѣетъ. Одну недѣлю сидѣли вечеромъ одни, вышивали и онъ намъ читалъ о Св. Николаѣ Чудотворцѣ. Помнишь, мы вмѣстѣ читали его жизнь? „Father“ читаетъ для себя теперь весь Ветхій Завѣтъ. Исповѣдывались у другого батюшки, тотъ, который теперь всегда служитъ; была общая молитва съ нашими людьми. Довольно болтала, пора вставать. Благословляю и нѣжно цѣлую. Всѣмъ привѣтъ. М.

Привѣтъ Нини, докторамъ, О. Досифею, О. Іоанну.

II а (Написано по-русски.)

10/28 апрѣля 1918 года.

Милая, дорогая моя сестра Серафима!

Хочется опять съ Ваши поговорить. Знаю, что васъ безпокоитъ здоровье Солнышка; разсасывается быстро и хорошо. Отъ того ночью сегодня были опять сильныя боли. Вчера былъ первый день, что смѣялся, болталъ, даже въ карты игралъ и даже днемъ на два часа заснулъ. Страшно похудѣлъ и блѣденъ, съ громадными глазами. Очень грустно. Напоминаетъ Спалу, но хорошо все идетъ, и вчера температура была только немного повышена. Разъ на дняхъ дошло до 39, но это былъ признакъ разсасыванія. Любитъ, когда ему вслухъ читаютъ, но слишкомъ мало ѣстъ: никакого аппетита нѣтъ. Мать цѣлый день съ нимъ, а если ее нѣту, то 2-ая и милый Жиликъ, который умѣетъ хорошо ногу держать, грѣть и читать безъ конца.

Два дня, что снѣгъ падаетъ, но быстро таетъ — грязь и мокрота. Я уже полъ недѣли не выхожу — сижу съ нимъ и слишкомъ устала, чтобы внизъ спускаться. Не совсѣмъ поняла вашу телеграмму, что посылку получили. „О. не было.“ Что это? Вторая посылка въ дорогѣ, хочу скорѣе третью посылать, такъ какъ боюсь, что скоро будетъ трудно: столько пріѣзжихъ разныхъ отрядовъ отовсюду, что вѣроятно лишнее не остается, чтобы послать. Новый комиссаръ изъ Москвы пріѣхалъ, какой то Яковлевъ. Ваши друзья сегодня съ нимъ познакомятся.

Лѣтомъ жара доходитъ до 40 градусовъ въ городѣ; пыль и одновременно сырость — зелени нѣту. Хлопочемъ на это время переселиться въ какой-нибудь монастырь. Понимаю, какъ васъ на воздухъ тянетъ, — другое видѣть, листьями, свѣжимъ воздухомъ подышать. Дастъ Богъ, намъ, можетъ быть, удастся вдругъ: надо надѣяться на Божью милость. Вашимъ все говорятъ, что придется путешествовать или вдаль или въ центрѣ, но это грустно и не желательно и болѣе чѣмъ непріятно въ такое время. Какъ хорошо, если-бы вашъ братъ могъ бы устроиться въ Одессѣ. Зиночка могла бы смотрѣть за Иной. Но теперь я думаю, что мы совсѣмъ отрѣзаны отъ Юга и ничего не узнаемъ отъ нихъ и Тины. Вы видѣли маленькаго Сережу. Онъ вамъ разсказалъ, что видѣлся со всѣми издали. Какъ я рада, что М. вернулась; мужу спокойнѣе будетъ, что она близко. Они благополучно пріѣхали и прислали привѣтъ. Такъ боюсь, чтобы не ужасные, ложные слухи къ вамъ дошли, — люди такъ отчаянно врутъ. Думается, что заболѣванія не просто такъ какъ корь: тоже, видимо, послана чтобы не двигаться и чтобы гнѣздо не разрушить, хотя двухъ птенцовъ вырва-

ли: одну въ клѣтку посадили, другую выпустили. Во всемъ воля Божія видна, чѣмъ глубже смотришь, тѣмъ яснѣе понимаешь. Вѣдь скорби для спасенія посланы. Здѣсь отплачиваемъ наши грѣхи, и дана намъ возможность исправиться; иногда попускается для измѣренія смиренія и вѣры, иной разъ для примѣра другимъ. А изъ этого надо себѣ выгоды искать и душевно расти. Скажу некрасивое сравненіе: хороши удобренія... да потомъ ростетъ, цвѣтетъ пышно, душисто, ароматно, и садовникъ, обходя садикъ свой, должно быть доволенъ своими растеніями. Если нѣтъ, опять со своимъ ножомъ придетъ, срѣзываетъ, поливаетъ, вынимаетъ плевелъ, который душитъ цвѣтокъ, и ждетъ солнца и нѣжнаго вѣтерка. Любуется онъ росту своихъ питомцевъ, съ любовью посадилъ. Безъ конца могла бы писать объ этомъ садикѣ, о всемъ, что тамъ растетъ, и что надо избѣгать, чтобы не портить, повредить нѣжныхъ цвѣточекъ. Хотѣлось бы быть художникомъ, чтобы излить мои мысли картинными словами. Вспомните англійскій садъ, (вы видѣли книги у меня иллюстраціи): уютный домикъ, дорожка, въ серединѣ акв. у меня въ Ливадіи. Ну, тогда вы понимаете, что я сказать хочу, какъ сравниваю съ душами. — Вотъ 11 человѣкъ верхомъ прошли, хорошія лица — мальчики еще, улыбаются. — Это уже давно невиданное зрѣлище. У охраны комиссара не бываютъ такія лица... Ну, спасибо... Куда тѣхъ въ садикъ посадить? Нѣтъ тамъ мѣста — внѣ ограды лишь, но такъ, чтобы милосердные лучи солца могли бы до нихъ дойти и дать имъ возможность переродиться, очиститься отъ грязи и пыли.

Пора отправить. Господь съ вами, радость моя, милая душка. Я васъ нѣжно цѣлую. Всѣ мысли и горячія мысли васъ окружаютъ. Лиловыя яички такъ тронули — и всѣ другія. Вотъ сегодня А. дала знать, чтобы посылку готовить. Хочется понемногу мнѣ посылать вамъ деньги обратно, такъ какъ они мнѣ не нужны, и очень прошу васъ скорѣе отвѣтить, можно ти; я все таки не хочу ихъ трогать. Пошлю ихъ тогда черезъ Л., какъ все теперь; она знаетъ, если вы комнаты перемените. — Христосъ съ вами! Святая Богородица да покроетъ васъ своимъ святымъ омофоромъ. Всѣмъ привѣтъ. Мать цѣлую, О. В. и всѣмъ, Берчику привѣтъ и докторамъ Н. Ив. и Прох. и всѣмъ.

Видѣли новаго комиссара — не плохое лицо. Мои васъ нѣжно цѣлуютъ. Привѣтъ Элисбару, отцу Іоанну и о. Досифею сердечные привѣты.

Ваши.

Сегодня день рожденія Сашки.

Письма заимствованы изъ книги А. Танѣевой (Вырубовой) „Страницы изъ моей жизни“.

III.

Отрывки изъ письма генералъ-адъютанта В. Безобразова, полученнаго авторомъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1920 г. въ Берлинѣ:

19 февраля 1920 г.
Копенгагенъ.

— — — — — — — — — — — — — — —

..... — Вчера былъ у меня Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Сергѣй Александровичъ Долгоруковъ, который прочиталъ мнѣ Ваше письмо къ Государынѣ и поручилъ мнѣ, по приказанію Ея Величества, передать Вамъ искренную благодарность отъ имени Императрицы...

— — — — — — — — — — — — — — —

..... — Я всегда буду радъ быть полезнымъ Вамъ, въ особенности въ дѣлахъ, лежащихъ такъ близко моему сердцу. Ваши поиски, сопряженные съ большей опасностью, достойны безусловно похвалы и дай Богъ Вамъ и впредь здоровія и силъ быть полезнымъ Августѣйшей Семьѣ!

Прошу принять увѣренія въ совершенномъ уваженіи

Генералъ В. Безобразовъ.

IV.

Письмо адмирала князя Вяземскаго, полученное авторомъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1920 г. въ Берлинѣ:

Hôtel d'Angleterre, 18 апрѣля 1920.

Милостивый Государь Сергѣй Владиміровичъ

Пользуясь случаемъ, что помощникъ военнаго агента въ Варшавѣ, Князь Ширинскій-Шихматовъ, ѣдетъ въ Берлинъ, препровождаю Вамъ при семъ отъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны фотографическую карточку съ Ея надписью и чекъ на шесть тысячъ германскихъ марокъ.

Адмиралъ Князь Вяземскій.

P. S. Прошу не отказать увѣдомить Ея Величество въ полученіи.

V.

Переводъ собственноручнаго письма Е. К. В. Принцессы Ирены Прусской, полученнаго авторомъ отъ Е. К. В. лично въ Herrenhaus Hemmelmark 11, III. 22.

Глубокоуважаемый корнетъ Марковъ,

Я дружески прошу Васъ принять отъ меня эту маленькую сумму на дорогу съ Моими лучшими пожеланіями въ Вашемъ будущемъ.

Ирена
Принцесса Генрихъ Прусская.

VI.

Переводъ письма гофмаршала Великаго Герцога Гессенскаго графа Куно фонъ Гарденбергъ, полученнаго авторомъ въ январѣ мѣсяцѣ 1923 г.

Многоуважаемый господинъ Марковъ,

Отъ Имени Его Королевскаго Высочества Великаго Герцога приношу Вамъ благодарность за посланныя Вами любезныя и сердечныя пожеланія, равно какъ и Ваше заступничество за Царскую Семью было принято съ теплымъ чувствомъ.

Его К. Высочество съ благодарностью цѣнитъ Вашу постоянную готовность прійти Ей на помощь.

Меня очень огорчаетъ, что не засталъ Васъ въ Вашу бытность въ Ромродѣ.

Примите мои увѣренія въ полной преданности, Вашъ

Куно фонъ Гарденбергъ.

VII.

Текстъ двухъ телеграммъ, которыя получилъ авторъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1918 г. въ Кіевѣ отъ Великаго Герцога Эрнста-Людвига Гессенскаго и Германскаго Дипломатическаго Представительства въ Москвѣ:

Г-ну корнету Маркову

Гостинница Прага

Кіевъ.

Для Васъ получены двѣ телеграммы:

1) — Вольфсгартеншлоссъ, 25. 8. 18.

Г-ну корнету Маркову

Гостинница Прага

Кіевъ.

— Господинъ Магенеръ изъ Москвы войдетъ съ Вами въ связь. —

Эрнстъ-Людвигъ, Великій Герцогъ Гессенскій.

2) — Дипломатическое Представительство Москва, 5. 9. 18.

Г-ну корнету Маркову

Гостинница Прага

Кіевъ.

— Господинъ Магенеръ надѣется въ теченіи двухъ недѣль быть въ Кіевѣ. —

Хаусшильдъ-Магенеръ.

Правильность настоящихъ телеграммъ удостовѣряю.
Кіевъ, 15. 1. 19.

Подпись.

Печать:
Германская Комендатура
Кіевъ.

VIII.

„Послѣднія Новости“ № 1208
отъ 30 марта 1924 г.

Три попытни спасенія царской семьи.

Слѣдственные матеріалы объ Екатеринбургской трагедіи.

Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ судѣ, Соколовъ, производившій по порученію верховнаго правителя Колчака слѣдствіе объ убійствѣ царской семьи, опубликовалъ только что въ извѣстной коллекціи матеріаловъ по исторіи міровой войны парижскаго Издательства Пайо, большую книгу: „Enquete judicaire sur l'assasinat de la Famille Imperiale Russe“. Матеріалы слѣдствія, собранные въ Сибири, были спасены послѣ паденія Колчака, благодаря содѣйствію ген. Жаненъ, находившагося въ Харбинѣ. Оказавшись въ Европѣ, Соколовъ продолжалъ свою работу и уже заграницей собралъ цѣлый рядъ очень важныхъ показаній. Онъ, поэтому, съ полнымъ правомъ говоритъ въ предисловіи къ книгѣ:

„Я не претендую знать ни всѣхъ фактовъ, ни всей истины, которая скрывается за ними. Но до сихъ поръ я тотъ человѣкъ, который къ ней подошелъ ближе всѣхъ“.

Книга Соколова является, по ея происхожденію, основнымъ пока источникомъ для исторіи трагедіи, разыгравшейся ночью 17 іюля 1918 года, въ „домѣ особаго назначенія“ гражданина Ипатьева, въ Екатеринбургѣ. Соколовъ ввелъ въ кругъ слѣдствія и обстоятельства, предшествовавшія убійству. Его разсказъ охватываетъ весь періодъ жизни послѣдняго императора и его семьи съ момента отреченія Николая II. Для выясненія роли Распутина, пришлось обратиться и къ еще болѣе ранней эпохѣ. Книга даетъ въ систематическомъ изложеніи сводку огромнаго слѣдственнаго матеріала, но въ заключительной главѣ Соколовъ высказываетъ и свое личное мнѣніе объ основныхъ причинахъ гибели царской семьи.

Екатеринбургская трагедія — думаетъ онъ — была результатомъ соглашенія нѣмцевъ съ большевиками. Нѣмцы пытались сначала увезти царя и наслѣдника изъ Тобольска въ Европейскую Россію, потому что ихъ присутствіе въ Сибири создавало прямую угрозу для нѣмецкаго владычества въ Россіи. Въ іюлѣ 1918 г. въ Сибири развивались

серьезныя событія. Бѣлыя войска и чехословаки продвигались къ Уралу, союзники готовили вооруженное вмѣшательство противъ большевиковъ съ Дальняго Востока. Но интересы большевиковъ не совпадали на этотъ разъ съ нѣмецкими, и они задержали царскую семью въ Екатеринбургѣ. Большевики боялись, чтобы нѣмцы не захватили царя, но такъ же сильно пугала ихъ возможность освобожденія его сибирской арміей. Убійство устранило эту опасность.

„Нѣмцы — пишетъ Соколовъ — были поставлены передъ слѣдующей дилеммой: спасти царя, порвавъ съ большевиками, или оставить его на произволъ судьбы — сохранивъ хорошія отношенія съ совѣтами. Они отлично отдавали себѣ отчетъ, что ни одна русская партія, благосклонная къ нѣмцамъ, не могла занять мѣсто большевиковъ, потому что ни одна національная партія не признала бы Брестъ-Литовскаго договора. Нѣмцы сдѣлали выборъ и купили союзъ съ большевиками цѣною крови царя. Вотъ мое глубокое убѣжденіе, основанное на данныхъ, собранныхъ слѣдствіемъ".

Слабая сторона этого общаго заключенія въ томъ, что оно построено на „косвенныхъ уликахъ". Если даже Соколовъ и угадываетъ истину, то она явится, какъ непреложный историческій фактъ (если только явится), когда раскроются для историка пока недоступные источники. Но отъ этого не уменьшается, конечно, высокій интересъ собранныхъ слѣдствіемъ фактовъ, независимо отъ выводовъ, какіе можно изъ нихъ дѣлать. Мы остановимся на той части книги, гдѣ впервые въ деталяхъ сообщается о попыткахъ освободить царя и его семью изъ Сибири.

Съ разныхъ сторонъ шли эти попытки, и одной изъ нихъ — сдѣланной нѣмцами — Соколовъ считаетъ увозъ Николая II изъ Тобольска „чрезвычайнымъ комиссаромъ" Яковлевымъ. Яковлевъ пріѣхалъ въ Тобольскъ 29 апрѣля 1918 года. Лишь незадолго передъ тѣмъ въ далекій сибирскій городъ дошла совѣтская власть.

Полковникъ Кобылинскій, назначенный еще Керенскимъ, оставался главой охраны царской семьи, но фактически она была во власти караульнаго отряда. Комиссаровъ Временнаго Правительства, Панкратова и Никольскаго, солдаты изгнали и посылали въ Москву делегата просить о назначеніи новаго комиссара. Въ Тобольскъ только что пришли красноармейскіе отряды, сталъ дѣйствовать совѣтъ, и на царской семьѣ, конечно, сосредоточилось общее вниманіе. Заславскій, начальникъ одного изъ отрядовъ, настаивалъ на заключеніи Романовыхъ въ тюрьму. Комиссаръ юстиціи Дегтяревъ и предсѣдатель совѣта Хохряковъ были противъ. Среди этого спора пріѣхалъ Яковлевъ и сталъ на

сторону Хохрякова, съ которымъ былъ давно знакомъ. Онъ не хотѣлъ допустить вмѣшательства солдать Заславскаго въ судьбу царской семьи.

Соколову не удалось вполнѣ точно установить личность Василія Васильевича Яковлева, и неизвѣстно, носилъ ли онъ свое настоящее имя. Онъ былъ интеллигентнымъ человѣкомъ, говорилъ по-французски, зналъ нѣмецкій и англійскій. Онъ разсказывалъ Кобылинскому, что совершилъ въ Финляндіи политическое преступленіе, за которое былъ осужденъ на смерть. Бѣжалъ и жилъ въ Швейцаріи и Германіи. Послѣ революціи вернулся въ Россію.

Съ Яковлевымъ пріѣхалъ въ Тобольскъ отрядъ изъ 150 вооруженныхъ людей и еще нѣсколько человѣкъ, въ ихъ числѣ его помощникъ Авдѣевъ и телеграфистъ. На утро послѣ пріѣзда, Яковлевъ явился къ Кобылинскому, представился какъ „чрезвычайный комиссаръ“ и предъявилъ свои мандаты, отъ имени ЦИК за подписью Свердлова. Въ нихъ предписывалось Кобылинскому и гарнизону подчиняться приказаніямъ Яковлева безпрекословно, подъ угрозой разстрѣла на мѣстѣ. Въ особой бумагѣ говорились, что Яковлевъ выполняетъ порученіе „чрезвычайной важности“. Комиссаръ отправился съ Кобылинскимъ въ бывшій губернаторскій домъ, гдѣ жили Романовы. Онъ осмотрѣлъ его снаружи, прошелъ во комнатамъ перваго этажа и поднялся во второй, гдѣ встрѣтилъ Николая. Они прошли въ комнату наслѣдника. Мальчикъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Черезъ нѣсколько минутъ Яковлевъ еще разъ вошелъ въ эту комнату, внимательно посмотрѣлъ на Алексѣя и удалился, нечего не сказавъ. Ни о царицѣ, ни о Великихъ Княжнахъ онъ не спрашивалъ. Въ слѣдующіе два дня Яковлевъ былъ въ засѣданіи совѣта, спорилъ съ Заславскимъ, дважды собиралъ солдатъ царской охраны, говорилъ объ ихъ заслугахъ и обѣщалъ имъ жалованье по 150 рублей въ мѣсяцъ. Вечеромъ 24 апрѣля Яковлевъ собралъ тайно членовъ солдатскаго комитета и сообщилъ имъ, что долженъ увезти царскую семью. Утромъ, на другой день, онъ передалъ это распоряженіе Кобылинскому. Тотъ отвѣтилъ, что Алексѣй боленъ и не можетъ ѣхать.

„Я говорилъ объ этомъ по прямому проводу съ Цикомъ — сказалъ Яковлевъ — и получилъ приказъ оставить семью и увести Императора. Я думаю ѣхать завтра.“

Черезъ нѣсколько часовъ Яковлевъ объявилъ о предстоящемъ отъѣздѣ Николаю. Царь отвѣтилъ: „Я не поѣду.“ — „Я прошу васъ — сказалъ Яковлевъ — не дѣлать этого. Я обязанъ выполнить полученный приказъ. Если вы откажетесь ѣхать, я долженъ буду употребить силу или самъ отказаться отъ своей миссіи. Тогда можетъ быть вмѣсто

меня пришлютъ человѣка менѣе гуманнаго. Вы можете быть спокойны. Я отвѣчаю головой за вашу жизнь. Если вы не хотите ѣхать одинъ, выберите въ спутники, кого угодно. Приготовьтесь: мы уѣзжаемъ завтра утромъ.“ Яковлевъ поклонился и вышелъ. Кобылинскій хотѣлъ уйти за нимъ, но царь знакомъ удержалъ его. На вопросъ Николая, онъ высказалъ предположеніе, основывась на бесѣдѣ съ Яковлевымъ, что дорога продлится четыре-пять дней. Можетъ быть, его везутъ въ Москву.

„Въ такомъ случаѣ, — вскричалъ Николай, — они хотятъ, чтобы я подписалъ Брестъ-Литовскій договоръ. Я скорѣе дамъ отрубить себѣ руку.“ Въ величайшемъ возбужденіи была и царица. „Я также поѣду, — заявила она — безъ меня его заставятъ сдѣлать что нибудъ такое, какъ уже разъ заставили.“ Она намекала на отреченіе. Послѣ долгихъ обсужденій было рѣшено, что съ царемъ поѣдетъ царица, Марья Николаевна, Боткинъ, Долгорукій и трое слугъ. Остальные будутъ ждать выздоравливанія Алексѣя.

Яковлевъ лихорадочно торопилъ приготовленія къ отъѣзду. Пусть ѣдетъ съ царемъ кто хочеть, только не брать много багажу. Онъ словно боялся, что не успѣетъ увезти царя. Солдатъ охраны онъ собралъ снова и заявилъ объ отъѣздѣ, не указывая мѣста назначенія. Солдаты хотѣли всѣ сопровождать царя, но Яковлевъ категорически воспротивился. Сошлись на томъ, что поѣдутъ двое делегатовъ. Яковлевъ выбралъ тѣхъ, кого указалъ Кобылинскій.

23 апрѣля на разсвѣтѣ длинный караванъ телѣгъ двинулся отъ губернаторскаго дома. Комиссаръ сѣлъ съ Николаемъ. Спереди и сзади ѣхали солдаты — часть отряда Яковлева и двое изъ тобольской охраны. Яковлевъ — на это обратили вниманіе всѣ провожавшіе — былъ чрезвычайно внимателенъ къ царю и разговаривая съ нимъ, часто прикладывалъ руку къ козырьку. Онъ словно переставалъ играть какую то роль.

Вернувшись въ Тобольскъ, солдаты разсказывали о всѣхъ подробностяхъ путешествія. Еще до отъѣзда, Яковлевъ отправилъ въ Тюмень своего помощника Авдѣева приготовить поѣздъ, чтобы немедленно двинуться. До Тюмени онъ гналъ лошадей изо всѣхъ силъ. Въ Тюмень прибыли 27 апрѣля вечеромъ, и сейчасъ же поѣздъ двинулся по направленію на Екатеринбургъ. Но по дорогѣ Яковлевъ узналъ — неизвѣстно какимъ путемъ — что его не пропустятъ и арестуютъ. Онъ повернулъ поѣздъ на всѣхъ парахъ обратно къ Тюмени и отсюда на Омскъ. Но на станціи Куломзино, передъ самымъ Омскомъ, поѣздъ былъ остановленъ отрядомъ красноармейцевъ. Они сообщили Яковлеву, что въ Екатеринбургѣ его объявили внѣ закона, такъ какъ онъ

хочетъ увезти царя заграницу. Яковлевъ отцѣпилъ локомотивъ, пріѣхалъ въ Омскъ и здѣсь по прямому проводу соединился съ Москвой. Онъ получилъ распоряженіе ѣхать въ Екатеринбургъ. Двинулись снова по уже разъ сдѣланной дорогѣ. Въ этомъ стремительномъ и непонятномъ метаніи поѣзда Николай вспоминалъ, вѣроятно, другую трагическую поѣздку — такія же лихорадочныя петли его поѣзда между ставкой и Царскимъ Селомъ наканунѣ отреченія.

Въ Екатеринбургѣ поѣздъ ждали на вокзалѣ красноармейцы. Вагоны были окружены стражей, а Яковлевъ отправился на засѣданіе совѣта. Онъ вернулся оттуда совершенно разстроенный и просилъ солдатъ ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобы быть тамъ свидѣтелями всего случившагося. Но тобольскихъ солдатъ арестовали и отпустили только черезъ нѣсколько дней. Царская семья и ея спутники были отведены въ домъ Ипатьева. Самъ Яковлевъ уѣхалъ въ Москву и оттуда прислалъ въ Тобольскъ телеграмму своему телеграфисту: „Соберите отрядъ и возвращайтесь. Я подалъ въ отставку и не отвѣчаю за послѣдствія.“

Обстоятельства увоза царск. семьи изъ Тобольска были установлены на слѣдствіи цѣлымъ рядомъ показаній. Не все ясно въ поведеніи Яковлева и въ столкновеніи его съ екатеринбургскими коммунистами.

Соколовъ обращаетъ особенное вниманіе на то, что въ Тобольскѣ Яковлевъ обнаруживалъ враждебность намѣреніямъ большевиковъ относительно царской семьи. Его дѣйствія, по мнѣнію слѣдователя, были координированы съ дѣйствіями административнаго центра въ Омскѣ, какой то небольшевистской иностранной силой. По директивамъ этой силы, Яковлевъ везъ Императора не въ самый Екатеринбургъ, а пытался черезъ Омскъ, а потомъ черезъ Екатеринбургъ доставить его въ Европейскую Россію.

Соколовъ думаетъ, что Николай II разгадалъ Яковлева. Онъ видѣлъ въ немъ слугу нѣмцевъ подъ большевистской маской и боялся, что его увозятъ, чтобы заставить примириться съ непріятелемъ. Нѣмцы хотѣли дать царю или его сыну возможность вернуться къ власти и заключить съ ними союзъ, измѣнивъ прежнимъ союзникамъ.

Это, конечно, только догадки, обосновать которыя неопровержимо по имѣющимся матеріаламъ нельзя. Но самые факты, на которыхъ Соколовъ строитъ свои заключенія, остаются очень интересными.

*

Имя Яковлева появляется въ другой серіи попытокъ вырвать царскую семью изъ Сибири. Ихъ дѣлали монархисты — кружокъ Вырубовой, съ одной стороны, и группа

Маркова II — съ другой. Здѣсь въ центрѣ событій стоитъ также подозрительная и загадочная фигура — офицера Соловьева, мужа дочери Распутина — Матрены.

Соколовъ включилъ въ свое слѣдствіе и вопросъ о роли Распутина — въ частности, о связяхъ его съ нѣмцами. Данныя, собранныя по этому поводу, не позволяютъ сказать, чтобы самъ Распутинъ былъ нѣмецкимъ агентомъ, но несомнѣнно, нѣмцы черезъ окружавшихъ его людей, пользовались „старцемъ“ въ своихъ цѣляхъ. Соловьевъ знакомъ былъ съ Распутинымъ съ 1915 года, но изъ слѣдствія не видно, чтобы у нихъ были близкія отношенія.

Въ моментъ февральской революціи Соловьевъ, артиллерійскій офицеръ, находился въ Петроградѣ и принялъ живое участіе въ событіяхъ. Онъ былъ адъютантомъ генерала Потапова и игралъ роль въ военныхъ кругахъ, группировавшихся вокругъ думы. Въ началѣ октября 1917 года (царская семья была уже въ Тобольскѣ), этотъ революціонеръ женится на дочери Распутина и уѣзжаетъ съ ней въ Тюмень. Некрасивая, совершенно некультурная, Матрена не вызывала никакой любви въ мужѣ, и онъ обращался съ ней чрезвычайно грубо. Въ Тюмени, на узлѣ сибирскихъ путей, въ томъ числѣ и къ Тобольску, Соловьевъ былъ довѣреннымъ лицомъ Вырубовой, которая поддерживала тайную переписку съ царской семьей. Соловьевъ тоже имѣлъ связи съ тобольскими узниками и внушалъ имъ, особенно царицѣ, надежды, что готовитъ ихъ освобожденіе.

Осенью 1917 г. группа монархистовъ, съ Марковымъ II во главѣ, рѣшила отправить въ Тобольскъ человѣка, чтобы установить связи съ царской семьей и подготовить ея похищеніе, если будетъ угрожать опасность. Выборъ для этой миссіи палъ на офицера крымскаго полка Н., котораго и царь и царица знали лично. До отъѣзда Н. Марковъ пытался получить одобреніе Вырубовой, но она дала понять, что предпочитаетъ дѣйствовать одна и независимо отъ Маркова. Н. уѣхалъ, сообщилъ о своемъ прибытіи въ Тюмень, но больше вѣстей отъ него не приходнило.

Черезъ нѣкоторое время, уже по порученію Вырубовой, поѣхалъ въ Сибирь другой офицеръ — Сергѣй Марковъ (однофамилецъ бывшаго депутата). Марковъ второй рѣшилъ воспользоваться случаемъ и просилъ его розыскать Н. и информировать объ его работѣ. Но изъ кружка Вырубовой марковцамъ сообщили, что они напрасно стараются войти въ сношенія съ царской семьей. Тамъ работаютъ агенты Вырубовой, и неосторожное вмѣшательство можетъ скомпрометтировать дѣло.

Весной 1918 года Сергѣй Марковъ вернулся въ Петроградъ. Онъ разсказывалъ о Соловьевѣ и Тюмени и произ-

велъ на Маркова II непріятное впечатлѣніе фанфарона и человѣка очень жаднаго къ деньгамъ. Черезъ нѣкоторое время вернулся и Н. Оказалось, что въ Тюмени онъ обратился къ Соловьеву, который воспретилъ безъ его вѣдома вступать въ какія бы то ни было сношенія съ Тобольскомъ.

Онъ заявилъ, что находится во главѣ организаціи, которая заботится о царской семьѣ, и всякій сочувствующій этой организаціи долженъ дѣйствовать только черезъ него. Ослушниковъ онъ передаетъ большевикамъ. Такъ было уже съ двумя офицерами конной гвардіи и одной дамой. Н. просидѣлъ всю зиму въ Тюмени, подъ наблюденіемъ Соловьева и когда поѣхалъ, наконецъ, въ Тобольскъ, то по дорогѣ встрѣтилъ царскую семью, которую увозилъ Яковлевъ.

Роль Соловьева не вызываетъ сомнѣній. Родство съ Распутинымъ давало ему возможность обманывать и Вырубову, и Романовыхъ, вѣрившихъ въ его преданность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь своимъ положеніемъ, пресѣкать всякія попытки спасти царскую семью, если ихъ начинали другіе.

Слѣдствіе, въ руки котораго попалъ дневникъ Соловьева, установило какую то связь его съ Яковлевымъ. 12 апрѣля въ этомъ дневникѣ записано о предстоящемъ увозѣ царя изъ Тобольска. Какъ могъ Соловьевъ заранѣе знать объ этомъ секретномъ планѣ?

Загадочна и фигура Сергѣя Маркова. Этотъ довѣренный Вырубовой уѣхалъ послѣ увоза царя, въ Кіевъ, тамъ былъ очень близокъ къ германскому штабу и ѣздилъ съ его помощью въ совѣтскую Россію. Слѣдствіе обнаружило, что онъ служилъ въ красной арміи въ Тюмени, куда вернулся еще разъ, и эскадронъ подъ его командой сопровождалъ Яковлева на послѣднемъ перегонѣ предъ Тюменью, когда увозили Романовихъ изъ Тобольска. Соловьевъ послѣ эвакуаціи Сибири уѣхалъ въ Германію.

Всѣ разсказанные факты установлены допросомъ Соловьева, котораго арестовала контръ-развѣдка во Владивостокѣ, причемъ при обыскѣ былъ обнаруженъ его дневникъ, показаніями офицера Н., ѣздившаго въ Тюмень, Маркова II и ряда другихъ освѣдомленныхъ лицъ.

Была и еще одна серія попытокъ со стороны монархистовъ спасти царскую семью отъ грозившей ей гибели. Попытки эти дѣлали видные сановники праваго лагеря, пытаясь воздѣйствовать на нѣмецкаго посла въ Москвѣ графа Мирбаха.Объ этомъ дали показанія слѣдователю, уже заграницей, А. Ф. Треповъ и А. В. Кривошеинъ.

Гофмаршалъ Бенкендорфъ, лично знавшій Мирбаха, по соглашенію съ Треповымъ, Нейдгардтомъ и Кривошеинымъ написалъ ему письмо, въ которомъ указывалось, что

при создавшемся въ Россіи положеніи, одни нѣмцы могутъ спасти жизнь царя и его семьи. Изъ чувства чести они обязаны сдѣлать это, чтобы не оказаться, или, по крайней мѣрѣ, не показаться сообщниками ужаснаго преступленія. Письмо было передано Мирбаху въ началѣ мая и черезъ нѣсколько дней Нейдгардтъ и Кривошеинъ были у германскаго посла.

„Графъ Мирбахъ — показываетъ Кривошеинъ — втрѣтилъ насъ холодно и на нашу просьбу принять мѣры, чтобы обезопасить царскую семью, отвѣтилъ въ такихъ, приблизительно, выраженіяхъ: „То, что происходитъ въ Россіи — совершенно естественно и является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ побѣды Германіи. Исторія повторяется: горе побѣжденнымъ! Если бы побѣда была на сторонѣ союзниковъ, положеніе Германіи было бы безспорно хуже, чѣмъ теперь въ Россіи. Въ частности, судьба царя зависитъ только отъ русскаго народа. Мы можемъ постараться обезопасить лишь нѣмецкихъ принцессъ, находящихся въ Россіи."

Большевики, какъ извѣстно, объявили только о казни Николая II, ложно указавъ, что семья его отправлена въ безопасное мѣсто. Тогда германское посольство (это было уже послѣ убійства Мирбаха), пыталось спасти царицу и великихъ княгинь нѣмецкаго происхожденія, остававшихся въ Россіи. Замѣщавшій посла Ритцлеръ сначала бесѣдовалъ по этому поводу съ Радекомъ, который отвѣтилъ, что великим княгинамъ-нѣмкамъ можно будетъ разрѣшить уѣхать, если германское правительство такъ заинтересовано ихъ судьбой. 23 іюля Ритцлеръ сдѣлалъ формальные шаги въ пользу царицы и княгинь нѣмецкой крови, настаивая на впечатлѣніи, которое произвело убійство царя въ общественномъ мнѣніи. „Чичеринъ выслушалъ мои представленія молча", — телеграфируетъ Ритцеръ въ Берлинъ.

Въ это время отъ царицы оставались только полусгорѣвшія кости въ заброшенной шахтѣ „Четырехъ братьевъ" подъ Екатеринбургомъ.

Р. Словцовъ.

IX.

Газета „Руль" отъ 17. 5. 1924, Берлинъ.

Милостивый Государь
Господинъ Редакторъ!

Въ No 1208 газеты „Послѣднія Новости" отъ 30-го марта с. г. появилась статья г. Словцова, комментирующая слѣдственный матеріалъ по дѣлу объ убійствѣ Царской Семьи г. Соколова.

Въ статьѣ этой разсматривается и оцѣнивается и моя дѣятельность въ качествѣ участника въ одной изъ попытокъ къ освобожденію Царской Семьи.

Оставляя въ сторонѣ оцѣнку моей личности, данную мнѣ г. Словцовымъ и не желая полемизировать съ авторомъ статьи, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ книга г. Соколова, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстна, я считаю все же необходимымъ въ цѣляхъ возстановленія исторической правды сообщить нижеслѣдующіе факты, участникомъ коихъ мнѣ довелось быть лично, со ссылкой на лицъ и понынѣ здравствующихъ и находящихся внѣ досягаемости Совѣтской власти.

Статья г. Словцова устанавливаетъ въ отношеніи меня нижеслѣдующія положенія:

1) что я по порученію г. Вырубовой ѣздилъ въ Сибирь для освобожденія Царской Семьи,
2) въ дальнѣйшемъ, близость мою къ Германскому Штабу,
3) службу мою въ Красной Арміи,
4) командованіе краснымъ эскадрономъ, сопровождавшимъ комиссара Яковлева на послѣднемъ перегонѣ передъ Тюменью, когда увозили Императорскую Семью изъ Тобольска,
5) мое возвращеніе въ Совѣтскую Россію при посредствѣ Германскаго Штаба.

Начиная по порядку, я долженъ отмѣтить, что пунктъ первый вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ.

Въ началѣ 1918 года я, офицеръ Крымскаго Коннаго Ея Величества Императрицы Александры Ѳедоровны полка, близкій вообще къ Царскому Дому, благодаря моему покойному отчиму Свиты Его Величества генералъ-маіору И. А. Думбадзе (бывшему Ялтинскому градоначальнику) получилъ предложеніе отъ А. А. Вырубовой отправиться въ Сибирь съ письмами для передачи Императорской Семьѣ, что вообще соотвѣтствовало моему давнишнему желанію проѣхать въ Тобольскъ и принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи Высочайшихъ Узниковъ.

Выполняя это порученіе 2-го марта 1918 г., я выѣхалъ въ Сибирь, 8-го пріѣхалъ въ Тюмень и 10-го въ Тобольскъ, гдѣ въ то время находились въ заключеніи Государь-Императоръ и его Семья.

11-го я вошелъ въ связь съ Отцомъ Алексѣемъ Васильевымъ (духовникомъ Ихъ Величествъ) и получилъ черезъ него отъ Государыни-Императрицы подарки для передачи Аннѣ Александровнѣ Вырубовой: открытку собственной Ея Величества работы: ангелокъ, исполненный акварелью съ надписью „Господи, пошли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлено Имя Твое Святое“.

Для передачи Юліи Александровнѣ Денъ: маленькій мундштукъ мамонтовой кости.

Обѣ вещи переданы мною по назначенію впослѣдствіи.

Тогда же отъ Ея Величества я лично получилъ большой мундштукъ мамонтовой кости, иконку Св. Іоанна Тобольскаго и молитвенникъ съ собственноручной надписью: „Маленькому М. благословеніе отъ Ш. (маленькому Маркову, благословеніе отъ Шефа).

Самъ я въ свою очередь передалъ также черезъ священника Васильева цѣлый рядъ вещей: подарки отъ Вырубовой и отъ себя лично.

Послѣ этого, черезъ отца Васильева мнѣ было передано приказаніе Императрицы отправиться въ сего Покровское, гдѣ въ то время находился Соловьевъ, и войти съ нимъ въ связь.

Провѣрить подлинность этого приказанія я до сихъ поръ не имѣлъ возможности.

Согласно полученному приказанію, я 13-го марта пріѣхалъ въ село Покровское, посѣтилъ домъ Распутина, познакомился съ его женой, младшей дочерью и сыномъ, однако Соловьева не засталъ, такъ какъ за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда Соловьевъ былъ арестованъ проѣзжавшими черезъ село красноармейцами и былъ ими неизвѣстно куда увезенъ.

По словамъ членовъ семьи Распутина, мнѣ было небезопасно оставаться въ Покровскомъ и я вернулся обратно въ Тюмень.

Для того, чтобы удержаться по близости къ мѣсту нахожденія Царской Семьи внѣ подозрѣнія, мнѣ пришлось вскорѣ, причемъ подчеркиваю, по собственной иниціативѣ, поступить въ формирующійся въ Тюмени красный эскадронъ.

Сдѣлалъ я это потому, что считалъ Тюмень узловымъ пунктомъ по отношенію къ Тобольску и памятуя неоднократныя подтвержденія со стороны Маркова 2-ого въ Петроградѣ о томъ, что въ Тобольскъ будетъ направлено большое количество офицеровъ для спасенія Царской Семьи и вѣря въ то время, что дѣйствительно въ рукахъ Маркова 2-ого находится очень сильная организація, могущая вскорѣ оказаться дѣйственной.

О своей задержкѣ въ Тюмени съ указаніемъ моего мѣстопребыванія я немедленно же по условному адресу сообщилъ Маркову 2-ому въ Петроградъ.

Участь отправленныхъ мной письма и телеграммы мнѣ неизвѣстны.

Такимъ образомъ, до момента моего поступленія въ Красную Армію, я Соловьева не встрѣчалъ, находился въ бездѣйствіи и занимался главнымъ образомъ ориентировкой и наведеніемъ справокъ о Соловьевѣ.

Встрѣтился я съ Соловьевымъ совершенно неожиданно въ Тюмени же въ парихмахерской, послѣ его освобожденія подъ росписку о невыѣздѣ изъ Тюмени.

При встрѣчѣ съ нимъ я передалъ ему порученіе отца Алексѣя, причемъ приказомъ Императрицы онъ былъ чрезвычайно удивленъ, особенно въ части, касающейся моего выѣзда изъ Тобольска.

Вступленіе же мое въ Красную Армію онъ одобрилъ, считая, что я смогу легко помѣстить у себя въ эскадронѣ офицеровъ, долженствующихъ пріѣхать изъ Петрограда въ Тобольскъ по порученію Маркова 2-ого.

Только впослѣдствіи мнѣ сдѣлалось извѣстно, что Соловьевъ находился съ отцомъ Алексѣемъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, вмѣняя ему въ вину то, что священникъ Васильевъ недобросовѣстно старается въ глазахъ Императрицы выдать себя за единственное лицо, могущее быть полезнымъ Высочайшимъ Узникамъ, и тѣмъ затушевывая дѣятельность другихъ лицъ, работающихъ для освобожденія.

Дѣятельность моя за время пребыванія въ Красной Арміи, въ сущности говоря, свелась исключительно къ дачѣ Соловьеву информаціи о томъ, что творится у красныхъ въ военной сферѣ, никакихъ указаній ни отъ Вырубовой, ни отъ Маркова 2-ого я не получалъ вплоть до моего ареста.

Связи между мной и Петроградомъ не установилось, отвѣта на мое письмо Маркову 2-ому я не получилъ.

Такъ продолжалось до 5-го апрѣля, когда я былъ арестованъ по доносу одного французкаго инженера Бруаръ, долгое время жившаго въ Россіи и имѣвшаго коммерческія дѣла съ Соловьевымъ, не поладившаго съ нимъ по пріѣздѣ въ Тюмень и выдавшаго большевикамъ письмо къ нему Соловьева, въ которомъ упоминалась и моя фамилія.

Арестованъ я былъ внѣ всякой связи съ дѣятельностью моей по освобожденію, вѣрнѣе по подготовкѣ къ освобожденію Царской Семьи, а исключительно за знакомство мое съ Соловьевымъ, находившимся въ это время подъ наблюденіемъ мѣстныхъ большевицкихъ властей.

Изъ подъ ареста мнѣ удалось освободиться только на 17-ый день, благодаря чистой случайности: во время моего заключенія по какому то очередному дѣлу тюрьму посѣтилъ предсѣдатель Тюменскаго Совнархоза Кармашевъ, котораго мнѣ удалось убѣдить, что съ Соловьевымъ я познакомился только за три дня до моего ареста.

Это мнѣ удалось сдѣлать потому, что за три дня до моего ареста, одна дама, не зная о моемъ знакомствѣ съ Соловьевымъ, представила насъ другъ другу въ антрактѣ въ мѣстномъ театрѣ, что было невольно замѣчено членами

Тюменскаго Совдепа, въ томъ числѣ и Кармашевымъ, находившимся въ тотъ моментъ въ театральномъ буфетѣ.

Мои доказательства подѣйствовали и я вновь очутился на свободѣ. По выходѣ изъ тюрьмы я, по настойчивымъ просьбамъ Тюменскаго Военнаго Комиссара „товарища" Пермякова, искренно считавшаго меня невинно-пострадавшимъ, вновь вернулся въ свой эскадронъ, занялъ въ немъ командную должность и сдѣлался членомъ Штаба Тюменской Красной Арміи, все время лихорадочно ожидая извѣстій и инструкцій изъ Петрограда отъ лицъ, направившихъ меня въ Сибирь, какъ одного изъ сочленовъ многочисленной организаціи.

Однако, по прежнему ничего не было, ни Марковъ 2-ой, ни Вырубова мнѣ ничего не писали и никто изъ Петрограда въ Сибирь не ѣхалъ.

Обсудивъ создающееся положеніе втроемъ Соловьевъ, я и указанный въ статьѣ г. Словцова Н. (офицеръ моего полка), мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно, слѣдствіемъ чего Н. уѣхалъ въ Петроградъ, Соловьевъ же задержался въ Тюмени до момента начала противо-совѣтскаго выступленія въ Сибири и приближенія разбора его дѣла въ Тюменскомъ Революціонномъ Трибуналѣ, послѣ чего онъ въ началѣ іюня скрылся по направленію къ Тобольску въ сторону отъ мѣстопребыванія Императорской Семьи къ селу Покровскому, гдѣ ему легче было скрываться, я же продолжалъ пока все время попрежнему служить, каждый день надѣясь возстановить связь съ организаціей Маркова 2-ого.

Про Императорскую Семью мнѣ было извѣстно, что она находится въ Екатеринбургѣ, а по сводкамъ Екатеринбургскаго военнаго комиссаріата становилось очевидно, что Высочайшіе Узники находятся въ критическомъ положеніи, такъ какъ Екатеринбургъ былъ въ это время вполнѣ независимъ отъ Москвы съ уклономъ въ сторону рѣшительныхъ и аггрессивныхъ дѣйствій.

Учитывая полную безполезность моего пребыванія въ Тюмени и опасаясь быть безполезно расшифрованнымъ, а также въ силу того, что раіонъ Тобольскъ-Покровское былъ занятъ чехо-словацкими частями и казачьями отрядами и что связь между мною и Соловьевымъ была утеряна, я 30- го іюня, сдавъ эскадронъ, выѣхалъ въ Екатеринбургъ, гдѣ лично 1-го іюля при внѣшнемъ осмотрѣ Ипатьевскаго дома убѣдился, что положеніе Императорской Семьи очевидно должно быть трагичнымъ и требуетъ немедленной помощи.

Объ этомъ мнѣ говорили усиленные внѣшніе караулы, двойная ограда и отталкивающій видъ часовыхъ, похожихъ скорѣе на преступниковъ, чѣмъ на солдатъ.

Ни съ кѣмъ изъ лицъ, состоящихъ при Императорской

Семьѣ, мнѣ, не смотря на всѣ мои усилія, не удалось на этотъ разъ встрѣтиться.

Тогда, стараясь не потерять ни одного дня и не будучи въ состояніи отыскать въ Сибири слѣдовъ той организаціи, въ которую долженъ былъ влиться, я срочно выѣхалъ въ Петроградъ, куда и прибылъ 8-го іюля н. с. Такова вся исторія моей командировки, дѣятельности и пребыванія въ Сибири.

Пріѣхавъ въ Петроградъ, я не засталъ, къ моему глубокому сожалѣнію, въ немъ ни Маркова 2-ого, ни его сотрудника г. Соколова, нынѣ носящаго фамилію Баранскій.

Оба они изъ Петрограда выѣхали въ Финляндію, причемъ, какъ это ни странно, никого замѣняющаго ихъ въ Петроградѣ я не нашелъ; обратившись же къ члену Марковской организаціи, офицеру Гвардейскаго экипажа Х., я никакихъ указаній отъ него не получилъ.

Мой однополчанинъ Н., который былъ со мною въ Сибири, по пріѣздѣ въ Петроградъ былъ случайно арестованъ, но вскорѣ освобожденъ изъ Крестовъ и, не получивъ никакой поддержки и помимо отъ Маркова 2-ого уѣхалъ обратно въ Сибирь, стремясь быть поближе къ Царской Семьѣ и расчитывая связаться съ участниками освобожденія на мѣстѣ, если таковые окажутся.

Изъ за отсутствія Маркова 2-го, я обратился къ другимъ лицамъ, но видя, что они не проявляютъ никакого участія въ дѣлѣ освобожденія Императорской Семьи и понимая, что въ одиночку я ничего не смогу сдѣлать на мѣстѣ, я рѣшилъ дѣйствовать, на свой рискъ, инымъ путемъ.

Пребываніе мое въ Петроградѣ съ одной стороны казалось мнѣ рискованнымъ, съ другой явно безполезнымъ.

Тогда понимая, что участь Царской Семьи ухудшается съ каждымъ днемъ, что всѣ разговоры Маркова 2-ого о наличіи организаціи, могущей вырвать Высочайшихъ Узниковъ изъ рукъ красныхъ, являются блефомъ, я рѣшилъ итти новыми путями, понимая, что только чья либо могущественная поддержка сможетъ облегчить участь Екатербургскихъ Плѣнниковъ.

Къ тому же, въ городѣ начинали ползти зловѣщіе слухи о разстрѣлѣ Государя, а про участь остальныхъ Сочленовъ Императорской Фамиліи ничего не было извѣстно.

Въ силу всего этого, я обратился въ Германское Генеральное Консульство въ Петроградѣ и при помощи одного служащаго въ немъ отправилъ два письма (22 іюля и 8 августа) на Имя Августѣйшаго Брата Императрицы Великаго Герцога Эрнста Людвига Гессенскаго, гдѣ я, какъ человѣкъ, только что пріѣхавшій изъ Сибири и офицеръ

Шефскаго полка, описывалъ бѣдственное положеніе Императорской Семьи, умоляя его о помощи и взывая о помощи немедленной и неотложной. (Вышеуказанныя письма въ архивѣ Его Высочества.)

Этимъ и объясняется моя случайная связь съ Германскимъ Штабомъ и очевидно на нее указываетъ въ своей статьѣ г. Словцовъ.

15-го августа я выѣхалъ въ Кіевъ, куда прибылъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца, получивъ отъ Его Высочества двѣ телеграммы черезъ главное германское командованіе въ Кіевѣ нижеслѣдующаго содержанія:

1. Herrn Leutnant v. Markow

Hotel Praga, Kiew.

Herr X. aus Moskau wird mit Ihnen in Verbindung treten.

Ernst Ludwig Großherzog von Hessen.

2. Herrn Leutnant v. Markow

Hotel Praga, Kiew.

Herr X. hofft binnen zwei Wochen in Kiew zu sein.

Hauschild-Magener.

Послѣ полученія телеграммъ, работая все время во имя освобожденія Царской Семьи, я вошелъ въ Кіевѣ въ связь съ г.-омъ У., германскимъ подданнымъ, причемъ опубликованіе переговоровъ моихъ съ нимъ считаю преждевременнымъ, хотя таковыя съ моей точки зрѣнія и носили исключительно интересный историческій характеръ.

Во время моего пребыванія въ Кіевѣ я былъ личнымъ ординарцемъ у генерала отъ кавалеріи графа К е л л е р ъ, послѣ чего, преслѣдуемый петлюровцами, я бѣжалъ въ Германію, гдѣ и пробылъ до 1920 года.

Въ Совѣтской Россіи былъ одинъ т олько разъ съ февраля по августъ мѣсяцъ 1918 года, что видно изъ всего вышеизложеннаго, а назадъ не возвращался, вопреки тому, какъ указываетъ объ этомъ въ своей статьѣ г. Словцовъ.

На этомъ собственно и кончается мое участіе, въ очень ограниченныхъ формахъ конечно, въ одной изъ попытокъ къ освобожденію Царской Семьи.

Однако, чтобы освѣтить вопросъ до конца, поскольку, конечно, это соприкасалось со мною лично, я не могу не отмѣтить, что въ Германіи я имѣлъ честь сдѣлать личный докладъ о моей поѣздкѣ въ Сибирь Августѣйшему Брату покойной Императрицы, Великому Герцогу Эрнсту Людвигу Гессенскому, Его сестрѣ Принцессѣ Иренѣ Прусской и

Ея Мужу, Брату Императора Вильгельма, Принцу Генриху Прусскому.

Кромѣ того, въ апрѣлѣ 21 года я познакомился въ Бергинѣ съ гвардіи-капитаномъ Б., который разсказалъ мнѣ, что онъ ѣздилъ по приказанію Государыни-Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ Екатеринбургѣ, куда пріѣхалъ уже послѣ убійства и работалъ со слѣдователемъ Соколовымъ въ качествѣ его помощника.

Послѣ настойчивыхъ просьбъ съ его стороны я согласился дать ему рядъ показаній о моей поѣздкѣ въ Сибирь, но участь этихъ показаній мнѣ до сихъ поръ неизвѣстна, вошли ли они въ книгу г. Соколова или нѣтъ.

Суммируя все вышеизложенное и преслѣдуя исключительно цѣли историческаго освѣщенія событій, имѣющихъ даже второстепенный интересъ, я долженъ установить нижеслѣдующее, лично меня касающееся.

1) Дѣйствительно, я по порученію г. Вырубовой ѣздилъ въ Сибирь съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи Царской Семьи, ѣздилъ, не какъ глава организаціи, а какъ рядовой сочленъ, готовый во имя идеи пожертвовать собой,
2) близость моя къ Германскому Штабу видна изъ изложенія подтвержденнаго документами (телеграммы),
3) служба въ Красной Арміи объясняется, какъ видно изъ предыдущаго, желаніемъ укрѣпить свое положеніе на мѣстѣ, одобренное лицомъ, къ коему мною была получена явка,
4) эскадронъ подъ моей командой быть не могъ, такъ какъ въ это время я былъ заключенъ въ Тюменской тюрьмѣ (выписка изъ тюремнаго журнала, конечно, можетъ быть пріобщена къ моимъ объясненіямъ лишь по освобожденіи Россіи отъ большевиковъ). Но въ этомъ отношеніи, какъ мнѣ сдѣлалось извѣстно впослѣдствіи, уже по выходѣ изъ тюрьмы, дѣйствительно 16 человѣкъ изъ моего эскадрона сопровождали на послѣднемъ перегонѣ передъ Тюменью Императорскую Семью,
5) въ Совѣтскую Россію вновь во второй разъ я не возвращался, что видно изъ текста и изъ моихъ сношеній съ Германскимъ Консульствомъ сначала въ Петроградѣ, а потомъ и въ Кіевѣ съ Германскими военными властями.

Такимъ образомъ, давая исчерпывающія объясненія по моему мнѣнію на всѣ пять пунктовъ дѣятельности моей по освобожденію Царской Семьи, я не могу не остановиться на томъ, что въ статьѣ г. Словцова имѣется отзывъ г. Мар-

кова 2-ого, въ коемъ послѣдній отзывается обо мнѣ, якобы какъ о фанфаронѣ и жадномъ къ деньгамъ человѣкѣ.

Предоставляя каждому вполнѣ свободную оцѣнку его сотрудниковъ, я долженъ все же отмѣтить, что въ тѣ дни, когда происходили всѣ переговоры объ освобожденіи Царской Семьи и намѣчались пути къ осуществленію такового, участіе въ этомъ дѣлѣ могло быть выгоднымъ и доходнымъ только для большевицкаго агента, стремящагося предать организацію, для человѣка же, нахоящагося въ 1924 году въ эмиграціи и раздѣляющагося всѣ трудности таковой и не перемѣнившаго своихъ убѣжденій, такая оцѣнка участія его въ дѣлѣ, караемая смертной казнью и только смертной казнью, является слишкомъ поверхностной, невдумчивой и... лицепріятной.

Ибо центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ, являющемся священнымъ для для каждаго монархиста, заключается все-таки въ томъ, что мы, рядовые участники, въ нужный моментъ всегда оставались безъ руководителя.

А фактическая сторона:

Я, Марковъ Сергѣй, ищущій въ Петроградѣ нитей организаціи и не находящій ихъ, а Марковъ 2-ой въ Финляндіи, внѣ досягаемости совѣтской власти и карательнаго аппарата большевиковъ.

Прошу принять мои увѣренія въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи

Крымскаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка

отставной корнетъ Сергѣй Владиміровичъ

Марковъ.

9. V. 1924.

X.

„Высшій монархическій совѣтъ“ № 121
28 апр. — 11 мая 1924 г.

Попытки спасенія Царской Семьи.

Въ еженедѣльной печати появились замѣтки и выдержки изъ недавно изданной на французскомъ языкѣ книги слѣдователя Соколова.

Объ этой замѣчательной книгѣ придется дать подробный отзывъ, что и будетъ сдѣлано въ ближайшихъ выпускахъ нашего Еженедѣльника. Сейчасъ беру перо лишь для того, чтобы хотя нѣсколько освѣтить затронутый вопросъ о попыткахъ монархистовъ спасти Императорскую Семью. Въ тягостное и оскорбительное для монархическаго самосознанія положеніе ставили насъ обвиненія

разныхъ іудъ и іудушекъ въ томъ, что монархисты будто бы пальцемъ не двинули для защиты и спасенія Того, Кому клялись въ вѣрности до послѣдней капли крови. А между тѣмъ приходилось и до сихъ поръ приходится молчать о многомъ, что могло бы опровергнуть эти несправедливыя и ложныя обвиненія. Обстоятельно и полно разсказать обо всемъ, что дѣлалось для спасенія Государя Императора значило бы назвать тѣхъ, кто преданно и дѣйственно жертвовалъ собою и своими близкими. Иные изъ нихъ, исполняя долгъ чести, погибли тогда же, иные сложили головы впослѣдствіи, иные томятся на большевицкой каторгѣ, иные уцѣлѣли въ Россіи и заграницей, но почти всѣ оставили въ когтяхъ у большевиковъ живые залоги — близкихъ и родныхъ. Объ этихъ залогахъ намъ должно всегда помнить. Должно всегда помнить, что каждое лишнее слово, каждое раскрытое имя хотя бы погибшаго героя будетъ стоить мукъ и крови новыхъ безвинныхъ жертвъ.

Монархисты, въ особенности руководящіе члены Союза Русскаго народа, видѣли надвигавшуюся съ 1915 года революцію съ отчетливой ясностью и объ этомъ неумолчно, настойчиво и громко предупреждали всѣхъ, кому то вѣдать надлежало. О неизбѣжной близости революціи, о разлагающей пропагандѣ въ войскахъ и въ тылу, о преступномъ бездѣйствіи властей и о необходимости рѣшительныхъ мѣръ было подано нѣсколько докладныхъ записокъ на Высочайшее Имя. Видя, что правительствующая бюрократія сознательно и безсознательно попустительствуетъ революціи, Союзъ Русскаго Народа дѣлалъ легальныя попытки къ вооруженію своихъ членовъ. Въ этомъ было отказано. Грозная война повелительно запрещала монархическому сознанію вступать но путь борьбы съ правительствомъ и безъ того поражаемымъ со всѣхъ сторонъ. Эту необходимую и неизбѣжную борьбу мы откладывали до заключенія мира. Конечно, мы ожидали революцію, но ожидали ее снизу, а не сверху, отъ революціонной демократіи и фабричныхъ, а не отъ дворцовой аристократіи, камергеровъ и генералъ-адъютантовъ, отъ недостаточныхъ и обездоленныхъ, а не отъ пресыщенныхъ и съ жиру взбѣсившихся.

Все для войны! Этотъ патріотическій возгласъ увлекалъ и ослѣплялъ монархистовъ до забвенія осторожности. Какъ ни низко ставили мы свою россійскую общественность, но все же не допускали даже мысли, что вмѣстѣ съ развращеннымъ аполитичностью генштабомъ она способна будетъ вонзить ножъ въ спину своему государству въ минуту ужаснѣйшей внѣшней войны...

Революція захватила монархистовъ въ расплохъ. Ужъ вечеромъ 27-го февраля главный Совѣтъ Русскаго Народа въ Петроградѣ былъ разгромленъ, а предсѣдатель его едва успѣлъ спастись за полчаса до появленія на его квартирѣ банды вооруженныхъ убійцъ. Къ 3-му марта по всей Россіи не оставалось ни одного отдѣла Союза Русскаго Народа, а всѣ руководители были либо арестованы, либо убиты подъ видомъ сотрудниковъ полиціи. Всѣ списки союзниковъ попали въ руки ихъ злѣйшихъ враговъ. Не надо забывать, что подавляющее большинство союзниковъ въ это время находилось въ рядахъ и въ тылу войскъ, гдѣ аполитичное начальство не терпѣло никакихъ легальныхъ политическихъ организацій и тѣмъ самымъ открывало просторъ для работы нелегальныхъ т. е. революціонныхъ силъ.

Отреченіе Государя Императора за Себя и за законнаго Наслѣдника, отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича за Себя и за весь Царствующій Домъ, призывъ Государя Императора къ повиновенію Временному Правительству, а Великаго Князя Михаила Александровича къ повиновенію Учредительному Собранію, все это создавало на грозномъ фонѣ возможнаго нашествія непріятеля такую обстановку, что за первые мѣсяцы революціи даже и помыслить было нельзя о начинаніи гражданской войны. Эти мѣсяцы ушли на возстановленіе порванныхъ связей, отысканіе уцѣлѣвшихъ и не потерявшихъ духа людей, на уясненіе дальнѣйшихъ способовъ дѣйствій. Это было время тайнаго сбора „на костяхъ“ ужаснаго разгрома.

Къ концу іюня 1917 года удалось найти ходъ сообщенія съ плѣннымъ Государемъ Императоромъ. Въ коробкѣ папиросъ была папироса съ свернутой подъ табакъ запиской. Мы спрашивали Государя, разрѣшаетъ ли Онъ начинать дѣло возстановленія Имперіи. Если разрѣшаетъ, пусть благословитъ дѣло св. иконой. Въ отвѣтъ была прислана икона св. Николая Мирликійскаго Чудотворца съ иниціалами Государя и Государыни. Вопросъ о спасеніи изъ плѣна тогда не ставился, ибо намъ было дано знать, что Государь на это не рискнетъ. Видимо, что тогда Онъ считалъ свою жизнь въ безопасности. Вскорѣ стало извѣстно о предстоящемъ увозѣ Семьи въ Тобольскъ, о чемъ мы успѣли предупредить Государя. Только съ этого времени, значитъ, съ осени 1917 года, задача спасенія изъ плѣна была поставлена во всей ея широтѣ. Для установленія связи тогда же былъ посланъ въ Сибирь молодой офицеръ Х.,[1] хорошо извѣстный всей Семьѣ и безпредѣльно предан-

---

[1] Штабсъ-ротмистръ Николай Яковлевичъ Сѣдовъ (прим. автора книги).

ный Имъ. Х. уѣхалъ, но не давалъ вѣстей всю зиму, такъ что мы сперва сочли его погибшимъ. Потомъ выяснилось, что на мѣстѣ онъ попалъ въ провокаторскую организацію нѣкоего Соловьева, женившагося уже во время революціи на дочери Распутина. Соловьевъ сумѣлъ убѣдить Х. въ томъ, что дѣло спасенія Семьи уже налажено его организаціей, что все съ согласія Государя подготовлено и что всякое постороннее вмѣшательство только повредитъ успѣху. Внѣшняя обстановка и несомнѣнныя для Х. сношенія Соловьева съ заточенными, а также намеки въ письмахъ Тобольскихъ Узниковъ къ Вырубовой и другимъ близкимъ лицамъ о необходимости согласованности въ дѣйствіяхъ сбили съ толку не только Х., но и насъ самихъ. Второй офицеръ У.[1] былъ посланъ въ Тобольскъ съ приказаніемъ дѣйствовать совмѣстно съ Соловьевымъ. Неудивительно, что онъ также попалъ подъ вліяніе Соловьева — сталъ въ подчиненное къ нему положеніе и не раскрылъ во время печальной дѣйствительности. Выборъ людей для связи у насъ былъ очень ограниченъ: помимо особыхъ качествъ и личной преданности надо было выбирать изъ числа людей, лично извѣстныхъ и пользующихся довѣріемъ Царственныхъ Узниковъ. Среди насъ, идейныхъ монархистовъ, лицъ, бывавшихъ при Дворѣ или во Дворцѣ, было очень мало, а ближайшее окруженіе, какъ и Дворъ, за малымъ исключеніемъ, измѣнили Государю и отвернулись отъ Царской Семьи.

Въ теченіе зимы подготовлялся планъ освобожденія. Нашелся опытный и вѣрный шкиперъ дальняго плаванія, который брался войти съ своей шхуной въ началѣ лѣта въ устье Оби и въ условленномъ мѣстѣ ожидать прибытія Бѣглецовъ. Разработанъ былъ планъ прекращенія на время бѣгства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно къ мѣстамъ дѣйствія стягивались отдѣльныя группы офицеровъ изъ Сибири и съ Урала. Въ Петроградѣ образована была офицерская группа генерала Z., которая должна была явиться на мѣстѣ ядромъ спасательнаго отряда. Провокаторская дѣятельность Соловьева, неудачи въ дѣлѣ налаживанія связи, а, главное, недостаточность необходимыхъ денежныхъ средствъ привели къ тому, что нѣсколько мѣсяцевъ были утрачены безполезно, и къ веснѣ 1918 г. подготовка операціи была далеко не закончена. Въ это время пришла условная телеграмма изъ Тобольска о внезапномъ вывозѣ Государя, Государыни и одной изъ Великихъ Княженъ и о предстоящемъ увозѣ остальныхъ членовъ Семьи.

---

[1] Авторъ книги (прим. его же).

Пришлось дѣйствовать ускоренно. Группа генерала Z., составомъ въ восемнадцать человѣкъ была отправлена одиночнымъ порядкомъ по разнымъ маршрутамъ къ Екатеринбургу. Всѣ офицеры выѣхали съ чужими паспортами подъ вымышленными именами. Но и эти срочныя отправки задержались изъ за недостатка въ деньгахъ.

Какъ я уже сказалъ, Союзъ Русскаго Народа былъ разгромленъ въ первые же дни революціи и все его имущество, всѣ средства были уничтожены или отняты. Аполитичная политика правительства привела къ тому, что презрительно-недоброжелательное отношеніе къ Союзамъ Русскаго Народа считалось признакомъ хорошаго административнаго тона. Послѣдствіемъ было то, что мало по малу за десятилѣтіе 1906—1916 годовъ изъ Союза ушли всѣ сколько нибудь честолюбивые и чающіе какихъ либо удачъ или выгодъ люди, тѣмъ болѣе чурались этого антисемитскаго Союза люди торговые, денежные, „свободныхъ“ профессій, вообще люди зависимые отъ банковскаго кредита, практики, газетнаго мнѣнія, иначе говоря — отъ милости іудейской.

Не только богатыхъ и вліятельныхъ, но даже обычно состоятельныхъ людей почти не было въ Союзѣ Русскаго Народа, и потому было невозможно собрать въ его средѣ, притомъ послѣ ужаснаго погрома, необходимыя для спасенія Государя и Его Семьи средства.

Приходилось обращаться за помощью къ знатнымъ и богатымъ, среди которыхъ послѣ революціи оказалось такъ много неожиданныхъ революціонеровъ и нечаянныхъ враговъ добрѣйшаго изъ Царей.

Зубы скрипятъ отъ бѣшенства, когда вспоминаешь эти неизбывные поиски помощи своему Государю, эти просьбы подачекъ — Царя ради, эти наглыя лица недавнихъ царскихъ блюдолизовъ, всѣмъ благосостояніемъ, всѣмъ существованіемъ своимъ исключитѣльно обязанныхъ Царской власти и такъ подло ей измѣнившихъ. Не могу забыть этихъ гнусныхъ сценъ, когда титулованные и сановные предатели со смакомъ лягали ослиными копытами ликъ поверженнаго царственнаго Льва ...

Цѣлые мѣсяцы уходили, пока удавалось наскрести сколько нибудь замѣтную сумму, но и эти небольшія суммы собирались отнюдь не среди богатыхъ, не среди купцовъ 1-ой гильдіи, не среди владѣльцевъ фабрикъ, не среди русской аристократіи. Иные звѣздоносные „монархисты“ не только ничего не давали на дѣло спасенія своего законнаго Государя, но даже отказывались меня видѣть изъ боязни общеніемъ съ подпольнымъ дѣятелемъ скомпро-

меттировать свою репутацію. Большинство такихъ вмѣсто помощи посылало намъ упреки, зачѣмъ мы вмѣшиваемся не въ свое дѣло, стараясь спасти Царскую Семью.

Когда лѣтомъ и осенью 1918 года я видѣлъ на улицахъ многихъ изъ этихъ черствыхъ и неблагодарныхъ себялюцевъ, стадами гонимыхъ въ Кресты и Дерябинку, когда я каждый день слышалъ о разстрѣлахъ то того, то другого, когда я читалъ большевицкіе декреты о вскрытіи сейфовъ и уплотненіи богатыхъ квартиръ, я не ужасался, я не жалѣлъ, увы, я злорадствовалъ и говорилъ: — По дѣламъ вору и мука!

Изъ за недостатка денегъ и препонъ со стороны большевицкихъ заставъ группа генерала Ż. только въ іюлѣ мѣсяцѣ стала стягиваться къ Уралу. Нѣкоторые офицеры достигли Екатеринбурга, 7-го (20) іюля: Увы, было слишкомъ поздно!

Генералъ Ż. по возвращеніи изъ этой экспедиціи былъ дважды арестованъ и затѣмъ разстрѣлянъ вмѣстѣ съ обоими сыновьями-офицерами. Судьба нѣкоторыхъ изъ героевъ долга остается до сихъ поръ неизвѣстной. Живы ли они, погибли ли, выяснится впослѣдствіе, но уже теперь можно и должно заявить:

— Были въ Россіи монархисты, которые до конца остались вѣрными своему Государю и для Его спасенія жертвовали своей жизнью.

Н. Марковъ.

XI.

Газета „Вѣра и Вѣрность“ въ № 42 отъ 9 іюня 1924 г. перепечатала открытое письмо автора, помѣщенное въ газетѣ „Руль“, снабдивъ его нижеприводимымъ пояснительнымъ заголовкомъ:

Гдѣ Правда?

Трубадуры В. М. С. не разъ возвѣщали намъ о той опасной самоотверженной работѣ, какую велъ Марковъ II, стремясь освободить изъ тюрьмы Императора и Его Августѣшую Семью.

Нижеприводимое письмо, перепечатанное изъ газеты „Руль“, проливаетъ свѣтъ на истинное положеніе и обнаруживаетъ, что повидимому случайное совпаденіе фамилій вводило многихъ въ заблужденіе. Роль Н. Е. Маркова въ этомъ честномъ патріотическомъ дѣлѣ мало похожа на роль человѣка, готоваго за идею отдать свою жизнь, между тѣмъ. какъ наоборотъ, его однофамилецъ приближается къ этой духовной высотѣ, судя по его письму.

Далѣе слѣдуетъ письмо автора.

XII.

„Высшій монархическій совѣтъ“ № 124
9—22 іюня 1924 г.

Ловцы правды.

Въ No 42 газеты „Вѣра и Вѣрность“ подъ заголовкомъ „Гдѣ правда“ перепечатано изъ демократической газеты „Руль“ длинное письмо-фельетонъ корнета Крымскаго полка Сергѣя Маркова. Перепечатка этого фельетона сопровождена такой редакціонной отсебятиной:

„Трубадуры В. М. С. не разъ возвѣщали намъ о той опасной самоотверженной работѣ, какую велъ Марковъ II, стремясь освободить изъ тюрьмы Императора и Его Августѣйшую Семью. Нижеприводимое письмо, перепечатанное изъ газеты Руль, проливаетъ свѣтъ на истинное положеніе и обнаруживаетъ, что повидимому случайное совпаденіе фамилій вводило многихъ въ заблужденіе. Роль Н. Е. Маркова въ этомъ честномъ патіотическомъ дѣлѣ мало похожа на роль человѣка, готоваго за идею отдать свою жизнь, между тѣмъ, какъ наоборотъ, его однофамилецъ приближается къ этой духовной высотѣ, судя по его письму.“

Конечно, никакіе трубадуры никогда ничего подобнаго не возвѣщали и за семь лѣтъ единственный разъ я напечаталъ замѣтку съ указаніемъ на попытку къ спасенію Царской Семьи при моемъ участіи и объясненіемъ, почему эта попытка успѣха не имѣла. Тогда же я указалъ на недопустимость подробнаго изложенія этого дѣла, такъ какъ раскрытіемъ именъ и фактовъ были бы поставлены подъ удары большевицкихъ палачей уцѣлѣвшіе участники попытки и ихъ семьи. Демократическая газета „Руль“ извѣстна своей ненавистью къ Царской Династіи, именно ея руководитель Іосель Гессенъ издалъ въ искустно „обработанномъ“ видѣ добытыя большевицкимъ разбоемъ письма Государыни Александры Феодоровны и дневникъ Государя. Еще на дняхъ газета „Руль“ извратила текстъ извѣстной бесѣды Великаго Князя Николая Николаевича и скрыла отъ своихъ читателей ея наиболѣе цѣнныя мѣста. Что такая газета охотно отвела подъ лживое письмо-фельетонъ корнета С. Маркова цѣлыхъ три страницы, удивляться не приходится. Увы, мы перестали удивляться и тому, что „Вѣра и Вѣрность“ все больше и замѣтнѣе направляется рулями враговъ монархіи.

Не имѣя возможности ссылаться на многіе мнѣ извѣстные факты, тѣмъ болѣе на имена дѣйствующихъ лицъ, я буду пользоваться по преимуществу свѣдѣніями, уже напечатанными въ „Рулѣ“ моимъ однофамильцемъ.

„Въ началѣ 1918 года я... получилъ предложеніе отправиться въ Сибирь съ письмами для передачи Императорской Семьѣ... и принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи Высочайшихъ Узниковъ. Выполняя это порученіе, я 8-го марта пріѣхалъ въ Тюмень, а 10-го въ Тобольскъ... Вскорѣ послѣ этого черезъ отца Васильева мнѣ было передано приказаніе Императрицы отправиться въ село Покровское, гдѣ въ то время находился Соловьевъ, и войти съ нимъ въ связь. Провѣрить подлинность этого приказанія я до сихъ поръ не имѣлъ возможности... Согласно полученному приказанію, 13-го марта ст. ст. пріѣхалъ въ село Покровское, посѣтилъ домъ Распутина... однако Соловьева не засталъ... По словамъ семьи Распутина, мнѣ было не безопасно оставаться въ Покровскомъ, и я вернулся обратно въ Тюмень. Для того, чтобы удержаться по близости къ мѣсту нахожденія Царской Семьи внѣ подозрѣнія мнѣ пришлось вскорѣ, при чемъ подчеркиваю, по собственной иниціативѣ, поступить въ формирующійся въ Тюмени красный эскадронъ. Сдѣлалъ я это потому, что считалъ Тюмень узловымъ пунктомъ по отношенію въ Тобольску и памятуя неоднократныя подтвержденія со стороны Маркова II въ Петроградѣ о томъ, что въ Тобольскъ будетъ направлено большое количество офицеровъ для спасенія Царской Семьи... О своей задержкѣ въ Тюмени я немедленно же по условному адресу сообщилъ Маркову II въ Петроградъ. Участь отправленныхъ мною письма и телеграммы мнѣ неизвѣстна.“

Изъ приведеннаго изложенія явствуетъ, что корнетъ Марковъ былъ посланъ въ Сибирь не организаціей Маркова II, а госпожей Вырубовой и дѣйствовалъ не какъ членъ нашей организаціи, а какъ свободно дѣйствующій человѣкъ. Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Рекомендованный лицами, близкими Царской Семьѣ, корнетъ Марковъ первое время пользовался у насъ нѣкоторымъ довѣріемъ, и я не скрывалъ отъ него нашихъ плановъ спасти Государя и Царскую Семью, не скрывалъ и того, что пока не соберу денегъ не смогу этого выполнить. Зная, что А. Вырубова посылаетъ Сергѣя Маркова съ письмомъ и подарками въ Тобольскъ, я просилъ его узнать объ участи офицера Н., посланнаго нами въ Сибирь еще въ сентябрѣ 1917 года, а также присылать намъ всѣ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Тобольскѣ. Для сего С. Маркову и былъ данъ условный адресъ.

Теперь Сергѣй Марковъ утверждаетъ, что онъ послалъ намъ изъ Тюмени письмо и телеграмму... Возможно, что и послалъ, хотя ни письма, ни телеграммы мы не получили. Но если бы этотъ корнетъ серьезно интересовался

связью съ Петроградомъ и дѣломъ спасенія Государя, то конечно не ограничился бы посылкой одного письма и одной телеграммы, просидѣвъ въ Тюмени около трехъ мѣсяцевъ. Самый фактъ его поселенія не въ Тобольскѣ, а за 300 верстъ оттуда въ Тюмени, также страненъ, какъ и объясненіе, что поселился онъ въ Тюмени потому, что помнилъ обѣщанія Маркова II прислать офицеровъ въ Тобольскъ. Все это было тѣмъ болѣе странно, что другія лица, посылавшіяся въ тоже время изъ Петербурга и Москвы, безъ особыхъ трудовъ устраивались и проживали въ Тобольскѣ, отнюдь не вступая на службу въ отряды красной охранки. Какъ бы то ни было, наша организація въ Петербургѣ съ отъѣздомъ С. Маркова потеряла съ нимъ всякую связь и о его дѣятельности въ Тюмени была освѣдомлена лишь черезъ третьихъ лицъ, которыя объ этой дѣятельности давали все болѣе неблагопріятные отзывы. Въ началѣ мая 1918 г. вернулся въ Петербургъ считавшійся нами въ числѣ погибшихъ офицеръ Н., которому удалось видѣть Государя и Государыню на пути ихъ перевоза изъ Тобольска въ Екатеринбургъ и доставить намъ необходимыя свѣдѣнія. Офицеръ Н. о поведеніи корнета С. Маркова далъ отрицательный отзывъ и сообщилъ, что помянутый корнетъ всецѣло подпалъ вліянію провокатора Соловьева и вмѣстѣ съ нимъ не только не содѣйствуетъ, а явно препятствуетъ всѣмъ, кто только не входитъ въ Соловьевскую шайку. Самому офицеру Н. въ присутствіи С. Маркова Соловьевъ угрожалъ выдачей его большевикамъ если онъ, Н. дерзнетъ ѣхать въ Тобольскъ. Провокаторъ Соловьевъ женился на дочери Распутина повидимому только для того, чтобы, войдя въ довѣріе Государынѣ, взять дѣло спасенія въ свою монополію и помѣшать всѣмъ дѣйствительнымъ попыткамъ спасти Царскую Семью. Къ ужасу, это ему удалось. Даже письма изъ Тобольска шли частью черезъ руки этого негодяя. Соловьевъ скрылъ отъ офицера Н. письмо Императрицы, съ просьбой, чтобы лично Ей извѣстный офицеръ Н. скорѣе пріѣхалъ въ Тобольскъ. Лицо, привозившее Государю деньги изъ Москвы (Государь очень нуждался) встрѣтило со стороны бывшаго въ тѣ дни въ Тобольскѣ Серг. Маркова всякія придирки и затрудненія въ сношеніяхъ съ Заключенными и вынуждено было снабдить корнета солидной суммой денегъ, чтобы онъ скорѣе уѣхалъ изъ Тобольска и не мѣшалъ. Получивъ деньги, С. Марковъ тотчасъ отбылъ въ Тюмень. Прохожденіе корнетомъ С. Марковымъ красной службы заслуживаетъ пристальнаго вниманія:

„Дѣятельность моя (пишетъ С. Марковъ) за время пребыванія въ красной арміи, въ сущности говоря, свелась

исключительно къ дачѣ Соловьеву информацій о томъ, что творится у красныхъ въ военной сферѣ... Такъ продолжалось до 5-го апрѣля ст. ст., когда я былъ арестованъ по доносу одного французскаго инженера Бруаръ, долгое время жившаго въ Россіи, **имѣвшаго коммерческія дѣла съ Соловьевымъ...** Изъ подъ ареста мнѣ удалось освободиться только на 17-й день, благодаря чистой случайности. Это мнѣ удалось сдѣлать потому, что за три дня до моего ареста, одна дама, не зная о моемъ знакомствѣ съ Соловьевымъ, представила насъ другъ другу въ антрактѣ въ мѣстномъ театрѣ, что было невольно замѣчено **членами Тюменскаго Совдепа** и въ томъ числѣ Кармашевымъ, находящимися въ тотъ моментъ въ **театральномъ буфетѣ.** Мои доказательства (недавняго знакомства съ Соловьевымъ) подѣйствовали, я вновь очутился на свободѣ. По выходѣ изъ тюрьмы, я... вновь вернулся въ свой эскадронъ, **занялъ въ немъ командную должность и сдѣлался членомъ штаба** Тюменской **красной арміи... Учитывая полную безполезность моего пребыванія въ Тюмени...** а также въ виду того, что районъ Тобольскъ-Покровское былъ занятъ чехо-словацкими частями и казачьими отрядами... я 30-го іюня н. ст. сдавъ эскадронъ, выѣхалъ въ Екатеринбургъ, гдѣ лично 1-го іюля н. ст. при внѣшнемъ осмотрѣ Ипатьевскаго дома убѣдился, что положеніе Императорской Семьи, очевидно, должно быть трагичнымъ и требуетъ немедленной помощи... Тогда стараясь не потерять ни одного дня... я срочно выѣхалъ въ Петроградъ, куда и прибылъ 8 іюля н. ст.“

Въ этомъ повѣствованіи поражаетъ отсутствіе какой либо дѣятельности, хотя бы освѣдомительной въ связи съ положеніемъ Царской Семьи. Мимоходный внѣшній осмотръ Ипатьевскаго Дома въ этомъ смыслѣ ничего давать не могъ... Съ середины марта и по конецъ іюня служба въ Тюменскомъ красномъ эскадронѣ, участіе въ коммерческихъ дѣлахъ Соловьева, веселое времяпрепровожденіе въ театральныхъ буфетахъ въ обществѣ членовъ мѣстнаго Совдепа. И какая блестящая красная карьера! Не успѣли большевики арестовать этого бѣлогвардейца, невѣдомо для чего прибывшаго изъ Петрограда въ Тобольскъ, посѣтившаго Распутинское село Покровское и только что вступившаго въ красный эскадронъ, какъ черезъ 17 дней онъ не только освобожденъ, а сдѣланъ командиромъ боевой части и членомъ штаба красной арміи. Весьма странное совпаденіе: какъ разъ во время ареста Серг. Маркова черезъ Тюмень провозился Государь и Государыня, а эскадронъ С. Маркова сопровождалъ Плѣнниковъ, дабы Они не могли спастись. Корнетъ Марковъ подтверждаетъ свое alibi:

„Эскадронъ подъ моей командой быть не могъ, такъ какъ это время я былъ заключенъ въ Тюменьской тюрьмѣ (выписка изъ тюремнаго журнала, можетъ быть пріобщена къ моимъ объясненіямъ лишь по освобожденіи Россіи отъ большевиковъ)."

Если большевики арестовали корнета изъ боязни его преданности Государю, то какъ могли они, выпустивъ его изъ Тюрьмы, послѣ провоза Плѣнниковъ въ Екатеринбургъ, тутъ же назначить его командиромъ краснаго эскадрона и членомъ штаба армій? Во всякомъ случаѣ, спрятавъ своего краснаго корнета на нѣсколько дней въ тюрьму, члены тюменскаго совдепа избавили его отъ неловкаго участія въ окарауливаніи Государя и Государыни отъ возможныхъ попытокъ спасенія. Поразительна та легкость, съ которой комадиръ эскадрона и членъ штаба красной арміи сдаетъ свой эскадронъ и уѣзжаетъ съ фронта въ Екатеринбургъ и Петроградъ какъ разъ въ то время, когда прибиженіе чехо-словаковъ и казаковъ Дутова дѣлало положеніе красной арміи въ Тюмени весьма опаснымъ. Спрашивается, почему столь преданный Императорской Семьѣ корнетъ С. Марковъ съ апрѣля по конецъ іюня даже не попытался сдѣлать то, что онъ такъ легко сдѣлалъ 1-го іюля, не поѣхалъ въ Екатеринбургъ поближе къ Узникомъ, а когда сдалъ эскадронъ и уѣхалъ съ фронта, то не задержался въ Екатеринбургѣ, а „не теряя ни одного дня" помчался не къ уральскимъ казакамъ, которые были совсѣмъ близко, и могли дать немедленную помощь, а въ далекій Петроградъ, откуда на его письмо и телеграмму за три мѣсяца не было никакого отвѣта и откуда, слѣдовательно, онъ не имѣлъ основанія ждать какой либо скорой помощи. Іюльское путешествіе Сергѣя Маркова въ Петроградъ и оставленіе Екатеринбурга безъ надзора, тѣмъ болѣе странно, что въ концѣ апрѣля изъ Тюмени въ Петроградъ уѣхалъ членъ нашей организаціи офицеръ Н., который не хуже С. Маркова зналъ обстановку и конечно освѣтилъ въ Петроградѣ всю серьезность положенія.

Какъ я уже писалъ въ No 121 Еженедѣльника Высшаго Монархическаго Совѣта, скудость нашихъ средствъ и твердокаменное равнодушіе проявленное почти всѣми, къ кому мы обращались за помощью, затянули отправку небольшого отряда генерала Х. (18 офицеровъ) до конца мая и начала іюня. Доблестный офицеръ Н. былъ конечно въ этомъ составѣ. Къ этому времени проѣзды въ Екатеринбургъ стали чрезвычайно трудны и отряду пришлось продвигаться одиночнымъ порядкомъ кружными и разными путями. Попытка эта конечно не была надлежаще оборудована, и шансовъ на успѣхъ было немного; это была

отчаянная попытка преданныхъ людей и пошли въ нее истинные герои, а не рекламисты и не провокаторы.

Что касается до обвиненій Сергѣемъ Марковымъ меня въ томъ, что будто бы я увѣрилъ его въ могуществѣ и полной готовности нашей организаціи, то это завѣдомая неправда. Конечно, вѣрныхъ людей у насъ было не мало, но отсутствіе денегъ лишало насъ надлежащей и своевременной дѣйственности, что было хорошо извѣстно С. Маркову. Пополнять кассу ограбленіемъ большевическихъ кассъ я не рѣшился, хотя охотники на такія предпріятія находились; быть можетъ, это была ошибка, но въ то время лозунгъ „все позволено“ считался спеціально большевицкимъ. Самъ я проживалъ въ Петербургѣ, перебѣгая съ одной квартиры на другую, мѣняя фамиліи и наружность, по временамъ уѣзжая въ Москву. Если красный эскадронный командиръ и членъ штаба тюменской арміи С. Марковъ, пріѣхавъ 8-го іюля въ Петербургъ, по его словамъ, „искалъ и не нашелъ нитей нашей организаціи, а Марковъ II оказался въ Финляндіи внѣ досягаемости совѣтской власти и карательнаго аппарата большевиковъ“, то только потому, что мы опасались его, какъ активнаго сотрудника провокатора Соловьева, и приняли всѣ мѣры, чтобы онъ повѣрилъ въ полный развалъ нашей организаціи. Въ дѣйствительности, мы работали, не покладая рукъ, до конца.

Живя нелегально въ Петроградѣ съ 28-го февраля 1917 по 8-ое ноября 1918 года, я постоянно сталкивался на улицахъ и въ трамваяхъ съ большевиками и ихъ прислужниками, хорошо знавшими мою наружность и каждую минуту рисковалъ арестомъ, а въ случаѣ ареста, я Марковъ II, никакъ не могъ разсчитывать на благодушное освобожденіе черезъ 17 дней, тѣмъ менѣе на служебные успѣхи по красной части, какъ это было съ моимъ удачливымъ однофамильцемъ. Мнѣ кажется весьма страннымъ, что органъ „легитимнаго“ графа Владиміра Бобринскаго, такъ охотно на слово повѣрившій розсказнямъ бѣло-краснаго корнета, ставитъ мнѣ въ вину отсутствіе жертвенности ради идеи и трусость, якобы побудившія меня скрыться отъ большевиковъ въ Финляндію. При монархіи я не былъ ни придворнымъ, ни титулованнымъ, ни владѣльцемъ латифундій, грудь моя не была украшена орденами, я не былъ чиновникомъ, ни въ какой мѣрѣ я не пользовался царскими милостями, чрезвычайная комиссія товарища Муравьева всячески старалась найти слѣды „темныхъ денегъ“, въ которыхъ, по увѣреніямъ борзописцевъ предреволюціонной печати, я будто бы купался, — но къ великому смущенію своему, обнаружила, что до послѣдняго дня монархіи я

оставался тѣмъ же небогатымъ человѣкамъ, какимъ былъ всегда.

Долгъ спасенія Царской Семьи лежалъ на мнѣ не болѣе, чѣмъ на любомъ вѣрноподданномъ и въ гораздо меньшей степени чѣмъ, напримѣръ, на графѣ Бобринскомъ, камергерѣ Мятлевѣ, князѣ Голицынѣ-Муравлинѣ и многихъ-многихъ знатныхъ и чиновныхъ „легитимистахъ", состояніемъ и карьерой столь обязанныхъ Русскому Царю.

Ни одинъ изъ этихъ „легитимистовъ" пальцемъ не шевельнулъ, чтобы спасти своего законнаго монарха, а когда враждебная легитимной Династіи демократическая газета напечатала пасквильный фельетонъ сотрудника столь навредившей Царской Семьѣ Сибирской шайки, то оффиціальный органъ этихъ „монархистовъ-легитимистовъ" съ великой радостью присоединилъ свой голосъ къ травлѣ и поношенію тѣхъ, кто дѣломъ и словомъ до конца пребылъ вѣрнымъ своему Государю.

На поставленный газетой графа Владиміра Бобринскаго вопросъ: гдѣ правда? отвѣчаю:

— Правда не тамъ, гдѣ черствые себялюбцы и трусы поучаютъ, какъ надо жертвовать своей жизнью.

— Правда не тамъ, гдѣ заговорщики и нераскаянные измѣнники своему законному монарху присваиваютъ чистое имя монархистовъ-легитимистовъ.

Николай Марковъ.

XIII.

„Руль", No 1079-й, 24 іюня 1924 г.

Зарубежные монархисты продолжаютъ усердно между собой переругиваться. Враги Маркова II перепечатали помѣщенное у насъ интересное письмо въ редакцію однофамильца его офицера Сергѣя Маркова, который подробно разсказалъ, какъ Марковъ II спасалъ Государя. На это Марковъ II, какъ и подобаетъ, отвѣчаетъ гнусной руганью по адресу упомянутаго офицера, равно какъ и по адресу „Руля" (кстати, не перепечатаетъ ли на этотъ разъ республиканско-демократическая газета антисемитскія выходки Маркова). Но самое любопытное, какъ Марковъ оправдываетъ свое поведеніе. Онъ настаиваетъ на томъ, что ни чиновъ, ни темныхъ денегъ отъ царскаго режима онъ не получалъ, а потому

> долгъ спасенія царской семьи лежалъ на мнѣ не болѣе, чѣмъ на любомъ вѣрноподданномъ и въ гораздо меньшей степени, чѣмъ напр., на князѣ Голицинѣ-Муравлинѣ и многихъ, многихъ знатныхъ чиновныхъ легитимистахъ, состояніемъ и карьерой столь обязанныхъ русскому царю.

Иначе говоря, долгъ принимается Марковымъ не въ смыслѣ моральныхъ императивъ, а въ смыслѣ уплаты по обязательствамъ. Хороши эти вѣрноподданные монархисты. Очевидно, и выборъ между Николаемъ Николаевичемъ и Кирилломъ Владимировичемъ опредѣляется по тѣмъ же началамъ „долга".

XIV.

Росс. Сов. Федер. Республика. Копія.
Штабъ Красной Арміи
Тюменскаго Совѣта.
No 61.
3-го апрѣля 1918 г.
г. Тюмень.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Предъявитель сего есть дѣйствительно товарищъ Марковъ, командиръ Уланскаго Эскадрона и старшій инструкторъ по кавалеріи, что подписью и приложеніемъ печати удостовѣряется.

за Начальникъ Штаба (подпись) Чувиковъ.
Адъютантъ (подпись) Высоковскій.
М. П.

XV.

Росс. Сов. Федер. Республика. Копія.
Штабъ Красной Арміи
Тюменскаго Совѣта.
No 249.
30-го іюня 1918 г.
г. Тюмень.

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей товарищу Маркову въ томъ, что онъ дѣйствительно занималъ должность командира 1-го Тюменскаго Революціоннаго Уланскаго Эскадрона, старшаго инструктора по кавалеріи и Члена Штаба съ 1-го апрѣля по 1-ое іюля включительно.

Во время нахожденія на службѣ, тов. Марковъ исполнялъ отвѣтственныя порученія, былъ честнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и уволенъ отъ службы по болѣзни, явившейся слѣдствіемъ тяжелой контузіи, полученной на войнѣ, что подписью и приложеніемъ печати удостовѣряется.

Начальникъ Штаба (подпись) Чувиковъ.
Адъютантъ (подпись) Высоковскій.
М. П.

XVI.

Копія.

Росс. Сов. Федер. Республика.
Штабъ Красной Арміи
Тюменскаго Совѣта.
No 240.
30-го іюня 1918 г.
г. Тюмень.

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

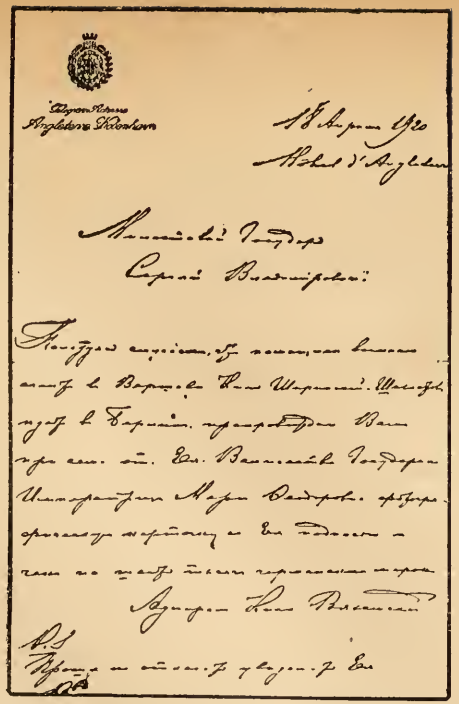
Предъявитель сего бывшій командиръ I-го Тюменскаго Революціоннаго Уланскаго Эскадрона товарищъ Марковъ, уволенный вслѣдствіе болѣзни отъ службы, слѣдующій къ себѣ на родину.

Прошу всѣхъ начальниковъ станцій и эшалоновъ оказывать свое содѣйствіе тов. Маркову въ его поѣздкѣ въ предѣлахъ Россійской Совѣтской Федеративной Республики, что подписью и приложеніемъ къ печати удостовѣряется.

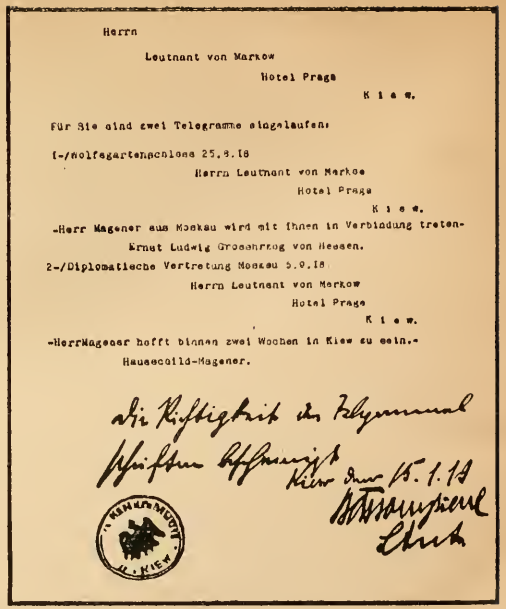
Начальникъ Штаба (подпись) Чувиковъ.

Адъютантъ (подпись) Кашинъ.

М. П.



Письмо адмирала князя Вяземскаго, полученное авторомъ въ апрѣлѣ 1920 г. (см. Приложеніе).



Herrn

Leutnant von Markow

Hotel Prage

K i e w.

Für Sie sind zwei Telegramme eingelaufen:

1-/Wolfsgartenschloss 25.9.18

Herrn Leutnant von Markow

Hotel Prage

K i e w.

-Herr Wagener aus Moskau wird mit Ihnen in Verbindung treten-

Ernst Ludwig Grossherzog von Hessen.

2-/Diplomatische Vertretung Moskau 5.9.18

Herrn Leutnant von Markow

Hotel Prage

K i e w.

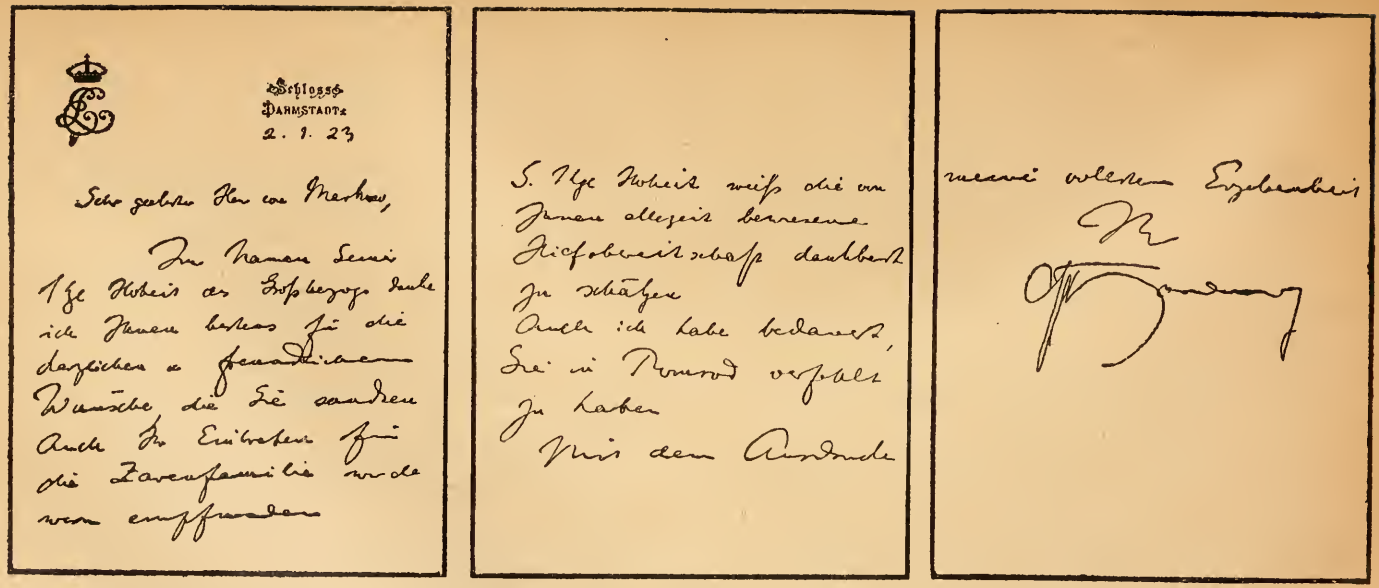
-HerrWagener hofft binnen zwei Wochen in Kiew zu sein.-

Hausecild-Wagener.

die Richtigkeit der Übersetzung

Kiew den 15.1.19

Завѣренныя копіи двухъ телеграммъ, которыя получилъ авторъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1918 г. въ Кіевѣ отъ Великаго Герцога Эрнста-Людвига и отъ Германскаго Дипломатическаго Представительства въ Москвѣ.
(переводъ см. Приложеніе.)



Schlosse
Darmstadt
2. 1. 23

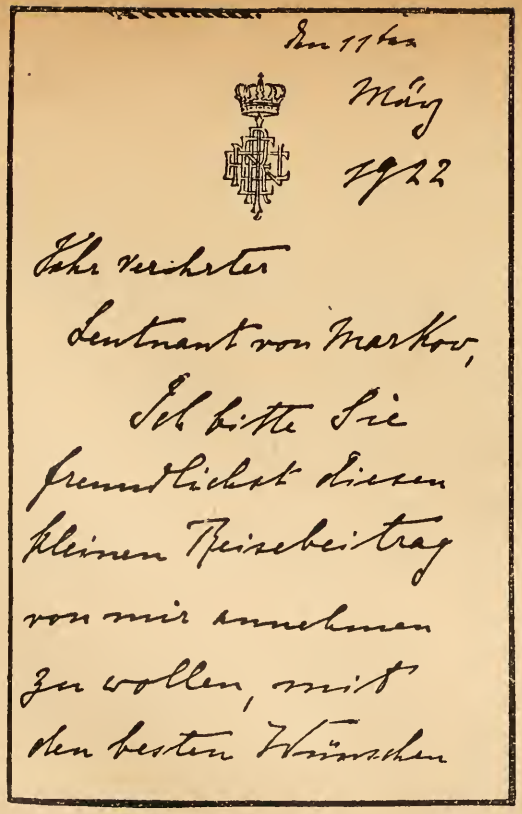
Sehr geehrter Herr von Markow,

Im Namen Seiner
Ihr Hoheit des Großherzogs danke
ich Ihnen bestens für die
herzlichen u. freundlichen
Wünsche, die Sie sandten
Auch Ihr Eintreten für
die Zarenfamilie werde
wenn empfunden

S. Ihr Hoheit weiß die von
Ihnen allezeit bewiesene
Hilfsbereitschaft dankbarst
zu schätzen
Auch ich habe bedauert,
Sie in Romrod verfehlt
zu haben
Mit dem Ausdrucke

meiner vollsten Ergebenheit
Ihr
[illegible]

Письмо Гофмаршала Великаго Герцога Гессенскаго, графа Куно Гарденбергъ, полученное авторомъ въ январѣ мѣсяцѣ 1923. (переводъ см. приложеніе).



Den 11ten März 1922

Sehr verehrter Leutnant von Markow,

Ich bitte Sie freundlichst diesen kleinen Beitrag von mir annehmen zu wollen, mit den besten Wünschen

für Ihre Zukunft.

Irene

Prinzessin Heinrich von Preußen

Собственноручное письмо Е. К. В. Принцессы Ирены Прусской къ автору, полученное послѣднимъ въ Herrenhaus Hemmelmark 11. III. 1922 г. (переводъ см. приложеніе).

Въ книгѣ 50 иллюстрацій.

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО:
AMALTHEA-VERLAG
WIEN, IV.
ARGENTINIERSTRASSE 28